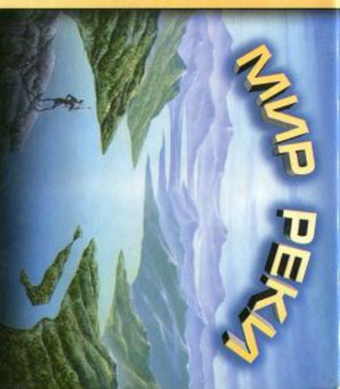
ЛЕГЕНДЫ
МИРА РЕКИ

ФИЛИП ФАРМЕР

ЛЕГЕНДЫ
МИРА РЕКИ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ФИЛИП ФАРМЕР



МИР РЕКИ

Легенды Мира Реки. Тайны Мира Реки: Рассказы

Филип Хосе Фармер

Аннотация
Филип Хосе Фармер. Легенды Мира Реки. Тайны Мира Реки
Легенды Мира Реки
Предисловие
Филип Хосе Фармер. Через темную Реку
1
2
3
4
5
6
7
8
Дэйн Хелстром. Дыра в Аду
Аллен Стил. Благословенная земля
1
2
3
4
5

6
Майк Резник, Барри Н. Мальзберг. Всяк человек Бог
Филип К. Дженнингс. Забавы Мира Реки
Гарри Тертлдав. Два вора
Эд Горман. Рай для дураков
1
2
3
4
5
6
7
Джон Грегори Бетанкур. Веселые молодцы Мира Реки
Роберт Вейнберг. Незаконченное дело
1
2
3
4
5
Б
7
Тайны Мира Реки
Филип Хосе Фармер. Вверх по светлой Реке
1

2
3
4
5
Джоди Линн Най. Коль не по нраву пьеса королю…
Джерри Олшен. Так уж мы устроены
Оул Гоинбэк. Край чудес
Роберт Шекли. Представления Дягилева
Роберт Сэмпсон. Тайные преступления
Брэд Стрикленд. Медаль героя
Джон Грегори Бетанкур. Дух человека, дух жука
Дэвид Бишоф. Дин Уэсли Смит. Не вернуть
1
2
3
4
5
6
7
8
Лоуренс Уотт-Эванс. Старые солдаты
Эстер М. Фриснер. Легенды
Рик Уилбер. Стивен обретает отвагу
Первая подача:. Когда кто-нибудь падает, со-

бирается толпа

- Вторая подача:. Открытая лодка
- Третья подача:. Запрокинутое лицо
- Четвертая подача: об Отваге
- Пятая подана: девушка с улицы
- Шестая подача: чудовище
- Седьмая подача: невеста обретает Отвагу
- Восьмая подача: военный эпизод
- Девятая подача:. «Красные Чулки» Отваги

Роберт Вейнберг. Рулетка в Мире Реки

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.

Филипп Хосе Фармер. Кода

Аннотация

Добро пожаловать в Мир Реки!

В мир самой увлекательной и самой своеобразной саги за всю историю приключенческой научной фантастики!

Добро пожаловать в Мир Реки!

В мир, порожденный полетом воображения первого Великого мастера фантастики нового тысячелетия — Филипа Хосе Фармера! В мир странной планеты, опоясанной миллиономильной Рекой. Рекой, на берегах которой загадочные «творцы» создали «искусственный рай». «Рай», в котором возрождаются все люди, жившие когда-то на Земле. Возрождаются на берегах Великой Реки…

Филип Хосе Фармер
Легенды Мира Реки. Тайны Мира Реки

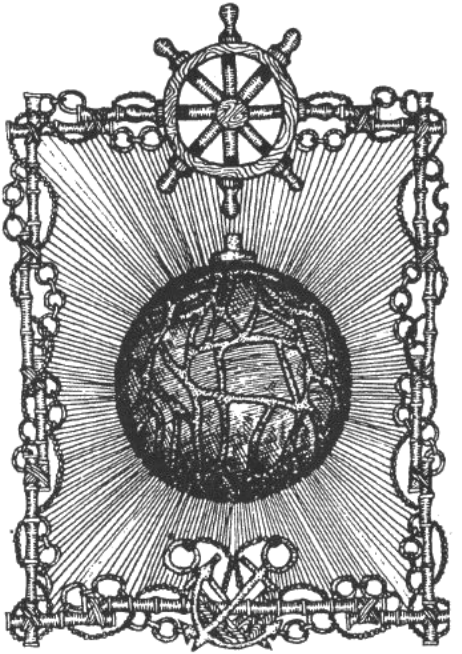
ФИЛИП

ФАРМЕР

Легенды Мира Реки

Тайны Мира Реки

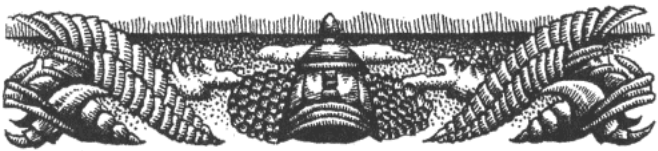
АСТ
издательство
Москва
2002



ЛЕГЕНДЫ МИРА РЕКИ

Легенды Мира Реки

Предисловие[1]



То, что сейчас перед нами — сборник рассказов разных писателей об одной планете. Это — Мир Реки, первый роман о котором был написан мною и опубликован в 1971 г. Первый роман назывался *«Восстаньте из праха».* Второй — *«Сказочный корабль»* появился в том же году. Затем вышли *«Темные замыслы», «Магический лабиринт»* и *«Боги Мира Реки».*

Книга, которая у вас в руках — мировая антология. То есть, в каждом из рассказов действие происходит в Мире Реки, но все они написаны разными авторами. Этим писателям дана была «карт бланш» относительно ситуаций и характеров, но они должны были следовать построению и морали Мира Реки так, как было задано мною.

---

[1] Примечания: 1

Foreword by Philip Jose Farmer Copyright © 1992 by Philip Jose Farmer.

Однако, если действие происходит на планете, где протекает река почти в восемнадцать миллионов миль длиной и которая населена более чем тридцатью шестью биллионами и шестьюстами миллионами человеческих существ, которые жили и умерли на Земле в промежуток со 100 000 до н. э. до 1983 н. э., писатели не особенно связаны.

«Через темную реку» — ведущий рассказ, написанный мною. *«Дыра в аду»* — короткий, но сильный рассказ Дэйна Хелстрома — это имя впервые появляется в печати. *«Забавы Мира Реки»* Дженнингса — первая юмористическая история о Мире Реки, какая только написана. *«Веселые молодцы Мира Реки»* Бетанкура — посвящена герою, хорошо известному в западном мире. Что ж, это кстати. *«Рай для дураков»* принадлежит перу Эда Гормана, хорошо известному писателю детективных сюжетов, и это его первый научно-фантастический рассказ. Главный его герой, как можно убедиться, — автор детективов, хорошо известных в двадцатом веке. *«Незаконченное дело»* Вейнберга, *«Всяк человек бог»* Резника и Мальзберга и *«Два вора»* Тертлдава представляют находчивую добродетель и высокую степень воображения, какие мы вправе ожидать от этих писателей.

А на самом деле я, как один из издателей, отбирая эти рассказы для включения в антологию, очень доволен тем, что они основываются на концепции другого писателя и тех исторических персонажах, о которых они предпочли написать.

Надеюсь, вам эти рассказы понравятся так же, как и мне.

Филип Фармер

Филип Хосе Фармер
Через темную Реку[2]
1

— Как? Ты прописывал лимонный сок, чтобы лечить холеру? Ты вылечивал детей, которые не могли дышать так долго, что их личики становились синего цвета? И молодых женщин в истерическом припадке? Ты засовывал свой мизинец им в задний проход? Presto! Changeo! И они навсегда избавлялись от инфантилизма и от раздражения кожи?

— Что? Вы ищете женщину, которая, как предполагают, родила ребенка где-то на Реке? Ребенка? В этом мире, где все стерильны и ни одна женщина не забеременела? И вы верите, что это правда? А как насчет того, чтобы купить Бруклинский мост?

— Нет? Тогда как же насчет осколка от Истинного Креста? Ха-ха-ха! И вы верите, что этот ребенок, полученный в результате партеногенеза, — Иисус Христос, родившийся снова, чтобы

---

[2] Примечания: 2

CROSSING THE DARK RIVER by Philip Jose Farmer Copyright © 1992 by Philip Jose Farmer

спасти нас, жителей Долины? И вы пустились в путь вверх по Реке, чтобы найти этого младенца? Да за кого вы себя считаете? За одного из Троих Волхвов? Ха-ха!

Вот потому-то доктор Эндрю Пэкстон Дэвис не останавливался подолгу ни на одном месте, пока его не задержал Ивар Бескостный. Он бродил по Верхней Долине, редко останавливаясь, точно как на Земле, где он был бродягой из бродяг. В 1800-х в ранних 1900-х он бродил по многим городам Соединенных Штатов. Там он читал лекции и практиковался в своем искусстве врачевания, а иногда основывал колледжи по остеопатии. Денвер, Колорадо, Куинси, Миссури, Питтсбург, Пенсильвания, Цинциннати, Огайо, Лафайетт и Индиаполис, Индиана, Даллас и Корсикана, Техас, Бэйкер Сити, Орегон, Лос-Анджелес, Калифорния — и многие другие места.

Потом он основал невропатию, эклектическую дисциплину лечения. В ней соединились все лучшие черты остеопатии, хиропрактики, магнетизма, гомеопатии и других систем безлекарственной медицины. Он пропагандировал это вдохновленное Богом Евангелие по всей стране. И написал четыре толстые книги, которыми пользовались остеопаты и офтальмологи и чи-

тались многими лечащими наложением рук по всем Соединенным Штатам.

— Из хождения взад и вперед по Земле и из бродяжничества вверх и вниз по ней.

Это был ответ Сатаны Богу, когда Он спросил:

— Откуда ты взялся?

Так нужно было бы сказать и об Эндрю Пэкстоне Дэвисе. Но Дэвис чувствовал отвращение к Сатане, примером для него был Иов, который «был совершенен и прям, и тем, кто боялся Бога и сторонился зла».

С тех пор, как Дэвис проснулся в Мире Реки, он страдал от мучений Иова. Все же, он не колебался в своей вере больше, чем Иов. Должно быть, этот мир сотворил Бог, но Великий Искуситель тоже здесь присутствовал. Для того чтобы это понять, достаточно взглянуть на здешних жителей.

Жители Мира Реки чаще всего видели во сне потерянную Землю. Единственным исключением был кошмар о массовом воскрешении в День Великого Крика, когда все мертвые кричали одновременно. Ну и звук должен был получиться!

Доктор Эндрю Пэкстон Дэвис часто просыпался, испуская стоны, иной раз крики, стряхивая с себя этот кошмар. Но бывало, что он видел другой сон, который расстраивал его куда больше.

Например, ранним и все еще темным утром пятой годовщины Дня, он болезненно очнулся от внушенного Миром Реки кошмара. Не ужас, но стыд и унижение написали сценарий для этого драматического сна.

Он получил диплом доктора медицины в медицинском Колледже Раша в Чикаго в 1867 году. Но, много лет проработав врачом в сельских местностях Иллинойса и Индианы, он стал недоволен своей практикой. Он всегда был правдоискателем, а тут убедился, что новая наука и искусство лечения, установленные доктором Эндрю Тэйлором Стиллом, повсюду пробивает себе дорогу. Дэвис был одним из первых, кто закончил обучение в заново открытой школе остеопатии в Кирксвилле, Миссури, в 1893 году.

Но, в результате исследований и исканий, он решил, что одной остеопатии недостаточно. Отсюда — его собственная наука и учрежденный им колледж невропатии в Лос-Анджелесе. Когда он умер в возрасте восьмидесяти четырех лет от рака желудка — в его кошмарах повторялась в том числе и та долгая агония — он все еще был главой процветающего медицинского учреждения.

Однако медицинская наука значительно усовершенствовалась со времени его рождения в

1835 до его смерти в 1919 году. И далее она развивалась с невероятной скоростью. Люди из последних лет двадцатого столетия, информировавшие его об этом, рассказывали Дэвису такие вещи, которые звучали чем-то вроде фантастических романов Г. Д. Уэллса.

Тем не менее, в течение первых двух лет его пребывания в Мире Реки он с гордостью рассказывал врачам, которых встречал, о своих знаниях и свершениях. Он также укрепился в вере в новое рождение Спасителя. Так много людей над ним смеялось, что он сделался крайне осторожным в своих рассказах докторам медицины о том, что практиковал искусство излечения. Он хотел бы стать столь же скрытным и в откровенностях о своей задаче непрофессионалам. Но как он смог бы найти Святую Мать и Святое Дитя, если бы Дэвис не рассказывал людям о том, как он их ищет?

Этим утром Дэвис проснулся и лежал весь в поту, причиной которого вовсе не была температура. Через некоторое время он смутно припомнил один сон, предшествующий тому сну, который вызывал насмешки и глумление.

Он стоял на вершине холма возле башни и как раз начал спускаться с холма, когда услышал, что

его зовет король. Дэвис обернулся и посмотрел вверх сквозь сумерки, которые окутывали все его сны. С вершины башни на него пристально смотрел Ивар Бескостный. Как обычно, король слегка улыбается. Рядом с королем Энн Пуллен, королева не только страны Ивара, но и всех шлюх всего мира, высунулась в пространство с верхней стены. Ее обнаженные груди свисали над вершиной камня. Потом она подняла одну грудь и швырнула в Дэвиса.

Внезапно рядом с этими двумя появился Шарко Стряпчий. Шарко, человек, который был бы невероятно несчастен, если бы мог понять, как он отвратителен. Но Шарко неспособен был вообразить, чтобы он мог кому-то не понравиться. Ему не раз давали прочные доказательства: пинки, шлепки, проклятия — в том, что его любят вовсе не все, не раз его жестоко избивали. Все же его ум не воспринимал этих доказательств, а хранил свой собственный образ неоспоримым и несокрушимым.

Эти трое были самыми значительными существами во время пребывания Дэвиса на земле Ивара. Он хотел бы посадить их в ракету и выстрелить ими куда-нибудь в звезды. Таким образом он бы предохранил их от нового возрождения

где-нибудь на Реке — а тем самым, избежал бы новой встречи с ними. Кроме как в своих кошмарах, разумеется.

Позже, через несколько часов после рассвета, Дэвис поднимался на холм к башне, закончив рыбную ловлю в Реке. Он ничего не поймал и потому был в дурном настроении. Вот тут-то он и встретил сумасшедшего, наряженного клоуном.

— Доктор Фаустролл, мы полагаем?

Человек, говоривший до странного ровным голосом, протягивал невидимую визитную карточку.

Дэвис посмотрел на кончики большого и указательного пальцев, как будто бы этот человек действительно держал в них визитную карточку.

— Отпечатана огненными буквами, — объяснил этот человек. — Но, чтобы их увидеть, вы должны обладать огненным сердцем. Однако же, воображаемые овалы лучше всего видны в воображаемом неосвещенном треугольнике. Чем темнее место, тем ярче высвечивается шрифт. Как вы могли заметить, теперь утро, и солнце вполне ярко светит. По крайней мере, так кажется.

Этот тип, как все нездоровые люди Земли, должен был быть воскрешен без малейших следов

умственного заболевания, которым он страдал на Земле. Но он опять сошел с ума.

На его лбу было начертано что-то вроде каких-то математических формул. Круги у глаз раскрашены желтым, а нос — черным. На верхней губе нарисованы зеленые усы. Рот покрыт ярко-красной губной помадой. На груди красовался вытатуированный голубой вопросительный знак. К веревке, свисающей с плеча и до самого живота, привязана сушеная рыба. Его длинные, густые и очень черные волосы были уложены в форме птичьего гнезда, и прическа держалась, слепленная серой грязью.

А когда этот человек наклонил голову, стала видна верхняя часть яйца в этом гнезде. Дэвис легко смог его увидеть, потому что незнакомец был меньше ростом, чем он. От движения головы яйцо не скатилось. Значит, оно, должно быть, приклеено рыбьим клеем к макушке. Деревянное раскрашенное псевдо-яйцо, понял Дэвис, предназначено для того, чтобы думали, будто его снесла кукушка. Вполне уместно. Незнакомец, безусловно, был кукушкой.

Единственной одеждой этого клоуна было большое зеленое полотенце, обвязанное вокруг бедер. Серый цилиндр его грааля помещался повыше

босой ступни. У большинства людей были мешки из рыбьей кожи, вмещавшие нехитрые пожитки. Мешка у этого типа не было, он обходился даже без оружия. Зато нес бамбуковую удочку.

Незнакомец сообщил:

— На Земле мы были король Убу. Здесь мы доктор Фаустролл. Мы действительно заслужили этого повышения. Кто знает? Возможно, мы еще заработаем себе путь на самый верх и сделаемся Богом — по крайней мере, займем его пустующий трон. А в настоящий момент мы — патафизик, доктор патафизических наук, к вашим услугам. Это не особенно удобная степень, в некотором смысле, но во всех смыслах это степень высокая, она включает Фаренгейта и Келвина.

Он начал укладывать свою воображаемую карточку в воображаемый карман воображаемого пиджака.

Дэвис сказал:

— Я ее возьму, — и протянул руку. Если отнестись к этому патафизику с юмором, чем бы ни была эта наука, это, по крайней мере, предотвратит его враждебное отношение.

Дэвис поднял свою руку к обнаженной груди, чтобы изобразить, будто достает визитную карточку из внутреннего кармана пиджака. Он

протянул ее:

— Эндрю Пакстон Дэвис, доктор медицины, Оф. Д., Н.Д., Д.О., Д.Ц.

— А где же остальной алфавит? — спросил Фаустролл, все еще придерживаясь ровного тона голоса. Но притворился, будто взял карточку, прочел ее, затем положил в свой пиджак.

— Я сварил из него суп, — ответил Дэвис. Его голубые глаза подмигнули.

Карие глаза доктора Фаустролла повторили подмигивание, он улыбнулся:

— Теперь, если вы будете так добры, чтобы проводить нас к правителю этого места, неважно, как ее — или его — имя, мы представимся, и, возможно, представим более, чем единственную нашу личность, и попросим места — или мест.

Дэвис вздрогнул:

— Как? Вы не знаете, где находитесь? Стража вас не остановила? Как же вы прошли мимо них?

Доктор Фаустролл указал на невидимый предмет у своей правой ноги:

— Мы пронесли нас через границу в нашем чемодане. Стража его не заметила. Была полночь и облачно. Кроме того, мы дремали.

— Это должен быть очень большой чемодан, если вы в него поместились. Все вы?

— Он очень маленький, но там достаточно места для нас и для нашей совести, — объяснил доктор Фаустролл. — Мы вынимаем совесть из чемодана только тогда, когда намерены ею воспользоваться, что случается не часто. Или когда ее нужно проветрить.

Он поднял грааль одной рукой, а другой — удочку.

Дэвис прикрутил к талии полотенце и взялся за рукоятку своего граальчика. Его хорошее настроение испарилось. Этот тип начинал ему надоедать, а Дэвису не хотелось опаздывать на свидание с королем.

Приняв серьезный вид, он сказал:

— На вашем месте я бы выбрался из этого места как можно быстрее и незаметнее. Если вы этого не сделаете, вы будете работать вместе с теми несчастными — вон там.

Он показал на берег Реки. Фаустролл повернулся, чтобы внимательно рассмотреть массу потеющих, изможденных, орущих мужчин и женщин. Казавшиеся крошечными фигурками на таком расстоянии, они изо всех сил старались втащить или втолкнуть в Реку при помощи бревен с приделанными к ним колесами необработанный блок гранита в форме куба и размером с хорошее

бунгало. Передняя стенка гранита стояла на двух деревянных катках, обильно смазанных рыбьим жиром, таким образом блок погружали в воду.

— Они строят пирамиду под поверхностью Реки? — предположил Фаустролл.

— Неужели вы должны нести такую бессмыслицу? — рассердился Дэвис. — А почему вы не спрашиваете, зачем я даю вам совет убираться отсюда со всей возможной быстротой, с какой только ваши ноги могут вас унести?.. То есть, если вы на это способны, в чем я сильно сомневаюсь.

— Не существует такая вещь, как бессмыслица, — не согласился Фаустролл. — На самом деле то, что вы называете бессмыслицей, содержит куда больше смысла, чем то, что вы называете смыслом. Или, возможно, не существует такой конкретной абстракции, которую мы обозначаем термином — смысл. Но ведь если нет смысла, так нет и бессмыслицы. Мы сказали.

2

Дэвис вдохнул:

— Если вы не возражаете рискнуть тем, чтобы попасть в рабство, и, возможно, подвергнуться пыткам, пошли со мной. Не говорите же, что я не

пытался вас предупредить.

Они стояли на краю покрытой травой, точно ковром, равнины. Теперь они начали подниматься по склону подножья холмов. Дэвис, рыжеволосый человек среднего роста и правильного сложения, за исключением слишком больших рук, вел своего спутника. Сумасшедший шел медленно, потому что он изучал окружающую местность. Хотя горы поднимались прямо до высоты в двадцать тысяч футов, холмы шириной в милю и такой же ширины должны по обе стороны Реки шириной в милю были типичны для большей части русла Реки, но не такова была человеческая деятельность. Многие мужчины и женщины вырезали большие блоки камня из вертикальной поверхности горы и спускали их с подножья. Трава на пути тяжелых предметов была сокрушена, почва помята. Но трава была такая жесткая, что она не гибла.

Недалеко от нижнего края основания горы лежали дополнительные дубовые бревна на колесах, предназначенные для того, чтобы передвигать блоки через долину. Посередине долины несколько групп людей затягивали веревки, повязанные вокруг блоков, а другие люди суетились у задней стороны блоков.

Когда их притащат к краю Реки, их поместят на колеса и спустят в воду.

Как в большинстве мест, за несколько ярдов от берегов Река была мелкой, а берега всего на несколько дюймов возвышались над Рекой. А затем уровень дна внезапно опускался, точно скала, по крайней мере, на милю вниз, где находилось самое дно, где водилось множество рыб самых странных видов.

Не только берег кишел людьми, но и сама Река была полна кораблей и лодок, маленьких и больших. И два громадных деревянных крана на берегу были близки к завершению.

На другом берегу Реки происходило то же самое. Даже за то время, пока Фаустролл наблюдал, два гигантских каменных блока на той стороне соскользнули с колес в воду и исчезли. В потревоженной воде образовалось множество пузырей, которые лопались.

Внезапно Фаустролл догнал Дэвиса.

— Мы не делаем выводов поспешными скачками, — заметил он, — и даже не подходим к ним шагом. Но нам кажется, что это рабочие пытаются заполнить Реку. И не особенно в этом преуспевают.

— Дамбу строят, — объяснил Дэвис. Он ускорил

шаг. — Ивар и тот, другой дурень на том берегу, король Арпад, намерены загородить течение каменными блоками, даже если это займет у них сто лет. Тогда они смогут препятствовать любым судам проскальзывать мимо стражи ночью. И еще они будут брать пошлину с торговых судов, плавающих вверх и вниз по Реке мимо этого места. А еще Ивар думает, что он сможет прорваться через горы к противоположной стороне долины. Он захватит страну на той стороне и будет ею править. А для торговли с другой стороной будет использовать туннель. И еще у Ивара есть мечта, что прорубание туннелей поможет открыть большие месторождения железа. Гордость идет перед неудачей. Он будет страдать участью известного Нимрода, который построил Вавилонскую башню, считая, что сможет завоевать хозяев неба…

— Как же им удается резать гранит кремневыми инструментами? — удивился Фаустролл.

— А им и не удается. Но эта территория благословенна — или проклята — подземными залежами меди и олова. Это единственное месторождение на тысячи миль в любую сторону отсюда. Ивар и его армия викингов и франков захватили эти земли три года назад, вот почему у него есть бронзовые инструменты и оружие.

Поднимаясь на холм, они услышали громкий взрыв — это взорвали скалу черным порохом. Когда они остановились на вершине, они услышали громкий звон. Под ними, за небольшой долиной, виднелся более высокий холм, на вершине его стояла большая круглая башня из гранитных блоков. Ее основание окружал ров.

Под ними двоими в долине виделись кузницы, литейные мастерские, большие плавильни для изготовления руды, содержащей олово и медь, и круглые бамбуковые хижины, где жили рабочие, с крышами конической формы из листьев. Грохот, жара и вонь удушающей волной прокатились по двум наблюдателям.

— Люди притащили с собой с земли ад в это прекрасное место, — сказал Фаустролл. — Им бы искать духовного прогресса, а не материальных выгод и завоеваний. Вот почему, как мы верим, нас поместили в это чистилище. Конечно же, без науки патафизики им не удастся выполнить свою задачу. С другой стороны, влево или вправо, нам неизвестно, не получилось ли это все случайно. Но случайное не обязательно означает бессмыслицу.

Дэвис фыркнул, выразив свое презрение к этому замечанию.

— И что же такое патафизика? — спросил он.

— Друг наш и собрат-доктор, давайте-ка заполним брешь, образованную нашим разговором и нападкам на определение патафизики. Почти невозможная задача, ибо патафизика не может быть объяснена не в патафизических терминах.

Патафизика — это наука о реальности, находящейся за пределами метафизики. Она лежит настолько далеко от метафизики, как метафизика лежит за пределами физики — в одном направлении, или в другом, или, возможно, еще в каком-нибудь. Патафизика — наука особая, о законах, управляющих исключениями. Улавливаете мою мысль до сих пор?

Дэвис только закатил глаза.

— Патафизика, обратите внимание, может быть центром материи, патафизика — наука о воображаемых решениях. Но только воображаемые решения реальны.

Дэвис простонал, как будто получил легкий удар ниже пояса.

— Для патафизики все предметы равны, — продолжал Фаустролл. — Патафизика, некоторым образом, наука хладнокровная. И это тоже — главный вопрос, по крайней мере, один из них. То есть, все предметы патафизичны. И все же

— немногие люди занимаются патафизикой.

— И вы хотите, чтобы я это понял? — спросил Дэвис.

— Не сразу. Возможно, никогда. И вот — последний замок, который требуется завоевать. За пределами патафизики нет ничего. Это последняя инстанция.

— Что означает?

Фаустролл проигнорировал этот вопрос. Вместо этого он провозгласил:

— Она позволяет каждому мужчине, каждой женщине прожить свою собственную жизнь как исключение, не руководствуясь никакими законами, кроме как его (ее) собственными.

— Анархия? Так вы анархист?

— Оглянитесь вокруг. Мир был создан для анархии. Мы не нуждаемся ни в какой власти, кроме своей собственной. И все же люди не позволят нам быть анархистами — пока что.

— Скажите это Ивару, — посоветовал Дэвис. Он засмеялся, потом добавил: — Хотел бы я увидеть его физиономию, когда вы будете ему это втолковывать.

— А-а, но что вы скажете о мозгах, прячущихся за этой физиономией? Есть у него мозги?

— О, мозги у него есть! Но его мотивы, приятель,

его мотивы!

Они опустились с холма и затем поднялись на вершину другого, более крутого и высокого, чем предыдущие. Мост опустился, но у его внешнего конца оказалось много солдат. Большинство из них играли в настольные игры или в кости, вырезанные из рыбьих. Некоторые наблюдали за состязаниями по борьбе и шуточные поединки. Их конические бронзовые шлемы опускались до самого носа и покрывали частично щеки. Несколько человек щеголяли кольчугами, сделанными из бронзы или соединенных вместе деревянных колец. Все были вооружены мечами и кинжалами, у многих были копья. Кожаные щиты, обшитые бронзой, стояли рядом с ними. У специальной деревянной стойки находились тисовые луки и колчаны, полные стрел с бронзовыми наконечниками. Некоторые солдаты говорили между собой на эсперанто, другие — на варварских языках.

Часовые по обе стороны от моста не сделали никакой попытки остановить этих двоих. Дэвис сказал:

— Я королевский остеопат, к королю Ивару. Так как вы со мной, они понимают, что на вас нападать не надо.

— Я люблю, когда на меня нападают, — обиделся Фаустролл. — Кстати, что значит — остеопат?

— Вы никогда не слышали об остеопатии? — Дэвис приподнял свои рыжеватые брови? — Когда вы умерли?

— В День Всех Святых, хотя я не святой в католическом смысле этого слова, в 1907 году. В Париже, который, возможно, вы слышали, находится во Франции, кто знает, на расстоянии скольких световых лет отсюда?

Дэвис сказал только: «А-а!» Это объясняло безумие и вырождение. Он был французом, и, возможно, богемным художником, одним из тех аморальных безбожников, бедолаг, бесчинствующих в трущобах Монмартра или на Левом берегу, или еще где угодно, где только процветала подобная низменная жизнь. Один из этих дадаистов, или сюрреалистов, или кубистов, или как там их называют, чья безумная живопись, скульптура и писанина ясно показывали, что их создатели насквозь прогнили от греха и сифилиса.

В этом мире никакого сифилиса не было, зато греха — хоть отбавляй.

— А мой вопрос? — напомнил Фаустролл.

— Ах, да! Во-первых — это система лечения заболеваний, она основана на распространенной

вере в то, что большинство болезней происходят от давления смещенных костей на нервы и тому подобное. Остеопаты борются с травматическим давлением тем, что устанавливают правильное давление. Разумеется, в ней гораздо больше всего; чем только это. Вообще-то мне редко приходится лечить короля от чего-то серьезного, у него великолепное физическое здоровье. Можно так выразиться, что он держит меня — держит в рабстве, так будет точнее, — как королевского массажиста.

Фаустролл поднял брови и спросил:

— Горечь? Недовольство? Ваша душа, она исходит желчью?

Дэвис не ответил. Они прошли большую прихожую и поднялись по каменным ступеням узкой винтовой лестницы на второй этаж. Пройдя через маленькую комнатку, они ступили в очень большую, высотой в два этажа и очень прохладную.

Бесчисленные отверстия в стенах пропускали сюда достаточно света, но сосновые факелы и лампы на рыбьем жире делали комнату нарядней. В центре на возвышении стоял длинный дубовый стол. Вдоль него расставлены были дубовые стулья с высокими спинками с резными изображениями норвежских символов, богов,

богинь, змей, троллей, чудовищ и людей. Другие столы, поменьше, располагались вокруг большого, а в западной стене находился громадный очаг. Стены украшены были щитами, оружием и большим количеством черепов.

Около десятка мужчин и женщин стояли в ряд, ведущий к громадного сложения мужчине, сидящем на стуле. Сбоку о его стул опиралась дубовая рукоятка бронзового топора.

— Просители и жалобщики, — тихим голосом объяснил Дэвис Фаустроллу. — И преступники.

— А-а, — пробурчал Фаустролл. — Человек с Топором!

— И добавил: — Название одной из наших поэм.

Он показал на красивую блондинку с обнаженными грудями, сидящую на стуле с высокой спинкой за несколько футов от королевского трона.

— А она?

— Королева Энн, первая кобылица в стойле Ивара, — тихо объяснил Дэвис. — Не сердите ее. У этой потаскушки адский темперамент.

Ивар Бескостный, сын полулегендарного Рагнара Волосатая Задница, бывшего премьером-супергероем эры викингов, поднялся со стула. В

нем было, по меньшей мере, шесть футов шесть дюймов роста. Поскольку единственной его одеждой было голубое, как море, полотенце, его массивные плечи, руки, грудь, ноги и плоский перевязанный веревкой живот были открыты. Несмотря на его величину, из-за его быстрых и грациозных движений он больше напоминал пантеру, чем льва.

Единственным его украшением была широкая бронзовая лента вокруг правого предплечья. На ней были изображены три охотничьих рога, соединявшиеся вместе мундштуками и образовывающие трехногую фигуру. Трискелион был священный символ величайшего из северных богов, Одина.

Длинные, волнистые, цвета красной бронзы волосы Ивара ниспадали на его очень широкие плечи. Его лицо во времена земной жизни Дэвиса называли бы «имеющим суровую красоту». Было, однако, в нем что-то коварное. Хотя Дэвис и не смог бы определить эту черту, которая заставляла его вспоминать о Братце Лисе, он всегда видел перед собой этого персонажа, когда перед ним был король.

Ивар не был единственным военачальником девятого столетия после Рождества Христова

во время датского вторжения в Англию. Там правило много местных королей, но обычно английские ораторы двадцатого века знали имя единственного из них. Это был Альфред, которого более поздние поколения будут называть Великим, хотя его сын и внук не меньше заслуживали этого звания. Хотя Альфред спас Уэссекс от завоевания, он не остановил датчан от того, чтобы они захватили большую часть остальной Англии. Ивар был мастером-стратегом в первых датских армиях. Позже он сделался со-королем Дублина вместе с великим норвежским воином-победителем, Олафом Белым. Но династия Ивара правила Дублином в течение многих поколений.

Когда Дэвис и Фаустролл приблизились к королю, Дэвис тихонько предупредил:

— Только не называй его Бескостным. Никто не может назвать его так прямо в лицо, чтобы не пожалеть об этом. Можешь называть его Иваром, хотя, как он мне поведал, в Норвегии его эпохи его имя было Ингвар. Языки меняются: Ингвар стал Иваром. Его прозвище в старой Норвегии было — Беспощадный, но на их языке это звучало похоже на «Бескостный». Более поздние поколения переиначили его прозвище. Но не называй его и «Беспощадным». Если же назовешь, ты об-

наружишь, почему его так прозвали.

3

Доктор Дэвис был удивлен.

Он был уверен, что король сейчас же погонит гротескно раскрашенного и болтающего чепуху француза в загородку для рабов. Вместо этого Ивар велел Дэвису приготовить помещение в башне для Фаустролла, хорошее помещение, не какую-нибудь крошечную и бедную каморку.

— Его научили боги, и он святой. И я нахожу, что он интересен. Последи, чтобы о нем как следует позаботились, и приведи его сегодня вечером на пир.

Хотя эта обязанность была привилегией королевского стюарда, Дэвис не стал возражать. И даже не спросил Ивара, что он имел в виду, ссылаясь на богов. На Земле Ивар был высоким жрецом скандинавского бога Одина и продолжал ему служить, пока за несколько лет до смерти не был крещен и не перешел в христианскую веру.

Дэвис считал, — возможно, этот напоминающий лиса датчанин решил, что ему не повредит это сделать. Ивар был человеком, способным использовать все лазейки. Но после того, как он

воскрес на Реке, викинг отверг обе религии. Тем не менее, на него до сих пор оказывали влияние обе, но куда сильнее та вера, которой он придерживался большую часть жизни.

Ивар отдал свое распоряжение на родном языке, вместо эсперанто. Ивар называл эсперанто «этот монотонный, регулярный, скрипучий и грубый язык». Дэвис достаточно хорошо выучил древненорвежский, чтобы общаться с ним. Две трети говорящих на этом языке происходили из Дублина, где Ивар был королем викингской твердыни, пока он не умер в 873 году. Но большинство из этих людей были наполовину ирландцами, и на них в одинаковой степени влияли германский норвежский и кельтский гэльский. На последнем Дэвис умел говорить, хотя не так хорошо, как по-норвежски.

Так как франки составляли одну четвертую населения Иварова королевства, будучи возвращены к жизни на той же территории, что и датчане, Дэвис немного знал и этот язык. Франки явились сюда из эпохи Хлодвига (умер в 511 г. н. э., в Париже), известный последующим поколениям как Кловис I. Он был королем западных, или салианских франков и завоевателем северной части римской провинции галлов.

Эндрю Дэвис и Энн Пуллен, королева Ивара, были единственными англоговорящими людьми в этом королевстве, кроме нескольких рабов. Дэвис разговаривал с ней только тогда, когда не мог этого избежать. Это бывало нечасто, потому что она любила, чтобы он постоянно давал ей сеансы лечения, во время которых она делала все, что могла, чтобы расстроить его подробными историями многочисленных своих сексуальных встреч и извращений. И она нагло настаивала на том, чтобы он массировал ее груди. Дэвис отказался делать это и нашел поддержку у Ивара, которого, кажется, развлекала эта ситуация.

Никогда Энн Пуллен не признавалась Дэвису, что ей известно, с какой силой он ее ненавидит. Оба, однако, прекрасно знали, как каждый из них относится к другому. Единственным препятствием для нее отправить его рабом в каменоломни был Ивар. Хотя он слегка презирал Дэвиса, в глубине души он его любил. Он и уважал американца за его знания, особенно в области медицины, и любил слушать рассказы Дэвиса о чудесах его эпохи, о стальных лошадях, движущихся при помощи пара, о беспарусных кораблях, о телеграфе и радио, об автомобиле, аэроплане, о громадных состояниях, награбленных американскими

баронами и о фантастической водопроводной системе.

О чем Дэвис никогда не рассказывал Ивару, так это о том, что говорили ему врачи конца двадцатого столетия, которых он встречал — к его огорчению. То есть, то, что многое из лечения пациентов на Земле, введенного им, было основано на неверной медицинской информации. Однако Дэвис был убежден, что его невропатическое лечение, не использовавшее лекарств, оказало пациентам неизмеримые услуги. Безусловно, уровень их выздоровления был выше, чем у тех пациентов, которые прибегали к традиционным докторам и методам лечения.

С другой стороны, врачи допускали, что в области психиатрии, уровень излечения душевнобольных африканскими врачами-колдунами был таким же, как и уровень пациентов психиатрических больниц. Это допущение, считал он, или недооценивало медицину двадцатого века, или переоценивало колдунов-докторов.

Некоторые из его информаторов допускали, что большое количество физически больных людей поправляются без помощи врачей, или — могли бы поправиться без таковой.

Дэвис объяснял это раскрашенному безумцу

по пути в его комнату, хотя его и раздражало то, что ему приходится оправдываться. Фаустролл, кажется, не особенно интересовался. Он только пробормотал:

— Знахари — обманщики. Все обманщики. Единственные истинные целители — это мы, патафизики.

— Я все еще не знаю, что такое патафизика, — сказал Дэвис.

— Она не нуждается ни в каком вербальном объяснении. Только понаблюдайте за нами, переведите наши физические движения и вербальные выражения в свет правды, векторы четырехмерной ротации в фоны правдивости.

— Братец, да тебе нужно иметь разумное основание для твоей теории, и ты должен выражать ее в ясных логических терминах!

— Красно твое лицо, но холодно в комнате!

Дэвис поднял руки над головой:

— Сдаюсь. Не знаю уж, почему я вообще обращаю внимание на то, что ты говоришь! Мне бы следовало быть поумнее. Все же…

— Все же ты способен оценить, хотя и как в тумане, что истина исходит из моих слов! Ты не хочешь этого признавать, но не можешь не признать. Это хорошо. Большинство безволо-

сых двуногих обезьян не имеет ни намека на это, никак не отзываются. Они, точно тараканы-пруссаки, потерявшие усики, а потому не могут ничего ощущать, пока не уткнутся своими хитиновыми головами в стену. Но шок от столкновения заставляет онеметь даже более слабые органы, при помощи которых они мыслят.

Фаустролл взмахнул своей бамбуковой удочкой в сторону Дэвиса, вынуждая его отступить, чтобы не получить по носу костяным крючком.

— Теперь я пойду поищу жидкие тела для тех, кто дышит жабрами.

Фаустролл вышел из комнаты. Дэвис пробормотал ему вслед:

— Надеюсь, пройдет много времени, пока я увижусь с тобой снова.

Но Фаустролл был вроде дурной мысли, которую никак нельзя отогнать из головы. Через две секунды он уже снова пробрался в комнату.

— Мы не знаем, какова была история королевского остеопата на Земле, — спохватился Фаустролл, — или каков был твой квест, твой светящийся грааль. Есть один постоянный грааль — это Истина. Но есть и временный, и он может превратиться в постоянный (если вообще имеется что-нибудь постоянное), грааль, или

необходимые предметы. Или золотое яблочко — это ответ на вопрос: Кто воскресил нас, поместил нас сюда — и почему? Извини. Это не вопрос, это вопросы. Конечно, ответ может быть и такой, что это вообще не имеет значения. Даже если так, нам бы хотелось знать. И опять-таки, как ты сможешь найти ответы на все эти вопросы, если ты не мог их найти на Земле?

Возможно, существа, которые ответственны за этот Мир Реки, знают ответы, которых мы так отчаянно искали на Земле. Мы убеждены, что эти существа из плоти и крови, хотя плоть может не быть протеином, а кровь может не содержать гемоглобина. Не то что Бог, который, если Он и существует, есть дух, и таким образом у него отсутствуют органы для образования звуковых волн, хотя Он, кажется, вполне способен производить гром и молнию и катастрофы, и, таким образом, должен быть способным образовывать собственные приспособления для устной речи, — не то, что Бог, эти существа должны иметь уста и языки, зубы и, некоторым образом, руки. А потому они смогут нам сказать то, о чем мы хотим знать. Если мы сможем их найти. Если они захотят открыться.

Это наша теория — а мы никогда не теоре-

тизировали беспомощно — наша теория, что Река со всеми своими поворотами и извивами образует гигантский иероглиф или идеограмму. И он будет, не то что иероглифы древних майя или египтян, его тотчас можно будет понять. Откровение придет со светом понимания, а не с падением звезд луны тогда, когда луна станет кроваво-красной, а планеты расколются надвое, и не с приходом Зверя, чей номер 666, и всех этих образов, пробужденных Святым Иоанном.

Дэвис заговорил куда более горячо, чем рассчитывал:

— Чушь! В нашей первой жизни вера, и только вера имела ответы, вера в божественный труд, как сказано в Библии. Как на Земле, так и здесь.

— Но здесь-то нет Святого Писания!

— Есть — в нашем сознании! — громко возразил Дэвис.

— Оно записано здесь! — и он постучал пальцем по виску.

— Как тебе известно, никакая жизнь после жизни, описанная в любой религии, не похожа на эту. Однако мы не спорим. Мы утверждаем истину и движемся дальше, оставляя истину позади себя — но также и неся ее с собой. Но истина достигнута тогда, когда человек перестает размышлять.

Это сделать тяжело, признаем. И все же, если мы способны подумать о том, чтобы оставить мысль, мы сумеем перестать думать. Таким образом, когда барьер к постепенному ментальному осознанию сдвинут, молекулы истины проникают в диафрагму.

— Безумие! Чистое безумие! И богохульство!

Фаустролл стал выходить из двери. Оглянувшись через плечо, он сказал:

— Мы идем, и все же это иллюзия. Память об этом событии остается в памяти. Так что — мы все еще здесь, мы не ушли.

Эндрю Дэвис вздохнул. Ему, конечно, приходилось мириться со многими вещами. И почему он только не дал французу уйти и продолжать свое паломничество вверх по Реке? Почему? Для этого у него были веские причины. Во-первых, если бы француза поймали шатающимся во владениях Ивара, его бы сделали рабом — и, возможно, высекли бы. Во-вторых, если бы он все-таки выбрался из границ королевства, он все-таки не был бы в безопасности от того, что его не поймают через несколько дней. Королевства на протяжении пятидесяти миль вверх по Реке заключили между собой соглашение возвращать рабов в те государства, откуда те сбежали. В-третьих, он мог бы

предпринять гарантированно надежный способ освобождения. Но для этого ему нужно совершить самоубийство. И тогда он воскреснет где-нибудь далеко, но мысль о том, чтобы покончить с собой, слишком тяжела, чтобы ее осуществить.

Но, хотя сознание его знало, что он будет снова жить, тело отказывалось этому верить. Его клетки яростно сопротивлялись идее самоубийства; они настаивали на том, чтобы выжить. Более того, он отвергал идею самоубийства, хотя она имела вполне рациональную основу. Как христианин он совершит грех, если убьет себя. Все ли это еще грех в Мире Реки? Он сильно в этом сомневался. Но его непредрасположенность к такому концу в течение всей его долгой жизни заставляло Дэвиса действовать так, как если бы это действительно был грех.

Кроме того, если бы Дэвис покончил с собой, у него было столько же шансов быть воскрешенным в нижнем течении, сколько и в верхнем. Если бы такое случилось, он был бы вынужден проходить через ту самую территорию, где уже бывал. И его снова могли бы захватить и обратить в рабство в любом из сотни штатов, прежде чем он доберется хотя бы до страны Ивара.

Если бы он проснулся далеко выше по Реке,

Дэвис оставил бы цель своего квеста позади. И до того, как он дошел бы до самого конца Реки, он так и не узнал бы, то проскочил через место своей цели. И тогда ему придется снова проделать весь путь с самого начала.

А что если история о женщине, которая дала жизнь ребенку в долине Реки, была ложной? Нет, этого Дэвис не допускал. За его исканиями стояла не только вера, но и логика. Этот мир был окончательным испытанием для тех, кто верит в Иисуса как спасителя. Пройди это испытание — и следующая ступень будет настоящим Раем. Или истинным Адом.

Церковь Второй Попытки имеет некоторые ложные доктрины, и это — очередная ловушка, расставленная Сатаной. Но Дьявол достаточно изощрен, чтобы просунуть некоторые истинные доктрины среди ложных. Сторонники Второй Попытки не ошибаются, когда претендуют на то, что этот мир предложил всем душам человеческим еще одну возможность очиститься от духовной грязи. Но что эта церковь проглядела или преднамеренно проигнорировала, так это то, что она давала и Сатане вторую возможность заграбастать тех, кто избежал его когтей на Земле.

Дэвис посмотрел в широкое сводчатое застек-

ленное окно. С высоты, на которой он находился, он мог видеть холмы, равнину и Реку, а также холмы, равнину и горы на противоположном берегу. Арпад (умер в 907 году н. э.) правил территорией длиной в двенадцать миль. Он был вождем семи монгольских племен, называемых мадьярами, которые оставили бассейн реки Дон в 889 году н. э., те места, где расположится впоследствии Россия, и мигрировали к западу, к Паннонийской равнине. Это была область, которая впоследствии станет Венгрией. Арпад воскрес среди того населения, которое было частично древними аккадами, а частично юго-восточными азиатами из каменного века, и еще с десятью процентами самых различных людей. Хотя он был мадьяр, принадлежа к меньшинству здешнего населения, он стал королем благодаря силе его личности и своим безжалостным методам.

Арпад был союзником Ивара, и кроме того партнером по проекту дамбы. Его рабы трудились дольше и в более тяжелых условиях, и с ними обращались куда более жестоко, чем с рабами Ивара. Норвежец не был так свиреп и более великодушно обращался с рабами. Он не хотел доводить их до восстания или до самоубийства. Рабы Арпада бунтовали дважды, и, число само-

убийств было среди них гораздо выше, чем среди рабов Ивара.

Кроме того, Ивар не доверял Арпаду. Этого следовало ожидать. Ивар не доверял никому, и у него были причины не полагаться на мадьяра. Его шпионы докладывали ему, что Арпад в пьяном виде хвастался — а пьяным он бывал частенько — что убьет Ивара, как только дамба будет построена.

Если норвежец и собирался прибегнуть к оружию и убить Арпада первым, он об этом молчал. Хотя временами он сильно пил, но язык свой придерживал. По крайней мере, он исходил из интересов государства.

Дэвис же был убежден, что один из двух королей не собирается ждать окончания работ по строительству дамбы. Когда-нибудь, возможно, в течение двух последующих лет, один из них нападет на другого. Дэвис, по принципу, что из двух зол следует выбирать меньшее, надеялся, что Ивар одержит верх. В идеале, хорошо бы, чтоб каждый из них сверг другого. Что бы там ни случилось, Дэвис намеревался бежать с этой территории в сумятице битвы.

4

Должно быть, Дэвис смотрел в окно дольше, чем ему казалось. Фаустролл покинул башню и спускался с холма, держа удочку на плече. И за несколько шагов позади него пробиралась неизбежная шпионка. Женщина по имени Гроа. Она тоже несла удочку, и Дэвис наблюдал, как она позвала француза. Тот остановился, и они начали беседовать. Через минуту они уже шагали к Реке бок о бок.

Гроа была рыжеволосая красавица, дочь норвежского викинга из девятого столетия, Торстейна Рыжего, сына Олафа Белого, и странной женщины Ауд Глубокомысленной. Торстейн был убит в сражении после того, как завоевал северную часть Шотландии. Именно это событие заставило Ауд эмигрировать в Исландию и сделаться предшественницей большинства исландцев двадцатого века.

Без сомнения, Торстейн жил где-то на Реке и воевал с какими-нибудь врагами, пытаясь захватить над ними власть — или, в ином случае, он воевал, чтобы не дать врагу власти над собой. Власть была главной действующей силой чело-

вечества на Земле. Как на земле, так и здесь. До сих пор. Пока Спаситель — Спасительница? — не вырастет и не выполнит волю Божию над Его созданиями.

Должно быть, Ивар приказал Гроа, чтобы она завлекла француза. Ей требовалось узнать, правдива ли его история. Хотя король, казалось бы, принял Фаустролла как имеющего для него ценность, он, наверное, задавал себе вопрос, не послан ли этот человек Арпадом, чтобы убить его. Гроа его испытает, прощупает и, если будет необходимо, пойдет на то, чтобы переспать с ним. Она — похотливая бабенка. После она обо всем доложит Ивару.

Дэвис вздохнул. Что за жизнь эта жизнь после смерти! Почему нельзя устроить так, чтобы каждый жил в мире и доверии. Если уж люди не могут все полюбить друг друга, они могли бы, по крайней мере, быть терпимыми.

Нет, они не способны на это по той же причине, по какой не могли так жить на Земле. Это в натуре у Homo Sapiens. Во всяком случае, в натуре большинства мужчин и женщин.

Но… здесь их условия так отличаются от земных! Все так устроено, что никто не должен тяжко трудиться ради хлеба насущного, никто

не нуждался в доме и прочих предметах первой необходимости. Если бы люди могли все быть пацифистами, если бы они были честными и сочувствовали друг другу, не нужно было бы, чтобы ими управляли другие. А француз-то прав, хотя Дэвису не хотелось бы признаваться в этом даже самому себе. Предоставленная новому типу людей, анархия могла бы здесь быть полезной.

Очевидно, кто бы ни поместил сюда человечество, он устроил Долину Реки так, что люди, не нуждаясь в том, чтобы проводить много времени за работой, имели достаточно времени, чтобы совершенствовать себя духовно. Но только те, кому-то понятно, стали бы совершенствовать себя, изменились бы к лучшему и дошли бы до любой стадии, которую приготовил для них Кто-то.

Этот Кто-то, однако, должен быть Бог. Дэвис в этом ни капли не сомневался, для него вовсе не было тайной идентификация создателя этого места. Большой тайной было только то, почему он устроил этот промежуточный дом для однажды умерших вместо райского обиталища, описанного в Библии.

Для себя Дэвис допускал, что Библия довольно туманно описывала особенности этого убежища для спасенных, для святых. Она куда конкретнее

относительно жилища грешников, проклятых.

Почему же, если столь многие люди ропщут, Бог не дал им какого-то утешения? Какого-то знака? Какого-то маяка, к которому люди могли ринуться как мотыльки могут лететь к свету? Хотя это и не лучшее из сравнений, теперь Дэвису оно пришло на ум. В любом случае, где знак, маяк, писание в небесах?

Дэвис знал. Это рождение ребенка у девственницы. В мире, где мужчины и женщины стерильны, одна женщина составила исключение. Она забеременела от Святого Духа и зачала. Бог совершил чудо. Младенец, как говорили, женского пола. Сначала, услышав это, Дэвис был шокирован. Но, спокойно поразмышляв на эту тему и призвав на помощь логику, попытавшись преодолеть свое первоначальное представление, он сделал вывод, что не следует расстраиваться или лезть на рожон. На Земле Спаситель был мужчиной. Здесь — женщина. Почему бы и нет?

Бог справедлив, а он, Дэвис, кто такой, чтобы допрашивать Божественное Существо?

— Дэвис! — позвал его сзади грубый голос. Он подскочил и резко крутанулся, больно ударившись головой.

На пороге стоял Шарко-крючкотвор, вечный и

верный раб, о ком Дэвис грезил ночью.

— Подними свою задницу, Дэвис! Великая Блудница Вавилонская желает, чтобы ты провел с ней сеанс лечения! Живо!

— Вот скажу я королеве, как ты о ней отзываешься, — пообещал Дэвис. Он вовсе не собирался этого делать, просто хотел посмотреть, как побледнеет этот льстивый тип. Что он и сделал.

— А, так она тебе не поверит, — сказал раб. — Она терпеть тебя не может. Скорее уж мне поверит, чем тебе. Да и сомневаюсь я, чтобы она была оскорблена. Примет это за комплимент.

— Если бы это не было противно моей натуре, я дал бы тебе сапогом в зад, — заметил Дэвис.

Раб, цвет лица которого восстановился, фыркнул, повернулся и, хромая, начал спускаться в зал. Дэвис вышел из комнаты. Он наблюдал за этим человеком, спускаясь вслед за ним. Хотя Шарко был воскрешен в возрасте своих двадцати пяти лет, а зрение его восстановилось до единицы, теперь он представлял собой настоящую развалину. Сломанная в нескольких местах правая нога никак не срасталась, нос его так и не восстановился после того, как сместилась переносица. Он не мог как следует дышать из-за своего носа и из-за того, что у него все еще были смещены

несколько ребер. Один глаз был выбит — и так и не восстановился полностью. Лицо его постоянно перекашивалось и дергалось от тика.

Все это происходило из-за того, что его избили рабы, над которыми он служил надсмотрщиком. Не в состоянии больше терпеть его удары, пинки и другое несправедливое обращение, они поработали над ним однажды поздней ночью — и таким образом выпустили наружу свою ненависть к нему. В его хижине оказалось слишком темно, чтобы он мог опознать напавших, хотя он, как и все остальные, знал тех из своих людей, которые были злоумышленниками. Если можно было бы по справедливости считать их злоумышленниками. Большинство можно было так назвать, хотя их поступок был оправдан как самозащита.

Ивар тоже так решил, когда он выслушал свидетелей. Он решил, что Шарко нарушил правила, установленные королем. Эти правила были введены ради эффективности труда, вовсе не из человечности. Но они были нарушены, и спина Шарко кровоточила от сорока ударов плетки из рыбьей кожи. Все рабы надсмотрщика наносили ему по удару. Наблюдая за процессом, Ивар остался весьма доволен.

Шарко тогда опустился в звании до раба в ка-

меноломнях. Но его увечья не позволяли ему работать хорошо, и через шесть месяцев его назначили башенным рабом. Помимо прочих обязанностей, Ивар пользовался им как скамьей, когда ему хотелось присесть в таком месте, где стул был недоступен.

Крючкотвором же его прозвали из-за рассказа одного из его земных клиентов, который ныне оказался гражданином Иварова королевства. Клиент этот рассказывал, как Шарко обвел его вокруг пальца, и он, клиент, не смог найти в суде справедливость. Этот бывший клиент был среди тех, кто избивал Шарко.

Крючкотвор был достаточно нескромен, чтобы поделиться с некоторыми приятелями своими планами мести тем, кто так несправедливо с ним поступил. Хотя Дэвис и не думал, что он заслужил ненависть Шарко, он был среди намеченных для какой-то ужасной мести. Крючкотвор был не настолько полон бахвальства, чтобы говорить даже о том, что отомстит Ивару. Он знал, что произойдет, если король услышит об этой угрозе.

Шарко согнул спину, подволакивая одну ноги и бормоча что-то себе под нос, продолжая идти через зал. Он был истинный Калибан, как подумал Дэвис, шагая вслед за этим чудовищем по залу к

крутой винтовой лестнице.

Дэвис чувствовал себя крайне неуютно. Ему казалось, что события в этом королевстве близки к точке кипения. Назревающий конфликт меду Арпадом и Иваром, появление гротескного и беспокойного Фаустролла, рост напряженности между ним, Дэвисом, и королевой, да еще ненависть Шарко добавляла к ситуации кое-что, от чего она могла кончиться взрывом в любое время. Дэвис это чувствовал. Хотя логически он не мог предсказать, что извержение вулкана произойдет скоро, он его предвидел.

Или, возможно, это ощущение было вызвано его внутренними конфликтами. Он сам готов был разорваться изнутри — и исчезнуть, так как очень уж хотел дождаться подходящего момента для бегства.

На Реке ждали его мать-девственница и младенец. Они-то этого, конечно, не знали. Но Дэвису предстояло сыграть большую роль в событиях, которые приведут к открытию второго Спасителя в этом мире. Хотя, вероятно, было чистой воды эгоизмом так думать, но Дэвис был в этом убежден.

Он вошел в большую комнату, где ждала его королева Энн. Она лежала на остеопатическом

столе, который сконструировал Дэвис. Но, обнаженная и распростертая там, она выглядела так, как будто бы ждет любовника. Две ее прислужницы хихикнули, когда увидели Дэвиса. Они были чернокожими, а на Земле прислуживали арабской семье начала двадцатого века. После воскрешения они прожили свободными всего год, а теперь снова стали рабынями.

Они должны были сочувствовать Дэвису, наблюдая его унизительные обязанности. Вместо того они развлекались.

5

— Помассируй мне мышцы бедер с внутренней стороны, — велела Энн. — Они у меня немеют.

Она говорила тихо, а между фразами громко смеялась. Ее необычайно яркие цвета зеленых листьев глаза не отрывались от лица Дэвиса. Хотя он старался сохранить на своей физиономии невыразительность, ему очень хотелось рявкнуть на нее, плюнуть ей в лицо, а потом пусть бы его вырвало прямо на ее тело. Иезавель! Алая Женщина Великая Блудница Вавилонская!

— Когда постоянно лежишь на спине, вращая тазом, надолго задрав кверху ноги, эти мышцы

очень перегружены, — объяснила она. — И почти такое же напряжение, когда я сверху. Иногда мне приходится отдыхать между постоянной крутней вниз-вверх и вращением бедрами. Но потом я опускаюсь на него сфинктерной мышцей, так что по-настоящему я передышки-то не получаю. Ведь это сфинктер, да, доктор?

Дэвис так хорошо знал человеческое тело, что ему не надо было смотреть, что он делает в данный момент. Он отвернулся от нее, полузакрыл глаза, продолжал мять ее плоть. Какая у нее мягкая кожа! Какие мускулы! Иногда, если он находился в подобном полудремотном состоянии между сном и явью, он осознавал, что его пальцы работают с плотью. Не ее плотью, разумеется. Такой рефлекс происходил из-за памяти пальцев, помнивших тысячи тел, с которыми он работал на Земле.

— Не придвигайся слишком близко к личной собственности короля, — предостерегла она. — Дотронешься до нее — и король может тебе руки отрубить.

Если бы он так поступал, подумал Дэвис, десятки мужчин в этом королевстве стали бы безрукими.

— Не больно-то ты мужчина, — заметила ко-

ролева. — Настоящий мужской член поднял бы это полотенце до самой талии, так что край бы разорвался.

Девчонки-рабыни захихикали, хотя не понимали по-английски. Но они долгое время слышали подобные фразы на эсперанто. Они поняли, что королева говорит что-то колкое и унижающее.

Дэвис представил себе, как его руки смыкаются вокруг горла королевы. Много времени не потребовалось бы.

— О, Господи! — начал он молиться сразу же. — Избавь меня от подобных грешных мыслей!

— Может быть, — предложил он, — помассировать тебе колени? Они, кажется, очень напряжены.

Энн нахмурилась и уставилась на него тяжелым взглядом. Потом улыбнулась и рассмеялась:

— О! Так ты предлагаешь?.. Да, сделай это. Я провела много времени на коленях. Но когда они на подушке, это не так трудно.

Однако вместо того, чтобы прийти в ярость, как он ожидал, она развеселилась. Кроме того, королева выглядела в каком-то смысле торжествующе, как будто бы специально добивалась, чтобы он сказал что-то оскорбительное для нее, даже косвенный намек был победой. Однако,

возможно, она вовсе не рассматривает его реплики как оскорбление. Шлюха вполне могла бы подумать, что он делает ей комплименты.

А ему-то какое дело до того, что она думает? Если быть честным перед самим собой, для него это значило много. Если бы ее не останавливал Ивар, она могла бы устроить ему невыносимую жизнь, мучить его, сделать с ним или ему все, что хотела. Дэвис не слышал о том, чтобы она была жестокой, за исключением поддразнивания в сексуальном плане, которое нельзя ставить в один ряд с убийством или пытками. Но Дэвис не имел гарантии, что она не сможет такой стать. Особенно в обращении с ним.

Энн Пуллен была его землячка, американка, хотя всегда вызывала у него тошноту. Энн родилась около 1632 года в Мэриленде, в семье квакеров, но, когда члены ее семьи вместе с остальными перешли в епископскую церковь, она отправилась в ад. Это были ее собственные слова. Четырежды она была замужем за владельцами табачных плантаций в Виргинии и Мэриленде. Она пережила всех своих мужей.

И неудивительно, думал Дэвис. Она любого мужчину изведет, если не своими непрекращающимися сексуальными требованиями и

неверностью, так темпераментом и своеволием.

Большей частью она жила в Вестморлендском графстве, Виргиния, между Потомаком и рекой Раппаханнок. В ее эпоху в этой области была масса густых лесов и больших болот, но дороги отсутствовали. Путешествовать можно было главным образом по реке или по ручьям. Да и плантации не напоминали то, во что они превратились позднее. Там не было красивых, снабженных большим количеством колонн построек и широких хорошо содержавшихся лужаек. Дома собственников были скромными, конюшни сложены из бревен, а куры и свиньи бродили по двору. Воровство свиней было обычным дело даже для собственников плантаций. Деньги были редки, главной единицей для расчетов служил табак. Люди обладали необычайно горячим темпераментом и любили судиться, хотя неизвестно, почему.

По собственному своему свидетельству Энн была однажды приговорена к десяти ударам плеткой по обнаженным плечам из-за ее клеветнических и скандальных речей против некоего мистера Пресли. Кроме того, однажды она напала на жену своего брата голыми руками.

Было зафиксировано в Книге Записи Событий

графства в 1677 году, что Энн Пуллен поощряла свою дочь Джейн стать «самой примечательной и заметной шлюхой в Виргинии». Но Дэвис вынужден был допустить, что в строгом смысле этого слова она вовсе не была шлюхой. Она прелюбодействовала потому, что ей это нравилось, и денег за это не брала.

В Книге Записей также говорится, что мать Джейн, Энн Пуллен, развратила собственную дочь тем, что поощряла ее совершать адюльтеры и опрокидывать весь институт брака.

Муж дочери, Морган Джонс, более чем однажды (как зафиксировано в суде) запрещал любому мужчине, развлекающемуся с Джейн, вывезти ее из графства, или увезти ее по реке или ручью.

Было также записано, что Энн Пуллен объявила, будто бы у Джейн не было никакого мужа в то время, поскольку Джонс умер, и она (Энн) не понимает, почему бы ее дочери не получать удовольствие от этого мира точно так же, как любой другой женщине. Кроме того, Энн было безразлично, кто был отцом ребенка ее дочери, поскольку некий Уильям Элмс увез ее в Англию, как он и обещал.

Энн была феминисткой задолго до этого движения, единственной пионеркой его в те дни, когда

это было опасно. Была она также распутницей, хотя Дэвис считал, что это автоматически следовало из ее желания женского равноправия.

Однако такие земные отношения не должны появляться в Мире Реки. Даже Дэвис соглашался, что, настаивая на некоторых ограничениях подобной точки зрения, Энн определенно выходила за их пределы. В семимильных сапогах.

Королевство Ивара было устроено по образцу Старой Норвегии. Поскольку женщины (но не рабыни!) в дохристианскую эру имели намного больше прав, чем таковые в христианских странах, они имели даже еще больше прав в Мире Реки. Во всяком случае, в этом королевстве.

Теоретически Энн могла бы развестись с Иваром по простому заявлению, что она этого желает, и при этом могла взять с собой свое имущество. Не половину королевского, то есть, принадлежащего королю. Свой граальчик, свои полотенца, свои личные принадлежности и рабынь — все это принадлежало ей по праву.

Но развод, кажется, им не угрожал. Ивара Энн сильно развлекала, даже когда на него сердилась, и он получал удовольствие от ее раскованных и талантливых занятий любовью. Ивар знал, что у нее есть любовники, но ему, кажется, на это было

наплевать.

Он сомневался, чтобы Энн с каким-нибудь любовником стала составлять заговор, чтобы убить его. Она хорошо знала, с какой стороны ее вагина намазана маслом.

Так что Эндрю Дэвис вынужден был страдать от того негодования, какое она на него обрушивала. Тем временем, он мечтал о божественным путем родившемся ребенке далеко в верхнем течении Реки. Он пытался еще и придумать безопасный способ покинуть эту страну. И думал о том, как избежать того, чтобы его захватили другие держащие рабов государства, находящиеся между ним и его целью.

Выполняя свой христианский долг, он пытался молиться за Энн, но молитвы эти звучали так неискренне даже для него самого, что Дэвису было понятно: Бог не обратит внимания на его просьбы простить Энн и позволить ей увидеть Свет.

Когда ее процедура была закончена, Дэвис вышел из комнаты, как он делал всегда. Он был зол, раздражен, с него лился пот, желудок его бунтовал, а руки тряслись.

О Боже, сколько я еще должен это выносить? Я молю Тебя, не продолжай же больше подвергать

меня злу и искушению проклинать Тебя, как Ты делал с Иовом!

Ровно в полдень грейлстоун во дворе башни изверг гром и молнию. Дэвис вышел из той комнаты, где он ждал, когда это произойдет. Стоять во дворе возле камня означало рискнуть слухом. Хотя его грааль наполнился отличной едой и питьем, аппетита он не чувствовал. Тем, что не съел сам, он поделился с приятелями за большим столом в зале. Чашу с бренди, пачку табаку и сигареты с марихуаной он отложил в сторону. Он мог бы сохранить для себя половину спиртного и гвозди для гроба, но лучше он отдаст их Эйштейну Болтуну, главному сборщику налогов у Ивара.

Таким образом Дэвис платил свои налоги вдвойне. Это давало ему возможность почти половину месяца выливать алкоголь в канаву и крошить сигареты. Дэвис проделывал это тайно, потому что многие пришли бы в ярость, узнав о таких потерях. Они бы доложили королю, а тот конфисковал бы дополнительный «товар» и наказал его.

Никогда в течение своих двух жизней Дэвис не пробовал спиртного и не курил. Вообще-то на Земле он не пил даже ледяной воды, потому что она влияет на здоровье. Он терпеть не мог

потакать королю и его порокам. Но, если бы он того не делал, он бы пострадал от «кошки-девятихвостки» или сделался бы рабом в каменоломнях. Или его ждало бы и то, и другое.

В тот вечер, вскоре после заката, Дэвис отправился в большой зал, построенный недалеко от берега. Именно там Ивар предпочитал ужинать, выпивать и бражничать среди своих приятелей и приживалов. (Дэвис вполне допускал, что сам он числился среди последних. Но у него не было выбора). Зал был выстроен в древнем викингском стиле: единственная громадная комната, с личным столом Ивара на возвышении и во главе других столов, стоявших на полу. Такое возвышение не использовалось на Земле у полудемократичных викингов. Это было новшество, введенное Иваром. Опорные столбы украшены были резьбой, изображающей головы людей, богов, животных и символы, взятые из древней религии. Среди этих часто повторяющихся изображений встречались добывающие золото карлики, драконы, змей Мидгарда, обвивающий всю Землю, кони, медведи, инеистые великаны, Тор с его молотом, одноглазый Один — иногда с его воронами Хугином и Мунином на плечах, — свастики, повернутые вправо, рунические фразы

и Скидбландир, магический корабль, который после использования можно было сложить и унести в мешке.

Сегодня, как и всегда, мужчины и женщины слишком много пили, и разговаривали поспешно и яростно, хвастовство и высокопарные фразы гремели в зале; люди ссорились, а иной раз и дрались. Ивар давно запретил дуэли со смертельным исходом, потому что в них он потерял слишком много хороших воинов. Но враждующим не возбранялось идти друг на друга с кулаками и драться ногами, а король не хмурился, если кому-то выбивали глаз, повреждали яички, отрывали уши или откусывали носы. Хотя это отнимало потом три месяца, но глаза, носы и и уши снова вырастали, а яички сами по себе восстанавливались.

Дэвис привык к этим вечерним сборищам, но не любил их. Да еще то и дело до него доходил тошнотворный запах пуканья, сопровождаемый громким хохотом и похлопыванием по бедрам. Королева Энн, сидевшая по левую руку от Ивара, хохотала едва ли не громче всех, когда проявлялась эта примитивная форма юмора. Сегодня она закрутила полотенце себе вокруг шеи, концы его чуть прикрывали груди. Но она не больно-то

заботилась, чтобы держать их так, как подобает.

Со всеми другими запахами смешивался еще аромат пойманной в Реке рыбы, зажаренной наполовину только с одного конца.

Дэвис, будучи королевским остеопатом, сидел за королевским столом. Он бы предпочел такой стол, какой стоял бы как можно дальше от этого, если бы только мог. Это дало бы ему возможность тихонько улизнуть после того, как все слишком напьются, чтобы заметить его. Однако сегодня он был заинтересован в том, чтобы наблюдать и по возможности подслушивать разговоры доктора Фаустролла и Ивара Бескостного. Француз сидел по правую руку от короля, на самом почетном месте за столом. Он внес в этот пир удививший всех вклад в виде пойманной им рыбы, гораздо больший, чем остальные рыбаки. Однажды, когда общий гул немного ослаб, Дэвису удалось услышать, как Ивар расспрашивает Фаустролла о причинах его удачи.

— Это не удача, — ответил француз. — Это опыт и умение. Плюс врожденная сноровка. Мы жили главным образом рыбой, которую ловили в Сене, когда жили в Париже.

6

— Париж, — повторил Ивар. — Я был там с моим отцом Рагнаром; сыном Сигурда Хринга, когда мы, норвежцы, приплыли вверх по Сене в марте, а франки не ожидали викингов в такое раннее время года. Год был 845, так мне говорили. Правитель франков, Карл Лысый, разделил свою армию надвое. Я посоветовал отцу напасть на меньшие силы, что мы и сделали. Мы убили их всех, за исключением ста одиннадцати пленников. Этих мой отец сейчас же повесил, всех разом, в жертву Одину, на островке в Сене, а другая часть франкской армии наблюдала за нами. Должно быть, полные штаны наложила от ужаса.

Мы дошли дальше, до самого Парижа, городок-то оказался куда меньше, чем тот громадный город, о котором мне рассказывали остальные. В Пасхальное воскресенье, самый святой день для христиан, мы штурмовали Париж и убили многих из тех, кто поклонялся Спасителю. Один был к нам добр.

Ивар улыбнулся под стать саркастическому тому своего голоса. Он не верил в богов, языческих или христианского. Но Дэвис, внимательно

наблюдая за ним, увидел выражение его лица и прищур глаз. Вероятно, они выражали ностальгию, или, возможно, какую-то бездонную тоску. Дэвис уже видел это выражение десятки раз до сегодняшнего вечера.

Мог ли безжалостный и безумный охотник до власти тосковать о чем-то ином, чем то, чем он теперь обладает? И не желал ли он также избавиться от этого места и его ответственности, и от всегда грозящей опасности, что его убьют? Имел ли он, подобно Дэвису и Фаустроллу, цели, какие многие посчитали бы за идеалистические или романтические? Не хотелось ли ему избавиться от своих ограничений и стать свободным? В конце концов, могущественный властитель такой же пленник, как раб.

— Одноглазый Один нас благословил, — повторил Ивар, — хотя, возможно, это просто было совпадение, что у Карла Лысого вышли серьезные осложнения с другими франкскими государствами и с его амбициозными братьями. Вместо того, чтобы воспрепятствовать нам идти вниз по Сене, он заплатил нам семь тысяч футов серебра, чтобы мы оставили его королевство. Что мы и сделали, хотя вовсе не обещали не возвращаться туда позже.

До сих пор Фаустролл не прерывал короля, хотя время от времени на его физиономии показывалось отвращение. Он пил быстро и много, кубок его никогда не пустовал. Раб за его спиной хорошо следил за этим. Раб еще и давал французу сигареты, после того как тот покончил с собственным запасом. Раб был Шарко, очевидно, ему поручил король сегодня прислуживать Фаустроллу.

Шарко хмурился, то и дело его губы шевелились. Слова его тонули в оглушающем шуме — и хорошо, подумал Дэвис. Дэвис-то умел читать по губам — и английский, и эсперанто. Знал бы Ивар, что говорит Шарко, он бы его высек, а потом зачислил его в команду мойщиком гальюнов.

Наконец, француз со стуком поставил свою деревянную чашу на стол, отчего все окружающие, в том числе и Ивар, вздрогнули.

— Ваше величество нас извинит, — произнес он громко.

— Но вы все тот же, что были на Земле. Вы ни на дюйм не прогрессировали; вы все тот же распроклятый варварский пират, вы по-прежнему оскорбляете других, вы все тот же старый лицемер, который умер в Дублине. Но мы не оставляем надежды относительно вас. Мы знаем, что философия в ее практической форме патафизики

— ворота к истине для вас. И, хотя на первый взгляд, вы кажетесь простаком-дикарем, мы-то знаем, что вы — гораздо больше этого. Нас в этом убедил наш короткий разговор в Зале.

Многие, сидящие за столом, в том числе Дэвис, были скованы, точно морозом, хотя они повращали глазами в сторону друг друга, а затем уставились на Ивара. Дэвис ожидал, что тот схватит свой боевой топор, всегда находившийся у него под рукой, и отхватит Фаустроллу голову. Но викинг даже не покраснел, и сказал только:

— Мы побеседуем с тобой позже об этой философии, которая, мы надеемся, содержит больше мудрости и меньше чепухи, чем речи всех этих ирландских попов, мужчин в женских юбках!

«Мы» Ивара Дэвис понял как подражание и поддразнивание Фаустролла.

Затем Ивар поднялся, молчание последовало за тремя ударами в громадный бронзовый гонг.

Ивар заговорил громко, голос его раздавался во всех углах громадного зала:

— Пир закончен! Сегодня мы собираемся рано лечь спать, хотя я подозреваю, что многие из вас не уснут до тех пор, пока кое-что у вас не перестанет подниматься!

Толпа зароптала от удивления и разочарова-

ния, но за этим последовал смех над королевской шуткой. Дэвис состроил гримасу в отвращении. Энн, видя его выражение лица, широко улыбнулась.

— Мы еще не все съели и не все выпили, — продолжал Ивар, — не по этой причине я прекращаю пир. Но мне пришло на ум некоторое время тому назад, что завтра — трехлетняя годовщина основания моего королевства. Это был день, когда я, раб грязного тирана скоттов Эокайда Отравителя, поднял восстание вместе с Арпадом, тоже рабом, и с двумястами рабов, большинство которых сидят теперь на почетных местах в этом зале. Мы тихо задушили стражников вокруг зала Эокайда. Он со своими телохранителями все спали, чтобы прошло действие опьянения, находясь в безопасности, как они считали, в своем зале с толстыми стенами на высоком холме. Мы сожгли бревенчатое строение и убили тех, кто умудрился выйти из огня. Всех, кроме Эокайда, а его мы захватили в плен.

На следующий день я казнил его, вырезав у него на спине орла, так же, как я поступил с королем Эллой из Йорка и с королем Эдмундом из Восточной Англии, с некоторыми другими моими врагами, которых я принес в жертву Одину.

Дэвид содрогнулся. Хотя ему никогда не приходилось видеть своими глазами этот особый способ казни, он множество раз слышал о нем. Жертву укладывали лицом вниз, его позвоночник разрезали, а легкие вытягивали из него и укладывали у него на спине, образуя грубое изображение орла с распростертыми крыльями.

— Я решил, что мы должны все рано лечь спать, а завтра рано встать. Рабы получат выходной день, им дадут много еды и питья. Все будут праздновать. Мы все поработаем, чтобы добыть много рыбы, а вечером начнем празднество. Устроим игры и соревнования в стрельбе из лука, в метании копий и в борьбе, а те, кто на кого-нибудь злится, смогут бороться со своими врагами до смертельного исхода, если таково будет желание.

В ответ на это толпа громко закричала и загудела.

Ивар поднял руки в знак призыва к молчанию, потом добавил:

— Отправляйтесь спать! Завтра мы будем веселиться и благодарить богов, кто бы они ни были, которые создали этот мир, за то, что мы свободны от жестокого правления Эокайда, мы свободные люди!

Толпа разразилась радостными криками, а потом устремилась прочь из зала. Дэвис, держа в одной руке свой грааль, направлялся к башне и был уже на полпути подъема на первый холм, когда за его спиной раздался ровный голос Фаустролла:

— Подожди меня! Мы пройдем остальной путь с тобой вместе!

Дэвис остановился. Через некоторое время француз, не спеша, поравнялся с ним. Тяжелые испарения виски, смешанные с запахом рыбы, окутывали его, и слова он произносил не совсем внятно:

— Mon ami! Mia amico![3] То, что наступает на пятки дня — это прекрасно, разве не так? Существа, которые сжигают в ночной вазе свои неземные призраки, как это вдохновляет!

Мудро — выше человеческой мудрости, они с нами не имеют ничего общего. Но они великодушны в своем великолепии!

— Гмм-м! — произнес Дэвис.

— Весьма наблюдательное замечание. Скажи мне, друг мой, как ты думаешь, что является истинной причиной того, что Ивар прекратил

---

[3] Примечания: 3
Мой друг *(франц., итал.)*

пир?

— Что?

— Не доверяю я козлу, который ведет за собой тех, кого можно стричь. Государственные деятели и политиканы, генералы и адмиралы, они редко открывают свои истинные намерения. У Бескостного на уме что-то такое, что не понравится его врагам. И его людям тоже.

— Какой ты циничный, — заметил Дэвис.

Он посмотрел через Реку. Долины и холмы в королевстве Арпада были темными, за исключением рассеянных костров часовых, да на верхушках сигнальных бамбуковых башен горели факелы на расстоянии полумили друг от друга, образовывая линию длиной в десять миль.

— Циничный? Синоним для опыта. И для того, чьи глаза долго были открытыми и чей нос чутко улавливает испорченность, как нос шерстистого существа, которое некоторые считают другом человека. Помни, наш вождь происходит из страны, где что-то подгнило, если перефразировать Эйвонского Барда.

Они снова пошли. Дэвис спросил:

— Что такого сказал Ивар, чтобы пробудить твои подозрения?

— Ничего — и все. Мы ничего не принимаем на

веру. Значение слов и выражение лица, твердость предметов, постоянство вселенной, то, что огонь всегда жжет кожу, что определенная причина всегда приводит к определенному результату, а то, что поднимается вверх, должно опуститься. Не всегда это оказывается неизбежно.

Он размахивал вокруг себя цилиндром своего грааля, чтобы все это перечислить.

Дэвис не чувствовал себя склонным беседовать о метафизике или вообще о чем-нибудь. Тем более, не с этим типом, который говорил бессмыслицу. Но он принял приглашение Фаустролла присесть во дворе башни и некоторое время поболтать. Возможно, он сможет выяснить, почему Фаустролл подозревает, будто Ивар что-то задумал. Не то, чтобы это составляло какую-то разницу. Что он может сделать здесь, чтобы что-то изменилось?

Возле ряда факелов, воткнутых между кирпичами стены, стоял столик. Они сели. Француз открыл свой грааль и вытащил металлический сосуд, до половины налитый виски. Дэвис взглянул на формулу, начерченную краской на лбу у этого странного человека. Он посещал лекции по дифференциальному исчислению в медицинском колледже и был знаком с обозначениями.

Но, если не знать, к чему относятся символы, невозможно понимать, что они обозначают, или как их употреблять. Он прочел: «О — а + а + 0 =…»

Фаустролл сказал:

— Значение этой формулы? Бог в точке на касательной между нулем и бесконечностью.

— Что обозначает?

Фаустролл произнес ровным голосом, как будто бы когда-то запомнил наизусть из лекции:

— Бог по определению не имеет изменения, но нам должно быть позволено…

— Это что, очень долго? — спросил Дэвис.

— Слишком долго для сегодняшней ночи — и, вероятно, для вечности. Кроме того, мы лучше выпьем. Мы можем ясно все себе представить, но наше тело устало и мозг не работает на все восемь оборотов.

Дэвис поднялся:

— Тогда отложим на завтра. Я тоже устал.

— Да. Ты лучше сможешь понять наши тезисы, если у нас будет перо и клочок бумаги, чтобы из изложить.

Дэвис пожелал французу спокойной ночи и оставил его сидящим за столом и уставившимся на темный виски, как будто бы это был хрустальный шар, раскрывающий будущее. Он

направился наверх, в свою крошечную комнатушку. И только у самой двери вспомнил, что сбился в своем разговоре с Фаустроллом. Француз его запутал. И так и не сказал Дэвису, что он заподозрил насчет Ивара.

Дэвис пожал плечами. Завтра он выяснит это. То есть, если язык этого безумца опять не заведет в сторону. Прямая линия для француза не является кратчайшим путем между двумя точками. В самом деле, он, возможно, отрицает полностью ценность Евклидовой геометрии.

У Дэвиса также появилось беспокойное ощущение того, что почти психопатическое поведение Фаустролла скрывает весьма острый ум и знание естественных наук, математики и литературы, намного превосходящие его собственные. Его нельзя было рассматривать как просто ненормального.

Дэвис толкнул незапертую дверь на деревянных петлях. Выглянул сквозь незастекленное отверстие во тьму, освещенную лишь переполненным звездами небом. Но это освещение было такое же, если не сильнее, как свет полной земной луны. Сначала все казалось мирным. Все, кроме часовых, отправились спать. Потом Дэвис заметил тени, движущиеся в долине под башней.

Когда глаза его привыкли к этому бледному освещению, он увидел, что в этой тени скрывается большое количество людей.

Сердце у Дэвиса внезапно сильно забилось. Захватчики? Нет. Теперь он увидел Ивара Бескостного в коническом бронзовом шлеме и в длинной кольчуге, с боевым топором в руке, вот он спускается с холма по направлению к скоплению людей. Позади него идут его телохранители и советники. Они тоже вооружены и в броне. У каждого по два бронзовых меча, упрятанных в ножны, кроме того, многие несут копья и боевые топоры. У других — сосновые факелы и мешки. В мешках, как сразу догадался Дэвис, — пороховые бомбы.

Фаустролл оказался прав. Никакого празднества завтра не будет — разве что пир в честь победы. Король солгал, чтобы скрыть военную операцию. Тем, кто — пока что — в операции не участвует — солгали. Но избранным воинам приказали собраться тайно в определенное время.

Внезапно звездный свет был закрыт легкими облаками. Облака быстро начали темнеть. Дэвис больше не мог видеть Ивара и вообще никого из людей. И вот послышался звук отдаленного грома, и первый зигзаг молнии показался на севере.

Вскоре разъяренный дождь и электрическое неистовство, которые часто случались по ночам, окажутся в королевствах Ивара и Арпада. Как волки на овечье стадо, подумал Дэвис. А Ивар и его армия станут вроде древних ассирийцев, кинувшихся с холмов на евреев, как писал этот поэт — как же его?[4]

Но кого собирается убивать Ивар?

7

Ветер плевался дождевыми каплями в окно, прямо в лицо Дэвису. Скользнула новая полоса тьмы и отрезала от поля зрения Дэвиса людей. Гром грохотал ближе, точно угрожающий бандит. Стрелы молний, короткие вспышки лучей фонаря Господня (искали ли они честного человека?) с шумом освещали место действия. Дэвису удалось разглядеть Ивара и его людей, которые бежали через вершины ближайшего холма к Реке. Он видел и другие массы людей, точно гигантские амебы, сползали они с холмов на равнину. Это

---

[4] Примечания: 4

Дэвис вспоминает стихотворение Дж. Г. Байрона *«Поражение Сеннахериба»* (из цикла *«Еврейские мелодии»,* 1815 г.):

«Ассирияне шли, как на стадо волки,
В серебре их и злате сверкали полки»…

были воины, спешащие присоединиться к Ивару. Более крупные скопления жителей долин, ожидающие прихода короля, были, как оказалось, материнским корпусом амебы.

Новая вспышка — и разрывающая небо полоса, на этот раз ближе, открыла большое количество лодок в плавнях, которые были пустыми долгое время. Эти лодки, должно быть, приплыли недавно с верхнего течения. Много судов около самого берега: гребные лодки, долбленые челноки, катамараны, килевые суденышки, драккары, торговые суда с широкими парусами — галеры. Паруса их были свернуты, и все они ощетинились копьями.

Воины Ивара со всех частей королевства пробрались сюда под покровом ночи. Конечно, должны быть еще части, которые будут атаковать противоположный берег, владения Арпада, вверх по Реке. Атака, вероятно, направлена против мадьярского королевства. Теперь Дэвис не понимал, почему он так удивлялся и гадал, что задумал король. Однако Ивар был непредсказуем, и было рискованно держать пари о любых его дальнейших ходах.

Секретность, с какой выполнялась операция, производила на Дэвиса сильное впечатление. Он

и понятия о ней не имел, а ведь он часто бывал в обществе короля. Операция, хотя в ней участвовали тысячи людей, которые каким-то образом не открыли ее планы своим женам, поистине была крайне впечатляющей.

Но молнии собирались раскрыть вторжение арпадовым часовым. Разве только некоторые из людей Ивара перешли Реку раньше и убили часовых.

Через некоторое время центр бури бушевал над территорией, хорошо видной Дэвису. Теперь воины сгруппировались у берега и садились в лодки. Так часто и ярко сверкали молнии, что Дэвис мог видеть продвижение нападающих. Они казались ему многоногими фигурами, а отдельные люди в них не были видны на таком расстоянии сквозь пелену дождя.

Дэвис втянул в себя воздух. На противоположном берегу Реки тоже готовился к сражению флот.

Через несколько секунд позади войск Ивара на берегу стали собираться еще группы людей. Дэвис простонал и пробормотал:

— Арпад сыграл подлую игру!

Силы Арпада собрались дальше, выше по Реке, и теперь крадутся вдоль берегов, чтобы подойти

к флангу Ивара. Желающий захватить врага врасплох сам оказался застигнут врасплох; хитрую лису перехитрили. Мадьяр собирается зажать своего прежнего союзника между двумя силами. Но это легче спланировать, чем выполнить. Люди Ивара, находящиеся на берегу, хотя и были застигнуты врасплох, но не побежали. Они яростно сражались, а их береговые силы численно превосходили силы врага. Скоро воины Ивара в лодках присоединятся к тем, которые сражаются на берегу. Они плыли к открытому берегу и к заводям со всей скоростью, на какую только способны весла. Хотя сидящие в лодках не могут вернуться к берегу так, чтобы люди быстро высадились, они все-таки смогут все выйти на берег до того, как следующие силы врагов прибудут с противоположного берега. И они опрокинут засаду — если только Ивар имел к этому отношение. Он был очень холодным и быстрым мыслителем.

Его люди, ветераны многих сражений, легко не ударяются в панику.

Тем временем, флот Арпада находился примерно в четверти мили от места своего назначения. Командир, который, как догадывался Дэвис, был сам Арпад, не такой человек, чтобы отставать от своей армии, имел две альтернативы. Он мог при-

казать, чтобы лодки возвращались на берег и там ждали неизбежного истребления от войск Ивара. Или же Арпад мог продолжать плыть прямо вперед, надеясь, что участники засады задержат людей Ивара на достаточно долгое время, чтобы ему успеть высадить на берег свою армию.

Дождь усилился. Теперь Дэвис видел битву как сквозь загрязненные очки. А затем, пять или шесть минут спустя, ливень начал ослабевать. Худшее осталось позади, буря утихала, но гром и молния все еще свирепствовали над землей. Постепенно звездный свет между тучами обнаружил, что в схватку вмешалась третья сила. Это был большой флот, который должно быть, недавно обогнул изгиб Реки на расстоянии полумили к северу. Дэвис не мог распознать, кто были моряки. Но единственно, кто мог подойти с севера, было войско Торфинна Раскалывающего Черепа.

На Земле Торфинн был графом Оркнейских островов и части северной Шотландии. Хотя он был могучим воином, о чем свидетельствовало прозвище, он умер в 963 году в собственной постели. «Соломенная смерть», как называли ее норвежцы, не была той судьбой, к которой он стремился. Только те мужчины, которые были убиты в сражении, попадали в Вальхаллу, Зал

Убитых, где днем герои бились друг с другом ежедневно, и убитые воскресали, чтобы сражаться на следующий день; где еда и хмельной мед были лучше, чем что бы то ни было на Земле, и где по ночам Валькирии Одина вывинчивали мозги пьяных героев.

Но Торфинн проснулся в долине Реки вместе с остальными: с храбрыми и трусливыми, с монархами и рабами, с уважаемыми и презираемыми, с честными и бесчестными, с искренними и лицемерами, с учеными и невеждами, с богатыми и бедными — и со счастливыми и несчастными.

Однако же оказалось, что Мир Реки во многих отношениях похож на Вальхаллу. Мертвые вставали на следующий день после смерти, — хотя редко в том же месте, где они умерли; пища и питье были великолепными; роковые раны быстро заживали; отрезанная нога или выбитый глаз снова отрастали; встречались женщины таких сексуальных качеств, о каких не слыхали в Вальхалле. Конечно, валькирии никогда не жаловались и не надоедали, но ведь они были мифическими существами, а не реальными.

А кто был он, Эндрю Пэкстон Дэвис, пацифист, христианин и добродетельный раб, что он делает, стоя здесь и наблюдая за битвой между язычни-

ками? Теперь, теперь, именно теперь — время сбежать.

Он живо сунул свои немногие пожитки в мешок из рыбьей кожи и схватил рукоятку своего грааля. Как араб в ночи, я украдкой ухожу, подумал он. За исключением того, что мне не надо складывать свой шатер, которого у меня нет. Он быстро вышел из своей каморки и заторопился вниз по узкой винтовой лестнице. Он никого не встретил, пока не вышел во двор. Там Дэвис разглядел впереди темную фигуру. Он остановился, сердце его заколотилось сильнее, чем если бы это было вызвано бегом. Но вспышка молнии обнаружило лицо той особы, которая взывала в нем такой страх.

— Доктор Фаустролл!

Француз попытался отвесить поклон, но вынужден был ухватиться за край стола, чтобы не упасть вниз лицом.

— Доктор Дэвис, я полагаю? — пробормотал он.

Американец собирался поспешно миновать его, но задержался из-за человеколюбивого импульса. Он сказал:

— В Ахероне волнения, дорогой мой друг. Теперь пора нам обрести свободу. Ивар собирался совершить вероломную атаку против

Арпада, но Арпада осенила та же самая идея — выступить против него. Расплачиваться нужно дьяволу, и Торфинн, союзник Ивара, только что появился. Воцарился хаос. Мы имеем отличную возможность убраться отсюда во время этой неразберихи.

Фаустролл приложил руку ко лбу и простонал:

— Вверх по Реке? Наши главные цели — стремиться к тому, что, возможно, не существует?

— Подумай, друг! Ты что, хочешь остаться рабом? Теперь настало время, мы получили единственную возможность, какой у нас вообще когда-либо может быть!

Фаустролл наклонился, чтобы взять свой граль и удочку. Он снова застонал и произнес:

— La merde primitive! Дьявол использует нашу голову как наковальню.

— Я иду, — предупредил Дэвис. — Ты можешь идти со мной или нет, как желаешь!

— Твоя забота о нас трогательна, — откомментировал француз. — Но мы действительно не должны бежать. Хотя мы побывали в зависимости на всю жизнь, мы никогда не были рабом. Не то что биллионы с ограниченным и свиноподобным мозгом, мы всегда были свободны.

Далекая вспышка слабо осветила Фаустролла.

Его глаза вращались, как будто бы он пытался разглядеть что-то неуловимое.

— Тогда оставайся здесь и будь свободен в своих несчастных узах! — закричал Дэвис. — Я чувствовал, что мой долг сообщить тебе, что происходит!

— Ты самый надоедливый человек, какого я когда-либо встречал! Овод по-своему приносит пользу, особенно если он снабжен не только передним, но и задним жалом.

Дэвис фыркнул и отправился прочь. Но, как только он начал спускаться с холма, на котором стояла башня, он услышал, что Фаустролл зовет его.

— Подожди же нас, друг мой! Если ты и в самом деле таков.

Дэвис остановился. Он не мог утверждать, что ему нравился этот гротескный тип. Но… что-то в абсурдном французе взывало к нему. Возможно, подумал Дэвис, это говорит во мне врач. Этот человек сумасшедший, и я должен о нем позаботиться. Может быть, я смогу когда-нибудь его вылечить.

Но более вероятно, это что мне не хочется остаться одному. Компания безумца лучше, чем никакой. Иногда.

Гром и молния обрушились на долину. Через несколько минут яркие зигзаги и грохочущий шум будут вне поля зрения и слуха. Тогда, как почти всегда бывает, как будто бы где-то закрыли клапан. Тучи исчезнут минут через тридцать — или около того. И наполненное звездами небо прольет свой бледный огонь на бледное оружие воинов и на их темную кровь. И это сделает зрелище более легким для Фаустролла и для него, Дэвиса.

Теперь Дэвис смутно слышал пугающие его звуки сражения. Резкие пронзительные крики, лязг мечей, бой барабанов, а потом — рев черных пороховых бомб, разрушающих себя во взрыве света. Дэвис также осознал, что башня, в которой, как ему казалось, нет ни одной живой души, полна жизни, точно встревоженный муравейник. Силуэт Дэвиса был высвечен многими факелами большого количества людей, устремившихся с башни.

Среди них бежала и Энн Пуллен. Она набросила себе на плечи тяжелое полотенце, и еще одно, длинное, обернула вокруг талии. Но ее побелевшее лицо и струящиеся вниз светлые волосы были живыми под пламенеющим факелом, который она держала высоко.

Другие люди пробегали мимо Дэвиса на своем пути вниз с холма. Был там Шарко, бежавший со скоростью, которую позволяла ему его волочащаяся нога. В одной руке он нес грааль, в другой — меч, а большой мешок был приторочен к его боку.

Люди, очевидно, бежали или чтобы присоединиться к Ивару в сражении, или найти место, откуда они могли бы наблюдать его вблизи. Более вероятно — второе. Если они подумают, что дела оборачиваются против Ивара, они тоже убегут.

Дэвис выхватил факел у какой-то рабыни, когда она мчалась мимо него. Она протестовала, но не стала с ним драться. Дэвис высоко держа факел, указал на Реку:

— Пошли!

Легче сказать, чем сделать. Как раз когда они достигли края равнины, они вынуждены были остановиться. Мимо пробиралось большое количество мужчин, многие несли факелы. Дэвис взглянул на круглые деревянные шлемы, обшитые кожей и покрытые перьями, широкие темные лица, глаза с глубокими складками. Он простонал. Затем воскликнул:

— Еще люди Арпада! Это, должно быть, второй фланг!

Они не были мадьярами, но солдатами из старинных горожан Сибири, служившие Арпаду, образовывавшие десять процентов населения королевства. Они выглядели куда более похожими на американских индейцев, чем на эскимосов или чукчей. Группа в шесть или семь человек оторвалась от остальной массы и галопом помчалась к ним. Дэвис взвыл:

— Беги! — и сам помчался назад, вверх по холму.

Сзади послышался топот босых ног по мокрой траве и влажной грязи. Но это оказался Фаустролл.

Когда он наполовину поднялся на холм, Дэвис оглянулся назад. Их больше не преследовали захватчики. Обнаружив, что этих двух мужчин им не убить так легко, они снова присоединились к армии.

Через некоторое время они с Фаустроллом перестали взбираться на склон холма, а спустились на край равнины. В течение десяти минут свет звезд затуманился облаками.

— Пора искать лодку, — предложил Дэвис.

Медленно и крадучись они шли между хижинами. То и дело приходилось обходить трупы. Большинство из них были женскими, но неко-

торым из женщин удалось убить вторгшихся врагов до того, как их зарезали.

— Никогда не кончающаяся история, — вздохнул Дэвис.

— Когда они научатся прекращать убийства, насилия, грабежи? Неужели не могут понять, что это ничего им не дает? Не могут…

— Они не понимали на Земле, откуда им понять это здесь? — спросил Фаустролл. — Но может быть, здесь это увязающий процесс. Мы имеем не только вторую попытку, но множество шансов. А потом, в один прекрасный день — пуфф! Злые, мелочные, вредные и лицемерные исчезнут! Давай надеяться, что это не означает, что здесь не останется никого. Или, возможно, это способ, благодаря которому все так и сбудется. — Он вдруг умолк, показал и объявил: — Эврика!

Здесь было множество лодок, причаленных к берегу или стоящих на якоре за несколько футов от него. Они выбрали себе каноэ с небольшой мачтой. Но, как раз когда они сталкивали каноэ с травы в воду, они вздрогнули от воя, раздавшегося у них за спиной:

— Подождите! Бога ради, подождите! Я хочу с вами!

Они обернулись и увидели, что за ними ко-

выляет Шарко. Он тащил еще второй мешок, довольно большой, у себя за спиной. Несомненно, подумал Дэвис, он наполнен добычей, награбленной Шарко по дороге. Несмотря на страх, его предательская натура взяла верх.

Дэвис сказал:

— Здесь нет места для троих.

Тяжело дыша, Шарко остановился в нескольких футах от них.

— Мы можем взять лодку и побольше.

И он быстро повернулся, глядя вниз по течению. Отдаленный шум неожиданно стал слышаться с более близкого расстояния. Свет звезд упал на темную и неразличимую массу, приближающуюся с юга. Крики и звяканье бронзы усиливались оттуда. На несколько минут шум перестал двигаться по направлению к Дэвису. Затем звуки прекратились, и группа людей опять стала приближаться, теперь гораздо быстрее.

Кто бы ни были эти люди, гнавшиеся за сбежавшими, их убили. Но позади тех из них, кто остался жив, слышались шум и крики. Люди, бежавшие в сторону Дэвиса, побежали.

— Возьмем одну из лодок! — завывал Шарко. — Они все схватят, и у нас ни одной не останется!

Дэвис подумал, что это хороший совет, но он

вовсе не намеревался брать этого нытика с собой. Он продолжал помогать французу сталкивать каноэ. Оно соскользнуло в воду. Но к нему, разбрызгивая воду, подобрался Шарко, зашвырнул туда свой грааль и мешки и начал забираться сам. Дэвис схватил мешки и бросил их в воду. Шарко взвыл от ярости и нанес кулаком удар по подбородку Дэвиса. Оглушенный, Дэвис пошатнулся назад и упал в воду. Когда он, брызгаясь, поднялся, он увидел, что Шарко идет за мешками. Он прыгнул в лодку и выбросил оттуда грааль крючкотвора. Это заставило Шарко закричать еще громче. Без грааля он должен или умереть с голоду, или обходиться той пищей, которую ему удастся выпросить, и рыбой, которую поймает.

Фаустролл, все еще стоя в воде, согнулся пополам от хохота.

Гнев Дэвиса отступил и сменился отвращением к себе самому. Он терпеть не мог Шарко, Но презирал себя за то, что его ненавидит и за то, что вышел из себя. Трудно действовать по-христиански, когда имеешь дело с такими «неряхами-мешочниками» (это слово он узнал от живших в конце двадцатого века).

Но у него больше не было времени сосредотачиваться на собственных ошибках. Бегущие

мужчины остановились совсем близко к нему. Они казались сильно запыхавшимися, хотя это было не единственной причиной их остановки. Это были Ивар и около пятидесяти его норвежских и франкских воинов, да еще с десяток женщин. Одной из них была Энн Пуллен. Ивар истекал кровью, хотя не был тяжело ранен, а с боевого топора, которым он все время размахивал, тоже капала кровь. Он, вероятно, часто пускал его в ход против преследователей. Некоторые из его людей спорили и доказывали, что не надо останавливаться. Сначала Дэвис вообще не понял, что произошло. Послушав некоторое время, пока он залезал в каноэ, он понял их ситуацию.

Очевидно, тыловая атака застала Ивара врасплох. Но его люди были сплоченными, а воины Арпада отступили. Как только это произошло, Арпад во главе своего флота начал штурмовать берег. В свалке рукопашного боя Ивар убил Арпада.

— Я отрубил ему руку с мечом, — кричал Ивар. — И тогда его войска растерялись и побежали. Мы их перебили!

8

Но у Торфинна Раскалывающего Черепа были свои планы. Он отправил часть своей армии обежать западный берег. Пока они это выполняли, он атаковал тыл Арпадова флота. Это отчасти объясняло панику среди людей Арпада на восточном берегу.

Затем Торфинн решил — а может быть, он принял это решение уже давно — предать Ивара. Таким образом, он стал бы хозяином не только своего королевства, но и земель Арпада и Ивара.

Ивар со своими солдатами не ожидали предательства, но быстро сориентировались и яростно сражались. И все-таки, они были вынуждены бежать, и охотничьи псы Торфинна лаяли совсем у них по пятам.

Ивар вскричал по-норвежски:

— Предатель! Предатель! Нет веры, нет веры! Торфинн поклялся Одином на священном кольце, что мы с ним — братья!

Дэвис не мог не улыбнуться при всей своей тревоге. Из того, что он знал о северных королях и их братьях, он был убежден, что нет ничего необычного в том, что они пытаются убить друг друга.

На самом деле, это типично для большинства королевских родов средневековья, независимо от национальности.

Да, он находится среди варваров, и он только что собирался освободиться от них, когда Норны распорядились иначе — чтобы солдаты догнали его. Нет, подумал он, это вовсе не Норны, три Судьбы древней скандинавской религии в облике трех женщин. Это Бог так определил. Я так долго был среди викингов, что начинаю думать так же, как они.

Тем временем Ивар перестал бредить. В одном из внезапных перемен настроения, характерных для него, он смеялся над собой:

— В конце концов, Торфинн только сделал то, что мог бы проделать и я, если б у меня были условия. Воспользоваться случаем — и повернуть события! Захватить власть! Власть!

Фаустролл, сидевший теперь в каноэ, позвал его:

— Ваше величество, достойный потомок великого короля Убу! Мы верим, что власть — это то, что мотивирует почти все поступки людей, и власть является более значительной причиной для самых рациональных и лживых поступков, чем религия, хотя то и другое никак не связаны!

Вы — истинный сын Адама, не говоря о Еве, и, возможно, потомок того падшего ангела, который видел, что дочери людские прекрасны, и шли к ним, и возлежали сними! Иди, иди, иди, сын наш! Размышляй над властью, поклоняйся ей, слушайся десяти тысяч ее заповедей! Но мы — глас вопиющего в пустыне! Кричать о джунглях, удобренных никогда не кончающейся жаждой власти в ее десяти тысячах проявлений, — вот истинное дерьмо вселенной!

— Но все же — иногда имеется Святой Грааль. Ищите его, находите его, хватайте его! Спасайтесь посредством его! В Граале вы найдете величайший фонтан власти! Но он делает все остальные виды могущества бессильными!

Советники Ивара болтали между собой, когда Фаустролл говорил, но умолкли, когда их вождь поднял руку. На некотором расстоянии, недостаточно большом, чтобы успокоить взвившиеся нервы Дэвиса, раздавались крики воинов Торфинна, которые бежали вслед за беглецами.

— Бога ради! — буркнул Дэвис. — Давайте сядем в лодку и уплывем!

— И странный же ты человек, доктор Фаустролл! — закричал Ивар. Тронутый, какими-то богами тронутый. Ты, должно быть, послан ими!

Или случаем, о котором я так много слышал от людей более поздних времен, с тех пор как пришел в этот мир. Как бы то ни было, ты послан мне. Так что, вместо того, чтобы тебя убивать, что принесет мало пользы, разве что избавиться от твоего присутствия, да и тогда ты можешь мне попасться снова, — я поеду с тобой. Возможно…

Ивар помолчал с секунду, пока остальные рядом с ним сильно встревожились. Затем он заревел:

— По лодкам!

Никто не возражал, хотя немногие из самых агрессивных воинов вздохнули. Они разобрались по суденышкам, хотя и без паники. Ивар громко выкрикивал команды, распоряжаясь, кому в какую лодку сесть. Дэвису он скомандовал быть вместе с Фаустроллом и Энн Пуллен, заняв самое большое судно с местами для четырнадцати гребцов. Ивар сел на руль, когда гребцы начали свою работу, и развернули большой парус.

Ивар громко расхохотался и объявил:

— Норны снова мне улыбнулись! Это, должно быть, те лодки, которые люди Арпада пригнали на берег для атаки на фланге!

Дэвис, Пуллен и Фаустролл сидели на скамье как раз рядом с рулевым. Француз воскликнул:

— Возможно, это знак от них, чтобы вы навеки оставили эту территорию!

— Как? Чтобы я позволил Торфинну с его тролличьим сердцем каркать, будто он победил Ивара Рагнарссона?

Он заорал по-норвежски на воинов, которые все еще не сели в лодки:

— Эй, вы там! Хельги, Кетиль, Бьорн, Транд! Столкните пустые лодки в воду! Поглумимся-ка над нашими врагами, пока они в бешенстве пляшут на берегу и произносят проклятия и угрозы, которые повредят нам не больше, чем плевки против ветра!

Хельги Умник взревел:

Бескостный их без лодок
Оставил, без добычи.
Безголовый Торфинн,
Будешь без удачи!

Те, кто был достаточно близко, чтобы слышать, разразились хохотом. Ивар тоже смеялся, пока не подавился, что успокоился Дэвиса, который, услышав вису, встревожился. Датчане выходят из себя, когда кто-нибудь употребляет прозвище, которое они не желают слышать.

— Слова мне нравятся, — признал Ивар. — Но,

Хельге, размер у тебя подкачал. Скверно. Но если принять во внимание, что мы спешим, и что размер у тебя всегда хромает, как будто бы это новорожденный жеребенок, пробующий скакать…

Он снова хохотал несколько минут. Потом, опомнившись, взревел:

— Гребите, как будто дочь Локи, ведьма Хель, хватает вас за лодыжки холодной, как у покойника, рукой, чтобы стащить вас в ад. Согните спины, как будто вы — лук Улла, а ваши руки — стрелы бога длиной в сто лиг! Грести, грести, грести!

Бывали, наверное, гребцы такие же неутомимые, как норвежцы, но не было гребцов лучше. Но эти люди побывали в рукопашном бою, а ничто не требует столько энергии. Тем не менее, они налегли на весла так, как будто бы всю долгую ночь спокойно спали.

Их враги на берегу остались далеко позади. Звездный свет мерцал на громадной массе вдоль восточного берега, движущейся вверх по Реке. Позади они оставили около полумили. Флот Торфинна, по крайней мере, часть его, рьяно пустился вслед. Не так уж рьяно, наверное, поскольку его воины тоже утомились от битвы.

— Направимся в королевство моего брата, Сигурда Земля-В-Глазу! — громко велел Ивар. — Это

далеко, но наши преследователи устанут раньше нас. Тогда мы будем в безопасности и сможем бездельничать, пить густое сладкое лишайниковое пиво и ликер из грааля, сколько душа попросит.

Мы также восполним там недостаток красивых женщин. Или vice versa[5].

Гребцам не хватало дыхания, чтобы расхохотаться, хотя некоторые пробовали.

Сигурд был одним из немногих людей, которым Ивар доверял и, вероятно, был его единственным достойным доверия братом. В молодости он был могучим викингом. Но, достигнув среднего возраста, повесил свой меч на стену и стал мирным и справедливым правителем Сьеланда, самого крупного датского острова. Королевство, которое Сигурд основал, придя в Мир Реки, находилось в четырехстах милях от земель Ивара. Однажды Сигурд навещал своего брата, а Ивар гостил у него дважды. Дэвис каждый раз виделся с Сигурдом. Стройный, хитрый, на белке правого глаза красное родимое пятнышко, из-за которого Сигурд и получил свое земное прозвище. Родимое пятно прошло, когда он очутился здесь, а прозвище осталось.

---

[5] Примечания: 5
Наоборот *(франц.)*

Мысли Дэвиса прервали какие-то крики у него позади. Он встал и оглядел приподнятую рулевую палубу. К лодке, где находились Хельги и еще трое, в воде приближался человек. Хотя Дэвис не мог разглядеть пловца, он понял. Что это должен быть Шарко. Очевидно, он просил взять его в лодку. Но гребцы смеялись, проплывая мимо, и вскоре Шарко, все еще крича, остался позади.

Волна сочувствия пробежала по Дэвису. Шарко был лгун, мошенник, хвастун, задира и трус. Но все же — этот человек не мог поверить, что есть люди — и таких много, — которые его не любят. Мысль была патетической, и Дэвис в ту минуту пожалел его.

Дэвис сел и посмотрел на Энн, которая сидела рядом с ним. У нее надо головой было повязано маленькое голубое тонкое полотенце, точно шарфик, какие женщины а Земле носят в церкви. У нее на лице застыло странное выражение, смесь нежности и тоски. Или это так показалось Дэвису, хотя кто знает, о чем думает эта сучка. И все же — она выглядела, точно мадонн, мать младенца Иисуса, изображенную на росписи, которую Дэвис видел в церкви.

Интересно, подумал он, не так ли она выглядела, когда была ребенком. Что стерло с ее лица эту

нежность, эту доброту?

И тут она повернула голову и спросила:

— Какого черта, на что это ты глазеешь, похотливая деревенщина?

Дэвис вздохнул, находя удовлетворение в том моменте, когда он жалел ее из-за ее утраченной невинности. И ответил:

— Да ни на что особенное.

— Воображаешь, что можешь со мной так разговаривать, раз мы оказались рядом, — огрызнулась она. — Но я этого не забуду.

— Ваше величество напоминает короля Людовика XIV французского, о котором кто-то сказал, что он никогда ничего не забывает, — сказал Дэвис. Потом добавил, затаив дыхание: — И тот же человек сказал, что король никогда ничему так и не научился.

— Что-о?

Как не по-христиански с моей стороны, подумал Дэвис. Почему я не могу научиться подставлять другую щеку? Не надо было ей ничего говорить. Молчание мучеников.

Позже Ивар перевел четверых с задней лодки на свою. Поздним утром ведущая лодка флота Торфинна оказалась далеко впереди остальных. За час до полудня она оказалась на расстоянии

летящей стрелы от судна Ивара. Ивар повернул лодку кругом, сбил стрелами семь человек, протаранил врага и взял на абордаж. Дэвис и Фустролл сидели на своих местах, когда кипела битва. Энн Пуллен ранила нескольких человек их своего женского лука. Какова бы она ни была, подумал Дэвис, храбрости ей не занимать. Но надеюсь, что она не повернется и не застрелит и меня.

Ивар потерял шестерых, но убил всех врагов, кроме тех, кто попрыгал в Реку. Остальные лодки Торфина еще не показались. Ивар захватил лодку противника и оставил свою. Он со своей командой продолжали плыть дальше с веселыми песнями.

К тому времени, как они добрались до Сигурдова королевства, они прошли, по крайней мере, через сорок кошмаров наяву. Или так почудилось Дэвису, хотя норвежцы просто наслаждались этими кошмарами. Одни битва следовала за другой, и одно бегство за другим. Государства на сотни миль вверх по Реке от бывшего королевства Ивара тоже находились в состоянии кровавой бойни. Войны на земле Ивара, кажется, заразили насилием другие страны, ни одна из которых не была стабильной. Рабы бунтовали, а короли и королевы пытались воспользоваться ситуацией,

чтобы нападать друг на друга Дэвис считал, что только эта полуанархия способствовала тому, что флот Ивара продвинулся так далеко. И даже при этом все суда, кроме четырех, первоначально вышедших в путь, были потоплены или захвачены. Те, кто все пережил, жили рыбой, которую они ловили, плывя вверх по Реке. То и дело, их отпускали на сушу, чтобы они пополнили свои Граали. Но, даже когда люди выглядели мирными и дружественными, викинги нервничали. За улыбками их хозяев могли таиться планы захватить гостей в рабство.

— О Господи, — молился Дэвис, — прошу Тебя, останови это убийство, разбой и насилие, муки сердечные, грабежи, ненависть и разврат. Сколько это может продолжаться?

Так долго, как люди позволят себе совершать все эти ужасные деяния, подумал он, Господь не собирается вмешиваться. Но, если так, он имеет в уме Своем благую цель…

Через несколько часов после рассвета флот прибыл в королевство Сигурда. Или — туда где оно было. Совершенно очевидно, что и оно разорвано на части борьбой, войну, кажется, принес сюда ветер.

Мужчины и женщины, напившись пьяными,

резвились, размахивая оружием и несколькими отрубленными головами. Большинство бамбуковых хижин и деревянных построек горели, повсюду валялись трупы. Как только флот приблизился к берегу, целая орда забралась в лодки и начала грести по направлению к судам Ивара.

— Кто они такие? — удивился Ивар. И тут же спохватился: — Неважно. Плывите дальше!

— А где же ваш брат? — спросил Дэвис.

— Он, наверное, спасся бегством. Надеюсь на это. Что бы с ним ни случилось, спасти его я не могу. Нас слишком мало.

После этого он много часов молчал, расхаживая взад и вперед по небольшой палубе. Он много хмурился, а один раз ударил себя в грудь ладонь. Однажды он испугал всех людей в лодках, закинув голову назад и завыв продолжительно и печально.

Бьорн Огрубевшая Нога, стоящий около Дэвиса, осенил себя Торовым молотом и задрожал.

— Крик самого великого волка Фенриса исходит из его горла, — сказал он. — Ивар действует так, словно собирается стать берсерком! Готовьтесь защищаться. А еще лучше — прыгайте в Реку!

Но Ивар прекратил выть и огляделся вокруг, как будто бы его только что перенесли сюда из-за

миллионов миль. Затем он зашагал к переднему краю палубы и воззвал:

— Остеопат! Клоун! Давайте сюда!

Неохотно, зная о том, что действия норвежца непредсказуемы и часто их следует ужасаться, Дэвис поднялся по короткой лесенке вместе с Фаустроллом. Дэвис не догадывался, о чем думает Фаустролл, но он сам был готов последовать совету Бьорна.

Ивар посмотрел на них сверху, на лице его возникло какое-то выражение, которое невозможно было прочесть.

— Вы двое низкого ранга, но мне случалось наблюдать, что даже у раба может быть больше мозгов, чем у его хозяина. Я слышал, как вы говорили каждый о своих поисках — дух их, признаюсь, я не понимаю. Но вы меня заинтриговали. Особенно когда вы говорили о тщетности и пустоте вечной борьбы за то, чтобы завоевать больше земли, больше собственности и больше власти. Возможно, вы правы. На самом деле, я не знаю. Но несколько минут тому назад какой-то дух овладел мной. Возможно, меня схватил бог, который нас создал, кто бы он ни был. Неизвестный и безымянный бог. Чем бы ни было это странное состояние, я вдруг почувствовал себя

опустошенным, как будто бы мой мозг и кровь вылились из меня. Это ужасное ощущение скоро прошло, и я увидел смысл вашей мудрости. И в этот самый миг я был ошеломлен бесполезностью всего, что я до сих пор сделал. Я понял, что устал вечно сражаться за то, чтобы получить власть, а потом воевать за то, чтобы иметь еще больше власти. Слава кажется золотой. Но на самом деле она свинцовая.

Он улыбнулся им, потом посмотрел им через головы на север. Когда Ивар опять заговорил, он продолжал смотреть мимо них. Это выглядело так, подумал Дэвис, как будто бы Ивар рассматривает что-то и в самом деле очень величественное.

Фаустролл тихонько прошептал:

— Он видит, как туманна соединительная точка между нулем и бесконечностью.

Дэвис не успел ничего сказать, потому что Ивар уставился на него и на француза. Когда Ивар говорил, он требовал полного вашего внимания, и чтобы его не прерывали. Но Дэвис подумал — нет, это не то, что бы оно ни значило. Это… не могу вспомнить греческий теологический термин… это означает полное внезапное перерождение духа. Похожее на изменение состояния духа и цели,

которое Савл испытал на дороге к Дамаску… он фанатически преследовал христиан… великий свет появился, даже когда он замышлял смерть для всех христиан… он упал ненадолго, парализованный… когда же очнулся, он стал ревностным учеником Христа. Внезапно, неожиданно, непредсказуемо ни для кого. Воодушевление, торопящее вас к Северному Полюсу, поворачивает вас помимо вашей воли и направляет к Южному Полюсу. Были зарегистрированы похожие мистические или психологические преображения духа.

Дэвис ощутил ужас. Только через несколько секунд холод, который прошел по его коже, исчез.

Однако, напомнил он себе, этот неожиданный поворот не всегда совершался к добру. Хотя это случалось редко, тут совершался поворот от добра к злу. Как будто бы Сатана, подражая Богу, тоже дотрагивается до его души.

— Бог не говорил словами, — продолжал Ивар. — Но ему и не надо было слов. Он сказал, что я должен идти вверх по Реке, пока не приду к ее истоку, неважно, как далеко он окажется. Там я найду мощь сверх всякой мощи.

— Всегда так — мощь, власть, — буркнул Фаустролл. Он произнес это так тихо, что Дэвис едва расслышал его, и Дэвис был уверен, что до Ивара

слова француза не дошли.

— Вы оба, меситель больной плоти и насмешник над все, что люди считают здравым смыслом, — сказал Ивар, — тоже имеете свои цели. Один хочет найти младенца, рожденного девственницей. Другой надеется отыскать истину, которая ускользает от всех людей от самого рождения человечества.

— Он сделал паузу, потом продолжал: Хотя вы не воины и взгляды у вас странные, вы можете быть чем-то вроде спутников, в которых я нуждаюсь для долгого пути. Что вы скажете?

Тон его был таким, словно он оказывает снисхождение этим приглашением. Но все же он рассматривал его как комплимент.

Фаустролл ответил:

— Король Убу и два его шута в поисках Святого Грааля? Ну что же, я с удовольствием пойду с тобой.

Дэвис не колебался:

— Почему бы и нет? Возможно, мы все ищем одно и то же. Или, если это не так, мы найдем одно и то же.

Примечание автора

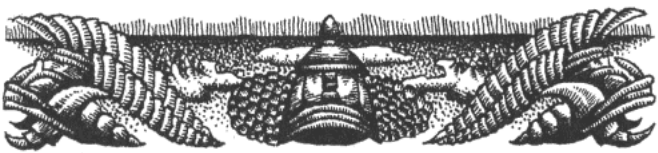
Очевидно, что приключения этой троицы будут иметь продолжение и будут включены в том II мировой антологии Мира Реки.

У меня сильное ощущение, исторической непрерывности, которое усилилось, пока я изучал свою генеалогию. К настоящему моменту у меня имеются 275 доказанных американских предков и несколько европейских. Так что я решил — почему бы не использовать некоторых из них в Мире Реки, где живут теперь все, кто когда-либо жил и умер? Я так и сделал.

Таким образом, все названные по именам герои этой истории, кроме Фаустролла (Альфреда Жарри) и Шарко, мои прямые предки. Доктор Эндрю П. Дэвис — мой пра-пра-дедушка (1835–1919). Он был выдающимся человеком, эксцентричным правдоискателем и новатором. Энн Пуллен — моя девять раз пра-бабушка. Согласно судебным отчетам, она была настоящим исчадием ада, вспыльчивая и распутная женщина в эпоху, когда было крайне опасно для женщины быть такой. Что до моих отдаленных предков, Ивара Бескостного и других викингов, мужчин и женщин, их ныне живущие потомки в 1991 году насчитывают

много миллионов. Разумно принять на веру, что, по крайней мере, три четверти моих читателей могут быть в числе этих потомков.

Дэйн Хелстром
Дыра в Аду[6]



Его перо часто устремлялось в Ад. Теперь он, которому полагалось бы быть в Раю с его обожаемой Беатриче, попал в яму — такую, как описал в «Чистилище».

Годами он искал на Реке единственную женщину, которую когда-либо по-настоящему любил, свет его жизни и его поэзии. Теперь он находился в темнице, куда засадил его человек, которого он по-настоящему ненавидел.

Яма площадью в восемь квадратных футов и глубиной двенадцать футов находилась на вершине холма. Стенки ее были из дубовых стволов, наклоненных вовнутрь. (Весь мир, думал он, имеет наклон внутрь и держит меня в тюрьме).

---

[6] Примечания: 6

A HOLE IN HELL by Dane Helstrom Copyright© 1992 by Dane Helstrom.

Яма была в тени, за исключением того времени, когда солнце светило прямо над головой. О, благословенное солнце! О, быстро движущееся солнце! Остановись на своем пути!

По самые лодыжки в сточных водах стоял Данте Алигьери, с опрокинутым кверху лицом. Рассвету уже час. Скоро появится проклятый враг Данте, Бенедикт Каэтани, папа Бонифаций VIII с 1294 по 1303. Данте узнает, что Бонифаций приближается, потому что он слышит лай и вой псов. И все же — нет собак в этом месте, которое может быть Чистилищем, а может быть — и Адом.

Через несколько минут он застыл. Тявканье, лай и вой звучали слабо. Как будто бы он только что различил звуки, исходящие из трех голов Цербера, противного природе пса Сатаны, охранявшего вход в Чистилище. Вскоре эти звуки сделались громкими, и он увидел владельца собак.

— Еще одно данное Господом утро, — провозгласил Бонифаций. — Время мне первый раз помочиться. Я крещу тебя, синьор Алигьери, во имя тех, кого ты с такой ненавистью отправил в Ад!

С закрытыми глазами Данте вытерпел дождь, который обрушился на него отнюдь не с небес.

Минуту спустя он открыл глаза. Папа сбросил свое одеяние и деревянную тиару в форме пчелиного улья. Собаки — обнаженные мужчины и женщины, стоящие на руках и коленях или на руках и пальцах наг — рыскали вокруг краев ямы. Ошейники из рыбьей кожи были прикреплены к своре, которую держали мужчины и женщины двора Бонифация. Кобели, стоящие у края ямы и параллельно с ней, задрали по задней лапе, чтобы облегчиться в чистилище.

Бонифаций навис над ямой своими ягодицами, в то время как двое слуг держали его за руки, чтобы он не упал назад.

— Во имя тех, кого ты несправедливо поместил в Ад в своей порочной поэме, даю тебе хлеб и вино лишенных благословения! Ешь это и славься в пресуществовании твоего павшего бога, Люцифера!

И тут же дюжина собак опорожнила содержимое своих кишечников. Только стоя в центре ямы, можно было избежать того, чтобы в тебя попали.

После года такой жизни, думал Данте, он должен быть задохнуться нечистотами, ежедневно выливаемыми в яму. Но множество червей, поедающих экскременты, держали их уровень на высоте его лодыжек. Бонифаций выпрямился

было, но снова согнулся, когда несколько рабов стали лить воду между ягодицами папы. Тем временем, собаки лаяли, выли, скулили и визжали.

Данте закричал:

— Да заставит тебя Бог вечно носить железную тиару, раскаленную добела, в Его гневе!

— Данте Алигьери никогда не научится!. — взвизгнул папа. — Ему ли пасть на колени, этому непреклонному флорентийцу, и умолять прощения у тех, с кем он обошелся жестоко и несправедливо? Нет, не ему! Его ум — такое же дерьмо, как то, в котором он живет!

Ты совершил богохульство, когда написал обо мне в «Чистилище», будто бы я нахожусь в Аду, когда я еще был жив! Даже Господь не помещает людей в Ад до того, как они умрут!

— Ты был и есть воплощение зла! — вскричал Данте. — Разве человек, служащий Богу, сотворит собак из людей, неважно, какова их вина!

Бонифаций взвизгнул:

— На колени, свинья, гвельф проклятый, сознайся, что ты несправедливо обошелся со мной, покайся истинно! Тогда сможешь продолжать путь, чтобы искать твою любимую Беатриче! Хотя тебе следовало бы искать Бога, а не такую шлюху, как она!

— Фиг тебе! — заорал Данте. И он откусил свой большой палец и запустил в Бонифация.

— Данте сам себя осудил сидеть в яме; он признается в своей вине и грехе. Так продолжай же страдать в своем справедливом наказании!

Тут папа, рабы, охранники и свора собак ушли. Четверо стражников остались, дабы убедиться, что он не найдет никакого способа покончить с собой.

Сегодня ночью, как каждую ночь, разразится такой ливень, что он сможет лечь в воду и утонуть. Проделать это будет означать совершить не прощаемый грех, такой грех, который автоматически принесет проклятие душе. Будет ли это грех в этом мире? Ведь здесь, если человек умирает, он вновь поднимается к жизни через двадцать четыре часа, хотя вдалеке от того места, где умер. Есть ли это в таком случае грех — убить себя? Логика говорит, что нет. Все же, он не мог быть уверен. То, что Бог запретил на Земле, должно быть запрещено и в этом мире. Или заповеди здесь каким-то образом изменены, чтобы подходить условиям?

Не отстраняясь от хлюпающей мягкой жижи у себя под ногами, он шагал взад-вперед. Раздумья его перешли от не имеющего ответа вопроса к

самоубийству в этом мире и конфликтам, кипевшим, во время его жизни. Когда он был спокоен и логичен, что бывало не часто, он говорил себе, что кровавые ссоры между гибеллинами и гвельфами или между темными и светлыми гвельфами насчет политико-религиозных убеждений не имели никакого значения теперь.

Громадное большинство бунтовщиков никогда и не слыхали об этих конфликтах — и зевали бы от скуки, если бы им об этих распрях рассказали. Только на этой территории, где жили итальянцы его эпохи, старая ненависть свирепо разгоралась. Все же ее следует забыть. В долине Реки возникают гораздо более важные проблемы, которые требуют решения. Если с ними не разобраться, спасения им не достигнуть.

Но не смог ни забыть, ни простить.

Ровно в полдень загромыхали грейлстоуны. Эхо, разносимое горами, едва успело утихнуть, когда он услышал, что к нем приближаются собаки. В скором времени лай и вой, смешанные с щелканьем плеток, раздавались над ним и вокруг него. Данте посмотрел вверх, прикрывая глаза от солнца. Крик вырвался из его груди, он упал на колени. Потом произнес:

— Беатриче.

Бонифаций обнаженный стоял у края ямы с плеткой в руке, он объявил:

— Твой долгий поиск окончен, синьор! Сегодня утром работорговцы доставили сюда твою возлюбленную шлюху! Вот она, славная сучка, которая должна гореть в пламени!

Данте отвел глаза, но заставил себя снова взглянуть. И снова закричал от ужаса.

Она, обнаженная, стояла на четвереньках. Она плакала, ее лицо настолько исказилось, что он не смог бы узнать ее. Но нечто, какой-то божественный элемент, что-то вроде молнии, блеснувшей между небом и землей, озарило его сознание, исходя от нее. Он мгновенно понял, что это Беатриче.

Бонифаций, ухмыляющийся, как лиса перед тем, как съесть цыпленка, потянул ее за свору и пнул под ребра, хотя и не сильно. Она послушалась его приказа подойти к самому краю ямы и встать очень близко. Потом он передал поводок стражнику и встал на четвереньки позади нее.

— Сучку надо брать сзади, — крикнул он.

Она закричала:

— Данте!

Другой стражник взмахнул плетью и огрел ее по плечам. Она опять закричала.

— Не разговаривать! — приказал Бонифаций. — Ты бездушная псина, а собаки не разговаривают!

Он устроился над ней. Она закричала, когда он проник в нее.

Данте снова и снова подскакивал вверх и выл, как собачонка. Но он не мог прыгнуть так высоко, чтобы схватиться за край.

— Смотри, смотри, грешник! — приказывал Бонифаций.

— Я не пес, но я оседлал, точно кобель, сучку, которую ты так любил!

Данте хотел закрыть глаза, но не мог.

И тогда Беатриче потянулась вверх и подняла вместе с собой Бонифация. Хотя стражник свирепо дернул за поводок, он не смог ее остановить. Она в этот момент была сильна, как будто ангел отмщения влил в нее свою священную свирепость.

Она повернулась кругом и ухватилась за Бонифация. Крича и визжа, оба свалились в яму, поводок вырвался из руки стражника. Она устроилась на папе верхом и ударами заставила его пустить ветры. И тут же начала рвать его нос зубами. Она перестала кусаться только когда копье, брошенное стражником, вонзилось глубоко ей в спину.

Она произнесла, задыхаясь:

— Мать тв… хочу… умереть навсегда, — и скончалась.

Стражники закричали на Данте, чтобы он отошел от папы. Тот спихнул труп женщины в сторону и с трудом поднялся на ноги. Данте, плача от горя и ярости, вытащил копье из своей любимой и воткнул его острие в брюхо папе. Потом дернул его и начал поворачивать.

Стражник, который только что спрыгнул в яму, побежал к Данте с копьем наперевес, но поскользнулся в нечистотах и тяжело упал лицом вниз.

Данте поднял копье, чтобы пронзить-стражника. Он колебался. Если он убьет стражника, его тоже пронзят копьем. Но слуги папы сделают это только для того, чтобы помучить его, а после, вероятно, опять бросят его в яму.

Когда стражник, поскользнувшийся в нечистотах, попытался встать, Данте вскричал:

— Беатриче! Подожди меня!

Он упер тупой конец копья в бревенчатую стену, а острие вонзил себе в желудок. Несмотря на агонию, он продолжал надвигаться на острие, пока оно целиком не вошло в него.

Он совершал грех самоубийства. Но это был единственный способ бегства. Если он действи-

тельно отправится в Ад из-за своего злодеяния — если это было злодеяние — он охотно уплатить полную цену.

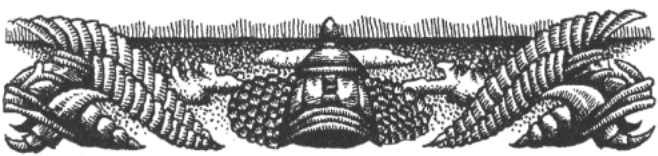
Беатриче находилась от него на расстоянии вытянутой руки. Потом, в течение двух минут, она исчезла.

Но ее можно будет снова найти.

Хотя бы пришлось искать ее сто лет, он найдет ее.

Конечно же, Бог понимает его великую любовь к ней. Не станет же он ревновать из-за того, что его создание, Данте Алигьери, любил Беатриче больше, чем он любил своего Создателя.

Последняя мысль Данте растворилась во тьме… Прости… не хотел так…



Аллен Стил
Благословенная земля[7]
1

— Мне не хватает моего золотого зуба, — сказал Кейт.

Он сидел на краю дубового помоста, болтая ногами над бамбуковой планкой. У «Зомби Мерси» был перерыв во времени репетиции. Несколько титантропов, рабочих сцены, нашли себе занятие, проверяя электрический кабель, не прогорела ли изоляция из рыбьей кожи, и перестраивая массивные громкоговорители.

В звуковой кабине, установленной в середине амфитеатра на открытом воздухе, король разглагольствовал перед каким-то несчастным техом о периодически повторяющихся проблемах питания для микрофонов; ему не было слышно ни слова из того, что говорилось, но унизанный кольцами королевский указательный палец качался взад и вперед, и голова теха поочередно кивала, качалась, кивала, качалась, как будто бы отмечая время: да, сэр Элвис, нет, сэр Элвис, да,

---

[7] Примечания: 7

GRACELAND by Allen Steele Copyright© 1992 by Allen Steele.

сэр Элвис, нет, сэр Элвис…

— Зуба у тебя не хватает…

Сидя рядом с Кейтом, прислонившись спиной к монитору, Джон прикурил кривой «косячок» от зажигался и втянул дым в легкие.

— Ну и что? У меня вот очков не хватает.

— Ну-у, ты всегда был очень похож на эльфа в этих очках…

— Конечно же, нет, — буркнул Джон. На секунду он задержал дыхание, потом сделал выдох. У них за спиной Сид уныло отрабатывал начальные пассажи «Анархии в Соединенном королевстве» на своем бас-кларнете. Брайана нигде не было, видно, как обычно. — И кстати, я никогда не верил этой истории о том, как ты разбил себе рот, когда въехал на «кэдди» в бассейн в Холидей Инн…

— Вовсе не «кэдди», — настойчиво возразил Кейт, — это был чертов «линкольн Континенталь», и я так здорово сломал себе передний зуб, когда вылезал из воды и карабкался на борт, убегая от медноголовых…

— Да, да. Слыхали мы всю эту жалобную историю много раз. — Джон передал косячок Кейту. — И вовсе я не выглядел эльфом в очках. Терпеть я не мог эти контактные линзы, которые

Эпштейн заставил меня носить.

— Слышно о нем что-нибудь в последнее время?

— Нет, с тех пор, как он присоединился к даоистам… кроме того, Йоко нравились очки…

— Ой, Бога ради, парень, когда ты прекратишь болтать о своей старушке? — Кейт поднял одну из барабанных палочек и рассеянно почесал ею свою загорелую спину. — Я хочу сказать, что ты становишься большим котом, чем Фрэнк Синатра…

— Господи! — Джон строго посмотрел на него. — А что, Синатра здесь?

Кейт передернул плечами:

— Не то чтобы я слыхал о нем. Просто поговорка, которую я подцепил у одного из янки. — Он сделал сильную затяжку и передал окурок Джону. — Пигпен меня научил так говорить, — припомнил он. — Или это был Лоуэлл…

— О'кей, так со мной регулярно бывает… — Джон мрачно посмотрел на пустые бамбуковые скамейки перед сценой. Рассеянно полез под кильт и почесался. — Но мне все равно ее не достает, — сказал он нежным голосом. — Хорошая баба была. И певица тоже хорошая.

Кейт состроил гримасу, но мудро удержал рот

закрытым. С мгновение они оба помолчали, слушая, как Сид с трудом продирается через «Боже, храни королеву», — версия панков, которую трое других членов «Зомби Мерси» отказывались исполнять во время представлений. Кейт наклонил голову в сторону парня.

— То есть, я хочу сказать, ты считаешь — юный мистер Ритчи тоскует по Нэнси? — спросил о тихим голосом. — Эта мерзавка была просто отрава. Даже когда она показалась здесь два месяца назад, он велел ей отвалить, не то он опять ее проведет…

Голова Сида вздернулась:

— Не говорил я! — закричал он.

Джон взглянул на него через плечо:

— Полегче, парень, — буркнул он. — Этот, не от мира сего, всего только шутит.

Сид не довольствовался объяснением. Он схватил гитару, снял перевязь с плеча и швырнул инструмент на сцену, напугав одного из титантропов.

— Вы, старые пердуны, меня тошнит от вас, — пробурчал он, шагнув к занавешенной двери, ведущей на сцену.

— Так давай, стошни, — сказал ему вслед Кейт. — Только сначала убедись, что ты не дела-

ешь это опять прямо в посудину со своим ланчем. Ха-ха-ха-ха-ха!

Маниакальный смех Кейта был одной из немногих черт, которые так нравились в нем Джону. Он стряхнул с себя печальные воспоминания о физиономии своей жены, когда подошел, чтобы взять косячок из пальцев Кейта.

— Вовсе он не скучает по Нэнси, — сказал он, — но я полагаю, он скучает по поездке верхом на старой белой лошадке.

— Точно так же. Это его, в конце концов, и прикончило, — Кейт нахмурился, задумчиво постучал барабанными палочками у себя между ногами. — Начинаю думать, что то же самое сделало и спиртное, которое я лакал…

— Вы оба целыми неделями покупали его друг другу, насколько я припоминаю…

— Да. Так и есть. — Озорная улыбка снова появилась на его добродушной физиономии. Я-то хоть состариться умудрился, пока начал брюзжать. А этот парнишка — да он едва достаточно взрослый, чтобы бриться…

— Надеюсь, я помру, прежде чем состарюсь, — пропел Джон.

— Роджер был трепач, и Пит тоже. Бык слишком мало говорил, и слава Богу…

— И правда. Что я чувствую насчет Джорджа…

— Ах-ха-ха-ха-ха! Господь предпочитает баси-стов… или кларнетистов! — Кейт поднял палец, чтобы пощупать свои молодые неповрежденные передние зубы. — Но мне, знаешь ли, все еще не хватает моего переднего зуба. Он был такой классный. Птички считали, что он сексапильный. Думаешь, я смогу найти другой…

— Эй! Вы что себе воображаете, что вы тут делаете?

Джон и Кейт оглянулись на звук баритона с южным акцентом. Король выходил из правой кулисы, хлопая в ладоши, чтобы призвать к вниманию.

— Черт, — буркнул Джон, потихоньку гася окурок у себя за спиной и загораживая его ладонью.

— Мне казалось, я предупреждал, — заревел Король, — никаких наркотиков во время работы!

Кейт непонимающе глядел на него:

— Но мы не работаем, друг, — произнес он безумно мягким голосом. — Мы чай пьем. — Он показал на полуденное солнце. — Вот, видишь? Время чаепития.

Лицо Короля посинело от злости.

— Не вижу, чтобы тут было накрыто к чаю, сынок! Все, что я здесь вижу — это чертова мари-

хуана, которую я велел вам не курить во время репетиций! Ну, так верните сюда Сида и Брайана, и чтоб вы были уверены, что вечером сможете так играть, что от вас только задницы останутся, потому что сегодня после обеда пароход приходит, слышите вы меня?

— А кто у них звезда? — спросил Джон.

— Другой оркестр! — заорал король. — И они-то останутся звездами всю неделю, потому что вы, английские дырки в заднице, не можете свое дерьмо при себе удержать, а вот американские парни могут, и не нравится мне ваше отношение, и я считаю, все вы играете, как английские педики, и мне начхать на то, что вы были из Битлов…

— Говоря откровенно, — прервал его Джон, — мне тоже.

Эти слова заткнули его собеседника, но Джон не мог отказать себе в том, чтобы поиграть в ножички немножко подольше. Он прочистил горло, опираясь подбородком на ладонь правой руки.

— А скажи-ка, — спросил он, — все еще злишься на меня за свои фильмы?

Король нахмурился, но ничего не сказал; он никогда не был искусен в быстрых ядовитых ответах. Кейт скрыл ладонью свою мечтательную улыбку.

— Черт бы побрал долбаных английских уродов, — наконец проворчал он и начал пробираться назад к пульту. — Думаете, что это вы изобрели рок-н-рол…

Солнце высветило буквы, выложенные из полудрагоценных камней на спине его жилетки: ЗД — Займись Делом. Джон наблюдал, как уходит Король, некоторым образом печалясь за него. Года два назад, когда Элвис начинал ими руководить, он еще обладал полученной сразу после воскрешения стройностью, красотой и сексуальностью, оставшимися от зрелых годов его Солнечной Студии. Теперь он опять начинал становиться тучным, к общему негодованию, только еще хуже: он давал своим волосам расти как попало, и зад его отвисал под кильтом. Хуже всего, что он превратился в зеркальный образ своего старого менеджера, хотя без искупающих качеств полковника. И петь он совершенно не мог. Зато он был Королем Благословенной Земли; если вам не хотелось быть рыбаком, фермером или рабом, вы играли по его правилам.

— Он был куда симпатичнее до того, как умер, — прошептал Кейт.

Джон засунул бычок в рот и задумчиво пожевал его, собирая на язык остатки жженой травки.

Потом встал и грубо хлопнул барабанщика по плечу.

— Все мы были симпатичнее, — ответил он. — Теперь давай, друг. Назад, к жернову.

— Рок-н-ролл, — прошептал Кейт.

2

Остров был известен как Благословенная Земля.

Через тридцать лет после Дня Воскрешения это было единственное место в мире, где можно было услышать живой рок-н-ролл, и существование его в значительной степени обеспечивали влиятельность и божья искра Элвиса. Он кое с кем договорился из власть имущих, набрал в команду титантропов, за два-три года отыскал воскресших музыкантов, сделал переводы песен… И вот наконец Элвису удалось организовать небольшую колонию на маленьком островке за сто миль вверх по Реке от Пароландо, нераскрытом скоплении грязи и камней, где обретались два невостребованных грейлстоуна. Не совсем неожиданно он решил назвать этот остров Благословенной Землей. Так его и занесли на пароходные карты, название, под которым

он стал известен сотням тысяч жителей Долин, услышавших о нем…

Остров Благословенная Земля имел только одно приносящее прибыль занятие: рок-н-ролл, исполняемый живо и громко. Элвис оказался достаточно оборотист, чтобы не посадить свои оркестры на речные пароходы и не отправить их в концертные туры вверх и вниз по великой Реке; существовало еще слишком много нецивилизованных мест, где его группы могли потерять не только Граали и с таким трудом организованное оборудование, но и жизни. Вместо того он благоустроил остров и дал знать, что супергруппы играют на нем шесть вечеров в неделю, восемь месяцев в году, и пускай все желающие приезжают к нему. Билеты можно приобрести на пристани в обмен на все, в чем нуждается пятьдесят постоянных жителей Острова Благословенная Земля, будь то рыба, материя, обработанные металлы, инструменты, открытые Граали, речные продукты, дополнительное спиртное и сигареты, новые зажигалки, драгоценные и полудрагоценные камни, поклонники (особые поклонники) за неделю торговли получали доступ в обнесенный частоколом амфитеатр острова Благословенная Земля.

Каждую неделю к пристани причаливал другой пароход, выгружал очередных сто с лишним пассажиров, которые совершали торгово-обменную поездку вверх или вниз по Реке через Остров Благословенная Земля. Они окружали свои грузы на причале, потом отправлялись в торговые будки на подветренном берегу острова, где находился грейлстоун для посетителей. Допускалось пребывание на Благословенной Земле ровно на неделю, с разрешением за дополнительную плату посещать амфитеатр. Однако, поскольку все оружие конфисковывалось на причале титантропами и посещение амфитеатра было скорее приятным, немногие отказывались платить. Это было место, где многие воскрешенные могли провести настоящие каникулы в новом мире.

Разумеется, Благословенная Земля имела свои обязательства и необходимость кое-что оплачивать. Надо было не только давать взятки соседним проживающим на Реке национальностям, чтобы они защищали постоянных жителей острова от вражеских нашествий, но и все театральное оборудование — от электрогитар до относительно простых приспособлений для улучшения звука и до гидроэлектрогенераторов, которые обеспечивали все энергией, — подлежало налогам,

отдаваемых жителям Пароландо и Новой Богемии, которые, в свою очередь, получали львиную долю от прибылей Острова Благословенная Земля. В результате такой системы на острове было довольно мало возможностей для персональных благ постоянным жителям острова. Так как считалось, что Король часто держит многих под наблюдением, трудно было бы не работать как следует. То есть, если стирание пальцев до кости игрой на грубых медных струнах ежевечерне нельзя считать работой…

На Благословенной Земле было два постоянных оркестра, и они каждый вечер в концертный сезон менялись. Один оркестр — американцы, Возрожденный Уондер Крик: Лоуэлл Джордж, певец и гитарист; Дуан Оллмен, гитарист; Берри Окли, басовая гитара, Род «Пигпен» Мак-Куэн, аккордеонист и гармонист, Деннис Уилсон, барабан и — когда она была трезва и способна добраться до сцены — Дженис Джоплин, вокалистка. Крикеры придерживались стиля графства Мэрин, который находил теплый прием у большинства жителей Долины, учитывая аграрные условия, с которыми они столкнулись со Дня Воскрешения; нетрудно было добиться успеха исполнением «Гордой Мэри» или «Смотри, как Река течет».

С другой стороны — «Зомби Мерси», которые находились в явно невыгодном положении. Им досталось смешанное наследство групп Битлз, Роллинг Стоунз, Ху и Секс Пистолз, и квартет мог справляться всего с несколькими номерами, приемлемыми для среднего уровня жителя Долины, но звук у них больше приближался к исполнению Британского Нашествия (обоих из них), выдаваемый гитарами хард-рок, который, кажется, не устраивал большинство публики. Песни вроде «Холодный турок» и «Как мне надоели США» не говорили много публике, так удалившейся от проблем героина или Дядюшки Сэма. Отсюда — оба оркестра имели противоположные репутации. Если Дженис начинала бессвязно бормотать под действием лишайникового вина, с ней рядом всегда находился ее старый друг Пигпен, который ее выручал. А «Зомби Мерси» заслужили себе дурную репутацию тем, что на сцене иной раз начинали тузить друг друга, а за сценой устраивали кулачные бои и выяснения отношений… а Сид не мог отрицать, что иногда плевался в передние ряды публики, если слышал от них презрительные насмешки.

Не раз Элвиса спрашивали покровители Благословенной Земли, почему нельзя найти и нанять

других воскресших рокеров. Обычно Элвис отделывался тем, что бормотал: «неплохая идея, друг, я над ней подумаю» или — «мы, знаете ли, выправляем контракт» — но настоящая причина состояла в том, что те музыканты, которых отыскали за долгий период его поисков талантов, были единственными, кто до сих пор считал, что они имеют отношение к музыке. Джими Хендрикс был жив, но местом его пребывания стал теперь Соул Сити, где он изредка играл блюзы в дуэте с Робертом Джонсоном; никто из населения за пределами штатов африканского наследия никогда не слышал их исполнения. Хэнк Уильямс и Пэтси Клайн женились и владели фермой по нижнему течению, как и их ближайший сосед, Большой Боппер. Ронни Ван Зандт и Стив Гэйнс стали рыбаками; Бадди Холли и Ричи Вэйленс содержали небольшую авиакомпанию, полеты по Новой Богемии. Боб Марли имел репутацию революционера, тайно путешествующего по Долине Реки с целью вдохновлять и организовывать восстания угнетенных наций-рабов повсюду, где только он и его шайка проафриканцев могла их найти. Бон Скотт стал безнадежным наркоманом, бродягой без грааля, везде, где только мог, он садился на корточки и выпрашивал необходимые

продукты и предметы в любой деревне, которая готова была его принять.

И никто не знал, что случилось с Джимом Моррисоном… если он на самом деле умер в Париже, когда все поверили, что так с ним и произошло.

3

Незадолго до заката грейлстоун распределял обед с обычными своими звуками и яростью. Поскольку публика сняла свои Граали, титантропы отворили деревянные ворота в частоколе амфитеатра и позволили вновь прибывшим войти внутрь. Между тем, под факелами, окружавшими сидячие места, сотня вновь воскрешенных сидела на бамбуковых скамьях или стояла, ожидая, что оркестр займет места на сцене. Летний вечерний бриз доносил разные смешанные запахи — жареной рыбы, лишайникового вина, табака и сигарет с марихуаной — вместе с негромким жужжаньем голосов, нетерпеливыми свистками и хлопаньем ладоней. Звуки и запахи рок-н-ролла.

— Десять минут до начала, Джон.

Джон вернул занавес из рыбьей кожи на место: он раздвинул его на полдюйма, чтобы взглянуть на публику от входа за сценой. Он обернулся, что-

бы посмотреть на костлявую молодую женщину, которая тихонько подошла к нему сзади.

— Уже прижал его для тебя, любовь моя, — сказал он терпеливо.

Она в явном смущении замигала; он ущипнул складку на занавесе:

— Видишь?

Мэри Уэст Винд покраснела и опустила глаза в пол, смутившись из-за того, что вовремя не поняла предерзостный намек. Джон широко улыбнулся ей, чтобы показать, что он ничего такого не имел в виду, и она заметно успокоилась. Мэри Уэст Винд была цветущим ребенком из Сан-Франциско, пока шесть таблеток ужасного ЛСД не отправили ее навсегда на земляничные поляны. Здесь, на Благословенной Земле она служила рабочей сцены и дежурной поклонницей для обоих оркестров. Однако она была такая милая и невинная, что ни один из рокеров — и даже Сид, даже в самые распутные моменты — не осмеливался изнасиловать ее, хотя Джон полностью осознавал, что она отдает ему особое предпочтение.

— Король меня просил поручить тебе разыскать Брайана, — робко поведала Мэри. — Хочу сказать, я знаю, где он, но я не могу… хочу сказать,

я не должна…

Джон вздохнул и протер ресницы большим и указательным пальцами. Зрение у него теперь стало совершенным, но ему все еще не хватало его очков. Точно как у Кейта с его прогнившим золотым зубом.

— Знаю, знаю, — пробурчал он. — Проклятье… ладно уж, пойду поищу нашего искателя приключений.

Он начал отходить от занавеса; Мэри почтительно отступила, чтобы дать ему пройти к короткой лесенке, ведущей в артистические уборные. Повинуясь внезапному импульсу, Джон наклонился и по-братски быстро клюнул ее в щеку.

— Всегда стой на своем, дорогая, — шепнул он ей на ушко. Мэри захихикала и опять покраснела, пока Джон скакал вниз по ступенькам.

Помещение за сценой было длинным деревянным сараем, разделенным на отдельные уборные и большую «зеленую комнату»[8], помещавшуюся как раз позади выхода на сцену. Члены группы «Возрождение Уондер Крик» собирались в зеленой комнате, ожидая своего вечернего выхода.

---

[8] Примечания: 8
Артистическое фойе.

Дуан репетировал щипки на отсутствующей гитаре, Берри, Лоуэлл и Пигпен играли в покер, Деннис дремал на кушетке в углу, а Дженис, как всегда, начинала напиваться. Как и сам Джон, все они нарядились в простые кильты, сандалии и рубашки или жилетки из кожи морского окуня.

Давно миновали дни тщательно продуманных театральных костюмов, вместе с вытянутыми в длину лимузинами и перегруженными дорогами, шампанским в охлажденных ведерках и подаваемыми обедами из пяти блюд, хрустальными бокалами для пунша, наполненными кокаином, и агентами, которые указывали в контракте непременные пять фунтов конфет M&M's, да еще чтобы вытащили все красненькие…

С другой стороны, не хватало также многих людей, обычно болтавшихся прежде в помещении за сценой: излишне пестро одетых диск-жокеев, фотографов-неудачников, готовых запечатлеть вас, пока фотоаппарат вспыхивает вам прямо в лицо, так что фотография может быть опубликована в следующем номере «Биллборд», студийных репетиций, загромождающих коридор, движения руками и плечами в попытке затолкать втершихся сюда раболепных победителей местных состязаний с копиями альбомов, которые вы

больше всего ненавидите, бормочущих пустомель, пристающих к вам, когда вы пытаетесь проложить себе путь в туалет, и, конечно же, поклонников с их спутанными волосами и разбитыми губами, которым не терпится трахнуть рок-звезду, так чтобы они смогли описывать это событие еще десять лет в своих воспоминаниях; или, по крайней мере, заставить своих регулярных любовников невероятно ревновать.

Учитывая все это, Джон был только счастлив, что все эти модные и претенциозные обычаи теперь удалены со сцены. Оставалась только музыка, чистая и простая, точно в заброшенном розовом саду, очищенном от лоз с широкими листьями и удушающими сорняками… Хотя некоторые вещи остались такими же…

Он прошел через зеленую комнату и спустился в короткий и узкий коридорчик к артистическим уборным. Сид был в своей комнате, очевидно, распростерся на кровати, его гитара прислонена к стене. Джон просунул голову в дверь, просунул пальцы в рот и резко свистнул.

— Вставай, вставай, убийца юный! — заорал он. — Время концерта!

Ресницы Сида зашевелились:

— Пошел ты… чертов хиппи, — пробормотал

он из глубины своих наркотических галлюцинаций.

Но Джон уже вышел в зал, прошел по короткому боковому коридорчику, ведущему к двери на сцену. Внизу он услышал голоса, но не остановился, чтобы посмотреть. Вероятно, Король взывает к силам ада ради кого-то другого, ради воображаемого или истинного проступка…

Дверь комнаты Брайана была заперта. Джон остановился и приложил ухо к пробковой панели; он слышал изнутри слабые стоны удовольствия между биением тела о тело. Он усмехнулся: Брайан занимается своим обычным предконцертным делом. И каждый вечер новая девушка; все, что ему для этого требовалось, это заглянуть в ближайший лагерь зрителей и поискать, пока не найдет птичку, которая не станет возражать, чтобы ее трахнул человек, учивший Мика Джаггера петь. Если бы все жители Долины не стали стерильными в День Воскрешения, Брайан, вероятно, целую деревню населил бы своими незаконнорожденными отпрысками к сегодняшнему дню…

Но хватит — значит хватит. Пора работать. Джон набрал в легкие побольше воздуха, потом подавил желание заорать. Вместо этого он ти-

хонько постучал костяшками пальцами в дверь, зажал свой нос большим и указательным пальцами другой руки.

— Телеграмма для мистера Джонсона! — объявил он в нос.

Облегченный вздох и женское хихиканье с той стороны двери.

— Иду! — весело отозвался Брайан.

— Уверен, что идешь, — обрадовался Джон. — Осталось пять минут!

— Увидимся в полпятого.

Опять подавленный смех.

— Прекрасно, сэр.

Джон мог не беспокоиться о том, чтобы Брайан вовремя пришел на сцену, это Сид доставлял всем сплошные неприятности. Теперь надо найти Кейта; еще ниже он мог слышать сверхактивное «ратта-тап-тап» — удары барабанных палочек по мебели. Кейт был наэлектризован и готов к представлению, как обычно. Ну, если только он снова не устроил полный погром в своей комнате…

Когда он повернулся, чтобы пройти по коридору в другую сторону, Джона напугал тяжелый удар по его плечу. Он подскочил на полфута вверх, потом обернулся, чтобы обнаружить массивную волосатую фигуру титантропа, загородившую

коридор.

Джон облокотился о стену, ухватившись рукой за колотящееся неистово сердце.

— Ой… Билли, это ты, — едва выдохнул он. — Ты меня вусмерть напугал, друг.

Билли был один из титантропов, которые работали на острове. Хотя у оркестров и групп редко возникали проблемы с людьми из слушателей, которые искали бы пути к артистическим уборным, Элвис настаивал на том, чтобы один из титанов был записан в штат как обеспечивающий безопасность.

Билли охранял дверь выхода, мимо которой Джон только что прошел. Никакого списка гостей было не нужно: если Билли называли имя — как делал Брайан каждый вечер — Билли помнил это имя неделями, даже месяцами, и пропускал его носителя. А если кто-нибудь пытался его надуть или проложить мускулами путь к уборным, таким посетителям обычно давали урок перелета через частокол.

— Шозалею ваш бешпокоить, — произнес Билли с обычным своим акцентом, — но кто-то у двери наштаивает ваш видеть.

Билли выглядел раздраженным, как если бы только из-за того, что ему приходилось сгибаться

почти пополам, чтобы не стукнуться о потолок своим громадным черепом. Джон вздохнул: положение звезд рока умерло в этой жизни после смерти, но это обстоятельство все еще не препятствовало некоторым ревностным любителям стремиться получать автографы в самое неподходящее время.

— Скажи им, я уже собираюсь на сцену и повидаюсь с ними позже, — начал он.

— Он шкажал, он лучче повидает ваш шейчаш, — настаивал Билли. Прежде, чем Джон успел ответить, он добавил: — Он ш Церкви Второй Попытки, шкажал, што ш тех пор ваш жнает.

Билли сделал паузу, затем еще добавил:

— Он шкажал, это вазно. Шкажал, его имя — Дзим.

Джон растерянно смотрел на Титана:

— Джим? Я не знаю никого по имени…

Он осекся. Долгую-долгую секунду Джон простоял, таращась на Билли, пытаясь осознать, что он сказал ему. Когда до него дошло, что это значило, первым его импульсом было громко закричать, чтобы примчались Кейт и Брайан… черт, не только они, но еще и Дуан, и Пиг, и Дженис, и Мэри Уэст Винд, и кто-нибудь еще, кто помнил это волшебство, любого в пределах слышимости

его голоса, кто помнил Ящерного Короля.

Джон вобрал в себя воздух.

— Извини, — пробормотал он, потом проскользнул под правую подмышку Билли и медленно пошел назад к пересекающему путь коридору. Позади он слышал нервный стук барабанных палочек, слабый женский вскрик оргазма. Все вокруг него было звуком: треньканье немых струн Дуановой гитары, чей-то смех над устарелой шуткой, отдаленное хлопанье ладоней в публике, ждущей увидеть ожившие легенды их прошлого. Джон пустился галопом…

Он остановился на перекрёстке коридоров, вылупившись на открытую дверь. Свет факелов снаружи высветил фигуру в длинном одеянии, полуразличимую, стоявшую за дверью…

Никто его, тем не менее, не окликнул. Никто не сделал жеста узнавания, никто не сделал знакомого движения по коридору ему навстречу. Только похожая на монаха фигура в строгом коричневом платье, на шее у которой висело спиральное ожерелье из рыбьей кости, ждала на самом пороге уборной. В темной яме капюшона лицо, в котором чудилось что-то знакомое, впервые увиденное много лет тому назад в Торонто, когда их имена вместе красовались на афише…

— Джим? — прошептал он. — Джим, неужели это ты?

— После концерта, Джон. — Голос звучал очень низко, но ошибки быть не могло — это тот самый голос. — Приходи сюда, когда отыграешь.

И фигура растаяла в тенях, дав двери снова медленно затвориться.

Джон глазел на нее до тех пор, пока Кейт не стукнул его одной из своих барабанных палочек и не напомнил ему, что люди ждут. Впервые за тот промежуток времени, который хоть кто-то мог помнить, Джон опоздал выйти на сцену.

4

Концерт «Зомби Мерси» продолжался около часа; никто не удивлялся, а меньше всех — Джон, что выступление вышло неудачным.

Джон давным-давно уже понял, что истинной проблемой группы было то, что при всей расстановке звезд, все ожидали услышать свой любимый репертуар Битлз, Роллинг Стоунз или группы Ху, или Секс Пистолз. Однако между возможностями членов каждого оркестра была большая разница, которая не могла быть легко преодолена тем, что все они были британские

рокеры; это все равно что ждать сотрудничества Нэта Кинга Коула и Джими Хендрикса лишь на том основании, что они оба — черные американские музыканты.

В то время как для Кейта, например, было возможно в совершенстве выстучать атомную атаку во вступлении к мелодии «Я вижу на Целые мили», Джон затруднялся в пении слов. Хотя Джон и Брайан были вполне счастливы исполнять «Рубиновый вторник» — единственную песню, общую для двух их групп, — Кейт почти засыпал на своих барабанах, а Сид строил гримасы на публику, показывая, как ему скучно. Джон отставал от Сида в песне «Анархия в Соединенном Королевстве»; Брайан строил страшные рожи при маниакальном звуке басов и ударах по струнам гитар, а Сид с трудом выдерживал деревянные духовые инструменты Брайана при исполнении «Не всегда получишь то, что хочешь». Единственная песня, в которой все четыре музыканта сыгрались вместе, была «Суета-маята», несмотря на то, что было совершенно ясно: этот номер публика все еще связывала с Чарльзом Мэнсоном; даже когда оркестр выдавал повторные аккорды, слишком многие лица слушателей выглядели так, словно на сцену вдруг выползли четыре гигантских

таракана. Мэнсон и его оркестранты буквально испортили эту песню на веки-вечные.

И только когда три остальные члена группы покидали сцену, чтобы дать Джону спеть «Вообрази» в качестве финала, толпа зрителей, казалось, просыпалась от ступора, в котором сидела с остекленевшими глазами, и даже подхватывали припев.

Хотя это вовсе не было так уж неожиданно: именно эта песня затрагивала струнки в сердцах жителей Долины, которые, в конце концов, оказались возрожденными в мире без границ, стран или флагов. В заключение песни Джон вставал из-за самодельного пианино среди растущих аплодисментов, один раз раскланивался — и благодарно покидал сцену.

Все в полном составе уже слонялись по зеленой комнате; Кейт боролся врукопашную с Дуаном, Брайан начал разговор с Дженис, Берри и Деннисом, а Сид молча устроился в уголке, вылупившись на всех присутствующих с презрением некогда бывшего в моде панка. Джон прошел мимо них совершенно незамеченным, остановился возле своей уборной, чтобы положить гитару на кровать, потом несколько мгновений постоял, нерешительно вглядываясь в пакет, обернутый

рыбьей кожей, лежавшей на столе.

— Что за черт, — пробормотал он про себя.

Затем он вытащил из пакета косячок, вышел из комнаты и направился вниз по коридору, к выходу.

Билли занимал свой пост, сидя возле открытой задней двери на громадном дубовом табурете. Когда Джон появился, великан вскочил.

— Он вше здет ваш, — доложил он. — Я шпрошил, мозет он в васу комнату пойдет, но он не жахотел.

— А, черт… извини, Билли, вше в порядке, — титантропический акцент Билли был некоторым образом заразителен. — Поговорю с ним за дверью.

Билли понимающе кивнул. Джон похлопал его по волосатому предплечью и вышел из здания.

Окруженная деревьями территория позади сценического сарая была темной, ее освещали только два мерцающих наполовину выгоревших факела, обозначавшие путь к внешним домам. Джон слышал ритмические удары ладоней публики, вызывавшей вторую группу выйти на сцену. Глаза его привыкли к полутьме после ярких огней сцены и стали оглядывать тени.

— Джим? — тихонько позвал он. — Эй! Джим?

Закутанная фигура, которую он видел раньше, вышла из тени дуба.

— Здесь, — сказал спокойный голос внутри поднятого капюшона.

Джон сделал шаг вперед, затем нерешительно остановился.

— Если это в самом деле ты, — ответил он, — дай мне увидеть твое лицо.

После секундного колебания руки этого существа задвигались в темных складках его одеяния и опустили капюшон. Еще через мгновение он ступил еще дальше в полосу света, демонстрируя себя Джону.

Это был и в самом деле Джим, но совсем не тот Джим, которого он помнил. Его темные волосы больше не спускались до плеч, вместо того они были коротко подстрижены, очень коротко, почти как у монаха. Лицо все еще отличалось поразительной красотой, но знакомое сияние мужественного мальчика совершенно исчезло, оставив только нейтральное, почти блаженное выражение. Джим, во всяком случае, умер, раздавленный пьянством, его внутренние ощущения были похищены алкоголем и наркотиками.

Теперь он выглядел снова омолодившимся, но выглядел как закутанный в плащ силуэт,

стоящий в этом скудном освещении, точно он материализовался из одной из поэм Уильяма Блейка, который произвел на него, студента факультета искусств, громадное впечатление.

— Ты немного изменился, — констатировал Джон.

Глаза Моррисона блеснули под тяжелыми веками:

— Мы никогда не были с тобой близки, Джон, так как же ты можешь судить, насколько я изменился? — Он поднял руки, рукава соскользнули вниз. — Может, я всегда такой и был.

Джон усмехнулся:

— Никогда не видел тебя в таком одеянии на обложке альбома «Роллинг Стоунз». — Джим только во все глаза глядел на него, нисколько не развеселившись. Джон вытащил косячок, который он прихватил, выходя из своей комнаты. — Не присоединишься ли ко мне для небольшой затяжки? — Джим не ответил. — Что, больше не употребляешь наркотики, а? А что если нам пойти и подцепить каких-нибудь девчонок в таком случае? — Ответом снова было молчание. — Ну, почему бы тебе не пойти со мной и не найти дело для твоего члена, в память о старых временах, а?

Глаза Джима на секунду зажмурились, он как

бы сдерживал себя.

— Я теперь вне всего этого, — ответил он невыразительно. — Но — да, ты прав. Я переменился.

— Вот я и то заметил, — Джон вставил в рот косячок, прикурил от зажигалки и втянул в себя терпкий дым. В одной жизни человек носит облегающую черную кожу и французские шелковые рубашки, а в следующей украшает себя мешковиной и золой. Фокусы. — Ты концерт слышал? — спросил он, выдыхая через нос.

— Слышал.

— Не совсем, конечно, восторженный отзыв… — Джон наклонил голову в сторону двери. — Эй, а почему бы тебе не войти — и я тебя представлю другой группе? Большинство из них думает, что ты не исполнял этого, но они с удовольствием дадут тебе посидеть среди них. Господи, ты же, по крайней мере, сможешь получше них исполнить «Зажги мой огонь».

Слабая попытка улыбнуться.

— Вероятно… но я больше не пою.

— Правда? — Джон начал было следующую затяжку, но внезапно почувствовал себя дураком. Он наклонился, чтобы выплюнуть окурок в траву, потом отбросил его подальше. — Какая потеря… — Он сделал паузу, глядя в сторону неис-

пользованного окурка. — Знаешь, наверное, я тебе не говорил, но ты был действительно очень, очень хорош. Я даже чуточку завидовал твоему голосу. И некоторые вещи, которые ты писал, особенно стихи…

— Не для того я сюда пришел, Джон.

— Так какого дьявола ты сюда пришел, Джим? — Джон в запальчивости сложил руки на груди и уставился на ученика. — Пришел, чтобы важно постоять тут и посмеяться в рукав над дураком, который все еще поет пять вечеров в неделю «День триппера»?

— Я не смеюсь над тобой.

— Боже! — вскричал он, внезапно по горло сытый этим разговором. — Ты рассуждаешь, как вонючий священник!

Джон импульсивно резко повернулся и начал пробираться назад, к двери. Он уже был почти внутри сарайчика. Билли, приподнявшись с табурета, готов был отойти у него с дороги — когда Джон так же импульсивно повернулся назад.

— Из всех людей в мире, — рявкнул он, указывая пальцем на фигуру в плаще, — я мог бы, по крайней мере, от тебя ждать честности!

Лицо Джима оставалось пассивным, но на мгновение в его глазах короткой вспышкой

мелькнуло раздражение.

— Я так мало тебе сказал, — голос его звучал спокойно.

— До сих пор говорил главным образом ты.

На несколько мгновений они уставились друг на друга. Через дверь Джон слышал доносившийся из коридора крик: «Ты, гребаный, трахнутый-перетрахнутый, с какой стати ты выдаешь эту гребаную песню, как…» и — «Катись отсюда, ты, пидор!» Судя по этим звукам, выясняют отношения после концерта Кейт и Сид.

— Билли, поди, прекрати это, пожалуйста, — пробормотал Джон, не глядя через плечо.

Он услышал, как табурет двинулся назад, и Билли начал маневрировать своим телом размером с хороший бьюик, пробираясь в коридор. Если Сид неблагоразумно не попытается опять стукнуть Билли, исход стычки можно считать решенным. Джон поколебался, затем пошел назад туда, где Джим терпеливо поджидал его.

— Ну, так говори же, — предложил он.

5

Далеко за полночь Джон лежал в своей палатке, разглядывая длинный деревянный центральный

шест.

Мэри Уэст Винд крепко спала рядом с ним, большая часть простыней обернута вокруг ее нагого тела. Повинуясь порыву, он привел ее в свою палатку после представления; они занимались любовью с неистовостью подростков, все же, несмотря на свой пыл, она уснула почти сразу после того, как кончила. Джон, однако, почувствовал почти облегчение; он не был расположен разговаривать, на самом деле он чувствовал отдаленность от нее, даже посреди их любовных судорог. Они использовали друг друга каждый в собственных интересах: она, наконец, затащила в постель сексуального на вид парня с задней обложки «Познакомьтесь с Битлами», а он нашел временное облегчение от внутренних темных мыслей.

Теперь он лежал обнаженный поверх одеял, прислушиваясь к прохладному ночному бризу, припоминая другую позднюю ночь в иной жизни.

Как он выходил из машины со своей женой, держа под мышкой записи передачи на студии, сделанные в тот день. Обычная толпа собирателей автографов и фэнов повисли на передней дверце Дакоты. Пройдя на тротуар, Йоко шагала

впереди него, расчищая ему дорогу в открытую арку входа в здание. Он чувствовал себя довольным сегодняшней работой, предвкушая, как будет играть со своим маленьким сыном, прежде чем его уложат спать…

Откуда-то сзади него позвал голос какого-то молодого человека:

— Мистер Леннон?

Поворачиваясь, он увидел затененную фигуру в боевой стойке за каких-нибудь пять футов, целящуюся из пистолета прямо в него.

Едва ли миг суматохи, он хотел что-то сказать… пока громкий пистолетный выстрел, вспышка из дула, страшная сила пяти пуль, которые вогнали в него…

Как он повернулся кругом, как кричало в агонии тело, как сознание онемело от того, что только что произошло, как он не мог поверить, что в него только что стреляли… как, спотыкаясь, приближалась Йоко… Боже, в него стреляли… Он умирает, говоря что-то, что он не может припомнить, своей дорогой жене, а привратник уже мчится к нему…

Сирена скорой помощи, кричащие голоса, кругом полисмены, холодная поверхность тротуара… беглый взгляд на молодого человека, стоящего на

кромке тротуара и читающего книгу в бумажной обложке… его укладывают на носилки… тошнота, слабость, ощущение, что он уходит за пределы пространства и времени…

— Вы знаете, кто вы? — мягко спрашивает бесплотный голос фараона перед концом…

Что ж, констебль, по крайней мере, я думаю, что знаю. То есть, всего миг тому назад имя было у меня на кончике языка, как раз перед тем, как какой-то ненормальный олух меня подстрелил.

Я однажды с королевой за руку здоровался, и я абсолютно уверен, что играл однажды «Стадион», если вы об этом спрашиваете. Но, если только вы дадите мне несколько минут, я уверен, что смогу найти правильный ответ. Мммм… вы не станете возражать, чтобы ответ был неоднозначный, нет?

— Не так уж, к чертям, и смешно, — прошептал он себе самому.

— Мы не можем позволить вам продолжать, — сказал тогда Джим. — Слишком вы опасны.

Не думая об этом в действительности, Джон медленно перекинул ноги через край кровати; они начали отдыхать на грубых деревянных досках, на которых была раскинута палатка, и в течение нескольких секунд он вглядывался в

темноту, прислушиваясь к ритмичному дыханию Мэри.

— Нам дается шанс, ты что, не понимаешь? — Голос Джима был почти умоляющим. Нас принесли сюда старики, каждый из нас из незапамятных времен, чтобы достигнуть персонального спасения через наши личные дела. Мы еще можем добиться единения с Богом, Джон, но только если дадим себе шанс…

Он мог слышать, как течет Река в темноте. В нижнем течении, где-то недалеко, выдолбленные каноэ плавно проделывают путь к Благословенной Земле, в них гребут члены Второй Попытки, которые ждали этого часа, когда все на острове будут спать.

Но ты и другие оживили старые пути. Вы принесли технику на этот остров, где некогда существовать только поддерживающие жизнь грейлстоуны, и вы используете эту технику, чтобы проповедовать зло. Вы снова принесли поклонение идолам, дебоши, похоть всевозможных видов… все то самое, что я сам осуществлял до возрождения…

Джон наклонился и поднял с пола кильт, который Мэри сорвала с него. Его взгляд блуждал по различным предметам, лежащим на столах

и стульях вокруг его палатки — по запасной одежде, по его граалю, по резной деревянной табакерке и других сделанных вручную предметах украшательства, подаренных ему посещающими его поклонниками, по гитаре, — пока его глаза не остановились на длинном плоском предмете в углу.

Я-то надеялся, что ты можешь присоединиться к нам, но теперь вижу, что это невозможно. Все, о чем я прошу теперь, — чтобы ты получил мое свидетельство и понял, почему мы сделали то, что должны сделать, почему я привел их сюда…

Джон протянул руку и взялся за нож из рыбьей кости, вытащил его из ножен. Слабое красноватое сияние отразилось на его блестящей белой поверхности.

Рок должен умереть, Джон…

Он огляделся; через открытые клапаны палатки он увидел неожиданное сияние огня из амфитеатра.

Ты должен это признать…

И он исчез в глубоких ночных тенях.

— Черта лысого я это сделаю, — шепнул он огню. Сжимая нож в кулаке, он вышел из палатки.

По всему лагерю уже раздавались крики, крики удивления, гнева, шока, отчаяния. Он видел, как

из палаток выскакивают люди, недоверчиво глядя на огонь, который пожирал территорию сцены. И вот пошли новые языки пламени, поменьше, помещение за сценой, столбы для усилителей, пульт, все по очереди охватывало пламя, а отдаленные фигуры, закутанные в плащи, перебрались через частокол и осуществляли поджог амфитеатра.

Все здесь сделано из дерева; раз сюда пустили огонь, все погибнет за считанные минуты.

Жар обдал его кожу. Он услышал, как в гневе ревет Элвис. Он видел сквозь деревья, как люди из публики движутся к осажденной сцене. Кто-то невдалеке пронзительно кричал от смертельной боли, внезапно крик прекратился, когда другой нож нашел пассивное горло сторонника Второй Попытки.

— Джон? — позвала его Мэри откуда-то сзади. — Джон, что происходит?

Джон проигнорировал ее. Где-то в центре пожара ждал его Джим, прыгая с факелом в руке, поджигающий драгоценное звуковое оборудование и акустические приспособления, и его, Джона, собственное, грубое, но незаменимое пианино. Музыкальная техника, по мнению группы религиозных фанатиков, бывшая корнем зла,

подвергалась систематическому уничтожению.

Джон сделал еще несколько шагов в ночь. Не особенно трудно будет найти Джима. Он должен убедиться в том, что тот умрет, прежде чем покинет Благословенную Землю; он только не сказал Джону, что собирается сделать, и Джон пытался убежать от грубой реальности угрозы тем, что взял к себе домой маленького цыпленка-хиппи. Если курить достаточно наркотиков и достаточно долго трахаться, можно избежать соприкосновения со всем на свете. Дьявол, когда доходило до этого, он был классным мировым чемпионом, когда нужно было избежать ответственности.

Нет, хватит. Только не тогда, когда что-то, что он любит, поджигают факелами.

Мэри все еще выкрикивала его имя, когда он сделал еще несколько шагов в темноту, его ладонь покрывалась потом, держась за рукоятку ножа. Найти этого трахальщика. Схватить его за шею. Взрезать его распроклятую глотку…

— Вы знаете, кто вы такой? — снова спросил его безымянный полисмен в машин «скорой».

Он остановился у следа. Он почувствовал, как его колени дрожат, а он нагнулся к земле.

Он вспомнил клуб «Пещера». Он вспомнил зал Альберт-Холл. Он вспомнил первые американ-

ские гастроли и группы, которые рыдали над клочками земли, где он проходил. Он вспомнил, как поехал в Индию в то время, как умирал Эпштейн. Он вспомнил финальное представление на крыше в Лондоне с ребятами до того, как они стали считать это освобождением. Он вспомнил, как влюбился в Йоко. Он вспомнил их антивоенную демонстрацию — и все другие бесчисленные протесты и демонстрации против войн и насилия. Он вспомнил, как родился Джулиан, потом — Шон. Он вспомнил тот единственный раз, когда встречался с Моррисоном, за сценой в Торонто, когда еще гремели Пластик Оно Бэнд и Дорз. Он вспомнил, как написал песню о том, что нужно дать шанс миру…

— Господи Боже, — шепнул он, — что же я наделал?

Он не помнил, как бросил нож. В действительности, он помнил только то, как Кейт уселся рядом с ним на траву, зажег сигарету с марихуаной и предложил ему.

6

— Не видел ничего подобного с тех пор, как мы в кабаках играли, а, дружище? — сухо спросил

Кейт.

Джон посмотрел на сигарету и тряхнул головой:

— Не совсем точный звук, — продолжал Кейт, — но ритм хороший, и под него можно танцевать. Ах-ха-ха-ха-ха!

Впервые смех его звучал искусственно. Джон продолжал молча вглядываться в горящий амфитеатр. Свет огня отражал верхушки деревьев, человеческие силуэты, носящиеся взад и вперед мимо сцены; в воздухе пахло горящим деревом. Титантропам удалось сформировать бригаду с ведрами из разных музыкантов и зевак, но непохоже было, чтобы это принесло какую-то пользу.

Амфитеатр Благословенной Земли был на пути к тому, чтобы стать историей, чтобы его отстроить требовалось нечто большее, чем постоянная обаятельность Короля. Кейт подобрал нож и играл с ним, как будто бы собирался поиграть в ножички и делал первый круг.

— Знаешь, ты ведь мог его остановить, — сказал он спокойно.

Джон вскинул на него тяжелый взгляд.

— Я хочу сказать, — продолжал Кейт, — я видел, как вы вдвоем болтали, поэтому полагаю, что ты знал о том, что произойдет…

— Но убивать его бессмысленно.

— Гммм, что-то тут есть. Но почему ты, по крайней мере, не дал знать остальным?

— Я не думал, что он, и в самом деле, имел это в виду. До той минуты, пока стало уже слишком поздно. — Джон с минуту подумал, потом пожал плечами. — Не уверен, была бы какая разница или нет. Элвис вышвырнул бы его с острова, но на этом дело бы не кончилось. Если бы даже мы остановили его на этот раз, он бы просто явился снова позже.

Взгляд его вернулся к пламени.

— А так эти дырки в заднице получили, что хотели. Теперь они больше не вернутся.

— Верно. — Кейт воткнул нож в землю, сделал одну затяжку и передал сигарету Джону. Джон смотрел на него с мгновение, потом взял косячок из рук барабанщика.

— Ну что же, я считаю, это ужасно глупо.

— Ты не собираешься никому рассказывать, нет?

Кейт выпустил дым и нахмурился:

— А что, я похож на наркомана? — Он отрицательно покачал головой. — Но что заставляет тебя думать, что будет еще следующий раз?

Джон цыкнул, допустив, чтобы сигарета горела

между его пальцами.

— Вот что, друг. Тебе бы лучше знать. Так легко рок-н-ролл убить нельзя. — Он опять посмотрел на сигарету, потом погасил ее о землю. — Я хочу сказать, ты можешь изгнать его из школ и сжечь все пластинки Биттлов, и всем мозги перепилить, что это дьявольская музыка, и все такое прочее, но слишком это сильный зверь, чтобы его свалить.

— Он махнул рукой по направлению к огню. — Значит, сцену подожгли факелами. И что с того? Мы ведь всегда можем построить новую. Рок-н-ролл никогда не умрет.

— Раз ты так говоришь, — Кейт снова подобрал косячок, выпрямил согнутую бумагу и осторожно прикурил снова. Откуда-то издалека они услышали еще один пронзительный крик. Интересно, подумал равнодушно Джон, может, это Джим.

— Но вообще-то в следующий раз, — пробормотал Кейт, — вряд ли мы будем петь у Элвиса?

Джон лукаво улыбнулся:

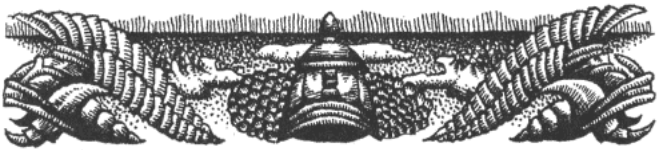
— Только если он вернет мне мои очки, — сказал он, наблюдая за тем, как дым и огонь поднимаются в свет восхода на бесконечной Рекой.

— Да, — согласился Кейт. — Правильно. А мне

— мой золотой зуб.

— Да не начинай ты опять про этот гребаный золотой зуб!

Майк Резник, Барри Н. Мальзберг
Всяк человек Бог[9]



Селус молча пробирался по труднопроходимой лесной тропе, иногда бросая взгляд назад и стреляя туда. Он особенно не беспокоился: шорох сухих листьев и веток предупредит его, если преследователь подберется к нему слишком близко.

Он увидел небольшой ручей, остановился, чтобы утолить жажду, потом зашел до середины ручья в воду, повернулся налево и прошел с четверть мили, затем выбрался на берег.

На другой стороне чаща была гуще, и ему доставляло немало труда продираться сквозь нее. Он вгляделся вдаль натренированным взглядом, отыскал кривое дерево, которое заметил прежде

---

[9] Примечания: 9

EVERY MAN A GOD by Mike Resnick & Barry Malzberg Copyright © 1992 by Mike Resnick & Barry Malzberg.

чем входить в густое скопление деревьев, и, Я используя его как отметку своего пути, сделал большой полукруг, огибая самые труднопроходимые заросли терновника.

Через некоторое время он дошел до дерева. Он знал, что за ним простирается травянистая равнина, недостаточно большая, чтобы быть саванной, но именно такая, какую он должен беспрепятственно перейти, один и невооруженный.

То и дело он осматривал землю, чтобы найти следы каких-нибудь животных, но ничего не видел.

Он выбрался из последнего кустарника и стоял на краю равнины. Тишина была почти осязаемой: ни птиц, ни обезьян, ни даже жужжания насекомых. Он прикинул, что сможет перебежать через равнину в безопасности к лесу позади нее, вероятно, за три минуты, но колебался, не привлечет ли он внимания каких-нибудь хищников, которых может раздразнить вид бегущего человека, а потому он начал идти не спеша, осторожно, все ощущения его были напряжены.

К собственному удивлению, Селус проделал весь путь к деревьям, не увидев никакого признака жизни, даже такого небольшого его свидетельства, как бабочка. На некоторое время

он был охвачен сомнением: неужели его лесное чутье покинуло его в этом странном новом мире? И тут он заметил едва видимые признаки кого-то: сломанный прутик, поврежденный листок, человеческий волос, зацепившийся за низко свисающую ветку, и понял, что все еще находится на верном пути. Бартон проходил здесь.

Разумеется, Бартон не знает, что Селус следует за ним; тот пробудился в Мире Реки не позднее, чем вчера. Эти два человека встречались только однажды, и не более, чем на двадцать минут, в Занзибаре.

Но, когда Селус проснулся в Мире Реки и начал искать ответы, немногие люди, которых он встречал, упоминали того, второго англичанина, исследователя, говорили, что он проходил по этому пути перед Селусом, и, складывая вместе обрывочные кусочки сведений, он решил, что это Бартон, и немедленно начал его выслеживать.

Каждый сам по себе, эти два человека открыли половину Африки; вместе они могут отыскать какой-то способ прояснить тайны Мира Реки.

И все же, в течение последних трех часов, он начал сознавать, что, пока он выслеживает Бартона, кто-то другой выслеживает его. Это мог быть друг, это мог быть враг — но один и невоору-

женный, каким он был, он не имел намерений оставаться легкой добычей, если это был враг. Он готов встретить своего преследователя, но сделает это на своих собственных условиях.

Он прошел еще милю, все время насторожившись, все еще отказываясь верить, что такой примитивный нетронутый лес абсолютно лишен животной жизни. Наконец, он замедлил шаг. Деревья стали реже, и, если бы он захотел поставить ловушку, не было никакой уверенности, что он не найдет лучшего места для нее дальше.

Он взял веревку, которую сплел, отыскал крепкое дерево, нависающее над тропой, по которой он пробирался, и перекинул через него веревку. Поманипулировал ею на краю ветки и воспользовался своим весом, чтобы опустить ветку на такой уровень, где он мог бы достать ее и привести в определенное положение. Затем привязал один конец веревки к дуплу дерева, старательно сделав так, чтобы она не была видна тому, кто будет приближаться в том направлении, в каком только что шел он сам. И установил ловушку, прикрыв петлю листьями и палочками.

Недостаточно удовлетворенный этим, он нашел несколько упавших веток и тщательно расположил их вдоль тропинки, стараясь, чтобы

они выглядели естественно, так, чтобы тропа постепенно сужалась и его добыча неизбежно должна была ступить одной или обеими ногами в назначенный круг.

Наконец, он отступил назад, чтобы осмотреть свою работу. Она никогда не обманула бы леопарда, этого самого осторожного из животных, но он не мог вообразить себе ни одного другого живого существа, включая и человека, которое заметило бы хотя бы единственный прутик, лежащий не на месте. Селус был охотником, не следопытом, ему не хватало ощущения тяжести ружья в руках, но слишком много лет он провел в буше, чтобы не подметить, как туземцы, не имеющие ружей — хотя они, возможно, стали бы пользоваться ими, как дубинками, если бы овладели ими, — ловили зверей для того, чтобы их есть.

На секунду он пожалел о том, что его друг Теодор не с ним. Знание буша может завести далеко, и тогда, даже посреди зарослей, вы обнаруживаете, что даже еще больше вам нужно знание государственных дел. И никто не способен очаровать толпу, будь это республиканцы, демократы, британцы или массаи, как Рузвельт.

Селус вспомнил прошлый раз, когда он его видел. Это было ровно восемь лет тому назад —

или восемь тысячелетий? — когда он устраивал первое профессиональное сафари в истории континента и без всякого умысла создал громадный новый бизнес, когда нанял охотников, трапперов, кожевников, гончаров, поваров, ребят, обустраивающих лагерь — общей сложностью пятьсот человек — для африканской охоты экс-президента.

А потом Рузвельт опять вернулся на должность президента, и началась великая война, и, хотя ему было уже за шестьдесят, и большую часть своих лет после сорока и до пятидесяти он провел в буше, он остался британцем до мозга костей, и немедленно вызвался собрать полк, чтобы форсировать Ган возле Танганьики.

Да, теперь Селус все это живо Вспоминал. Как он вел своих людей через границу, как потом они плыли на плотах вниз по реке Руфиджи. Сражения, победы. А потом, когда он сидел и завтракал возле совей палатки, из ниоткуда выскочила немецкая пуля и нашла для себя самое подходящее место прямо у него в горле. Он попытался вскрикнуть, но захлебнулся в собственной крови.

Он всегда ожидал, что смерть найдет его в Африке, возможно, в когтях льва или между бивней

слона, возможно, он умрет от какой-нибудь тропической болезни, возможно, в каком-нибудь сражении, против реки Ган. Но умереть вот так, сидя и прихлебывая чай…

Теперь он припомнил, что тогда пытался крикнуть: Бессмысленно! Бессмысленно!

Как у человека, жизнь которого что-то значила, его смерть тоже должна была иметь смысл, и получилось, как будто война и немецкая пуля сговорились лишить его жизнь смысла. Что значат книги, которые он написал, что значит его обращение из охотника в сторонника экологии, борющегося за сохранение природы, что значит его служба Империи, если последним действием его жизни должно было стать клокотание в горле, когда он выплевывал изо рта чай с кровью пополам? Его жизнь читалась, как книга, которая шла к кульминации, а потом, на последней странице, обратилась в фарс. Возможно, эта новая земля, этот Мир Реки, был создан, чтобы дать ему второй шанс, и, когда его рука осторожно искала рану, более не существующую, он молчаливо решил использовать его.

Внезапно Селус услышал резкое «крак» — звук ломающейся веточки, и он снова стал охотником. Он тихо растаял в буше, ожидая, чтобы его пре-

следователь подошел ближе — и еще ближе — к тому, что он теперь считал своим местом охоты, затем он скорчился и ждал с жутким терпением одного из хищников, на которых прежде так часто охотился.

Шаги приблизились, и Селус поборол искушение выглянуть сквозь кусты, чтобы определить природу своего преследователя. Это станет ясно меньше, чем через минуту, если только он не сделает какой-нибудь глупости, чтобы выдать свое местоположение, а он не для того прожил до начала седьмого десятка, чтобы быть глупым.

Еще тридцать метров, прикинул Селус. Теперь — двадцать, теперь десять, теперь…

— Что происходит? — требовательно спросил разгневанный голос. — Выпустите меня сейчас же!

Селус выпрыгнул из своего убежища и обнаружил, что его ловушка зацепила белокожего блондина, который перекувырнулся вниз головой, с одной ногой, подвешенной в самодельном лассо.

— Кто вы такой и почему меня преследуете? — вопросом ответил Селус.

— А на кого я похож, дурень этакий? — рявкнул человек.

— Вы похожи на человека, который находится не в том положении, чтобы выставлять требования, — сказал Селус.

— Человека? — пронзительно выкрикнул пленник. — Вы что, не можете узнать бога, когда поймали его?

* * *

Хьюи Лонг посмотрел на Бетховена и подумал: «Ах ты, хитрый ублюдок! Ты еще хитрее, чем я бы когда-нибудь подумал, — но ты тоже тут заперт, разве не так? Для тебя это вовсе не по-другому, чем для меня».

Они упорно пробивали себе путь из города на равнины, а вокруг них сражающиеся разновидности красношеих — именно так он, во всяком случае, их воспринимал — казалось, поднимались и падали в грязь, крича на него, чтобы он продвигался, чтобы двигался назад, чтобы убирался отсюда. Или, может быть, Хьюи все это сочинил, может быть, они вовсе ничего не говорили. Может быть, и не было тут никаких красношеих, а у него просто галлюцинация, и он навоображал себе целую кучу их. Может быть, это просто какой-то отвратительный сон, а он лежит себе на спине в здании Капитолия, спирт-

ное бродит у него в желудке, а кровь струится из него, и люди плачут, вынося его. Может быть, он проснется в белой комнате, и к его голове прикреплены разные трубочки, а все это останется позади.

Однако Бетховен казался достаточно реальным. Солидный немецкий парень, пять футов шесть дюймов, крепкого сложения, а по всей поверхности щек — прыщи.

Хьюи продолжал продвигаться, он тянулся вперед, прыгал, проходил взад и вперед по грязи, не очень-то преуспевая из-за моросящего дождя и из-за того, что красношеие на расстоянии приободряли его (или ему хотелось так думать).

Это истинное проклятие, проклятая жареная рыба, такая непритязательная, проклятие пробираться по этой грязи, а еще и этот Бетховен прицепился сзади, приноравливая шаг к его шагу, а назад еще более длинный путь, думал он.

Но ничего нельзя с этим поделать. Это была идея Бетховена — покинуть город. Для Хьюи в этом был какой-то смысл: определенно не было никакой причины, чтобы цепляться за этот город, сражаясь за пищу, а еще сильнее сражаясь за внимание, пытаясь освободить немного пространства между пестрыми ордами, желающими

его смерти. (Это было условие для Хьюи в этом месте, проницательность, которой он доверял, на которую полагался из непосредственности старого эксперимента; там люди настолько поглощены собой, что они могли убить его). Если Бетховен хотел уйти, для Хьюи Лонга все было в порядке. Бетховен имел свои причины, у Лонга были другие, но суть заключалась в том, чтобы образовать расстояние между ними и остальными.

О, он хотел бы избавиться и от этого персонажа, но Бетховен привязал его к себе этими сверкающими глазами, этими глубокими страстными глазами, выпуклыми, которые Хьюи Лонг мог понять, видев их тысячи раз.

— Императора нет, — сказал Бетховен, — я думал, что он там, но я ошибся.

Что ж, с Хьюи все в порядке. В Америке тоже нет никаких императоров, если не считать, что каждый человек король. Каждый человек сам себе король; это дошло до него, а дальше дойдет еще лучше.

— Император мертв, — снова повторил Бетховен. — Все умерли, все умерло. Это должно быть единственным объяснением. Вот почему мы здесь. В смерти нет ничего, кроме предательства. Конечно, я это видел в Missa Solemnis, в торже-

ственной мессе. В конце, глухой и безумный, я мог видеть все до самого дна. Хотя, здесь я не глухой; я наполнен звуком и светом, но нет цели. Императора нет.

— Ты неправ, — солгал Хьюи. — Иногда император есть.

Все, что угодно, чтобы успокоить Бетховена, чтобы отвлечь его от этой странной угрюмой ярости, которая находит на этого человека. Между тем, надо идти, не обращая внимание на компанию, которая у тебя имеется. У Босса свои планы. Дайте ему перерыв, дайте ему равную возможность в этой неразберихе, и он сможет найти способ, чтобы все осуществилось для него. Выбраться из города — это достаточно приличный первый шаг. Вообще-то это не столько город, сколько большой лагерь. Бетховен называл это городом, но это верно, действительно, для иного времени и места нужна другая терминология.

Ладно, сказал он себе, только продолжай идти.

— Пфуй, — сплюнул Бетховен.

Было странно, как Хьюи удается понять некоторые немецкие односложные слова, и никакие другие, как язык Бетховена выделяется среди иностранной речи и понятного эсперанто. Это было другое обстоятельство, которое для него

слишком сложно, нечто такое, о чем ему не хотелось говорить, не хотелось размышлять…

— Император меня предал, — сказал Бетховен. — Сначала он, потом остальные. Все они. И оставили нас тут разбираться с этим предательством.

— Ты, вроде бы, слегка ранен, сынок, — сказал ему Хьюи. — Тебе надо чуток успокоиться.

— Надо начинать сначала, — не слушал его Бетховен. — Они это обещали, этого я ищу. Но как может быть новое начало, когда все da capo, и опять, и опять, и ничего fine.

— Я тебя не понимаю, — не без доброты заметил Хьюи.

— Я могу следить за некоторыми твоими словами, но не все их понимаю. — Он сделал паузу, пытаясь найти какую-то общую тему. — У меня, знаешь, тоже не все ладно. В один момент я иду через здание Капитолия, а в следующий уже сердце вроде бы взрывается, как ракета, несущая тебя прямо в небо, и я смотрю на этот проклятый потолок, а после просыпаюсь здесь. Не так-то это легко, знаешь ли. Тебе было легко, знаю, — а меня убили, сынок, укокошили, прикончили. Убили меня, потому что знали, что я буду следующим президентом. — Он сделал паузу, чтобы запасти

воздуха в легких. — Знаешь, так дьявольски тяжело пережить такой переход — только что ты был почти что следующий президент — и вдруг просыпаешься в этом вонючем месте. Это странное, такое странное дело.

О, он мог идти, если хотел. Старый талант был при нет, нить языка, которую он мог размотать, — оказалось, что она заботится сама о себе в этом гнездышке мира. Каждый человек король, а я — их президент, подумал он. Даже Бетховен, кажется, приведен в ужас, вроде наконец замолчал и отвернулся от него.

Хьюи улыбнулся потайной улыбкой. Все продолжать и продолжать заседать в Сенате, открывать заседания, возражать против конституции Соединенных Штатов, его любимого документа, величайшего документа в истории всего мира, продолжать и продолжать — с жестяной баночкой, прикрепленной к бедру, так, что он мог облегчаться в середине речи и при этом не покидать трибуны, сражаться с обструкцией — это означало находить новое значение глагола «говорить».

Если он обдумает истинное значение «слова», это будет гораздо труднее и более вызывающе, чем то, что произошло с ним здесь. То немногое,

что он мог выполнять здесь, в Мире Реки, он делает даром, и это немногим более, чем выстрел в небольшом зале. Настоящее дело было то, что ему удавалось выполнять в Сенате и в предвыборной кампании. Да, он был чудом для своего возраста, это было дьявольски очевидно. А потом его кишки оказались на полу в Капитолии, и теперь он очутился здесь.

До настоящей минуты рядом не было никого, чтобы выслушать или произнести проклятие. Все здесь, даже хорошенькие женщины, работавшие моделями или ночными «бабочками» по пятьдесят долларов, перед кем он мог высказаться, у всех у них хватало своих неприятностей, больших неприятностей, и во многом таких же, как у него.

Прежде всего, они все умерли. Они когда-то закрыли глаза и испустили дух спокойно или каким-то насильственным путем; и следующее, что они осознали — это то, что они пришли в себя в этом вонючем месте вместе с миллионами других. Это была дьявольская травма, и, кажется, таковы были общие условия этого места — и приходилось это понять, и один только этот дар слегка давил на всех. Очевидно, единственное, что можно здесь сделать — это умереть, что было

ужасным.

— Ты же знаешь, что я прав, — сказал Бетховен.

Он снова был расположен к беседе. Он вытащил один из своих грязных носовых платков из какого-то внутреннего кармана, вытер со лба струящийся пот так, как это делали в его эпоху, и дружески предложил платок Хьюи.

Хьюи с отвращением покачал головой. Самое подходящее слово тут было «пфуй», лучше не выразишься.

— Не надо, — отказался он. — Не хочу. Нет необходимости.

Ничего подобного, никогда в мировой истории не было такого, о чем он думал сейчас. Он вспомнил, как стоял у одного из рукавов дельты, борясь со своей боязнью аллигаторов и одновременно почти ожидая, что эти твари выползут из болота и вцепятся в его лодыжки, и все время он пытался удержать толпы их у залива.

Это было одно — но это — это совершенно иное. Удивительно, как ты чувствуешь, что твой опыт приготовил тебя к тому, чтобы иметь дело с целым рядом активной деятельности, а потом выясняется, что тот опыт совершенно бесполезен и ни к чему не применим. На самом-то деле он

рассчитывает на Бетховена куда больше, чем композитор полагается на него. И ни от чего этого не стало легче, когда немец схватил его за локоть и заставил остановиться, устремив на него сверкающий взор.

— Слушай! — сказал Бетховен. — Ты слышишь их?

* * *

— Ладно, — решил Селус, подходя к бледному блондину и обрезая петлю. — Так почему ты меня выслеживал?

— Я не обязан тебе отвечать, смертный, — блондин пытался растереть затекшую ногу.

— Что заставляет тебя думать, будто ты бог?

— Думать, будто я бог? — возмутился тот. — Я и есть бог. Я это объявил.

— Только и всего? — легкомысленная улыбка выдавала, как это забавляет Селуса.

— Довольно с меня твоих оскорблений! — огрызнулся тот. — Я целые города истреблял за гораздо меньшее!

— Ах, неужели?

— Да. А теперь помоги мне встать.

Селус поставил ногу на грудь своего пленника и тяжело надавил.

— Или убей меня за это, или приготовься дать какие-то объяснения, — потребовал он.

— Я тебя убью! — завизжал блондин, снова пытаясь встать. И снова Селус надавил ногой.

— Я всякое терпение с тобой теряю, — объявил он. — Кто ты такой и почему меня преследуешь?

— Я Гай Калигула Цезарь, и я не даю объяснений никому.

— Калигула? — повторил Селус, поднимая бровь.

— Ты обо мне знаешь?

Селус кивнул.

— Тогда склонись передо мной ниц, воздай мне должное уважение и тогда, возможно, я подарю тебе жизнь.

— Ответь на мои вопросы — и тогда, возможно, я подарю тебе жизнь.

— Я бессмертен, — сообщил Калигула. — Я не могу умереть.

Селус усмехнулся:

— Где ты считаешь, ты находишься, и как ты полагаешь — каким образом ты сюда попал?

На секунду Калигула задумался.

— Мне приснился сон, — сказал он. — Мне приснилось, будто мои слуги зарезали меня, разрезали на кусочки. А потом я, будто бы, проснулся

на берегу широкой реки. Но это был только сон, потому что теперь я здесь.

— Это не сон.

— Тогда здесь, наверное, небеса.

— Это не небеса, — сказал Селус. — Могу тебя в этом уверить.

— Это должны быть небеса, — упрямился Калигула. Внезапно он оглянулся кругом: — Но где Юпитер? Где Марс и быстроногий Меркурий? И еще важнее — где Венера? Где Афродита? Где Елены в нашем распоряжении? Где женщины?

— Этого я тебе сказать не могу, — усмехнулся Селус, — хотя знаю о твоей репутации.

— И она вполне заслужена, — оживился Калигула. — Кто, кроме меня, знает все сто один способ ублажить Венеру и из ее удовольствия извлечь свое собственное? — Он сделал паузу, уставившись на Селуса. — А ты что за бог?

— Меня зовут Фредерик Кортней Селус, и я не бог. С другой стороны, ты меня не побьешь ни в том, чтобы доставлять женщинам удовольствие, и ни в чем другом.

— Тогда ты просто демонстрируешь свое невежество, — заявил Калигула. — Ты незнаком с великолепной техникой, в которую я посвящен. Но у тебя, конечно же, нет императорского фал-

лоса с божественной устойчивостью.

— Ты и в самом деле много о себе мнишь, да? — спросил Селус.

— А почему я не должен быть о себе высокого мнения?

— Могу тебя заверить, здесь нет никаких богов.

— Никаких? — Калигула дотронулся до себя знакомым и, по мнению Селуса, отвратительным способом. — Тогда — я последний и, стало быть, величайший. Приказываю тебе сейчас же дать мне встать.

— Ты можешь и сам это прекрасно проделать.

— Я тебе покажу, как вставать, в такое время, о котором тебе и во сне не приснится, — пообещал Калигула, и пристально вгляделся в него. — Ты, должно быть, один из слуг богов. Так подними меня и отведи к ним, или плохо тебе будет, Фредерик Кортней Селус.

— Я убил больше слонов, львов и буффало, чем ты можешь сосчитать, — сообщил Селус. — Не заставляй меня добавить к этому списку еще и бога.

— Я не могу умереть, — конфиденциально поведал ему Калигула. — В Риме пробовали, но из этого получилось только то, что я поднят на

небеса.

— Ну, это не совсем небеса, — объяснил ему Селус.

— Если я оказался здесь, оно должно быть так.

Селус отступил назад и позволил Калигуле подняться на ноги, несколько секунд понаблюдал за ним.

— Так почему ты меня преследовал?

— Я ищу город богов, — ответил римлянин. — Я видел, как ты исчез в лесу, и решил, что ты знаешь, где этот город и приведешь меня туда.

— Ты ошибся.

— Бог не может ошибаться, — убежденно сказал Калигула. — А потому — ты лжешь.

— Это правда, что я ищу город, — согласился Селус. — Любой город. Должна же быть какая-то сила, управляющая этим миром, какие-то правила и те, кто их вырабатывает, и, поскольку правители не заявили о себе на берегу Реки, я решил пойти и исследовать их цивилизацию. Я шел по следу сэра Ричарда Бартона, имя которого так же неизвестно тебе, как и мое. Оно, кажется, теперь забыто, но я надеюсь опять его возродить. Не знаю, куда он направился, но допускаю, что у него тоже хватило ума, чтобы разыскивать правителей этих мест, и надеюсь объединить с

ним усилия, прежде чем он достигнет своей цели. Вот и все.

— Почему я должен тебе верить?

— Ты волен верить всему, чему хочешь, — пожал плечами Селус. — Ты также точно волен идти собственным путем. Я только предупреждаю тебя сейчас: не преследуй больше меня, следующая моя ловушка может оказаться не такой приятной.

Он повернулся и пошел было, но Калигула закричал:

— Подожди!

Селус остановился и повернулся лицом к римлянину:

— Что такое?

— Я устал, и нога болит. Я разрешу тебе нести меня, пока я не обрету свою силу.

Селус хихикнул:

— Очень великодушно с твоей стороны, но я думаю, что как-нибудь обойдусь без этой чести.

Он повернулся, чтобы уйти, а римлянин взгромоздился ему на спину, вцепился ногтями в глаза и укусил за плечо.

Селус опрокинулся наземь, перекатился и умудрился схватить Калигулу за руки и резко их вывернуть. Римлянин закричал и ослабил свою

хватку, а Селус поднялся на ноги.

— Только тронь меня — я тебя убью! — пригрозил он.

— Ты мне больно сделал! — пожаловался Калигула. Внезапно он начал плакать, как ребенок. — Почему все хотят сделать мне больно?

Селус воззрился на него и ничего не ответил.

— Ты что, не знаешь, что тебе не разрешается дотрагиваться до бога? — рыдал Калигула. Вдруг слезы исчезли, чтобы смениться улыбкой. — И все-таки я восхищаюсь твоей храбростью, Фредерик Кортней Селус. Может быть, я разрешу тебе быть моим военачальником. Мы прорежем кровавую тропу среди моих врагов.

— Весьма великодушное предложение, — саркастически заметил Селус, — но в настоящую минуту я — единственный враг, которым ты располагаешь.

— Чепуха, — отрезал Калигула. — Разве лес не наш враг? Разве не скрывает он ту тропу, которую мы ищем? — Он отщипнул небольшую отмершую веточку от ближайшего дерева. — Я возьму эту добычу, чтобы доказать, что мы его завоевали!

— Думаю, что Гиббон поймет эту проблему, — буркнул Селус, во все глаза уставившись на римлянина, когда тот отправился собирать дру-

гие доказательства в память победы.

— Ну? — спросил Калигула, когда его руки были полны. — Не стой же там! Нам еще надо отыскать город — и мир, чтобы завоевать его!

— Думаю, что мы отыщем город куда быстрее, если разделимся, — предложил Селус.

— Великолепное предложение, — отозвался Калигула.

— Но тогда кто будет наполнять мне ванну и приносить еду?

— А я-то думал, что я военачальник!

— Ты тот, кем я желаю тебя сделать, — пояснил Калигула. — А иначе — какова цель того, чтобы быть богом и на первом месте?

— Память у тебя короткая, — сказал Селус.

— Моя память совершенна.

— Но ты уже забыл, что произошло в прошлый раз, когда ты пытался мне приказывать.

— Это другое дело, — возразил Калигула. — Это было до того, как я сделал тебя своим военачальником и до того, как мы поставили лес на колени. — Он помолчал. — Завтра утром я создам какую-нибудь женщину, чтобы мы ею наслаждались, и, может быть, нескольких птиц, чтобы они воспевали наш приход, и мы отправимся маршем искать город.

Селус отрицательно покачал головой.

— Я сейчас же ухожу.

— Тогда я должен идти с тобой.

— Не могу я ждать у следующей своей ловушки. Ты можешь целую вечность вставать вверх ногами, или же прокалываться на острых палках на дне ямы.

— Я позволил тебе меня поймать, — возмутился Калигула. — Я старался захватить тебя, и это оказался простейший путь встретиться с тобой.

— Да уж, конечно, — сказал Селус.

— Не умничай со мной, смертный, не то ты рискуешь навлечь на себя мой божеский гнев.

— Это возможность, которой я должен воспользоваться, — на Селуса слова Калигулы не произвели впечатления.

— Самое меньшее, что я сделаю — это заставлю членов моей стражи проткнуть тебя.

— Сначала найди их, а уж после я буду об этом беспокоиться.

— Тогда я сам это сделаю, — пообещал Калигула, хватая самую длинную и острую ветку, какую мог найти, и размахивая ею, как мечом.

— Только сделай шаг ко мне, и я оберну эту штуку вокруг твоей шеи, — пригрозил Селус.

— Ты всего лишь смертный, — напомнил Кали-

гула с издевательским смехом.

— Никогда раньше не обращал внимания на прихоти сумасшедших, когда жил в первый раз, — сказал Селус. — Не собираюсь менять свои привычки и в этой жизни.

Калигула воззрился на него, ошеломленный:

— Почему все не кончилось, когда я умер?

— Империя?

— Весь мир. Как он может продолжать крутиться без меня?

— Он великолепно обошелся без тебя, — констатировал Селус.

— Кто меня сменил? Неужели сам Юпитер спустился, чтобы сесть на трон?

— Тебя сменил Клавдий.

— Этот старый дурак и калека? — Калигула даже взвыл с досады. — Теперь-то я знаю, что ты лжешь! Он едва мог выговорить собственное имя!

— Зато он не объявлял войну кучке деревьев, — заметил Селус.

— Я всегда знал, что он трус, — Калигула помолчал, пытаясь снова нащупать нить разговора. — Ну, не стой же так. Нам еще предстоит отыскать город.

Селус пристально смотрел на него долгое мгно-

вение и решил, что, вероятно, лучше уж знать, где этот ненормальный находится каждую секунду, чем допустить, чтобы тот выскочил из-за кустов в самый неподходящий момент. Наконец, он пожал плечами.

— Следуй за мной, — сказал он.

* * *

— Ты слышишь их? — повторил Бетховен.

Хьюи Лонг с размаху остановился и посмотрел Бетховену через плечо, вглядываясь в даль мимо композитора, в дымку и туман текущей Реки.

— Слышу что? — удивился он. — Ничего я не слышу. Вот разве что чайки, может быть — зов какой-то птицы. Вот и все. Ничего из ряда вот выходящего.

— Лошади, — сказал Бетховен. — Войска Наполеона. Они идут за нами.

— Не слышу я лошадей, — сказал Хьюи.

— Они посылают войска конников с копьями и мушкетами, — с полной убежденностью сказал Бетховен. — Они знают, где мы. Таков был их план все время. Нас собираются убить, как свиней. — Он повернулся к Хьюи. — Я тебя предупредил, — продолжил он. — Мы должны были выбраться оттуда еще три дня назад. Я же сказал,

пошли, давай, уйдем, но ты хотел остаться.

— Подожди-ка минуточку, — сказал Хьюи. — Ты неправ. Нет никаких войск, никаких лошадей, никаких мушкетов. Только обычные звуки. — Agitato, это было одно из бетховенских слов. Вот что происходило где-то впереди.

— Спокойно, сынок, — сказал Хьюи Лонг, — ничего такого не происходит, чего мы не могли бы остановить.

Но Бетховен вышел из равновесия, он дрожал и трясся, слезы струились из его удивленных глаз, громадный лоб весь исходил потом. Музыкант задыхался, он схватил большое полотенце, заменяющее ему плащ, потом неуклюже упал в грязь и барахтался там, хватаясь за свои колени.

Какой-то припадок, вроде эпилептического, решил Хьюи. Мне бы следовало задержаться, побыть с самим собой, попытаться понять это место, прежде чем что-то начало происходить. Но, когда я пришел в себя в этом сумасшедшем мире, он был первым человеком, которого я увидел, он помог мне и каким-то образом привел в сознание. Как я мог его оставить?

Все же, это непонятно. В течение одного момента, окруженный телохранителями, ты шагаешь в вестибюль Капитолия навстречу истории, буду-

щему и собственной судьбе, точно во сне, — и в следующую минуту ты сокрушен на пол, удивленный, мертвый, — и беседующий с этим немецким музыкантом.

Сколько же может человек вынести? Сколько он может по-настоящему понять? Для него это слишком много. Ты делал все, что мог, несмотря ни на что, ты пытался извлечь смысл из бессмыслицы, но это уже слишком.

Бетховен начал кашлять и содрогаться.

Не следовало мне этого делать, думал Хьюи. Надо было остаться там, где была жареная рыба, остаться в этих лесах, искать местного законодателя. Действительно, может быть, это для меня не было бы достаточно, может быть, мне следовало бы стать губернатором. Вот этого для меня, безусловно, было бы достаточно. Я бы посылал пароходы вверх и вниз по реке, играл бы с девицами, иногда брал бы взятки… Но что я вместо того сделал? Поехал в Вашингтон и взбесил Ф. Д. Р.[10], а потом опять отправился в Капитолий, чтобы встретить пулю, которую для меня приготовили. Каждый человек король, но иной раз и королей убивают.

---

[10] Примечания: 10

Ф. Д. Р. — Франклин Делано Рузвельт.

Теперь слишком поздно, подумал он, слишком поздно. Они меня достали, дьявольски меня достали. Черт, может, это и были лошади, то, что слышал на расстоянии Бетховен, может быть, Бетховен прав, может быть, вся эта чертова наполеоновская гвардия гонится за нами.

— Пошли, Людвиг, — позвал он. — Вставай! Давай, уйдем из этого чертова города. Это же была твоя идея, ты забыл?

Бетховен, наконец, тяжело поднялся на ноги, бормоча что-то о предательстве и о героях и о грубых ударах судьбы, и Хьюи понял, что скоро он будет в порядке. Как только человек начинает говорить, как свойственно ему, он в порядке. Это нечто такое, что ты быстро начинаешь понимать в Мире Реки.

* * *

— Почему мы остановились? — требовательно спросил Калигула.

Селус присел на корточки, рассматривая землю.

— Кто-то проходил этой тропой не так давно.

— Несомненно, это был твой друг Бартон.

— Он не совсем мой друг, — поправил Селус. — И это был не он. Я потерял его след за целые мили

отсюда. Это был кто-то, кто очень спешил, наполовину бежал. Кроме того, кто бы он ни был, он никогда не носил ботинок. Пальцы ног у него спрямленные, но на концах сходятся вместе.

— А какое нам до этого дело?

— Еще не знаю.

— Тогда — зачем мы остановились?

— Впереди нас могут быть люди, и они могут не быть дружественными.

— Они падут на колени и станут мне поклоняться, и, может, я в своем великодушии позволю некоторым из них жить, — объявил Калигула — и устремился мимо Селуса.

На мгновение англичанин чуть не поддался искушению схватить его за руку и дернуть назад. Потом он пожал плечами. Какого черта, если уж кто-то получит первый выстрел из ружья или стрелу из лука, лучше пусть этот сумасшедший, чем он.

И он пустился вслед за богом-блондином.

* * *

В первые же минуты их знакомства, несколько дней назад, Бетховен обратился к Хьюи Лонгу со словами:

— Они нам лгали. С начала, с самого начала, мы

были обмануты.

— Ложь — это то, на чем все держится, — объяснил ему политический деятель. — Без лжи, сынок, не было бы никакой политики. Была бы просто кучка людей, колотящих друг друга дубинками, чтобы посмотреть, кто окажется наверху. Это ложь приводит суету к четкому построению, понимаешь меня?

— Нет, — покачал головой Бетховен. — Не понимаю, что ты хочешь сказать.

Все казалось таким ясным у него в голове до того, как он начал говорить, а потом куда-то уплыло, просто покинуло его. Все из-за того смешения понятий, которые произошли в результате слишком длинных разговоров и мыслей с этим дурацким американцем. — Но ты, конечно же, видишь, что об этом месте не говорят правды. Оно непохоже ни на что такое, что мы видели прежде, это что-то совсем иное.

— Это правда, сынок, — согласился Хьюи. — Все здесь какое-то иное, потому мы и должны обратиться к высшим властям за объяснением ситуации.

— Но ситуация не такова, как ты думаешь, — сказал Бетховен — и ему хотелось произнести длинную речь, обращенную к политику, о при-

роде мысли и о различных типах лжецов, с которыми он всю свою жизнь вынужден был бороться, но поразительная триада до-минор из первых тактов симфонии до-минор, самая громкая, какую он слышал с тех пор, как оглох, вырвалась из него на этом месте, прошла, громыхая, сквозь силу света и оставила его удивленным и онемевшим.

— До-минор, до-минор! — произнес он неистово. — Это вся жизнь, неужели ты не понимаешь, тонизирующая к доминантному до — и снова назад!

Он вспомнил, как было в последние годы, до того, как его поразила глухота, когда музыка казалась такой абсолютной в своей чистоте и силе, что даже Hammerklavier казался только подготовкой к тому, что он мог бы сделать. А потом — потерять слух, потерять терпение, потерять все из-за льстивых несчастных дилетантов, которые сделали легкость возможной, они-то все время понимали, что он медленно опускается — ниже своего собственного позора.

— Хватит! — заорал он вдруг. — Хватит!

Он услышал, как триада переходит в мажор, и вот уже грохочущая до-мажорная триада посылает сигнал к финальным аккордам после того, как

переступает через басы.

— Не могу понять, как это случилось, — обратился он к Хьюи Лонгу. — Не было вообще никакого указания на эту судьбу. Ни намека на молитву или свет. Даже когда я разорвал занавес в Missa Solemnis, там не было ничего похожего на это, только акры и акры кладбища, мертвецы в гробах, мертвецы без гробов, они поднимались, пели, медленно поднимались…

— Ох, сынок, — слова Лонга звучали по-доброму, — тебе бы в самом деле надо прекратить всю эту чушь. Ты только душу свою терзаешь тревогой, и ты так никуда и не придешь.

Все это было до того, как Бетховен осознал, что они должны уйти из города, что путь к освобождению лежит в пустынных пространствах далеко за пределами оград, когда он все еще пытался постичь какой-то смысл в этих обстоятельствах.

Как глуп он тогда был! Теперь ему кажется, что он стал на целые годы старше, хотя, конечно, миновало всего несколько дней. Разговаривая с этим несчастным Лонгом, прибытие которого в то же самое оглушающее и гибельное государство, какое Бетховен так хорошо помнил, он наблюдал — он чувствовал не только симпатию, но какую-то необходимость, нужду выбраться

отсюда и освободить этого человека от ужаса, воплощенного и проявляющегося при первом же взгляде на Мир Реки.

Он сделал для Лонга то же самое, что для него до своего исчезновения в плоскогорья сделал крестьянский мальчик из Стокгольма: утешил его, успокоил, снял с него свирепый страх, в каком перед ним впервые открылась новая ситуация, а потом убедил его поискать более безопасное и изолированное пространство, где Лонг мог бы, наконец, найти какой-то смысл в том, что с ним произошло.

Бетховен и сам тогда не особенно понял, что такое Мир Реки, но он постарался облечь в короткие понятные фразы то, что знал, чтобы дать Лонгу кое-что, в чем тот нуждался, чтобы каким-то образом оправиться и отойти от первоначального ужаса.

И вот они оказались здесь, и Лонг медленно начинал привыкать.

— Сынок, — Лонг ласково дотронулся до макушки Бетховена, мягко подталкивая его вперед, — мы остановимся ненадолго и отдохнем, если ты не возражаешь.

— Но нас преследуют! Они в любую минуту могут оказаться здесь.

— Знаю, — не стал спорить Хьюи, — но я чувствую, что у меня почти готова речь. Я хочу обратиться к войскам. Я был в свое время прекрасным оратором, и теперь, я считаю, пора сделать мои способности известными здесь.

* * *

Они, наконец, добрались до конца леса. На последней миле деревья сделались реже, кустарник тоже не был таким густым, и вот Селус смотрел через большую опушку. Он остановился, положив руки на бедра, пытаясь определить, куда пойти дальше. Далеко на расстоянии с левой стороны он увидел маленькое озерцо.

Вдруг он услышал позади дикий, почти нечеловеческий крик. Он мгновенно резко повернулся, как раз в ту минуту, когда Калигула заносил у него над головой огромное бревно. Он поднял руку, чтобы смягчить удар, но опрокинулся на спину, прежде чем римлянин нанес смертельный удар.

— А ты храбрец! — пробормотал Калигула, колотя его обеими руками. — Я возьму твою храбрость себе!

Селус пытался перекатиться, так, чтобы освободиться от веса блондина, но у него все еще кружилась голова от удара.

— Слезай с меня! — рявкнул он. — Ты безумец!

— Как я съел своего нерожденного сына, так я съем твое сердце!

Селус почувствовал, как теряет сознание, а Калигула пригнул свою голову к груди англичанина и откусил большой кусок.

Должно быть, ужас того, что должно произойти, помог Селусу обрести свежий приток адреналина, и он жестко вонзил свое колено в яички Калигулы. Римлянин испустил пронзительный крик фальцетом, покатился по земле и начал непрестанно кричать.

У Селуса кровь струилась из торса по животу, он вскочил на ноги и осмотрел себя так тщательно, как только мог. На самом деле было бы неплохо несколькими стежками зашить рану, но в этом мире раны заживали, как по волшебству. Кроме того, от львов и леопардов он получал и похуже; если бы зубы Калигулы не содержали инфекции, — а причины не считать их таковыми не было — это было бы только временным досадным неудобством.

Но все-таки рана дьявольски болела, и он подошел к павшему богу и снова пнул его, на этот раз по голове.

Но Калигула на это не реагировал, он все еще

выл и потирал свои яички, и все, что Селус получил от этого удара, была острая боль в ноге.

Он поискал веревку, которую нес свернутой у себя на плече, нашел ее там, где недавно упал, и подошел к Калигуле. Прежде, чем римлянин смог оказать сопротивление, Селус связал ему руки за спиной, а потом несколько раз обвязал веревку вокруг его шеи, оставив десяти футовый поводок.

— Порядок, — констатировал он. — А ну, встать!

Он дернул за веревку, и Калигула, задыхаясь и давясь, неуклюже поднялся.

— Ты делаешь мне больно! — негодовал он.

— Ты хотел меня убить, — отвечал Селус.

— Но ведь это большая честь — умереть ради удовольствия бога, — сказал Калигула, искренне удивленный реакцией Селуса.

— Обойдусь без этой чести.

— Тогда ты просто дурак!

Селус дернул за веревку, и Калигула снова стал задыхаться.

— А как насчет того, чтобы бог умер ради моего удовольствия? — спросил он.

— Богохульство! — закричал Калигула, кидаясь на Селуса с опущенной головой.

Селус отступил вбок — точно так же он отступил бы от носорога, если бы тот наклонил голову в его сторону. Вместо того, чтобы пустить пулю ему в ухо, как он сделал бы с носорогом, Селус просто подождал, пока Калигула достигнет конца веревки, а потом быстро и сильно потянул.

Римлянин совершил курбет в воздухе и тяжело приземлился на спину.

— Я, наверное, руки сломал! — завыл он.

— А я-то думал — боги не могут ощущать боль, — сардонически произнес Селус.

— Помоги же мне! — ныл Калигула. — Мне больно!

— Помогу, — Селус приблизился к нему. — Я даю тебе три секунды, чтобы ты встал, прежде чем я опять лягну тебя по яичкам!

— Нет! — пронзительно закричал Калигула, вскакивая.

— Моя персона священна! Ты никогда больше ее не тронешь!

— Так-то мы понимаем друг друга, — Селус подошел к нему и ударил по лицу.

Он ожидал, что Калигула выругается, или заплачет, или, может быть, даже захихикает. Вместо того римлянин посмотрел на него, как будто ничего не случилось, и сказал, как ни в чем

не бывало:

— Я думаю, скорее всего мы найдем город у Реки. Городам нужна коммерция, а на этом озере большой торговли не выйдет.

Преодолев удивление, Селус согласился с пленником.

— Ладно, — сказал он. — Пошли к Реке. Ты впереди.

— Мы могли бы воспользоваться лошадьми, — заметил Калигула, направляясь направо.

— Если мы их найдем, я тебя на них обменяю, — пообещал Селус.

— Не пристало торговцам обменивать богов, — Калигула внезапно принял высокомерный тон.

— А все-таки, что сделало тебя богом? — поинтересовался Селус.

— Я провозглашен богом.

— Кем провозглашен?

— Мною самим.

— Только и всего?

— Никто никогда этого не оспаривал.

— Так-таки никто?

— Ну, никто из тех, кто оставался жить в течение следующего часа.

— Прекрасная работа, если ты можешь ее выполнять, — сухо откомментировал Селус.

— Я и есть бог, — настаивал Калигула. — Без меня не будет ни ночи, ни дня, ни дождя, ни солнечного света. Когда я умру, небеса разверзнутся и изольют потом черной лавы, которая убьет все живое и покроет всю землю.

— Это должно утешать тебя в час нужды, — сказал Селус.

— Ты что, не веришь мне?

— Если ты бог, создай нам парочку лошадей. Если не сможешь — прекрати болтать: тебе понадобится вся твоя сила для марша, который нам предстоит.

— Я умею создавать лошадей, — убежденно заявил Калигула. — Я могу вызвать их к жизни прямо здесь, сию же минуту.

— Почему же ты этого не делаешь?

— Потому что ты осмелился поднять руку на бога. Ты не заслуживаешь того, чтобы ехать верхом.

— А ты заслуживаешь того, чтобы идти пешком? — спросил Селус.

— Я бог. Я не чувствую ни боли, ни усталости. Солнце — мой брат, я не могу обжечь себе кожу. Трава — моя возлюбленная: она обновляет меня с каждым шагом, который я делаю.

— Как тебе повезло.

— Я не нуждаюсь ни в еде, ни в воде, ни во сне, — продолжал Калигула. — Сегодня же вечером, попозже, когда ты не сможешь больше бодрствовать, я превращусь в змею и выжму из тебя жизнь. И тогда, — продолжал он будничным тоном, — я съем твое сердце и, вероятно, еще твои зрачки, потому что у тебя великолепное зрение, и тогда я отправлюсь искать город.

— Раз ты способен на все это, я полагаю, ты не станешь возражать, если я для безопасности привяжу тебя к дереву, прежде чем лягу спать? — спросил Селус.

— Нисколько, — вежливо заверил его Калигула. — Я ничего другого и не могу от тебя ожидать, хотя, конечно, ничего хорошего для тебя из этого не получится.

Еще одну милю они прошли в молчании, а потом Селус остановился, заставив Калигулу давиться, когда тот достиг конца веревки.

— Ты уже устал, смертный? — спросил Калигула.

— Помолчи. — Селус поднял свободную руку и заслонил ею глаза от солнца.

— Что ты там видишь? — спросил Калигула.

— Не уверен. Что-то. Это может быть группа людей.

— Они идут поклоняться мне, без сомнения.

— Или убивать тебя.

— Я не могу умереть.

— Попробуй остаться благоразумным настолько, чтобы запомнить, что ты больше не император и никогда не был богом, и держи рот на крючке, пока я не пойму, друзья эти люди или враги.

— Я превращусь в птичку-колибри, так что они не смогут меня видеть до тех пор, пока я не узнаю, почему они здесь, — быстро согласился Калигула.

— В очень тихую птичку колибри, — напомнил Селус.

— Начинай идти.

— Лететь, — поправил Калигула.

— Да что угодно.

— Я не могу лететь, — вдруг объявил Калигула. — Ты связал мне крылья.

— Даже у птиц есть ноги, — заметил Селус.

— И правда. Ты очень мудр. Некоторым образом, я буду почти сожалеть, когда вскрою тебя и съем твои внутренности.

И тут, тихонько щебеча про себя, римлянин повел англичанина через саванну по направлению к кучке людей.

Приказ, казалось, исходил изнутри у него, как

это всегда бывало, когда в нем как бы образовывался часовой механизм.

— …Здесь я, как у себя дома, — сказал Хьюи Лонг. — Подойди! Я хочу с тобой говорить.

В туманном свете инфернального солнца Хьюи показалось, что он видит начало какого-то движения перед собой, но потом снова оказалось, что это, вероятно, всего лишь иллюзия. Зато он привлек внимание Бетховена: музыкант скорчился на месте, сел на корточки, глядя на Хьюи этими странными сверкающими глазами, взглядом безумного человека.

— Позвольте мне рассказать вам о моем друге, великом музыканте, — продолжал Хьюи. — У него есть планы. Он хотел попасть в город и найти императора, чтобы свести и с ним старые счеты, но он переменил свои планы. И знаете почему? Не знаете?

Ответа на вопрос не было, только какой-то грохот слышался на расстоянии, да чье-та дыхание. Однако надо завоевать доверие, тогда можно их привлечь.

— Он оставил эту мысль, — сказал Хьюи, — потому что, подобно вам, он думал, что в городе нет ничего такого, что там сплошная суета, что кто-то приходит, а кто-то уходит, но что перевоплоще-

ние не имеет никакого смысла, и императора невозможно найти, потому что император может находиться за тысячу миль, совсем в другом месте. И он сделался разочарованным, он устал от шума, от жары, от ощущения, что совсем ничего невозможно изменить, ничего нельзя сделать. — Хьюи сделал паузу и огляделся вокруг, выжидая возможный ответ. — Но теперь я здесь, чтобы сказать вам, что мой друг увидел все по-иному, что он понял природу своей участи, и он должен преодолеть свое упрямство, потому что; император на самом деле там, он там ради всех нас, и все, что нам нужно, можно найти в том городе желаний. Правда о Мире Реки снизошла на нас.

Теперь он знал, что завладел их вниманием.

— Знаете ли вы, в чем истина? — продолжал он. — Она здесь для всех нас. Это и есть истина. Нас наградили всей мощью, всеми возможностями, всеми основными условиями в этом дьявольском месте. Каждый мужчина король, каждая женщина королева! Мы можем делать все, что захотим, все мы короли и королевы наших владений, мы ждем присуждения титула, мы ждем, чтобы на нас надели плащ обладания. И вот поэтому мы собираемся изменить образ жизни. — Он выдержал драматическую паузу. — Мы собираемся

вернуться. Мы собираемся исправить город.

— О чем это ты болтаешь? — спросил кто-то. С британским акцентом, с проглатыванием звуков, почти неразличимый в густом тумане, но Хьюи мог разобрать то, что говорилось. — Да ты не в своем уме, произнес голос. — Вы, американцы, дерьма не видали!

— Где этот человек? — закричал Хьюи. — Дайте мне увидеть человека, который такое говорит! Выйдите вперед и возражайте мне! Если у вас есть храбрость, чтобы так поступить, тогда у вас есть храбрость, чтобы вернуться в город.

— Никакая не храбрость, — сказал голос, принадлежащий тщедушной фигуре, которая вышла из тумана и опустилась перед ним на одно колено, скорчившись в грязи под пеньком, на котором стоял Хьюи. — Эй, друг, почему ты это все не бросишь и не посмотришь правде в лицо? Мы заблудились. Мы заблуждаемся так же, как это было с нами всегда. Почему ты не дашь нам спать? Почему не дашь нам выбраться из этого ужасного места?

— Если у тебя хватило храбрости сказать это, — ответил Хьюи, — должно хватить храбрости и на то, чтобы отсюда уйти. Мы можем снова вернуть себе город. Мы можем найти свои души в этом ме-

сте. Мы можем исправиться и начать все снова.

Он в этом уверен, подумал Хьюи. Ведь не только его собственный голос в нем убеждал его в осуществлении всего, о чем он говорил, но и какой-то признак того, что они начали. Он спустился со своей трибуны в виде пня, разглядывая британца, который подкусывал его, а за этим британом — толпа оборванцев, которые собрались все вместе, самая худшая армия, какую он когда-либо видел — и все же это была армия, если смотреть в том направлении, можно было так считать.

— Бетховен, — позвал Хьюи, — встань и выдай нам марш! Выдай нам марш, ты меня слышишь? Мы собираемся снова отвоевать этот город!

И, больше не думая об этом, не останавливаясь, чтобы поразмышлять над комичностью и бессмысленностью своего предложения, Хьюи Лонг протолкался сквозь них и начал приближаться к городу.

Внезапно зазвенел чей-то голос:

— Это очень большой город, а у вас очень маленькая армия. Если вы намерены его взять, вы нуждаетесь в преимуществе, чтобы как-то уравнять силы.

— Что? — спросил Хьюи, поворачиваясь лицом к тощему бородатому незнакомцу, только что

подошедшему. — Что вы имеете в виду?

Селус улыбнулся и предъявил молодого блондина, который сражался со связывающей его веревкой.

— Бога, — пояснил он. — Настоящего позолоченного бога.

Калигула поднял взгляд на этого человека и сказал:

— Он прав. Это в точности то самое, чем я являюсь. Ты немедленно меня развяжешь. Ты освободишь меня от этих веревок, иначе я прокляну…

— Вот он как разговаривает, — вмешался Селус. — Всю дорогу, и ничего подобного вы никогда не слышали. Но ты можешь дать ему попробовать. В конце концов, он не только лелеет планы — большие планы, — но как можно потерпеть поражение, если в авангарде у тебя бог? В любом случае, — заключил Селус с вкрадчивым жестом, — предоставляю решить тебе. Распоряжайся им, как пожелаешь.

Калигула внимательно осмотрел другую пару: человек с взъерошенными волосами с ненавистными чертами Клавдия, но моложе, гладколицый человек со смешными руками и странными жестами. Не были они похожи на тех военных,

каких ему бы хотелось получить, но, с другой стороны, приходится использовать то, что получаешь. При дворе — или вне двора, или вне стен города, приходится жить так, как получается, окруженными дураками и сумасшедшими, получая приказы от нижестоящих.

— Что ж, — произнес Калигула с высокомерным наклоном головы, привлекая внимание гладколицего, который казался наиболее разумным, вероятно, самым почтительным из всех, — вы собираетесь меня освободить? Или бросаете мне вызов и навлекаете на себя мое ужасное проклятие?

— Вот так он разговаривает, — повторил Селус. — Почти все время. Я ничего не могу с ним поделать, возможно, вы сможете.

— Да, — ответил гладколицый, его взгляд наполнился почтительностью, или, по крайней мере, должным пониманием происходящего. — Да, думаю, что мы можем это сделать. — Он протянул руки и начал возиться с веревкой. — Стой спокойно, — сказал он, — и дай мне освободить этого бога от его алтаря, — он улыбнулся Калигуле. — Моя латынь не такова, чтобы ею пользоваться, по правде говоря, она никогда не была моим сильным местом. Как ты сказал твое имя?

— Живей развязывай меня, — приказал Калигула, — и узнаешь мое имя и мое проклятие, все мои обстоятельства…

— Все время он так разговаривает, — снова повторил Селус. — Я-то одинокий человек, привык к тихим местам. Вот вы с ним и управляйтесь, а с меня хватит, спасибо.

— Со всех нас довольно, — сказал гладколицый. Но вообще-то удивительно, сколько человек может вынести. — Он пристально поглядел на Калигулу, опустился на колени, потянул за узел. — Всяк человек бог — такова моя философия. А что еще привело бы нас сюда?

— Божественность ограничена, — возразил Калигула. — Она подобает только одному из нас.

— О, успокойся, — сказал его освободитель. — Успокойся и прекрати болтать, хотя бы на минуту. Бетховен, подойди и наступи на эту веревку, ладно? Так мы его никогда не освободим.

Они усердно наклонились для того, чтобы прислуживать ему. Калигула принял горделивую позу, наклонил голову под углом, чтобы найти солнце, тонкие лучи, проникающие сквозь тяжелые катящиеся облака. На мозг его давил один образ, картина, которая возникала сама по себе, непрошено, и он не мог ее убрать. Склоненный, в

таком же положении, как сейчас, он прижался к камням, его живот отяжелел и вспучился, колени ощущают холодную сырость камней, а руки вцепились в рукоятки.

И позывы на рвоту.

* * *

Не имея инструментов, на которых он мог бы исполнить мелодию в этом месте, где нет даже ударных, Бетховен все-таки исполнил им марш, когда они стали пробираться то вверх, то вниз, во главе с этим типом, который называл себя Калигулой. Это был Турецкий Марш из «Афинских развалин», не самый его любимый, но достаточно хороший для мычания вместе с пронзительными деревянными духовыми инструментами и рокотанием барабана — эффекты, которые он мог воспроизвести в голове, если не своим бормочущим и стонущим голосом.

Взять город — это была и идея Селуса, отвоевать город. Не то чтобы она когда-либо была у них на первом месте, не то, чтобы город, который следует взять, находился повсюду. Что можно было бы сделать? Но римский император, этот странный юноша с горящим взором, кажется, знал свое дело: у него была уверенность Наполеона

и безумие архиепископа, и он шагал в конце их строя странным шаркающим шагом, и это, если не королевские права, убеждало, да еще такая решимость, какую Бетховен мог оценить.

Селус и Хьюи Лонг, шагая вперед, глубоко погрузились в свою беседу. Время от времени какая-нибудь фигура отскакивала от толпы, струившейся сбоку, и кидалась на римского императора, потом с ревом отлетала обратно.

Ничего подобного этой процессии Бетховен никогда не видел. Он в свое время написал достаточно маршей и контрдансов, всякого хлама и музыки для развлечения, но никогда он не видел такой группы людей, как эта.

Он мог сказать, что обстоятельства переменились с тех пор, как они наткнулись на Селуса и Калигулу, освободили Калигулу от его пут и направились назад, к тому месту, откуда он ушел. Все пошло совсем не так, как раньше. Воздух стал гуще, он прочищал ноздри Бетховена, и толпы сбоку нажимали с таким напором, какого он никогда не знал раньше. Всяк человек бог, сказал Хьюи Лонг, и в самом деле, этому Калигуле уделялось столько внимания, сколько Бетховен никогда не видел. Может быть, и в самом деле в конце этого пути что-то есть, Бетховен

не знал, и не стоило об этом размышлять. Надо было только брать питание и продолжать путь вместе с остальными: римскими императорами, галльскими императорами, демократами, свободными, архиепископами и рабами — все они одно и то же. Здесь был какой-то внутренний смысл, но он о нем не думал. Не с этой музыкой, ревущей у него в голове, «cymbalio»[11] грохочут, педаль барабана с яростью работает, пытаясь прорвать экран его сознания.

Когда они подошли к холму и взглянули на изгородь, где возвышались над Рекой домишки, Селус ощутил триумф, доказательство своей правоты.

— Видишь? — повернулся он к Хьюи Лонгу. — Я же говорил вам, что мы сюда доберемся. Я знал, что это всего лишь дело поворота — а потом вернуться, что никто нас не остановит! — И в самом деле, никто их не останавливал, а они действительно собрали вокруг себя определенную группу людей, которых не испугали ни жара, ни суровые условия, ни выходки Калигулы. — Теперь мы совершаем следующий шаг.

— А что такое — следующий шаг, сынок? —

---

[11] Примечания: 11
Цимбалы *(ит.)*

спросил Хьюи Лонг. Прогулка его не освежила, ничего в Мире Реки, кажется, не имело того эффекта, какой могло иметь в той жизни, которую он привык считать цивилизованной. — Предполагается ли, что я должен произнести речь? Есть там какое-то место, которое нам полагается занять? Уполномочены ли мы что-то взять на себя?

В его глазах сверкнул какой-то безумный огонек, и он внезапно показался Селусу не только странным, но, возможно, и опасным человеком. Конфиденциальность между ними Прошла, и он был теперь просто разжиревшим американским политиком без избирателей.

— Я совершенно уверен, все это теперь решится, — сказал Селус. — Как только нас увидят, как только узнают, что мы сюда вернулись, для нас сделают соответствующие приготовления.

Хьюи Лонг воззрился на него с тем странным доброжелательным выражением, которое могло внезапно и странным образом перейти в грубость, и сказал:

— Не понимаю, о чем ты говоришь, сынок. Правда, не понимаю.

Селус пожал плечами:

— А разве кто-нибудь из нас понимает? Разве кто-нибудь из нас действительно знает, что про-

исходит в этом проклятом месте?

— Я знаю, — вступил в разговор Калигула. — Я точно знаю, что происходит. — Он повернулся к ним, тело его было насторожено, взор свиреп и настойчив. — Теперь, — произнес император, — теперь мы приведем все это к концу. — Он поднял руку, уставился на Селуса, потом на Лонга, затем перевел взгляд на других, которые начали собираться вокруг. — Приведите мне девственницу, — приказал император. — Сейчас же — приведите мне девственницу!

* * *

Но, разумеется, он знал, что такова была их миссия, что именно она ждала их здесь все время. Калигула ощущал, как божественность поднимается в нем, почувствовал в эти жгучие минуты полноту своей нужды и медленно опустил взор на ряд поклонников и последователей, чтобы высмотреть в их рядах женщин. Он чувствовал, как знакомая мощь шевелится глубоко внутри него. Они не посмеют отказать, потому что скоро они узнают его истинную власть.

— Приведите мне девственницу, — повторил он, — или скоро вы все будете мертвы. Я произнесу над вами проклятие, и он обратит вас в навоз,

коим вы являетесь.

Он протянул руки, хватая Селуса в неожиданное и крепкое объятие, потом отбросил его от себя с силой, рожденной вместе с безумием у него внутри, и помчался к той туманной линии, которую видел перед собой.

— Я вас буду иметь! — взвыл он. — Всех вас буду иметь! — Судьба наполнила его чресла так грациозно, как будто бы это была кровь и сексуальный призыв той девственницы, которую он жаждал. — Вы еще узнаете мою божественность! — кричал Калигула. — Я открою ворота этого города в игре в помазание, и я поимею вас всех, так, как было приказано!

Он потянулся, схватил чье-то тело, с жестокостью пощупал его в разных местах руками, ища груди, ища знакомые половые органы, забавное ощущение судьбы переполняло его. О, это место великолепно! Он не оценил его прелести до настоящего момента. Потому что он поистине был здесь богом. Он мог с любым из них сделать все, что захочет. Почему он не понял этого раньше? Они все боги.

Он начал взбираться на это тело, его нужда возрастала. Он никогда и не мечтал, что может быть место, подобное этому, но вот же оно — здесь.

Это было удивительно, грандиозно, потрясающе. В его голове возникла цепочка вскриков, и он уцепился за нее, ухватил ее, и позволил вскрикам отправить его на место.

* * *

Бетховен смотрел в отчаянии. Никогда он не видел ничего подобного. Даже когда чернь штурмовала ворота Парижа в 1789, там не было ничего похожего, он был в этом убежден. Хьюи Лонг уставился на зрелище, посмеиваясь. Селус потирал руки и в викторианской ярости кричал на Калигулу… но никто не подвинулся к юному императору в том небольшом пространстве, которое тот расчистил, пока продолжал свой жестокий и странный акт.

Цимбалы в голове Бетховена умолкли, пикколо тоже, и все, что осталось — это гудение басов в трио симфонии до-минор, эта чудовищная адская пляска.

— Что же мы делаем? — спросил он Хьюи Лонга. — Неужели это то, чем мы стали? Неужели это конец для нас?

Его постигло внезапное внутреннее озарение: Лонг и Селус уговорили их повернуть к воротам города специально для этой, цели, так чтобы это

мародерство и насилие могло быть предпринято, и Калигулу развязали, чтобы он повел их, потому что только Калигула смог без колебаний управиться со всем, что необходимо.

— Неужели вы не собираетесь остановить это? — продолжал Бетховен.

Лонг закусил губу, покачал головой в знак отрицания. Селус пожал плечами: казалось, он зачарован происходящим, заинтересованный, но не вмешивающийся.

— Отсюда я даже не вижу, мужчина это или женщина, — сказал Селус.

— Разве тут есть разница? — спросил Хьюи Лонг.

— Тогда я это остановлю!

Бетховен, не совсем осознавая, что делает, бросился на округлившиеся тяжелые бока императора, чувствуя такое отвращение, какого никогда не знал. Тот, другой император, Наполеон, предал его, но образ его был безликим, все это не походило на теперешнее. Это был бунт. Это было похабно, отвратительно, это было отрицание всего, ради чего он прожил свои пятьдесят семь лет, стремясь такое уничтожить. Свобода — да, но свобода для всех, а не только для больных рассудком и злобных людей.

— Прекратите! — заорал он, проталкиваясь к ним. И тогда он ощутил на себе руки Хьюи Лонга, громадные руки, которые тянули его назад.

— Нет! — сказал Хьюи Лонг. — Не останавливай его! Для этого-то мы сюда и пришли — чтобы видеть.

* * *

— Всяк человек бог, — сказал Хьюи Лонг. Селус воззрился на американца в шоке и одобрении. — Так вот зачем нас взяли сюда, — продолжал Лонг. — Чтобы мы могли поступать так, как хотим.

Бетховен пытался вырваться из его объятий, предвидя, как он будет наблюдать бегство Калигулы, скорчившегося, точно насекомое и думал: прав ли этот человек.

Прав американец, каждый человек бог, и мы явились в это проклятое место для того, чтобы сделать из себя самих богов, будь они даже самые презренные на вид. Это ответ, который лежит в самом сердце этого города; это то, что мы всегда понимали.

Всю свою жизнь он стремился, как должны делать и остальные, к такому положению, а теперь, когда он его нашел, остается только под-

чиниться.

— Подчиниться! — кричал на Бетховена Селус. — Да будет так! Делай так, как ты хочешь! — Он разглядывал на расстоянии лагерь, ближайшие силуэты, которые в неотложности нужд Калигулы расступились, чтобы освободить место. Я бы это сам сделал, если бы мог, подумал Селус, и я так сделаю. Сделаю. — Теперь я понимаю, зачем мы вернулись к берегам Реки, — сказал он, обращаясь к Хьюи Лонгу.

— Это все время нас ждало, да?

Лонг улыбнулся, тряхнул головой, протянул руки Селусу. Выражение его лица было странным, абстрактным. Бетховен, боровшийся в сильной хватке Лонга, вдруг сдался, опустился на колени, потом нагнулся к земле и потерся лбом о грязь.

— Вы его не остановите, — пробормотал Бетховен. — Ничего не может снова прекратиться. Это ответ, да? Вот что вы хотели дать мне понять, вот почему вы привели меня обратно — чтобы унизить меня.

— Не знаю я об этом ничего, сынок, — возразил Хьюи Лонг. Он слегка улыбнулся и поглядел на Селуса. — Но мы считаем, что теперь знаем ответ, да?

— Да, — подтвердил Селус. Перед ним повисла

туманная и прочная дымка, он мог бы ее смахнуть одним движением руки, но предпочел этого не делать. — Да, я понимаю. Всяк человек бог. — Он взглянул на зачарованного угрюмого Бетховена. — Даже ты, — сказал он. — И я, и все остальные. Вот что должно нам открыться.

Голос Калигулы проблеял сквозь дымку, сквозь поразительную тишину Мира Реки. Селус услышал пение императора, затем томительный крик его облегчения. Будь я проклят, подумал он, а затем: да, наверное, я проклят. Наверное, мы все прокляты. Что точно то же самое, что и быть свободным.

* * *

— Так он, конечно, положил того цыпленка в горшок, да? — спросил Хьюи Лонг. — Посмотрите на человека, который поставил машину в гараж. — Он крякнул и подивился, что скажет на это Селус. — Так скажи, — обратился он к Бетховену, который теперь тихонько всхлипывал у него за спиной, — что, как ты думаешь, сказал бы англичанин?

— Mussessein[12], — сказал Бетховен. — Ess

---

[12] Примечания: 12
Так должно быть *(нем.)*

mussein.

* * *

Великолепный в своих делах, победоносный относительно своего облегчения, бог Калигула вышел из нейтральной формы, которая служила ему так хорошо, — однако, ее было достаточно для настоящего времени, хотя, конечно, будет и получше, — и посмотрел на своих подданных, расположившихся лагерем на расстоянии, упавших на колени, чтобы служить и изменять ему.

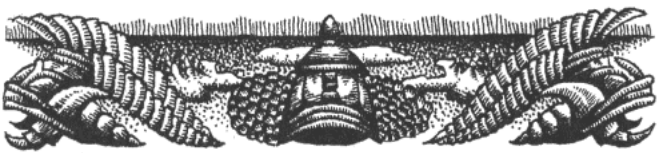
— О да, — спокойно произнес он. — О да, измена и служение — это ведь одно и то же.

Он привел в порядок свою одежду, встал, отпихнул набок признак своего возвращения и шагнул к небольшому пространству, освобожденному для него слугами Мира Реки, к его трибуне, откуда он будет говорить. Он соберет их вокруг себя и отдаст им команды, и тогда начнется истинная и окончательная природа его царствования. Издалека он слышал пронзительные крики, воздающие ему почести, а скоро явится сам Клавдий, чтобы свидетельствовать, чтобы склониться перед ним и служить ему. Всяк человек бог, да…

… но этот бог, даровавший Мир Реки, его терпимость, его безумие и его сокровища… этот бог

— человек.

Филип К. Дженнингс
Забавы Мира Реки [13]



Неужели даже смерть стала неопределенной и неуверенной? Разве мы смеемся сами над собой? Или ты и есть Насмешник?

Голос деланно улыбающегося человека эхом разносился от трона. П. Г. Вудхаус, вынужден был встать на колени, по обе стороны от него — стражники, и важная шишка — этот парень Аль-Хаким, перешел на другую систему речи, в которой Плам вынужден был признать исключительно блестящий арабский.

«Сказать, что Бог говорит, это значит — предположить, что он когда-нибудь может молчать. Этот... этот мир Реки — не реальность, это кодекс

---

[13] Примечания: 13

B LANDINGS ON RIVERWORLD by Philip C. Jennings Copyright© 1992 by Philip C. Jennings.

законов, а потому послание, и не от Бога. Но здесь подразумевается послание вроде загадки друзов, а потому в тысячу раз более обманчиво. Что ты знаешь об Обманщике?»

Могучая цепь мысли Хакима казалась почти логичной. Какой-нибудь парень из Оксфорда мог бы проследить, каким образом одно предположение ведет к следующему, и каждый вывод более мрачный, чем предыдущий.

— Ну, теперь — опровергни это! То есть, кодекс и все!

Плам только моргал глазами, обремененный привычками близорукого периода жизни, пытаясь что-то разглядеть в зале, выложенном громадными плитами. Его дух определенно нуждался в поддержке. Случайный наблюдатель этого скопления рядов людей в черных одеяниях и белых тюрбанах — означенный наблюдатель мог бы легко перескочить к выводу, что он «здорово влип».

Не вывод хотел бы Плам Вудхаус осознать. Смерть могла потерять большую часть горечи в третий и четвертый раз, но в последнее свое воскрешение он был лишен даже возможности поесть, и его вера в лучшую природу человечества испытала разочарование.

— Если ты принимаешь меня за Дьявола или думаешь, что с ним знаюсь, я должен ответить словами, которые выше моего знания. Нет. Я хочу сказать, я так не думаю.

«Истина знает, что она имеет в виду».

— Полагаю, что да, — согласился Плам. В минуты отчаянного беспокойства его улыбка становилась до невозможности широкой и казалась почти ужасающей. — Но я не могу поручиться ни за кого, кроме самого себя, а я встречался со многими парнями и девицами в последние несколько жизней… — Глаза его сузились от внезапного понимания. — Кроме того, разве вы не говорили, что мы могли бы не быть самими собой? В данных обстоятельствах я не знаю, как доказать свою добросовестность.

— Мы терпим здесь только один народ и один язык. Определенно, я никогда не слышал, чтобы так говорили по-арабски, как ты, — загрохотал Аль-Хаким со своего высокого и отдаленного сиденья. — Тем не менее, это арабский — в некотором роде.

Он поразмышлял, а сбоку копьеносцы покачивались в ожидании, готовые сокрушить этого неверного по мановению пальца.

— Ты прожил несколько жизней? После пира

посети нас лично в нашем саду, и мы выслушаем твои показания.

Плам решил, что это благоприятная новость, и снова вздохнул полной грудью. Четыре часа этого настоящего существования могли бы стать восемью, а потом шестнадцатью… Он социально неприспособленный, да, но он всегда очаровывал — ну, не каждого. В его последнем воскрешении Ганс Хорбигер на него надулся, да еще как! Все же Аль-Хаким би'Амр Алла подобреет, слопав немного ветчины, к тому же при свидании tete-a-tete[14] многое проще…

Плам почувствовал, как его хлопнули по плечу. Его труд закончен, но дело при дворе продолжается — дело о перерыве на ланч в соответствии с неумолимым режимом работы местных грейлстоунов.

Один из копьеносцев посадил его в альков с несколькими другими джентльменами и взял его завтрак. На сцену выступило обычное волшебство, и завтрак вернулся к нему немногим менее часа спустя, чтобы Плам мог его открыть.

Плата за этот сервис состояла из всей порции его сигарет и алкоголя. Плам едва ли возражал

---

[14] Примечания: 14
Наедине *(франц.)*

против того, чтобы благословить мозолистую ладонь местным фининспекторам. В какой-нибудь день обида может дать себя знать, но на данный случай он смотрел шире. Сделавшись любезнее после еды из цыпленка, перца, лука и сметаны, он попытался заговорить с окружающей его группой смуглых людей по-французски. Французский язык дипломатии, незаменимый при обмене государственными тайнами, — но его хромающие попытки ne marche pas[15].

Немецкий? Carpe diem[16] могло бы с таким же успехом быть вьетнамским рецептом для приготовления рыбы. После некоторых попыток преодолеть робость и прочистить горло похожий на бандита посетитель осмелился продемонстрировать свой английский:

— Не надо дат Иисуса. Он тебя спросит. Из всего вычти шестьсот сорок.

Плам с полным ртом лучезарно улыбнулся. Апаш продолжал:

— Не всегда одно и то же число, потому у них годы короче. Но, если ты жил на земле после 1200 года его времени, он заинтересуется тобой.

---

[15] Примечания: 15
Не удались *(франц.).*

[16] Примечания: 16
Лови день *(лат.)*

Плам проделал математическое Действие. Что касается шестисот, эта часть была легкой: тысяча триста — тра-та-та. Тысяча триста сорок два. Можно округлить: пятьдесят, шестьдесят, семьдесят. Он спросил:

— А хочу ли я быть интересным?

Апаш засмеялся. Он мог бы сказать touche, но норманнское завоевание не дошло до Аризоны.

После пудинга Плам попробовал облегчить свою ситуацию среди этой толпы:

— Ох, жизнь после смерти полна досуга.

Ирония, очевидная в этой фразе по-английски, не выдержала перевода. Он восстанавливал веселое настроение, вызывая этим полное молчание слушателей, пока двое в черных одеяниях — и много же вышло бы кильтов из этой зря потраченной материи! — не подошли и силой не поставили его на ноги.

Местная жандармерия промаршировала с ним налево и повела через крытый портик в коридор без крыши. Коридор, обжигаемый полутропическим солнцем, раздваивался, по обе стороны шли камни, похожие на хорошо отполированные зубы. Отлично сказано, подумал Плам, всегда он был искусен в подборе метафор и сравнений.

Далее его путь лежал через неглубокий пруд, и

снова на свежий воздух. Некоторое время все трое оставляли мокрые следы ног, потом лабиринт расширился, чтобы перейти в поле — маленькое, даже для крикетного матча.

Хаким ждал под деревом. Если смотреть на него вблизи, он мог похвастать героическим семитским лицом: точно ассириец, только что сошедший с фрески, минус борода и украшения. На расстоянии от него стояли два стражника, расстояние было настолько безопасным, насколько это можно было позволить, но Плам все-таки вспомнил все эти библейские истории — насчет волков в поле и о горах отрезанных голов.

Он поклонился, неуверенный в местных обычаях, его эскорт отошел, присоединившись к другим стражникам, Хаким сразу приступил к делу:

— Когда ты умер?

Плам ринулся навстречу опасности:

— В 1380 году, — он немного преувеличил, — после того, как Мухаммед сделал свое дело, чем бы оно ни было.

— Ты даже вычислил. Хорошо, — таким тоном, как сказал бы: «хороший щенок…» или «хороший неверный».

Хаким прошел по кругу:

— Ты получишь хижину. Видишь этот ряд?

По хижине каждому моему историку. Я в этом мире оказался отстающим, так что будешь мне помогать. На кого ты нарвался?

Этот Аль-Хаким би'Амр Алла имеет кое-что на своей стороне: он знает, как вывести человека из равновесия.

— В твоих нескольких жизнях, — добавил Хаким. — Гитлер? Ленин?

Плам покачал головой:

— Царица Билкис. Это было в мое первое воскрешение. Они с мадам Блаватской установили теткократию женщин, которые на земле прожили долгие жизни и научились не воспринимать дерзких реплик. Эта Блаватская — она ввела эту религию в действие, когда я был школьником. А... э...

— Да?

— Я прекрасно умею организовывать издание газет; это только в реальной жизни я неудачник. Хотите знать всех голливудских типов, которых я встречал на Земле? Кинозвезды. — И он продолжил: — Кларк Гэйбл, Фред Эстер, бродвейские парни.

— Царица Билкис — мифическая фигура, — заметил Хаким.

— Для мифа она была уж очень фигуристой, —

ответил Плам. — Она весила больше меня на стоун или два… и чертовски настаивала, чтобы я выучил арабский. Кто еще? Соседи Билкис из-за реки нацеливали ружья на принца Фердинандо Монтесиноса, который претендовал на то, что был раньше кем-то важным. Но тут я бесполезен, я имею в виду, что не могу сказать, была ли Ровена дочерью Хорсы или Хенгиста[17].

— Ровена? — Хаким обладал даром терпения.

— Вверх по Реке шли сплетни о том, что она вышла замуж за Райдера Хаггарда, но аллах его знает, за сколько королевств от меня это случилось; где-то вдалеке царства императора Алексия. Меня убили из-за Билкис, неужели не знаете? Я пошел грудью на копье из-за того, что мое новое зрение было слишком хорошим.

Плам мчался дальше на всех парусах, раз уж ему удалось завладеть вниманием Хакима:

— Настоящий-то я был слепой, как летучая мышь. Снимал очки только перед тем, как ложиться спать. Мне нужно было, чтобы все перед глазами все расплывалось, не то не заснуть. Весь период перед Билкис и ее синедрионом тетушек страдал бессонницей, как никто другой. Я был

[17] Примечания: 17

Хорса и Хенгист, в 449 г. руководили первым германским вторжением в Британию.

пьян в драбадан, когда принц Фердинандо причалил к берегу со своей армадой.

«Вторжение!» — закричали местные. «Вторжение? Что? Где?» — я зевнул, нащупывая свою дубинку.

Черные глаза Хакима пристально впились в него, несмотря на отклонение от темы.

— Но ты, может, знаешь о Ленине, — прервал он. — И о большевистском движении? Они уже достигли полного коммунизма в твою эпоху на Земле?

Безусловно, эта резкая перемена темы означает что-то глубокомысленное, подумал Плам.

— Ленин умер… простите мою математику… лет за пятьдесят до меня. Россия продолжала отправлять и возвращать спутники. Они покупали мои книги, разве вы не знаете? Покупали их — будь здоров! Массу чертова времени я потратил, придумывая, что сделать с их рублями — потому что мои герои были идиоты-капиталисты, и им это нравилось.

— Так ты писал книги.

— Беллетристику. Музыкальные тексты. Забавные.

Хаким игнорировал эти слова.

— Пятьдесят лет. И дело Ленина процветало?

Это у орла есть такая привычка — клюнуть здесь, клюнуть там — и делают паузы между кусками, чтобы поразмышлять над своей добычей. У Хакима крутая внешность орла — и все время на свете в его распоряжении.

— Красные-то? Ну, в некотором смысле, поднимались по каменным ступеням из громадного количества мертвых к высоким материям. Политика не была моей стихией. Когда настало лето, человек перестает жить ужасами зимы, а я летний человек.

Хаким кивнул в ответ на эту метафору. Он заговорил с задумчивым сочувствием:

— А все эти люди в черных одеяниях — люди зимние. Это делает религия. Они мигрируют вверх и вниз по Реке, целыми неделями, потому что слышали, что их Хаким вернулся после своего исчезновения. Я должен завоевывать новые грейлстоуны, чтобы кормить их всех, а потому мои соседи меня ненавидят. Возможно, они правы. Ведь мессии — зло, разве нет?

Плам пожал плечами. За несколько часов пребывания здесь он находился под впечатлением, что мистер Аль Хаким би'Амр Алла был богом во плоти для друзов, которые доминировали на этом участке Реки. Он был Мухаммедом современно-

сти. Такт требовал, чтобы он проявил желание проклинать этого человека в лицо.

Он размышлял — что сказать? Пока он раскидывал мозгами, Хаким оставался непроницаемым.

— Твоя хижина. Последняя в углу. Мы туда пойдем.

И они пошли. Там оказалась кровать, небольшой стол, дверь и окно. Во время участия во Второй Мировой войне у Плама бывало и похуже. Куда хуже. Учитывая нехватку зданий в районе Реки, эта бамбуковая коробочка могла сравниться с многокомнатным номером в Ритце.

Богоподобный и, вероятно, злой Хаким сделал жест — это твое, — и удалился. Плам вошел внутрь, положил свой грааль на стол и попробовал матрац. Вместе пружин были веревки, но оказалось удобно.

Личная жизнь!

Лицо Плама вытянулось. Неплохо, что досталось и такое, но Мир Реки продолжал оставаться адом. Ни бумаги, ни чернил, ни прессы. Как ему здесь функционировать? Единственное, что он делал хорошо, было ему недоступно. А за исключением этой деятельности, он полный дурак. Его роль «советника по истории» была просто дурацкой. Ни один человек, вынужденный пребывать

в двадцатом столетии, не обратил меньше внимания на его особенности.

Кроме того, Хаким. Когда Плам говорил, проявлялись причуды его ума. Хаким был такой же непостоянный, как и он, но при одной ужасающей разнице: у него в мозгу была целая бездна. В перемене тем он следовал хитрому ментальному алгоритму, который губил его собеседника.

Говоря о литературе, Плам всегда находил, что дурно проникать в психологию своих отрицательных героев. Теперь же, когда он был действующим лицом рассказа, вместо того, чтобы его писать, у него появилось иное ощущение. Плам сожалел, что ему ничего неизвестно о внутренних побуждениях его автора. Он был бедным мулом Хакима, ведомым при помощи морковки и палки, но почему?

Почему Хаким намекал, что на самом деле он вовсе не выдумка, которую почитают его поклонники? Что-то не сходилось. Что здесь происходит? Через некоторое время Плам встал и вышел в «сад» — этот гигантский окруженный резиновой стеной луг для игры в крикет — чтобы проверить, не имеют ли его сотоварищи, советники по истории, каких-либо соображений.

Он получил целые фонтаны информации.

Бывший торговец галантерейными товарами из Смирны указал направо, на стену, противоположную их ряду хижин.

— За ней — женская сторона, — объяснил он. — Хаким проводит с ними гораздо больше времени. Мы — запасная команда. Он использует нас, чтобы проверять их факты. Когда Мария ему рассказывает о том, что Кемаль Ататюрк делает то-то и то-то, он рыскает кругом, чтобы убедиться в этом.

— Мария?

— Предполагается, что мы не знаем их имен, — пояснил Набух ад-Наср, который считался экспертом по политике Среднего Востока за две тысячи лет до того, как Хаким стал Имам-Халифом. Плам нашел странным, что современник Ветхого Завета должен скакать с бодростью юноши и быть таким же легкомысленным мальчиком, как боец афганского сопротивления — несмотря на свою любовь к макияжу и тщательно подведенные глаза, этот последний был экспертом по девяти военным организациям, воевавшим с советскими захватчиками.

Ни один из перечисленных выше, если по-честному, не был арабом: они были турок, аморит и патан. Но это было необходимое условие для

здешнего проживания, которое они заставили себя принять, и поэтому у них были хижины, в то время как Джим Апаш вынужден был ютиться в лагере в углах, пока не станет разговорчивым. Плам повторял имя в арабском звучании, как будто бы по-английски «Мария» произносится иначе. Прежде чем он успел рассмеяться над самим собой из-за собственной глупости, Джим ответил на ломаном арабском:

— Она лучшая королева гарема. Она много говорит о Ленине.

— О Гитлере тоже, — сказал галантерейщик.

— Хаким ревнивый. Он думает — он сравняется в истории с этими двумя, — вставил юный иракский принц, убитый в какой-то стычке в 1950-е.

Плама удивила и откровенная враждебность принца, и общая свобода слова внутри этих стен, но большинство заговорщиков попали сюда тем же путем, как и он, «проехав по дешевому билету». Они были наполовину готовы и почти хотели умереть опять.

Существовали худшие виды наказания, чем смерть. Можно было услышать о королевствах, где процветало рабство: слепых, обездоленных заморышей держали в тюремном заключении, украв у них грааль. Если бы Хакиму была нужна

репутация насильника, он мог бы поступить таким же образом. Но он этого не делал. Это давало передышку. Это заставляло думать, — а не имеет ли Хаким в душе чего-то доброго — и пытаться узнать это.

Плам Вудхауз уснул, размышляя над этой проблемой и не найдя ответа. Ежедневные дожди начинались как раз перед рассветом. На завтрак дали булочку и горячий суп с вермишелью, стражники отбирали обычную таксу. Для несуществующей трубки Плама не будет никакого табака, а после — никакой пишущей машинки, которой можно было бы занять себя, никакой аудитории для последнего приключения в Замке Вежливой Обходительности. Что остается? Чего стоит такая жизнь?

В тот день, ближе к вечеру, добрый человек Хаким и его приближенные навестили мужскую сторону сада, бродя из хижины в хижину для разговоров с местными жителями. Добравшись, наконец, до Плама, мастер оккультных наук друзов разыгрывал радушного хозяина:

— Что неладно? — спросил он после того, как Плам выразил ему благодарность за свое жилье. — Не хотел бы ты пройтись по этой стране зимнего благочестия? Я и сам чувствую себя

ограниченным в пространстве, поэтому мы организуем походы и экскурсии, и пикники. Ты не должен думать, будто ты пленник.

Неужели?

— Нет, дело не в этом. Я просто… Я просто… я посвятил себя тому, чтобы писать, — ответил Плам. — Шестьдесят с лишним лет я только этим и занимался. Писать — и гулять, или заниматься борьбой теперь, когда я опять в силе. Собаки. Я любил собак. Но нет для меня ничего лучше, чем заполнять словами чистую бумагу.

Он отвернулся в сторону, волна его эмоций дошла до крайности. Он взволнованно продолжал:

— Я ни разу не видел в Мире Реки бумагу!

Хаким взял Плама за руку, как священник мог бы взять дрожащую руку горюющей вдовы, и дружески похлопал по ней.

— Я могу принести тебе бумагу! Мы делаем ее из бамбука. Я знал, что тут что-то есть. Людей ко мне присылают с некоторой целью. Вчера я не знал, для чего ты, но теперь это становится ясным.

— Аллах не послал бы тебе П.Г.Вудхауза, чтобы писать забавные рассказы, — ответил Плам. Даже при том, что его настроение взмыло на слабых крыльях надежды, он восставал против величия концепций Хакима.

— Ты должен иметь веру! Вселенная разбита, — ответил Хаким. — Логические требования, чтобы все случайные цели соединили начало с концом в круге времени, и каждое звено этой круглой цепи, когда ты об этом подумаешь, остается тем же самым звеном, каким оно было восемьдесят биллионов лет назад. Тот же самый Хаким встречает того же П.Г.Вудхауза, но, благодаря Аллаху, предназначение этого вечного цикла циклов этого Великого Удара и падения нас не касается. Физическая вселенная треснула, и Его благодать чинит ее своими инструментами. Я не знаю ничего, кроме того, что испытываю на опыте — я сосуд этой милости. Я ей доверяю. Когда я был моложе, я использовал ее плохо, хотя милость знает путь, как сделать дурные вещи хорошими.

— Я не был уверен вчера. Ты казался дурным: насмешником. Человеком анти-друзианского характера в мире, человеком, который высмеивает верования друзов. Но теперь ты можешь доказать себе сам. Пойдем. Мы должны пошептаться.

Удалившись от своих стражников в хижину Плама, Хаким приложил палец к губам:

— Это тайна, которую ты не сможешь выдать: мои помощники убьют тебя, если заподозрят правду. Говорят, что за девятьсот лет до твоего

времени я оставил Каир и бежал моих почестей и титулов. Я писал письма из того места, где прятался следующие три десятилетия. Эти письма наставляли людей в религии. Ложь, ложь! Но, естественно, мне было бы интересно прочитать их самому. Узнать, что я сказал! В День Воскрешения мы все проснулись в Мире Реки, нагие и лишенные книг, и нет у меня никакого способа процитировать себя самого.

Хаким подошел к окну, чтобы убедиться, что никто не подслушивает. Через минуту он вернулся.

— Отсюда мой интерес к чернилам и бумаге. Все, что я должен сделать — все, что могу сделать, — это опубликовать столько текстов, сколько смогут здесь вспомнить те, кто старше меня. Мы все с энтузиазмом относимся к этому проекту, по разным причинам, моя — это выжить.

— Выжить? Но…

— Я знаю, я воскресну, если все, что они сделают — это убьют меня. Но подумай, что они могут сделать хуже. Подумай также: ведь я не умер ни разу с того утра в Каире, когда «погрузился в оккультизм». Я не привык к этой идее, как ты. Но я не просто трус, который разыгрывает забияку из

самозащиты: преданность этих людей дает мне поразительные возможности. То, что я тебе сказал, — правда. Если я не сумасшедший, говоря это, я — один из сосудов милосердия самого Аллаха. Для этого я рожден, и я ощутил в себе эту мощь.

Плам прочистил горло. Почему я? — подумал он про себя. Если этот парень исповедуется каждому посетителю, которого встречает в течение сорока восьми часов… Есть один шанс, что он действительно сумасшедший.

К счастью, Хаким сохранил нить разговора без активной помощи Вудхауза.

— В твоей земной жизни Аль Хаким би'Амр Алла ничего для тебя не значил. Ты никогда обо мне и не слышал до вчерашнего дня.

— Ммм… Э-э-э… Я догадываюсь…

— Мало кто обо мне слышал за пределами секты африканских друзов. Но, пока по приказу моей сестры меня не умертвили, я был Лениным своей эпохи. Я правил из Каира, а Каир был такой великий город, какой когда-либо была Византия. Более великий, чем Дамаск, более великий, чем Рим!

Будучи сосудом Бога, я ненавидел религию. Я не входил ни в какую партию — я их все ненавидел. Я разрушил Храм Гроба Господня в Иерусалиме. Я

уничтожил святые места пилигримов, включая и священный Хадж в Мекке и Медине. Но я управлял через моих шиитов, моих поклонников, а они были пресыщены. Христиане и евреи страдали куда больше, чем мусульмане.

Какая была польза призывать людей, приверженных Библии, к отступничеству, если они все были противниками Ислама? Мое решение состояло в том, чтобы создать новую религию — без священников и жрецов и упрощенную, так что фанатизм мог бы работать на меня, и Аллах послал мне прозелитов, чтобы выполнить эту работу. Если бы у нас было больше, чем четыре года… если бы восемь — или двадцать… — Хаким вздрогнул. — До того, как появился я, мусульмане, христиане и евреи мирно жили в моей области. Я дал прецедент угнетения, но не дожил до того, чтобы увидеть, что он выполнил свою роль как следует — это всегда было несправедливое угнетение, оно так и не стало справедливым. Годы спустя правители продолжали мучить христиан с упорным рвением. Через поколение франки ответили Первым Крестовым Походом.

На этой драматической точке Хаким сделал паузу. Плам уловил его Цель. Очевидно, этот человек нуждался в том, чтобы его обвинили

— или поверили ему. Вчера он почти просил о том, чтобы его считали воплощением зла.

— Значит, это ты устроил все это.

— Весь этот вред. Бесполезное кровопролитие во имя религии, потому что я хотел сломать эти установления, а не использовать их.' Разве я не должен был прославиться через столетия за мои ошибки? Возможно, Ленин был более великим, чем я. Он преуспел там, где у меня не получилось.

Плам покачал головой:

— Вот в этом и вердикт. Не в том, как сложилась моя прежняя жизнь. Во всяком случае, ленинская религия коммунизма — не вижу, чтобы она была лучше, чем другие. Люди некоторым образом за нее умирали.

Хаким улыбнулся:

— Мне нравится, как ты оцениваешь труд. Но мы с Марией предвидели твои оговорки. Тайны внутри тайн! Это — та тайна, которую я не могу выдать. Исключительная женщина!

Он снова подошел к окну и заговорил более рассчитанным на публику голосом:

— Для тебя мои женщины не существуют. Ты никогда не будешь полезным для них по той же мерке, как мои любимцы. Ничего скандального в

тебе нет. Никакой энергии, какую я мог бы взять и использовать. Я просто дам тебе бумагу и чернила и доверюсь насчет результата.

На этой ноте он удалился, только в этом однокомнатном сооружении не хватало пространства для выхода. Для выразительного отступления требуется три шага, ну, два, если там имеется дверь, которой следует драматически хлопнуть. Но Хаким на третьем шаге был уже вне помещения, говоря о чьей-то предстоящей казни.

Повестка дня у тирана была весьма заполнена делами. Плам восстановил в памяти последние десять минут и решил, что этот человек снова его достал. Одолел его. Больше всего из своих произведений он гордился вовсе не английской лирикой и не искусством рассказчика. Нет, он высоко ценил сюжеты этого Руде Голдберга, полные точных до мелочей и невероятных совпадений. Ему стоило громадных трудов собрать их вместе — это была более тяжелая работа. Гораздо легче было избавиться от многословия.

Хаким? Хаким был живым заговором. Едва ли можно удержаться от того, чтобы сочинить историю о дервише вроде него, который вертится рядом. Это Вудхаузу не нравилось. Реальность есть реальность, а сочинительство — сочини-

тельство, и никогда эти две категории не должны встречаться. Ему-то всегда нравились персонажи его рассказов, но нравятся ли этим персонажам их автор? Результат пришел вместе с местью, ибо Хаким имел над ним авторскую власть.

Плам взорвался. Что здесь было ценного, так это слуги, самозванцы. Вещи, знакомые каждому читателю. А как насчет любовной линии? Или наводящей ужас тетушки? Что ж, по другую сторону стены такого сколько угодно, — там, в женском саду.

Да, он мог бы что-то из этого сделать. Это могло быть своего рода терапией. Если Хаким сдержит свое обещание насчет бумаги, ГІламу удастся написать рассказ: вежливая обходительность в Мире Реки, что-нибудь, чтобы восстановить свое ощущение равновесия. Что-нибудь такое, чтобы поставить Хакима на место.

Осторожнее. Лучше всего вести тонкую игру, принимая во внимание весь этот чертов фанатизм. Актерский состав может играть в костюмах и масках. Это обстоятельство создавало хорошую проблему, и весь остаток дня и вечер Вудхауз посвятил разработке замысла.

К утру он все добавлял подробности и хотел бы все их запомнить. Хаким и его команда снова

пришли с дневным визитом.

— Люди, которые одновременно умирают — они что, воскресают в одном и том же месте? Ты слышал какие-то разговоры об этом? Любовники и тому подобное?

Плам в недоумении заморгал глазами:

— Я… я не знаю.

— Сделаем эксперимент. Набуч и Афганец могут быть любовниками где-нибудь в другом месте, с моего благословения, — голос у него дрогнул, точно у новичка, впервые севшего перед микрофоном. — Неестественных пороков здесь не терпят.

— А-а…

Плам сосредоточился, глядя на двух советников по истории, которых подвели к большому дереву. Прижали к стволу. Привязали. Если такое случается часто, немудрено, что имеются свободные хижины для вновь прибывших, как он сам.

Хаким подошел сзади и протянул ему пакет:

— Бумага, перья и чернила. Не смотри так, как будто бы это тебя огорчает.

Плам собрал драгоценные предметы и заковылял в свою хижину. Он слышал удары копий. Но они не прозвучали одновременно.

Примерно в течение часа после того Вудхауз

нашел, что писать невозможно. Сюжет должен был крутиться вокруг американского магната, производящего резиновые игрушки, который основал культ, объединяющий здоровье и религиозность, нечто вроде адвентизма седьмого дня. У этого парня был счастливый брат-двойник с пристрастием к алкоголю…

Оба близнеца был Хаким, хороший Хаким и плохой. Но кровь застывала в жилах у Плама при одной мысли об этом ужасном человеке, об этом водовороте противоречий. Его замерзшие жилы оттаяли только после того, как он отложил этот рассказ в долгий ящик и принялся за новый.

На каком языке писать? На арабском. Если так, рассказ должен быть коротким. Пламу не справиться как следует с пятью тысячами слов не на родном языке.

А какой алфавит использовать? Он бросил перо и стоял. Болтовня о превратностях судьбы! Ну, тогда пусть будет римское написание. Если все бывшие обитатели Земли украсят собою пейзаж в каком-нибудь месте Мира Реки, должны найтись дюжины, даже сотни, которые будут наслаждаться хорошим арабским языком, историей, сочиненной наугад.

Он вернулся к столу и начал писать.

* * *

Пламу понадобилось много дней, чтобы набрать скорость. Даже в лучших обстоятельствах требуется неделя, чтобы написать рассказ в пять тысяч слов. Хаким Терпеливый понять этого не мог. При своем шестом посещении он похлопал по законченным Вудхаузом страницам:

— Ничего не могу разобрать в твоем дурацком шифре. Если в этом писании есть действительно какой-то смыл, прочти мне вслух, чтобы доказать.

— Я… я ужасно, — растерялся Плам. — Мне авторитеты говорили, чтобы я никогда не читал вслух.

— А ты попробуй.

Состроив гримасу, Плам взял в руки первую страницу и начал ораторствовать. Он заикался и мэкал, пропуская строчки, возвращался назад и чесал в голове.

— У-ух! — вскричал Хаким после двух минут пытки. — Давай сюда! Я знаю, что надо сделать.

Он вышел с полузаконченным произведением Плама. Вудхауз поник от своего поражения. Да, он потерпел поражение — а почему нет? Как он только мог подумать, что будет иначе? Разве

Гитлер стал бы смеяться над остротами, написанными на пиджин-немецком, переведенным на еврейский? Джентльмены вроде Ленина никогда не славились своим чувством юмора, разве не так? Хаким не составляет исключения. Хаким, который мог держать его здесь и не допускать ни к какой аудитории!

Настроение Плама сделало для него вид рабочего стола невыносимым. Он вскочил и направился в сад, обходя большие круги по его краям, поворачивая от центрального дерева. Что сделал Хаким с его злосчастной рукописью? Использовал вместо туалетной бумаги? Бросил в реку?

На каждый пятый раз он менял направление своих кругов. По часовой стрелке — против часовой стрелки — по часовой стрелке опять. Он услышал смех с женской стороны стены. На ум пришло слово «гоготание», слишком жесткое для того, чтобы вообразить гогочущую девушку. Жизнь по ту сторону стены была приятной. Светило солнце.

Может быть, если бы он распростерся орлом у ствола того дерева, какой-нибудь стражник услужливо метнет копье в направлении его фигуры.

— Хаким обманщик! — крикнул бы он тогда,

чтобы воодушевить это ничтожество. — Никогда он не сочинял ваше писание! Все это — ложь!

Ну, довольно. Плам ушел с тропы, где он весь горел в траве, лучше уж превратить себя в мишень.

Когда он подошел к дереву, появился Хаким из боковой аллеи, лицо его сияло улыбкой.

— Отлично! Потрясающе!

Он вручил Пламу его страницы и снова отбыл, человек, привыкший неожиданно уходить. Так обычно и бывает с твоей текущей критикой, подумалось Вудхаузу. Ты хочешь, чтобы они не пропустили ни одной детали отличного великолепия: эта строчка, эта шутка, это удачное выражение, — а они вместо этого только гудят.

Мир только что повернулся на сто восемьдесят градусов, можно выразиться. И Плам тоже. Он вернулся в хижину…

Девичий смех. Девичий смех над его рассказом? Значит, они там о нем знают? Кто-то знает. Как она может выглядеть?

Наверное, она здоровенная. Тот тип женщины, который ржет. Ах, нет. Там, конечно, была эта ржущая, но почему бы не быть и еще другой женщине? Кто его знает, какова там плотность населения? Могли слышать десятки ушей. Губы

лепетали: «Вудхауз. Может ли это быть тот самый? Тот Вудхауз?»

Плам был одиноким человеком, он жил в обществе созданий его собственного воображения. Уберите эту проклятую стену, и он все еще останется одиноким. Лучше уж так. Он может притворяться, будто там есть люди, которые о нем думают. Люди, которых он смог взволновать.

Нет, не надо притворяться. Он и в самом деле мог взволновать их. Он мог бы к ним попасть. Он сел за стол, воодушевленный новыми амбициями. Рассказ? Книга! И по-английски, особенно первый черновик. Довольно этой таинственной путаницы!

* * *

Когда Плам погрузился в осуществление своего грандиозного замысла, время так и помчалось вперед, с регулярными перерывами для того, чтобы в очередной раз перекусить. Он чуть ли не негодовал на эти перерывы, которые становились еще хуже из-за официальности приносившего еду человека, который никогда не забывал отбирать табак, марихуану и алкоголь; и/или жевательную резинку-наркотик. Никакие изменения в ментальном состоянии в резиденции друзов не

допускались!

Хаким навещал Плама ежедневно, а затем сделал перерыв в своих визитах, отправившись путешествовать по своим владениям. Плам продолжал усердно писать. То и дело он выходил погулять, чтобы размяться, его крупное тело настаивало на своем собственном здоровье.

Первая глава оформилась. Она останется первой главой. Первые главы других авторов становились главами двенадцатой или семнадцатой, прежде чем их книги были закончены, или в процессе работы их убирали, или основательно перерабатывали. Но не таков был метод П.Г.Вудхауза.

Он одолел главу вторую. Хаким возвратился из своего королевского путешествия. Он собрал первые густо исписанные страницы Плама и ощутил на себе остроту вудхаузовского гнева:

— Эй! Ты что это такое делаешь?

— Ты же сказал, что это уже готово. Мария хочет посмотреть.

Плам настаивал на выполнении обещаний. Хаким нахмурился и ушел.

Через несколько часов стражник возвратил страницы. Плюс трубку. Плюс пачку табаку. Повернулся и ушел. Плам сплясал вокруг своей

хижины, выкурил полную трубку и вернулся к работе.

Он трудился, пока золотой вечер не потускнел и не унес свет, а тогда предпринял еще одну прогулку, радостно кивнув Джиму Апашу, галантерейщику из Смирны, и новоприбывшему, французскому алжирцу, с тлеющим негодованием по поводу всего арабского. Иракский принц величественно поклонился Пламу, когда тот проходил мимо, это не был приветственный поклон, но нечто вроде обвинения. Слух о подаренной трубке уже распространился.

Никакой дворецкий не появился с виски и содовой в девять тридцать, когда Плам отправился спать.

Его разбудило чье-то шиканье:

— Ш-ш-ш!

Кто-то был у него в хижине.

— Пожалуйста! — шепнула она. — Не шумите!

Плам начал шарить около себя, потом вспомнил, что в очках он больше не нуждается. Он заговорил с чьим-то надушенным силуэтом:

— Как вы сюда попали? Кто вы?

— Я так и знала, что это вы. Я должна была увидеть. — Она говорила на английском теплого юга, где-то между Альпами и Гангом. — Мне нравится

ваш рассказ. Трубка была моей идеей.

— А-а. — Когда он полностью пришел в себя, Плам был охвачен ужасом: — Это же… вы должны вернуться назад. Это безумие! Нас за это убьют!

Тень покачала головой. Кровать Плама скрипнула, когда она села с краешку.

— Хакиму не приходит в голову, что воскрешения происходят наугад. Он подозревает в них цель. Для него каждый или опасен, или полезен. Я? Я одна из приносящих пользу. Если его алхимики смогут создать экстракт из наркотической жевательной резинки, и снова сделают из его людей детей, я должна буду их развивать некоторым образом — ради свободы? Так он говорит — добра и свободы. Он говорит, что должен устроить великое шоу из друзоизма, но в глубине души он против. Выживание! Прежде всего, он должен остаться живым здесь, где его положение уникально.

Это было точное резюме того, о чем уже говорили Пламу, но ее слова только слегка затрагивали тот факт, который лил воду на его мельницу.

— Он чертов обманщик. Никогда он не писал их писание. Он просто с толку сбивает.

— У нас в вашем замке Вежливого обхождения всегда действовали обманщики, — напомнила

женщина. — Я думаю, ему это нужно. Ему нужно попасть в аллегорию, как человеку с добрыми намерениями. Ваша книга будет взывать к новым людям, которых мы создадим. Любители ортодоксальности ее возненавидят. Вы будете громоотводом для их молний. Страна друзов будет для вас тюрьмой, но ваша книга проникнет в более широкий мир.

— Пока, с не слишком виноватым видом, Хаким не прикажет меня убить.

Посетительница покачала головой:

— Не вижу, как он сможет это осуществить. Создание племени «летних детей» посреди этой духовной зимы. Его тоже убьют. И новеньких. Но мы снова воскреснем, понимая, как воссоздать себя концентрированной эссенцией наркотика для жевания. Отношение лета к зиме ускорит наш путь.

Плам разобрал черты славного лица — хотя оно было отягощено заботой и менее красивым, чем могло быть. Она наклонилась и поцеловала его.

— Вы чистое лето — если только у вас нет какой-то тайной глубины.

Плам заколебался:

— Нет, никакой глубины нет. Я всегда избегаю глубины.

Она улыбнулась:

— Да, вы героически мелки. Вы сможете написать свою книгу? Книгу о добром самозванце Хакиме?

Плам неуклюже склонился, чтобы удобнее было похлопать лодыжку своей соблазнительницы.

— Он послал вас. Ваши ноги сухие. А сюда никак не попасть сухим. По пути — лужа. Разве только Хаким проходит так каждый раз. У него есть тайная дорога.

Женщина повела головой из стороны в сторону:

— Я никогда раньше не бывала на этой половине. Я хотела пойти. Так это было возможно. Я использовала летнюю сторону Хакима. Кроме того, с вами я в безопасности. Я сказала Хакиму, что вы не темпераментный мужчина. Любой, кто воспитывался в английской школе для мальчиков и любит борьбу и бокс — я сказала ему, что вы определенно скрытый гомосексуалист, или, возможно, педофил…

— Ну, знаете ли!

Она приложила палец к его протестующим губам:

— Так легче. Я, видите ли, должна быть вашим издателем.

— Так вы — Мария?

— Мария Монтессори. Выдающийся мировой эксперт по детскому образованию! — Она продолжала с горькой иронией: — Если вы бесполезны в Мире Реки без бумаги, представьте себе меня без юных умов, которыми нужно руководить.

Вудхауз ощутил тепло ее тела. Рука, которой он проверял ее ноги, скользнула вверх, чтобы ощутить ее фигуру. Эта кровать, в конце концов, не так уж велика, даже если он прижмется к стенке в наполовину возбужденном состоянии.

— Ах, — сказал он. — Ах!

Она откинулась. На некоторое время наступила неразбериха: колени и локти стали тем, чем они на самом деле были.

— Почему Ленин? — недоумевал Плам после первого страстного объятия. — Зачем вся эта болтовня насчет Ленина и Гитлера?

— Они украли мои идеи о пластичности юных умов. Новый человек коммунизма. Гитлерюгенд. Получите детей достаточно рано, и вы сделаете из них все что угодно.

Поцелуй — и продолжение лекции:

— Конечно, направление у них было неверным, но концепция! Чистая доска! Коммунизм оправдал себя — или нет? Если мы опять создадим

взрослых детей и обратив их в… Вы изобрели слова: «Летние люди». Это то, что нам нужно.

— Вы уверены в Хакиме? Вы ему доверяете?

Мария засмеялась:

— Я всегда могу его перехитрить, в любой день. Ведь я здесь, правда? Пусть он меня убьет. Я вернусь с моими знаниями куда-то еще и начну жить по собственному режиму. Так что я не беспокоюсь. Ну, довольно. Хватит об этом говорить. Боже, какое у тебя большое расстояние от ног до головы! И такие мягкие волосы — как у ребенка!

На следующий день Плам закончил главу вторую и предпринял прогулку. На его тропинку вышел иракский принц.

— А-а, комнатная собачка аристократа!

— Простите?

— Мне сказали — вы пишете о герцогах и графах. Высший слой. Обыкновенные люди для вас недостаточно хороши.

— Мои герцоги и графы вполне обыкновенны, — ответил Вудхауз. — На самом деле, я заодно с массами. Во всяком случае, с теми массами, которые покупают «Сатердей ивнинг пост».

— Презренные массы. Хаким их презирает. Вы не предполагаете, что он мне сказал? Он делает дурные вещи только потому, что от него их тре-

буют. Я слыхал за свои несколько жизней, что политические деятели хнычут о таких вещах. Имели ли иные из них смелость, чтобы ожидать от своих подданных самого лучшего? Или они потворствуют худшему?

— Полагаю, и то, и другое, — пробормотал Плам.

— Да. А вы знаете, что за человек Хаким, и, тем не менее, пишете для него?

Плам покраснел:

— Я пишу то, что пишу. Любой, кто что-то в это вкладывает, — идиот. Вы бы поняли, если бы когда-нибудь читали мою ерунду.

— А вы обращались к людям по нацистскому радио во время Второй Мировой войны, чтобы они вкладывали в это значение, правильно?

Краска на лице Плама усилилась:

— Это была ошибка. Я находился в изоляции и был наивен. Не хотел, чтобы люди обо мне беспокоились. Я не знал, что мое чириканье и блеяние принесут страдания лондонцам, которых бомбят.

— Перестань ты его донимать, — сказал сзади Джим Апаш.

Принц ухмыльнулся:

— Я слышу голос Хакимова индийского скаута.

Того, кто бегает на свободе и выслеживает уклоняющихся от работы по сломанным прутикам. А твой арабский усовершенствовался.

— Не давай ему тебя задевать, — сказал Джим, обращаясь к Пламу, игнорируя разгневанного иракца.

— Спасибо. Постараюсь.

— Потому что, когда мы здесь начинаем драки, иногда стражники казнят всех замешанных. Я видел такое.

Плам состроил гримасу, но, дурные новости или нет, а готовность Джима помочь была вознаграждена.

— Ты куришь? Не разделишь ли со мной трубочку?

Улыбкой Джим выразил согласие. Оказавшись в хижине, вдали от ушей принца, Плам спросил:

— Э, так об этом сломанном прутике…

— Это про то, что Мария ночью здесь была? Ничего об этом не знаю. Есть там такой камень, который поворачивается, но я и о нем ничего не знаю. Третий слева, по ту сторону от лужи.

Плам пыхнул трубкой и посмотрел поверх нее.

— Я твой должник. Что до этой женщины — понимаешь, я изучаю архетипы. Тиран, вампир и дурак. Издатель, редактор и писатель. Раз-

ницы нет — Нью-Йорк или Лондон. Бандиты Двойного Дня не мечут копья с таким воодушевлением, но надо делать поправку на местные обычаи. — Плам вздохнул. — Может быть, я здесь не останусь. Наш иракский друг, кажется, настроился на то, чтобы совершить еще одно «дешевое путешествие». Я мог бы ускорить путь для нас обоих.

Джим улыбнулся, его смуглое лицо расплылось в дыму.

— Копьеметатели Хакима практиковались. Они достигли хороших результатов. Если правду говорят о людях, убитых в одно и то же время, вы с ним можете кончить тем, что воскреснете бок о бок.

— Не хочу этого, — Плам рассмеялся.

Он сделал еще одну затяжку и передал трубку. Через пять минут окрашенных никотином размышлений Апаш кивнул и вышел. Плам повернулся к бумаге и начал главу третью.

* * *

Четвертая глава обретала форму. Жулик Ван Дорп вышел из спальни с дохлым котом под прокуренной курткой и налетел на свою служанку. Как раз в этот момент в хижину Плама вторгся

целый отряд рабочего персонала, вынесли его кровать и начали устраивать другую, побольше, «потому что ведь вы такой высокий».

Эта кровать была длиннее и шире. Ночью Мария опять посетила его и ушла через два часа, унося главы с первой по третью.

— Вот увидишь, — шепнула она. — Железное дерево подходит. Мы режем его для нашего печатного станка. Это будет выглядеть потрясающе.

Плам проинструктировал ее в издательском деле:

— Сначала ты вдоволь порезвишься на полях рукописи. Потом я буду переписывать. Потом ваша сторона сделает набор и выпускает первую корректуру. Я смотрю, негодую и исправляю все вкравшиеся ошибки. И только после этого выпускается тираж.

— В мое время я была писателем, — заверила его Мария. — Не волнуйся. Я знаю это дело.

Она ушла. Плам услышал знакомое хихиканье иракского принца под самой его дверью.

— Эй, стра-а-а-жа! Смотрите, что у нас здесь творится — ха-ха!

Тишина. Плам высунул голову и увидел, что кто-то убегает по траве. Он почесал в затылке. Разве Мария Монтессори в прежние времена

не была пацифисткой? Вот она, здесь, удирает в крайней спешке…

— Ха-ха!

Какая-то другая фигура нанесла удар, второй — из-за кустов — и снова скрылась. Иракский принц немного похныкал, а Плам отступил, чтобы дать ночи скрыть свои секреты. В садах Хакима это всегда оказывалось самой мудрой тактикой.

Плама беспокоило открытие, что убийства больше не вторгались в его работу. В его сон — да, но, несмотря на бессонницу, он ввел преподобного Панкрофта в главу шестую, и неважно, что он должен был умчаться из бедного дома во Франции. Уличный мальчишка Тоби Уинкельман напал на кухарку, которая уволилась в день важного обеда…

У Марии Монтессори оказалась легкая рука. На третье свое посещение она шепнула насчет «Сиджилл, журнала, номер один, с местными известиями, обозрением, краткой проповедью о славе Хакима» — и о книге Вудхауза, которая будет печататься с продолжением.

— Мы пошлем его вверх и вниз по Реке на малагасийском, на растафарийском, на фригийском, шангском, английском, эсперанто и французском. Хакиму нужна пища для его орд. Он будет

распространять подписку среди соседей, плата продуктами, или мы на них нападем.

— Издатель-тиран! — вздохнул Плам. — Неужели ты не написала статей за мир? Разве ты не поддерживала пацифистские конференции перед Второй Мировой войной?

— Да. И, если я смогу сделать эту работу, у нас будет мир, — ответила Мария Монтессори.

Через несколько дней стражник вручил еще порцию табака и корректуру страниц Плама, «которые вот-вот будут напечатаны». Вероятно, потому что Фатима, корректор, плохо знала английский, она совсем не правила важную прозу Вудхауза. Все ошибки были по части запятых, заглавных букв и кавычек. Плам их исправил и перенес все внимание на главу восьмую. Добрый старый «жулик» спрятался на балконе, у него не было никаких путей к спасению, только по водосточной трубе…

Для жулика все обернулось еще хуже, полное унижение приближалось для него в главе двенадцатой. Появились новые советники по истории и стали соседями Вудхауза. «Сиджилл» выходил на деревянном печатном станке. Каботажные суда Хакима ходили на восток и на запад, добывая выгоду из подслащенной религии, в которую

оккультный мастер, по его словам, не верил.

Молчание. А где же восторженные отзывы, адресованные редактору? Пресс-конференции? Литературные обеды? Согласно слухам, на дальней стороне планеты были открыты месторождения металла величиной с холм. Антиподы употребляли его, чтобы делать пароходы и радиоустановки.

Дело отправки журнала за пределы границ облегчалось в результате подобных сплетен: иммигранты друзы подтверждали разговоры о металлическом пароходе, «приближающемся в эту сторону»!

Ничего из них не попало во второй номер. «Институт» Марии завоевал шесть колонок славы, похвалы и почестей, весьма слегка коснувшись фактов: экстракт из каучуковых наркотиков улучшил ментальность немногих детей нескольких опытных подчиненных, дети лепетали и бегали по идеальной классной комнате, которую она им оборудовала.

Хорошие новости заключалась в том, что самые мощные из наркотиков оказывали постоянное воздействие на «зимние» личности. А дурные новости? Они превращали их в животных.

— Я должна обнаружить в них души, — сказа-

ла Мария Пламу во время следующего ночного визита. — У меня еще есть надежда. В один прекрасный день, когда они овладеют речью, мы сможем понять, что мы делали неправильно. Как мы нанесли им травмы. Они смогли бы нам рассказать.

— А что говорит Хаким? — спросил Плам.

Мария вздохнула:

— Я должна исправить свою ошибку, или — она может обернуться злом. Я потеряла влияние. Он ведь политик. Это дело о летних и зимних людях — на некоторое время он принял эту идею как свою собственную, но…

— Он пустился в рискованное предприятие, да? А теперь хочет прекратить свои потери?

Она покачала головой:

— Пока еще не совсем так. — Ее глаза наполнились слезами: — Разве я не заслуживаю, чтобы он действительно наказал меня? Но ведь создатели этого мира не снабдили нас экспериментальным материалом — животными. Что мы еще могли сделать?

— Шшш, я слышу голоса. Люди так кричат.

— Боже! — Мария стала шарить по краю кровати в поисках своей одежды.

— Живо. Прячься. Я посмотрю, что происходит.

Пароход из металла идет скоро. Делая двадцать миль в час, «Потемкин» обгонял все, что встречал на пути. Он шел чуть ли не быстрее слухов о нем. Ни один человек во владениях Хакима не думал о возможности такой скорости, пока огни его иллюминаторов не засверкали на Реке. Вырванный из постели какой-то женщины с женской половины, Хаким вызвал милицию. Вооруженные и бдительные граждане столпились на берегу. «Потемкин» скользил совсем рядом, его имя начертано такими символами, которые могли прочесть немногие друзы. Влево долина сужалась, и могучее чудовище пыхтело, переходя на следующий свой режим.

Сгустились тучи как предвестник дождя, и все же гудящее население не возвращалось в постели. В мужском саду консультанты по истории и стражники собирались в кучки и взволнованно переговаривались. Плам вошел в дом и объявил Марии дурную весть. Как ей незамеченной выскользнуть отсюда?

Для этих тайных рандеву кто-то снабдил ее мужской одеждой.

— Я похожа на мужчину? — нервно спросила она, хорошенько закутавшись. — Пойду к выходу выпрямившись, как будто у меня в заднице

кочерга.

Плам поморщился. В качестве мужчины она выглядела крайне неубедительно.

— Подожди минутку. Я создам прикрытие. — Он выбежал из хижины. — Джим, Джим! Давай подеремся!

— Что-о? — устав от ночной драмы, Апаш вернулся к своему отдыху под деревом и закутался в одеяло. Он приподнялся на одном локте.

Плам опустился на колени и толкнул его плечом.

— Ты, чертов краснокожий! Я твой скальп сниму!

— Эй!

— Покричи еще! Вот так!

Джим ударил Вудхауза справа. Он встал. Плам тоже встал, заревел и напал снова.

Джим пнул его ногой. Плам ухватил его за ногу и заплясал на одном месте. Группа стражников бросилась к ним:

— А ну, прекратите! Что это вы затеяли?

Плам отпустил ногу Джима и встал на четвереньки, заскакал лягушкой:

— Наступил апрель с дождями, — заорал он что есть силы, сверкая безумными глазами. — Спрячемся в глубокой яме!

— Хочешь быть убитым? — заорал Джим. — Ты что, спятил?

Ну, теперь Мария уже ушла. Плам поднялся и отряхнул пыль.

— Извини. Я что-то разволновался. Теперь мне лучше.

Стражники буркнули:

— Иди-ка в свою хижину!

Плам кротко подчинился.

На другой день Хаким оказался слишком занят, чтобы проверить безумие Плама. Копьеносец пришел за корректурой третьего номера, он унес листы за запретную черту. Следующий номер журнала приходилось выпускать в поспешности, он содержал проповедь Хаким о ночном приходе «Потемкина» и о том, что это значит.

Вообще, соседние королевства могли и обидеться. Они должны были меньше бояться друзов после того, как увидели, что их техника отстает. Теперь следовало проповедовать им снова мирное состояние умов.

Снова торговцы отправились на охоту и вернулись с новостями. «Потемкин» прервал свое долгое путешествие в конце Реки. Растафарийцы развлекают матросов парохода на своих берегах в нижнем течении.

Хорошей новостью было то, что журнал пользовался большим спросом как у русских, так и у жителей Ямайки, так что добытчики вернулись нагруженные продуктами. Самый медленный дошел до дому как раз перед самым появлением огней: несколько часов тому назад «Потемкин» бросил якорь и прервал свой курс.

С мостика парохода закричал офицер, сначала на эсперанто, потом на английском:

— Доставьте нам П.Г.Вудхауза!

Такова была изоляция Плама, что первый намек на это появился тогда, когда садовую стражу удвоили. Это место кишело копьеносцами.

— Я мог бы выйти к ним, — заявил Плам генералитету друзов, который взглянул на него в негодовании. — Я бы не хотел, чтобы была какая-то борьба. Не ради себя. Джим, что происходит?

Джим протолкался к нему, вернувшись с какой-то экскурсии по дворцу.

— Хаким окопался. Он упрям.

Ясно, что Апаш имел еще что-то сказать.

— Ну? — торопил его Плам.

— Ты заложник. Хаким тебя убьет, если они нападут. Он им так сказал.

— Черт!

У входа в сад завязалась какая-то суматоха.

— Пропустите меня! — потребовала Мария королевским тоном. — Я иду от Хакима.

Плам рванулся к ней:

— Что…?

— Эти, с Ямайки, — она просто захлебывалась. — Они вынудили к этому русских. Ты только cause celebre[18]? Нечто, что сделает войну популярной. У тебя есть поклонники среди русской команды, которые считают, что ты и есть то, из-за чего весь сыр-бор разгорелся, и поэтому они сделают все. Я знаю правду, и Хаким тоже. Этот ультиматум — только для того, чтобы унизить друзов, но что он может сделать? Копья против ружей!

— Предполагается, что я должен сочувствовать забияке? — недоверчиво спросил Плам. — Он угрожал…

— Знаю. Он всю душу продал за власть. Теперь для него нет ничего слишком низкого. — Мария Монтессори развязала узел и сбросила одежду. Обнаженная, она подошла слишком близко. — Поцелуй меня. Мы умрем вместе.

— Какого черта!

Это оказалось последней соломинкой для

---

[18] Примечания: 18
Громкое дело *(франц.).*

разъяренных стражников. На дальней стороне каменной стены загрохотала большая пушка. На этой стороне стражники потащили Плама и Марию к стволу дерева.

— Убить насмешников! Это все их рук дело!

— Мы попытаемся снова — вместе! — закричала Мария.

— Другую смешную книгу!

Орудие снова бухнуло. Каменные стены в тронном зале Хакима задрожали. Одновременно полетели копья в саду оккультного мастера.

— И вот — мы здесь, — объяснил Плам президенту республики Пароландо Файрбрассу. — Я никогда не слышал об этих «одновременных воскрешениях». А вы?

Файрбрасс покачал своей крупной головой.

— Это желание Хакима. Но всегда бывает первый раз, — заключил Плам.

Мария налила себе еще бокал вина и уютно устроилась на стуле возле камина.

— Эти снабженцы — таинственные незнакомцы. Агенты. Боги за занавесом, которые шныряют вокруг нас, как шпионы. Пароландо полон слухов. — Она посмотрела на Плама.

— А что ты думаешь о своем друге Джиме?

— О Джиме?

— Кто еще мог бы устроить нам такое уникальное «дешевое путешествие»? Сам Хаким?

— Хаким! Что мне делать с этим человеком? — спросил президент Файрбрасс. — Он действует как совершенный негодяй.

Глаза Плама расширились:

— Джим? Да! Может быть, в конце концов, это и был Джим! Я помню, как говорил ему: тиран, вампир, дурак. Издатель, редактор, писатель. Зачем бы еще посылать нас троих возродиться в величайшей литературной Мекке Мира Реки?

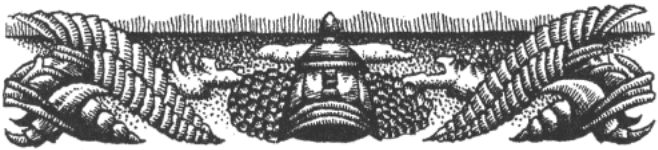
Мария поставила свой бокал:

— Ты гораздо лучше сойдешь за издателя, чем Хаким.

— Я тоже так думаю, — просиял Плам. — Я могу заставить мои сюжеты работать гораздо лучшее вообще без всяких злодеев. Почему бы реальной жизни не быть сюжетом?

— Пью за это! — Мария, Плам и президент Файрбрасс подняли бокалы, произнеся последний тост.

Гарри Тертлдав
Два вора[19]



Алексей Комнин скрестил руки на груди.

— Вы слышали мои требования, — сказал он по-арабски, на единственном языке, на котором могли объясняться он и соседи Нового Константинополя вниз по Реке. — Выполните их — или столкнетесь с последствиями.

— Вы неверные. Мы не намерены вам уступать.

Идрис Алума был представителем султана борну в Новом Константинополе. Высокий, худощавый и черноволосый, он возвышался над Алексеем. Чтобы выразить презрение, он сплюнул к ногам басилевса.

---

[19] Примечания: 19

TWO THIEVES by Harry Turtledove
Copyright © 1992 by Harry Turtldove

Солдаты Алексея зароптали и угрожающе потрясли копьями с кремниевыми наконечниками. Алексей воздел руку.

— Пусть язычник удалится с миром. Довольно скоро он пробудится, нагой и лысый, где-нибудь у Реки далеко отсюда. — Он произнес это по-гречески, на языке, на котором его люди говорили между собой, а затем перевел для Идриса Алумы.

Большой темнокожий человек с презрением рассмеялся.

— Может быть, тебя извлекли из ада, чтобы поселить рядом с нами здесь на Реке, христианский пес, но тебя, а не кого-то иного, обратит в бегство Аллах, когда встретятся наши воинства. — Он повернулся на пятках и удалился в направлении отрезка Речного берега, где жители повиновались султану борну Мусе ар-Рахману.

Алексей наблюдал за ним, мысленно спрашивая себя, а не следовало ли дать солдатам возможность отвести душу. И тряхнул головой, ответив себе «нет»; он поступил правильно. Если бы Идрис Алума не вернулся в город борну, Муса отомстил бы, замучив Михаила Палеолога до смерти с последующим возрождением в иных краях. Алексей Комнин ничего не имел против убийства, но убийство без цели — это глупость и

пустая трата сил.

Он повернулся к своему брату Исааку, который стоял, как обычно, по правую руку от него. Эти двое были почти близнецы, особенно с тех пор, как возвратились к жизни на берегу Реки в одном и том же юном возрасте. Оба они были чуть ниже среднего роста, но крепкие и мускулистые. У обоих — узкие лисьи мордочки с широкими лбами; оба смуглые и черноволосые. Исаак чуть посветлей Алексея. Но лучше всего вы отличили бы одного от другого, если бы заметили, что черты Исаака более открытые и дружелюбные, чем алексеевы. Алексей правил во время своей достопамятной жизни; Исаак лишь помогал ему.

— Будет война, — сказал Алексей.

— Судя по всему, да, — согласился Исаак. — И война не из легких.

— Нет, — хмурь на лице Алексея была черной, точно борода, которую он больше не мог отпустить. Временами его раздражало, что без бороды он выглядит, как евнух. — Почему мы воскрешены рядом с этими грязными мусульманами? — Будь он менее благочестив, он поразился бы милости Божией. Вверх по течению от Нового Константинополя обитали краснокожие язычники, который хотели одного: чтобы их не

беспокоили. И, поскольку с другой стороны располагались владения борну, басилевс счастлив был сделать им одолжение. Исаак сказал:

— Они неверные, но они отважны. Если мы встретимся с ними в открытом бою, мы потеряем множество наших лучших воинов, тех, без кого нам не обойтись. А это означает, что если кто-либо на этом участке Реки преуспеет в объединении нескольких маленьких государств под своей рукой, мы окажемся под угрозой.

— Знаю. — Алексей опять нахмурился. Это его целью было господствовать над здешним участком Реки. Опираясь на ромейское большинство, он успешно подчинил себе меньшее по численности сообщество земледельцев из Египта Птолемея III. Как только египтяне приняли христианство, они стали такими же добрыми подданными, как и его народ — возможно, и лучше, ибо их верность была прочнее. Некоторые из них говорили по-гречески до воскрешения; а теперь греческим владели все.

— Войны ждать недолго, — предупредил брата Исаак.

— Если мы не начнем ее по-своему, Муса ар-Рахман развяжет ее так, как сам считает нужным, ибо он любит нас не больше, чем мы его.

— Это я также знаю, — ноздри Алексея раздулись, и он сделал долгий глубокий вздох. Он тут же вздохнул, выпуская воздух. Ему не хотелось говорить то, что требовалось сказать дольше. — И войну начнем мы, брат мой. Но прежде, чем начнем, я намерен отправиться в Шайтаун.

Кустистые брови Исаака взлетели до линии волос.

— Ты хочешь снестись с этими… с послерожденными?

Ни в одном греческом словаре не содержалось слова «опистапнропой» — люди, пришедшие после; население Нового Константинополя изобрело это словцо для обозначения обитателей Реки, которые жили на Земле много столетий спустя после их времени.

— Ведает Бог и святые, что я не питаю к ним любви, — признался Алексей. Послерожденных отличала слабость в вере; что делало их ненадежными, и тяга к оккультизму, что представляло опасность. Алексей еще раз вздохнул. — Но они соседствуют с борну с другой стороны. Если удастся привлечь их на свою сторону, язычники падут, точно созревшие колосья в пору сбора урожая.

— Давай удостоверимся, что жатва будет нашей, а не людей из Шайтауна, — предостерег

Исаак. Наконец Алексей нашел в их беседе нечто забавное.

— Брат мой, я был басилевсом ромеев тридцать семь лет. Кто-нибудь хоть однажды перехитрил меня за все годы моего правления?

Исаак не ответил. Алексей знал, что ему нечего ответить. Алексей одолел мятежников из числа своего народа, турок, печенегов и норман; он даже преподал урок западным варварам, которые называли себя крестоносцами и забрал у них для ромеев большую часть земель, которые они отвоевали у сельджуков в Анатолии. Возможно, кто-то у бесконечной Реки и превосходил его хитростью, но он сомневался.

И словно прочитав эту хвастливую мысль в его уме, Исаак заметил:

— Тем не менее, будь осторожен. Шайтаунский басилевс не дурак.

— И это истинно. Хотя, он не именует себя Императором. Он не франк, но пользуется одним из их титулов, и называет себя мэром.

— Хотел бы я знать, почему, — протянул Исаак.

— А кто знает, почему послерожденные ведут себя так, а не иначе? — ответил Алексей. — Их обычаи еще непонятней, чем обычаи франков, и ты знаешь, каково мне об этом говорить.

Никаких франков не оказалось поблизости от них у Реки, за что Алексей благодарил Бога. Немытые невежественные, дурнопахнущие грубые дикари, которые имели любезное обыкновение убивать любого, кто оказывался у них на пути. Император потер голый подбородок.

— Так о чем шла речь? А, да, о послерожденных из Шайтауна. Ты знаешь, они выбрали своего мэра не за храбрость, не по рождению и не в силу каких-то разумных причин. Нет, они велели всем, кто желал ими править, произносить речи, а затем выбирали из них одного, поднимая руки, мужчины и женщины, все вместе. Демократия. Так они это называют. Если ты спросишь меня, я скажу, что это чушь.

— Демократия, — Исаак сплюнул в грязь. На том греческом, на котором беседовали два Комнина, это слово означало «власть толпы». Как указывал Алексей, это казалось бредовым способом управлять государством, но Шайтаун процветал. Исаак добавил:

— Тебе действительно нужно отправиться туда самому?

— А кого бы ты предложил послать? — отпарировал Алексей. — Единственные двое, кому я доверил бы такое дело — ты и Михаил Палеолог.

Если я вытащу Михаила из города борну, Муса, несомненно, догадается, какова моя цель. А ты, брат мой, лучше как солдат, нежели как посол. Не хочу проявлять к тебе неуважения, но, если ты станешь иметь дело с их мэром, он тебя проглотит, а твоими косточками почистит зубы.

Поскольку это было правдой, Исаак только и мог, что с укором взглянуть на брата. Он сказал:

— Как ты хотя бы предполагаешь добраться до Шайтауна? Ты отпустил Идриса Алому, и черные мусульмане вот-вот узнают, какие предстоят неприятности. И Муса ар-Рахман тоже не дурак. Он будет ждать, что ты попытаешься ударить его в спину подобным образом. Будь я на его месте, я держал бы на Реке плоты день и ночь. Ты хочешь, чтобы тебя выудили и стали пытать, затем дали время выздороветь, а затем снова подвергли пыткам — и так до конца твоих дней, год за годом?

— Хочу ли я этого? Конечно, нет. Но мне нужно попасть в Шайтаун, и не думаю, что я мог бы сойти за истинного подданного Мусы, чтобы пробираться через его владения. — Алексей рассмеялся. Исаак тоже, хотя больше в тон брату, нежели веселясь. Черные из племени Мусы ар-Рахмана составляли около двух третей народа борну. Большинство остальных были невысокими,

золотокожими, плосколицыми и узкоглазыми. Надежды, что Алексей успешно сойдет за представителя тех или других, в сущности, не было.

— Отлично. Значит, придется плыть по Реке, но мне это тоже не нравится, — сказал Исаак. Алексей рассмеялся.

— Вот ты каков, кесарь византийского басилевса; если я пропаду, ты станешь императором. И все-таки, ты предупреждаешь меня. Что ты за брат, а? — Он знал, каков ответ: верный брат. Верный брат, особенно среди изменников-ромеев, дороже рубина. Это Алексей тоже знал. Он с искренней теплотой хлопнул Исаака по спине.

— Между прочим, у меня есть мысль…

* * *

Буря улеглась незадолго до зари. Река бежала меж берегов, вздувшаяся и колышущаяся. По течению плыл всякий мусор: стволы деревьев, стебли бамбука, обломки разрушенных хижин, разметанных суденышек и плотов.

Исаак Комнин хихикнул.

— Если бы мусульмане вышли нынче ночью высматривать тебя, кое-кто из них утонул бы, и мы бы встретили несколькими меньше, когда пробил бы час.

— Что верно, то верно, — отозвался Алексей. — Я… — Его слова прервал утренний грохот грейлстоунов. Ослепительный синий огонь взметнулся в воздух на высоту в три человеческих роста. Когда он угас, население Нового Константинополя толпой подалось вперед, взглянуть, что сегодня окажется в Граалях. Алексей взял свой с не меньшим любопытством, нежели остальные. Открыл державшуюся на петлях крышку и улыбнулся, когда густой аромат защекотал его ноздри. Черный хлеб, мед, овсянка с большими кусками моллюсков и тунца, легкий кувшинчик вина и набор курительных палочек, которыми его народ, преимущественно торговал с теми, кто ими увлекался. И…

— Воспламенитель! — радостно воскликнул он. Его грааль принес лишь горсточку таких с момента воскрешения.

— Хороший знак, — согласился брат.

— Больше, чем знак, — ответил Алексей. — Это еще и доброе оружие. Сегодня вечером я возьму его вместе с ножом. Если борну обнаружат меня, я спалю язык любого, прежде чем он криком предупредит остальных. — То была бравада, и он знал это. И все же новая вещь придавала уверенности, не появись она, он бы и не подумал, что

она может пригодиться в пути.

Остаток дня он провел, обсуждая свои планы, пока его не затошнило от них, а Исаака еще пуще. Большая часть того, о чем они переговорили, имела отношение к событиям, которые вряд ли произойдут. Но Алексей в своей жизни на Земле видел достаточно маловероятных происшествий, чтобы полагать, что хотя бы некоторые из них вдруг да и стрясутся: и, как правило, те, о которых вообще не подумаешь. Он был из людей, которые как можно меньше предоставляют случаю.

Солнце в красочном великолепии село за горы на западе. Когда сумерки сгустились, становясь ночью, Алексей спустился к Реке. Там его ждала команда во главе с братом. Когда они принялись простираться перед ним ниц, он взмахнул рукой, давая понять, что этого не нужно.

— У нас нынче ночью много дела, друзья мои.

Он сдернул красновато-пурпурный набедренник — цвета, какой в Новом Константинополе дозволялось носить только ему (любые куски ткани этого цвета, появлявшиеся в Граалях, либо приберегались для него, либо использовались для внешней торговли). Теперь же император заменил его несколькими темно-синими длинными полосами ткани, так что остались видны

только голова, ладони и стопы.

Ухая и ругаясь, все сообща спихнули в Реку большой тис. Последний канат из травянистого волокна, присоединенный к дереву, не был обрублен, чтобы дерево не унесло течением. Исаак Комнин шлепнул Алексея по спине.

— Отправляйся с Богом, и пусть Он доставит тебя домой целым и невредимым.

— Ты так говоришь просто потому, что не хочешь обременять себя властью, — заметил Алексей.

Исаак рассмеялся.

— Истинная правда, брат мой. Тростник не забыл?

— Здесь. — Алексей показал ему растение около двух локтей в длину. Это был, собственно, не тростник, который он срезал бы на Земле, а тонкий побег бамбука с продолбленными перемычками. Но он годился.

Алексей соскользнул в воду. Прохладная, но не ледяная. Басилевс ухватился за корень, волочившийся позади тиса. По команде Исаака один из его людей острым куском кремня перерезал последний канат. Тис медленно тронулся вниз по Реке. Берега заскользили мимо. Поселения в Новом Константинополе сосредоточились вокруг

грейлстоунов. Как только грейлстоун, от которого он заряжал свой грааль, скрылся позади, все вокруг поглотила тьма — и так продолжалось почти милю. Алексей бросил взгляд на дальний берег Реки. Там горело даже еще меньше огней; обширный участок того берега населяли охотники и собиратели, еще более дикие, чем кочевники-печенеги. Они даже не отличались достаточной свирепостью, чтобы стать достойными союзниками против борну; если бы да, то Алексей попытался бы с ними поладить. Что-то куснуло его за ногу. Он дернулся и замолотил ногами по воде. Кар кун испустил скорбный зов, который дал имя этой рыбе, и со всплеском пропал. Они были трусишками и питались отбросами, и самих их не стоило есть, если находилось что получше. Алексей радовался, что избавился от этой дряни.

Могло оказаться похуже. К нему могла подплыть Рыба-Дракон. Обычно эти твари не нападали на лодки и людей на Реке. А если и да, пострадавшие обычно возрождались на другом отрезке Реки.

Еще один грааль, еще один ромейский городок. Его назвали Фессалоники в честь второго города империи Алексея. Жители развели костер. Алексей видел пляшущих вокруг огня мужчин

и женщин. Музыка черепаховых лир и высокие голоса едва долетали до его ушей. Он улыбнулся. Уж лучше бы ему теперь плясать у костра, чем плыть по Реке во мраке.

Посреди следующего отрезка в полной темнотище еще один каркун, фыркая, подплыл к Алексею, надеясь, вне сомнений, что это мертвая туша. Басилевс ударил рыбу кулаком. Она ущипнула его за ногу, прежде чем бежать. Он надеялся, что нога не закровоточила. Кровь в воде привлекла бы Рыбу-Дракона куда вернее, чем что-либо еще.

Последним городом ромеев перед границей с борну была Никея. На границе полыхало несколько ярких костров: подразделение ромеев несло дозор, следя за неверными. Менее чем в полутора сотнях шагов стоял пограничный дозор черных, равный по численности дозору Алексея. Борну скакали вокруг костров под бой барабанов из бамбука с покрытиями из шкур красной рыбы. Они потрясали копьями с кремневыми наконечникам и выкрикивали угрозы ромеям через границу. Большинство ромеев и, пожалуй, к счастью, их не понимало.

Алексей поглядел вперед. И очень скоро заметил на Реке факелы. Борну, как он узнал после самого своего воскресения, происходили из

пустынных областей Африки; они были непривычны к воде. Но они также не отличались глупостью и понимали, что если Новый Константинополь пожелает снестись с Шайтауном, Река — естественный путь для посланцев.

Басилевс нырнул и поплыл дальше под водой. Он попытался убраться как можно дальше под тисовый ствол. Лишь верхушка полого бамбука выдавалась над поверхностью воды. Другой конец путник держал во рту. И дышал через бамбук, глубоко, медленно и размеренно. Трактат по военному делу, созданный за сотни лет до его эпохи, который он однажды прочел, сообщал, как славяне использовали этот прием, чтобы их не заметили ромеи. А теперь, как ему подумалось, басилевс ромеев оборачивает его против варваров. Глаза он оставил открытыми, хотя вода вокруг была черной, как тушь. Затем сквозь непрестанно колеблющееся зеркало поверхности он увидел полыханье факелов. Он знал, что борну с факелами пристально вглядываются в Реку. И если приметят его бледную кожу, несмотря на темные ткани, в которые он завернулся, если, волей недоброго случая, они разглядят конец его дыхательной трубки и поймут, что это… Если случится одно или другое, басилевсом станет

Исаак. Алексей только надеялся, что борну, в конечном счете убьют его, а не станут пытать почти до смерти, чтобы потом дать оклематься, и опять все сначала.

Свет факелов потускнел и пропал, по мере того, как дерево плыло все дальше. Алексей испустил вздох облегчения через свой полый бамбук. Еще некоторое время он оставался под водой, дабы всплеск при выходе на поверхность не выдал его врагам. Но довольно скоро потребовалось выставить голову. Нужно было наблюдать за землями, мимо которых текла Река, чтобы знать, когда он минует владения борну и попадет в область Шайтауна. Следовало также высматривать на Реке плоты и лодки. Он не удовольствовался одной цепью дозоров, будь он Муса ар-Рахман, а он не смел предположить, будто султан менее осторожен, нежели он сам.

Разумеется, ему понадобилось погрузиться и дышать через трубочку еще два раза. Но люди борну, очевидно, не нашли ничего подозрительного в дереве, плывущем вниз по течению после бури. Хотя, казалось, один из их факелов реял прямо над его головой, они ни разу не пошарили в воде копьями.

После третьего ряда плотов на Реке не оказалось

никаких сторожевых мусульманских постов. Алексей проплывал мимо одного их поселения за другим. Он устал и начал замерзать оттого, что так долго находится в воде, но охотно выносил и усталость, и холод ради выигрыша, который могло ему дать путешествие.

Борну, как ему представилось, укрепили свою границу с Шайтауном еще основательней, чем границу с Новым Константинополем. Палисад из бамбука и дерева бежал от Реки к непроходимым горам, ограничивавшим с суши каждую область.

Вскоре после того, как Алексей миновал палисад, он оторвался от тиса и стал грести к берегу. Бамбуковую трубочку он сохранил: кто мог бы предвидеть, когда она опять ему пригодится.

Он с всплеском выбрался на берег. Часовые Шайтауна были бдительны: едва он успел вылезти из воды, как кто-то окликнул его:

— Эй! Кто ты и какого дьявола тут делаешь?

Это он разобрать сумел, хотя очень мало понимал на их языке. Жители владений Мэра называли свой язык английским, но он едва ли напоминал язык, которому император научился у англов и саксов из своей Варяжской Гвардии — тех, что покинули Англию после того, как ее прибрал к рукам Вильгельм Завоеватель. Алек-

сей, которому довелось иметь дело с Робером Гискаром и его сыном Богему ном, тоже не жаловал норманнов.

Он ответил на диалекте послерожденных англов, как можно старательнее:

— Я Алексей Комнин, басилевс Нового Константинополя. Я хочу видеть вашего Мэра.

— Что такое? — Последовало резкое восклицание; ничего для Алексея не значащее. — Проклятие! Возможно, это ты и есть. — И часовой закричал громче. — Эй, Фред, Лу, сюда! И пусть один встанет здесь вместо меня, ладно? Этот тип говорит, что он Алексей с верховьев, и что он хочет видеть мэра Далея. Мне надо отвести его к Йвочести.

Подошел то ли Фред, то ли Лу. Кто бы он ни был, он нес факел.

— Ага, это Алексей, порядок… Я его уже однажды видел. Лады, Пит, ты его обнаружил, тебе его, стало быть, и вести. Будет проситься к нам, это наверняка.

Алексей уловил смысл сказанного только отчасти, но понял, что Пит препроводит его к мэру. И пошел в ногу с шайтаунским часовым. Всю дорогу до обиталища мэра Далея Пит забрасывал его вопросами. Почему ему нужно видеть мэра?

Имеет это отношение к борну? Если нет, то о чем пойдет речь? Алексей счел бы такое любопытство несносным в одной из своих подданных. Но обитатели Шайтауна слыли равно привыкшими вольно говорить со своими вышестоящими и любителями до невозможности совать повсюду нос. Алексей нашел благоразумным прикинуться, будто владеет английским хуже, чем на самом деле.

Мэр обитал во дворце недурных размеров. Алексей счел явной причудой такое изобилие окон, выходящих на улицу. В Новом Константинополе, как и в утраченной имперской столице, принято было строить дома с окнами, выходящими во внутренний двор. Но дворец окружало достаточно стражей, чтобы воровство было легким делом.

Пит переговорил с часовым у дверей, слишком быстро, чтобы Алексей что-то понял. Затем обернулся и сказал:

— Ты не прочь подождать, пока встанет солнышко? Не стоит будить Йвочесть среди ночи.

Алексей поразмыслил и решил закатить скандал. Он выругался по-гречески, а затем завопил по-английски во всю глотку:

— Я басилевс, чтоб вам провалиться! Вы за-

ставляете меня ждать, как будто я торговец рыбой! — Если мэр до сих пор спал, то теперь уж точно проснулся…

Выслушав еще кое-что в том же роде, часовой ушел внутрь. Мэр Далей появился несколько минут спустя в сопровождении худого рыжеволосого мужчины с костяным крестом на кожаном ремешке вокруг шеи. Далей прогремел что-то на своем искореженном английском. Худой мужчина сказал на латыни, которую Алексей понимал:

— Я отец Бойл, переводчик Йвочести. Он спрашивает, что это за дело такое, которое не может подождать до утра.

— Я настолько же правитель, насколько и он, и я здесь, — ответил Алексей. — Так и скажи ему. «К тому же он выскочка, а я басилевс ромеев», — подумал он, но вслух не произнес. Далей заговорил снова:

— Отлично. Давайте приступим к делу.

Алексей махнул рукой на священника-переводчика: это он и сам понял. Он изучал Йвочесть. Как и любой другой житель Мира Реки, мэр Ричард Дж. Далей был физически совершенен и в расцвете молодости. Это не прибавляло ему красоты; он смахивал на борца-профессионала. Но глаза… Может, с ними сыграл шутку свет факелов, но

Алексей так не думал. В этих холодных серых глазах содержалось нечто большее, чем юношеский опыт. Алексей поспорил бы, что Йвочесть прожил долгую жизнь и совершил немало тайного и хитрого. Исаак утверждал, что у самого у него такой взгляд, неудивительно, что басилевс узнал его.

Вслух он произнес:

— Мы скоро собираемся сражаться с борну. Мы хотим, чтобы вы к нам примкнули. Вместе мы сможем сокрушить черных неверных, завладеть их Граалями и умножить богатства равно Шайтауна и Нового Константинополя. Это достаточно заманчиво звучит, чтобы так рано вызвать тебя из постели, мэр?

Далей не говорил на латыни, ему пришлось подождать, пока отец Бойл не переведет. Даже после того, как священник умолк, лицо мэра не переменилось. «Да, хорош», — подумал Алексей с невольным восхищением. Далей ответил:

— Может быть. Смотря, когда вы начнете войну, и что она даст нам. У меня нет лишних людей, чтобы бросать кого-то в Экспресс Самоубийств.

Эта Via Suicida странно прозвучала на латыни, но Алексей понял: Далей не хочет, чтобы верные ему люди погибли и воскресли далеко-далеко ниже по Реке. Алексей тоже не хотел терять своих

сподвижников. Он сказал:

— Вот почему я предлагаю союз. Вместе мы возьмем в клещи и превзойдем численно людей борну. Наши потери будут невелики.

— Да, это может удаться, — согласился Далей. — Я тоже не против увидеть, как наши ленивые черные соседи работают на живых, а не лежат на траве, опустошив свои Граали, словно они в раю благосостояния. Да. Это заманчиво. Говори дальше.

Даже после того, как священник перевел до конца, Алексей не все понял. Особенно сбил его с толку «рай благосостояния». Похоже было также, что мэр Далей презирает людей борну только за то, что они черные. Это смутило Алексея. Не их вина, что у них черная кожа. Но они, наделенные свободной волей, выбрали ложную веру — Ислам — и однажды (он продолжал верить в это, несмотря на воскрешение в Мире Реки) поплатятся муками Ада за свою ошибку. Однако, разница во взглядах с мэром ничего не значила. Он сказал:

— Итак, мы союзники? Не назначить ли нам день, когда решится судьба черных неверных? — Если Йвочесть не любит борну из-за цвета кожи, Алексей напомнит ему об этом.

— Не все так просто, — ответил мэр Далей. — Хо-

рошо одно: черные не позволяют нам столкнуться друг с другом. Когда мы станем соседями, нам придется постоянно следить друг за дружкой. Муса немало докучает мне, особенно, когда его жеребцы являются и крадут белых женщин, и весьма часто — но это просто докука, если ты все правильно понимаешь. А стать соседями для нас может оказаться откровенно опасно.

Алексей воззрился на Йвочесть с внезапным уважением. Если мэр понимает подобные вещи, он действительно неглуп. Подумав немного, Алексей предложил:

— Давай тогда согласимся с тобой заранее, кто из нас станет распоряжаться каким грейлстоуном борну. Споры, разрешенные до времени, не перерастают позднее в тяжелые ссоры.

Но мэр Далей покачал головой.

— Этого недостаточно. Я слыхал, что ты большой проныра, и теперь я это вижу. Так что рано или поздно Шайтаун и Новый Константинополь станут воевать. Мы оба не против отхватить как можно больше, такова наша природа. Я прав или нет?

— Думаю, ты прав, — признал Алексей. Он именно так понимал положение, но намеревался помалкивать. Повадка Йвочести была иной, пря-

мой до грубости. Басилевс спросил:

— Как ты полагаешь выйти из затруднений?

— А вот как, — ответил Далей. — Большая война равно нанесла бы ущерб твоей стране и моей, и, кто бы ни победил, он бы вышел из драки настолько помятым, что не устоял бы перед кем угодно достаточно сильным, кто явился бы сверху по Реке. Так что давай договоримся: мы вместе идем против борну, заметано. Но при этом я буду называть тебя вице-мэром Шайтауна, а ты меня… как бишь там у вас кличут шишку номер два?

— Кесарь, — подсказал Алексей.

— Отлично. Тогда так ты и станешь меня называть. Понял, к чему я клоню?

— Понятно, — медленно проговорил Алексей. Если он примет условия мэра Далея, тот из них, кто убьет другого, будет править и Новым Константинополем, и Шайтауном. Отныне жизнь станет неспокойной для двух властителей, но их сподвижники окажутся вне опасности. Алексей добавил:

— Но, видишь ли, у меня уже есть кесарь. Он…

— У меня тоже есть вице-мэр, — прервал его Далей. — Невелика важность. Существенней другое. Надо это сделать, если Шайтаун и Новый Константинополь окажутся друг с дружкой по

соседству. Я прав или нет?

Алексей собирался сказать, что его кесарь — его родной брат, единственный из людей, каких он когда-либо знал, на которого он может полностью положиться. И последнее, чего он желал бы — это заменить Исаака кем-то, кто далеко не прочь его убить. Но Далей недвусмысленно дал понять, что Шайтаун не поможет против борну, если будет отвергнуто его условие. А если Новый Константинополь схлестнется с борну один, то, даже победив, он окажется уязвим для нападения тех, кто ниже по Реке. Лучше поставить под удар себя самого, чем свою империю, решил он.

— Сделаем по-твоему, — ответил он мэру. — Как только борну окажется разгромлен, ты станешь называть меня вице-мэром, а я назначу тебя кесарем. — «И поглядим, что случится потом», — добавил он про себя. Далей протянул руку. Алексей взял ее. Пожатие руки мэра было скорым, твердым и бесстрастным, точно рычаги и приводы, которые поднимали императорский трон в Константинополе высоко в воздух, дабы поразить посланцев варваров. Далей, что скверно, не действовал как варвар, он не показывал на лице, что он думает. Алексей напомнил себе, что у послерожденных было несколько сотен лет

после его времени, чтобы научиться хитрости. Он надеялся, что получил в этом достаточный опыт за свою долгую жизнь.

Как только мэр получил, чего хотел, он спешно стал крайне деловитым.

— Давай-ка все обсудим, — сказал он. — Если мы что-то затеваем, надо все провернуть как следует. Думаю, мы справимся, но нужно все заранее подготовить…

Взошло солнце, а Далей и Алексей все еще сговаривались. Только гул грейлстоунов побудил басилевса заметить, что теперь им не нужны факелы. Один из подручных Далея принес им завтрак: яичницу с беконом, поджаренный хлеб с фруктовым, слаще меда, джемом и горячее горькое питье, называемое кофе. Алексей не увлекался кофе, но выпил ради вежливости. После того, как он осушил свою чашку, он почувствовал себя гораздо бодрее, чем мог бы после долгой бессонной ночи.

Звание мэра Далея было отнюдь не воинским, но он весьма здраво смотрел на стратегию. Если все пойдет, как они с Алексеем наметили (что редко случается на войне), борну окажутся размолото их силами, точно зернышко верхним и нижним жерновами. А план Далея касательно

возвращения Алексея в Новый Константинополь был сама простота:

— Мы отправим тебя как матроса, на одной из наших лодок и скажем черным парням, что они тут же нарвутся на войну, если попытаются обыскивать что-нибудь, что от нас плывет. Как ты думаешь, годится?

— Превосходно, клянусь Богоматерью, — сказал Алексей. К его удивлению, Йвочесть нравился ему все ощутимей. Если бы только можно было достаточно доверять этому послерожденному, чтобы без опаски отвернуться на миг, из него вышел бы славный кесарь. По всему выходило, что он мог бы стать нешуточным врагом, если не дать ему поступать по-своему. Алексей улыбнулся. Конечно, он намерен сдержать свое обещание Далею…

* * *

Войско ромеев пересекло границу незадолго перед рассветом. Несколько часовых пустили в солдат стрелы. Куда больше убежало с воплями вглубь страны.

— Принимай решение я, а не Муса, я бы настоял, чтобы шайтаунскую лодку обыскали и забрали меня, если обнаружат, — сказал Алексей

Исааку. — Но мэр Далей был прав: люди борну не решились ссориться одновременно с ним и со мной, и я благополучно вернулся домой.

— Я тоже этому рад, — ответил Исаак Комнин. — Судя по всему, что ты рассказал, когда вернулся, опистантроп — это слишком много для простого честного старого солдата вроде меня. — Он рассмеялся, чтобы показать, что не стоит особенно брать в голову его слова.

Алексей тоже рассмеялся.

— Не все сразу, брат мой. Первое, что требуется сделать — это избавиться от Мусы ар-Рахмана. Только после того, как борну перестанет быть опасностью, таковой станет Шайтаун… если, конечно, только Вочесьсь не намерен выжидать с тем, чтобы мы и мусульмане обескровили друг друга, а затем прибрать к рукам то, что останется. — То, что он не обдумал такую вероятность раньше, свидетельствовало об искусстве Далея убаюкивать собеседника. А ведь еще одна новая забота…

С каждым шагом, которые делали ромеи, видно становилось все дальше. Солнце встало, когда войска подтянулись к ближайшему от границы грейлстоуну. Воины борну выкатились из городка, выросшего вокруг грейлстоуна. Как и

люди Алексея, они были вооружены копьями и луками, каменными топорами и мечедубинами с деревянной основой и кремниевыми или обсидиановыми вкладышами. И, подобно ромеям, они также носили несколько слоев полотна, как броню.

На этом сходство заканчивалось. Солдаты Алексея шагали, построившись правильными ромбами с пустой серединой, и солдаты внешнего ряда держали щиты из дерева и рыбьей кожи, дабы прикрыть себя и товарищей от метательного оружия. Борну презирали и правильное построение, и щиты. Вопя: «Аллах акбар!», они толпой кинулись на своих недругов-христиан.

Исаак Комнин подождал, пока черные не подойдут совсем близко, и тогда прокричал:

— Стреляйте!

Сотни стрел вылетели одновременно. Стрелки доставали из-за плеча все новые и новые стрелы и пускали их почти беспрерывно. Их луки, изготовленные из челюстей Рыбы-Дракона, были лучше любых, какими они располагали в прежней земной жизни.

И даже теперь пало не так уж много борну. Полотняная броня защищала их от стрел в большинстве случаев. Но некоторым стрелы угодили

в лицо, других ранило в руку или в икру, и таким образом, они выбыли из схватки. Ромеи почти не понесли потерь.

Скорбь черных воинов возросла, когда стороны схватились вплотную. Они были такими же храбрецами, как их враги, возможно, храбрее — ромеи редко выказывали больше отваги, нежели требовал случай. Но у борну каждый бился отдельно, они понятия не имели, что битва может быть чем-то иным, нежели совокупностью поединков.

И дорого платились за подобное понятие. Для Алексея и Исаака на первом месте стоял успех войска как единого целого, а личная слава — на одном из последних. Алексей сражался в первых рядах, это верно, но больше для того, чтобы воодушевить своих сподвижников, нежели из любви к бою. Его куда больше заботила власть, которая достигается в итоге войны, чем война как таковая. Борну, один за другим, налетали на него. Он легко угадал их замысел: если он падет, с ним иссякнет и боевой дух его воинства. Он знал, что они заблуждаются; Исаак, пусть отнюдь не дипломат, но солдат хоть куда. Алексей предпринял ряд нападений, учитывая, что сопротивление борну рухнет, как только он убьет Мусу ар-Рахмана.

Басилевс был вооружен здоровой дубиной с

каменной оконечностью. То было оружие здравомыслящего и трезвого человека: такое, которое раздробит кости даже сквозь полотняную броню. Высокий, истошно вопящий черный воин направил копье ему в лицо. Он уклонился, подступил поближе, замахнулся своей дубиной. Ребра его противника были достаточно крупной и не такой ускользающей мишенью, как голова басилевса. Черный воин испустил стон. Розовая пена выступила из его носа и рта, и он рухнул. Наступающие ромеи втоптали его в грязь.

Совершенно внезапно борну прекратили бой и кинулись в бегство. Алексея одолевало искушение развернуть свои порядки и начать преследование, но он отказался от этого: пусть разгромленные мусульмане посеют панику на пути войска Нового Константинополя. Не мог он быть уверен и в том, что борну не пытаются заманить его в засаду.

Завидев приближающихся ромеев, женщины, вереща, кинулись прочь из деревни, окружавшей грейлстоун. Это убедило Алексея, что он действительно одержал достойную победу. Когда некоторые из его воинов явно пожелали вырваться из рядов и припустить за женщинами, он воззвал к ним:

— Мы получим столько этих девок, сколько нам будет угодно, когда побьем борну. А пока не стоит их преследовать, утрата дисциплины все еще опасна.

Ряды не расстроились. В отличие от противника, ромеи знали цену дисциплине; они могли отложить развлечение ради более существенного выигрыша позднее. Алексей ощутил гордость за них. Вперед, где-то далеко, в небо поднимался дымок.

— Это то, на что мы надеемся? — спросил Исаак.

— Должно быть, — ответил Алексей. — Мэр Далей пообещал, что шайтаунцы сожгут палисад, который построили борну, чтобы от них защищаться. Послерожденные, похоже, искусны в поджогах и знакомы много с чем, помимо нашего жидкого огня. — Еще один повод для беспокойства, — тут же подумалось ему. Но не теперь. Пока что нужно думать, прежде всего, о Мусе ар-Рахмане.

Алексей отослал отряд наполнить Граали у грейлстоуна захваченного городишки. Некоторые из Граалей принадлежали солдатам, другие были отняты у пленных мусульман. А сам басилевс со своими главными силами продолжил

наступление. У снабженческого отряда имелись повозки, чтобы доставить нагруженные Граали (минус спиртное, курево и жвачка грез) к остальным силам. Борну придется остаться голодными, но это уж им так не повезло.

— Как ты думаешь, они попытаются отразить нас на подступах к столице? — спросил Исаак.

— Я бы не стал, если бы угодил в заварушку, вроде этой, — ответил Алексей. — Но кто может с уверенностью прочесть мысли Мусы? Он может раздробить силы, выступив сразу против нас и шайтаунцев, или может попытаться сперва разбить одного противника, а затем повернуть, и немедля обрушиться на другого. Но я на его месте ожидал бы нападения там, где городские укрепления благоприятны для успешной обороны. И не представляется, чтобы мы быстро могли выгнать его из-за стен голодом, что весьма скверно.

Исаак прыснул:

— Граали заметно усложняют всю эту возню с осадами, по сравнению с тем, к чему мы привыкли.

Тут и там лучники борну стреляли из укрытия по наступающим ромеям. Они наносили немного ущерба. Разведчики Алексея захватили парочку из них, перерезали им сухожилия и отобрали гра-

али. Если застрельщики и пытались замедлить продвижение армии басилевса, то потерпели неудачу.

Муса поступил так, как предполагал Алексей. После первой попытки сопротивления, не появлялось сколько-нибудь крупной борнусской силы, чтобы бросить вызов ромеям. Второй прибрежный граальный городок борну оказался полностью покинут жителями, когда его достигли ромеи. Население бежало вниз по Реке, прихватив Граали. Та же картина ждала Алексея в третьем городке, где он остановился, чтобы наполнить Граали для полуденной трапезы.

Четвертый городишко вниз по течению от границы с Новым Константинополем был столицей борну. Здешний грейлстоун был не крупней прочих, так что обычное население не превышало численностью население других городков, но Муса ар-Рахман уделял своему городу куда больше внимания. Высокая стена была выстроена из крепкого дерева и бамбука и прикрыта полотном на случай поджога. Второй этаж султанского дворца возвышался даже над этой стеной. Там укроется Муса, если потеряет остальной город, как подумалось Алексею.

У стены теснились черные воины, провывшие

ромеям свой вызов. Исаак Комнин нахмурился при виде их.

— Это место было бы мало радости осаждать, даже если бы они не смогли получать еду из своих Граалей.

— Не буду спорить, брат мой. Однако… — Алексей кивнул музыкантам, сопровождавшим войско. Пронзительный вопль флейты и гулкие удары барабана велели воинам изменить построение. Алексею не хватало военных труб, но в Новом Константинополе не нашлось бы достаточно меди даже на одну.

Передовые ряды его войска расступились, пропустив вперед инженерное подразделение, которое перемещалось в середине ромба. Солдаты подтянули повозки (совершено отличные от тележек фуражиров) поближе к стене. С ними двигались щитоносцы, оберегая их от града стрел и дротиков, пущенных борну.

Человек у заднего края каждой повозки орудовал полотняными мехами. Полотно устилало также внутренность длинных бамбуковых труб, которые другие солдаты нацелили на верх стены. Люди у мехов прокричали предупреждение, и щитоносцы, превосходно обученные, проворно убрались с дороги.

Золотистая жидкость вырвалась из бамбуковых труб. Целившиеся воспламенили ее тщательно сберегавшимися зажигалками. Полдюжины потоков струящегося пламени взметнулась и стала поливать стену и воинов на ней.

Алексей наблюдал с холодным удовлетворением, как неверные с воплями мечутся туда и сюда, разнося повсюду пламя. Жидкий огонь просочился между полотнищами. В несколько секунд стена занялась.

У некоторых черных воинов хватило храбрости и ума оставаться на своих постах. Они стали заливать водой из ведер взлетающее языками пламя. Басилевс улыбался, слыша их горестные возгласы, ибо пламя не унималось. Это был не в точности тот состав, который греки применяли в Константинополе; никто в этом странном новом мире пока еще не нашел нефть, текущую из расселин в скалах. Но жир Рыбы-Дракона оказался недурным заменителем. Стоило смешать его с лигроином, серой и некоторыми другими составляющими, тайну которых инженеры, которые знали в этом толк, отказывались открыть даже Алексею, и получалась адская смесь, которая горела, пока не иссякнет, или пока ее не закидают песком.

Борну, однако, ничего об этом не знали, да и научиться у них не хватило времени. Все больше их карабкалось по стене, то срывалось или прыгало вниз по мере того, как распространялось пламя. Ромеи приветствовали криками густой черный дым, поднимавшийся в небо.

Алексей дал новый приказ музыкантам. Их пронзительная музыка перекрыла шум. Воины Нового Константинополя послушно образовали клин. «А с этими солдатами можно что-то сделать, — подумал Алексей. — Они одновременно отважны и послушны.»

С оглушительным треском обрушилась часть стены. Взметнулись искры. Завизжали флейты. Выкрикивая имя Алексея и «Христос с нами!», греки хлынули в город.

Свирепый бой бушевал несколько минут. Затем борну прекратили сопротивление и принялись сбегаться к цитадели. Алексей встретился взглядом с Исааком. Братья ухмыльнулись. Если загорелась столь основательно сооруженная стена, каким веселым костром вспыхнет скоро дворец Мусы ар-Рахмана. Столица борну мало отличалась от их столицы.

Кое-кто из черных тоже это понял. Подразделение воинов в пятьдесят вломилось прямым

ударом в войска Алексея, отчаянно пытаясь вновь оттеснить солдат Нового Константинополя за городские стены. Возглавлял это подразделение крючконосый мужчина в полной полотняной броне и с сияющими медными кольцами в обеих ушах и одной ноздре. Такую роскошь мог выставить напоказ только сам Муса. Султан заметил Алексея в тот же миг, в который Алексей узнал его.

— Выходи на смертельный поединок! — крикнул он по-арабски. — Пусть победитель правит обоими народами!

Алексей стал приближаться к нему. Но, когда Муса ар-Рахман устремился навстречу тому, что предполагал как единоборство, Исаак Комнин и три других ромея, также ввязались в бой. Алексей разнес череп султана своей дубиной, но впоследствии так и не понял, оказался ли удар смертельным.

Борну взвыли от ужаса при виде такого вероломства. Алексея это не обескуражило.

Как и варвары-франки, которые осложнили ему жизнь своим крестовым походом, они были достаточно глупы, чтобы считать войну делом чести. Война ведется ради победы, только и всего.

Гибель их правителя повергла борну в уны-

ние. Вскоре вопящие женщины препятствовали продвижению ромеев больше, нежели черные солдаты. Воины борну поднимали руки и отдавали свои Граали в знак того, что сдаются.

— Оставьте в живых как можно больше! — прокричал Алексей. — Если они падут, мы лишимся пищи и прочих благ, которые они станут нам отдавать.

Муса составлял исключение для этого правила. Он был слишком хитер, слишком опасен, чтобы держать его как граального раба — пусть лучше возродится где-нибудь подальше от Нового Константинополя и там не дает людям покою. Можно было также калечить его каждые несколько месяцев, но Алексею это не подходило. У него имелись свои понятия о чести, и беспричинная жестокость в них не входила.

Вскоре лишь дворец султана еще держался против ромеев. Алексей послал туда говорящего по-арабски вестника, чтобы передал:

— Сдавайте оружие и Граали, и с вами не станут дурно обходиться. Иначе мы применим против вас жидкий огонь. Вы можете впоследствии возродиться, но смерть ваша будет медленной и отвратительной. Решайте быстро, или мы приступим.

Он ждал. И когда уже готов был приказать инженерам выйти вперед, ворота дворца распахнулись. Стали выходить один за другим удрученные черные воины. Свои луки, копья и дубины они бросали в кучу справа от ворот. Мало-помалу куча выросла в гору. Оружие было не хуже того, которым бились ромеи. Алексей решил приберечь его на будущее.

Ответственные за снабжение стали собирать у мусульман их Граали. Борну расставались с ними еще неохотней, чем с оружием. Лишившись Граалей, они полностью оставались на милость победителя. Отныне, если они не станут повиноваться, не получат и еды. О, кое-кто может ускользнуть и не пропасть, питаясь рыбой, плодами и клубнями растений, который встречаются повсюду от самого берега до предгорий. Но участок земли, на котором проживет тысяча людей с Граалями, позволит жить без них разве что горстке.

После того, как победители приняли все оружие и Граали, архивчеты Алексея принялись спрашивать имена мужчин, женщин и подростков борну. Свитки из бамбуковой массы заменяли здесь пергамент и папирус, которые использовали писцы в Константинополе. Франки, как

вспомнилось Алексею, поражались, какие мелочи записывали его чиновники. Но как бы кому-то удалось управлять государством, если не занести в списки всех, кто его населяет?

Солнце начало опускать за горы на западе. Когда грейлстоун города — отныне его города — прогремел и исторг пламя, басилевс наконец почувствовал, насколько устал. Пришлось тут же опять заставить себя взбодриться, ибо один из разведчиков, которые ходили вниз по течению от бывшей столицы борну, со всех ног примчался обратно, крича:

— Сюда движется войско!

Один из темнокожих, должно быть, немного научился греческому с тех пор, как возродился у Реки, ибо рванулся к горе оружия. Вдогонку прыгнул ромей и пронзил его копьем. Тот лежал, корчась в предсмертной муке.

— Прикончить, — распорядился Алексей. Один из воинов расколол череп борну. Пусть какой-нибудь властитель далеко-далеко отсюда разбирается с этим смутьяном, — подумал Алексей.

Едва дыша, прилетел другой разведчик.

— Идут шайтаунцы, — доложил он. Ромеи возопили, словно желали, чтобы им отозвались

далекие горы. Алексей немедля приказал, чтобы весть перевели на арабский. Отчаяние борну усугубилось.

С отрядом отменно вооруженных телохранителей Алексей вышел приветствовать союзников. Шайтаунцы завыли от восторга, когда узнали его в тускнеющем свете. На миг обе победоносные армии ликовали сообща в мире и согласии. Но мэр Далей выступил навстречу Алексею тоже в окружении телохранителей. Далей заговорил. Отец Бойл переводил его наполовину понятную речь на латынь.

— Все действительно вышло так, как мы замышляли. Как часто случается подобное на войне?

— Нечасто, — ответил Алексей, поражаясь, насколько хорошо этот послерожденный смыслит в войнах. Но это не имело значения. Теперь, как сказал мэр Далей, они победили. Алексей вышел из-за спин телохранителей и протянул руку мэру. Далей раздвинул своих солдат, чтобы ее пожать. На один краткий и славный миг их союз колебался на грани искренней дружбы. Затем Далей произнес:

— Когда ты полагаешь прибыть в Шайтаун и принести присягу, как вице-мэр?

Любопытный вопрос, как подумалось Алексею. Но так, мимоходом. И он снова сосредоточился на том, что надлежит теперь делать, каков и в чем ожидается выигрыш, и какова вероятная цена. Он сказал:

— Думаю, разумно было бы сперва навести порядок и разместить гарнизоны на землях, которые мы нынче завоевали. Из твоих людей многие уже на месте, поскольку вы берете пять из прибрежных грейлстоунов борну против наших четырех. Но нам еще предстоит оторваться от Реки, чтобы взять добавочный камень внутри суши, который нам причитается. Возможно, нам предстоят еще кое-какие стычки, хотя Муса и сосредоточил своих вдоль Реки. Я посещу тебя… гм… в течение недели. А затем ты прибудешь в Новый Константинополь, и тебя помажут как нашего кесаря.

Алексею стоило немалых усилий говорить ровно. Чужеземец — кесарь ромеев. Такое уже случалось однажды, когда Юстиниан II вознаградил болгарина Тервела за поддержку в гражданской войне. Алексей по-прежнему считал это позором. Но ему нужен был Далей, как Юстиниану некогда Тервел. Он не постоял бы за ценой… на свой лад.

Отец Бойл перевел его слова для мэра. Далей

сказал что-то на английском. Священник нагнул голову, затем опять повернулся к Алексею:

— Йвочесть дозволяет мне сказать тебе несколько слов от себя. В наше время и в нашей стране земли, которыми правил Константинополь чаще называли Византийской Империей, нежели Римской. Слово византийский стало мало-помалу означать в нашем английском языке искусную, изощренную и хитрую дипломатию. Познакомившись с вами, ваше величество, я вижу теперь, насколько не случайно это слово.

— Ты мне льстишь, — голос Алексея неожиданно прозвучал как мурлыканье. Впрочем, главное, когда слышишь лесть — получить от нее удовольствие, не дав вскружить себе голову. — Можешь передать Йвочести, что у него самого в этом отношении отнюдь не убогие способности.

Далей разразился хохотом:

— Конокрад конокрада легко распознает, — заметил он. Это побудило рассмеяться и Алексея, и снова они ощутили себя почти друзьями. Но басилевс видел, что улыбка мэра Далея никогда вполне не доходила до проницательных глаз. Да, они были одной породы, спору нет, и каждый пытался вертеть другим.

Басилевс еще раз кивнул Йвочести, затем

отступил к телохранителям. Скоро нагрянет беда, — подумалось ему, — если шайтаунцы не отойдут от этого граалегорода. Граница, о которой договорились два правителя, проходила на полпути между этим поселением и следующим ниже по Реке.

Усталость опять охватила Алексея, на этот раз — неодолимо. Завтра будет достаточно времени побеспокоиться о границах.

* * *

Михаил Палеолог и другие важные персоны из Нового Константинополя присутствовали при вступлении Алексея Комнина в должность вице-мэра Шайтауна: после исчезновения борну, Палеолог был назначен послом басилевса при мэре Далее. Но Исаак Комнин остался дома, так что вероломство Далея не могло бы сгубить одним разом всех предводителей ромеев.

Алексей поймал себя на том, что завидует брату. После-рожденные, может быть, изощренные политики и ловкие ремесленники, но их церемонии скучны до предела. Йвочесть произносил речь, которой все не было и не было конца. Алексей пытался некоторое время вникать в диалект после-рожденных, но оставил эту затею, как

только пришел к выводу, что Далей в действительности говорит ни о чем.

Басилевс ожидал, что отец Бойл призовет его к присяге вице-мэра. Это несколько смущало его: некоторые из подданных Алексея считали последователей папы Римского, таких как Бойл, схизматиками. Но оказалось, что клятву у него должен был принять какой-то человек, весь в черном полотне; Далей через Бойла представил его как судью Коркорана.

— Судья? — переспросил Алексей. — У него светское звание?

— У нас церковь отделена от государства, — ответил отец Бойл. Алексей пожал плечами. Это поразило его, как нечто то ли непостижимое, то ли откровенно безумное. Но вообще-то, не его дело, как шайтаунцы управляют своей страной.

— Поднимите правую руку, — сказал судья Коркоран, и Алексей повиновался. Судья произнес слова присяги:

— Вы торжественно клянетесь, что будете выполнять обязанности вице-мэра Шайтауна честно и, насколько вам позволяют ваши способности, и да поможет вам Бог?

В сущности, особых обязанностей у вице-мэра не было. Присяга не затрагивала ни одно из тех

разногласий, которые имелись между теологами Константинополя и Рима. И отличалась поразительной простотой. Алексей сказал:

— Клянусь.

Все ликующе завопили. Как и присяга, обычай мэра Далея справлять праздники был простым, но основательным. Йвочесть прогудел:

— А теперь давайте выпьем.

И служители внесли на подносах фляжки вина и виски.

После возрождения в Мире Реки Алексей пристрастился к виски. Ему нравилось, как оно обжигает горло, а затем согревает, попав в желудок. Он отхлебнул из фляжки.

— Когда ты прибудешь к нам, — сказал он мэру, — я тебе покажу, как мы обмываем дела.

Йвочесть кивнул и сам потянулся за фляжкой.

* * *

Когда мэр Далей, покинув лодку, ступил на берег, он подошел к Новому Константинополю меж двумя рядами факельщиков. Хор пел ему хвалы. Прелестные девушки бросали цветы ему под ноги. Он улыбался во весь рот.

— Обалдеть можно, — признался он, когда встретился с Алексеем перед императорским

дворцом.

— А почему бы и нет? — доброжелательно отозвался Алексей. — Ты знаком с моим братом Исааком, как я полагаю, носящим пока титул кесаря.

— Надеюсь, он не держит на меня обиды, — заметил Далей, возможно, искренне. Его прежний вице-мэр был полным ничтожеством, а вовсе не его братом. Но Исаак лишь улыбнулся и покачал головой. Йвочесть просиял.

— Славно. Славно.

— А вот экуменический патриарх Нового Константинополя, Евстратий Гарид, — сказал Алексей, указывая на мужчину в ослепительно-золотом. Большинство ромейских священников очень тяжело переживали утрату бород здесь, на Реке, но Гарид всегда отличался гладким подбородком, в прежней жизни он был евнухом. После того, как он воскрес во плоти вместе с прочими жителями Нового Константинополя, и у него, впервые во взрослом состоянии, появились яички, его целомудрие подверглось тяжким испытаниям, особенно вследствие эротически возбуждающего действия жвачки грез, но он оставался добрым и благочестивым человеком.

Далей вежливо поклонился. Отец Бойл тоже,

что, учитывая его вероятное отношение к Константинопольской церкви, могло потребовать немалого самообладания. Патриарх, голос которого звучал октавой ниже, чем Алексей помнил по своей прежней имперской столице, сказал:

— Готов ли мэр Шайтауна принести присягу как кесарь Нового Константинополя?

Алексей перевел это с греческого на латынь для Бойла, а тот переложил на английский послерожденных.

— Готов, — торжественным голосом ответил Йвочесть.

Присяга, к которой привел мэра Далея Гарид, была много пышнее и обязывала куда к большему, нежели та, которую принес басилевс судье Коркорану. Она взывала ко всем трем ликам Святой Троицы, к Божьей Матери и целому воинству святых (среди прочих — и к Святому Андрею, покровителю Константинополя) и навлекала на него анафему и проклятие, если он отступит от нее хотя бы на йоту.

— Итак, будешь ли ты верен своему слову, во имя Отца, Сына и Святого Духа? — закончил патриарх.

Далей перекрестился.

— Да, клянусь именем Отца, Сына и Святого

Духа.

— Склони голову, — приказал Гарид. Когда Йвочесть подчинился, патриарх помазал его маслом из рыбьего жира, которому был придан сладкий аромат добавлением духов, полученных из грааля.

Алексей водрузил на голову Далея травяной венок, окрашенный в алый цвет.

— Слава нашему кесарю! — воскликнул он. Жители Нового Константинополя закричали: «Ура!» вместе с делегацией из Шайтауна. Хор запел гимн хвалы и благодарения.

— Что теперь? — спросил вновь испеченный кесарь.

«Когда будем праздновать?» — так понял Алексей его слова. Он сказал:

— Нам осталось еще одно перед тем, как начнется пир.

— Далей скрестил руки на могучей груди и принялся ждать. Басилевс возвысил голос:

— Возведя Йвочесть в звание кесаря, я оставил моего брата Исаака без подобающего ему титула. Поскольку он одновременно плоть от моей плоти и моя правая рука, с вашего согласия, жители Нового Константинополя, я предлагаю ему достоинство Себастократора, августейшего правители,

и достоинство указанного звания да будет между моим званием басилевса и званием кесаря.

— Да будет так! — вскричала толпа, которую хорошо подготовили. Себастократор, звание, которое Алексей изобрел еще на Земле, было тем самым, которое Исаак Комнин носил большую часть своей земной жизни; в Новом Константинополе басилевс вновь упростил иерархию. Но старый титул сохранялся на случай, если когда-нибудь пригодится, как, например, сегодня. Алексей не перевел на латынь для отца Бойла, что провозглашает Исаака Себастократором; чем дольше мэр Далей останется в блаженном неведении того, что происходит вокруг него, тем лучше для басилевса. Выяснилось, однако, что отец Бойл достаточно понимает по-гречески, чтобы догадаться, в чем дело. И это не удивило Алексея; мэр лишь доказал свое благоразумие тем, что держал у себя в свите кое-кого, кто знаком с языком Нового Константинополя. С Алексеем в Шайтауне тоже была парочка англоговорящих. Он мог с точностью до секунды определить, когда Йвочесть осознал, что его провели. Не иначе, как у Далея были в роду кельты, кожа-то у него отличалась такой же белизной, что и у любого франкского крестоносца. И в один миг он стал

красным, как кирпич.

— Какого дьявола! — провыл он столь яростно, что у Алексея не возникло сложностей с пониманием.

Евстратий Гарид почти закончил приводить к присяге Исаака. Он умолк на полуслове и с вопросом в глазах посмотрел на Алексея.

— Продолжай, отче, — спокойно произнес василевс. И Гарид стал продолжать. Лишь после того, как он завершил помазание вновь провозглашенного Себастократора, тем самым сделав титул Исаака неснимаемым, Алексей счел нужным обратить внимание на недовольного кесаря. Он повернулся к мэру Далею и произнес елейным голосом:

— Почему ты огорчен? Я провозгласил тебя кесарем Нового Константинополя, как и обещал. Будь у нас золото, я бы возложил на тебя корону, а не эту повязочку, но она не менее хороша, чем та, которая досталась Исааку.

Далей швырнул наземь красный венок.

— Ах ты, сукин сын, ты меня одурачил!

— Видит Бог, это неправда, — ответил Алексей. — Ты поставил мне условием нашего союза, чтобы я назвал тебя кесарем. Я согласился, и союз принес нам все, на что мы надеялись; государ-

ства борну нет, и мы честно поделили его землю между Шайтауном и Новым Константинополем. Ты ни разу не требовал у меня не назначать кого-либо на должность между моей и твоей. Я сделал это для безопасности моего государства. Но чтобы я тебя одурачил? Я отрицаю это, и отрицаю с чистой совестью.

Мэр вылупился на него. Лишь холодный расчет способен унять гнев Йвочести — так и случится: он со своей делегацией будет отдан на милость ромеев, если они вздумают вмешаться. Но Далей даже не взглянул в сторону толпы; он не сводил глаз с Алексея. А затем раскатисто захохотал.

— Ах ты сукин сын, ну ты меня и одурачил! — повторил он снова. Слова — почти те же, что и минуту назад, но тон — совершенно иной.

Мэр шлепнул басилевса по спине, достаточно увесисто, чтобы тот закачался.

— Теперь, когда тебе известно, каков я, возможно, нам окажется проще жить друг с другом в мире. Я заметил, что, помимо прочего, вы, опистантропы, считаете, будто любой, кто жил до вашего времени, глупее вас. Разве ты предложил бы такую договоренность кому-либо из своих современников? Они бы тебя без труда раскусили, вот и я тоже.

— Большинству это не удалось бы, видит Бог, — ответил Далей. О том, что он замышлял убийство, он не упомянул, точно так же, как не упомянул и Алексей. В сущности, это входило в правила игры.

Йвочесть снова рассмеялся, еще громче прежнего.

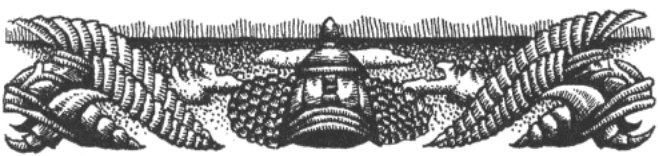
— Отлично! Я кесарь, а на все прочее плевать. Хотя, знаю, чем я займусь, как только ворочусь в Шайтаун.

— И чем же? — спросил Алексей.

— Назначу себе Товарища Мэра, чем же еще?

Настал черед смеяться басилевсу.

— Вполне справедливо. А теперь давай пировать.



Эд Горман
Рай для дураков[20]
1

Мне послышался чей-то голос, но я попытался его не слушать. Мне не хотелось просыпаться. Мне снилась квартира на Эдди-стрит в ту солнечную осень 1921 г., несколько недель спустя после рождения моей дочери Мэри Джейн — и моя жена, такая нежная и очаровательная в те дни, перед самым моим предательством, которым кончился наш брак.

А затем — нечто большее, чем просто голос. Меня звали, торопливо и настойчиво, небольшие ладошки трясли меня за плечи, и кто-то снова и снова повторял:

— Мистер Хэммет, прошу, ну проснитесь, ну проснитесь же!

Первым, что я почуял, был дождь, его прохладный и чистый запах исходил от зеленой листвы вдоль Реки, и его капли глухо постукивали по крыше из деревянных обломков, в которой я жил.

---

[20] Примечания: 20

FOOL'S PARADISE by Ed Gorman Copyright © 1992 by Ed Gorman.

Я открыл один глаз и подтянулся на локте, поглядев на кроликообразного человечка, который меня тряс.

Он не больно-то нравился мне там, на Земле. В смысле, его произведения; лично-то мы знакомы не были, и он ничуть не заметней понравился мне здесь, в Мире Реки. Во всех биографиях его представляли как эдакую снедаемую мукой романтическую натуру, но, как и большинство людей, соответствующих такому описанию, он был нытиком, прожектером и неустанным нарциссом.

— Простите, что я вас разбудил, мистер Хэммет.

— Ага. И не стоило будить.

— Мне нужна ваша помощь, мистер Хэммет. Отчаянно нужна.

Он всегда называл меня мистер Хэммет. Полагаю, из-за волос. Они поседели еще в молодости, и, независимо от того, насколько дамы уверяли, что из-за них я выгляжу «особо притягательно», я из-за них выглядел также старше своих лет. Даже теперь, когда, как и большинству обитателей Мира Реки, мне было только двадцать пять, волосы у меня опять отросли совсем белые.

Я сел на постели. Потер глаза и позволил себе

мощный зевок. А затем двинул его кулаком. О, не такой уж и крепкий вышел удар, я не выбил ему зубы и не разбил нос, но мой кулак оглушил его и оттолкнул на фут-другой, а это уже было неплохо.

Он бережно коснулся своего рта, высунул кончик языка и слизал с губы кровь.

— Зачем вы это сделали, мистер Хэммет?

У меня отроду не было особенно радужного настроения по утрам. Мой отец был таким же, и дед тоже. Хотел бы я свалить это на предков, а не брать на себя. И мне особенно не по нутру, когда кто-нибудь, как мой непрошеный гость, будит меня ни свет ни заря.

Я вскочил, забыв вовремя пригнуться. И поднял на своей седой голове всю тростниковую крышу. Точно шляпу надел.

Он заухмылялся было, но я показал ему кулак, и его ухмылка мигом исчезла. Я поставил крышу на место. Затем прошел через хижину, сел в углу по-индийски и налил себе воды. До меня по-прежнему доносился чистый и добрый запах дождя. Увы, я не мог сказать ничего подобного о своем госте.

Теперь, когда я вполне проснулся, я впервые взглянул на него как следует. Он пользовался

скверной репутацией в Мире Реки, вечно соблазнял юных девушек, а затем покидал их — та самая женоненавистническая игра, в которую постоянно играл известный сатир Казанова. Но Казанова хотя бы был откровенен: он желал утолить свою козлиную похоть. А По окутывал все романтическим туманом и бредовой темной поэзией.

— Что, побили камнями?

— Я это отрицаю, мистер Хэммет.

— Кончай балаган, и отвечай на мой вопрос.

— Нет, не побили.

— Ты станешь уверять меня, что больше не тянешься к жвачке?

— Я прибегаю к ней иногда.

— Иногда. Гм-гм…

— Я знаю, что вы обо мне невысокого мнения.

Я вздохнул. Не выношу ханжества, и особенно — когда сам в него впадаю, а тут я внезапно понял, что веду себя по отношению к этому типу как жуткий ханжа.

— Послушай, — сказал я, — учитывая, какую жизнь я вел прежде на земле, я не имею права морально осуждать других. И, разумеется, я чертовски не желаю корчить из себя проповедника и говорить кому-то, что он — снисходительный к себе распутник, использующий любого, с кем

вступает в общение.

Он улыбнулся.

— Полагаю, для меня где-то здесь был сделан какой-то намек.

— Да, судя по всему, был.

— Я знаю, что я такое, мистер Хэммет.

— В самом деле?

— Верьте мне или нет, сознательно я этого не делаю. Это просто вроде… Так само получается. Я хочу сказать, что у меня нет цели кого-то использовать… Просто… Так уж выходит.

Я опять вздохнул.

— Что я могу сделать для вас в это прекрасное солнечное утро, мистер По?

— Зовите меня, пожалуйста, Эдгаром. Как и все остальные.

— Давайте-ка заключим договор.

— Насчет чего?

— Вы будете звать меня Дэшиэл, а я вас — Эдгар.

Он опять улыбнулся. Во всех книжках он представлен красавчиком, но по-настоящему это не Так. Рот и подбородок у него для этого слишком вялые. Но есть нечто мощное в его темных глазах, подлинная сила, некий род безумия, который зачаровывает, если вглядеться. Уверен, это в нем

сродни дару заклинателей змей, богатых священников и политиканов., драпирующихся в тогу патриотизма.

— Я согласен, Дэшиэл, — сказал он.

— Ты пришел сюда кое-что мне рассказать.

— Да.

— Так расскажи.

— Боюсь, что кое-кто пытается убить Арду.

— Маловероятная история для Мира Реки. Здесь нет смерти.

— Здесь нет смерти как таковой. Если человека убивают, он возрождается где-то в другом месте. А если кто-то затеял убить женщину, которую любит мужчина, и она возрождается в другом месте, так что он не сможет больше ее найти, ибо Мир Реки так огромен — разве это не то же самое, что и ее смерть, верно?

— Полагаю, в этом ты прав. — Я поглядел на его длинные изящные ладони. Некоторые назвали бы их аристократическими. Они дрожали, и довольно сильно.

— С чего бы кому-либо понадобилось бы ей вредить?

— Не знаю. — Но по тому, как он это сказал, твердо и непререкаемо, я понял, что он *лжет*.

— Я больше такого рода вещами не занимаюсь,

сам знаешь.

— Ты служил Пинком.

— Следует говорить Пинкертон. Пинком нас называла пресса. А на нее мне всегда было плевать. — Я отпил еще воды, а затем глубоко вздохнул. — Возможно, ты этого не знаешь, Эдгар, но я кончил тем, что тоже стал писателем. Не таким хорошим, как ты, может быть, но достаточно сносным, чтобы оставить прежнюю работенку и жить на гонорары до конца своих дней. Или, всяко, вроде того.

— Что ты хочешь сказать?

— А то, что я утратил хватку.

— Нынче ночью она пошла прогуляться, и кто-то пустил в нее стрелу. Промазав лишь на столечко, — он изобразил кончиками большого и указательного пальцев, сколь невелико было расстояние. — А неделю назад кто-то пытался утопить ее, в то время как она купалась в Реке. А еще за несколько дней до того кто-то пытался столкнуть ее с горной тропы.

— Ей удалось его увидеть?

— Нет. Меня не было ни при одном из этих случаев. Но если бы я там был… — его мессианские темные глаза устремились вдаль. — Ей иногда бывает зверски трудно сосредоточиться. А это

может обернуться опасностью, когда тебя кто-то выслеживает.

В Мире Реки есть лишь один способ постоянно утрачивать сосредоточенность.

— Ты хочешь сказать, что приобщил ее к жвачке?

— Нет! — Он почти орал. — Она сама приобщилась. Я даже не знал, что она этим балуется, пока не стало слишком поздно.

Жвачка грез появляется в каждом граале. Большинство из нас отвергает ее, не желая тратить свою жизнь на фантастические видения. Пробуждение в Мире Реки для большинства из нас достаточно фантастично.

Но я опять начинал впадать в ханжество, эту мою черту всегда здорово не выносила Лилиан. Но, в конце концов, у Лилиан было множество черт, которые не выносил я, особенно, когда ближе к концу своей жизни на Земле, я определил путем дедукции истинную природу наших отношений.

— Кто мог бы желать ей вреда? — спросил я.

— Не знаю.

— Или почему?

— Этого тоже не знаю.

— Она не могла этого просто вообразить?

— Стрела в нашей хижине. Я предположил, что ты захочешь поговорить с Ардой. И прикинул, что потом тебе может понадобиться взглянуть на стрелу.

— Ничем не могу помочь, Эдгар.

— То есть, не хочешь.

— Как тебе угодно.

На его глазах выступили слезы, и так внезапно, что я не понял, как он мог их изобразить, даже если учесть его театральность.

— Дерьмо собачье, — буркнул я. — Достаточно скверно, когда женщина пытается воздействовать на меня слезами. Но мужчина…

— Ты хотя бы понимаешь, как сильно я ее люблю, Дэшиэл? Хоть сколько-нибудь?

Теперь, вдобавок ко слезам, все его тело принялось содрогаться. Я глядел на него с отвращением. Черт побери, что за слабак. Но тут же понял, насколько слаб сам, просто в совершенно ином роде, и тогда я отрешился от проповеднической дури и сказал:

— Прошло много времени с тех пор, как я был Пинкертоном, Эдгар. Очень много времени.

— Ей действительно нужна помощь, Дэшиэл. А не то кто-нибудь отнимет ее у меня навсегда.

Чокнутый поэт и нимфетка-наркоманка. Не

тот ли это род клиентов, о которых мечтают все частные детективы?

2

Проплавав минут эдак двадцать, я опять выбрался на берег, вернулся к хижине и приготовился к новому дню.

Теперь мне уже начинала нравиться мысль расследовать это дело. В Мире Реки много всякого, но только не волнующего, по крайней мере, не на том участке берега, куда угодил я. Здесь представлены две культуры и две исторические эпохи: первая — это группа бизнесменов и их родных из пригородов Балтимора около 1907 г., а вторая — жители Сан-Франциско конца 1950-х. Я принадлежал к последним, когда умер и возродился в Мире Реки, где бы ни находился и чем бы в действительности ни был.

Когда я вернулся на берег, я увидел там добрых балтиморцев, занятых переноской материалов для хижин в окружающий лес. Даже здесь, в этом чистилище, в которое мы угодили, добрые трудолюбивые обыватели желают поселиться в отдельном пригороде. Они убеждены, и вполне справедливо, что половина тех, кто бороздит Реку

в своих каноэ — подонки общества. И мог ли я не согласиться с ними, когда одним из наших последних посетителей был Уайт Эрп, который на полном серьезе предложил, чтобы мы отобрали шесть самых смазливых бабенок из окрестностей и организовали бордель, которым он счастлив будет управлять за хорошую долю в предприятии?

Дождь не тревожил добрых граждан. Их вдохновляла идея, и ничто не могло их остановить. Они выполняли свою работу непрерывно и неутомимо, точно лесные муравьишки.

Сан-францисканцы не были ни столь крепки, ни столь деловиты. Они сидели себе под навесиками из листвы, пережевывали жвачку грез, посматривали, как течет мимо Река и махали рукой всяким встречным, которые по ней плыли. Один парень сообщил мне, что видел однажды настоящий НЛО, полный маленьких зелененьких марсиан, которые помахали ему. Такие вот радости приносит жвачка грез.

Я махнул рукой гражданам-трудягам, а затем помахал наблюдающим за Рекой. И пошел вверх по илистому скользкому склону к маленькой хижинке, которая стояла над обрывом над глубоким оврагом. Там жил Эдгар По.

Никакой тебе двери, лишь длинная циновка,

дающая некоторое относительное уединение. Из-за нее, очевидно, заслышав, как я приближаюсь, прозвучали слова молодой женщины:

— Входите, мистер Хэммет.

Внутри все так и смердело речным илом. Пол устилали большие тяжелые лопатообразные листья, которые граждане-обыватели приносили из лесу и по-христиански делили с Другими, доказывая тем самым, что не все капиталисты дурные люди и способны творить добро даже Для коммунистов, вроде меня.

Она была привлекательна, что правда, то правда. Она сидела на корточках у задней стенки в чем-то вроде белого платья, насколько его позволяла смастерить жизнь у Реки. И все-таки ее нежное печальное лицо и маленькое, но обильное формами тело были отмечены истинной красотой.

— Я сказала ему, что вы придете.

— Эдгару?

— Да. Он не очень-то верит в человечность, боюсь. Но и я не больно-то верила бы. При той жизни, которая ему выпала. Достаточно того, как безжалостно его избивал отчим. Эдгару до сих пор снятся кошмары.

Она довольно успешно вызывала во мне жа-

лость к По. Но с ним было легче иметь дело, когда он представал передо мной как снисходительный к себе художник.

— Из какой вы эпохи? — спросил я.

— Из 1930-х. Мой отец большой ваш поклонник. Он судья и обожает читать о раскрытии тайн. — Протянув руку, она коснулась большой груды цветов, которые увядали внутри хижины. Даже запах у них пропал от этого дождя, прохлады, да еще в тени под этим кровом.

Тут ее лицо изменилось. Только что она была влекущей молодой девушкой, из тех, кого в мое время неучтиво называли кисками — и вдруг стала осунувшейся и озабоченной молодой женщиной.

— Взгляните.

Откуда-то из-под листьев, образовывавших пол глинобитной хижины, она извлекла длинную стрелу с металлическим наконечником. Поскольку металлы в нашем мире были величайшей ценностью, я, вопреки себе, был поражен.

Она вручила мне стрелу. Я повертел ее в пальцах, осматривая, не суетясь на предмет отпечатков пальцев. Криминологическая лаборатория в Мире Реки возможна разве что самая паршивая.

Хорошо сработано. Наконечник, древко, вы-

емка — все совершенного образца. Поскольку мне довелось самостоятельно изучать средние века, я определил, что острие сделано из железа, выплавки, характерной для XIV века.

— Эдгар рассказал вам, что случилось?

— Да.

— Кто-то пытается убить меня, мистер Хэммет.

— Можно называть меня Дэшиэл.

Ее ответ был робок — точнее, она лишь наклонила голову, да так, что выглядела теперь еще моложе и куда уязвимей, чем прежде. Она сказала:

— Я боюсь. И не хочу, чтобы кто-то послал меня в какое-нибудь другое время.

— Я вас не корю.

Она подняла глаза.

— Думаю, дело в О'Брайене.

— В ком?

— В Ричарде О'Брайане. Одном из балтиморских бизнесменов. Он женат, но ему это, кажется, все равно.

— Он вам когда-либо угрожал?

— Не совсем. Но он ждет, пока Эдгар не отправится вниз по Реке, и тогда он сюда проберется. Он сущая чума.

— Наверное, что-нибудь менее заразное.

— О, он — самая жуткая зараза. Хуже нет. Однажды ночью он сцапал Эдгара и попытался его утопить. Думаю, еще до того, как вы сюда попали.

— Не следует ли мне поговорить с кем-нибудь еще?

Она призадумалась. И как раз собиралась ответить, когда тонкий крик, вроде птичьего, наполнил воздух.

Мы сидели в пропахшем дождем молчании и глядели друг на друга: маленькая подружка Эдгара, печальная и нежная — и я. Птица кричала столь жалобно, что я коснулся своей руки и ощутил, что она холодна и покрыта гусиной кожей.

— Какие птицы так кричат? — В Мире Реки не было птиц. Вообще.

Женщина улыбнулась.

— Это Роберт.

— Кто такой Роберт?

Но мне не требовалось спрашивать, ибо внезапно отлетела в сторону длинная циновка, служившая дверью, и на пороге встал мальчик, лет, наверное, десяти, смуглый, точно американский индеец, столь основательно забрызганный илом, что это выглядело как боевая раскраска. У парнишки были песчаного цвета волосы и

настороженные голубые глаза. Он носил вокруг бедер полотенце, удерживаемое магнитной застежкой. И в целом, он умудрялся придавать себе вид, равно устрашающий и торжественный, как это водилось у юных сорванцов с незапамятных времен. И несмотря даже на то; что он изрядно промок под дождем, от него пахло потом и вонью. На поясе у него качались ножны, и в них покоился клинок из кремния, тяжелый и смертоносный. И почти комический контраст с этим клинком составлял букетик в правой руке: голубые, желтые и розовые цветы, из тех, что растут на лесных опушках.

— Это тебе, — сказал Роберт.

Она улыбнулась ему и протянула хрупкую ладонь. Цветы в ее костлявых пальцах посреди этой убогой хижины были как взрыв ярких красок лета.

— Я зайду позже, — сказал мальчик. И, пока говорил, глазел на меня. Он не пытался скрыть неудовольствие, вызванное тем, что я здесь.

— Но, Роберт… Ты не хочешь, чтобы я представила тебя мистеру Хэммету?

— Нет, спасибо, — буркнул он.

И пропал, хлопнув циновкой-дверью и сбежав по бурому глинистому склону в холодную сереб-

ряную морось.

— Бедный Роберт, — вздохнула она после того, как ропот дождя окончательно заглушил шлепанье ребячьих ног.

— Я бы сказал, что он переживает больше, чем просто легкое увлечение.

— Мне его так жаль. Я всегда влюблялась в тех, кто старше меня в его возрасте. Для взрослых это всегда забавно, но когда вы молоды… Это очень болезненно.

— Кто он?

Она пожала плечами.

— Он живет у женщины, которую называют Лесной Ведьмой.

— Слыхал о такой.

— Она не ведьма. А просто очень грязная баба с запасом тарабарщины, которую обрушивает на детишек, чтобы отпугнуть.

Я поднял стрелу.

— Возможно, я пойду в лес и повидаюсь с ней. Не исключено, что она сможет что-нибудь сказать мне об этом. — Я улыбнулся. — Учитывая, что она ведьма, и все прочее.

Я встал, стараясь не выпрямляться слишком резко. Хижины Мира Реки не рассчитаны на людей двадцатого столетия.

— Полагаю, я начну с О’Брайена.

— Остерегайтесь его. Он очень коварен.

Я подумал о годах, проведенных в тюрьме, я отбыл их до конца, хотя простого раскаяния и неприверженности к коммунизму было бы достаточно, чтобы меня освободили. Я знавал немало пронырливых людишек в то время, равно в тюрьме и в комитете Конгресса, которые заботились о том, чтобы я сидел. Я подумал о старом Дике Никсоне, в сущности, не том лукавом типе, каким он казался, а скорее, о печальном безумце, которого слишком любила мать и недостаточно отец. Уайльд или кто-то другой сказал о родителях: «иногда мы их даже прощаем»?

— Думаю, я могу с ним справиться, — заметил я.

— Очень мило с вашей стороны.

Я поднял циновку, закрывавшую дверной проем.

— Избегайте ненужного риска.

Она улыбнулась.

— Вам не стоит беспокоиться. Эдгар дал мне вот это.

И в изящной руке тут же возник огромный каменный нож, извлеченный из-под листьев.

— Он также подсказал мне, куда всаживать.

Прямо в мужскую промежность.

Она сказала это с таким напором и страстью, что я чуть было не схватился за мошонку из потребности, в самозащите. Упоминание о кастрации не так-то легко пролетает мимо мужских ушей.

— Надеюсь, мне представится случай себя испытать, — призналась она. — И посмотреть, действительно ли я маленькая беспомощная девочка, или по-настоящему сильная молодая женщина.

Я рассмеялся.

— Почему-то я думаю, что вы пройдете испытание на отлично.

Она подхватила мой смех.

— Если честно, то я тоже. Мне, право, жаль дурня, который вздумает искушать судьбу.

Я кивнул в знак прощания и вышел из хибарки. И принялся спускаться по склону там, где росла трава. Она пахла свежо и крепко. В небе, изменчивом, точно калейдоскоп, перемещались и вихрились темные облака. Ребенком я всегда боялся грозы, внезапная прохлада и запах дождя всегда повергали меня в отчаяние. Полагаю, это началось после того, как моя сестра Реба пропала на полчаса, и мои родители с ума сходили, ища ее

повсюду в окрестностях, а между тем на востоке собиралась гроза. Гроза всегда означала, что моя сестренка снова исчезла, хотя я уже взрослый, а Ребу давным-давно отыскали целую и невредимую в соседском доме.

3

Становище было столь же убогим, сколь и все прочее в Мире Реки. Мы принесли сюда с собой все наши умения, верно, но нам не хватало нужных материалов. Хорошим примером служат «пригороды» — чуть больше, чем расставленные по кругу хижины на лесной полянке. У восточного края стоит мужчина, держа грубое копье, а позади него четверо детишек явно заняты игрой в шарики — сидят на корточках в кружок на грязной и голой земле.

Мужчина с копьем шагнул вперед и произнес:

— Вы мистер Хэммет.

— Я самый.

— Не то, чтобы вам не рады, мистер Хэммет, но мы предпочитаем жить сами по себе. Поэтому у нас двадцать четыре часа в сутки выставлен часовой.

Если в его обязанности входило свирепое

поведение, то он с ними справлялся неважно. Здоровенный верзила, да, но уж больно учтив, а это не к лицу предполагаемому мордовороту.

— Я бы хотел видеть мистера О'Брайена.

Он ухмыльнулся. Чем-то он смахивал на переросшего ребятенка.

— Ну что же, это избавляет нас обоих от хлопот.

— Не понял…

— О'Брайена здесь нет… — Он наклонил копье в направлении глинобитных лачуг. В этот миг от домишка к домишку пробежал мальчик, за которым со смехом гналась юная девушка. — Он где-то там на Реке. — Верзила кивнул в сторону Реки. — И я не могу помешать ему туда ходить. Все, что я должен делать — это охранять поселок.

— А что именно кажется вам таким опасным в нас, что вы держитесь особняком?

— О, ничего личного, мистер Хэммет. Просто мы добропорядочные балтиморские христиане, приверженные устоям, а вы из Сан-Франциско. Для нас это все равно что другой мир. Но мы не питаем к вам ненависти. Каждый день наш проповедник, и мы с ним вместе молимся за ваши души.

— Ну, это чертовски любезно с вашей стороны.

Он передернулся при слове «чертовски», а затем принялся раздумывать, а не насмехаюсь ли я над ним. Тут я оставил его и направился к Реке. Прежде чем я вышел из лесу и отыскал узкую извилистую тропу, бегущую параллельно воде, я услышал вдали мерное «хлысть-хлысть». И понять не мог, что бы это значило.

Я двинулся по этой тропинке, не обращая больше внимания на капли, шлепавшиеся с зеленых листьев у меня над головой; и там, где тропа огибала великолепный, пушистый куст, я отыскал О'Брайена. Он был высок, с виду — типичный ирландец, и всей своей повадкой выражал угрозу, старательно и несколько театрально. В руках он держал большой лук, из которого одну за другой пускал стрелы в почерневший от дождя древесный ствол. Стрелы издавали то самое «хлысть-хлысть», которое я слышал. Маленькая женщина с печальным лицом, казавшаяся старше, чем она, вероятно, была, бегала за стрелами и приносила их обратно. Создавалось впечатление, будто она напрягала все свои силы, выдергивая их из дерева. Было нечто вызывающее в том, как он обращался с этой измученной женщиной.

Женщина первая меня увидела. Она несла ему последнюю стрелу, когда бросила случайный

взгляд на меня и кивнула в моем направлении.

Он обернулся и воззрился на меня в упор.

— Это еще кто, черт побери?

— Это мистер Хэммет, — ответила женщина. — Он прославленный писатель и умер, примерно, через тридцать лет после нас.

— Заткнись, безмозглая сучка, — сказал он, вручая ей лук. Затем шагнул ко мне. — Или не знаешь, как меня тошнит от того, что ты вечно встреваешь?

Женщина выглядела так, словно он ее отхлестал.

Я остановился, примерно, в пяти футах от него.

— Вы О'Брайен?

— А если да, так что?

— Мне нужно с вами поговорить.

— О чем?

— Кое о чем личном. — Я кивнул в сторону женщины.

— Может быть, ваша жена могла бы чуток отдохнуть.

— С каких это пор вас заботит моя жена?

Женщина, усталая, грязная и взвинченная, подошла к нему, как если бы он был великим каменным идолом, а она неустанно молилась ему.

— Я вернусь в поселок и отдохну.

— Да. Как будто ты уже недостаточно наотдыхалась.

У меня возникло ощущение, что он вот-вот закатит ей пощечину. Я не забияка, и никогда не был забиякой, но он мне достаточно не понравился, чтобы мне доставило удовольствие вздуть его даже, если потом он поколотит меня.

Он принялся пихать ее. Она едва не упала наземь, но я схватил ее за руку и поддержал. Она вперила в меня взгляд, полный извечной скорби и страха. Женщин вроде этой было немало по всему Западу в мои дни, их жизнь шла счастливо, пока им не стукнет шестнадцать, а затем они становились, считай, рабынями при свирепых мужьях и печальных одурелых детишках и жили горячим черным кофе, невысказанными словами и не встретившими отклика молитвами.

Я хотел ее поддержать, ничего чувственного, только поддержать из чистой доброты, в которой ей так долго отказывали.

А затем я замахнулся. Я не собирался его бить, в сущности, я едва ли осознавал, что делаю, но как раз, когда мой кулак устремился к его лицу, она толкнула меня под локоть, и мой кулак по дуге пролетел мимо.

— Я не хочу, чтобы вы пострадали, мистер Хэм-

мет, — сказала она, торопливо обежала большой пушистый куст под косым серебристым дождем и пропала.

— А ты, похоже, задира? — рассмеялся О'Брайен.

— Ты бы вполне мог обходиться с ней чуточку получше.

— А ты видишь, какая она из себя? Она позволила себе состариться. То же самое было и в Балтиморе. Черт, она не так уж скверно выглядела, когда возродилась у Реки, но тут же все опять покатилось к дьяволу. — Он ухмыльнулся. — Мне нужна какая-нибудь свежая милашечка, пока мои причиндалы еще на что-то годятся.

— Ты об Арде?

Его глаза сузились. Плоский нос, который, как ни странно, сообщал ему грубую привлекательность, стал на вид еще свирепей.

— А что там с Ардой?

— Кто-то пытается повредить ей. — Я наклонился и подобрал одну из его стрел. Точь-в-точь, как та, которую Арда показала мне в своей хижине. Я поднял глаза и встретился с ним взглядом. — Недавно кто-то пустил в нее стрелу.

— Ей нужен мужчина.

— У нее есть мужчина.

— Это Эдгарчик, что ли? — Он скорчил рожу. — Он нюня, какого я еще не видел.

— Кажется, она так не думает.

— А какого дьявола тебе во всем этом?

— У нее создалось впечатление, будто кто-то пытается разлучить ее с По. — Я поднял стрелу. — Точно такую же стрелу пустил в нее покушавшийся.

— Ты хочешь сказать, что я в нее стрелял?

— Не исключено.

Тогда он попер на меня, но он был слишком тяжелым, чтобы двигаться быстро, и я переместился вправо, пока он подавался влево.

— Арда хочет, чтобы ты оставил ее в покое.

— Это мое дело.

— У тебя есть жена. Почему ты не попытаешься уделить ей немного времени?

Но я опять впадал в ханжество. Тогда я подумал о своей жене, то, которую оставлял на Эдди-стрит с дочкой, в то время как сам уходил, чтобы в подпитии принимать восхваления Лилиан и ее лощеных друзей. Я был не в том положении, чтобы читать моральные проповеди даже мужлану вроде О'Брайена.

Он выхватил из моей руки стрелу и сказал:

— Будь я на твоем месте, я бы отсюда смылся.

— Не забудь о том, что я тебе сказал. Арда хочет, чтобы ты оставил ее в покое.

— А я считаю, что это других не касается.

Он тут же развернулся и, подобрав лук, пустил стрелу прямехонько в твердую, отполированную сердцевину дерева. Нетрудно было вообразить, как он стрельнет в меня.

4

Следующие двадцать минут я брел по тропе, которая завела меня в самую лесную чащу. Наверное, скорее, от тоски, нежели по иным причинам, я принялся исследовать различные тропинки, проверяя, куда они выходят.

В нашем прежнем мире я всегда изучал уйму карт, особенно когда работал на Пинкертона на различных железных дорогах, и, будучи прирожденным следопытом, получал от этого немалое удовольствие.

В любом случае, как я уже заметил, Мир Реки не изобиловал возможностями для захватывающих занятий.

Я широко шагал по тропе, бежавшей под тяжелым кровом из ветвей и листвы, когда заметил женщину. Она лежала на земле лицом вверх.

Даже издалека я увидел, что она неряшливая и какая-то чудная. Мне также бросился в глаза кровоподтек на ее лице сбоку, который понемногу смывали капли дождя, проливавшиеся с листьев наверху.

Я подбежал поближе, встал рядом с не на колени и стал переворачивать ее, чтобы лучше разглядеть сморщенное и грязное лицо, когда… Когда со мной сыграли одну из самых почтенных разбойничьих шуток.

Оставьте беспомощную женщину любого возраста на тропе, и какой порядочный мужчина не подойдет выяснить, что случилось. Я и подошел, как любой другой — и как раз тогда кто-то вышел из-за дерева и лихо огрел меня по макушке. Я только и успел ощутить, что краткую вспышку боли, а затем меня обступила тьма.

5

Я очнулся в большой хижине. Огонь горел в яме посреди глиняного пола. От пламени исходило приятное тепло. Но вот только воняло в этом месте изрядно. Кто бы здесь ни жил, я не назвал бы их чистюлями.

Две женщины сидели по другую сторону от

пляшущего огня и наблюдали за мной. В отсветах пламени кожа их приобрела оттенок, каким отличаются индейцы, а яркие черные глаза еще усиливали впечатление. Они сидели под целой грудой полотенец. У одной из уголка рта торчала трубка. Та самая неряха. Ее сестра — я предположил, что они сестры из-за их весьма примечательного сходства — трубки не курила и была совсем лысой. На ее блестящем черепе плясал алый и золотистый свет.

— Вы мистер Хэммет.

— Как будто.

— Мы рады познакомиться с вами, мистер Хэммет.

— Нетрудно догадаться по тому, как вы меня грохнули.

— Нам просто требовалось убедиться. — До сих пор со мной говорила только лысая.

— Убедиться в чем?

— Что вы подходите для нашего поручения. — На этот раз подала голос седоволосая. — Кстати, я Елена, а это моя сестра Стефания.

Я не без усилия сел. Елена протянула мне чашку с чем-то дымящимся. Я заглянул внутрь и не увидел, чтобы на дне что-то ползало. Так что я начал прихлебывать. Это оказался чай. И хороший.

Просто отменный.

— Знаю, вы, вероятно, думаете, что мы индейцы, но это не так, — сказала Стефания. — Мы вообще-то французы. Наши родители явились в Балтимор из маленького городка недалеко от Парижа. И во всяком случае мы попали в Мир Реки с мистером По и другими. К несчастью, у нас не было ничего общего с ними там, дома, и здесь тоже нет ничего общего.

Я поглядел на Елену.

— Это вы — Лесная Ведьма?

Ее сестра захихикала.

— Не поощряйте ее. Она как раз этого и хочет. Она уже начинает верить всем тем выдумкам, которые наплели вокруг нее люди, — заметила Стефания.

— Значит, она не ведьма?

Стефания снова прыснула.

— Едва ли. — Улыбнулась. — Хотя, поспорю, мистер По желает, чтобы это было правдой.

— Почему? — полюбопытствовал я.

— Потому что однажды ночью Елена застукала его в лесу с другой женщиной. Будь она действительно ведьма, мистер По мог бы попросить ее наложить чары на Арду, так, чтобы Арда не злилась на него из-за его неверности.

Я подумал об Арде, о ее печальном маленьком личике и глазах, и о том, как драматично представляет По свою верность ей. Но даже с Ардой он не мог не обращать внимания на других девушек.

Я снова пригубил чай и сказал:

— Вы собирались объяснить, зачем меня стукнули.

— Объяснение достаточно простое, мистер Хэммет, — ответила Стефания. — Мы хотим, чтобы вы кое-что украли для нас нынче ночью и всего лишь желали убедиться, что вы крепче, чем кажетесь.

— Мы слышали, что вы работали Пинкертоном, но, честно говоря, ваш вид не показался нам воодушевляющим.

— Ну, возможно, ради вас я согласился бы прибавить несколько фунтов.

На этот раз засмеялись обе мои собеседницы.

— И что я должен для вас украсть?

— Мы в точности не знаем, — ответила Стефания. — В этом-то и сложность.

Елена предложила мне еще чаю. Я согласился. Елена сказала:

— Есть один маленький мальчик по имени Роберт, который живет здесь, в лесу.

— Да, я с ним знаком.

— Ну, так Роберт вообще-то очень славный парнишка, но у него есть тайна.

— Тайна?

— Да, и он не желает ею с нами поделиться, — сказала Стефания.

— Тогда откуда вы о ней знаете?

— А оттуда, что как-то ночью мы увидели, что его бьет мистер О'Брайен.

— Бьет Роберта?

— Да, — сказала Стефания. — Мне нравится бегать по лесу ночью — то есть, изображать ведьму. Это дает людям повод для сплетен, к тому же само по себе забавно. Короче, я бежала лесом и увидела Роберта, привязанного к дереву, и мистера О'Брайена, который ударял его снова и снова. Я попыталась остановить мистера О'Брайена, но он просто-напросто прогнал меня. Похоже, он не боится ведьм.

— Это потому, что ты — не ведьма, — напомнила ей Елена.

— Одним словом, он все требовал и требовал, чтобы Роберт открыл ему свою тайну. Но Роберт не открыл. Он очень храбр для такого маленького мальчика, — она вздохнула. — Затем он взял что-то у Роберта. Кусок бумаги. Вытащил из кармана и

побежал. Я пряталась в кустах, и все это видела. И когда он исчез, я подбежала и отвязала Роберта.

— И Роберт не сказал вам, что украл у него О'Брайен?

— Нет. И мало того, когда я об этом заикнулась, мальчик разревелся и убежал.

— Так что вы хотите, чтобы я украл…

— Клочок бумаги, который мистер О'Брайен отнял у бедного маленького Роберта в ту ночь.

— Превосходно, — заметил я. — Итак, у меня уже два клиента.

— Вы иронизируете, мистер Хэммет, верно? — сказала Елена. — Насчет того, что превосходно иметь двух клиентов?

— Разумеется, иронизирует, Елена. Пинкертоны всегда иронизируют.

— Разве вы не хотите помочь бедному маленькому Роберту, мистер Хэммет? Разве не хотите? — произнесла Елена.

Ну и что я ей должен был на это ответить?

6

Весь остаток дня ушел у меня на то, чтобы найти Роберта, и все-таки я нашел его по чистой случайности, приблизившись по тропе к огромному

каменному грибу, где он стоял, глядя на Реку.

Я подошел к нему настолько осторожно, насколько мог. Я не хотел его спугнуть. Но он учуял меня, развернулся, увидел, кто это, нахмурился и припустил прочь. Он помчался по тропинке вдоль Реки. Дождь сделал бег по ней небезопасным. Несколько раз он поскользнулся, удирая. Несколько раз, преследуя его, поскользнулся я.

Я знал, что окончательно упущу его, если не прибегну к чему-нибудь недостойному. Я остановился, нагнулся и подобрал камешек. Бросил его с восхитительной точностью и угодил мальчику прямехонько в подколенную ямку. Боль от удара была достаточной, чтобы он упал, и, как раз когда он шлепнулся в грязь, я налетел на него.

Когда я рывком поднял его на ноги и прислонил к ближайшему дереву, он был весь в грязи. Он выглядел так, как если бы гримировался, чтобы представлять негра. Он здорово сбился с дыхания, я тоже, и вот мы стояли, и косой серебристый дождь смывал с него грязищу, а мы оба, приоткрыв рты, издавали прерывистое «хы-хы-хы» в лицо друг другу.

— О'Брайен отнял у тебя клочок бумаги как-то ночью, — сказал я. — Я хочу знать, что там было.

— Не твое дело.

— Малыш, я могу сломать тебе руку.

— Ломай. Мне начхать.

— Кто-то пытается убить Арду. Тебе и на это начхать?

— Я люблю Арду.

Подавляющее большинство мальчишек так запросто об этом не сообщило бы. Мальчишки, как правило, слишком робки и замкнуты, чтобы нечто такое выдать. Но было столько отчаяния и боли в скорых словах этого сорванца, что я понял: ему нужно произносить их вслух и часто.

— Ты ей тоже нравишься. Она мне сказала.

Его глаза обшаривали глинистую тропу, по которой мы сюда прибежали.

— В этом-то и беда.

— В чем?

— Я люблю ее, но ей только нравлюсь.

Тут я поступил так, как обычно поступают взрослые, когда говорят с ребятишками о романтической любви.

— А ты не думаешь, что она малость старовата для тебя?

— Она может быть старовата для меня, но она слишком молода для этого По.

— Полагаю, здесь ты попал в точку.

Его лицо стало печальным, и я пожалел, что

так повел разговор и не подумал, как следует, что же ему сказать.

— Тебе нравится жить в Мире Реки?

Он передернул плечами.

— Здесь ничуть не хуже, чем в Балтиморе, где я жил. Хотя бы крыс нету. — Он поднял газа и заговорил голосом, слишком усталым для его юных лет. — Я никогда раньше никого не любил.

— Это может быть довольно болезненно.

— У меня в желудке тошнота, насколько это болезненно. Она не должна любить его. Она должна любить меня.

Я не без усилия напомнил себе, что ему всего десять лет. И спросил:

— Ты ее когда-нибудь ненавидел?

Это его озадачило.

— Ненавидел? Нет. Я же сказал: я ее люблю. И это правда.

— Ну, иногда, когда очень сильно кого-нибудь любишь, можно его при этом и здорово ненавидеть за то, что у него над тобой столько власти.

— В этом нет никакого смысла.

— Может, смысла и нет, но это правда.

Он улыбнулся.

— Когда я слышу что-то в этом роде, я думаю, а хочется ли мне вообще стать взрослым.

Я рассмеялся.

— Думаю, это миф.

— Что?

— Да будто вообще существуют какие-то взрослые. Мы просто ребятишки покрупнее. И всяко быть так называемым взрослым — это гадость. Действительно.

— Ты на самом деле думаешь, что кто-то хочет ее убить?

— Ну, если даже и нет, то он, несомненно, очень ловко притворяется, будто да.

— Я бы не стал выяснять, кто это. Я сам его убью, если узнаю. — Он коснулся своего жуткого ножа, облаченного в кожу. Я помедлил с минуту и попросил:

— Расскажи мне о бумажке, которую у тебя отнял О'Брайен.

— Это касается только меня и О'Брайена.

— А я подумал, что мы с тобой скоро станем друзьями.

— Это здесь совершенно ни при чем. Бумажка — это тайна. — Лицо его стало суровым, взгляд тоже. — Я заполучу ее назад так или иначе.

— Она может тебе повредить.

— Я его не боюсь.

— Ты не собираешься рассказать мне о бумаж-

ке?

— Не-а.

— И не хочешь, чтобы я тебе помог?

Он пожал плечами.

— О'Брайен боится тебя не больше, чем меня.

— Но все-таки мы вдвоем…

Он опять улыбнулся.

— Хотите верьте, хотите нет, мистер Хэммет, но тьма народу боялось меня там, в Балтиморе.

— Охотно верю.

— Может, я маленький и не шибко крутой, но я решительный, — он снова коснулся своего ножа. — И когда кто-нибудь меня обсирает… — Новое пожатие плеч. — Ну, я способен стать совершенно безжалостным.

— Держу пари, что это так, малыш. Держу пари.

И с этими словами я покинул его. Там, на тропе. Кивнул в знак прощания и потопал туда, откуда пришел. Он выждал минуту-другую, а затем двинулся следом за мной через подлесок. Я несколько раз пытался оторваться от него, пускаясь бегом. Он ударялся в панику и производил слишком много шума в зарослях. Не заметь я его прежде, наверняка обнаружил бы теперь. Но парню было всего десять, и для своего возраста он казался

истинным Кожаным Чулком. Когда мне было десять, я жил-поживал в славном уютном домике среднего класса и охотился на уточек с отцом в солоноватых болотах у Чесапикского Залива.

Мне не приходилось заботиться о себе и поддерживать себя настолько, насколько довелось бедняге Роберту.

7

Два часа я лежал у себя в хижине, слушая шум дождя. Он вызывал в памяти Сан-Франциско и то время, когда я еще жил с женой и дочерью, а она, совсем маленькая, вечно спрашивала: «Мокро, папочка? Мокро, да?» — чуть завидит переливающиеся, как хрусталь, бусинки на окнах нашей небольшой квартирки.

Я поспал, во всяком случае, часть времени, но то был тревожный сон несчастливца, и, когда я пробудился, я взвыл, ибо по моему колену ударил камешек — и тут же упал.

В липком мраке хижины я прыгнул вперед и схватил камешек. Кто-то обернул его запиской и для верности основательно обвил записку бечевой. Записка гласила:

«В сумерках на поляне у грейлстоуна.»

Эти указания вызывали одно осложнение: учитывая, что идет дождь и кругом мгла, как я смогу догадаться, что дело — к сумеркам?

Я прождал два часа на вершине густого дерева близ поляны. Мятный аромат листьев наполнял мне ноздри. Кора была скользкой, точно драконья спина.

Стало темно. Дождь не унимался. Существует меланхолия, которую может навеять на меня только холодный дождь, и нечто подобное я испытывал, сидя на ветке. Мне хотелось поговорить с женой и дочкой.

Она была в плаще и в капюшоне, и сперва я не признал ее, когда она бежала через поляну от одного края леса до другого.

И как только я осознал, что вижу Арду, что-то маленькое в тени выступило вперед, и с тетивы сорвалась стрела. Я услышал зловещее «вввивззж» наконечника, погружающегося в плоть. Затем женщина завопила, сдавленно, ибо звук приглушила мокрая земля, в которую жертва зарылась лицом. К этому моменту я уже знал и то, кто на нее покушался. Возникло побуждение пуститься вдогонку за Робертом и отлупить его, чтобы излить свой гнев, но я понимал, что первым делом следует подойти к Арде.

* * *

Она была совсем легкой, когда я нес ее вверх по склону к хижине, где жили они с По. По наверняка услышал мое приближение. Прежде чем я поравнялся с хижиной, он стоял в дверях. И вот, как всегда, театрально побежал мне навстречу, раскинув руки. И, пока я вносил ее в хижину, семенил сбоку. Он не предложил, чтобы я поделился с ним моей ношей, и не сделал ничего другого, разве что жалобно ворковал какую-то чушь, обращаясь к Арде. Мы усадили ее у стены поближе к огню.

— Ты можешь вытащить стрелу? — спросил По, с желтым в сиянии пламени лицом. Он был не в себе.

— Наверное, это стоило бы сделать тебе. Она — твоя подруга.

— Меня от этого… затошнило бы. Чувствовать, как эта дрянь выходит из ее тела… Нет, я для такого не гожусь. — Мольба равно был в его голосе и глазах. Я вздохнул. Мне тоже не доставляло никакого удовольствия вытаскивание стрел.

Я приблизился к Арде и опустился на колени. Она была без сознания. Я пощупал ее лоб. Ее уже лихорадило от яда. Пульс был слабый. Я действо-

вал со всей возможной быстротой. Когда стрела была уже на полпути, я услыхал шум в дверях и взглянул туда.

Роберт без лука стоял там и глядел на меня.

— Как она, мистер Хэммет? — Он был весь в слезах и дрожал.

— Какого дьявола ты еще спрашиваешь, малыш? После того, что натворил?

Он порывался было еще что-то сказать, но я его оборвал:

— Заткнись ко всем чертям. Я пытаюсь сосредоточиться.

В свете огня засверкали слезы в его глазах. Затем дверной проем опустел. Роберт исчез.

Я извлек стрелу минут за двадцать, и прошло вдвое больше, пока Арда не очнулась и не принялась горестно рыдать, глядя на По с любовью, столь очевидной, что меня одолело смущение. Ну какого черта ей приглянулось такое ничтожество?

Он находился в дальнем от нас конце хижины. Нет, он не придуривался тогда, отказываясь мне помочь. Он и сейчас старался не взглянуть мимоходом на рану.

Я убрал стрелу, очистил рану и перевязал плечо. И как раз собирался встать, когда увидел, что

ее веки затрепетали и поднялись. Она легонько притянула меня к себе и приложила свои мягкие теплые губы к моему уху. И поведала мне наконец обо всем.

* * *

Капли дождя били по воде, точно пули. Луны не было. Я нашел его на самом берегу. Он сидел себе, не чувствуя ни сырости, ни холода, и не тяготясь одиночеством. Я сел рядом с ним в темноте.

Дождь был холодный и непрерывный. Я сказал:

— Она рассказала мне.

— Так я и думал.

— Она могла умереть.

— Знаю, — он вздохнул. — Раньше всякий раз бывало легче. Нам ничего не требовалось делать. Просто она говорила ему, что кто-то пытался утопить ее, столкнуть ее со скалы, пустил в нее стрелу. И ей не приходилось ничему такому неприятному подвергаться.

— Но на этот раз она попросила тебя по-настоящему ее ранить.

— Правда, — сказал он.

Она все объяснила мне там, в хижине, которую делила с По. Она знала, что он ей постоянно изме-

няет. И перепробовала все, чтобы остановить его. Ничто не действовало.

Вместе со своим другом Робертом она стряпала байки о том, как кто-то пытается ее убить. Она думала, что уж это-то должно подействовать. Эдгар начнет настолько беспокоиться за нее, что прекратит бегать по бабам. Несколько недель По был верен ей, но затем принялся за старое: выскальзывал наружу по ночам и спешил в лес на очередное свидание.

Именно тогда Арде пришла мысль, что ее должны ранить. Пусть Роберт стащит лук О'Брайена и стрелу — точно так же, как стащил одну стрелу раньше, чтобы показать Эдгару. Но на этот раз пусть ранит ее на самом деле. После такого события, разумеется, даже По не сможет больше изменять.

Но Роберт разозлился на нее однажды ночью, потому что понял, что она любит его не так, как своего По. Он написал Эдгару письмо, где сообщил о плане, который придумали они с Ардой. О'Брайен подсмотрел, как он пишет, и отнял у него письмо. Он замыслил шантажировать Арду. Либо она станет с ним спать, либо он передаст По письмо Роберта. Роберт был в ужасе. Он понимал, что ему не следовало писать такое письмо,

понимал, что никогда по-настоящему не вручил бы его адресату.

Но теперь то, что письмо у О'Брайена, ничего не значило. Там, в хижине, Арда уже рассказала По обо всем.

— И он опять удерет от нее к кому-нибудь, да, мистер Хэммет?

— Ты имеешь в виду По?

— Угу.

— Боюсь, что да, Роберт.

— Не больно-то он мне нравится.

— Мне тоже.

— Вот только хотел бы я не так сильно ее любить.

— Когда-нибудь ты ее совсем разлюбишь.

— Вы имеете в виду, я смогу смотреть на нее так, чтобы у меня желудок не стягивался в узел?

— Ты сможешь смотреть на нее и поражаться, какого черта ты потратил столько времени на любовь к ней.

— А с вами такое когда-нибудь случалось?

— Много раз.

— Она жутко красивая.

— Жутко красивая, — согласился я.

— И ее стоит любить, потому что она не беспокоится, где тебя носит все время.

— Ну, полагаю, в пользу этого есть некоторые обстоятельства.

Он вздохнул.

— Может быть, я пока не готов перестать любить ее, мистер Хэммет.

— Странно от тебя такое слышать, Роберт.

— Может быть, однажды она еще увидит, каков По на самом деле.

— Вполне возможно, Роберт.

— И тогда, может быть, захочет пойти за меня замуж.

— Такая вероятность всегда сохраняется, Роберт.

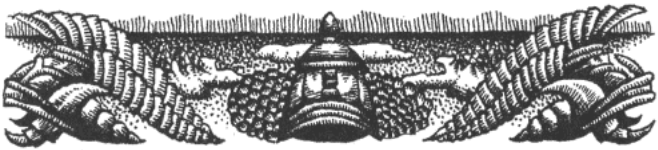
Он долгое время хранил молчание, затем поглядел на меня и сказал:

— Вы разбираетесь в этом не лучше, чем я, а, мистер Хэммет?

Ну, уж здесь-то мне точно следовало расхохотаться. Я взъерошил ему волосы и произнес:

— Нет, черт меня возьми, Роберт, нет, черт возьми.

Джон Грегори Бетанкур
Веселые молодцы Мира Реки [21]



Мужчина во всем зеленом, как на театральной сцене, остановился у вершины каменистого утеса, одна рука его затеняла глаза от солнца.

Его длинные, до плеч, волосы цвета пшеницы слегка шевелились от бриза. Он держал тисовый лук, а колчан бамбуковых стрел висел через плечо. Солнце освещало его лицо, а за спиной темнел густой лес, и он выделялся на фоне деревьев, являя собой примечательную фигуру.

Внизу Река делала поворот, она казалась бесконечной серебристой лентой, насколько мог видеть глаз. На дальнем берегу, на расстоянии с полмили вверх по Реке, стоял город — скопле-

---

[21] Примечания: 21

THE MERRY MEN OF RIVERWORLD by John Gregory Betancourt Copyright© 1992 by John Gregory Betancourt.

ние ветхих сорока или пятидесяти бревенчатых домов. От кирпичных труб поднимался дым, а мужчины и женщины, одетые в яркие наряды разных расцветок, передвигались между домами.

Он слышал, как низкий женский голос напевает мелодию, которую он не помнил, на языке, которого он не знал. Его молодцы должны были его предупредить, если бы там была какая-то опасность, но он все-таки не любил сюрпризов. Позже он поговорит об этом с Биллом или Туком.

Не спеша, он отнял правую руку от глаз. Единым движением резко повернулся, выхватил лук и поставил стрелу.

Это была полуобнаженная женщина с кожей цвета шоколада, и она несла связку бамбука. Она уронила бамбук в беспорядочную кучу, рот ее раскрылся от удивления и страха. Робин видел, что волосы у нее длинные и черные, а юбка сплетена из травы. Ее обнаженные груди были маленькие и загорелые.

— Ya linya! — выдохнула она. — Me ton fevin!

Опустив лук, Робин вскочил на низкий камень и осмотрел ее сверху донизу. Голос его прозвучал низко и мощно, когда он спросил:

— Говоришь ли ты на языке нашего короля, на

английском?

Женщина начала пятиться.

Робин свистнул. Леса вокруг внезапно наполнились движением — две дюжины людей соскочили с деревьев, с кустов, казалось, даже с самого воздуха. Все были одеты в зеленое, у каждого был лук.

— Я Робин Гуд, — сказал он. — Добро пожаловать в Шервуд, миледи!

Завизжав от ужаса, женщина повернулась и побежала в гущу деревьев. Робин откинул голову назад и расхохотался.

— Сэр Робин, — напомнил высокий мужчина, которого он называл Маленьким Джоном, — на Реке…

Робин повернулся, чтобы проследить за взглядом своего друга.

По изгибу реки приближался один из самых странных речных кораблей, какие ему приходилось видеть. Они уже встречали на Реке три других, но этот…

Он был громадным, добрые две сотни футов от заостренного носа до плоской широкой кормы, с каждой стороны имелось по два колеса, а третье колесо взбаламучивало воду позади. Три высокие палубы были замысловато сработаны из дерева,

а с расположенной в центре рубки поднимались две трубы. Солнечный свет отражался от застекленных окон и от того, что выглядело как медные поручни. Несколько десятков людей двигалось на двух верхних палубах, выполняя разную работу, а на нижней вооруженные мечами стражники несли бдительную вахту.

— Невероятно! — воскликнул Робин. Он так и уставился на это зрелище, на лице у него появилось задумчивое выражение.

— Что ты думаешь? — спросил у него дородный брат Тук.

— Никогда я не видывал ничего подобного, — вздохнул Вилл Скарлет.

— Кто мог его построить? — спросил Маленький Джон.

— Ты лучше спроси — где они достали металл, — сказал Мач.

В прошлой жизни он был гражданским инженером и склонялся к практическим вопросам.

— Ты видишь эти окна? Это же стекло! Настоящее стекло!

— Я думаю, — объявил Робин, садясь, — мы подождем, когда этот речной корабль пойдет обратно. Вилл, Бен, обследуйте-ка холм. На другой стороне должен быть грейлстоун. Если туземцы

мирные, мы здесь переночуем.

— Да, Робин, — сказал Вилл Скарлет. И они с Беном Тейлором проскользнули в лес, точно тени.

Пока Робин внимательно вглядывался в тот берег, глубоко погрузившись в свои мысли, остальные его люди начали устраивать лагерь, расчищая территорию, собирая дрова, укладывая круг камней, чтобы разжечь костер. Через минуту Родин открыл свой дорожный пакет, вытащил небольшой квадратик сигаретной бумаги, крошечный глиняный кувшинчик с затычкой и резное перо из рыбьей кости. Он открыл кувшин, окунул перо в жидкие сероватые чернила и начал писать. Почерк у него был мелкий и педантичный.

Когда Робин закончил, он обернул бумагу вокруг рукоятки стрелы, привязал ее туда веревкой из человеческих волос и вернул стрелу в колчан. Теперь это был вопрос времени.

* * *

Туземцы оказались на удивление мирными, если учесть языковой барьер. Они были застенчивыми, спокойными и по-своему простыми, все жили в травяных хижинах вокруг грейлстоуна. Они позволили Робину и его людям поместить

их граальчики в неиспользованные прорези грейлстоуна, а потом собрались в дальнем конце деревни, чтобы соблюдать осторожность.

Робин насчитал двадцать пять мужчин и тридцать женщин. Он заметил, что каждый из мужчин держит наготове длинное копье с наконечником из рыбьей кости, хотя ни один не делал враждебных движений.

— Полинезийцы, — предположил брат Тук, — или с каких-нибудь других тихоокеанских островов. — Он побывал социологом прежде, чем его завербовали в шайку веселых молодцев; одна из причин, по которым он к ним присоединился, была — повидать побольше народу, воскрешенных на берегах Реки. — Возможно, они никогда не видели белого человека в своей естественной жизни.

Кивнув, Робин забрал свой граальчик из грейлстоуна после того, как прогремел разряд.

— И какова, ты считаешь, возможность, что они нападут?

Тук поколебался:

— Они были дружественным народом. Но я бы не хотел испытывать нашу удачу.

— Тогда пошли, — скомандовал Робин остальным своим людям. Назад, к Реке. Не будем

рисковать гостеприимством тем, что станем есть у них на виду.

Он повел их назад к скале. Вилл Скарлет стоял на страже, внимательно глядя, не проплывет ли речное судно.

— Никаких его признаков, — доложил он. Робин медленно кивнул:

— Уверен, что на этот раз у них задача разведать что-то, — сказал он. — Они вернутся.

— Это на таком-то судне? — выразил сомнение Маленький Джон, и его кустистые брови сошлись на переносице. — Им бы дойти до конца Реки. Для чего бы им возвращаться сюда?

— Да по любой из десяти причин.

Робин присел на корточки и открыл свой граль. Там он нашел хрустящие вафли, маленький пакетик того, что выглядело вроде орехового масла, ломтики сушеного мяса и бутылочка бренди… так же, как обычные табак, марихуана и жвачка грез.

Робин откусил кусочек мяса и продолжал:

— Во-первых, пароход — один из самых ценных на Реке, прекрасно оборудованный, — но он сжигает дерево. Они должны будут приставать к берегу всякий раз, когда оно кончается. Уверен, что они останавливаются только на безопасных

заранее предусмотренных базах, а если они хотят разведать новую территорию, они вообще не станут останавливаться. Когда у них останется мало горючего, они помчатся домой. Может, через два дня, может, через три. Во-вторых, у них на борту недостаточно народу для продолжительного путешествия. Был бы это мой кораблик и собирался бы я уехать далеко, я бы доверху набил его вооруженными людьми. Каждый тиран на Реке попытается его украсть, если у них будет хотя бы полшанса.

— Тень Роберта Фултона, — пробормотал почти про себя Маленький Джон.

— Но если ты неправ, — сказал Вилл Скарлет Робину.

Робин сверкнул ослепительной улыбкой:

— Если он не вернется через неделю, мы отправимся дальше.

* * *

В прежние деньки, до Воскрешения, Робин был хорошо обученным классическим актером по имени Эдмонд Хоуп Брайор. Начиная с шестилетнего возраста, он двадцать два года играл на сцене маленькие роли, до своего перехода в Голливуд и к голубому экрану. После трех траги-

ческих любовных историй, восьми легко забытых вестернов (критика отмечала больше лошадей, чем его актерский талант), и одного гангстерского фильма, в котором в самом конце его убивает юный Спенсер Трейси, он совершил большой прыжок к игре на телевидении, прослыв enfant terrible[22].

Роль Робина Гуда в показываемом дважды в неделю сериале «Робин Гуд и его веселые молодцы» начинающего драматурга Дюнона Петворка должна была сделать его героем десятка тысяч детей. Он точно это знал, когда подписывал контракт. Он знал также, что никогда не достигнет быстрого успеха в кино, так же как не достиг его на сцене.

Но только Диаболо, белый жеребец с дурным характером, когда продюсер настоял на том, чтобы он поехал на нем верхом, сбросил его на первой же съемке «Робина Гуда и его веселых молодцев». Настоящих воспоминаний после этого у Эдмонда уже не было, он только запомнил, что видел, как пол киносъемочного павильона помчался навстречу ему.

Сломанная шея, как он понял, немедленная

---

[22] Примечания: 22
Ужасный ребенок *(франц.)*.

смерть — или около того.

За три года странствий по берегам Реки он ни разу не встретил никого, кто бы подтвердил его подозрения. Он часто думал, что это и неважно: он все равно оставил свою прежнюю жизнь и принял другую: жизнь Робина Гуда. Это была роль, играть которую он родился, мечта с самого детства, из которой он никогда так и не вырос.

Он формировался как единственный сын двух трагических актеров, по их образцу, ему преподавали красноречие, танцы и музыку вместо игр и отдыха. Он понимал, что его таким образом испортили и изнежили. Проснувшись на Реке, он решил начать все с начала, жить той жизнью, которую всегда хотел для себя, полной приключений и романтики. Так начались его скитания.

Он принял имя Робин Гуд и начал путешествовать по Реке, борясь с любой несправедливостью, которую обнаруживал, прикидываясь, будто он ищет короля Ричарда Львиное Сердце. Актерская игра, да, но она его странным образом удовлетворяла. По пути он повстречал остальных, имевших желание разделить с ним его задачу, и из их числа он составил свою шайку веселых молодцев. Казалось, что его сон обратился в явь. Он даже уговорил уставшего от политики Авраама

Линкольна взять на себя новую политическую карьеру и принять роль Маленького Джона. С тех пор они стали близкими друзьями.

* * *

Две ночи спустя чья-то легкая рука тронула Робина за плечо. Он проснулся мгновенно — и увидел над собой таинственную физиономию Мача.

— Ты был прав, — сказал Мач. — Он вернулся.

Робин вскочил и помчался к скале, забравшись настолько близко к краю, насколько ему хватило смелости. Пароход готов был причалить; окна сияли ясным желтым светом, точно маяки в темноте. И что за фонари такие у них на борту, подумал он. Что за люди смогли так быстро цивилизовать этот мир?

— Зажигайте костер, — скомандовал Робин.

Остальные послушались, бросая дрова сверх на угли и раздувая их, пока не получился хороший костер.

К тому времени, как пароход поравнялся со скалами, Робин приготовил лук и свои особые стрелы. Он две недели когда-то тренировался в стрельбе из лука для телевизионного шоу; продюсеры собирались рекламировать его как лучшего

лучника двадцатого века. К собственному удивлению, он обнаружил, что у него к этому есть талант, и за три года практики на Реке он довел этот талант до совершенства.

Робин прицелился, потом выпустил стрелу. Уже через миг его взгляд не мог разглядеть ее в темноте, потом она ударила в дверь лоцманской рубки, и над водой послышалось громкое «трынк».

Дверь открылась. На секунду высветился силуэт приземистого широкоплечего мужчины. Он увидел стрелу и записку на ней, схватил их и захлопнул дверь. Колеса парохода продолжали стучать.

— Они не остановились, — сказал Тук.

— Остановятся.

— А что, если они не понимают по-английски? — настаивал тот.

Мач вспомнил:

— Пароход — американское изобретение. Они будут говорить по-английски.

— А что ты им сказал, Робин? — спросил Маленький Джон.

— Уверен, что ты одобришь — правду.

Джон наклонил свою большую голову:

— Да, но которую из них?

— Свою, — улыбнулся Робин.

* * *

Судно замедлило ход, но не остановилось. Почти что казалось, как будто внутри происходили какие-то бурные споры. Наконец, оно начало разворачиваться, громадное заднее колесо остановилось. Пароход медленно плыл вниз по Реке по течению, прочь от них.

— А это еще что значит? — спросил братец Тук.

— Это значит, что они не хотят знакомиться с нами в темноте, — разъяснил Маленький Джон. — Они поплывут по течению, а потом пустят в ход колеса и вернутся к нам.

— В точности мои соображения, — одобрил Робин. Он уселся, скрестив ноги: — Будем ждать.

* * *

Пароход появился через час после рассвета, слабо попыхивая, дым из трубы оставлял двойную серую полосу в воздухе. Робин сел и начал махать своим луком. То же стали делать и его молодцы.

Судно замедлило ход; его колеса поворачивались с достаточной скоростью для того, чтобы держаться чуть впереди Робина и его людей. Матросы, одетые в черное с белым, засуетились

на палубе. Они сняли маленькую шлюпку, погрузили ее в воду, два человека начали быстро грести к скалам. На борту еще два человека, вооруженные короткими кривыми саблями, не спускали бдительного взгляда с Робина и его людей.

Робин начал спускаться к скалистому берегу. Остальные последовали за ним. Он добрался до места как раз к тому времени, когда шлюпка достигла мелей, и вышел по воде вперед, чтобы помочь им выбраться на берег.

— Bonjour, — поздоровался один из вооруженных саблями людей. — Je m'appelle Claude de Ves. Je suis..[23]

Робин перебил, качая головой:

— Я по-французски не говорю. Вы говорите по-английски?

— Немного, — ответил тот с сильным акцентом. — Я Клод де Вэ с... ну, с парохода «Belle Dame»[24].

— Кто ваш капитан? — поинтересовался Робин.

— Мосье Жюль Верн.

— Писатель?

---

[23] Примечания: 23
Добрый день. Меня зовут Клод де Вэ. *Я... (франц.)*

[24] Примечания: 24
«Прекрасная дама» *(франц.)*.

— Оиі.[25]

Для Маленького Джона и для большинства остальных это имя ничего не значило, как понял Робин. Он наскоро сделал объяснения относительно знаменитого французского знатока техники и писателя, который предвидел изобретения всего, начиная от подводной лодки и кончая атомной энергией.

— Вот это человек, — восхитился Маленький Джон, — и я бы очень хотел с ним познакомиться.

— Да, он великий человек, — подтвердил Клод. — Ваше письмо… alors, не знаю этого слова по-английски — но капитан хочет встретиться с вами.

— Прекрасно! — воскликнул Робин. — Потребуется всего четыре или пять рейсов, не более, чтобы перевезти нас всех.

— А вы главный? — спросил Клод.

— Да.

— Мосье Верн желает, чтобы только вы посетили его.

Робин взглянул на Маленького Джона:

— Как ты думаешь?

---

[25] Примечания: 25
Да *(франц.)*.

— Если этот Верн такой великий человек, как вы говорите, вам нечего опасаться.

— В точности мои мысли, — Робин посмотрел на Клода де Вэ. — Очень хорошо, ваше условие принято.

Он пробрался по воде в лодку и сел. Его молодцы столкнули их в более глубокую воду, и люди Верна развернулись и начали грести к пароходу усиленными гребками.

Один раз Робин обернулся и увидел, что Маленький Джон стоит на берегу, глядя на него с непроницаемым лицом. Робин помахал ему и крикнул:

— Я скоро вернусь!

* * *

Сам пароход был техническим чудом, но, присмотревшись с близкого расстояния, Робин начал замечать мелкие детали, которые говорили о том, что судно — результат более примитивной техники, чем он заподозрил сначала. Стекла в окнах были затуманены и вздувались пузырями, которых было немало. По меди сильно стучали, чтобы придать ей форму поручней, следы молота были ясно видны. Когда Робин спустился на нижнюю палубу, он заметил в лесенке гвозди с

квадратными шляпками. Пароход строился вручную, он уверился в этом, и представлял собой результат фантастического приложения чисто физического труда.

— Мосье Верн в своей каюте, — объявил Клод.

Он подвел Робина к люку, затем громко постучал.

Ответил слабый голос.

Клод открыл люк и отступил, чтобы Робин мог войти первым. Робин неуклюже вошел.

Его глазам понадобился всего миг, чтобы приспособиться к полумраку внутри. Когда он смог видеть, он разглядел бледного человека с короткими и тонкими черными волосами, лежащего в постели. В воздухе стоял сладкий запах, напоминающий тот, какой бывает у мяса, слишком долго пролежавшего на солнце. Инфекция, — подумал Робин.

— Мосье Верн?

Жюль Верн кивнул. Несмотря на его болезнь, в его взгляде горел огонек, которого Робин не мог отрицать. Верн держал ту записку, которую Робин привязал к стреле.

— Так вы претендуете на то, что вы сэр Робин Локсли? — спросил он на английском, почти лишенном акцента.

— А я и есть он, — ответил Робин. — Я в восторге от знакомства с вами, сэр.

— Возьмите тот стул, и мы побеседуем, — предложил Верн.

Робин так и сделал.

— У вас британское произношение девятнадцатого века, я бы сказал, — продолжал Верн. — Как вы это объясните?

Робин передернул плечами:

— А вы был поняли саксонский?

— Touche [26].

— И кстати, это произношение двадцатого века.

И прежде, чем он успел это осознать, Робин обнаружил, что он рассказывает о том, как он взялся за роль Робина Гуда, о своих приключениях и злоключениях на Реке, о том, как он и его молодцы стараются искоренять несправедливости в этом новом мире.

Верн то и дело кивал, жадно слушая.

— Поистине, жизнь — это ряд любопытнейших событий, — сказал он. — Неделю назад мне был нужен кто-то вроде вас. На самом деле, я чуть не умер из-за этого.

---

[26] Примечания: 26
Здесь: сдаюсь *(франц.)*

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Робин.

Верн вздохнул и откинулся на своей постели, закрыв глаза. Он вдруг стал выглядеть усталым и хрупким. Когда он снова заговорил, это был голос старика:

— Когда я проснулся на Реке и обнаружил, что я молод, мне казалось, будто Бог создал этот мир для меня одного…

* * *

Теперь (как говорил Верн) я мог выполнять такие вещи, о которых в течение моей жизни я только мечтал. Все мои изыскания, все мои книги и писания, они неумолимо привели меня к этому моменту.

Я поклялся создать совершенное общество. Эта новая цивилизация будет смоделирована по примеру старого человечества, но все отклонения и ошибки должны быть устранены. Человечеству здесь дается второй шанс, почувствовал я, и нам следует как следует воспользоваться им.

Я был достаточно счастлив тем, что воскрешен посреди группы состоящей главным образом из французов конца девятнадцатого столетия. Среди нас оказались и русские — из нашего будущего,

жившие на двадцать или тридцать лет позже нас, китайцы из другого века (я не мог определить их место в истории; в моих знаниях по части Востока кое-чего не хватает), и еще несколько других людей из разных периодов нашей мировой истории.

Китайцы немедленно сплотились все вместе и ушли в поисках того китайского, что в состоянии были найти; к моему сожалению, мы так и не преодолели языковой барьер. С другой стороны, русские остались с нами. Был среди них один пламенный юноша с непроизносимым именем, который просил нас называть его Лениным, начал проповедовать массам социализм, но его голоса никто не хотел слушать. Большинство людей было довольно жить естественной жизнью, поедая пищу из металлических рогов изобилия; они загорали на речных берегах, жевали наркотические палочки и с гедонистической страстностью вступали во внебрачные связи.

Ленина убили на вторую неделю его пребывания здесь. Но то, что он говорил, заинтересовало меня. Идея о том, что все люди равны, разумеется, является странной, но организационная система, которую он обрисовал, казалась стоящей, даже практичной в наших текущих обстоятельствах.

Я соединил его идеи с моими. Когда я поговорил со своими приятелями, я нашел среди них многих инженеров, которые сочувствовали моим новым идеям. Имена их вам ни о чем не скажут, потому что они никоим образом не были знаменитостями, но они были упорными людьми, хорошо знающими в пределах своего поля деятельности, и не боялись тяжелой работы.

Сначала мы отдалились от остального населения, найдя отдельный Рог изобилия в холмах. Здесь мы начали систематическое изучение почвы и возможного сырья. Там были месторождения железа, олова и меди, и добывать их было легко. Деревья могли снабжать нас дровами для костров и инструментами. И должен признаться, мы использовали все, что могли, в человеческих трупах, попадающихся нам — кости были нашими первыми инструментами.

В течение нескольких месяцев мы создали коммуну, основанную на научном планировании. Когда мы обсуждали свои дела, мы пришли к согласию во мнениях, что наше воскрешение было некоторым испытанием и что для того, чтобы доказать достоинства нашего вида, мы должны бороться за создание более совершенного общества при помощи доступных материалов.

Нет нужды говорить, как это было трудно. Но по мере того, как к нам присоединилось больше людей, мы находили силу в нашем количестве. Возводились дома, строился частокол, чтобы защитить нас от наших соседей и каких-нибудь мародерствующих животных, каких мог бы приютить этот мир.

Скоро мы выплавляли бронзу, потом — железо. Песок, после некоторой обработки, оказался подходящим для изготовления грубого стекла, который вы видите на окнах «Belle Dame». За три месяца мы построили процветающий город, где каждый мужчина и каждая женщина трудились, десять часов в день для общего блага. Моя мечта осуществлялась, приобретая определенную форму прямо у меня на глазах.

Разумеется, наше общество было технократическим. Управлял им наш Технократический Совет Инженеров со мной во главе. Когда нам пришло в голову, что мы должны попытаться собрать лучшие элементы этого нового мира в одном месте, мы отправили эмиссаров. Наши посланники-ученые отправились за тысячи миль вверх и вниз по Реке, убеждая всех инженеров и ученых, каких они встречали, присоединяться к нашему делу.

И опять замысел осуществился. Люди из всех эпох собирались вокруг нашего новорожденного общества. Какие лаборатории мы устроили — там было на что посмотреть! У нас были заводы, водопровод и даже часы — уже через год. Каждый успех воодушевлял нас на дальнейшее продвижение вперед. Строились железные дороги, соединяющие Рога изобилия. Шары, наполненные горячим газом, поднимались в воздух. Картографы начали составлять карты нашего нового мира. И наконец, мы начали строить этот пароход.

Нет, не перебивайте — дайте мне закончить рассказ. Я уже близок к концу.

Возможно, у нас закружилась голова от успехов. Мы разрешали каждому, кто хотел, присоединяться к нам — каждому. Это оказалось ошибкой. В одно прекрасное утро мы проснулись и обнаружили, что наше общество потонуло в неквалифицированном «пролетариате», если использовать ленинское слово.

Среди тех, кто к нам присоединился, был человек по имени Капоне. Он пришел к нам с группой своих последователей. Он был небольшого роста, быстрый, гладко говорил. Капоне предложил выделить чиновников, чтобы они имели дело с

нашим населением в целом. Мы, конечно, уже видели необходимость в администрации и полиции, но никто из Совета в действительности не хотел возглавлять столь приземленные дела. Мы все были учеными, мечтателями, мы смотрели в будущее. У каждого из нас были свои проекты, за которыми нужно было смотреть. Мы предоставили Капоне управляться с такими делами, это казалось идеальным решением, так как позволяло нам сосредоточиться на своей работе.

Капоне дал нам всем телохранителей. В то время это казалось хорошей мыслью, но теперь я понимаю его планы. Он хотел изолировать нас от населения, так чтобы ему нас контролировать и держать в руках. Я слыхал о многих изобретениях двадцатого века к тому времени — о том, что люди ходили по луне, о спутниках, компьютерах, телевидении, — и я хотел достижения всех этих технических чудес — и еще большего. Возможно, это и ослепило меня. Я хотел за месяцы перескочить через столетия, я жаждал прорваться к высшей точке человеческих технических достижений за промежуток в несколько лет.

Вероятно, это и в самом деле было наказанием за мою гордыню. Возможно, это была слепая глупость. Однажды я проснулся — и обнаружил,

что я пленник. Мои телохранители стали моими тюремщиками. Я — и другие технократы — не были больше во главе общества. В течение одной ночи наше правительство пало в бескровном бою. Аль Капоне взял вверх.

Он был умный человек, я это допускаю. Когда мы встретились с ним в палате Технократического Совета — мы на полу, он на низком троне — пояснил, кто обвиняется. Когда Леонардо да Винчи осмелился выступить против него с речью, Капоне забил его насмерть деревянной дубинкой. Кровь, кровь! Это было так ужасно… самый ужасный момент в моей жизни.

Я мечтал увидеть Капоне мертвым, но никто из нас ничего не мог сделать, оставалось только согласиться на все его требования. Вероятно, если бы попытались выступить против него, мы бы разделили судьбу Леонардо. Подчиниться — было единственно правильно. Даже при том, что я знал, что воскресну где-нибудь в другом месте на Реке, я не мог ему противостоять… Стыдно сказать, я боялся смерти и боли, которую он мне причинит перед кончиной.

После этого Капоне держал нас на коротком подводке. Мы никогда не появлялись перед народом в одиночку, никогда ни с кем не разгова-

ривали ни о чем, кроме наших технократических проектов, и то всегда при строгом наблюдении наших стражников. Капоне хотел, чтобы я как можно скорее осуществил самый любимый из моих проектов: речной пароход; догадываюсь, почему мне давали минимум свободы. Большинство других технократов были заперты в своих комнатах, принуждаемые работать над чертежами машин, которые полностью осуществят другие люди без их участия.

Как я выяснил позже, большая часть корпуса инженеров и работающих ученых привели к тому, что произошло. Капоне был жадной свиньей. Он переименовал наш небольшой город в Новое Чикаго и начал брать пошлину с каждого в виде табака, марихуаны и жвачки грез.

Те, кто не проявлял достаточной искусности и умения, оказались сосланы в рабочие команды в горах, добывать металлы или рубить деревья, чтобы обеспечивать технические нужды Нового Чикаго.

Следующий год стал поистине мрачным. Но строительство речного парохода было близко к завершению, и, хотя Капоне решил превратить его в плавучий бордель и казино, его наличие обещало надежду многим из наших ученых.

Ночью накануне испытательного путешествия «Belle Dame», они устроили восстание. При помощи луков, которые они изготовили в свободное время, они расстреляли стражу того здания, где жили я и другие технократы, и освободили нас.

За какие-то секунды они объяснили свои безумные планы. Мы захватим пароход и отправимся основывать новое технократическое государство. На этот раз мы не станем повторять ошибок, которые привели Капоне к власти. На этот раз мы действительно создадим совершенный мир.

Если говорить короче, Капоне каким-то образом узнал о попытке освободиться. Он отправил отряд своих людей остановить нас — а скорее, убить нас, поскольку пароход был готов. Если никому из ученых доверять нельзя, наша польза для него кончилась.

Дошло до борьбы в рукопашную. Я об этом когда-то писал, изучал кулачные бои, но сам оказался мало приспособлен к настоящей схватке насмерть. Один из лейтенантов Капоне вскрыл мен живот мечом. Я упал без сознания.

Проснулся я здесь, на борту «Belle Dame». Горсточка людей подобрала мое лежащее тело, с боями прорвалась на пароход и отчалила. Когда вы встретились нам, мы искали на реке другое ме-

сто для нашего технократического государства.

Когда Верн закончил свой рассказ, Робин сидел задумавшись. В каждом слове звучала правда, он не сомневался в истинности всей истории.

— Так вы ищете, — сказал, наконец, Робин, — место, похожее на прошлое ваше обиталище, с доступными месторождениями металлов и богатого лесов, с легким выходом на Реку и с Рогом изобилия — с тем, что мы называем грейлстоуном.

— Правильно, — Верн опять приподнялся с постели, немного морщась от боли. — Вы знаете такое место?

— Мы пропутешествовали тысячи миль вдоль Реки, всегда в сторону верхнего течения, — сообщил Робин. — Я следил, нет ли по пути металлов, и знаю такие места, где найдены свинец и медь. Но железная руда? Нет, ее нет.

Верн снова откинулся на подушки.

— Тогда, вероятно, мы пропали, — сказал он. — Провидение привело нас к тому месту, и мы в своей гордыне там не преуспели, не заметили опасностей, которые навлекли на себя.

— Провидение могло свести нас вместе по какой-то причине. Вы не удивляетесь совпадению всего этого?

— Вы это о чем?

Робин встал и начал шагать по каюте.

— Вас выставили из вашего города этот головорез и его люди. После этого, вы встречаете меня, человека с группой последователей, которые ищут, как бы им побороть несправедливости мира. Вы можете придумать более подходящее сотрудничество?

— А вы думаете о том же, что и я?

— Если вы считаете, что мы могли бы завоевать власть в Новом Чикаго и отнять ее у Капоне, — тогда да.

— Я должен это обдумать, — заявил Верн. Насилие никогда не было ответом на мировые проблемы.

— Но иногда оно единственное решение, — отрезал Робин.

Верн закрыл глаза.

— Найдите Клода, — попросил он. — Пусть он приведет ваших людей на борт. Мы снова побеседуем позже.

В этот день Вилл Скарлет, который когда-то провел целый год, обучаясь на медика, пока не бросил эту специальность, пришел осмотреть Жюля Верна. Робин надеялся, что он сможет помочь технократу. Из всех, кто находился на борту,

Вилл был ближе всего к специальности врача.

Пока все ожидали прогнозов, Робин встретился с Маленьким Джоном в салоне, красиво украшенной комнате: на всех столах были выложены из костей гигантской рыбы, жившей на дне Реки, вполне сходившей за слоновую кость, мозаики, изображающие растения. Робин всего два раза видел таких рыб… один раз рыбий труп длиной в двадцать футов выкинуло на берег, другой раз — такую рыбу ел рыбак, когда Робин со своими людьми проходили через его город. Интересно, подумал Робин, откуда Верн достал столько этих костей, что смог расщедриться и пустить их на украшения. Может быть, речных рыб водилось больше в окрестностях Нового Чикаго.

Робин с Маленьким Джоном придвинули стулья и уселись друг к другу лицом. Эти двое всегда принимали главные решения; бывший президент был мудрым человеком, блестящим во многих отношениях, и его советы много значили для Робина.

— Не уверен, что мне нравится дело с этим типом Капоне, — начал Маленький Джон.

— Мы с ним справимся достаточно легко.

— Эдмунд — да ты послушай сам, что говоришь!

— Я себя слышал.

— Ты актер, а не герой. Допускаю, было забавно играть эту игру с тобой, бродить по холмам, как это делали бы Робин Гуд и его молодцы. Это было роскошно, возможность осуществить мои мальчишеские мечты. Но, вероятно, настало время заканчивать этот маскарад. Мы вовсе не разбойники из зеленого леса, мы же цивилизованные люди. И напугать Капоне будет не так-то легко.

— А я и не хочу пугать его. Я хочу заставить его прекратить — или, если это будет невозможно, убить — и пусть воскреснет за миллион миль оттуда.

— Сомневаюсь, что мы сможем это сделать.

— Ты что, забыл все, что мы совершили?

Кустистые брови Линкольна сошлись на переносице.

— Мы напугали нескольких крестьян так, что они перестали быть рабами грейлстоуна. Мы прекратили несколько пьяных потасовок. Исследовали тысячи миль этой проклятой Реки. Вот и все. Мы вовсе не Армия мщения, и мы не кулак Бога. Этот Капоне — опасный преступник. Он окружил себя своей личной армией, если правда то, что поведал тебе Верн. Двадцать бойцов против двух сотен — это же самоубийство.

— То есть ты хочешь сказать, что мы должны оставить его там строить величайшую криминальную империю в истории человечества?

— Я вовсе не говорю. Я говорю, что мы не можем захватить город, действуя как разбойники. Тут нужен план, стратегия и масса терпения.

— А как насчет удачи?

— Ты невозможен!

— Маленький Джон…

— Называй меня Авраамом!

— Ладно, Маленький Авраам. Я всегда чувствовал, что должен осуществлять свое призвание. Жизнь всегда на меня наседала: сначала это были мои родители, потом — труппа, а потом — куча агентов. Я всегда знал, что предназначен для чего-то великого. А после нашего воскрешения это ощущение стало во мне еще сильней, чем всегда. То, что я взял на себя роль Робина Гуда, наша встреча с Верном и этот пароход, все это вместе, — привело к настоящему моменту. Это судьба. Жребий брошен, я слышу зов судьбы.

Линкольн встал:

— Пора покончить с твоими детскими мечтаниями, — сказал он. — Если мы собираемся захватить с Капоне Новый Чикаго, нам нужен человек, способный вести нас, а не персонаж из

книжки.

— Ты уверен?

— Вполне.

Авраам Линкольн повернулся и вышел из комнаты.

Робин Гуд, урожденный Эдмонд Брайар, долго сидел в одиночестве, погруженный в задумчивость.

Прогнозы Вилла Скарлета были многообещающими: он промыл и перевязал рану Жюля Верна, затем аккуратно зашил ее — и теперь чувствовал уверенность, что его пациент со временем совершенно выздоровеет.

— Сложность в том, что он потерял много крови и получил скверную инфекцию, — доложил он. — К счастью, никакие жизненно важные органы не повреждены.

Для Робина это была замечательная новость.

— Можешь ли ты еще что-нибудь сделать для него? — спросил он.

— Пусть спит. Это для него сейчас лучшее лекарство.

— Хорошо, — обрадовался Робин, кивая. — Побудь с ним. Дай мне знать, если что-то понадобится.

Через два дня Жюль Верн послал весточку, что

он снова хочет видеть Робина. Верн выглядел значительно лучше, подумал Робин сразу, как только вошел в каюту. Цвет лица вернулся к нему, а голос стал сильнее в более властным.

— Я решил одобрить ваш план, — сообщил он без всякой преамбулы. — Мы вернемся и попробуем отвоевать Новый Чикаго. Подробности я оставляю на ваше усмотрение — я человек науки, не насилия, как показали недавние события. Все, что вам понадобится, я устрою. Итак, каковы ваши планы?

— Пока у меня их еще нет, — сказал Робин. — Мы с Маленьким Джоном должны изучить город, подсчитать наши ресурсы и оценить силы врага, прежде чем начнем что-нибудь.

— Весьма мудро, — медленно кивнул Верн. — Я проинструктировал Клода де Вэ, чтобы он оказал вам любую помощь, в которой вы будете нуждаться. Все наши разнообразные таланты в вашем распоряжении, сэр.

— Спасибо, — поблагодарил Робин. — Выше доверие ко мне не напрасно. Вы не будете разочарованы.

Робин не придерживался никаких ложных иллюзий относительно себя самого или предстоящей задачи: он знал, что она будет трудной, что

борьба будет кровавой и сильной, что в результате некоторые из его людей, — а быть может и он сам, — погибнут. Но он также знал, что у Капоне необходимо отобрать власть и что он единственный человек, способный выполнить это успешно.

На следующий день Клод де Вэ устроили для Робина и его людей экскурсию по пароходу. Они увидели паровые машины, приводившие в движение пароходные колеса, и громадные бункеры, где хранились дрова для топок; осмотрели лоцманскую рубку и роскошные салон; каюты и трюмы.

Робин решил, что пароход имеет невероятно громадные возможности, но они не смогут его использовать для нападения. Он был слишком большой и заметней — если Капоне увидит, как он приближается, у него будет масса времени подготовиться, чтобы встреть его. Кроме того, превосходящие силы Капоне легко одержат верх над Верном и его людьми. Нет, решил Робин, прикинув неравенство между ними, им придется полагаться на собственные мозги, чтобы одержать верх.

Пароход стучал лопастями, плывя вверх по Реке, три недели, одолев сотни миль, пройдя мимо

тысяч разных цивилизаций. Ацтеки, минойцы, современные японцы, индийцы семнадцатого столетия… тут было все разнообразие народов.

В течение всего этого времени Робин беспощадно тренировал своих молодцев и людей Верна в искусстве стрельбы из лука. Они изготавливали соломенные мишени в форме людей и стреляли в них снова и снова позади рубки лоцмана. Задняя стенка рубки покрылась дырами и стружками от бесчисленных наконечников стрел.

Вечерами Робин и его молодцы изготавливали новые луки и стрелы, им помогала команда Верна. В результате через некоторое время у каждого мужчины и женщины на борту насчитывалось по два лука и по две дюжины стрел. Робин ощущал уверенность — и Маленький Джон склонялся к тому, чтобы с ним согласиться, — что для взятия Нового Чикаго им понадобится каждый человек, находящийся на борту.

Когда они оказались в неделе пешего пути до Нового Чикаго, «Belle Dame» замедлила ход и снова подошла к берегу. На этот раз с нее сошел только один Робин. Пароход должен был вернуться через три недели, чтобы подобрать его; тем временем, он подождет далеко отсюда вниз по Реке, где Маленький Джон, Вилл Скарлет и

остальные будут продолжать тренировать команду Верна в стрельбе из лука.

У Робина была простая миссия: он сделает разведку, осмотрит Новый Чикаго, оценит силы Капоне и вернется.

Путь до Нового Чикаго оказался абсолютно лишенным событий, а потому разочаровывал. Местное население вдоль Реки оказалось редким: большинство, как узнал Робин, мигрировало в Новый Чикаго еще в первое время его существования. С тех пор, как власть захватил Аль Капоне, оставшееся население мигрировало вниз по Реке… к этому привели слухи о лагерях для рабов… — все казалось одинаково безумным и одинаково невозможным.

Оставался один день пути до Чикаго — и тут он нарвался на патруль головорезов Капоне: шестеро мужчин, вооруженных мечами и щитами. Они тотчас окружили Робина, обнажили мечи.

— Бросай оружие, — приказал их начальник с жестокой усмешкой, — тогда мы, может быть, оставим тебе жизнь.

Робин стоял, опершись спиной о дерево, лук натянут, стрела на тетиве, полная готовность выстрелить.

— У тебя никаких шансов, — отрезал Робин. —

Еще шаг — и ты мертв. — Его стрела прицелилась начальнику в грудь. — Стрела пройдет сквозь этот щит, который ты держишь, как нож в масло.

Начальник с некоторым беспокойством отступил.

— А ну, — начал он, — ты же не можешь…

— Я слышал, там, впереди, есть город, где люди с искусными умениями могут найти для себя хорошую жизнь — продолжал Робин. — Так это правда — или нет?

— А что ты умеешь?

— Делаю оружие.

— Какое именно?

— Всякое — от луков до пушек.

— Говоришь — пушки?

— Так и есть.

Ухмыляясь, мужчина отступил и вложил меч в ножны.

— Что ж ты сразу не сказал, друг? У нас тут есть проблемы с туземцами, а потому никакая предосторожность не излишняя. Добро пожаловать в Новый Чикаго, все в порядке — у босса всегда найдется местечко еще для одного человека, владеющего полезным ремеслом.

Робин опустил лук:

— Я думаю, — сказал он.

Первым впечатлением Робина было то, что Новый Чикаго — жемчужина, спрятанная в навозной куче. Оригинальный город, окруженный частоколом, был в точности таким, как описывал его Верн.

Улицы были широкие, дома построены на обсаженных деревьями проспектах, отходивших радиусами от большой центральной площади. Громадное здание совета — теперь дворец Капоне — стоял в точности в центре города.

Но рядом с частоколом, однако, тянулись трущобы. Мужчины и женщины с голодными изможденными лицами смотрели, как Робин и люди Капоне шли мимо них. Между Новым Чикаго и Рекой понастроили тысячи сооружений из бревен, глины с Реки и бамбука, без всякого учета порядка или санитарных норм. Вонь человеческих отходов вызывала тошноту.

Робин прикрыл рот и нос куском тряпки. Есть ли такая степень деградации, до какой не может опуститься человек? — дивился он.

— Не беспокойся, — шепнул ему человек, шедший справа от него, как бы давая ответ на невысказанные мысли. — Как правило, вонь из Писстауна до самого города не доходит.

— Хорошо, — сказал Робин.

В воротах частокола стража отобрала у Робина его лук и колчан, Робин не протестовал: он знал, что это та маленькая цена, которую он платит за информацию, которую получит.

К его удивлению, его сейчас же повели в маленький беленый дом, стоящий перед центральной площадью. Два стражника сопровождали его в помещение. На двери висела медная табличка с выгравированным именем: «А. Эйхман».

— Заходите, — пригласил молодой человек с песочного цвета волосами, он говорил с сильным немецким акцентом. Пожалуйста, сэр.

Робин опустился на деревянный стул с прямой спинкой. Стул слегка скрипнул под его тяжестью. Робин позволил своему взгляду бесцельно поблуждать по комнате, — она была пуста, если не считать одного письменного стола, — потом он снова посмотрел на тонкое неулыбчивое лицо Эйхмана.

Перед Эйхманом лежал лист бумаги. Он окунул перо в глиняную чернильницу и спросил:

— Имя?

— Робин Хантингтон, — потом Робин произнес это имя по буквам. Перо Эйхмана заскрипело.

— Дата смерти?

— Год тысяча восемьсот сорок шестой с рожде-

ния нашего Господа.

Эйхман записал, потом сделал паузу, изучая Робина взглядом.

— Что умеете?

— Я был мастер-оружейник.

— Отлично, отлично, — Эйхман записал это тоже, затем положил бланк на небольшой поднос в углу стола. Открыл ящик, достал карточку. Бумага выглядела грубой и толстой, но слова на ней были напечатаны каким-то типографским шрифтом. Эйхман вписал в карточку имя Робина и целый ряд цифр.

— Это ваша идентификационная карточка, — объяснил он. — Носите ее с собой все время. Вам она понадобится, чтобы входить в здания и выходить из них, использовать Рог изобилия для еды и брать инструменты и оборудование для работы. — Он улыбнулся. — Вам повезло, что вы специалист по оружию — босс увлекается оружием. Он хочет иметь пистолеты как можно скорее, и, если вы будете работать старательно и этим его осчастливите, вы найдете, что ваши преимущества и привилегии громадны. Положение таково, что вы скоро будете среди элиты в научной команде.

— Выглядит для меня неплохо, — заметил Ро-

бин.

Эйхман сделал знак стражникам:

— Найдите ему место в спальнях.

На следующее утро в оружейной мастерской Робин познакомился с тремя другими кузнецами-оружейниками, работающими на Капоне. Глава оружейного проекта, голландец по имени, Эмиль Ван Дескол, умерший в 1865 году, провел Робина по всей мастерской. С десяток подмастерьев от семнадцати до двадцати или двадцати одного, вырезали вручную ружейные стволы и рукоятки пистолетов и строгали кремни для затворов.

Несколько пистолетных стволов были окованы железом, а каналы их стволов полировались.

— Как вы видите, — пояснил Эмиль, прогресс у нас медленный. Железо бедное, наши методы ковки еще беднее, а работа утомительная и отнимает много времени. Пройдут месяцы, если не годы, прежде чем у нас будет хоть один стреляющий пистолет.

Робин нахмурился. Он не был экспертом, но ему показалось, что прогресс в изготовлении оружия был гораздо быстрее, чем говорил Эмиль. Однако он не упомянул о своих подозрениях.

— Здесь будет ваше место, — Эмиль указал на пустой стол и скамью в задней части мастер-

ской. — Каждый из нас работает над оружием по собственному чертежу. Вы будете обеспечены всеми инструментами, какие вам понадобятся, и помощниками тоже. Жизнь дешева, чем больше людей мы займем на изготовлении оружия, тем лучше, если вы меня понимаете.

— Думаю, понимаю. — Робин начал улыбаться. У Эмиля был хороший собственный легкий приработок… до тех пор, пока он выглядит занятым и приносящим пользу, он будет защищен от капризов Капоне. Тем временем, он вытащит столько людей из трущоб Писстауна, сколько сможет.

И Робин понял тогда, что он нашел союзника. Он только должен убедить Эмиля.

* * *

После десятичасового рабочего дня, когда другие заторопились поместить свои Граали в грейлстоун, голландец взял Робина за руку и задержал его. Робин остался, полный любопытства.

Эмиль сказал:

— Вы не оружейник.

— Не знаю, о чем вы говорите, — ответил Робин.

— Я за вами наблюдал, и увидел, что вы не

имеете ни малейшего представления о том, что делаете. Если вы здесь для того, чтобы за нами шпионить, — начал было Эмиль.

— Именно так, — подтвердил Робин, понизив голос. — Меня послал сюда Жюль Верн.

Пораженный, Эмиль отступил на шаг:

— Верн — так он еще жив?

— Да. Он хочет захватить Капоне и освободить Новый Чикаго.

— Я бы приветствовал этот день! — по лицу Эмиля потекли слезы. — Верн был моим хорошим другом. Где он? Я хочу знать обо всем, что с ним произошло!

Робин дал ему краткий отчет обо всем, что случилось с Жюлем Верном с тех пор, как он спасся на пароходе. Голландец беспрестанно кивал со счастливым лицом.

— Я должен что-то вам показать, — шепнул Эмиль, когда Робин кончил свой рассказ.

Голландец провел его в заднюю комнату. Несколько досок не были прибиты к полу, он поднял их, открывая тайник. Внутри лежали десятки пистолетов и мушкетов.

— Это наши отходы, — сказал он с гордостью. — Все они работают в совершенстве, так что, разумеется, мы не можем отдать их Капоне.

Когда он приходит посмотреть, Как двигается наша работа, мы стреляем при нем из дефектных пистолетов и ружей. Когда они взрываются, мы говорим ему, что есть проблема в кузнечном процессе. Когда мы их дальше совершенствуем, мы говорим, пистолеты будут действовать. — Он усмехнулся. — Он же дурак. Один из людей Капоне даже перестал следить за использованным металлом.

— Сколько же у вас оружия? — спросил Робин.

— Тринадцать кремневых пистолетов, восемь ружей.

— Мне нужно уходить отсюда через пять дней, чтобы снова присоединиться к Верну и его людям. Через десять дней после того мы вернемся. Вы будете готовы нам помочь?

— Да, — Эмиль затаил дыхание. — Нужно только подать нам сигнал.

— Пылающая стрела на рассвете, — сказал Робин. — Наблюдайте, когда она появится. Через две минуты после того, как она пролетит по небу, присоединитесь к нашей атаке.

* * *

Эмиль и еще два кузнеца-оружейника прикрывали Робина еще несколько дней. Как оружейник

— даже новичок — Робин, как обнаружилось, имел права и привилегии, в которых отказано было большинству других жителей Нового Чикаго.

Он нашел, что может свободно передвигаться по городу, заглядывая в темные углы, в уме составляя карту его улиц. Он даже побывал на крышах некоторых домов — «потому что глазеть на звезды — мое хобби», как он выразился.

Было бесчисленное множество мест, откуда можно ударить. Малые ворота на северной стороне Нового Чикаго, кажется, представляли собой лучшие возможности для вторжения: по ночам их запирали на засов с внутренней стороны, и за ними наблюдал только один стражник.

Кроме того, Робин узнал, что Аль Капоне каждое утро рано покидает свой дворец, чтобы в сопровождении Эйхмана и нескольких доверенных лейтенантов понаблюдать за своими излюбленными проектами.

Такой рутинный обычай требовал более пристального наблюдения, так что однажды утром Робин посетил городскую библиотеку (там по памяти воссоздавали прославленные произведения, и заинтересованные читатели могли просматривать новые версии «Моби Дика», «Войны и мира» и «Маленького домика в прериях»).

Поскольку здание фасадов выходило на центральную площадь, Робин ясно видел Капоне — маленького круглолицего человечка с сильными руками и плечами, который переходил через площадь.

Разбойник непрерывно курил, его слова перемежались короткими и резкими движениями рук. У Капоне и его сопровождающих займет, вероятно, минуты три, чтобы перейти площадь от дворца до здания офиса Эйхмана.

Робин взглянул на верхние части крыш, окружающих площадь, и подумал о засаде. Да, подумалось ему, чем больше он изучал детали, тем сильнее верил в возможность успеха.

На третий его вечер в Чикаго Эмиль опять отвел Робина в сторону.

— Я устроил для тебя возможность уйти завтра, — сказал он. — Нам нужен кремний. Ты пойдешь к открытому месторождению, которое ты заметил несколько недель назад во время скитаний. С тобой пойдут два наших подмастерья, чтобы принести кремний.

— А как же стражники?

— В первый день тебя будут сопровождать семь человек. Когда ты доберешься до границы территории Капоне, шесть из них повернут назад.

Капоне должен держать под наблюдением весь город, он не может тратить стражников на такие мелкие задания. — Эмиль подмигнул. — Кроме того, в моих конфиденциальных донесениях Эйхману я упоминал, как ты счастлив здесь и как старательно работаешь. Они любят лояльность в таких людях, как мы, а? — Он от души расхохотался.

* * *

На рассвете следующего утра можно было увидеть, как Робин и два семнадцатилетних подмастерья оружейной мастерской стоят у главных ворот. Все было устроено так, как обещал Эмиль: стражники ждали их, и они даже вернули лук Робина.

— У тебя будет двойная обязанность, — объявил стражник, который должен был все время сопровождать их, грузный на вид наемник с проседью по имени О'Брайен. — Держи ребятишек в порядке, сам не нарушай порядка — и никаких неприятностей.

— Хорошо звучит, — сказал Робин.

* * *

На четвертую ночь, когда они были вне города, Робин пустил стрелу в спину О'Брайена, когда тот спал. Быстро, живо и без боли по стандартам этого мира. Ни на миг Робин не почувствовал угрызений совести. Это и на смерть-то непохоже, подумал он.

На следующий день О'Брайен проснется, обнаженный и сконфуженный, возле грейлстоуна за сотни или даже за тысячи миль отсюда.

Два подмастерья в ужасе уставились на Робина. Они явно навострились бежать.

— Успокойтесь, — обратился к ним Робин. — Не собираюсь я вас убивать. Я здесь с секретным заданием и мне пришлось освободиться от нашего стражника. Вы или можете побыть со мной еще несколько недель… и вас щедро вознаградят, когда мы из этого выберемся… или можете возвратиться в Новый Чикаго. Но если вернетесь, будьте осторожны, чтобы Эмиль не имел ничего общего с вами. Он знает, что происходит, он даже устроил весь этот поход за кремнием. Вы должны будете пристроиться в Писстауне, или вас отправят в рабочие лагеря до конца жизни.

— Мы с вами пойдем, — произнесли они ду-

этом.

Робин кивнул: именно такого ответа он и ожидал.

— Обыщите тело О'Брайена и заберите все ценное, что у него есть. Щит и меч — мои. Потом спрячьте тело там, где его никто не найдет.

Оба мальчика поспешили повиноваться ему. Робин остался сидеть на месте и наблюдать. Он не знал, останутся ли они с ним — или удерут в Новый Чикаго при первой же возможности, или просто сбегут в другое поселение где-нибудь по нижнему течению Реки. На самом деле это не имело никакого значения, думал он, он вернется на борт «Belle Dame» на следующий же день. Даже если мальчишки попытаются предупредить Аль Капоне, он на пароходе опередит их на пути в Новый Чикаго.

* * *

«Belle Dame» стояла на якоре на середине Реки, точно в том месте, о котором договаривались. Маленький Джон и остальные практиковались в стрельбе на палубе. Стрелы прилаживали к тетиве, стреляли, подбирали их и снова стреляли по соломенной мишени. Робин заметил, что люди Верна значительно усовершенствовались за те

дни, что он отсутствовал.

Подмастерья только широко разинули рты. Робин похлопал обоих по спине и спросил:

— Ну, что вы теперь думаете?

— Но это же пароход мосье Верна! — выговорил, наконец, Жак, младший из двоих.

— А вот и мосье Верн! — вскричал Пьер. Он в ужасе уставился на Робина. — Так вы шпион мосье Верна?

— Правильно.

Робин поднял руки ко рту, сложил ладони рупором и приветствовал «Belle Dame». Все, находившиеся на палубе, бросили свои дела и столпились у поручней, неистово махая руками.

Пароход поспешно сняли с места, и через двадцать минут Робина и мальчишек благополучно взяли на борт.

Жюль Верн первым пожал Робину руку:

— Мои поздравления! — прогудел он. Выглядел он вполне здоровым, щеки покрыты румянцем, длинные каштановые волосы неистово развевались на ветру. — Я знал, что вы вернетесь невредимым!

— И у меня хорошие новости, — поспешил обрадовать его Робин. — Взять город будет легче, чем мы рассчитывали.

— Так не держите нас в неизвестности! Что вы обнаружили?

Робин поднялся на две ступеньки по направлению ко второй палубе и обернулся. И его молодцы, и команда «Belle Dame» обратили к нему жадные взоры. Набрав в легкие побольше воздуха, он начал простым языком рассказывать во всех подробностях то, что произошло, и подробности того, как он думал захватить города. Клод де Вэ делал синхронный перевод для членов верновской команды, которые не владели английским достаточно, чтобы понимать.

Слышались удивленные возгласы, когда он рассказал об оружейниках и о союзнике, которого нашел в Эмиле ван Десколе.

— Итак, — заключил Робин, — я думаю, у нас не так мало шансов захватить у Капоне Новый Чикаго. Я уверен, что мы сможем это сделать. Это будет трудно, жестоко, и некоторые из нас несомненно погибнут. Но в этом мире, где смерть — лишь некоторое неудобство, нам нечего бояться. Давайте же выпьем за наш успех!

Под крики одобрения он повел всех в салон, где нашлось достаточно напитков, чтобы каждый человек, находящийся на борту, мог подхватить тост. Когда это было сделано, Жюль Верн велел

всем трижды прокричать «ура!» в честь Робина.

И сам Робин, взлетев на высшей точке их эмоций, почувствовал себя так, как будто он летит и никогда не опустится на землю.

* * *

— Мне кое-что понадобится, — сказал Робин.

Разговор происходил на следующий день; они с Жюлем Верном сидели в салоне парохода «Belle Dame», на полной скорости направляясь вверх по Реке, к Новому Чикаго.

— Если это в моей власти, вы же знаете, что я предоставлю их вам, — заверил Жюль Верн.

— Первое, — сказал Робин. — Мне нужно что-то вроде портативного перископа, чтобы наблюдать за Капоне и его людьми из укрытия.

— У нас на борту есть зеркала, — ответил Жюль Верн.

— Достаточно просто вмонтировать их в коробку и устроить так, чтобы вы могли смотреть через стены или из-за угла.

— Второе — мне нужен тонкий лист металла, примерно в дюйм толщиной и в восемь дюймов длиной — но в то же время, он должен быть прочным.

— В нас есть лишние куски поручней. Один из

них можно обрезать по этим размерам.

— И еще нужно что-то воспламеняющееся — идеальной была бы пропитанная маслом тряпка — и спички, чтобы быстро ее поджечь.

— Кремень и сталь устроят?

— Если это все, что есть — должны устроить.

— Это так, мы еще не открыли залежей серы. Что еще?

— Ничего, кроме удачи.

— А это, друг мой, — сказал Жюль Верн, — зависит от провидения.

Когда приблизились к Новому Чикаго, команда погасила все огни, и пароход вели в темноте. Робин стоял впереди, изучая береговую линию. То и дело сквозь деревья слабо мелькали огоньки из человеческих поселений. Над головой бледно светили незнакомые созвездия, испуская тусклый свет, который заставлял волны Реки переливаться легким серебром.

Несколько матросов молча сидели на носу, свесив ноги за борт, передавая инструкции назад, в лоцманскую рубку. Лоцман избегал, насколько возможно, песчаных берегов.

Наконец, они обогнули поворот Реки, и Новый Чикаго, находившийся еще на расстоянии трех или четырех миль, показался вдалеке. Тысячи

огней и костров освещали небо во всех направлениях на целые лиги.

— Думаю, надо причаливать здесь, — сказал Робин. — Отсюда пешего ходу около часа. Мы можем там быть перед рассветом.

— Хорошо, — одобрил Верн. Он поднял свой лук. — На этот раз я готов к встрече с Капоне.

— Нет, — сказал Робин. — Я хочу, чтобы вы оставались на борту. Вы слишком ценный человек, чтобы рисковать вами в бою.

— Я не проехал весь этот путь… — начал было Верн.

Мач перебил его:

— Вспомните о ваших ранах, сэр. Они еще не полностью вылечены. Если швы разойдутся…

Клод де Вэ шепнул что-то на ухо Верну по-французски. Жюль Верн нахмурился, но в конце кивнул и повернулся к Робину:

— Вы все, кажется, объединились против меня в этом вопросе. Значит, так тому и быть. Возьмите всех людей, какие вам требуются, я останусь на борту «Belle Dame», пока успех не станет делом решенным.

— А если на вас нападут? — спросил Робин. — Конечно, вы нуждаетесь в каком-то количестве людей, чтобы защищать пароход.

— На «Belle Dame» имеется несколько сюрпризов для любого, достаточно глупого, чтобы на нее напасть, — и Жюль Верн подмигнул. — Что до моей команды, мне нужно пять сильных человек, не больше.

— Очень хорошо, — согласился Робин, — хотя я бы с радостью оставил с вами вдвое больше.

Верн поднялся с внезапной решимостью:

— Давайте посмотрим лодки, — предложил он. — Чем скорее Новый Чикаго будет свободен, тем я буду счастливее.

Выйдя на палубу, Верн отдавал команды, и пароход подошел как можно ближе к берегу. К этому времени команда спустила четыре лодки. Робин и его молодцы сошли на берег первыми, за ними последовала команда Верна. «Belle Dame» отступила обратно и начала плыть вниз по Реке вместе с течением, прочь от Нового Чикаго. До рассвета Верн должен прятаться за поворотом Реки.

Робин оказался во главе команды не менее пятидесяти двух лучников. Команда в восемь человек, включая Жака, Пьера и Верна, остались на борту «Belle Dame».

Когда люди собрались все вместе, чтобы идти на Новый Чикаго, Робин тихонько спросил Клода

де Вэ, что он сказал Верну в салоне.

— Э? — де Вэ хохотнул. — Только то, что он слишком ценный человек, чтобы рисковать им в такой атаке. Его ум нам понадобится для того, чтобы восстанавливать город и вернуть технократии ее прежнюю славу. Как он сможет это сделать, если умрет от ран — от старых ли, или получит новые?

— Очень логично.

— Да уж, именно к логике мосье Верн прислушивается более всего.

Робин разделил всю партию людей на три группы, одной руководил Клод де Вэ, другой — Маленький Джон, третьей — он сам.

— Будет меньше риска, что нас выследят, если мы будем двигаться быстро и маленькими группами, — объяснил он.

— Маленький Джон, следуйте за мной через пять минут. Клод, двигайтесь через пять минут после Маленького Джона.

Те кивнули в знак понимания. Де Вэ перевел это для французов.

— Помните, предупредил Робин свою группу, — мы можем первыми попасть в какую-то неприятность. Если стража привяжется к нам, сначала стреляйте, а уж после отвечайте на во-

просы. Стрел у нас много, не бойтесь их тратить.

Он в последний раз оглядел своих людей, встретившись глазами с каждым и со всеми. Все подняли луки, переминаясь нетерпеливо, как охотничьи собаки перед охотой. Наконец, Робин им кивнул, убедившись, что они готовы. Резко свистнув, он повернулся и мягко зашагал в темноту. Они шли след в след за ним.

* * *

Тот час, когда они шли, был самым длинным в жизни Робина.

Малейший шум ночи, каждый треск ветки, каждый шелест листьев бил его по нервам. Он останавливался, жестом призывал своих людей к молчанию и прислушивался. Обычно это был ветер или какое-нибудь пробегающее животное. Дважды, когда им удавалось притаиться, патрули Капоне проходили от них в нескольких ярдах; стражники Капоне громко переговаривались, их мечи и щиты то и дело лязгали. Как они были самонадеянны, убежденные в своей неуязвимости здесь, думал Робин. Он давал им спокойно проходить мимо, чтобы создать впечатление, что эта ночь проходит совершенно нормально.

Они обошли стороной вонючую трясину

Писстауна, держась по возможности по ветру. Северная сторона частокола выходила на целое море пеньков, усыпанных свежими небольшими побегами; лес на сотни ярдов от Нового Чикаго был вырублен на дрова. Точно призраки, они передвигались от одного укрытия к другому, пока не подошли к частоколу на двадцать ярдов.

Пока остальные ждали под прикрытием, Робин и Вилл Скарлет подскочили к боковым воротам, которые Робин заметил в те дни, когда жил в городе. Робин приложил ухо к ограде и услышал ровный храп с другой стороны. Единственный стражник на своем посту заснул.

Робин изобразил это Виллу жестом, а Вилл вытащил длинную тонкую полоску меди, которую изготовили люди Верна. Вилл кивнул и вставил полоску между дверью и столбом, осторожно продвигая ее кверху. Она задела засов. Вилл подвинул полоску влево, потом вправо, затем снова вверх — и засов поднялся со своего места.

Кончиками пальцев Робин отворил дверь. Вилл проскочил внутрь, взялся за засов и тихо опустил его. Оба проникли внутрь.

Возле ворот они нашли стражника, расположившегося на стуле с высокой спинкой с открытым ртом. Он тихо храпел. Робин приладил

стрелу и наклонился вперед, так что наконечник коснулся горла стража. Тот проснулся с испуганным стоном.

— Еще один звук — и ты мертвец, — предупредил Робин. — Вилл, свяжи его!

Вилл Скарлет сделал так, как ему сказали. В несколько минут стражник был крепко связан полосками от его же одежды, а во рту у него прочно сидел кляп. Он мог только глядеть на них расширенными глазами.

Робин повернулся и распахнул ворота во всю ширь и помахал рукой в сторону подлеска. Остальная часть его группы, по трое и по четыре, прошла за стену.

Когда они все вошли, Робин напомнил каждому куда идти и что делать.

— Ждите горящую стрелу, — приказал он. — Это будет знак, что атака началась.

Его молодцы рассеялись, растаяв во тьме улиц и аллей, точно туман.

* * *

Рассвет обнажил холодное серое небо, дул резкий ветер, обещавший дождь. Робин, Маленький Джон и еще пятеро вскарабкались на крышу здания, выходившего к центральной площади.

Луки были натянуты, стрелы лежали под рукой.

— Он выйдет из центральных дверей, — объявил Робин. Он передал каждому по очереди маленький перископ, сделанный Верном; они посмотрели с его помощью с конька крыши на площадь. — С ним будут, по крайней мере, четверо, возможно, и больше. Лучшее время стрелять — когда они окажутся посреди площади. Я дам сигнал. Идет?

— Не уверен, что лучший ответ — это убийство, — сказал Маленький Джон.

Робин повернулся лицом к другу:

— Эйб, он преступник и убийца.

Линкольн закусил губу.

— Если бы я был уверен, что мы сможем благополучно захватить его и сделать нашим пленником, — продолжил Робин, — я бы попробовал. Ты же знаешь, я не хочу, чтобы Капоне оставался на свободе и устроил где-нибудь в другом месте на Реке вторую преступную империю. Но мне приходится уравновешивать возможные потери с его потерями. Это — лучший путь.

Маленький Джон печально тряхнул головой:

— Возможно, ты и прав. Даже если так, я нахожу идею убить его отвратительной.

— Это же не убийство, — напомнил Мач. — Он

не умрет.

— Но, тем не менее, он это так почувствует.

— Верно, — согласился Робин.

Он взял перископ у Мача и взял наблюдение на себя. Секундой позже отворилась главная дверь дворца.

Робин понизил голос до шепота:

— Приготовиться. Они выходят! — Он выбрал стрелу и приготовился встать и выстрелить. Вокруг него сделали то же самое.

— На счет «три», — предупредил Робин. — Каждый целится в Капоне. Это маленький человечек с круглым лицом, в центре группы. Раз… два… три!

На счет «три» все семеро встали и выстрелили.

Или свист стрел в воздухе, или внезапное движение на крыше дали Капоне нужное предупреждение. Гангстер подтолкнул одного из своей свиты, и тот получил две стрелы в грудь и одну в ногу. Это был Эйхман, как заметил Робин. Немец покачнулся с удивленным выражением лица и скончался.

— Стража! — заорал Капоне. Он схватил другого человека и заслонился им, как щитом. — Сюда, стража! Лучники на крыше! Стража!

Робин выстрелил второй раз, стрела прошла

над головой у Капоне на расстоянии ладони. Гангстер продолжал отступать, все еще призывая помощь.

Тем временем, молодцы Робина убили остальных лейтенантов Капоне. Их тела лежали на площади, окруженные все увеличивающимися лужами крови, стрелы составляли странные углы с их телами.

Робин спокойно поставил третью стрелу, тщательно прицелился и выпустил ее. На этот раз он попал в того лейтенанта, которого Капоне использовал как свой щит, мгновенно его убив. Бандит продолжал держаться за труп впереди себя, подтащил его вверх по ступеням и прошел в двери невредимым.

— Опускайтесь! — скомандовал Робин. Его молодцы снова скорчились так, что их не стало видно. — Черт, черт, черт! — ругался он, колотя себя по ноге кулаком. — Я должен был его пристрелить!

— Это не обязательно, — напомнил Маленький Джон.

Робин состроил гримасу:

— Мы захватим его позже, если удастся, — сказал он. — Пора начинать вторую часть нашей атаки. Мач?

Мач достал кремень и сталь. Робин взял стрелу, вокруг ее рукоятки была привязана вымоченная в масле тряпка. Мач выбил искру, пока тряпка не загорелась, тогда Робин встал и выстрелил. Стрела аркой пронеслась по небу, яркая и горящая, ясный сигнал для всех, посвященных в замысел.

— Давайте надеяться, что другие преуспеют лучше нас, — произнес он мрачно. — Я отвлеку стражников. Маленький Джон, ты остаешься здесь и наблюдаешь, на случай, если Капоне опять выйдет. Остальные, разойдитесь и ищите опасности. Если сможете, привлекайте людей на нашу сторону.

С криком «Боже, храни короля!» Робин встал и побежал по коньку крыши. С индейским боевым кличем он перескочил на крышу соседнего дома. Снизу раздавались крики, стража заметила его и начала охоту.

Робин усмехнулся и помчался к следующему зданию, на расстоянии десяти футов от второго и на шесть футов ниже. Ладно же, он предоставит им веселую охоту. Он добежал до края, прыгнул — и повис над тридцатью футами пустоты. Затем, с ворчанием, он ударился о крышу второго здания и потянулся, чтобы ухватиться. Его нога поскользнулась на деревянной дранке, и он упал

вперед, ища опору для рук. Он проехал еще футов шесть, пока нащупал ее.

Подтянувшись и поднявшись на ноги, Робин посмотрел вниз. За ним наблюдали двадцать или тридцать стражников, вытащив мечи из ножен. Их крик поднялся вверх, и Робин снова побежал.

Он вел их с крыши на крышу. В следующие десять минут он нашел, что число стражников тревожно выросло — теперь внизу его преследовало человек сто, по крайней мере, ожидая, когда он поскользнется или окажется в ловушке.

Наконец, охоте пришел конец, потому что Робин оказался на крыше здания собраний. Он стоял на коньке крыши, озираясь в кажущейся растерянности, как будто бы не зная, куда оттуда деваться. Затем он спустился к открытому окну второго этажа и залез туда.

Стражники кинулись к зданию en masse[27]. Когда они вошли, Робин помчался вдоль балкона, который выходил на первый этаж, привлекая их внимание.

Остановившись в самом центре балкона, Робин поднял обе руки и закричал, чтобы все замолчали. Отчасти к его удивлению, стражники

---

[27] Примечания: 27
Всей толпой *(франц.)*

остановились и уставились на него.

— Я пришел, — закричал он, — чтобы освободить этот город от тирании! Посмотрите вокруг — вы окружены моими людьми! Сложите оружие, иначе вас убьют!

Впервые слуги Капоне начали оглядывать зал для собраний. Лучники Робина неподвижно ждали, подпирая стены. Теперь сорок пять из них шагнули вперед, прицеливаясь.

Среди стражников поднялся внезапный растерянный гул голосов. Недоуменные вопросы, неуверенные требования, сердитые угрозы.

Робин закричал им:

— Бросьте оружие и положите руки за головы! — потребовал он. — Это последнее предупреждение!

Один за другим мечи начали падать на половицы. Двое из молодцев Робина вышли вперед и начали их собирать, в то время как другие держали стражников под угрозой стрел.

Ухмыляясь, Робин сошел вниз, чтобы взять на себя командование.

На улице он уже мог слышать отдельные выстрелы из пистолетов. Это кузнецы и подмастерья заботились о тех стражниках, которые еще оставались. После этого речь шла только об

окончательном уничтожении противника.

* * *

Город полностью сдался Робину и его людям. К полудню закончились последние схватки, и последние приверженцы Капоне были разоружены и заперты в зале для собраний вместе с остальными. Все говорили, что окружены триста сорок четыре стражника и офицера Капоне. Еще шестнадцать человек было убито и еще восемнадцать — тяжело ранено, считалось, что они не доживут до утра… главным образом, благодаря заслугам новых чикагцев, которые сводили счеты со своими бывшими тюремщиками. В самом конце к восстанию присоединилось население всего города. Робин не потерял ни одного человека.

Однако никаких признаков Капоне не было видно. Робин решил, что диктатор каким-то образом выбрался из города и сбежал. Но при такой полной победе это не казалось большой потерей. Надо только позднее отправить повсюду патрули, чтобы отыскать Капоне. Учитывая все, что сделал для города Робин, он полагал, что тиран не отыщет много друзей, которые захотят помочь ему бежать.

В этот день, когда «Belle Dame» приплыла по-

ближе со своей сокращенной по численности командой, Робин поднял красный флаг над зданием совета в знак того, что все хорошо. С «Belle Dame» послышался долгий гудок в ответ.

На улицах уже играли музыканты, мужчины и женщины танцевали на площади с радостной непринужденностью. Ворота города широко распахнули; многие жители Нового Чикаго и Писстауна объединились в праздновании.

Эмиль ван Дескол, оружейники и их подмастерья организовались в полицейские части, под угрозой их пистолетов сохранялся полный порядок. Поистине, в Новом Чикаго начиналась новая эра!

* * *

— Смотрите! — закричал Мач, хватая Робина за руку и указывая на Реку.

Робин потратил целую минуту, чтобы понять, о чем он. Две шлюпки оторвались от берега и плыли к «Belle Dame». В ведущей лодке сидел… Аль Капоне!

Робин живо прикинул. В шлюпках сидело двенадцать человек, все вооруженные убийцы. Команда «Belle Dame» состоит из восьми человек, двое из них почти совсем мальчики. Им не вы-

держать против Капоне и его приспешников.

— Они, должно быть, ждали у воды, — догадался Мач.

— Мы же не охраняли ничего, только город. Они увидели шанс удрать и захватить его снова… а тут еще «Belle Dame» появилась совершенно не вовремя.

Робин почувствовал, как электрический ток ударил по всему его телу.

— Нам надо их остановить! — закричал он. — Если они захватят пароход…

— Готовьте две лодки, — скомандовал Маленький Джон. — Я приведу сюда вооруженных ребят. Еще не слишком поздно. Мы сможем остановить Капоне.

Робин с Мачем помчались к воде.

* * *

Прошло десять минут, — и двадцать вооруженных людей из Нового Чикаго заняли шлюпки на берегу. Робин вынужден был беспомощно стоять и наблюдать, как Верн и его люди стремительно носятся по палубе «Belle Dame», задраивая люки, привязывая к окнам деревянные ставни, делая се и вся, что только было в их силах, чтобы защититься до того, как Капоне и его головорезы

смогут подняться на борт. Наконец, Верн затолкал всех в лоцманскую рубку, задраил люк и, по предположению Робина, закрыл рубку на засов изнутри. Возможно, Верн сумеет продержаться достаточно долго, чтобы Робин мог спасти его.

Когда шлюпки Капоне поравнялись с «Belle Dame» и разбойник со своей свитой начал карабкаться на борт, вдруг начала происходить странная вещь. Робин вынужден был долго моргать и протирать глаза, чтобы убедиться, что это не галлюцинация.

Пароход начал тонуть.

Или, может быть, более подходящим словом будет «погружаться под воду», потому что вовсе не казалось, будто это катастрофа: не последовало никаких взрывов, когда холодная вода ударила в паровые котлы, а судно опускалось ровно, нос и корма одновременно. Все документальные фильмы, какие Робину приходилось видеть о тонущих кораблях, показывали, как они переворачиваются вверх кормой, а затем исчезают в глубине.

— Это еще и подводная лодка, — выдохнул Мач.

— Но трубы… — начал Робин.

— Может быть, они все время торчат из воды, — предположил Мач.

— Не понимаю, — сказал Маленький Джон. — Судно тонет — или нет?

— Нет! — Робин с облегчением разразился хохотом. — Это блестящий человек! Так вот почему он знал, что его пароход невозможно захватить силой — он погружается в воду, когда на него нападают!

— Держись подальше от парохода, — спохватился Мач, — когда он уйдет под воду, будет такой откат волны, что он может захватить нас.

Они отошли от «Belle Dame» ярдов на сто, наблюдая как она продолжает погружаться. Капоне и его головорезы вылезли из шлюпок, когда начали карабкаться на борт, и теперь они могли только залезать все выше и выше — сначала по одной палубе, потом по другой, когда обе они покрывались водой. И вот, наконец, они стоят на крыше пилотской рубки, тщетно цепляясь за дерево мечами, изрыгая проклятия Верну и его адовой машине. Потом вода накрыла и рубку, и все они оказались в воде, упорно барахтаясь.

— Рыба, — пробормотал Маленький Джон. — Пароход ее поднял наверх.

— Где? — спросил Мач.

Джон показал, и Робин тоже увидел: четыре или пять темных силуэтов быстро двигались в

воде. Через какие-то секунды они достигли Капоне и его приспешников и утащили их под воду. Вода окрасилась ярко-красным.

В горле у Робина появился комок, он сглотнул. Быть сожранным рыбами… нет, это не та судьба, которую он пожелал бы кому бы то ни было, даже Аль Капоне.

В течение нескольких недель в Новом Чикаго постепенно восстанавливался нормальный порядок. Люди выполняли свою работу, над приспешниками Капоне велись судебные процессы (каждого приговорили к пяти годам тяжелого физического труда в шахтах), а сам Жюль Верн восстановил научный совет, чтобы продолжать свои исследования и заново изобретать все то, что потеряло человечество.

Робин и его люди были объявлены героями города и удостоены всех почестей, какие только мог предложить Жюль Верн. Верн лично повесил Робину на грудь медаль Капитана Немо во время праздника, когда отмечали десять дней освобождения города.

В конце вечера, когда Робин и его молодцы вернулись на свои временные квартиры, мысли Робина блуждали по Реке и по тому, что еще лежит перед ними. Он понял, что пора уходить,

чтобы продолжать странствия.

— Я думаю, — вымолвил он, наконец, — что пора нам двигаться. Что скажете, ребята?

Все приветствовали это предложение радостными криками. Число веселых молодцев увеличилось до тридцати восьми, пока они гостили в Новом Чикаго; оказалось, что многим надоело жить в городе, они тосковали по свободе и по дороге, открытой приключениям.

На рассвете следующего утра Робин и его люди собрались у городских ворот. Жюль Верн и большинство жителей Нового Чикаго пришли проводить их. Было много грустных прощаний.

— Робин, — торжественно произнес Маленький Джон.

— Мне очень жаль, Робин. Я не знаю, как это выразить, так что скажу просто.

Робин повернулся к нему:

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

Авраам Линкольн снял шапку.

— Я решил остаться здесь, — объявил Маленький Джон.

— Что-о? — Робин уставился на него.

— Извини, Робин, — произнес Линкольн своим низким могучим голосом. — Я искал свое место в этом мире, и думаю, что нашел его здесь. Жюль

Верн и его ученые нуждаются в таких, как я. Их проблемы происходят от их правительственной системы. Они не рассчитывают на простой народ. Если бы их поиски научных усовершенствований больше ориентировались на живых людей, чем на машины, Капоне никогда не взял бы над ними верх.

— Но что ты можешь сделать? — спросил Робин.

— Я уже побеседовал с мистером Верном. Он согласился дать мне написать проект конституции, чтобы управлять этим городом и его населением. Демократия должна жить, и Новый Чикаго будет ее столицей. Теперь ты понимаешь, почему я должен остаться?

— Наверное, да, — торжественно выговорил Робин. Он положил руку на плечо Линкольна. — Желаю тебе всего наилучшего, друг мой. — Оба поспешно обнялись. — До свидания, Авраам.

— До свидания, Робин.

Робин сглотнул, отступил на шаг и оглядел остальных веселых молодцев. Один из новеньких стоял позади, высокий юноша с прямыми черными волосами и открытой улыбкой.

— Маленький Джон, — окликнул его Робин. — Отныне ты будешь нашим новым Маленьким

Джоном.

— Pardon, Monsieur Robin?[28] — переспросил Маленький Джон растерянно.

Другой веселый молодец перевел ему слова вожака, и улыбка медленно озарила его лицо, когда он понял:

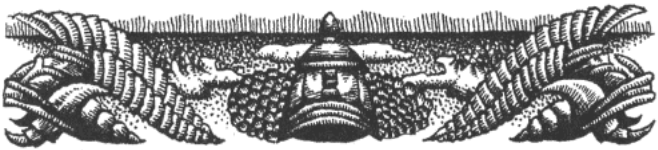
— Merci! — закричал он. — Merci bien, Robin![29]Робин вздохнул про себя, но не показал этого. Он еще это прозвище заработает. В конце концов, что дурного может быть в том, что француз будет играть Маленького Джона? Он не может быть хуже первого Маленького Джона, который все пытался ввести у веселых молодцев нечто вроде того, что он называл «Министерством веселых прогулок».

Итак, усилив свою шайку, Робин Гуд возглавил ее поход из Нового Чикаго, продолжая искать справедливости и короля Ричарда Львиное Сердце.

---

[28] Примечания: 28
Извините, мосье Робин? *(франц.)*.

[29] Примечания: 29
Спасибо! Большое спасибо, Робин! *(франц.)*



Роберт Вейнберг
Незаконченное дело[30]
1

— Они идут! — прокричал Джим Боуи, приметив дрожь в воздухе в нескольких футах от места, где стоял. Вместе с почти пятьюстами прочими гражданами Новых Афин он ждал ланча у городского грейлстоуна. Перемещения, хотя и происходили сплошь и рядом, всегда вызывали тревогу среди горожан. Невозможно привыкнуть к тому, что люди материализуются из ничего.

Толпа: мужчин и женщин — поровну, на вид всем, приблизительно, лет по двадцать пять, поспешно попятилась от огромного каменного гриба. Едва ли через пять секунд после предупреждения Боуи мужское тело, нагое и безволосое, материализовалось у самой громады грейлстоуна. К запястью было присоединено неизменное ведерко для съестного, а близ него возникло с полдюжины полотенец. И как только мужчина окончательно воплотился, грейлстоун взревел,

---

[30] Примечания: 30

FINISHED BUSINESS by Robert Weinberg Copyright © 1992 by Robert Weinberg.

точно гром, и синее пламя взметнулось в небо футов эдак на двадцать.

— Кушать подано, — радостно провозгласил Билл Мейсон. Тщательно обогнув еще не очухавшегося новичка, он вскарабкался на грейлстоун и забрал свое ведерко. Открыв, тщательно посмотрел, что внутри.

— Эй, Боуи, у меня бутылочка бурбона. Я уступлю ее тебе за часть шоколада, который ты поднакопил.

Мгновенно позабыв о незнакомце, горожане поспешили к своим Граалям. Боуи продолжил исследование. Времени поговорить с вновь прибывшим еще будет навалом. В Мире Реки всегда есть время. А сперва надо подкрепиться.

Простонав, переместившийся потер голову и сел. Боуи, изучая содержимое ведерка, поглядывал краем глаза на незнакомца. Несколькими месяцами ранее вновь прибывший в считанные секунды после материализации превратился в берсерка. И умертвил трех граждан Новых Афин, пока его не отправили дальше. С тех пор Боуи всегда заботился, чтобы его нож был под рукой, чуть кто поблизости воскресает.

Между тем, его друг Сократ, неизменно добрый самаритянин, встал на колени близ незнакомца.

Маленькое безобразное личико философа озабоченно сморщилось.

— Ты не хочешь чего-нибудь съесть? — прозвучал вопрос грека на эсперанто, лингва франка Реки. — Воскрешение вызывает аппетит. Или так мне говорили.

Новичок, высокий и худощавый, с приятным лицом и синевато-серыми глазами, нетвердо помотал головой.

— Нет, спасибо, — ответил он на том же языке. — Последнее, что я помню — это орава каннибалов, всаживающих в меня ножи. Они хотели, чтобы я остался на обед, лучше не скажешь. — И расхохотался во всю глотку. — В сущности, полагаю, на обед у них был я. И это на какое-то время отбило у меня охоту к еде.

— Каннибалы! — ахнула поблизости какая-то женщина, и ее лицо слегка позеленело. — Но ведь пища с грейлстоунов…

— У каждого свой вкус, — заметил Сократ, пожав плечами. — И одним людям труднее угодить, чем другим.

Открыв свой грааль, философ вытащил бекон, латук и сандвич с помидором. Основательно откусив, он показал свою еду соседу. — Ты твердо отказываешься? Или, возможно, чашечка кофе

лучше подошла бы тебе?

— Может быть, через несколько минут, — ответил незнакомец. Его взгляд скользнул по толпе. Наконец, он остановился на Боуи, приметном своей светлой кожей и волнистыми рыжими волосами.

— Кажется, я слышал твое имя, — пробормотал новичок в изумлении.

Боуи нахмурился. Голос звучал по-знакомому.

— Ты не узнаешь меня, Джим?! — вскричал тот, обуреваемый сильными чувствами. — Ах ты старый сукин сын.

Боуи от удивления разинул рот. Все в Мире Реки возрождались в двадцатипятилетием возрасте и полностью безволосыми. Мужчине, голос которого он услышал, было пятьдесят, когда они в последний раз виделись. Он воззрился на вновь прибывшего, пытаясь совместить его облик с тем, который помнил. Глаза новичка, синевато-серые, как и у Джима, «глаза убийцы», как называли их мексиканцы, разрешили его сомнения. Его рот расплылся в бурной улыбке.

— Чтоб мне стать аллигатором с хвостом колечком! — воскликнул он. — Дэви Крокетт!

Они обнялись со слезами на глазах.

— Немало прошло после Аламо, — заметил

Боуи.

— Не так уж и много, — хмуро отозвался Крокетт. — Но мы можем поговорить об этом позднее. Как ты?

Прежде чем Боуи успел ответить, Крокетт повернулся к Сократу.

— Пожалуй, я выпью кофе, дружище. И, наверное, откушу разок-другой от этого сандвича. Всякий раз, как встречу старого приятеля, чувствую голод.

— Там, на Земле, — сказал Боуи несколько минут спустя, наблюдая, как его старый друг поглощает все, что ему предлагают великодушные горожане, — все что угодно вызывало у тебя голод. Не могу сказать, что ты сильно изменился.

— Мне доводилось есть куда лучше прежнего со Дня Воскрешения, — промычал Крокетт между двумя откусываниями. — Жизнь чуток легче, когда не нужно охотиться, чтобы хоть чего-то пожрать. — Он обвел рукой всю видимую окрестность. — Кто живет в здешних краях? — спросил он, выделив из толпы нескольких женщин попривлекательней. Они носили полотенца вокруг талии, точно набедренники, а грудь оставляли обнаженной. Крокетт ухмыльнулся. — Как я понял, чужаки. Но не то, чтобы не мне не нравился

их стиль одежды.

Боуи закудахтал.

— Для них чужаки как раз мы. Большинство здешнего народа — древние греки, как мой приятель Сократ. Одни из Афин, другие из Спарты. А остальные — отдельные техасцы нашей эпохи, немного французов пятнадцатого века, и еще несколько дюжин из разных периодов и мест. Вот этот, Билл Мейсон — из двадцатого века. Он сказал мне, что мы стали знаменитостями после того, как умерли. Наши имена попали в исторические книжки и во всякое такое.

— Обо мне сочинили песню, — самодовольно сообщил Крокетт. — Я научился кое-каким куплетикам от хорошенькой юной леди чуть ниже по Реке. Хочешь послушать?

И, не дожидаясь ответа, запел. Боуи скорчил рожу. После воскрешения голос Крокетта не стал лучше. Он по-прежнему звучал, точно у страдающей лягушки-быка.

— Хватит, прекрати! — велел он, как только бравый переселенец с Дикого Запада закончил первый куплет. — Пора возвращаться в нашу хижину. Мы живем втроем: я, Сократ и Мейсон. Там полно места. Хочешь поселиться у нас?

— А другие не против? — спросил Крокетт. — Не

хочу никому навязываться.

— Со мной все в порядке, — сказал Мейсон, который, проходя мимо, услышал вопрос. Он пожал Крокетту руку. Приземистый и кряжистый парень, он казался карликом рядом с обоими шестифутовыми друзьями с Запада. — Я преподавал историю там, на Земле. Поговорить с кем-то вроде тебя, это все равно, как если бы мечты сбылись.

— У меня также нет возражений, — добавил Сократ. И улыбнулся. Крепко сбитый, с небольшим лицом и круглыми глазами, он отличался гротескным уродством. — Наш дом — твой дом.

— Вы оба очень добры, — сказал Крокетт. Улыбнулся и кивнул привлекательной женщине, прошедшей мимо них. — Нет проблем с женщинами или чего-то такого?

— Я посещал нескольких леди, — сказал Боуи, и его синие глаза заискрились, — но ничего серьезного. Неохота себя связывать. То же самое касается и Билла. А Сократу хватило его прежней женушки.

— Все мужчины должны жениться, — торжественно провозгласил философ. — Если тебе достанется хорошая жена, ты будешь счастлив и удовлетворен. Если достанется дурная, станешь философом. — Безмятежно пожал плечами и

улыбнулся. — Я примечательный философ.

Крокетт прыснул.

— Не сомневаюсь. Вашу хибару легко найти?

— Вверх по склону, примерно в сотне ярдов от города, — ответил Боуи. — А что? Куда ты идешь?

— Да тут одна маленькая леди подмигнула мне, пока вы, простаки, зевали, — сказал Крокетт, подбирая грааль и полотенца. — Думаю, я потрачу немного времени, чтобы узнать ее лучше. Вечерком приду.

Затем на миг всякое добродушие испарилось с его физиономии, и голос стал ледяным:

— И тогда мы поговорим об Аламо, Джим. И о нашем приятеле Сант-Аннушке.

2

Пятеро собрались у ревущего костра в ту ночь. Крокетт появился у хижины Боуи на закате, широко улыбаясь, но отказываясь сказать хоть что-нибудь о том, чем занимался весь день.

— Я слишком джентльмен, чтобы распускать язык, — ответил он на всех их вопросы.

Никто не видел смысла в том, чтобы упомянуть, что его избранницей была Клио Афинская, славившаяся в здешней общине своей исключи-

тельной любвеобильностью. Он довольно скоро о ней услышит, как в свое время Боуи и Мейсон. И многие другие.

Пятым в их обществе был человек с тихим голосом, который откликался на имя Исаак. Высокий, прекрасно сложенный, с примечательными чертами лица и темно-русыми волосами, и с глазами, столь печальными, каких Боуи ни у кого прежде не видел. Склонный к уединению, этот человек жил сам по себе на краю леса.

И хотя он не страдал приверженностью к жвачке грез, по ночам его преследовали кошмары, которые он отказывался с кем-либо обсуждать. Часто в полуночные часы его крики долетали до города, вызывая у всех, кто их слышал, холодную дрожь. Многие из греков считали, что он проклят богами. Несколько раз в неделю, ближе к ночи, Исаак появлялся у хижины Боуи, чтобы молча посидеть у огня. И, хотя он бегло изъяснялся на латыни, греческом и эсперанто, он редко что-либо говорил, если только к нему непосредственно не обращались; и даже тогда его ответы были коротки и по существу. Сократ полагал, что Исаак голодает по человеческому обществу, но не по ответственности дружбы. Боуи, которому доводилось встречать похожих людей в пограничье,

всегда сердечно приветствовал гостя.

— Ты помнишь, как умер? — спросил Крокетт, небрежно пошевеливая в огненных лоскутьях костра бамбуковой палкой. — Не здесь, а в первый раз, на Земле?

Вопрос мог касаться каждого, но он задал его именно Боуи. И техасец ответил ему:

— Я довольно здорово измотался ко времени, когда по мою душу пришли мексиканцы. И пневмония, и сломанные ребра, и все, что хотите, словом, карты были выложены. Не то чтобы это много значило для верховых. У них глаза были налиты кровью, если ты понимаешь, о чем я. — Он сделал паузу, как если бы мысленно перебирал все подробности. — Я сидел, прислонившись к задней стене, когда услышал, как они едут. И решил: это лучше, чем помереть в постели. Когда они в конце концов поперли на меня, я одарил одного свинцом в грудь, а другому ножом вспорол кишки. Тут меня подвели ноги, и я рухнул на пол. Наверное, прямо тогда я и умер. Потому что следующее, что я помню — это как пробудился на травке у Реки, как и все прочие, четыре года назад.

— Они выволокли твое тело во двор и подбрасывали, ловя на штыки, — сказал Крокетт. И,

содрогнувшись, уставился в жаркий огонь. — Солдаты отменно тебя мертвого изуродовали. И то же самое сделали с несколькими другими. Отвратительное было зрелище. Я видел все от начала до конца.

— Видел? — в изумлении переспросил Боуи. — Значит, ты уцелел, когда мексы взяли форт?

— Угу. Я и трое других сразу сдались, чуть увидели, что дело безнадежно. Нам показалось, что это самое лучшее.

— Но во всех книгах по истории говорится, что ты погиб в Аламо, — вставил Билл Мейсон.

— Лишнее доказательство, что не следует верить всему, что читаешь, — сказал Крокетт со слабой улыбкой. Затем лицо его стало хмурым. — Практическое значение имеет, что я там и умер. Санта-Анна не был в тот день в настроении миловать. Его парни довольно быстро нас прикончили.

— Что? — воскликнул Билл. — Как?

— Прежде чем они атаковали, генерал велел своим солдатам: «Пленных не брать». И он не шутил. Так что, когда нас привели, Санта-Анна на нас даже не взглянул. А просто повторил приказ. И его чертовы кавалеристы прямо на месте закололи нас штыками. Испуская последний вздох,

я поклялся, что посчитаюсь с этим черствым ублюдком. И с самого дня Воскрешения ищу его повсюду.

— Что ты намерен делать, если найдешь его? — спросил Мейсон. — Это местечко устроено так, что вырывает жало у мщения. Убьешь кого-то, а он возрождается где-нибудь подальше. Руку отрежешь — отрастет.

— У меня по этому поводу есть кое-какие мыслишки, — заметил Крокетт, и его зубы недобро сверкнули. — Самое трудное — это разнюхать, где наш Генерал. У этой Реки народу, как собак нерезаных.

— Все человечество с начала и до двухтысячного года, — сказал Билл Мейсон. — По крайней мере, так уверяют некоторые. Тридцать или сорок биллионов, чуть больше или чуть меньше.

— Слишком большие числа, чтобы я с ними совладал, — вздохнул Крокетт. — И все-таки я терпелив. Даже если поиски займут тысячу лет, я его найду. Заметано.

— А что суетиться-то? — спросил Боуи не без горечи. — Билл прав. Месть ничего больше не значит. Не стоит хлопот.

Крокетт глубоко вздохнул и покачал головой.

— Это непохоже на Джима Боуи, которого я

знал. Люди болтали, что он то ли шестерых, то ли семерых убил на дуэли в Луизиане, прежде чем податься на Запад. Кое-кто верил в то, что можно восстановить справедливость и заставить виновных платить за их делишки. И его не заботило, куда они подались, на небеса или в пекло. И не много ли с этим хлопот.

Боуи пожал плечами.

— Теперь у нас другая жизнь. Никакого обрыва впереди. Там, на Земле, в первый раз, жизнь что-то значила, поскольку мы знали, что где-то притаилась смерть. И это не давало раскиснуть, если ты понимаешь, куда я клоню. Я не жалуюсь, но это, конечно, не то, чего я ожидал от великого Потом. Чертовски унылое местечко.

— Что-нибудь неладно с этим миром? — неожиданно спросил Сократ. — Или, возможно, с нами самими?

— А? — Боуи хмуро покосился на него. — Это ты на что намекаешь?

— Ты — человек, который побуждает события свершаться? — отозвался философ, — или тот, кто согласен просто ждать и позволять событиям и обстоятельствам вертеть собой?

Боуи заколебался, обдумывая ответ.

— Я всегда считал себя хозяином своей судь-

бы, — наконец изрек он. — Никто и никогда не говорил Джиму Боуи, что он может делать, а чего нет.

— И все-таки ты испытываешь уныние в этом мире безграничных возможностей, — сказал Сократ с явным призвуком сарказма в голосе. — Это довольно странно.

— Безграничных возможностей? — переспросил Исаак, совершенно неожиданно для них всех. Впервые, насколько они помнили, этот загадочный человек заговорил не для того, чтобы ответить на обращенный к нему вопрос. — Я не понимаю!

— По какой причине все человечество возрождено у этой великой Реки? — спросил Сократ с горящими от возбуждения глазами. — Чтобы двигаться к совершенству, как нам говорят последователи Церкви Второй Попытки? Благородная цель, но, как я подозреваю, недоступная большинству из нас. Или мы здесь для того, чтобы закончить то, что оставили незавершенным, когда умерли. Разве может любой из нас сказать, что, когда он ушел, все его мечты сбылись, цели были достигнуты, побуждения удовлетворены? У кого из нас не осталось какого-нибудь недоделанного дела? Возможно, странствие с целью

отомстить не самое благородное из предприятий, но оно дает какую-то цель жизни нашему другу Крокетту.

— Carpe diem, — сказал Билл Мейсон. — Пользуйся сегодняшним днем.

— Вот именно, — произнес Сократ. — Великолепная мысль. Мы должны быть верны нашей собственной природе. Самый прямой путь к достойной жизни — это быть в действительности тем, чем мы кажемся.

— Я тоже так думаю, — отозвался Крокетт. — Ну что, Джим. Ты можешь сидеть тут, наращивая жир, а можешь помочь мне найти Санта-Аннушку и преподнести ему то, чего он заслуживает.

С мгновение Боуи не шевелился, переваривая слова Сократа. Греческий философ обладал поистине сверхъестественным умением натыкаться на истину несколькими простыми вопросами. В течение месяцев Боуи изводило беспокойство. Жизнь в Новых Афинах не бросала никакого вызова этому человеку с переднего края. Появление Крокетта лишь яснее обозначило пустоту его существования здесь. Поиски Санта Анны ничего для него не значили. Его прошлое умерло в Аламо. Он избавился от старых обид и былой ненависти. И все же, задумавшись, он внезапно

осознал, что и так, и эдак хочет куда-то податься. В мгновенном озарении ему открылось, что повод для выхода в путь ничего не значит. Важно было само странствие, а не его конечная цель.

Смысл жизни в том, чтобы жить, а не в том, чем она кончится. Возможно, как раз поэтому все человечество и оказалось возрождено на берегах, казалось, бесконечной Реки.

— Что же, — сказал он, и на его губах медленно появилась улыбка. — Полагаю, мне отнюдь не вредно сменить обстановку.

С восторженным воплем Крокетт схватил Боуи за плечи.

— Вот это другое дело! Мы двое снова вместе, ищем неприятностей!

— Эй, — окликнул их Билл Мейсон. — Не забудьте и меня. Я не искатель приключений, но есть на Реке несколько человечков, которых я не прочь повидать. Джек Руби и Ли Харви Освальд для начала.

— Почему бы нет, — одобрил его решение Крокетт. — Нет причин, по которым мы бы не могли высматривать и этих ребяток. Кто бы они ни были, ко всем чертям.

— Я бы тоже не против присоединиться к вашей экспедиции, — неожиданно проговорил Исаак.

Впервые, с тех пор, как Боуи с ним познакомился, в измученных глазах этого человека блеснула надежда. — Мои страшные сны сводят меня с ума. Только один человек может меня от них избавить. И он тоже должен жить где-нибудь на Реке.

Боуи взглянул на Сократа.

— А как насчет тебя, мой друг? Хочешь отправиться с нами? Или тебе достаточно хорошо и здесь?

— Когда я дожил до старости, — ответил философ не без едкого сарказма, — добрые граждане Афин проголосовали за то, чтобы предать меня смерти, поскольку я развращал молодежь этого города. Слишком многие из людей воскресли в здешней общине. Недавно они опять начали ворчать по поводу моих бесконечных вопросов. Они думают, что я насмехаюсь над богами. К несчастью, они правы. Одной чаши с цикутой достаточно. Лучше мне пуститься в дорогу с вами, чем ждать второго смертного приговора. А если я умру, пусть это случится из-за моей глупости, а не из-за чужой. Кроме того, — добавил он, — я спрашивал многих и многих: «Что есть справедливость?» И за все мои годы еще не получил удовлетворительного ответа. Возможно, где-нибудь на Реке существует ответ на мой вопрос.

— Решено, — подытожил Крокетт. — Завтра стоим каноэ — и в дорогу!

— Подожди минутку, — сказал Боуи, поднятием руки призывая к молчанию. — Я согласился помочь тебе найти генерала, но я не замышляю совершать самоубийство. Сколько раз ты уже умирал, ведя поиски в одиночку?

— Семь, — ответил Крокетт. — Или, может быть, восемь. Я уже и счет потерял.

— Так я и прикидывал, — сказал Боуи, что-то поспешно обдумывая. Крокетт не сильно изменился с тех дней в пограничье. Великолепные замыслы, но мало терпения для отработки деталей. — Единственный способ чего-то достичь — это остаться живыми. Возможно, смерть здесь и не навсегда, но она рассеет нашу компанию на все четыре ветра. Так что надо разрабатывать планы. Большие планы. Плавание в каноэ — это не то. Нам понадобится судно. И хорошее. Плюс команда, чтобы ею править.

— Судно? — удивился Крокетт. — И команда? Зачем?

— Я кое-чему научился от кое-каких чудиков, переместившихся сюда за последние несколько лет. Не все обитатели берега Реки так дружелюбны, как граждане Новых Афин. Взять, к примеру,

твоих дружков-каннибалов. У нас впятером не такой уж большой шанс продержаться. Но будь нас побольше — дело другое. Вот почему важна команда.

— Спартанцы, — внезапно и пылко вмешался Билл Мейсон. — с тех самых пор, как они разгромили тех налетчиков-викингов в прошлом году, они ищут себе применения.

— Ты угадал мою мысль, — обрадовался Боуи. — Я видел их в действии. Закаленные дисциплинированные бойцы, которые знают, как драться вместе. Как раз то, что нам нужно.

— И жаждут приключений, — подхватил Сократ. — Позвольте мне завтра переговорить с Лисандром Спартанским. Он был у них флотоводцем и знает их лучших моряков. Хотя, подозреваю, что невыносимая скука и его побудит присоединиться к нам.

— А как насчет корабля? — спросил Крокетт. — Или все это еще тоже надо обдумать?

— Может быть, — улыбаясь, произнес Боуи. — Вполне возможно.

3

На следующее утро Боуи, Крокетт и Мейсон прошли милю вниз по Реке до следующего грейлстоуна.

— Здесь живет Торберг Скафхогг, — сказал Боуи, когда они шагали по прибрежному песку. — Иногда мы встречаемся, чтобы немного выпить.

Увидев неодобрение во взгляде Крокетта, Боуи протестующе поднял руки.

— Знаю, о чем ты думаешь. Ничего подобного. Больше никаких пьяных кутежей. Я получил хороший урок в Аламо. Чуть все ребра себе не переломал тогда, свалившись с укреплений. И принес куда больше ущерба себе, чем мексиканцам. — Лицо Боуи стало торжественным. — Помимо прочего, в те дни меня не больно-то заботило, жив я или мертв. Особенно после того, как холера унесла мою жену и нашу малышку. Выпивка помогала мне забыться. Все переменилось после воскрешения. Жизнь кажется совсем другой, когда знаешь, что Мария жива где-то у Реки. Я исправился. — Техасец улыбнулся. — Может, мне бы следовало подумать о вступлении в Церковь Второй Попытки.

— Угу, — сказал Крокетт, выгнув брови. — Что ты думаешь об этих их проповедниках? Много ли толку в их теории, что мы воссозданы вновь, дабы могли всем скопом стремиться к святости? — Дэйви рассмеялся. — Не могу вообразить старого Энди Джексона, этого воплощенного дьявола, с ореолом.

— То, что нам в жизни дана вторая попытка, поражает меня, как прекрасная идея, — заметил Боуи. — Не говоря уже о третьей, четвертой и не знаю, которой еще. Но люди — это люди. И неважно, сколько раз кто возрождается, изменяются-то они не сильно. По крайней мере, так я понимаю.

— А что это за Торберг, о котором ты упомянул? — спросил Крокетт, меняя тему. — И зачем он нам?

— Около двенадцати месяцев назад, — ответил Билл Мейсон, — флот из шести кораблей викингов явился сюда, идя вниз по Реке. Предводителем у них был Олаф Трюггвасон, норвежский король десятого века, и они искали, где бы им обосноваться. Им удалось покорить две другие долины, и они рассчитывали, что с нами будет не больше хлопот. Никто из них не подумал о спартанцах.

— Там было что-то около тысячи норвежцев, охочих до грабежа, на этих корабликах, — под-

хватил Боуи, продолжая рассказ. — Они никогда прежде не встречали организованного сопротивления. И вот устремились на берег, полагая, что одолеют нас одним махом. Три тысячи греков, закаленные в боях ветераны из лет, полных межгородских войн, встретили их у самой воды. Песок покраснел от крови.

— Викинги бились отважно, — опять заговорил Мейсон, — но — никакой сплоченности. Каждый дрался сам по себе. Спартанцы, которых с детства приучили действовать отрядами, сражались дружно и слаженно. В одиночку мало кто из них мог бы тягаться с такими противниками. Но сообща они их одолели. Ко времени, когда пал король Олаф, большинство его сподвижников тоже погибло. Немногие оставшиеся, большей частью ремесленники и мастеровые, которые поддерживали их корабли в хорошем состоянии, сдались. Лисандр Спартанский предложил им выбор. Присоединиться к нашей общине, чтобы делиться своими знаниями и умениями или погибнуть от меча. В мире, где смерть ничего не значит, милосердия больше не существует. Норвежцы все до одного выбрали жизнь. Торберг Скафхогг — один из них.

— А их суда? — спросил Крокетт.

— Сгорели в ходе боя, — ответил Мейсон. — К счастью, нам удалось собрать большинство клепок и болтов.

В Мире Реки, где почти не водилось полезных ископаемых, железо ценилось дороже золота. Без него не может существовать современная технология. Поэтому велись войны за металл.

— Где они нашли руду? — поразился Крокетт. — Здесь невозможно копать. Трава чертовски крепкая.

— Знаешь об этих зажигалках, который иногда появляются в Граалях? Ходят слухи, что один американец по фамилии Эдисон экспериментировал с ними и так и эдак, чтобы раскрыть их тайну. Парочку раз его укокошило, но он не отступался. И так и не установил, как они действуют. Но то, что он узнал, не менее важно. Эдисон открыл, что если поместить до конца использованную зажигалку в грааль, большая часть оболочки испаряется, и остается немного железа и меди. Не ахти сколько, но, учитывая, что каждый в долине получает в самом начале одну зажигалку, и обычно дожидается новой, примерно раз в шесть месяцев, за несколько лет можно накопить немало ценного сырья. Викинги использовали этот металл, чтобы изготовить болты и клепки, а так-

же несколько секир. Топорики достались лишь бойцам и кое-кому из корабельных мастеров. Скафхогг, их самый прославленный ремесленник, получил один. И по-прежнему им пользуется. Норвежцы не признают пил и предпочитают рубить дерево топорами. Погоди, скоро увидишь, как пользуется своим Торберг. Он в этом сущий гений.

— И это не единственный его талант, — сказал Боуи. И вытащил длинный нож из ножен драконовой кожи. Клинок из закаленной стали полыхнул на утреннем солнышке. — Он изготовил его для меня по моему рисунку, — продолжал Боуи. — Точно так же, как Рэзин создал оригинал. Не очень хорошо сбалансирован, но уж всяко лучше, чем меч из панциря роговой рыбы. Единственный нож Боуи на всей Реке, как я подозреваю.

— Однако, — заметил Крокетт. — Как ты думаешь, а не мог бы этот Торберг сработать для меня винтовку?

— Вероятно, — ответил Боуи. — Некоторое время назад мы даже состряпали немного пороху для взрывчатки. Но чем ты станешь ее заряжать? Деревянными пулями?

— У, черт! — рявкнул Крокетт. — Не подобает

мужчине разгуливать без ружья. Мне не хватает моей Бетси.

— А вон и Скафхогг, — прервал их Мэзон, указывая на человека в отдалении. — Такое прозвище дал ему король Олаф в десятом веке, — добавил он чуть погодя. — Оно означает «Меткий удар» и намекает на его кораблестроительное искусство.

В сотне футов от них у длинного деревянного верстака стоял коренастый и массивный человек, поглощенный обработкой деревянной доски сверкающим стальным топором. Могучие мускулы колыхались на его руках и плечах при каждом движении. Длинная светлая коса металась вправо-влево по спине.

— Эй, Торберг! — крикнул Боуи, когда они подошли поближе.

Норвежец прервал работу и поднял глаза. Суровые и резкие черты лица смягчились, когда он узнал техасца.

— Эй, Боуи, — откликнулся он. — Добро пожаловать и тебе, и твоим друзьям.

Последующие десять минут они потратили на откровенно пустую болтовню. Торберг говорил на эсперанто с изрядным акцентом, и частенько трудно было разобрать, что он сказал. Однако этот славный мастер обладал проницательным

и живым умом. Он выразил удовольствие по поводу знакомства с Крокетом, и даже согласился выслушать куплетик из песни о метком стрелке.

Исполнение его вызвало у Боуи жуткие страдания. Он совершенно некстати задумался, а показало ли хоть раз это дивное изобретение, называемое телевидением, представление о его жизни. Он мысленно пообещал себе, что задаст этот вопрос Биллу Мейсону как-нибудь наедине.

Серенада закончилась, и Торберг показал им свою последнюю затею: мощное дубовое кресло, которое он сооружал для одного из новоафинян. Разговаривая, он ударял топором по будущей спинке, обтесывая ее с точностью отличного хирурга.

— И что привело вас в мой скромный дом? — спросил он смахивая крохотную щепку с волос. — Думаю, не просто желание показать Крокетту мои изделия?

— Нам нужно построить лодку, — сказал Боуи, не видя причин для околичностей. — Боевой корабль, вроде тех, какие ты тесал для короля Олафа и его людей. Мы замышляем путешествие вниз по реке.

Норвежец не казался сколько-нибудь удивленным.

— Следуйте за мной, — велел он. И, повернувшись, двинулся прочь от Реке в сторону леса. Он явно прекрасно знал, куда направляется. После пяти минут скорой ходьбы он казались у основания могучего дуба, вздымавшегося вверх на добрую сотню футов.

— Вот и киль для вашего корабля, — с гордостью провозгласил он. — Я знал со дня нашей встречи, что когда-нибудь вы обратитесь ко мне с такой просьбой. Это было у вас в глазах. Раньше или позже все настоящие мужчины бросают вызов великой Реке.

— Потрясающее дерево, — присвистнул Дейви Крокетт.

— Ну и длиннющий выйдет кораблище.

— На Земле для короля Олафа я построил один вдвое длиннее, — заметил Торберг. — Великий драккар, который он называл «Длинный змей».

Викинг обвел рукой окружавший их лес.

— Боги давно предчувствовали ваши замыслы. Они позаботились о том, чтобы здесь выросло много прекрасных дубов на доски и шпангоуты для нашего судна.

Боуи кивнул. Не то, чтобы он веровал в скандинавских богов, но он находил весьма необычным, что как бамбук, так и дуб, настолько великолепно

растут в здешних долинах. Как будто невидимые хозяева этого мира бросали вызов людям: стройте корабли и обследуйте Реку. Техасец задался вопросом, а узнает ли он когда-нибудь правду. И хочет ли по-настоящему узнать.

— Чего ты потребуешь взамен? — спросил он у Торберга, прекратив отвлеченные рассуждения. Не стоит увлекаться вопросами, на которые нет ответов.

— Плыть с вами, — немедля заявил Торберг, никого из них не удивив. — Вам нужен кормчий, чтобы править вашим кораблем. Я вам подойду. В конце концов, — добавил он, — ни у кого из вас нет опыта в управлении боевым кораблем на этой Реке. А я уже водил такое судно, направляя весь флот короля Олафа.

— Мы тебя берем, — сказал Боуи со смехом. — Сколько времени уйдет на постройку подобного чуда?

— С помощью других кораблестроителей, — после короткой паузы произнес Торберг, — три месяца. Добавь еще две недели, чтобы обучить команду. Чуть больше, чем через сотню дней, мы сможем отчалить.

Боуи обернулся к Крокетту.

— Твое мщение подождет сто с небольшим

дней?

— Ты, зараза, — отпарировал его друг. — Я не против поторчать здесь немного, коли знаю, что буду вознагражден.

— Решено, — объявил Боуи. — Торберг, собери своих друзей и приступайте к работе. Если понадобится любая помощь, дайте мне знать. А мы тем временем завербуем добровольцев и соберем припасы.

Бурное ликование всколыхнулось в техасце и наполнило его, вырываясь наружу. Впервые с самого Дня Воскрешения он почувствовал себя по настоящему живым. Как хорошо снова служить делу. Любому делу.

— Ты уже выбрал название для корабля? — ухмыляясь, спросил Крокетт.

— Думаю, что да, — ответил Боуи. — Если только джентльмены не возражают, я назову его «Незаконченное дело». Потому что в этом причина всей затеи. В незаконченном деле.

4

Ровно сто десять дней спустя они отплыли. Помимо Боуи и его друзей, команда состояла из шестидесяти греческих моряков, возглавляе-

мых Лисандром Спартанским. Большинство их служило под его началом на Земле и получило основательную закалку в ходе долгой войны между Спартой и Афинами.

Была достигнута общая договоренность, что Боуи станет предводителем экспедиции. Истинный человек из народа, техасец был одним из немногих новоафинян, который не имел врагов. Он, в свою очередь, назначил Лисандра своим старшим помощником.

Греческий воитель был опытным полководцем и умелым мореплавателем, жаждавшим действия и приключений. Он прожил шестьдесят лет и воскрес двадцатипятилетним, и его радужные ожидания занятно контрастировали с невеселыми воззрениями Сократа на человеческую природу. Эти двое частенько заводили долгие и жаркие споры, в которых демократизм Афин сталкивался со спартанским милитаризмом.

Корабль Торберга оказался истинным чудом викингского кораблестроения. Сотня футов в длину и двадцать в ширину по бимсу, с отверстиями для двадцати пяти весел по каждому борту. Единственную мачту подпирали два тяжелых дубовых блока — пяртнерсы. При попутном ветре с поднятым парусом этот скорый и поворотливый

корабль делал десять узлов в час.

Как и все подобны ему суда, он строился снаружи внутрь. Т-образный киль, вырубленный из гигантского дуба, который Торберг показывал Боуи, прогибался в середине, так что во время сражения корабль мог вращаться волчком. К нему была присоединена тонкая обшивка из дубовых досок, каждую из которых вырубили из отдельного дерева, от коры и до сердцевины. К форштевню и ахтерштевню, они же — носовой и кормовой стояки — доски были прикреплены круглошляпочными гвоздями и болтами, и затем соединены друг другом внакрой переплетенными и просмоленными побегами железного дерева. Корпус получился невероятно легким, но весьма водоустойчивым, как бы его ни испытывала стихия. Весило судно менее тридцати тонн с полной нагрузкой — командой и всеми припасами, и осадка его составляла менее трех футов. Боуи и его друзьям казалось, что корабль почти что летит над Рекой. Торберг позаботился даже о деревянных катках, которые они уложили в глубине трюма, и на которые можно было поставить корабль, чтобы вытащить на берег, если понадобится.

У кормы находился руль, примерно, в десять

футов длиной, вырезанный из цельного куска дуба. На полуюте стояла модная баллиста. Мачта поднималась всего на тридцать футов, но парус, сшитый из перепонок рыбы-Дракона, простирался на сорок футов в ширину…

Спартанцы легко приноровились к новому кораблю. Это судно с единственным парусом и огромными веслами не столь уж отличалось от чуть более сложных трирем, на которых они хаживали в былые дни, сражаясь за Спарту. После нескольких испытательных пробегов с новой командой, Торберг объявил, что она достойна его детища. И вот сто девять дней спустя после начала работ, кораблестроитель-викинг сообщил Боуи, что все готово.

Техасец, жаждавший как можно скорее тронуться с места, тут же приказал грузить на борт припасы. Он никогда не видел смысла в долгих прощаниях и решил отчалить на следующее утро.

Все население Новых Афин высыпало их провожать. Лица в толпе отражали смешение чувств, изменявшихся от гнева до радости, от зависти до презрения. Но Боуи не обращал на них внимания. Он никогда не отличался терпением и был счастлив, что отплывает.

Наконец, последние из припасов были погружены, гребцы сели на весла, Торберг встал к рулю. Осталось только сняться с якоря и поднять парус. Боуи воздел руку в прощальном жесте.

— Речь! — крикнул голос с берега. — Речь! Речь! — эхом отозвалось множество других.

Захваченный врасплох, Боуи молчал, не зная что сказать. Сократ, стоявший рядом с ним на полуюте, не страдал излишней скромностью. Он немедленно шагнул вперед.

— Мои друзья и добрые соотечественники, — зазвенел его голос, побуждая замолчать всех, кто галдел в толпе. — Сегодня отважнейшие сыны Новых Афин отплывают в великое странствие. Мы отправляемся на поиски богов, этих чудесных существ, которые, как многие из вас нелепо настаивают, воскресили нас на берегах этой могучей Реки. Что до меня, то я не могу себе представить, как мы найдем их, ибо всем вам хорошо известно, что я сомневаюсь в их существовании.

Большинство в толпе вежливо кивало, ничуть не прислушиваясь к тому, что говорил философ. Некоторые даже зааплодировали. Однако, Боуи заметил немало несчастливых лиц.

— Готовься трогать — пробормотал он Торбергу, когда послышались первые возгласы неодоб-

рения.

— Однажды в прошлом я стоял перед таким благородным собранием, — продолжал Сократ. — В тот примечательный день вы любезно приговорили меня к смерти за развращение молодежи Афин.

Недовольные возгласы стали громче, но философ словно не замечал их.

— Как образцовый гражданин, я повиновался вашей воле. Впрочем, в сердце своем я знал, что если бы цикуту дали всем в Афинах, кто был виновен в подобном преступлении, город опустел бы.

Теперь толпа выглядела жутко. Граждане единым потоком хлынули вперед, готовые вытащить корабль На берег и разорвать Сократа в клочья. Всякая дрянь, которую швыряли рассерженные афиняне, полетела в корабль.

— Поднять якорь, — поспешно приказал Боуи, в то время как камень просвистел мимо его головы. — Быстрее!

Корабль устремился прочь от брега, точно сорвавшаяся с тетивы стрела. Через несколько секунд он был на середине Реки.

— Если я повстречаюсь с богами, — прокричал Сократ, насмехаясь над толпой на берегу, — я непременно предупрежу их о том, как вы учти-

вы.

— Мило и дипломатично, — сказал Боуи с тяжелым вздохом, когда берега Новых Афин скользнули за пределы видимости. — Отныне прошу тебя об одной любезности. Произноси любую речь сперва передо мной.

— Я не мог покинуть их, не сказав им нескольких мудрых слов, — ответил Сократ, судя по голосу, ничуть не сокрушенный. — По меньшей мере, они на долгие годы запомнят наше отбытие.

— Можешь повторить все еще раз, старая жаба, — провозгласил Дейви Крокетт, присоединяясь к ним. Во время речи он стоял на носу. Как-то во хмелю во время дружеского спора с месяц назад, Сократ обмолвился о своем земном прозвище. С тех самых пор Крокетт постоянно им пользовался.

— Это напоминает мне о временах, когда добрые люди из Тенесси проголосовали за мою отставку, — продолжал Дейви. — В своей прощальной речи я пожелал неблагодарному сброду провалиться в преисподнюю. А затем собрал друзей понадежнее, и мы махнули в Техас.

— Еще один дипломат, — улыбаясь, заметил Боуи. — Неудивительно, что тебя столько раз

убивали со Дня Воскрешения. Говорить правду — не лучший способ найти много друзей.

— Я бы поспорил с этим, — сказал Крокетт. — Но такова одна из радостей жизни на Реке. Можешь быть честным, насколько тебе угодно, и не беспокоиться о последствиях. — Он сделал на миг паузу, затем продолжал. — Хотя есть резон в том, чтобы чаще просыпаться голым и безволосым нежели этого не делать. И, возможно, умеренность все-таки лучше.

— Держись середины, — добавил Сократ.

— Аминь, — подхватил Боуи, а затем сосредоточил внимание на Реке. Так началось великой плавание.

5

Первые несколько недель пронеслись стремительно. Они неплохо проводили время, останавливаясь каждый день в нескольких деревнях. На этом отрезке Реки преобладали цивилизации Бронзового Века, и путники встречали теплый прием у многочисленных китайских поселенцев, обитателей здешних берегов.

Всякий раз, когда представлялась возможность, Боуи и его люди пользовались расположенны-

ми среди лесов грейлстоунами. Это снижало их зависимость от дорожных припасов и создавало поводы для встреч и знакомств с местными жителями. Ради безопасности они спали на борту в палатках из кожи Рыбы-Дракона. Сократ всякий раз, когда мог, околачивался на берегу, ведя философские споры с любым желающим. А в них редко оказывался недостаток. Обычно вокруг него собиралась толпа. Одним из главных человеческих проявлений повсюду на Реке казалась готовность обсуждать, в чем смысл жизни, а также все «что», «как» и «почему», связанные с Великим Воскрешением. И Сократ всегда спрашивал: «Что есть справедливость?» И нигде не услышал ответа, который бы его удовлетворил.

Дэйви Крокетт прочесывал каждый новый городишко, высматривая своего давнего недуга Санта-Анну. Исаак сопровождал Крокетта, и его печальные глаза разыскивали в толпах встречных человека, опознать которого мог только он. Ни один из двоих не добился успеха.

Боуи установил одно твердое правило: никаких попутчиков без веских причин. Он знал, что в любом случае на корабль быстро набьются гулящие девицы и прочая шушера. Техасец ясно дал всем понять, что не возражает против любых забав, но

им место на берегу, а не на корабле. И любой, кого это правило тяготит, волен уйти. Все остались.

Спартанцам же строгие порядки на борту и вовсе пришлись по душе. Воспитанные в коммунистическом государстве, которое превыше всего ставило долг, они гордились своей суровостью духа, равно как и физической выносливостью. Лисандр не упускал случая напоминать своим людям об их наследии.

— Не забывайте, — повторял он всякий раз, когда кто-то сетовал на скудость питания или на разразившийся ночью ливень, — что мы не сброд, мы — спартанцы.

Боуи, всегда, когда это получалось, беседовал с местными старейшинами о том, что лежит впереди. Довольно часто главы общин знали о том, что творится в пяти-десяти ближайших деревнях. До сих пор их плавание протекало безмятежно, но Боуи знал, что рано или поздно беда нагрянет незванной-непрошенной. И хотел заблаговременно подготовиться к встрече с ней.

К сожалению, не все знали, что таится за поворотом. На двадцатый день плавания они покинули гостеприимную китайскую деревню без малейшего понятия о том, чего вправе ожидать за ближайшей речной излучиной. Жители деревни,

довольные своей судьбой, никогда не пытались исследовать местность за естественными границами своих владений. Другие экспедиции, которые прошли через их долину из поселений выше по Реке, не возвращались из низовий. Боуи обеспокоено следил, как сужаются огромные каменные стены по мере их приближения к концу занятой китайцами области. Торберг, отдававший себе отчет в неопределенности их положения, держал корабль на середине Реки. Он надеялся, что это даст им несколько дополнительных мгновений для подготовки к отражению угрозы с любого из берегов. Скандинав не убирал рук с руля. Чем уже становилась Река, тем быстрее бежало течение. Даже не используя ни весла ни парус, они теперь развили скорость больше пятнадцати узлов.

— Будьте начеку, — предупреждал Лисандр своих парней, расхаживая взад-вперед по кораблю. — Помните. Мы спартанцы.

Они мчались к следующей долине, и белоголовые волны высоко подбрасывали их темный корабль.

— Следи за стремнинами, — промолвил Торберг, борясь с неподатливым рулем. — Завидите камни — кричите.

Горы теснились у воды с обеих сторон. Скалы вздымались, казалось, на множество тысяч футов над головой. Солнечный свет проникал сюда лишь через узкую щель, и вокруг царили переменчивые сумерки.

Долина оказалась чем-то чуть большим, нежели узкий плах с неизменными грейлстоунами на расстоянии мили один от другого. И — никаких признаков людей или человеческого жилья.

— Пусто, — провозгласил Боуи; по его спине катились мелкие капли пота. «Незаконченное дело» порхало по волнам, направляясь к следующему горному ущелью.

— Никого, — подхватил Крокетт. — Но что впереди?

И это они узнали мене, чем через час. Хотя мощные потоки и сильные волны били по их кораблю, он способен был бы вынести и суровые морские шторма. Они провели его через узкую теснину в конце необитаемой долины, где лишь свет пролился на них — и более ничего примечательного — и вдруг оказались в огромном безмятежном озере, миль эдак в десять диной и в четыре шириной.

— Навались, — немедленно приказал Лисандр. Его спартанцы, всегда бдительные и внимательные

ные, тут же заработали веслами.

— Здесь совсем слабое течение, — сказал Торберг, ослабляя хватку. — Худшее позади.

— Может да, а может нет, — откликнулся Билл Мейсон, не сводя взгляда с ближайшего брега. Мощный деревянный палисад бежал по большей части пляжа, начисто отрезая его от воды. Стены обходил дозором облаченные в кожу воины, вооруженные копьями и мечами. Дозорные молча следили за кораблем, не совершая ни единого движения. Откуда-то из-за укреплений протрубил рог. В сотне футов ниже по Реке отозвался второй. А затем — третий, еще дальше.

— Это предупреждают о нас, — сказал Боуи. — Лисандр, побыстрее.

— Я полез в воронье гнездо, заявил Крокетт и, подтягиваясь на руках, принялся карабкаться по невысокой мачте к обзорной площадке наверху. У него было самое острое на борту зрение.

— По ту сторону озера — тоже стена, — доложил он несколько секунд спустя. — И построена она точно так же, как эта. По всему видать, на обоих берегах заправляют те же люди.

Фарватер отклонился вправо на полмили вперед.

— Держимся середины, — сказал Боуи Торбергу.

Между тем над пляжем разнеслось эхо множества рогов.

— Прямо по курсу — корабли, — крикнул Дейви. — Да примерно такого же размера, как и наш. Быстро идут от берега.

— Выглядят мирно? — спросил Боуи, уже зная, каков ответ.

— Не похоже. На них полно вооруженных людей. Прямо тьма. И целые оравы народу подбадривают их с берега. Похоже, они знают, что делают. Мы не первые, кого сюда занесло, Джим.

— Пираты, — брезгливо поморщился Боуи.

— Или хуже, — предположил Сократ, натягивая панцирь и шлем из драконьей кожи. Он несколько раз рубанул воздух роговым мечом, приноравливаясь к весу клинка. — Они могут быть граалепоработителями.

Боуи выругался. Рожденный на Юге США в конце восемнадцатого столетия, он считал рабство вполне приемлемым, когда дело касалось других. Столкнувшись с такой же перспективой для себя, он закипел от гнева.

— Заряжай баллисту, — проревел он. — Готовь гранаты. Если эти ублюдки хотят драться, мы научим их кое-чему по военной части!

— Спартанцы, готовьтесь к бою, — распорядил-

ся Лисандр, облачаясь в броню и обнажая меч. Половина гребцов оставила весла и стала надевать доспехи, в то время как остальные гребли в прежнем ритме. Как только первая половина снарядилась для боя, она села на весла, а вторая стала готовиться. Все в целом заняло лишь несколько минут, и при этом скорость корабля сколько-нибудь заметно не снизилась.

«Незаконченное дело» обогнуло излучину Реки, и грянула война. Огромные камни, швыряемые с берега катапультами, шлепались в воду поблизости. Над головой свистели громадные стрелы. Два неприятельских судна, движимые тройными командами гребцов, стали приближаться с обеих сторон. По берегам тысячи глоток вопили в возбуждении.

— Римские триеры, — произнес Исаак, и гнев окутал облаком его обычно унылые черты. Облаченные в кожу Рыбы-Дракона и вооруженный двумя короткими мечами, он больше не выглядел кротким тихоней. — Их корабли заметно тяжелее нашего. И легионеры не моряки. Если мы сможем оторваться, они нас не настигнут. Однако остерегайтесь, — мрачно продолжал он, — если они подберутся достаточно близко, чтобы пойти на абордаж. На суше или на воде римляне бьются,

точно загнанные в угол тигры.

— Можно подумать, ты ими восхищаешься, — заметил Боуи, не отрывая взгляда от приближающихся боевых судов.

— Я большую часть жизни провел в легионах, — ответил Исаак, и в его голосе зазвенела гордость. — Но затем, однажды я понял, что путь мой ошибочен.

И отвернулся, прежде чем Боуи успел задать ему новый вопрос. И тут же настала пора действовать.

— Сдавайтесь! — проревел командир одной из трирем, бывшей теперь менее чем в ста ярдах. — Сдавайтесь, и останетесь целы.

— Черта с два, — фыркнул Боуи. Он взглянул на Билла Мейсона, ожидавшего приказов у баллисты. Учитель истории, ко всеобщему удивлению, великолепно стрелял из огромного арбалета, Он утверждал, что обязан своим искусством таинственной организации, которую называл СКА. Боуи предположил, что эта группа — нечто вроде ТВ, МАМ и ИРС, о которых часто упоминал мимоходом этот не всегда понятный человек из будущего.

— Готов, Билл? — спросил он, и на него снизошло невероятное спокойствие. Боуи узнал

это чувство. То самое ледяное безумие, которое овладевало им когда-то на Земле во время многочисленных дуэлей. Рэзин, его братец, называл это боевой яростью.

— Давай-ка пропалим этих засранцев прямо на воду. Огонь!

Мейсон выстрелил. Грозная арбалетная стрела, взвизгнув, пронеслась на водой к ближайшему судну. Историк дополнил ее несколькими уникальными усовершенствованиями. Пустоты внутри вызывали визг в полете, а смесь жира, мульчи и пороху воспламеняла снаряд в считанные миги. Мейсон называл свои снаряды «Коктейлями Молотова» и обещал, что результат будет смертоносным.

Первый выстрел оказался мимо. Снаряд пролетел мимо самого паруса триремы и, не нанеся врагу ущерба, рухнул в воду. И все-таки командующий на корабле получил предупреждение, что ему может грозить смертельная опасность. С палубы «Незаконченного дела» видно было, как римляне карабкаются на мачту. Но поздно.

Проревев, в пиратский парус вонзился второй снаряд из баллисты. В один миг дюжина огненных языков стала лизать дерево и драконью мембрану. Когда загорелась палуба, вверх густо

повалил черный дым. Вопя в страхе, римляне попрыгали с пылающего корабля в Реку. Несколько доблестных воинов осталось и попытались бороться с огнем, но с малым успехом. Трирема беспомощно дрейфовала, лишенная управления, больше никому не угрожающая.

— Берегись второго корабля! — завопил Крокетт, соскальзывая с мачты на палубу, — они быстро идут к нам.

Прикрываясь черным дымом с первой триремы, другой корабль рванулся к ним, точно акула, почуявшая кровь. Он был менее, чем в сотне футов от «Незаконченного дела», и быстро приближался, его нос был повернут точнехонько навстречу их носу. Неизбежно было столкновение, равно сокрушительное для обоих судов.

— Не жалей весел! — прокричал спартанцам Лисандр.

— Греби, пока в щепки не разлетятся!

Крякая от усилий, Торберг всем своим мощным телом навалился на руль. Корабль задрожал и подался вправо. В тот же миг командир триремы отклонил свой курс влево.

Носы двух кораблей встретились, оглушительно затрещало дерево, обе команды кувырком покатились по палубе. Но силу удара смягчила

резкая перемена направления. Ни одному из судов не был причинен значительный ущерб. Они лишь колыхались теперь в нескольких ярдах друг от друга, а матросы на борту поднимались и подбирали оружие. Римляне пришли в себя первыми. С торжественным ревом они перебросили абордажный мостик на палубу «Неоконченного дела». Металлический шип, вделанный в дальний конец трапа, удерживал корабли вместе. За несколько секунд легионеры перелетели по мостику и хлынули на палубу. Двое первых погибли, едва ступив на нее. Сократ, без всяких чувств на лице, всадил свой меч в глаз первому, мгновенно убив его. Ни секунды не медля, грек развернулся и нанес второму противнику удар в голову тыльной стороной ладони. Тот зашатался и ослабил бдительность. Клинок философа вонзился ему в горло, изодрав его в клочья. Афинянин, столь прославившийся в веках как мудрец, участвовал в тех войнах, и был известен по всей Греции как безжалостный и опасный противник в бою.

Прочим нападающим повезло немногим больше. Лисандр уже успел сплотить своих воинов и крикнул им:

— Спартанцы, вперед!

Те ответили стремительным натиском, кото-

рый очистил палубу от абордажников. Но еще не одна сотня римлян была готова к новому вторжению. Они толпились у мостика, связывавшего два корабля. Если не удастся снести мостик, «Незаконченно дело» обречено.

Сверкнули два меча; Исаак вскочил на узкую доску с неистовыми глазами и ликом, искаженным гневом.

Он не пытался хоть как-нибудь защититься от неприятельских ударов, а бился в яростном безумии, сопоставимом с исступлением скандинавского берсерка. Рубя направо и налево, он сваливал по воину каждым ударом. Малая ширина мостика не позволяла римлянам взять числом. И никто не мог его остановить.

Легионеры пытались. Легионеры умирали. Их товарищи, видя, чем это кончается, пятились подальше от опасного места по своей палубе.

Исаак в одиночку расчистил абордажные мостки и удерживал их. Кровь струилась из дюжины ран, а он жег полыхающим взглядом команду триремы, словно призывая римлян показать себя. А затем, прежде чем кто-либо из них откликнулся, прыгнул обратно, на палубу «Неоконченного дела».

— Убери эту дрянь — без всякой надобности

возопил Боуи. С дюжину спартанцев уже возилось с цепким крюком, который удерживал мостик. Дубовые доски негодующе взвизгнули, когда из них вышли железные когти. Неистово возликовав, греки спихнули мостик в Реку.

— Спартанцы, на весла, — распорядился Лисандр. Настало время побыстрее убираться.

Дейви Крокетт небрежно поднял сосуд, сделанный из сухих листьев и глины, извлеченный из рундука на полуюте. Сбоку у сосуда болтался короткий отрезок лозы.

Уравновесив этот предмет на ладони, Крокетт поджег лозу зажигалкой, которую держал в другой руке. Затем, пожав плечами, метнул сосуд через щель меж двумя кораблями.

Секунду спустя прогремел взрыв.

Ошеломленные римляне завопили от боли, когда сотни крохотных осколков кварца и кремния наполнили воздух.

— У, зараза, не подвела! — заулыбался Крокетт, поджигая вторую гранату. — Эх, вот запалы короткие.

Легким движением запястья, он перекинул гранату на трирему. Боуи вздохнул с облегчением, когда та взорвалась в гуще врагов. Слишком уж беспечно относился Крокетт к смерти и раз-

рушению.

— Давайте-ка отсюда выбираться, — сказал Боуи, когда спартанцы принялись грести, — пока наш Крокетт нас всех не отправил в преисподнюю.

Б

Две недели спустя и в тысяче миль дальше они узнали больше, чем могли пожелать о грядущем возмездии. Измаявшись за несколько дней без стоянки, они встали на якорь у мирной египетской деревушки. Пока их команда отдыхала на берегу, Боуи расспрашивал старейшин о дороге. Рядом Сократ обучал Дейви Крокетта тонкостям боя. Как вдруг в дверях палаты совета появился Билл Мейсон. Лицо у историка было белым, как простыня, а взгляд — такой затравленный, что Боуи стало не по себе.

— Ты способен хоть ненадолго? — спросил Мейсон. Голос его дрожал.

— Разумеется, — ответил Джим. — А что такое?

— Я хочу, чтобы ты пообщался с двумя женщинами, — загадочно ответил Билл. И поманил пальцем Сократа с Крокеттом. — Вы двое не можете пойти с нами? Важное дело.

Что-либо еще он говорить отказался. Все четверо быстро прошли через маленькое поселение и вступили в неизменный лес, раскинувшийся от самого пляжа до гор, приблизительно в миле от воды. У них заняло примерно двадцать минут, чтобы дойти до цели.

— Местные жители рассказали мне об этих женщинах и об их пленнике, — сказал Мейсон, когда они к грубой хижине, приютившейся под громадными деревьями. — Не желая верить тому, что я услышал, я пришел сюда нынче утром. И вскоре пожалел, что пришел.

— Потрудись объяснить, что ты имеешь в виду, Билл, — попросил Дейви Крокетт, взгляд его перескакивал с места на место. Этот ветеран боев с индейцами всегда был начеку в лесной чаще.

— Выслушайте, что они вам расскажут, — промолвил Мейсон вместо ответа. — И тогда сами достаточно скоро все смекнете.

Жилище казалось покинутым. Грубая хибара, сложенная из неотесанных бревен, приметная, в первую очередь, большой деревянной клеткой в нескольких футах от двери. И никаких признаков живой души.

Тут в клетке что-то шевельнулось.

— Никогда не слышал ни о каком зверье на

Реке, — пробормотал Крокетт, сощурив глаза. Заглянул меж прутьев. — Ах, черт! — в голосе его чувствовалось потрясение, даже ужас. — Да там человек! Слепой. И пальцы на руках и на ногах отрублены.

— Это чтобы мерзавец не мог удрать. — Говорившая была хорошо сложена, с длинными вьющимися иссиня-черными волосами, откинутыми за плечи. Она стояла в дверях хижины, держа в руках заряженный арбалет. И, судя по ее виду, неплохо умела с ним управляться.

— Я не причиню вам зла, джентльмены, — продолжала она на эсперанто с мощным акцентом лондонских кокни, — но слишком многие являлись сюда замышляя выпустить на свободу вот этого нашего дружка. А этого нельзя позволить. Вот я всегда и готова дать отпор.

— Если бы мы хотел освободить этого беднягу, — сказал Боуи, в котором начал закипать гнев, — один арбалет нас не остановил бы.

— А поэтому моя подружка целится в тебя из леса из другого, приятель, — улыбаясь, произнесла женщина. — Кэти, поздоровайся с этими милыми джентльменами! — крикнула она своей невидимой помощнице.

— Только без шуток, гости дорогие, отозва-

лась вторая, которой никто из них в упор не замечал. — Я могу уложить вас всех четверых за меньшее время, чем кто-то успеет дотронуться до моей Мэри.

— Прошу, не выказывай свою доблесть, — обратилась к ней женщина, которую она назвала Мэри. — Я узнала нашего утреннего посетителя. А вот эти, насколько я понимаю — твои друзья, с которым ты хотел нас познакомить? Ну, что же, джентльмены, прошу садиться. Выслушайте мой рассказ, а потом сообщите мне, по-прежнему ли вам хочется свободы для этого недоноска.

— Пожалуйста, делайте, как она велит, — сказал Мейсон. — Очень важно, чтобы вы услышали ее историю.

— Лады, — прогудел Дейви Крокетт, плюхаясь на траву. — Но я не согласен, чтобы человека держали в клетке, точно дикого зверя. Что бы он ни натворил.

— Это смотря с какой точки зрения, — усмехнулась Мэри. — Я, например, тоже никогда не была сторонницей насилия. Мы с Кэти зарабатывали как могли, бултыхаясь на спине, — она хихикнула. — Впрочем, много раз случалось заниматься этим и стоя.

— Лишь бы джентльмены нам платили, — до-

бавила Кэти, — это самое главное.

— Это не была хорошая жизнь, но не была она и плохой, как у некоторых других в те денечки, — продолжала Мэри.

— Во всяком случае, мы не голодали.

— Англия, 1888 год, — тихо вставил Мейсон.

— Так или иначе, жизнь Кэти оборвалась тринадцатого сентября. Один из дружков-джентльменов перерезал ей горло. То же самое случилось и со мной на моей квартире шестого ноября.

— Кожаный фартук. Так его называли в газетах после первого убийства, — пронзительным голосом вставила Кэти.

— Я все об этом слышала от одной девушки, которая умела читать. И никогда не обращала большого внимания на ту историю. Думала, не моя забота.

— Он поджарил и сожрал одну из почек моей Кэти, — сказала Мэри, упомянув об этой жестокости сухим и бесстрастным тоном. — И этот тип писал о своих подвигах в агентства новостей со всеми подробностями. Называл себя Джек Потрошитель.

Боуи содрогнулся, не в состоянии сдержаться. Да что это за чокнутый, который пожирает части тела своих жертв и выбирает для себя титул,

наподобие Потрошителя.

— Его преступления стали известны всей Англии, — сказал Мейсон, историк навеки. — Джек Потрошитель убил пять женщин, последняя из которых — Мэри, и чудовищно изуродовал их тела. Это продолжалось несколько месяцев. Затем он исчез, не оставив следов. Многие гадали, кто он, но никто так и не узнал истину.

— Я никогда не видела его, — сказала Мэри. Этот тип перерезал мне горло сзади. Ничегошеньки не помню. Как и все вы, я умерла, а затем проснулась голая здесь, на песочке у воды. Первый день был чудной. Почти никаких британцев вокруг, а все больше эти египетские джентльмены и леди. Страсти какие: все нагишом и прочее. Я послонялась туда-сюда, пытаясь найти кого-нибудь, кто понимает по-английски. И тут наткнулась на Кэти. Даже без волос мы друг дружку мигом узнали. Я помнила, как она умерла, а поэтому сообразила, что Красный Джек, вероятно и до меня добрался. Казалось жуть до чего странным, что мы вдвоем опять ожили в одном и том же месте. Вообразите наше удивление, когда, поискав немного, мы узнали, что все пять жертв Потрошителя воскресли здесь неподалеку.

— Мне все это здорово не по душе, — вставил

Крокетт.

— В первый месяц ничего не случилось, — продолжала Мэри, — разве что мы пытались привыкнуть к этому новому миру. Египтяне обходились с нами очень мило. Мы зажили припеваючи. А затем начались убийства.

— Потрошитель? — спросил Боуи.

— Он самый, — ответила Мэри. — Мы пятеро сразу узнали его работу. Оказывается, здесь воскресли не только жертвы, но и убийца. Этот паршивец убивал сзади, перерезая горло ножом. А затем уродовал трупы. Разрезал на кусочки, выпускал кишки и так далее. И, конечно, все убитые были женщины.

— У нас ушло шесть недель на то, чтобы поймать его, — сказала Кэти. — Шесть долгих недель мы его выслеживали и ждали, когда он ошибется. И наконец дождались и поймали его. Взяли с поличным голубчика — по личным причинам. — И она расхохоталась над своей нескладной шуткой.

— Там тоже было кровавое месиво.

— И кто же он такой? — спросил Мейсон.

— Да пошлый зануда из среднего класса, у которого папаня умер от триппера, — ответила Мэри. — Он винил в смерти старикана всех шлюх

в целом и решил, что разрешит проблему своим ножом.

— А я думал, душевнобольные исцелились перед воскрешением, — сказал Боуи.

— Да не был он помешанным, — отозвалась Мэри, — во всяком случае, по его мерке. Потрошитель считал, что оказывает услугу обществу. И стал думать так же, когда возвратился к жизни. Треклятый маньяк был убежден, что женщины служат дьяволу. И считал своим святым долгом карать их за аморальное поведение.

— А таких кругом полным-полно, — ухмыльнулся Дейви Крокетт. — Ему поди, не продохнуть было.

— Он убил двенадцать женщин за эти шесть недель, — угрюмым голосом продолжала Мэри. — Как только мы его сцапали, этот гад попытался покончить с собой. Может, он и был немного не того, но не совсем придурок. Потрошитель знал, что на Реке навсегда не умирают. И что он родился бы где-то в другом месте, где никто о нем знать не знает. А чего еще мог бы пожелать убийца? Эта круговерть с воскрешениями означала, что может убивать всех, кого ему ни приспичит — и совершенно безнаказанно.

— Здесь смерть — это лучший способ ускольз-

нуть, — подхватила Кэти. — Потому-то мы и не могли позволить ему загнуться. Фараон отдал Потрошителя нам, чтобы мы с ним делали, что хотим. По его словам, то, что мы пострадали от преступлений Потрошителя на Земле, дает на право наказывать его в загробной жизни. И Мэри придумала, что и как.

— Вы решили держать его здесь живым, — сказал Боуи, который начал кое-что понимать, — чтобы он не мог повредить кому-то еще.

— Именно так, дружок, — сказал Мэри. — Мы даже калечить его не собирались. Может мы и низкого рождения, но мы не дикари. А затем Потрошитель попытался убить Энии Чэпмен во время попытки к бегству. Тогда-то мы и отрезали ему все двадцать пальцев и вырвали глаза. И заперли его в этой клетке. С тех пор — никаких сложностей. Мы пятеро караулим его по очереди. Больше — чтобы не позволить ему покончить с собой. Не шибко какое удовольствие, но ведь кто-то должен это делать. — Женщина опустила арбалет. — Вы услышали мой рассказ. Все еще хотите освободить Потрошителя?

Боуи медленно покачал головой.

— Нет. Но должно быть лучшее средство справиться…

— Я жду, когда о нем услышу, — перебила Мэри. — Какие бы там боги нас ни воскресили, они не подсказывают нам, когда и как поступать. Ваш друг сказал мне, как называется ваш корабль. Ну, так я вижу и наше положение. Если мы позволим Потрошителю помереть, он возродится и снова станет убивать. А держать его живого — немногим лучше. И та и эдак он — незаконченное дело.

Дэйви Крокетт молча взирал на искалеченного мужчину, скорчившегося у дальней стены клетки. Потрошитель жевал жвачку грез, блуждая в мире своего бредового воображения. Техасский вояка покачал головой и отвернулся.

— А что вы делаете, когда его пальцы опять отрастают? — спросил он.

— Снова отрубаем, — сказала Мэри. — И еще раз, и еще раз, и еще раз.

На обратном пути к кораблю Сократ, который не проронил ни слова во время всей этой встречи, высказал мысль, которая вертелась в голове у каждого.

— Что бы это ни было, — печально провозгласил он, — но это не справедливость.

7

После встречи с Потрошителем и его тюремщицами, Дэйви Крокетт прекратил разговоры о Санта-Анне и отмщении. Очевидно, он более основательно призадумался о своей цели. Не раз и не два течение последующей недели Боуи заставал своего друга поглощенным беседой с Сократом. Во время этих тихих бесед Крокетт ни разу не улыбался.

Самая суть их предприятия оказалась под вопросом еще в тысяче миль ниже по Реке. «Незаконченное дело» причалило у китайской деревни, по обычным причинам. Спартанцы во главе с Лисандром прошагали в дальний конец пляжа, чтобы устроить атлетические состязания. Крокетт, Мейсон, Сократ и Торберг остались на борту, играя в бридж колодой самодельных карт. Историк научил этой игре остальных несколько недель назад, и с тех самых пор они играли при любой возможности. Исаак, как всегда молчаливый, наблюдал за ними.

Как обычно, Боуи потратил большую часть времени на встречи с деревенскими старейшинами. Каждая стоянка на Реке воспламеняла в

нем желание узнать, что там дальше. При всех опасностях и неизвестностях путешествия, он больше не тосковал. А это в Мире Реки много что значило.

Возвращаясь на корабль ближе к концу дня, Боуи вдруг обнаружил, что рядом с ним идет явный индоевропеец.

— Месье Боуи, как я полагаю? — спросил незнакомец. И, хотя он заговорил на эсперанто, не было сомнений, что это француз.

— Я самый, — ответил техасец. — Я тебя знаю?

— Безусловно, нет, — ответил француз. — Я Морис Леблан, в прошлом математик из Тура.

— Весьма любопытно, — заметил Боуи, не сбавляя шагу.

— Но мне-то в этом что?

— Сегодня утром я видел, как прибыло ваше судно. Позднее, от друга из высокого совета я узнал вашу историю. Вы и ваши друзья посвятили себя, несомненно, благородному предприятию! Для меня было бы великой честью, если бы вы дозволили мне к вам присоединиться.

— Прошу прощения, — ответил Боуи, — но мы не подвозим. — Он подхватил эту фразу у Мейсона и часто ею пользовался. Половина тех, кого они встречали, желала попасть на борт «Незакон-

ченного дела». — У нас нет места.

— Разумеется, разумеется, — закивал Леблан. — Но у меня, так сказать, свое незаконченное дело на Реке. И, помимо прочего, я желаю заплатить за проезд.

Боуи улыбнулся. Настойчивость француза невольно тронула его.

— Ничто так не ценится на Реке, как металл, — заявил он, осматривая Леблана сверху вниз изучающим взглядом.

— Которого у вас нет.

— Ага, — заметил Леблан с лукавой и торжествующей улыбкой. — Ваш материализм выдает вас, mon ami. В этом нашем загадочном новом мире есть одно, что ценится больше, чем железо и сталь. Information.

— Продолжайте, — сказал Боуи. Они уже были в виду корабля, но он туда не спешил. — Что вы знаете такого, что я хотел бы услышать?

— Согласно словам моего друга из совета, вам нужны вести о некоем мексиканском государственном деятеле по фамилии Санта-Анна. Мне известно о нахождении генерала. В благодарность за провоз я с радостью сообщу вам все, что о нем знаю. Включая и то, где он теперь.

Боуи рассмеялся.

— А ты кого ищешь на Реке, французик?

— Другого математика, — ответил Леблан, — по имени Пьер де Ферма. Я бы хотел обсудить с ним известную теорему, его последнюю теорему, которая ставила в тупик математиков Земли, включая и меня, в течение веков. Я должен узнать истину.

— Странная причина для плавания вниз по Реке, — произнес Боуи, качая головой. — Сам-то я никогда не увлекался цифрами. Идем со мной, узнаем, что думают другие.

Никто не возражал против условий Леблана. На планете с тридцатью пятью биллионами населения искать одного человека было все равно что выискивать на пляже одну-единственную песчинку. Француз был прав. Знание стоил дороже чего угодно в Мире Реки, включая и железо. И все единодушно проголосовали за включение его в экспедицию в обмен на сотрудничество.

— Шесть раз я умирал со Дня Воскрешения, — провозгласил Леблан, располагаясь поудобнее на полуюте. — По натуре я человек тихий и замкнутый. Я не люблю борьбу и любого рода насилие. Однако я также француз, и время от времени оказываюсь вынужденным выступать в защиту своего собрата по человечеству от варварства.

Превыше всего я верю в свободу, равенство и братство.

— Почем мне так трудно вообразить, будто ты — ласковая ручная зверушка? — спросил Крокетт, ухмыляясь. — ты в этом уверен, Леблан?

— Возможно, годы проведенные в Иностранном Легионе, выдают меня больше, нежели мне хотелось бы, — сказал француз, и глаза его блеснули. — Уверяю вас, я без веской причины не срываюсь.

— Мы два сапога пара, Леблан, — сказал Крокетт. — В лучшем случае, я держу себя в руках часика два в неделю.

— Вот-вот, — признался француз. — Что и привело вот уже к нескольким моим насильственным кончинами в этом нецивилизованном мире. Но что важно для нас сегодня, так это моя самая последняя смерть всего несколько недель назад. — Приветливое лицо Леблана стало собранным. — Если, как многие предполагают, расположение цивилизаций на Реке следует историческому порядку, то я попал сюда из долины в нескольких миллионах милях от здешних мест. Там обитали индейцы из Южной Америки семнадцатого века. Во время моего пребывания среди них, эти обычно мирные туземцы бились не на

жизнь, а на смерть с оравой захватчиков с севера, которые уже покорили дюжину соседних долин. Ко времени моей гибели в незначительной стычке с противником, с юга только-только прибыли большие подкрепления. По моему скромному разумению, назревала война покрупнее.

— Вероятно, одна из сотен, которые происходят у Реки, — вставил Боуи. — Воскрешение, разумеется, не изменило суть человеческой природы. По сравнению с нами, силы ада — ни рыба, ни мясо.

— Не то чтобы меня не занимали твои приключения, Леблан, — сказал Крокетт, — но как вписывается в эту картину Санта-Анна?

— К этому я и веду, — отозвался француз. — Армада захватчиков, а только это название и подходит, представляла собой флот с испанцами шестнадцатого века на борту под предводительством Филиппа Второго Испанского. Их требования к индейцам были недвусмысленными: принять католичество или умереть. Королю в его миссии содействовал бесславный глава инквизиции Торквемада.

Сократ вздохнул:

— Сколько слез, наверное, пролили боги над преступлениями, совершенными во имя их.

— Мои друзья-туземцы были беспомощны про-

тив захватчиков. Лишь своевременное прибытие сил с юга спасло их от уничтожения. И догадываетесь ли вы, кто вел подмогу?

Крокетт простонал:

— Санта-Аннушка. Он всегда хвастался, что он — человек народа. И брат индейцев.

— Этими войсками командовали три человека. Вы совершенно верно угадали насчет Санта-Анны. Двое других были — Симон Боливар, имя которого я помнил, и неизвестный мне человек: Че Гевара. Казалось, все они посвятили себя спасению индейцев от Филиппа и Торквемады.

— Вот так новости, — с горечью пробормотал Крокетт.

— Как я могу укокошить сукина сына, если он герой? Кроме того, прикончить его было бы без толку, коли уж он просто снова родится где-то в другом месте. — И техасский вояка поднялся на ноги. — Может, наше плавание было, в конце концов, не такой уж великой идеей. Может, какие бы дела мы ни оставили незаконченными на земле, о них стоит забыть.

— Ты предлагаешь прекратить плавание? — спросил Боуи.

— Не знаю, — пробурчал Крокетт. — Как-то это неожиданно, и я не шибко уверен, что нам

стоит продолжать. Кроме того, если Леблан прав, Санта-Анна — в пяти миллионах миль от нас. А это порядочно.

— Мы должны плыть дальше, — тихо сказал Исаак. Его взгляд окинул всех собеседников и остановился на Боуи. — Ты понимаешь почему.

— Думаю, что да, — признался техасец, и печаль наполнила его голос. — Ты внимательно слушал, верно?

Исаак кивнул.

— Я был там. — Прошла минута, прежде чем он продолжил. Я был центурионом в римской армии и служил в Иудее под началом Понтия Пилата. Подразделение, которым я командовал, осуществляло казни врагов Рима. В тот судьбоносный день в Иерусалиме нам приказали предать смерти троих: двух воров и одного подстрекателя. Я был хорошим солдатом и все исполнил. Те трое были распяты. — Исаак поглубже вздохнул и, когда принялся продолжать, голос его то и дело спотыкался. — Я сам вбил гвозди в руки человека по имени Иешуа. Как в течение многих лет проделывал много раз. Только от того осужденного я услышал вместо проклятий или криков боли спокойный шепот: «Я прощаю тебя, сын мой. Ты лишь выполняешь волю Божию». — Слезы

заструились по лицу Исаака. — А затем, когда мы подняли крест, взгляд его глазах… этот взгляд… эти глаза… — римлянин замолк на миг, не в силах продолжать. Никто не издавал ни звука. Никто бы нечего не мог сказать, чтобы уменьшить боль. — Я должен его найти, — сказал Исаак. — Он опять где-то снова живет в том мире. Только он может даровать мне мир. Вот почему я не могу прекратить поиски. И не прекращу их.

— Ну, — заговорил Билл Мейсон, с трудом подбирая слова, — я еще так и не нашел Джека Руби. И я хотел бы задать королю Ричарду Третьему несколько вопросов о Лондонском Тауэре.

— И не забудьте Ферма, — добавил Леблан. — Математика требует, чтобы я продолжил охоту.

— Возможно, месть — это не ответ, — сказал Крокетт.

— Но кто знает? Может быть, ко времени, когда мы повстречаемся с Санта-Аннушкой, генерал примется за старое. Забудьте все, что я говорил. Что значит миллион миль для Дэйви Крокетта, короля Пограничья?

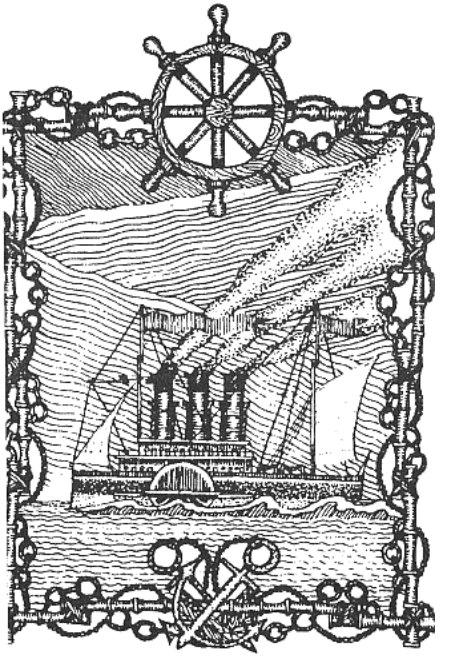
Боуи ухмыльнулся.

— Целую минуту я почти что опасался, как бы вы, ребята, не приняли неверное решение. Рад видеть, что вы вовремя проснулись. Жизнь без

вызовов ничего не стоит. А поскольку смерть — вне вопроса, полагаю, мы должны жить как можно достойней. А теперь хватит переживать. Зовем спартанцев на борт и отчаливаем.

Сократу, как всегда, требовалось сказать последнее слово.

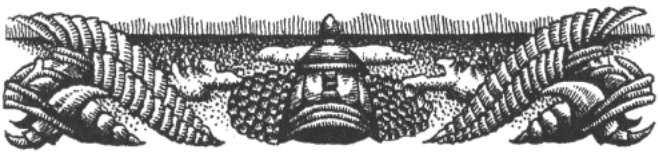
— Может ли быть, — торжественно вопросил он, и слабое подобие улыбки выдавало его истинные чувства, — чтобы мы, люди, неверно понимали главную причину нашего воскрешения? Возможно, неведомая нам сила создала Мир Реки не для нашего исправления, но для своего. Наши зигзаги и блуждания могут быть отражением истинной цели куда более значительного начинания. Порой я подозреваю, что Властители Реки играют нашими судьбами ради своих собственных затей. И не являемся ли мы всего лишь актерами, стремящимися завершить для этих богов… их незаконченное дело?



ТАЙНЫ МИРА РЕКИ

Тайны Мира Реки

Филип Хосе Фармер
Вверх по светлой Реке[31]
1



Ветер дул со скоростью пятнадцать миль в час. Эндрю Дэкстон Дэвис наклонился ему навстречу, но не слишком сильно. Он стоял на краешке тисовой дощечки в пятнадцать футов длиной. Толщина доски составляла три дюйма, ширина — четыре с половиной дюйма. Тридцать футов ее длины поддерживал единственный брус под углом в сорок пять градусов, другой конец которого был прикреплен к зданию башни. За пределами бруса остальные двадцать футов доски были вроде трапа для ныряния. Дэвис, решившись вылезти на самый конец, чувствовал, как трап

---

[31] Примечания: 31

UP THE BRIGHT RIVER by Philip Jose Farmer Copyright© 1993 by Philip Jose Farmer.

прогибается от его веса.

Земля под ним отстояла на расстоянии трехсот футов, но он мог явственно слышать рев и крики толпы, а иногда — обрывки слов какого-нибудь ее представителя. Опрокинутые кверху лица по большей части выражали нетерпение или злобу. Немногие явно ощущали страх или сочувствие к нему.

Там, где кончалась доска, начинался пустой промежуток в двенадцать футов. За ним начинался конец другого трапа, такой же длины и ширины. Но от веса Дэвиса конец доски, на котором он стоял, прогибался и опускался на пять дюймов ниже второго трапа.

Если Дэвис сумеет перепрыгнуть с одной доски на другую, он будет свободен. Император обещал, что любой преступник, который сможет это проделать, получит разрешение в целости и сохранности уехать из страны. Однако нельзя было предпринимать такую попытку или отказаться от нее по выбору. Все главные преступники приговаривались к такому испытанию.

Люди, собравшиеся внизу, боялись за него или надеялись, что он свалится. Их отношение зависело от того, поставили ли они за или против него.

У него за спиной, стоя на платформе башни,

другие заключенные издавали ободряющие крики. Дэвис не знал двоих из них и не имел понятия о том, в чем заключались их преступления. Остальные были его товарищами, если можно их так назвать, которые все вместе предприняли далекое путешествие и были захвачены в плен жителями Королевства Западного Солнца. Это были викинг Ивар Бескостный, сумасшедший француз Фаустролл и проклятие Дэвиса, — красивая, но нечистоплотная Энн Пуллен.

Дэвиса выбрал император Пачакути, чтобы он прыгал первым. Он-то как раз хотел бы оказаться в конце очереди. Если бы он отказался прыгать, его столкнули бы с башни стражники.

Ивар закричал на старонорвежском. Хотя ветер относил слова далеко от губ великана, Дэвис слышал их, как будто они звучали далеко-далеко:

— Покажи им, что ты не боишься! Беги смело, без страха! Беги с быстротой Хуги, великана, имя которого означает Мысль! А потом лети, как будто обладаешь птичьей кожей Локи! Молись своему богу, и обещай, что не принесешь позора ему колебаниями! И нам тоже!

Голос Фаустролла был резким и пронизывал ветер. Он кричал по-английски:

— Неважно, если у тебя не получится и ты

упадешь, мой друг филистер! Одно мгновение ужаса, катарсис для тебя и для нас, а завтра ты проснешься целехонький, как всегда! Что, если ты извинишь мою откровенность, значит сказать совсем немного!

Что касается Энн Пуллен, то она или ничего не сказала, или ее голос перехватил ветер.

То, что предположил о нем Фаустролл, было, за исключением ругательств, правдой. Сегодня он умрет, на рассвете он будет восстановлен. Но, возможно, он окажется дальше вниз по Реке, и ему придется начинать свое путешествие опять с начала. Эта перспектива заставляла его трусить почти так же перед тем, что ему нужно будет делать в ближайшие двадцать секунд. Ему было дано всего две минуты, чтобы предпринять попытку.

— Десять футов, Эндрю Рыжий! — сказал Ивар, когда император произнес его приговор. — Десять футов! Это всего ничего! Я пробегу по этой доске, как олень, я воспарю с ее конца, как ястреб, и опущусь на другую доску, как рысь, прыгающая на добычу!

Смелые слова. Хотя Ивар был шести футов шести дюймов роста и обладал невероятной силой, он весил больше двухсот тридцати фунтов. Требо-

валось поднять большое количество мускулов и костей. Чем тяжелее бегун, тем больше прогнется под ним дерево. Ему не только придется перепрыгнуть, нужно будет еще подскочить вверх, чтобы достигнуть конца другого трапа.

У Дэвиса было то преимущество, что его рост равнялся всего пяти футам шести дюймам, а весил он только сто сорок фунтов. Но разницу составляла степень куража у прыгуна. Повидал он таких мужчин и женщин, которые вполне могли бы преодолеть промежуток, если бы страх не удерживал их.

Никаких колебаний, внушал он себе. Сделай это! Покончи с этим! Вложи в прыжок все, что у тебя есть! Но в желудке у него ныло, и он дрожал.

Он молился Богу, когда рысью помчался назад к башне и поворачиваясь, чтобы встать лицом к доске. Пятидесяти футов не было достаточно для хорошей пробежки. На такой дистанции он не сможет развить максимальную скорость. Но как есть, так и есть. Этого никак не избежать, никаких уважительных причин. Все еще молясь, он полусогнул колени для начального приседания и прыгнул изо всей силы. Тошнота и трусость прошли, или он теперь их не сознавал, он чув-

ствовал себя так же, как было с ним в 1845, ему было десять лет и он совершал прыжок через ручей с другими фермерскими мальчишками, возле Баулинг Грин, графство Клей, Индиана. Тогда он был отмечен славой своего здорового молодого тела и ощущением бессмертия.

Теперь же его дух и тело стали едины, так же едины они были, когда он совершил тот победный прыжок на Земле. Он стал стрелой, нацеленной на конец доски за пустотой. Крики его товарищей, рев толпы и громкий отсчет начальником стражи секунд слились в один голос. Его босые ноги шлепали по дереву так же, как они шлепали по грязи, когда он победил в соревнованиях со школьными друзьями. Но тогда-то при неудаче он рисковал только промочить ноги.

Конец планки приближался гораздо быстрее, чем он считал возможным. Дальше находилось расстояние, которое ему придется преодолеть, короткое в действительности, но длинно-длинное в его представлении. А поддерживающий брус опускался. Всего на несколько дюймов, но легкое отклонение от горизонтального положения может его подвести.

Он сильно оттолкнулся ногой и стал подниматься выше, выше и выше. Под ним зияла

пустота. Он думал: «О Боже, которому я всегда хранил верность, избави же меня от этого зла!» Но совершенно неожиданный экстаз пронизал его. Он ощущал, что рука Бога не только подняла его, но окутала его экстазом, какой знал мало кто, кроме святых.

2

Вчера Эндрю Пэкстон Дэвис тоже был высоко над землей. Но над ним не действовал никакой приговор, и он не боялся немедленно умереть. Он цеплялся за перила бамбуковой площадки, представляющей собой воронье гнездо, а оно раскачивалось на сильном ветру. У него начиналась морская болезнь, хотя никакого моря в этом мире не было.

Сияющий на раннем утреннем солнышке, город внизу скрипел, как будто он был кораблем под полным парусом. До того он поднялся по многим лестницам и взобрался на множество приставных лесенок, минуя массу этажей, чтобы достичь самого верха сторожевой башни, самого высокого сооружения скелетообразного здания, которое само по себе было городом. Хотя Дэвис стоял там всего две минуты, он чувствовал себя

так, словно целый час простоял на вахте судна во время сильного шторма. Но обзор все-таки определенно был мирным и ничем не потревоженным. Буря бушевала внутри него самого.

Река бежала к северу тридцать миль, прежде чем повернуть налево и обойти горный хребет. Таким образом, обозначалась верхняя граница этого королевства. К югу, на расстоянии двадцати миль, Река делала другой поворот. Это была нижняя граница маленькой, но могущественной монархии. Инка Пачакути правил на обоих берегах Реки в пределах этих границ, и ему не подчинялись, только рискуя мучительными пытками, рабством или смертью.

Сразу за окраиной города на севере находился Храм Солнца, пирамида с плоской вершиной, высотой в сто пятьдесят футов, построенная из камня, земли и дерева. Внизу, под Дэвисом, располагались Город Эшафота, Город Многих Мостов, Город, Раскачивающийся На Ветру. Воздушные владения Пачакути Инки Юпанки, правившем на Земле с 1438 по 1471 н. э. Перуанцы того времени знали его как великого завоевателя и императора Пачакути.

Город, который построил Пачакути, не походил ни на один город, известный на Земле, и был, ве-

роятно, уникальным в Мире Реки. Вид с верхней площадки самой высокой наблюдательной башни привел бы в экстаз большинство зрителей. Он заставил Дэвиса чувствовать себя так, словно его подбросили кверху.

Часовой инка ухмылялся. Зубы его давно стали коричневыми от постоянного пережевывания листьев какао. Он множество раз видел здесь Дэвиса, его восхищало постоянство этого человека.

Однажды стражник спросил Дэвиса, зачем он сюда ходит, если это место всегда вызывает у него болезнь. Дэвис ответил, что здесь, по крайней мере, он может спрятаться от еще более тошнотворных горожан этого Города.

Но, внезапно вдохновившись, Дэвис добавил:

— Чем выше я поднимаюсь от земли, тем ближе становлюсь к Окончательной Реальности: Истине. Там, наверху, я, возможно, увижу Свет.

Часовой выглядел растерянным и несколько устрашенным. Он отошел от Дэвиса как можно дальше. То, чем Дэвис с ним не поделился — так это тем, что не только высота и раскачивание заставляют его ощущать головокружение. Он еще чувствовал себя больным оттого, что жаждал увидеть ребенка, которого не могло быть, как не было многих других. Но он не хотел допускать,

что это могло быть правдой. Он был убежден, что где-то вверх по Реке есть женщина, которая родила ребенка в мире, где ни одна женщина до сих пор о таком и не задумывалась. Более того, Дэвис был убежден, что такой ребенок мог родиться от непорочного зачатия и что это было перевоплощение Иисуса.

Снизу слабо доносились звуки болтовни людей, родившихся далеко в Кишве, Аймаре, Самните, Китае бронзового века, и еще десятки других наречий, позвякиванье обрывков слюды на ветру, пронзительные звуки свистков и флейт и барабанный бой. Все это взлетало кверху, окутанное запахом жарящейся рыбы.

Если не считать храма и города, равнины и подножья холмов выглядели как большинство других территорий вдоль Реки. Грейлстоуны в форме грибов, бамбуковые хижины с коническими крышами, рыбацкие лодки, большие военные и торговые суда на веслах и парусах, люди, движущиеся вокруг на равнинах, примыкающих к Реке, — ничего из этого не было необычным. Но города и храма было более чем достаточно, чтобы привлекать мужчин и женщин из далеких мест вниз и вверх по Реке. Точно земные туристы, они были зеваками, которым приходилось платить,

чтобы их только допустили сюда. Их сушеная рыба, деревянные, кремневые, изготовленные из рыбьих костей и кремния инструменты и оружие; кольца и статуэтки, контейнеры из свинца, сигареты, жвачка грез и охра обогащали королевство. Даже рабы до некоторой степени наслаждались этим многообразием.

Через некоторое время, когда Дэвис стоял там, глядя на север, в направлении невидимого Света, над самой площадкой показалось человеческое лицо. Мужчина приподнялся с лестницы при помощи сильных рук и выпрямился. Он так и навис над Дэвисом и часовым. Его бронзово-рыжеватые волосы достигали уровня плеч, глаза большие и светло-голубые, лицо угловатое, но красивое. На нем был кильт, сделанный из синего полотенца, ожерелье из раскрашенных рыбьих костей и шапка, украшенная кусками дерева, вырезанного в форме перьев. На поясе из загорелой человеческой кожи висел большой каменный топор.

Несмотря на внешность дикаря, у него тоже была какая-то своя задача. Во время бегства из его бывшего королевства он, кажется, был охвачен каким-то откровением. По крайней мере, он сказал об этом Дэвису. Что это было, он держал про себя. Дэвис не мог утверждать, что озарение, или

что это там такое было, изменило его характер к лучшему, но Ивар был намерен пропутешествовать к концу Реки. Дэвис предполагал, что там, как викинг считал, он найдет те существа, которые создали эту планету и восстановили мертвых с Земли. И они откроют Окончательную Реальность, Истину.

Ивар Бескостный говорил с Дэвисом на старонорвежском раннего девятого столетия, эпохи викингов.

— Вот ты здесь, Эндрю Рыжий, массажист, наслаждаешься видом и своей тошнотой. Ты видел Свет?

— Не своими собственными глазами, — ответил Дэвис.

— Но мое сердце видит его.

— Что видит сердце, то видят и глаза, — заключил Ивар.

Теперь он стоял рядом с Дэвисом, громадные руки вцепились в поручни, его массивные ноги крепко упирались в медленно покачивающуюся площадку. Хотя он смотрел на север Речной долины, он не пытался увидеть Свет Дэвиса. И не искал свой собственный Свет. Как всегда, когда он находился здесь, он собирался составить план побега, глядя на целое королевство, распростер-

шееся под ним. То, что он был генералом одного из полков инков, было недостаточно, чтобы задержать бывшего королем на Земле и в Долине.

— Мы здесь слишком уж долго застряли, — проворчал он. — Верховье Реки манит, и нам предстоит еще пройти много миль.

Дэвис с тревогой взглянул на часового. Хотя аймара не понимал языка Ивара, он все равно может доложить Пачакути, что эти двое подозрительно о чем-то переговариваются. Тогда Пачакути потребует, чтобы Дэвис и Ивар объяснили ему, о чем они говорили. Если же он не будет удовлетворен их ответами, он подвергнет их пыткам, чтобы вырвать у них правду. Подозрительность кишела повсюду в этой стране, как вызывающие лихорадку миазмы. Вследствие этого, она была полна шпионов.

Как выразился однажды Ивар, человек не в состоянии пукнуть так, чтобы Инка не услышал.

— Я пойду вверх по Реке сегодня вечером, — заявил Ивар. — Ты можешь отправиться со мной, хотя ты и не великий воин. Да, кое-какая ловкость у тебя есть, в драках ты приносил пользу, и у тебя есть веская причина покинуть эти места. Я тебе это говорю, потому что могу доверять, ты не выдашь меня, если решишь остаться. Это похвала

— ведь доверять можно немногим.

— Спасибо, — поблагодарил Дэвис. В его интонации сквозил сарказм, но он понимал, что викинг, согласно своим представлениям, делает ему комплимент. — Я пойду с тобой — ты на это и надеялся. Какие у тебя планы? И почему сегодня? Чем отличается сегодняшняя ночь от всех остальных?

— Ничем. Мое терпение кончилось. Я устал ждать событий, которые могли бы открыть путь. Я сделаю свое собственное событие.

— Кроме того, — вспомнил Дэвис, — Инка слишком заинтересован в Энн. Если ты будешь еще ждать, он сделает ее одной из своих наложниц. Я предлагаю — пусть она отправится с нами.

— Правильно.

— И Фаустролл?

— Безумный может остаться здесь — или пусть идет с нами, если хочет. Спроси его, захочет ли он нас сопровождать. Предупреди, чтобы он оставался трезвым. Если он напьется, он от нас отстанет, возможно, в виде трупа.

Дэвис с Иваром понизили голос, когда Ивар объяснял свои планы. Потом викинг спустился с вороньего гнезда. Дэвис остался там еще некоторое время, так, чтобы часовой не подумал, что

они затеяли заговор и что им не терпится начать коварный труд, направленный против Инки.

В полдень Дэвис был у грейлстоуна на берегу Реки. После того, как верхушка камня извергла гром и молнию, он подождал, пока надсмотрщик не вручил ему большой цилиндрический грааль. Он отошел в сторону поесть то, что ему предложили, шагая медленно и высматривая в толпе Фаустролла. У него не было для этого много времени. Его встреча с Инкой была назначена через час, а этот проклятый язычник не принимал никаких извинений за опоздания от своих подданных.

Через несколько минут Дэвис заметил француза, который сидел на земле, скрестив ноги. Он ел и одновременно болтал с друзьями. Внешность француза больше не была такой гротескной. Он отмыл свои черные волосы от глины и грязи, образующих гнездо на голове, в центре которого лежало деревянное яйцо кукушки. Теперь волосы у него свисали ниже плеч. У него не было больше крашеных усов, и он стер написанную краской математическую формулу у себя со лба. Он только изредка употреблял равноударные словечки, которые некогда отличали всю его речь. Перемена в нем заставила Дэвиса поверить, что Фаустролл

начинал возвращаться к своей святости.

Но его удочка неизменно была в руке, и он все еще называл себя «мы». Он настаивал на том, что употребление местоимения «я» делает искусственное различие между субъектом и объектом, что каждый человек является частью одного сообщества, называемого «человечество», и что это сообщество — только небольшая часть еще более обширной вселенной.

«Мы», включая Великого Уби, то есть Бога, а также всего, что не существует, но может быть названо, а также прошедшее, настоящее и будущее. Он считал эту триаду неразделимой.

Фаустролл раздражал, злил и вызывал отвращение у Дэвиса. Но, по какой-то причине, Дэвис одновременно чувствовал что-то вроде привязанности к нему, он был, против своей воли, очарован Фаустроллом. Возможно, это происходило из-за того, что француз тоже искал Окончательную Реальность, Истину. Как бы то ни было, их толкование этой истины сильно различалось.

Дэвис ждал, пока Фаустроллу не случилось посмотреть на него. Он сделал ему знак рукой, подняв ее на уровень лба, растопырив пальцы. Фаустролл слегка кивнул, в знак того, что принял

сигнал, но продолжал оживленную болтовню на эсперанто. Через несколько минут он поднялся, потянулся и объявил, что идет убить рыбу. К счастью, никто не предложил сопровождать его. Оба встретились на самом берегу Реки.

— Что у нас на уме? — спросил француз по-английски.

— Ивар задумал сегодня к ночи уйти, я иду с ним, Энн Пуллен — тоже. Приглашаем тебя. Но ты не должен напиваться.

— Что такое? Мы, конечно, шутим?

— Мы не развлекаемся, — отрезал Дэвис.

— Мы иногда отравлены, но мы никогда не пьяны.

— Оставь, — велел Дэвис. — Сегодня никакого шутовства. Ивар обещал убить тебя, если ты напьешься, и это не пустая угроза. А ведь тебе известно, что случится с нами, если нас поймают. Так ты идешь с нами — или нет?

— Мы никогда не покидаем места. С другой стороны, мы никогда не находимся на одном месте. Это слишком по-земному и вряд ли можно вынести. Да, мы будем сопровождать вас, хотя ответ на Великий Вопрос, незаконченная сторона формулы, может быть здесь, в этой мелкой метрополии, отличающейся неопределенностью и

нестабильностью, а не, как мы надеемся, далеко вверх по Реке.

— Вот что предлагает Ивар, — объяснил Дэвис.

Фаустролл выслушал, не перебивая, — нечто такое, что бывало с ним редко, потом кивнул:

— Мы верим, что это такой же хороший план, как любой другой, а возможно, он лучше многих. Что не означает, что он вообще имеет какие-то достоинства.

— Очень хорошо. Встречаемся в полночь у скалы Многих Лиц.

Дэвис сделал паузу, потом добавил:

— Не знаю, почему Ивар настаивает на том, чтобы взять с собой Энн Пуллен. Она скандалистка и неряха.

— А! Мы так ее ненавидим, что, должно быть, любим ее!

— Чушь! — рассердился Дэвис. — Она презренная, испорченная, порочная, дрянь из дряней. Рядом с ней Великая Блудница Вавилона смотрится святой.

Фаустролл захохотал:

— Мы верим, что она — существо, которое имело и имеет силу интеллекта и характера, чтобы освободиться от связей, ограничений и запретов, к которым мужчины понуждают женщин

с начала времен, или, может быть, незадолго до них. Она в грош не ставит могущественных мира сего, но щиплет за хобот того бога, которому ты поклоняешься, и хилые общипанные пенисы мужчин, которые поклоняются ему. Она…

— Она будет гореть в аду так же несомненно, как горит спичка, которой чиркнули, — перебил Дэвис, глаза его сузились, кулаки сжались.

— Многие спички не загораются, потому что у них нет достаточных условий для воспламенения. Но мы согласны с последними словами бессмертного Рабле: «Занавес! Фарс окончен! Я отправляюсь, возможно, в поисках большего простора!» Если бы мы умирали навсегда, так бы оно и было. В аду недостаточно огня, чтобы всех нас сжечь.

Дэвис широко развел руками и растопырил пальцы, чтобы выразить безнадежность:

— Молю Бога, чтобы он заставил тебя увидеть свои ошибки, прежде чем будет слишком поздно!

— Благодарим вас за добрую мысль, если она добра.

— Ты непрошибаемый, — ответил Дэвис.

— Нет, я проникающий.

Фаустролл удалился, оставив Дэвиса вообра-

жать, что именно он имел в виду.

Но Дэвис поспешил уйти, чтобы успеть вовремя на свое дневное занятие. Точно так же, как он был королевским массажистом для Ивара Бескостного, когда Ивар был королем территории на дальнем юге этого государства, Дэвис был теперь первым массажистом у Пачакути. Его работа злила и раздражала его, потому что на Земле он был доктором медицины, и весьма хорошим, а после — остеопатом. Он ездил по многим местам в США, читая лекции и находя большое количество коллег по остеопатии. Когда он начал стариться, он основал и возглавил колледж в Лос-Анджелесе, основанный на эклектической дисциплине, невропатии. Там применяли лучшие теории и технологии безлекарственной терапии: остеопатию, хиропрактику, ханемазизм и всякое другое. Когда Дэвис умер в 1919 году в возрасте восьмидесяти четырех лет, его колледж все еще процветал. Он был убежден, что колледж будет расти и образует новые ветви по всему миру. Но люди из конца двадцатого века, которых он встречал, говорили ему, что они никогда не слыхали ни о нем, ни о его колледже.

Семь лет тому назад Ивар был вынужден бежать из своего царства из-за измены своего

помощника, Торфинна Разбей-Череп. Дэвис, Фаустролл и Энн Пуллен ушли вместе с Иваром. Они не знали, чего ожидать от Торфинна, но предвидели, что им это не понравится.

После многих битв, пребывания в рабстве и побегов, все это время двигаясь вверх по Реке, их захватили в плен подданные Инки. И здесь они оставались, перенося все, что им пришлось, и замышляя когда-нибудь обрести свободу.

Ивар был терпелив, точно лиса, наблюдающая за соблазнительной курицей, но его терпение иссякло. Почему именно викинг не был увлечен идеей освободиться самому по себе, Дэвис не понимал. Ведь они стали бы для него обузой — с точки зрения Дэвиса, во всяком случае. Но не поддающийся анализу магнетизм держал эту четверку вместе. Одновременно с тем, что они привлекали друг друга, они и чувствовали друг к другу отвращение. Они вращались друг возле друга по какой-то замысловатой орбите, которая даже у астронома вызвала бы головную боль, если бы он попытался ее вычислить.

Около десяти минут перед своим запланированным появлением по солнечным часам Дэвис уже был в здании, занятым двором Инки. Это было строение из четырех стен и крыши, сидящей на

пересечении множества балок на сто футов над землей. Скелетообразный город скрипел, стонал и раскачивался вокруг, над ними и под ними. Снаружи дома было шумно, а внутри только чуточку потише. Хотя Инка сидел на бамбуковом троне на возвышении, выслушивая своих просителей, люди, окружавшие его, громко разговаривали друг с другом. Дэвис протиснулся сквозь них и стоял теперь за несколько футов от возвышения. Через некоторое время Инка поднимет барабан из рыбьей кожи, ударит трижды и удалится в маленькую комнатку в женщиной, которую выбрал для удовлетворения королевской похоти. После этого Дэвис будет массировать королевское тело.

Пачакути был коротышом, с темной кожей и ястребиным носом, высокими скулами и толстыми губами. Вокруг бедер его короткой приземистой фигуры было обвязано длинное зеленое полотенце, служившее кильтом, а красное полотенце с голубым краем покрывало его плечи, как плащ. Его головной убор составляло свернутое тюрбаном полотенце, отороченное кругом из дуба, из которого торчали длинные поддельные перья разных цветов, вырезанные из дерева.

Был бы Пачакути обнаженным, часто думал Дэвис, он бы не выглядел монархом. Весьма

немногие раздетые короли могли бы соответствовать своему званию. В самом деле, даже сейчас, в его наружности не было ничего более примечательного, чем в любом из его подданных. Но его манеры и поведение были определенно королевскими.

Кто же была та женщина, которая сегодня разделит королевское ложе? Дэвис думал, что ему это безразлично. И тут он увидел, как его bete noir[32], Энн Пуллен, сопровождают два стражника, а за ними следуют еще два. Толпа отступила перед ней. Когда она дошла до помоста, она остановилась, повернулась кругом и улыбнулась, обнажая красивые белые зубы, расположенные позади ярко накрашенных губ.

Хотя Дэвис испытывал к ней отвращение, он признавал сам себе, что она красива. Эти длинные золотистые косы, поразительно изящное тонкокостное лицо, торчащие груди совершенной формы, которыми она гордилась, тонкая талия и бедра и длинные стройные ноги делали ее похожей на богиню. На Венеру, какой та была бы, если бы Праксителю случилось мечтать об Энн Пуллен. Но ведь она такая шлюха, подумал

---

[32] Примечания: 32
Черная овечка *(франц.).*

Дэвис. Хотя, Елена Троянская, вероятно, тоже была шлюхой.

Стражники провели ее в дверь той комнаты, где ждал ее Инка. Через какой-то миг она уже вошла в комнату, а стражники впустили большеглазого низенького священнослужителя, который наблюдал за потенцией Инки во время его половых сношений. Когда король окончательно выбивался из сил, королевский свидетель выходил и комнаты и объявлял, сколько раз Инка овладел своей женщиной.

Толпа будет ликовать и поздравлять своих соплеменников. Королевство будет продолжать процветать; все хорошо в его городском мире.

Но берегись, если Инку постигнет неудача.

Дэвис никогда не ругался. По крайней мере, на Земле. Но теперь он выругался:

— Черт ее побери!

Она отдается Инке и станет теперь одной из его жен, возможно, любимой. Но почему? Она что, поссорилась с Иваром, с тех пор как он сходил на сторожевую башню? Или Инка искушал ее такими предложениями, что она больше не могла отказывать ему? Или она, грешница и проститутка, отвратная тварь из ноздрей Господа, просто решила, что ей хочется возлечь с Инкой,

прежде чем она сегодня ночью сбежит из этого королевства? Говорят, что этот человек имеет необыкновенную мужскую мощь.

Какова бы ни была причина, Ивар все равно узнает о ее неверности. Правда, ему случалось в прошлом прощать ей измены, но тогда Энн сохраняла благоразумие и выбирала время, когда он и сам был с другой женщиной. Со стороны Энн совокупляться с Инкой чуть ли не при всем честном народе, как оно было, — оскорбление, наносимое Ивару. Хотя он обычно хорошо владел собой, он мог бы отреагировать так же безошибочно, как зажженная спичка, поднесенная к пороху.

— Что нашло на эту женщину? — пробормотал Дэвис. — В дополнение к целой орде мужиков?

Энн Пуллен была из Америки конца семнадцатого столетия, которая жила — а жила она самой полной жизнью — в Мэриленде и Вестморлендском графстве, Виргиния. Рожденная в квакерской семье, она перешла в лоно епископальной церкви вместе с большинством ее семьи, табачных плантаторов. Она выходила замуж четырежды: мужчина по фамилии Пуллен был ее последним мужем. Когда она завела первого любовника и когда у нее был последний, она точно не знала. Но они у нее появлялись и исчезали,

по крайней мере, в течение сорока лет ее бурной земной жизни.

Как она заявляла — и это случилось во время публичной записи, — она не видела причины, почему бы женщине не наслаждаться той же свободой, которая является привилегией мужчин. Хотя в ее эпоху это было опасное убеждение, она избежала арестов за распутство и адюльтер. Однако дважды ее чуть не высекли по решению суда, когда она обвинялась в нападении на женщину, которая ее оскорбила.

Возможно, изоляция Мэриленда и Виргинии, где она жила, дала ей возможность избежать сурового наказания, которому она бы подверглась в более цивилизованной области, расположенной у моря. Или, может быть, это было благодаря горячей и драчливой натуре, диким обычаям и свободному духу вестморлендцев ее времени. В любом случае, на Земле она была ужасной грешницей, как считал Дэвис, а в мире Реки она стала еще хуже. Церковь Христа, к которой он принадлежал, заставляла его презирать ее и возмущаться ею. В то же время, он горевал, потому что ее, несомненно, будут жечь в аду. Иногда, хотя он стыдился после себя самого, в своих видениях он упивался ее корчами и криками во время

мучений адских.

Итак, нынче Иезавель вдруг решила совокупиться с Пачакути. Она не могла сделать больше, чем это, чтобы создать трудности. Разве что сказать Инке, что Ивар, Дэвис и Фаустролл собираются покинуть это королевство. Но даже она не будет столь низкой тварью.

Или будет?

Дэвису захотелось улизнуть от двора, но он не смел сердить Инку. Он был вынужден слушать крики и стоны экстаза, издаваемые императором и Энн Пуллен. Придворные и солдаты прекратили свою болтовню, чтобы их послушать, что делало все еще хуже для Дэвиса. Особенно из-за того, что они ничуть не были шокированы. Вместо того, они ухмылялись, хихикали и щипали друг друга. Несколько женщин и мужчин щупали друг друга, а одна пара уже открыто совокупилась на полу. Дикари! Животные! Где та молния, что будет жечь их — в преддверии ада? Где отмщение Господне?

Через несколько часов священнослужитель вышел из комнаты. Улыбаясь, он прокричал, что Инка все еще отличается мужественностью, требуемой богами и его народом. Государство будет процветать; хорошие времена продолжает-

ся. Все, кроме Дэвиса и парочки на полу, шумно приветствовали это известие.

Некоторое время спустя рабыни внесли в комнату чаши и кувшины с водой и полотенца — чтобы выкупать и вытереть Инку и Энн. Когда они вышли, верховный священнослужитель подошел, чтобы совершить очистительный ритуал. Когда с ним было покончено, слуга объявил Дэвису, что император готов принять его. Сжав зубы, но пытаясь в то же время улыбаться, Дэвис вступил в комнату беззакония. Но — несмотря на омовение, от обоих все еще несло потом и обильными сексуальными выделениями.

Энн, совершенно обнаженная, развалилась на ложе. Она вытянулась, когда он вошел, потом повернула к нему свою грудь. Одно из ее главных удовольствий было демонстрировать перед ним свое тело. Она знала, в какое негодование это приводит его.

Император, тоже обнаженный, возлежал на массажном столике. Дэвис подошел, чтобы обрабатывать его. Когда он закончил, ему было велено массировать Энн. Когда император встал со столика, рабы одели его в великолепный церемониальный костюм, великолепный, по крайней мере, по стандартам мира Реки. Потом

он покинул комнату, и толпа приветствовала его радостными криками.

Энн взгромоздилась на массажный столик и повернулась к нему передом. Она сказала на виргинском диалекте своего времени:

— Давай, протри меня как следует, Энди. Император ворочал меня и так, и эдак. Я обучила его многим позам, которых он и не знал на Земле, и он всеми ими воспользовался. Был бы не таким святошей, я бы и тебя научила.

Две женщины-прислужницы оставались в комнате, но они не понимали по-английски. Дэвис, пытаясь, чтобы голос его не дрожал от гнева, спросил:

— И что, как ты думаешь, собирается делать с этим Ивар?

— А что ему делать? — легкомысленно ответила она вопросом. Тем не менее, мышцы ее слегка напряглись. Потом она добавила: — А тебе-то какое дело?

— До греха есть дело каждому.

— Именно те самые слова я могла бы ожидать услышать от вонючего проповедника.

— Вонючего? — переспросил Дэвис.

— Распущенный идиот.

Дэвис массировал мышцы плеч. Он нашел бы

весьма легким делом двигать свои пальцы все выше, сомкнуть их вокруг ее шеи и стиснуть. Хотя он не был крупным мужчиной, руки у него были очень сильные. На минутку он почти осознал, как такая фантазия овладевает его сознанием. Но истинный христианин не убивает, как бы ни сильно было искушение. С другой стороны, ведь в действительности он не убьет ее. Завтра же она появится где-то в другом месте и будет наводить порчу на других. Хотя — далеко отсюда.

— Распущенный, — повторила она. — Ты так меня ненавидишь из-за того, что в глубине души тебе бы хотелось переспать со мной. Старый Адам в тебе мечтает меня изнасиловать. Но ты загнал это желание в тени своей греховности, в Старого Рогача, который там скорчился и притаился. Я так говорю, потому что знаю мужчин. Там, в глубине, они все братья. Все, все, говорю тебе!

— Шлюха! Дрянь! Ты лжешь! Ты хотела бы познать, всех мужчин в мире, вот и…

Она резко повернулась. Она улыбалась, но глаза ее сузились:

— Познать всех мужчин! Ах ты, идиот сладкоречивый! Ты что, не умеешь выражаться на добром английском? Уж не говорил бы «гоп», пока не перескочишь!

Хотя Дэвис еще не закончил массаж, он вышел из комнаты. Фырканье и хихиканье рабов неслось ему вслед сквозь все бамбуковые стены, которые он проходил. Они ни слова не поняли, но интонации голосов его и Энн и ее жесты можно было легко прочесть.

Вспомнив о чем-то, он вернулся в комнату. Энн сидела на столике и вертела своими длинными ногами. Кажется, она была довольна собой. Дэвис встал в дверях и сказал:

— Ты знаешь, что решил Ивар для нас сегодня ночью?

Энн кивнула и ответила:

— Он мне говорил.

— Значит, у тебя была последняя утеха твоей похоти?

— Я играла в животное о двух спинах с королями, но никогда не делала этого с императором. Теперь — если бы мне только найти бога, который взял бы меня, как Зевс взял Леду. Или великого бога Одина — Ивар клянется, что происходит от него. Бога, у которого жизнеспособность продолжается вечно, и нет никаких угрызений совести впоследствии, и он всегда был бы добр ко мне. Вот тогда моя жизнь была бы совсем полной.

— Меня вырвет, — предупредил Дэвис и снова

вышел.

— Это одна из форм извержения спермы, — громко сказал она ему вслед.

Дэвис спустился по тысячам ступенек, все это время удивляясь, зачем эти ненормальные язычники выстроили такой неудобный город. Достигнув земли, он поискал Фаустролла вдоль берега Реки, пока, наконец, не обнаружил, что тот ловит рыбу с пирса. Бамбуковая корзина француза содержала семь-восемь видов полосатых рыб, которых называли зебрами. Он описывал своим собратьям-рыбакам сложность той науки, которую изобрел. Он называл ее патафизикой. Дэвис мало что в ней понимал. Так же мало, вероятно, разбирались в ней и люди, сейчас его окружавшие. Они кивали в ответ на его объяснения. Но озадаченное выражение их лиц показывало, что мыслями они так же далеки от него, как бывало большинство его слушателей. И то, что Фаустролл не очень хорошо владел языком суахили, определенно не помогало им понять его.

3

— Патафизику, — монотонно провозглашал Фаустролл, — трудно определить, потому что

для ее определения нам приходится употреблять непатофизические термины.

Он должен был применять французские слова, перемешанные с суахили, потому что «патафизика» и многие другие термины отсутствовали в языке инков. Таким образом, он еще больше сбивал с толку свою аудиторию. Дэвис решил, что Фаустроллу не так уж и важно, понимают ли его слушатели. Он говорил исключительно для самого себя, с целью убедить самого себя.

— Патафизика — это наука о той области, которая находится за пределами метафизики, — продолжал Фаустролл.

— Это наука воображаемых решений, наука особых, кажущихся исключений. Патафизика считает, что все предметы равны. Все предметы патафизичны. Но только немногие люди применяют патафизику сознательно. Патафизика — не шутка и не мистификация. Мы серьезны, мы не смеемся, мы истинны, как ураган.

Почему-то он добавил по-английски по непонятной Дэвису причине:

— Патафизика синаптична, не имеет отношения к синоптике.

Очевидно, он оставил язык инков. Он продолжал по-французски:

— В заключение, хотя ничего никогда не может быть окончательно завершено, мы ничего не знаем о патафизике — и все же, знаем все. Мы рождаемся со знанием ее — и, в то же самое время, рождаемся абсолютно невежественными относительно нее. Наша цель — двигаться вперед и обучать невежд — то есть, нас, пока мы все не просветимся. Тогда человечество, как мы, к несчастью, знаем теперь, будет трансформировано. Мы станем такими, какими предполагал нас видеть Господь, во многих отношениях, в любом случае, даже если Бог не существует, но, насколько нам известно, оборотная сторона его — хаос, а, зная истину, мы в нашей телесной форме окуклимся и превратимся в подобие истины. Что будет достаточно.

Так вот он, подумал Дэвис, тот самый человек, который в самом деле подходит к определению Энн — «слабак». И все же… и все же… в словах Фаустролла есть какой-то смысл. Убрать только словесные украшения, и получается, что он говорит о необходимости для людей смотреть на вещи под другим углом зрения. Что это говорил тот араб конца двадцатого века, которого он встречал так много лет тому назад? Абу ибн Омар цитировал… как бишь его имя? — а! - чело-

века по фамилии Успенский. «Думайте другими категориями» — вот оно! «Думайте другими категориями». Абу говорил: «переверните предмет, посмотрите на его нижнюю сторону. Говорят, что часы круглые. Но если циферблат повернут к нам Верным углом, часы эллипсоидны… Если бы всем приходилось думать иными категориями, особенно в эмоциональной, семейной, социальной, экономической, религиозной и политической областях, человеческие существа избежали бы многих проблем, которые делают их жизни такими несчастными».

— На Земле этого не случилось, — возразил тогда Дэвис.

— Но здесь это возможно, — настаивал Абу.

— Полная возможность! — согласился Дэвис. — Если все не обратятся к Господу, к Иисусу Христу, за спасением.

— Если бы истинные христиане, не были ханжами, эгоистами, слабовольными, несчастными, узколобыми существами, какими являются большинство из них… Я оскорблю вас, если скажу, что вы один из них, хотя вы станете это отрицать. Значит, оно именно так и есть.

Дэвис тогда подошел поближе, чтобы ударить того человека, но отвернулся, дрожа от ярости, и

покинул его.

Он все еще приходил в негодование, когда вспоминал обвинения Абу.

— Фаустролл! Мне надо с тобой поговорить, — окликнул его Дэвис по-английски.

Француз обернулся и предложил:

— Начинай.

Дэвис рассказал ему насчет Энн и императора. Фаустролл сказал:

— Ты можешь сообщить Бескостному об этой пикантной ситуации, если она тебя задевает. Мы бы не хотели быть с ним по соседству, когда он о ней услышит.

— О, он о ней услышит, хотя и не от меня. Вся местность здесь — лава слухов и сплетен. Ты все еще намерен бежать из этих мест сегодня ночью, как договорено?

— С Иваром, или без него, с Энн и с тобой — или без вас?

Он указал куда-то мимо Дэвиса и добавил:

— Кто-то ему уже сообщил.

Дэвис повернулся. Настоящий город, состоящий из скелетов башен, начинался за полмили от берега Реки. Викинг шагал по площадке по направлению к входу на лестницу. В руке он сжимал рукоятку громадного каменного топора.

Кроме того, он нес еще очень большой заплечный мешок. Дэвис предположил, что в нем — грааль Ивара. Но он так раздулся, что там должно было быть что-то еще. Даже на таком расстоянии Дэвису было видно, что лицо и тело Ивара были ярко-красными.

— Он собирается убить Инку! — воскликнул Дэвис.

— Или Энн, или обоих, — заключил Фаустролл.

Было слишком поздно ловить его. Если бы даже им это удалось, они бы не смогли его остановить. До того они несколько раз видели его в состоянии безумной ярости. Он вполне мог бы обрушиться на их скальпы своим топором.

— Он не пройдет мимо телохранителей Инки, — сообразил француз. — Думаю, единственное, что нам остается делать, это следовать по нашему плану и уходить ночью. Энн и Ивара там не будет. Нам с тобой придется уходить без них.

Дэвис понял, что Фаустролл крайне расстроен: он сказал «я», а не «мы».

К тому времени викинг достиг третьего этажа и прошел через него.

На мгновение он исчез за полупрозрачной стеной из кишок рыбы-дракона.

— Я чувствую, что вроде бы бросаю его, — ска-

зал Дэвис. — Но что мы можем сделать?

— Мы передумали, что является прерогативой, в самом деле, даже обязанностью философа, — объявил Фаустролл.

— Самое меньшее, что мы можем сделать, это последовать за ним и подвергнуться тому же, что произойдет с ним. Мы даже, вероятно, сможем каким-то образом помочь ему.

Дэвис вовсе не считал так. Но он не хочет позволить этому дурню проявить больше храбрости, чем это делает он сам.

— Прекрасно. Давай, пошли.

Они положили свои пожитки в заплечные мешки и заспешили в город. Вскарабкавшись на разные лестницы и лесенки, они оказались на том этаже, где находилось жилище Инки. Они увидели много суетящихся людей и услышали большой шум. С большого расстояния слышался такой гвалт, какой может поднять только большая толпа. В то же время, они почувствовали запах дыма. Пахло совсем не так, как бывает, когда в жилище горит множество огней, чтобы приготовить пищу. Следуя в направлении шума и отстраняя людей, бегущих к лестницам и лесенкам, они вышли на небольшую площадку.

Строения вокруг нее, в большинстве бамбуко-

вые с половинными стенами, были правительственными учреждениями. «Дворец» Инки был самым большим зданием, высотой в три этажа, но узким. Хотя там имелась крыша, стен было всего ничего. Дальняя его сторона примыкала к главному эшафоту города.

Аромат дыма сделался сильнее, и кругом носилось больше мужчин и женщин. Двое пришедших никак не могли ничего понять в этом шуме и криках, пока Дэвис не уловил слово, означающее на суахили «пожар». И только тогда они осознали, что вся эта буря вовсе не вызвана Иваром. Или, возможно, и вызвана. Дэвис вспомнил о громадном заплечном мешке Ивара. Может, там у него были сосновые факелы и земной сосуд, наполненный лишайниковым алкогольным напитком?

Сильный ветер нес облака на юг, что объясняло, почему запах дыма был таким стойким на нижних уровнях. Было бы опасным подходить ко дворцу. Бамбуковый пол площади теперь быстро горел, и им необходимо было обойти это место кругом. Насколько им было известно, на другой стороне пол тоже загорелся. Возле них работала пожарная команда, энергично поднимая большие ведра с водой при помощи шести лебедок. Через многие открывшиеся пространства между

комнатами и этажами Дэвис заметил цепочки людей, передающих ведра с водой из реки.

Все это произошло очень быстро.

Теперь Дэвис различал явственный запах горящей плоти. И он разглядел несколько тел, лежащих в пламени. Несколько секунд спустя сквозь прогоревший пол упал чей-то труп на этаж ниже.

Казалось невозможным, чтобы один человек мог устроить все это разрушение.

— Ну что, и теперь пойдешь? — спросил Дэвис. — Ивар обречен, если он уже не мертв. Нам бы лучше спуститься на землю, пока не попали в огонь.

— Рассудок не всегда превалирует, — отформулировал Фаустролл. — Но с пожаром это бывает.

Они, кашляя, отступили, пока огонь не рассеялся достаточно для того, чтобы они могли увидеть, что происходит. Внешняя сторона здания была от них за несколько ярдов. Рядом была лестница и несколько отверстий в полу, чтобы спускаться через них по приставным лесенкам.

Но они не могли туда добраться из-за толпы, которая их окружала. Путь к основной лестнице и к приставным лесенкам был запружен рычащим, визжащим и дерущимся народом. Некоторые

из них падали прямо на головы спасателей на этаж ниже.

— Возможно слезть по балкам внешнего здания! — взвыл Фаустролл. — Давай попробуем сбежать по ним!.

К тому времени и у других появилась та же мысль. Но пространства для всех оказалось достаточно.

Когда Дэвис с французом попали на землю, руки и ноги у них тряслись от усилий, а ладони, животы и ноги были как следует ободраны. Они пробились сквозь толпу и вскоре оказались близко от Реки.

— Теперь пора оценить маленькое парусное суденышко и поплыть вверх по реке, — заметил Фаустролл.

Дэвис поглядел на скелетообразное здание и на народ, суетящийся вокруг и все еще выходящий из него. Бригада, орудовавшая ведрами, к этому времени завершила свою работу, хотя всего несколько минут назад он поспорил бы на что угодно, что весь город обречен. Дым исчез, за исключением нескольких струй.

У них с Фаустроллом вещи все еще были при себе. А на рыбачьем судне, стоящем на якоре за несколько ярдов от берега, хватало шестов, сетей

и копий. Вполне достаточно.

Когда они вперевалку добрались до лодки, они увидели какого-то мужчину со смуглой кожей, темноволосого, с близко посаженными глазами, лежащего на полу лицом кверху. Его челюсти медленно двигались.

— Жвачка грез, — определил Фаустролл. — Он сейчас где-нибудь среди инков Перу, в мозгу его видения страны, которую он когда-то знал, но по-настоящему она никогда не существовала. Или, может быть, он летает быстрее света среди звезд, где-нибудь на краю безграничного.

— Ничего такого великолепного, — с отвращением возразил Дэвис. Он указал на вздыбленный пенис мужчины. — Он грезит о том, что лежит с самой прекрасной женщиной в мире. Если у него есть для этого воображение, в чем я сомневаюсь. Эти люди — невежественные и грубые крестьяне. Высшая точка их мечтаний — легкая жизнь без всяких обязательств, без хозяев, которых надо слушаться, масса еды и пива, и чтоб каждая женщина была рабой их любви.

Фаустролл взобрался на борт.

— Ты просто описал рай, друг мой, то есть, мир Реки. Если не принимать во внимание хозяев, которых надо слушаться, и того, чтобы каждая

женщина была рабой любви, ты так причудливо описал ту часть человечества, которая носит вельветовые облегающие штаны. Избавься от хозяев и согласись, что многие женщины будут тебя презирать, но зато есть много других, которые не будут, и ты получишь невообразимый мужской идеал жизни в загробном мире. Однако, не так уж скверно. Определенно шаг вперед от нашей родной планеты.

Что до этого парня, он рожден среди бедноты и жил среди нее. Но бедняки — соль земли. Мы не имеем в виду под солью экскрецию, создающуюся определенными геологическими явлениями. Мы имеем в виду соль, остающуюся на коже после большого количества труда и сильного потения, соль, аккумулирующуюся от недостатка мытья. Этот вонючий минерал и пласты гниения, отделяющиеся от кожных клеток, и есть соль земли.

Дэвис залез в лодку, встал и указал на брызжущий пенис мужчины:

— Ого! Ниже, чем животное! Давай-ка, выбросим обезьяну за борт и отправимся.

Фаустролл засмеялся.

— Без сомнения, он мечтает об Энн, нашей местной Елене Троянской. Что ж, мы тоже это делали — и не стыдимся. Однако, откуда ты зна-

ешь, что он не мечтает о мужчине? Или о своей любимой ламе?

— Ты тоже отвратителен, — поморщился Дэвис. Он наклонился и ухватил мужчину за лодыжки. — Помоги мне.

Фаустролл просунул руки лежащему под мышки и поднял его.

— У-ух! Почему притяжение усиливается, если мы поднимаем труп или пьяного, или находящегося под действием наркотиков? Ответь нам, друг наш филистимлянин. Ладно, ответим за тебя. Это потому, что сила тяжести не есть неварьирующаяся сила, всегда отвечающая тому, что мы называем законами физики. Сила тяжести меняется в зависимости от обстоятельств. Таким образом, в противоположность учению Гераклита, то, что поднимается, не всегда опускается.

— Лопочешь, как обезьяна, — недовольно буркнул Дэвис. — Ну, начали! Раз, два, три!

Мужчина плюхнулся в воду набок, вынырнул на поверхность, потом, бессвязно что-то бормоча, поднялся. Он оказался в Реке по пояс и пошел к берегу.

— Благодари же нас за ванную, в которой ты так давно нуждался! — засмеялся Фаустролл и начал поднимать заменяющий якорь камень.

Но Дэвис показал рукой на берег и заметил:

— Вот они идут!

Солдаты в деревянных шлемах и с копьями в руках бежали по направлению к ним.

— Кто-то на нас донес! — и Дэвис застонал в досаде.

Через две минуты их уже вели к тюрьме.

4

Ивара и Энн не убили. Викинг сражался с большой группой солдат, убивая и раня многих из них, все же он каким-то образом достиг своей цели, хотя из многочисленных ран у него струилась кровь. Его залитый кровью топор с треском опустился на голову Инки, и Пачакути перестал быть императором. Ивар не предпринял попытки убить Энн. Единственной причиной, что он этого не сделал, было то, что его сбили с ног сейчас же, как только он размозжил череп Инки.

По закону Королевства Восходящего Солнца Ивара следовало сохранить живым, чтобы подвергать многодневным пыткам до тех пор, когда его тело уже не сможет их воспринимать. Но тот, кто захватил власть, придумал другое. Тамкар был начальником полка, но не являлся закон-

ным наследником трона. Он немедленно поднял свое войско против солдат Пачакути, поубивал их и объявил себя Инкой. Его люди убили других военачальников, оставшиеся из тех полков подчинились новому Инке. Это что касается традиции в порядке наследования.

Хотя публично Тамкар объявил Ивара вне закона, в душе он должен был бы благодарить его. Он приговорил викинга к Прыжку Смерти, но это давало Ивару крошечный шанс победить и быть изгнанным из королевства. Энн Пуллен, Фаустролл и Дэвис не принимали участия в убийстве Пачакути, все же их на суде признали виновными в связи с викингом. На самом деле новый Инка просто избавлялся от тех, кого считал опасными для себя. Он собрал человек двадцать мужчин высокого ранга и заставил их прыгать с мостика. Это не удалось никому, кроме двоих. Народу это понравилось, хотя многие были разочарованы, потому что не все потерпели неудачу. Тамкар разыскал еще других, кто, как он подозревал, мог отнять у него трон. Их, наряду с преступниками, заставили выполнить Прыжок. Толпа любит зрелища. После такой раскачки наступило главное событие. Теперь Ивар и его товарищи имели удобный случай привести в

дрожь публику. Не говоря уже о них самих.

Через две недели после смерти Пачакути Дэвиса и остальных его союзников ровно в полдень привели к башне. Их содержали в тюрьме, так что у них было пространство для усиленной практики. Они практиковались в прыжках в длину на дорожке и над ямой с песком, приготовленных для тех, кто осужден на Прыжок Смерти. Народ любит хорошее зрелище, а императору нравилось то, что нравилось народу. Он сидел на стуле на возвышении, с которого тянулась дощечка к свободе.

Били в барабаны и дули в единорожьи рога. Толпа собравшаяся внизу, громко одобряла объявление о первом прыжке.

Фаустролл, стоя позади Дэвиса, напутствовал:

— Помни, друг наш. Степень силы тяжести зависит от положения того, кто ее вызывает. Если была бы такая вещь, как удача, мы попросили бы, чтобы она была с тобой!

— Удачи и тебе тоже, — поблагодарил Дэвис. Интонация у него получилась очень нервной, даже в собственном восприятии.

Начальник королевской стражи прокричал, что он начинает счет. Прежде, чем кончились две минуты. Дэвис пробежал по тридцатифутовой

дощечке, сильно оттолкнулся от ее края правой ногой и воспарил вверх. Именно тогда экстаз охватил его. Впоследствии он поверил, что это было единственным, что привело его к спасению. Это было дано ему Богом, без сомнения. Он был спасен тем самым Существом, которое спасло Даниила в львином логове.

Тем не менее, он тяжело упал вперед, так как его ноги, сразу за пальцами, застряли в конце дощечки. Грудью и лицом он больно ударился о твердое тисовое дерево, находившееся в конце доски. Его руки вцепились в доску, хотя ему вовсе не грозило свалиться с нее. Прежде, чем встать, он немного полежал. Приветствия, крики «ура!» и радостный шум поднимались над толпой с земли… Дэвис не обращал на них внимания, когда прыгнул с доски на площадку, после чего стражники отвели его в сторону. Сердце у него быстро колотилось, и долгое время он не мог унять дрожь. К тому моменту уже Фаустролл бежал по дощечке, лицо его исполнилось решимости.

Он тоже воспарил, хотя Дэвис сомневался, что француза охватил тот же экстаз, какой испытал он. Он не отклонился ни на дюйм, но сумел заставить себя упасть вперед. Если бы он упал назад и таким образом повис в воздухе, он бы

свалился вниз.

Он широко улыбался, когда встал рядом с Дэвисом.

— Мы такие великолепные атлеты! — воскликнул француз.

В третий раз забили барабаны и зазвучали рога. Энн, так же обнаженная, как ее предшественники, причем кожа ее побелела от страха, побежала по трапу. Склонившись вперед, работая руками и длинными стройными ногами, она без колебаний перепрыгнула через пустоту.

— Какова смелость! Какова отвага! — воскликнул Фаустролл. — Ну и женщина!

Дэвис, несмотря на неприязнь к ней, заметил себе, что француз прав. Но ее храбрости и силы было недостаточно, чтобы удачно приземлиться. Конец доски стукнул ее по диафрагме, а локти зацепились о дерево. Дыхание со свистом вырывалось из нее. Примерно мгновение она висела, перебирая ногами. Ее попытки восстановить дыхание были мучительными. Тогда она вытянула руки и стала двигать ладонями по краю доски. Лицо уткнулось в дерево. Она начала скользить назад, захват ее пальцев ослабел.

Ивар взревел, его голос прорвался сквозь бурные крики толпы и шум людей, стоявших на

площадке:

— Ты же валькирия, Энн! Держись! Ты можешь сделать это! Подтянись вверх — и вперед! Я встречу тебя на площадке! Если я упаду, мы опять с тобой встретимся где-нибудь на Реке!

Это удивило Дэвиса. В течение двух недель их тюремного заключения Ивар ни слова не говорил, обращаясь к Энн. И она с ним не разговаривала.

После его криков Энн улыбнулась, хотя сделала ли она это от отчаяния или от радости услышать слова Ивара, было вопросом. Она обливалась потом, лицо ее даже несколько увяло в сильном сопротивлении, она подтянулась вперед, и вот ее ноги перестали свисать. Тогда она перекатилась на спину и лежала так, вытянувшись, а груди у нее быстро поднимались и опускались. На ее диафрагме сохранился красный след от удара. Две минуты спустя она встала на четвереньки и проползла несколько футов. Потом поднялась на ноги и нетвердо, но с гордым видом прошла к площадке.

Фаустролл обнял ее, возможно, несколько с большим энтузиазмом, чем позволяла скромность, когда она присоединилась к нему. Она немного поплакала, Фаустролл тоже плакал. Но они отделились друг от друга, чтобы проследить

за Иваром, когда снова загремели барабаны и завыли рога.

Громадный мужчина ступил на трап, его бронзово-рыжие волосы так и сверкали на солнце. Как до него делали другие прыгуны, он наклонялся, приседал и подпрыгивал в качестве разминки. Но вот он согнулся, губы его шевелились, считая секунды вместе с начальником стражи. Затем он выпрямился и побежал, работая массивными ногами. Планка прогнулась от его веса. Его левая нога соскользнула вниз всего за несколько дюймов от конца. Он выпрямился, болтая ногами.

Он свалился за фут от конца победной доски. Руки его протянулись и схватились за края деревянной поверхности близко от ее конца. Планка опустилась, немного поднялась и вновь прогнулась. Она громко затрещала.

Дэвис закричал ему:

— Вставай на доску! Она сейчас сломается!

Ивар уже раскачивался, отклоняясь назад, чтобы уловить момент для рывка вперед, так что ему удалось поставить ногу на планку. Как только он пробрался вперед, сильный шум толпы объявил ему, что доска сломалась. Энн пронзительно кричала. Дэвис затаил дыхание. Фаустролл взвыл:

— Mon dieu!

Ивар зарычал и скрылся из поля зрения. Дэвис кинулся вперед и прижался животом к поручням. Планка продолжала переворачиваться. Но викинга не было видно.

Дэвис наклонился сильнее. Там, за тридцать футов от него, внизу, Ивар свисал на руках с покосившейся балки. Когда он качнулся в сторону башни, он достаточно продвинулся, чтобы ухватиться за одну из горизонтальных балок, протянувшихся вдоль главной постройки. Свисая с балки, за которую он держался руками, он ухитрился передвинуться ближе к зданию. Но он, должно быть, соскользнул и упал. Но снова он спасся, ухватившись за поперечную балку, находящуюся под углом в сорок пять градусов к внешней части городской постройки. Его тело, должно быть, сильно ударилось об эту балку, а руки скользили вниз по наклонному дереву, оставляя следы размазанной крови.

Когда они остановились там, где другая стоящая под углом балка соединялась с той, за которую он цеплялся, он изо всех сил постарался подтянуться. И это ему удалось. Потом ему нужно было вскарабкаться назад, наверх, и он попал на площадку, где стоял Дэвис. Не сделай он этого, он бы не был освобожден.

К тому времени Тамкар оставил свой трон, чтобы поглядеть через площадку вниз, на викинга. Он состроил гримасу, когда увидел, как Ивар медленно, но уверенно пробирается вверх по внешней стороне здания. Но даже Тамкар вынужден был подчиняться правилам Божьего суда. Никому не разрешалось вмешиваться в то, что делал Ивар. Только ему предстояло добраться до площадки — или упасть. Прошло десять минут, или около того, и появились бронзовые волосы викинга, а за ними его ухмыляющееся лицо. После того, как он перевалил через поручни, он на некоторое время прилег, чтобы восстановить силы.

Как только он смог встать, он обратился к Тамкару:

— Без сомнения, боги покровительствуют нам четверым. Они предназначили нас для более великих подвигов, чем быть твоими рабами.

— Я так не думаю, — возразил император. — Вас освободят, как приказывают боги. Но далеко вы не уйдете. Сразу к северу от нашего государства вас схватят дикари, и вы больше не будете свободными. Постараюсь убедиться в этом.

С мгновение было похоже на то, что Ивар собирается броситься на императора. Но копья

королевских стражников были наготове для него на этот случай. Ивар расслабился, улыбнулся и произнес:

— Посмотрим.

Дэвис чувствовал себя опустошенным. Божий суд был достаточно ужасен. Теперь, после того, как они его пережили и остались невредимы, они снова попадают в руки зла. Здесь, по крайней мере, у них было вдоволь пищи. Но сразу же за верхней границей Королевства Восходящего Солнца, земля по обе стороны от Реки была занята людьми, которых лучше избегать. Они давали своим рабам достаточно еды, чтобы те работали: им доставляло наслаждение распинать рабов на крестах и привязывать их на долгое время в мучительных положениях; они получали удовольствие от того, что ели их. Если вы были их пленниками и внезапно вас начинали обильно кормить, вы понимали, что главная цель — сделать вас пожирнее для основного блюда.

Дэвис подумал, что ему было бы лучше, если бы он упал и умер. По крайней мере, тогда у него были бы равные шансы проснуться снова далеко к северу от этих мест.

Он все еще пребывал в дурном расположении духа, когда лодка увозила их в пределы того, что

инки называли Страной Зверей. Два матроса начали спускать треугольный парус. Дэвис сидел вместе с другими пленниками в середине суденышка. Руки их были связаны впереди веревками из рыбьих кишок. Они были обнаженными и с собой везли только свои пожитки. По обе стороны стояли стражники с копьями.

Начальник стражи объявил:

— Не пройдет и нескольких минут, и вы все будете свободными. — Он захохотал.

Очевидно, император послал весть диким зверям о том, что скоро у них будут новые рабы в качестве его дара. Группа смуглых, но белых людей стояла у причала на правом берегу. Они размахивали копьями с кремневыми наконечниками и большими дубинками, исполняя дикий танец, солнце сверкало на их блестящих светло-серых шлемах из рыбьей чешуи. Дэвис раньше слышал, что они, как предполагалось — какое-то североафриканское племя, и жили где-то в каменном веке. Зрелище заставило его обливаться потом и ощущать боль в желудке. Но пока что они не нападали на лодки.

Ивар, сидевший рядом с Дэвисом, тихо сказал:

— Нас четверо. Стражников десять. Трое матросов не в счет. Нас больше. Когда я дам команду,

Фаустролл и я нападем на них, со стороны кормы. Ты, рыжеволосый и ты, Энн, атакуете других. Свои мешки используйте как молоты, раскачайте их за ручки.

— Счет в нашу пользу! — повторил Фаустролл и рассмеялся. — Вот это согласуется с патафизикой!

Ивар наклонился и сделал усилие, чтобы развязать веревку, держащую его руки вместе. Лицо его покраснело, мышцы походили на змей, шевелящихся под кожей. Стража только глумилась над его усилиями. Но челюсти у них отвисли, когда веревка лопнула, и он, рыча, вскочил, размахивая вещевым мешком. Твердый нижний конец задел подбородок стражника. Ивар схватил его падающее копье другой рукой и метнул его в живот другому стражнику.

Инки не ожидали сопротивления. Они были убеждены, что, если что-то и возникнет, приручённые рабы легко будут приведены в порядок. Но викинг обезвредил для борьбы двух стражников через какие-то секунды после того, как она началась.

Дэвис и Энн размахивали своими мешками с хорошим результатом. Его мешок отправился вверх и попал в промежность ближайшего

стражника. После этого у него не осталось времени, чтобы видеть, что делают его товарищи. Наконечник копья поразил его в бедро, и тут же человек, который его ранил, упал, когда мешок Дэвиса стукнул его сбоку по голове.

Все закончилось за пять секунд. Матросы выпрыгнули в воду. Ивар побежал к рулевому, который прыгнул за борт. Выполняя команды викинга, произносимые утробным голосом, женщина и двое мужчин подняли парус. Дикари на берегу громко заорали и немедленно начали садиться в лодки. Забили барабаны, очевидно, передавая сигнал тем, кто находился выше по Реке, чтобы они перехватили лодку рабов.

Те были близки к тому, чтобы сделать это. Но Ивар, превосходный моряк, избежал врагов и затем оставил их позади. Они плыли на север, к свободе.

5

Прошло восемнадцать лет после побега из Земли Зверей. Беглецы много боролись за свободу, несколько раз их захватывали в плен, пострадали от нескольких сотен неприятных происшествий и десятков ран. Но они прожили в

этом государстве, Джардине, в течение семи лет, в относительном спокойствии и довольстве.

С Эндрю Дэвисом разделяла хижину Рэчел Эйбингдон, дочь американской четы миссионеров. Дэвис обратил ее в свою веру: в то, что искупитель родился снова на Реке, и что однажды они должны найти его. Тем временем, они проповедовали среди местных жителей, не особенно успешно, зато у них появилось около десятка учеников. Материально Дэвис процветал. Много мужчин и женщин ежедневно приходили к нему, чтобы делать массаж или лечить остеохондроз. За лечение они платили предметами, которые он мог обменивать на другие товары, если он того желал, и их мешки изобиловали изысканными продуктами. Жизнь была легкой. Горожане не жаждали власти, во всяком случае, политической. Дни для Дэвиса проходили так, как будто бы он находился в стране праздных мечтателей. Золотые дни рыбалки и счастливые вечерние сидения вокруг костров, поглощения еды и разговоры плавно переходили из одного в другое.

Ивар Бескостный стал военачальником армии, организованной исключительно в целях защиты. Но соседние государства за тысячи миль вверх и вниз по Реке не находились в состоянии войны.

В качестве военного он не имел особенно много дел, кроме того, чтобы тренировать солдат, проверять пограничные стены и время от времени проводить маневры.

Энн давно уже перестала жить с Иваром. К удивлению Дэвиса, она ударилась в религию. То есть, если Церковь Второй Попытки можно было назвать религией в истинном смысле этого слова. Миссионеры, которых он слышал и с которыми мог поговорить, требовали верить в Создателя. Но они утверждали, что вся земная религия на преуспела в том, чтобы объявить их божественно воодушевленными. Создатель (они избегали слова — Бог) создал существо, превосходящего человека, незадолго до великого воскрешения земных мертвецов.

Это были некие ангелы из плоти и крови, они назывались Творцы, их миссия заключалась в том, чтобы спасти все человечество от него самого и поднять на уровень духовности — тот же, что у Творцов. Мужчины или женщины, которых не удается таким образом поднять после неопределенно долгого количества времени, были обречены. Они будут вечно бродить по пустоте в виде наделенных сознанием и лишенных материальности существ без воли.

— Этика сторонников Второй Попытки очень высока, — усмехнулся однажды Дэвис во время разговора с Энн. — Они не обращают внимания на сексуальную мораль постольку, поскольку принимаются во внимание силы устрашения.

— Сексуальная мораль была необходима на Земле, — объяснила ему Энн, — чтобы защищать детей. А еще — венерические заболевания и нежелательные беременности причиняли большие страдания. Но здесь-то нет таких болезней, а женщины не беременеют. В действительности, самым могучим элементом сексуальной морали на Земле была концепция собственности. Женщины и дети были собственностью. Но здесь нет ничего подобного собственности, никакой личной собственности. Во всяком случае, кроме личного грааля да нескольких полотенец и инструментов. Большинство из вас, мужчин, все еще не усвоило эту идею. Если быть справедливыми, так много женщин тоже этого не понимает. Но все вы в один прекрасный день научитесь.

— Ты все еще потаскушка, — зло сказал Дэвис.

— Потаскушка, которая тебя-то вовсе не желает, хотя ты и хочешь меня. В тот день, когда ты это поймешь, ты будешь на один шаг ближе к истинной любви и к спасению.

Как всегда, Дэвис, сжав зубы и сцепив ладони, удалился, и все тело его напряглось. Но ему было невозможно оставаться вдали от нее. Ведь если бы он перестал с ней разговаривать, он никогда не смог бы привести ее к истинному спасению.

Фаустролл два года назад объявил себя Богом.

— Тебе больше не нужно искать, друг наш, — сказал он Дэвису. — Вот он, перед тобой, Спаситель. Сходство во плоти с человеком, которое мы приняли, не должно тебя обманывать. Это необходимо, чтобы помешать тебе и всем нам остальным быть ослепленными нашей славой. Прими же нас как своего Бога, и мы разделим нашу божественность с тобой.

— В самом деле, ты уже божественен. Что я сделаю, так это открою тебе, как ты сможешь ее реализовать и как действовать, осуществляя свое славное предназначение.

Фаустролл был безнадежен. Философия его была вздором. И все же, по какой-то причине, Дэвис не мог не слушать его. И он делал это вовсе не для развлечения, как раньше считал, и не из-за того, что мог бы заставить Фаустролла увидеть Свет. Вероятно, это было из-за того, что ему нравился Фаустролл, несмотря на его приводящие Дэвиса в ярость замечания. Было что-то в этом французе.

Дэвис месяцами не видел Ивара, когда однажды Ивар вплыл в его поле зрения. «Вплыл» — подходящее слово: Ивар был как громадный корабль, целый линкор. Позади него шел куда меньший человечек. Он был коротышкой, худым, черноволосым и черноглазым. Лицо у него было узким, нос громадный и с горбинкой.

Ивар заревел на эсперанто:

— Эндрю Рыжий! Все еще мечтаешь найти женщину, которая даст рождение второму Христу? Или ты уже бросил эту задачу?

— Вовсе нет!

— Тогда почему же ты сидишь на своей заднице день за днем и неделя за неделей, месяц за месяцем и год за годом?

— Вовсе я не сижу! — с негодованием воскликнул Дэвис. — Я многих людей обратил, которые отвергали Христа! Или таких, которые никогда о Нем не слыхали, которые не бывали в состоянии благодати!

Ивар махнул рукой, как бы отвергая значительность всего этого.

— Да ты бы мог их поместить под одной крышей в маленькой хижине. Ты что же, собираешься вечно болтаться здесь, когда, несмотря на все твои знания, твой Иисус находится на верхней

Реке и ждет, чтобы ты появился и чтобы он мог послать тебя проповедовать?

Дэвис почуял какую-то ловушку. Викинг ухмылялся, как будто бы собирался наброситься на него.

— Куда больше смысла поджидать Его здесь, — сказал Дэвис. — Он придет в один из дней, и я буду готов приветствовать Его.

— Лентяй, лентяй, лентяй! Правда-то в том, что тебе нравится жить тут, где никто не собирается убить тебя или превратить в раба. Ты делаешь слабые попытки читать проповеди, а большую часть времени проводишь на рыбалке — или кроешь свою женушку!

— Да посмотри-ка ты сюда, — начал Дэвис.

— Я уже здесь — и я смотрю. И то, что я вижу — это человек, который когда-то был огнем, а теперь он остыл и боится испробовать трудностей или страданий.

— Неправда!

— Я упрекаю тебя, но я упрекаю и себя самого. У меня тоже была мечта отправиться вверх по Реке, пока я не доберусь до ее устья. Я надеялся найти там те существа, которые создали этот мир и которые вызвали наше воскрешение. Если бы они не ответили на мои вопросы добровольно, они

бы сделали это по принуждению. Я это обещаю, хотя они, кажется, неизмеримо могущественнее меня.

Но я забыл свою мечту. Выражаясь твоими словами, я был как дома в Сионе. Но это место — не Сион.

Дэвис кивнул в сторону человека, который пришел с Иваром:

— Кто это?

Большая рука Ивара подтолкнула маленького человечка вперед:

— Его зовут Бахаб. Он новенький. Бахаб араб, — Он родился на Сицилии, когда его народ захватил этот остров. Не знаю уж, где он жил согласно твоим представлениям, но это неважно. У него имеется интересная историйка, которая мне напомнила о том, что я позабыл. Говори же, Бахаб!

Человечек поклонился. Он заговорил высоким голосом и с сильным акцентом — на эсперанто. Хотя некоторые употребляемые им слова отсутствовали в местном лексиконе, Дэвис из контекста понял их значение.

— Я уверен, вы меня извините за такое внезапное появление и за то, что я, возможно, помешал. Я предпочел бы сидеть с вами за чашкой кофе и хотел бы познакомиться с вами до того, как начну

мою историю. Но некоторые люди такие варвары, или, я бы сказал, у них иные привычки.

— Неважно, — громко перебил Ивар. — Начинай же свою историю!

— А-а, да. Несколько лет тому назад я был в верхней части Реки, далеко отсюда. Я разговаривал с человеком, у которого оказались удивительные новости. Не знаю, правда это или нет, хотя ничего не приобретал, если и лгал мне. С другой стороны, иные люди лгут просто ради удовольствия говорить неправду, сыны шайтана. Но иной раз, если ложь произносится просто для развлечения…

— Не собираешься ли ты заставить меня пожалеть, что я привел тебя сюда? — заорал Ивар.

— Прошу прощения, ваша милость. Человек, с которым я разговаривал, сказал, что у него есть любопытная история. Он много бродил, вверх и вниз по этой долине, но никогда не встречал ничего такого удивительного. Кажется, он однажды побывал в одной местности, где некая женщина, которая дала клятву остаться в девицах, зачала.

— О, Бог мой! — воскликнул Дэвис. — Может ли такое быть правдой?

Бахаб ответил:

— Я не знаю. Я не был свидетелем этого события, и я скептически настроен. Но другие, которые

там были в то время, поклялись, что этот человек сказал правду.

— Ребенок! Ребенок! — воскликнул Дэвис. — Это был мальчик?

— Увы, нет. Это был младенец женского пола.

— Но этого быть не может! — удивился Дэвис.

Бахаб помолчал, как будто бы размышляя и ожидая, не назовет ли его Дэвис лжецом. Потом он улыбнулся:

— Я только говорю вам о том, что тот человек и остальные, — а всего их было пятеро — рассказывали мне. Непохоже, чтобы все они сговорились мне лгать. Но, если это вас оскорбляет, я ничего более не скажу.

— О, нет! — поспешил заверить его Дэвис. — Я вовсе не оскорблен. Наоборот. Пожалуйста, продолжайте.

Бахаб поклонился, затем добавил:

— Все это произошло за много лет до того, как я попал на ту территорию. Теперь этот ребенок должен быть совсем взрослым, — если такой ребенок был. Возможно, та женщина не сохранила девственность, как поклялась, возможно, отец ребенка — какой-нибудь мужчина. Но это уже было бы достаточным чудом, так как все мужчины и женщины, кажется, стерильны.

— Но ребенок — девочка? — переспросил Дэвис. — Этого не может быть!

— Я разговаривал с умными мужчинами и женщинами конца двадцатого века, по христианским меркам, они называют себя учеными, — заверил его Бахаб. — Они мне объяснили, что, если бы женщина забеременела благодаря химическим методам, родился бы ребенок женского пола. Я не понимаю их болтовни насчет «хромосом», но они меня уверяли, что девственница может зачать только девочку. Они также сказали, что в их времена такого никогда не случалось. И ни в какие времена до них — тоже.

— Они не принимают во внимание Бога в своей науке, — объяснил Дэвис. — Однажды такое случилось… когда родился Христос.

Бахаб выглядел недоверчивым, но ничего не сказал.

— То, что по твоему предположению должно случиться, — вставил Ивар, — и то, что случается на самом деле, часто не одно и то же. Ты все еще не знаешь правды. Единственный путь, который ты можешь себе определить, это отправиться вперед и убедиться самому. Ведь не можешь же ты не заинтересоваться только потому, что младенец был женского пола? Были женщины-богини, ты

это знаешь.

— Ты прав, Ивар, — согласился Дэвис. — Я должен найти эту женщину и ее дочь и поговорить с ними. Признаюсь, ты прав и в том, что я позволил лепи и покою убаюкать себя и чуть не заснул.

— Едем! Я тоже спал! Но я устал от этой бессмысленной жизни. Мы построим лодку и поведем ее вверх по Реке!

— Рэчел будет довольна, — сказал Дэвис. — Я так думаю.

Рэчел была в нетерпении скорее ехать, хотя и она была разочарована в том, что Спаситель оказался женщиной.

— Но вообще-то мы не знаем, правдива ли эта история, — сказала она. — Или это может быть полуправда. Возможно, младенец был мужского пола, но злые люди переиначили историю, сделали ребенка девочкой. Это ложь, которую начал Дьявол. У него так много замыслов, чтобы ввести верующих в соблазн и заставить ошибаться.

— Мне не нравится так думать, — заявил Дэвис. — Но ты, возможно, права. Какова бы ни была правда, мы должны ее обнаружить.

Фаустролл выразил желание поехать с ними.

— Это непорочное рождение может быть патафизическим исключением. Патафизика, как мы

отмечали многократно, есть наука об исключениях. Мы сомневаемся, что подобное случилось, потому что не помним, чтобы мы это сделали. Нам будет приятно разоблачить шарлатанов, которые клялись, что именно так и случилось.

Энн Пуллен заявила, что остается в Джардине. Никто, однако, и не просил ее их сопровождать. Дэвис думал, что обрадуется, когда услышит эту новость. Но он почувствовал внезапную боль. Он не понимал, почему так разочарован и почему чувствует стеснение в груди. Он презирал эту женщину.

Месяц спустя лодка была закончена, славное суденышко с единственной мачтой и двадцатью веслами. Ивар подобрал команду, мускулистых мужчин и испытанных в боях женщин, все они жаждали оставить позади легкую жизнь. Только двое из учеников Дэвиса были допущены в лодку Ивара, и это потому, что они не возражали, чтобы драться в процессе самозащиты. Остальные, все пацифисты, должны были следовать за ними на меньшем судне.

На рассвете назначенного для отплытия дня они собрались у грейлстоуна. После того, как камень с грохотом послал в воздух белые вспышки, путешественники подняли свои Граали, напол-

ненные теперь различными продуктами, пивом, сигаретами и жвачкой грез. Дэвис хотел отдать табак, пиво и жвачку команде, хотя предпочел бы выбросить все это в Реку. Так как завтрак для них был назначен на борту попозже тем же утром, они начали садиться в лодку с пирса. Воздух был прохладным, но Дэвис дрожал больше от волнения.

Долгое время он сознавал, что чего-то в его жизни не хватает. Теперь он понял, что это было желание предаваться исследованиям и поискам приключений. На Земле он путешествовал, разъезжая по всем Соединенным Штатам, читая лекции и основывая остеопатические колледжи. Он встречался с враждебностью местных врачей и публики, провоцируемой докторами медицины. Он испытал насмешки, освистыванья, смертельные угрозы и брошенные в него тухлые яйца. Но он упорно продолжал свою кампанию, и, в конце концов, он и его коллеги победили.

В мире Реки он редко оставался подолгу на одном месте, разве что его обращали в рабство. Он был земным бродягой, передвигающимся то туда, то сюда, и моряком, отваживавшимся на далекие путешествия. Он не испытывал настоящего счастья, пока у него не появлялась цель, манящая

его в дальние земли.

Ивар стоял на задней палубе возле рулевого и ревущим голосом выкрикивал приказы. Он тоже был счастлив, хотя и жаловался на нерасторопность и неуклюжесть команды.

Двое норвежцев с узловатыми мышцами начали отвязывать веревки, держащие судно у причала. Они прекратили, когда Ивар заревел на них, чтобы они подождали. Дэвис услышал крик какого-то мужчины и оглянулся на берег. Верхушка солнца как раз осветила горы; в его лучах растворялась серость, незнакомец был освещен. Он бежал через долину, махая руками и взывая на эсперанто:

— Не уезжайте! Подождите меня! Я хочу ехать с вами!

— Лучше бы у него была веская причина нас задержать, — громко сказал Ивар. — Не то попадет он в воду!

Дэвиса заинтересовал таинственный незнакомец, но он тоже почувствовал что-то безотчетное. Не было ли это предвестьем беды? Не принес ли этот человек неприятные новости? Хотя Дэвис не имел никаких причин это подозревать, он почувствовал, что был бы счастливее, если бы этот человек вовсе не появлялся.

А тот добежал до пирса и остановился, тяжело дыша, его дорожный мешок болтался у него в руке. Он был среднего роста, но длинноногий. У него было красивое лицо сильного мужчины, удлиненное, узкое, хотя отчасти затемненное черной шляпой с широкими полями, сидящей на макушке. Из-под тени от шляпы виднелись темные глаза. Длинные волосы, падавшие из-под шляпы, были блестящими и черными. Плечи его прикрывал черный плащ. Вокруг пояса он обвязался черным полотенцем. Его сапоги были из блестящей черной рыбьей шкуры. На черном поясе укреплены деревянные ножны, из которых торчала рукоятка рапиры — тоже из рыбьей кожи. Если бы оружие было сделано из железа, это было бы уникально для данной местности.

— Что тебя сюда принесло и почему ты каркаешь, как ворона, предвещая нам несчастье? — заревел Ивар.

— Я только что услыхал, что вы отправляетесь вверх по Реке, — сказал незнакомец глубоким голосом. Его эсперанто тяжело перебивалось родным языком, в котором, должно быть, было много резких звуков. — Всю дорогу с гор я бежал бегом, чтобы застать вас. Я бы хотел записаться в команду. Вы найдете, что я подходящий спутник.

Я отлично умею грести, и я превосходный лучник, хотя из-за последних событий утратил свой лук. И драться могу.

Он выдержал паузу, затем добавил:

— Хотя я и был когда-то мирным человеком, теперь я живу шпагой.

Он вытащил свою рапиру. Она и в самом деле была стальная.

— Многих людей она пронзила.

— Твое имя? — заорал Ивар.

— Откликаюсь на Ньюмена.

— Я ожидаю и получаю беспрекословное послушание, — предупредил Ивар.

— Вы его получите.

— Какова твоя цель?

— Конец Реки, хотя я не спешу попасть к нему.

Ивар захохотал, потом сказал:

— У нас есть кое-что общее, хотя, я полагаю, многие пытаются туда попасть. У нас найдется для тебя место, если ты действительно хороший гребец. Поднимайся на борт. Позже в свою очередь сядешь грести.

— Спасибо.

Лодку оттолкнули от пирса, и два норвежца прыгнули на палубу. Вскоре судно уже шло вверх по Реке. Когда подул утренний бриз, гребцы вста-

вили весла в уключины, подняли косой парус, и команда уселась, чтобы перекусить.

Ивар спустился с палубы, чтобы побеседовать с людьми средней части судна. Остановился над новичком.

— Какую интересную историю ты нам принес?

Тот посмотрел на него снизу вверх:

— Я их много знаю.

— Все мы знаем, — сказал Ивар. — Но какую ты считаешь самой интересной?

Ньюмен прикрыл ладонью глаза, как бы для того, чтобы загородиться от света, пока он копается в своей внутренней пустоте. Кажется, нащупывал какое-то сокровище.

Наконец, произнес:

— Пожалуй, самый забавный был человек, который претендовал на то, что он Иисус Христос. Ты о нем знаешь — или ты жил в те времена и в том месте на Земле, где о нем ничего не слыхали?

— Моими богами были Один, Тор и другие, — проворчал Ивар. — Я принес им в жертву многих христиан на Земле. Но ближе к концу жизни я стал христианином. Ты мог бы сказать, что больше из желания оградить себя, чем по истинной вере. Когда я попал в этот мир и нашел, что это не Вальгалла и не Рай, хотя здесь больше похоже

на Вальгаллу, чем на Рай, я отверг обе веры. Но трудно не взывать к родным богам, когда я в них нуждаюсь.

— Те, кто никогда не слыхал об Иисусе на Земле, слышали о нем здесь, — сказал Ньюмен. — Но ты-то достаточно знаешь о нем, так что мне нет нужды тебе объяснять, кто он такой.

— Да уж как я ни старался знать о нем поменьше, мне это никак не удавалось, — ухмыльнулся Ивар. Он указал на Дэвиса: — Вот этот человек, Эндрю Рыжий, то и дело о нем болтает.

Дэвис протиснулся поближе к Ньюмену и заявил:

— Мне не терпится услышать твою историю, незнакомец. Но этот человек, который претендует на то, чтобы быть Христом, не может быть Им. Он на небе, хотя, возможно, он и перевоплотился в женщину в этом мире. Или так говорят некоторые. Мы с моей женой плывем вверх по Реке, чтобы найти ее.

— Удачи вам, хотя есть шанс, что она может оказаться и в низине Реки, — ответил Ньюмен. — Но я надеюсь, ты не обидишься, если я скажу, что ты будешь разочарован, даже если найдешь эту женщину?

— Довольно! — оборвал Ивар. — Давай исто-

рию!

— Я попал на определенную территорию вскоре после того, как человека, называющего себя Иисусом, распял фанатический средневековый монах, немец. Его звали Крамер Молот. Распятый человек все еще был жив, так что ты поймешь, как скоро после этого события я туда прибыл. Ну, если короче, так я с ним говорил, прежде чем он умер. А после я разговаривал с мужчиной, который жил во времена того, распятого человека, и в том же месте на Земле, и хорошо его знал. Этот человек подтвердил, что умерший на кресте действительно был Иешуа, как называл его свидетель.

Я был очень близко к нему, когда он произносил свои последние слова. Он закричал: «Отец! Они знают, что делают!

Не прощай их!» Это звучало так, как если бы его опыт в этом мире лишил его веры, какую он имел на Земле. Как будто бы он знал, что человечество не стоит спасения — или что он не сумел выполнить свою миссию.

— Невозможно! — воскликнул Дэвис.

Ньюмен холодно воззрился на Дэвиса:

— Так я лгу?

— Нет, нет! Я не сомневаюсь в правдивости

твоего изложения случившегося. Но я не могу поверить, что тот человек на кресте на самом деле был Иисус. Он не первый и не последний из тех, кто говорил, что он Спаситель. Некоторые могли искренне поверить, что они таковыми и были.

— Как ты расцениваешь показания свидетеля?

— Он лгал.

Ньюмен пожал плечами.

— Мне-то все равно.

Рэчел тронула Дэвиса за плечо:

— Похоже, что ты встревожен.

— Нет. Я рассержен.

Но он был и расстроен, хотя понимал, что не должен бы.

В тот вечер судно пристало возле грейлстоуна. После того, как камень испустил гром, команда поела. Они поедали и только что пойманную и приготовленную местными жителями рыбу. Дэвис сидел в кружке у бамбукового костра. Фаустролл сидел рядом.

Француз сказал:

— Твоя жена была права, когда заметила, что ты казался встревоженным рассказом Ньюмена. И наверное, до сих пор не успокоился.

— Моя вера не рухнула и даже не пошатнулась, — заверил его Дэвис.

— Так ты говоришь. Твое тело и твой голос выдают, что ты погружен в черные мысли.

— Свет рассеет тьму.

— Возможно, друг, — согласился Фаустролл. — Ну, поешь немного рыбы. Она великолепна. Это то, во что можно верить.

Дэвис не отвечал. Вид грязных губ Фаустролла и мысль о поверхностной натуре француза вызывала у него тошноту. Или тошнота возникла по другой причине? Он был гораздо более расстроен, чем хотел признаться Рэчел или Фаустроллу.

— Этот незнакомец, он говорил так авторитетно, — вспомнил Фаустролл. — Конечно, так говорят все сумасшедшие.

— Сумасшедшие?

— Есть что-то нездоровое в этом человеке, хотя он владеет собой. Ты этого не заметил? Одет в черное, как будто в трауре.

— Просто он напоминает еще одного корыстного авантюриста, — объяснил Дэвис.

Фаустролл положил руку на плечо Дэвиса:

— Есть кое-что, что мы должны тебе сказать. Может быть, мы неверно выбрали время, мы видим, что ты в такой меланхолии. Но раньше или позже, ты, который ищет Свет, должен открыть на это глаза, хотя Свет может оказаться не того

цвета, которого ты ожидал.

— Да? — Дэвис крайне заинтересовался.

— Мы говорим о том случае, когда ты перепрыгнул через пустоту между планками Пачакути. Ты говорил, что был охвачен духовным экстазом, как только твоя нога оторвалась от доски. Экстаз поднял тебя в воздух, как будто ты был шаром, надутым газом. Ты прыгнул выше, чем должен был, выше, чем был способен. Ты говорил, это дал тебе Бог. Но…

Дэвис, сидя, выпрямился. В глазах мелькнул интерес:

— Да?

— Ты преодолел промежуток и опустился на планку. Но твоя нога зацепилась за ее конец. В результате ты приземлился больно и мучительно. Ты мог бы тогда свалиться с планки, если бы не схватился за нее сбоку.

Фаустролл умолк. Дэвис спросил:

— Ну и что из этого?

— Экстаз — это прекрасно. Он благополучно перенес тебя. Но потом — ты зацепился за планку. Пришла реальность, экстаз исчез.

— И что из этого?

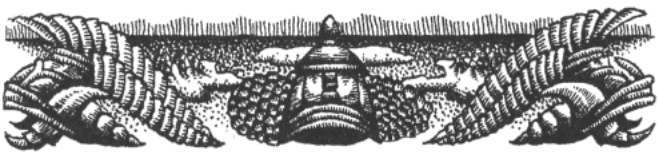
— Мы проводим аналогию, возможно, прибегаем к иносказанию. Вспоминай тот прыжок, друг,

в то время как твое странствие есть поиски того, что может быть воображаемым. Экстаз нематериален и дается временно. А реальность жестока и продолжительна и часто мучительно и больно калечит. Что ты станешь делать, если обнаружишь, что та женщина вовсе не была беременна, и никакого ребенка нет?

Реальность может быть дубинкой, которая расшатает твою возможность снова ощущать тот экстаз. Мы надеемся, и это тебе на благо, что ты никогда не найдешь этого ребенка.

Подумай об этом.

Джоди Линн Най
Коль не по нраву пьеса королю...[33]



— Нет, вы слушайте те строчки, которые произносите, — просил свою труппу Вильям Шекспир. — Если вы станете просто декламировать, вы не вызовете сочувствия у публики. — А вы, сэр, — он повернулся лицом к одному из актеров, — вряд ли они будут переживать за вас. Вы гнусный непорядочный негодяй, выдумщик, лжец и клеветник. Ваше наказание, по крайней мере, в высшей степени заслужено.

— Виновен, как сам грех, милорд, — ухмыльнулся Вашингтон Ирвинг, облокачиваясь о поручни судна «Город Лондон». — Не могу не надеяться на сочувствие. Оно в натуре человеческой. Сожалею,

---

[33] Примечания: 33

IF THE KING LIKE NOT THE COMEDY by Jody Lynn Nye Copyright © 1993 by Jody Lynn Nye

Вилл. Попытаюсь еще раз быть нераскаявшимся Люцио. Повторю снова, мера за меру.

Вилл отвернулся, чтобы слегка улыбнуться каламбуру молодого человека.

— Ну, так сделайте это. А вы, герцог, умоляю, попытайтесь быть более величественным. Вы же центральная фигура, из-за вас все и случается.

Аристофан резко кивнул ему. Из-за своих черных, как вороново крыло, бровей и курчавых, точно у барана, волос, он все время выглядел строго, но Вилл понял, что это выражение лица скрывает могучее чувство юмора. Он был также неисправимой «сухопутной крысой» и страдал всякий раз, когда Труппа Шекспира путешествовала по Реке на какие-нибудь гастроли. Он неверной походкой прошелся по палубе и ухватился за поручень рядом с Ирвингом. Его оливкового цвета лицо побледнело.

— Скоро мы пристанем к берегу, амики Виль?

— Как только увидим знамя, мой друг, — пообещал Шекспир, — но только если народ Алкополандо падет в пределах границ тех, кто готов принять и выпустить на сна сушу такими, как мы есть. Строчку, пожалуйста, мистер Ханг.

— «Честь в том залог, — ты женишься на ней», — тотчас выдал Ханг Йи, сидевший на боч-

ке против двери каюты. Их суфлер никогда не нуждался в том, чтобы обращаться к тексту: он был записан в его вместительной памяти.

Внезапный шум прервал их беседу.

— Эй, Вилл, — взывал к нему Гарун Бакстер, размахивая деревянным рогом. — Так мы играем финал или нет? У Уэббера как раз достаточно пороха для того, чтобы мы еще разок пробежали пьесу, прежде чем остановиться и снова повторить.

— Ты прав, Гарун. Очень хорошо! Начнем! — Вилл хлопнул в ладоши и перекричал весь шум голосов на трех ведущих суднах. — И — раз, два, три!

* * *

Когда он проснулся в этом мире, голый и безволосый, Шекспиру достаточно повезло, чтобы попасть среди большого количества людей, явившихся сюда из его собственной эпохи, из Англии конца семнадцатого века, включая даже двух актеров его компании из Стратфорда — уж это было просто чудо! Поскольку здесь не было нужды бороться за одно только выживание, казалось в высшей степени естественным продолжать с того места, где они остановились. В течение ко-

роткого промежутка времени Малый Стратфорд, под каким названием стала известна тесная группа лесов и опушек, хвасталась тем, что является единственной организованной театральной труппой и вверх, и вниз по Реке.

Ведущая актриса была сестра Маргарет, бывшая монахиня, которая обожала шекспировские драмы и разражалась истерическим смехом каждый раз, когда слышала реплику «Офелия, иди в монастырь!», хотя ни разу не объяснила, почему. Раз уж она пережила потерю своей религии, монашеской одежды и безопасности монастыря, они с Биллом стали неразлучны. Не будучи красавицей с точки зрения других мужчин, она обладала сияющими темными глазами и густыми черными волосами — два качества, которые Вилл всегда считал привлекательными. Фигура у нее отнюдь не была сформирована из одних костей, что ценили уроженцы двадцатого века, но она была пышной и обладала теплыми изгибами тела. В этой комедии она играла миссис Овердан, но она уже успела побывать няней Джульетты, Элизабет Вудвилл и аббатисой Эмилией, все она исполняла с одинаковой самоуверенностью. Она изображала ведущую хора и играла мелкие роли, и все же у нее оставалась энергия для того

времени, когда они вдвоем оставались наедине. Поистине Господь призывал служить себе самых невообразимых женщин. Она была удивительным адресатом сонетов.

Остальные три драматурга пришли в Малый Стратфорд по одному. На второй год после воскрешения по Реке приехал Ирвинг вместе с Хангом Йи — в лодчонке из бамбука, нечто вроде рыбацкого судна. Американец оказался дружественно настроенным и сердечным, всегда готовым погасить любой спор при помощи юмора. Ханг Йи был просто сокровищем. Он держал в уме все тексты, какие он когда-либо читал, какие бы они ни были банальные, но среди них — все пьесы Вилла. Другой житель двадцатого века называл этот талант «зрительной памятью». Что бы это ни было, Вилл благословлял это качество, Потому что всякий раз, когда появлялся любой незнакомец из шестнадцатого столетия и узнавал, кто он такой, он требовал отрывок из одной из его пьес. Как автор своих произведений, он хранил в памяти определенное количество им написанного, но в качестве драматурга он вечно вынашивал новые проекты и расстраивался, если его аудитория требовала всего лишь тех же старых вещей.

Аристофан прибыл в Малый Стратфорд с груп-

пой Второй Попытки, и, когда они двинулись дальше, он остался, говоря, что нашел свою церковь. Английский у него был неважный, но вразумительный. Он быстро совершенствовался в этом языке, пока учился переводить собственные произведения, так что затем уже смог писать на английском и на эсперанто. Вилл был знаком с классиками, поскольку без стыда и совести заимствовал строки своих исторических пьес у афинян. Аристофан философски относился к тому, что его использовали как источник для заимствования реплик. Он признавался, что и сам почерпывал свои идеи у предыдущих драматургов и историков, и ему было небезынтересно, что они думают о нем. Что делало его несчастным, так это то, в то время как все остальные были равны в языке, популярности и качестве представления, современная публика все же предпочитала произведения Шекспира его пьесам.

Англичанин двадцатого столетия, Уэббер, пробудился на пятый год Воскрешения около центрального грейлстоуна Малого Стратфорда. В его лице труппа потрясающе талантливого музыканта. На электронном «рояле», который колонии удалось выторговать за целый сезон пьес, поставленных Шекспировской труппой, Уэббер

сочинил цикл зажигательных мелодий, и инструментальных, и для пения. Почти в каждом случае его музыкальный темп был много быстрее, чем песни и баллады из времен Вилла. Уэббер убедил его, что эта музыка будет популярной у современной публике, которая составляла в любом случае около четверти населения. Другие музыканты, как Бакстер, иные располагающие самодельными инструментами из дерева, кости и струн из кишок, тоже нашли свой путь в театральное объединение, и, таким образом, получился неплохой оркестр под руководством дирижера Уэббера.

С годами Малый Стратфорд получил свою долю жителей двадцатого века из области развлекательной индустрии. Почти все эти люди в самом деле появились у грейлстоунов в течение нескольких лет, и они называли развитие труппы «примитивным». Некоторые оставались, в том числе две высокие актрисы, одна с чистой кожей, гладкой, как лед, которая уверяла, что она однажды играла мать Гамлета, а другая — с золотисто-рыжими волосами и насмешливой улыбкой, которая могла что-то сделать в любой роли, какую ей давали, будь это оруженосец, звезда или хозяйка гостиницы. Вилл был также рад присутствию темнокожей американки; Шери

Бэнгс, которая когда-то работала «техническим редактором» на Бродвее. Вилл напряженно думал, пытаясь представить себе громадный город, о котором рассказывала эта девица, на месте крошечной деревушки Костуолд, какой в его дни был Бродвей. Уэббер, главный советчик Шекспира относительно последней человеческой эры, презирал почти всех людей, которые появлялись впоследствии, отвергая их как «испорченное отродье» из Большого Голливуда.

Предметы собственности были среди других практических эффектов, доступных труппе. Костюмы при отсутствии шерсти, полотна, шелка или хлопчатобумажной материи могли изобретательно изготовляться только из запаса полотенец, а они собрали их массу. Таким же образом декорации делались главным образом из деревянных столбов, задрапированных раскрашенными полотенцами и плакатами с надписями о том, что они изображают. Легче всего было ставить «Макбета»: для него требовался всего лишь «горящий очаг», да повернутая противоположной стороной лестница, изготовленная во время пути вниз по Реке для «Ромео и Джульетты». Столь малое количество театрального реквизита делало легким транспортировку пьес

и актеров на борту парусных судов, главными из которых были «Анна Хатавей» (Вилл все лелеял надежду, что когда-нибудь оригинал увидит на борту свое имя и объявится), «Город Лондон» и «Елизавета Р.». Каюта Вилла, которую он делил с Маргарет и наиболее изысканными и ценными предметами реквизита, располагалась на корме главной палубы «Города Лондона». На каждом из более крупных пароходов могло спать сорок человек, а флотилия из более мелких судов везла остальных членов их бродячей труппы, так же, как и большую часть реквизита.

Аристофан не испытывал трудностей относительно бедного убранства сцены или недостатка костюмов. Он научил Вилла кое-каким приемам вырезания масок. Они вместе поставили «Облака», сделанные из пластмассы несравненным и незаменимым Хангом Йи, под музыку Уэббера. Шекспир пришел в восторг от этой постановки и не мог дождаться премьеры.

Еще одной принадлежностью, ради которой труппа трудилась целый сезон или даже больше, было печатное приспособление. Применяли разработанную тяжкими трудами технику Мира Реки, используя ящик, называемый людьми из двадцатого века «аккумулятивной батареей»,

при помощи цепи ее присоединяли к гигантским взрывающимся «грибам» грейлстоунов, и те трижды в день давали питание этому устройству и трансформировали энергию в музыку, свет и речь. Туда, куда полагалось помещать грааль, вставляли свинцовые листы, а они питали внутренность громадного керамического предмета в форме урны, представляющий собой глиняный слой изоляции. Из этой урны более мелкие проводки из свинца проходили через регулирующуюся угольную батарейку, а она в меньших дозах питала ту часть механизма, где отсутствовали подвижные кружочки, которые, усвоив уроки Уэббера, Вилл привык называть «клавишами». Он научился также писать на современном английском и пользоваться гибкой проволокой. При том же напряжении молнии из «урны» обеспечивали еще и питание для рояля Уэббера и для двух прожекторов, — бесценная драгоценность, которая поступила к ним из Пароландо, за много тысяч грейлстоунов выше по Реке. Все эти приспособления путешествовали с ними всякий раз, когда труппа отплывала.

И они плавали. Хотя «этики» снабжали их пищей и одеждой и необходимыми принадлежностями для постройки навеса, театральный

народ жаждал аплодисментов публики. Специалисты по развлечениям отчаянно нуждались в том, чтобы привлекать внимание. Лесть делала их способными взлетать выше, чем любые десять порций жвачки грез. Более того, после нескольких лет работы Малый Стратфорд нуждался все в большем количестве дерева, тканей, краски, чтобы ставить пьесы и заставлять зрителей захотеть приходить снова и снова.

Вилл постоянно фантазировал, что в один прекрасный день он встретит свою патронессу, королеву Елизавету. У него не было ни малейшего сомнения, что одно из крошечных королевств около Реки принадлежит ей; но никто из его вездесущих людей еще не докладывал ему о том, что таковое обнаружил. Он не знал, какими преимуществами он будет обладать, имея покровительницу в этом мире, где каждый человек обладал тем, что у него уже было, то есть, ничего плюс грааль, плюс то, что может предоставить ему его генетический ум. Здесь не было золота, не было земель, чтобы их распределять, довольно мало защиты от беглых рабов и пиратов, от ливневых дождей. И все же он жаждал ее одобрения, которым наслаждался при ее жизни.

Так как не было возможности обмениваться

деньгами, труппа собирала товары соответственно цене допущения на их представление. Порция вина, кусок дерева, несколько драгоценных листов бумаги служили билетами для входа в бродячий театр. Дерево и краски были самыми необходимыми предметами. За цену шестидесяти упаковок голубых теней для глаз его труппа поставила полностью все представление «Легенда о спящей лощине» по книге Ирвинга, музыка Уэббера.

Преодолевая трудности, раз в сезон маленькие парусные суда ходили вверх по течению, чтобы вернуть грузы в Малый Стратфорд. Вечной угрозой были пираты. Не однажды труппа становилась жертвой объединенных пиратских рейдов, и становилось еще хуже, когда нападающие понимали, что здесь им не могут ничего предложить, кроме дерева и открытых тюбиков губной помады. Раньше или позже явится один из пиратов из бывшей публики и узнает, что где-то среди бамбуковых лодчонок спрятано электронное оборудование, и тогда все будет потеряно. Труппе приходилось заботиться о том, чтобы выглядеть безвредными, бедными, беспечными, но недоступными — довольно трудная комбинация условий.

И все же, последние несколько лет дела шли хорошо. Каждый шаг назад уравновешивался и перевешивался четырьмя шагами вперед. Участники театра, включая самого Вилла, были суеверны до крайней степени, выбирая некоторые счастливые пьесы и обращаясь к различным богам и святым, более не существующим, чтобы им дали безопасно пройти по этим коварным водам. Их слава распространялась в пределах расстояния в несколько тысяч грейлстоунов, там, где их ждали и приветствовали, и все же, труппа стремилась увеличить свою территорию, чтобы привлечь новых поклонников. Развлечений было мало, и их нужно было искать далеко в Мире Реки, так что труппу Вилла почти всегда принимали хорошо. Он чувствовал, что может счастливо продолжать вечно.

Весьма неравномерное распределение технических средств настоятельно заставляло труппу правильно выбирать площадки для представлений. Им приходилось избегать тех мест на берегах, где не стояли на якоре никакие другие суда. Если у окружающего народа не хватало металла, один вид тщательно изготовленных деревянных декораций Вилла и содержащихся в образцовом порядке кораблей вызывали у або-

ригенов желание перевернуть все до последнего бревна и мешка, пока они не находили острые режущие инструменты.

И Вилл поневоле находил, что нуждается в вооруженной милиции, чтобы сопровождать и охранять «урну» Фуллера, рояль, освещение и счетную машину, пока эти предметы находились на берегу.

Он наклонился через борт и наблюдал, как ловкие серебристые рыбки подхватывают крошки, которые он ронял в воду, когда волны плескались о борт. Все парусные суда были построены на манер испанских галеонов, глубоко уходили под воду в центре, но высоко поднимались на корме и на носу. Каюта Вилла, которую он делил с Маргарет, выходила у кормы на главную палубу.

— Мастер Шекспир! Эй!

Он взглянул вверх на девушку, поставленную наблюдать за берегом, его взгляд устремился в том направлении, куда она показывала. На берегу справа от них белело знамя, сделанное из белых полотенец, прибитое к широким воротам палисада. Оно гласило: «Добро пожаловать, театральный корабль!»

— Наконец-то! — выкрикнул Аристофан. — Приехали!

Маргарет гордо стояла с ним рядом, когда Вилл выступил навстречу триумвирату, управлявшему Алкаполандо. Первый консул, по имени которого называлась вся нация, склонился над ее рукой.

— Приятно познакомиться, леди Маргарет, мистер Вилл, — заверил консул Капоне, становясь навытяжку.

Он был крупный и широкоплечий, а нос его выглядел так, как будто бы кое-кто нарочно скосил его метким ударом. На руках и на лице у него были шрамы, выглядящие так, словно их нанесли нарочно. Синяя и зеленая татуировка украшали его грудь и предплечья.

— Мы в таком восторге от вашего знамени, господин консул! — Маргарет мило улыбнулась ему. — Не часто нам приходится видеть такое… доброжелательное приветствие. Никто раньше не вывешивал ради нас знамя.

— А-а, да, у нас тут творятся большие дела, — грациозно ответил Капоне. — Я давно уже ваш поклонник, мистер. Вилл.

Вперед протиснулись остальные два консула, и Капоне представил их. Как и Капоне, они были крупные мужчины, их длинные черные волосы перевязаны узкими ленточками.

— Филипп Македонский и Кохиз с Великих Равнин. Они тоже большие ваши поклонники. И еще приглашены почетные гости из двух-трех мест по нижней Реке. — Капонэ скосил глаза за суда Шекспировской Труппы — Они еще не прибыли.

Шекспир положил дружественную руку на предплечье Капоне, и его повели на огороженную частоколом территорию населенного пункта. Люди из его труппы и остальные два консула последовали за ними. За загородкой раскинулся большой поселок из бамбуковых хижин, над ними нависало величественное состоящее из трех равных частей здание, стоящее на крутом берегу и выходящее на равнину Реки. Все это место было вычищено, как миска нищего, и все жители, каких Вилл мог увидеть, если они не крутились вокруг приезжего театра, с деловым видом спешили выполнять свои обязанности.

— Тогда разрешите нам, добрый консул, побеседовать с вами о… о непривлекательной стороне нашего партнерства, до того, как подойдет труппа. Тем временем, — Вилл оглядел остальных через плечо, — моя труппа устроит все так, что мы сможем начать сразу же, как только прибудут ваши гости.

Ирвинг бросил на Вилла насмешливый взгляд

и пошел за греческим драматургом назад к суденышкам, чтобы начать разгрузку оборудования.

— Какая прелестная местность, — заметила Маргарет, оглядывая все вокруг расширенными глазами.

Она стремилась выглядеть невинной, но в каждой детали занималась надувательством, насколько только было возможно. В ее прошлой жизни Маргарет обучалась в церковной школе, и Вилл знал, что она ничего не упустила из тех уроков. Целый ряд настойчивых пожатий его руки ее пальцами сообщил ему, что она заметила здесь железные инструменты и электрическое оборудование. Теперь было безопасно обнаружить их собственную технику. Это была хорошая новость, он зависел от своих механических устройств.

— Милорд консул, мы рады возможности развлечь и позабавить вас, — начал Вилл, снова уводя разговор к делу. — Мы предлагаем сегодня показать две пьесы. Одна будет готова вскоре после ланча, а вторую мы покажем после обеда. А в антракте у нас есть музыканты, жонглеры и фокусник, который выдает разные шутки на современном английском, в то время как выполняет свои чудеса. Утром мы снова отправляемся в путь, оставив вам нашу благодарность и, мы

надеемся, счастливые воспоминания о себе.

— Звучит заманчиво, — сказал Капоне. Двое других лучше понимали английский, чем говорили сами, и они предоставили первому консулу вести основные переговоры. Они только кивали. — А что насчет пьес?

— Дневная пьеса будет комедия в стиле древней Греции. Музыкальное переложение «Облаков» Аристофана и Уэббера.

Шекспир, повернувшись вокруг грязной «площади», указал назад, по направлению к воротам. Кучка копьеносцев, более, чем обычно, оживленная своим заданием, выносила на берег тридцати футовый фаллос, сделанный из дерева, обтянутого материей.

— Вот центральный орнамент декорации. Смело, но традиционно.

— Уберите его, — возмутился Кохиз, сердито взмахнув рукой в направлении громадного члена. — Он оскорбляет нас. Такая вещь при публике есть непотребство.

— Сказать вам по правде, Вилл, — Капоне положил свою массивную руку на плечи драматурга, отводя его в сторону, — я бы лучше посмотрел одну из ваших пьес, чем что-то из этого древнего грека, если вы меня понимаете.

— В послеобеденном спектакле мы покажем «Комедию ошибок», — протестовал Вилл, — которую написал я.

— Лучше бы посмотреть «Ричарда Третьего», — предложил консул. Его голос сделался еще тише. — У меня есть свои причины, так что я хочу, чтобы вы показали эту пьесу. Есть возражения? — Этот вопрос прозвучал угрозой, которую Вилл решил не замечать.

— Никаких, сэр. Тогда, — галантно произнес Вилл, обращая свою реплику и к двум другим консулам, — мы лишим вас «Комедии ошибок», которая повествует о глупости ошибок, милорды, и вместо нее дадим вам славную постановку этой драмы. Думаю, вы найдете достоинство в предложении моего соотечественника.

— Нет. Мы хотим две ваших пьесы, вполне традиционных, но ничего нового или слишком грязного. Не знаю я этого Аристократа, или как там вы его назвали.

— Сэр, его имя — Аристофан, оно так же достойно запоминания, как ваше или мое.

— Забудьте о нем. Будет две ваших пьесы — или ничего. Покупатель всегда прав, верно?

— Верно.

Вилл вздохнул, думая, как он будет объяснять

греку, что опять современная публика не оценила его достоинства. Единственное, что делало новость не до конца скверной, так это то, что самому Аристофану нравилась заглавная роль в «Ричарде Третьем», драме почти для одного актера, с массой возможностей для «навязших в зубах сцен», как выражались его современные коллеги. — И много ожидается публики?

— Все население, — с широкой улыбкой заявил Капоне.

— Алкаполандо — это страна, где вы можете видеть демократию по римскому образцу, так что когда одному из нас достается какое-то удовольствие, такое же получает каждый.

— И у вас есть все для каждого? — спросила Маргарет, затаив дыхание.

Вилл договорился о справедливой цене услуг его труппы и сопроводил Маргарет назад к кораблям, неся туда новости об условиях спектакля и о своих наблюдениях. Гигантский фаллос был возвращен на берег и убран прочь, его заменили тронами, бочками и другими никогда не меняющимися стандартными знаменами. Фуллеровская урна была извлечена из потайного убежища, заземлена и свинец поместили куда надо, чтобы дождаться полудня.

Труппе с постоянным репертуаром легко было настроиться на ходу, сменяя один текст другим. Все костюмы, имевшиеся в их распоряжении, были под рукой, а реквизит был сделан так, чтобы подходил для любой пьесы. Состав актеров, разумеется, знал свои роли. Несколько женщин из хора «Облаков» должны были подоткнуть волосы, чтобы играть юных принцев, приговоренных к заключению в Тауэр, а еще несколько — чтобы изображать лордов, которых убьет Ричард.

Как Вилл и предвидел, Аристофан был возмущен:

— Вся эта современная публика, они не понимают хорошего театра, — жаловался греческий драматург. Драматическим жестом он повязал себе на грудь белую материю и принял героическую позу. — Пойду, порепетирую мой текст с Хангом Йи. Он, по крайней мере, видит достоинства классического театра.

Вилл не стал ему возражать, он погрузился в собственные мысли. Какую причину на самом деле мог иметь консул Капоне, настаивающий на такой специфически исторической драме, как «Ричард Третий»? Ни один из консулов не принадлежал к шекспировской эре. Должно быть, репертуар был важен для одного из ожидающихся

гостей. Вилл почувствовал возбуждение. «Ричард Третий» было проклятием от души монарха из Плантагенетов. Возможно, Капоне нужна эта пьеса ради Елизаветы? Вилл взволновался при мысли, что он увидит ее опять, положит свои произведения к ее ногам после столь долгого времени. Он решил, что это предоставление должно быть лучшим из всех, какие были когда бы то ни было представлены по этому сценарию, чтобы доставить ей удовольствие.

В крайне хорошем настроении Вилл съел свой ланч. Труппа собралась вокруг него ярдов за сто от грейлстоуна, наполнившего для каждого рог изобилия, все они пробегали строки пьесы между кусками цыпленка в остром соусе из шафрана со сметаной. Все воодушевились перед спектаклем. Даже Аристофан преодолел уныние и разразился хохотом в ответ на примитивные шуточки неугомонного Ирвинга в перерыве между декламацией своих строк.

— Что за негодяй этот Капоне, — заявил Ханг Йи. — Ему подходит твоя строчка: «Они так грубо подражают людям».

— Здесь большое население, Вилл, — сказала Маргарет, изящно вытирая руки о траву. — Недостаточно большое, чтобы опустошить все

грейлстоуны, но, кажется, здесь необычные толпы. Я считала, что с нескольких кораблей в гавани будет меньше.

— Вероятно, Капоне и его фавориты обладают такой властью, что никто из них не хочет отсюда уезжать, — предположил Аристофан. — Все идет хорошо, смотрите: у них куда больше вещей, чем у нас, и здесь так много толстых горожан.

— Кажется, слишком хорошо, чтобы быть правдой, — откомментировала Шери, услышав последнюю реплику. — Кроме того, что как обычно, всякое дерьмо пытается нас клеить, все идет, как швейцарские часы.

— И я тоже верю в вашу пословицу «нет боли — нет воли», — сказал Вилл задумчиво, возвращаясь на землю от своих мечтаний о том, как он становится на колени перед Елизаветой для обряда посвящения в рыцари и соответствующих почестей. — Не возьмете ли кого-то из своих в центр деревни? Посмотрите краски и вино, или что там еще будет в большом количестве, но держите уши открытыми, чтобы не пропустить сплетен.

* * *

Шери и ее шпионки вернулись, чувствуя беспокойство.

— Здесь всего больше, чем я могу рассмотреть, братец. Кроме одного: здесь есть рабы Грааля. Видела я этих тощих парней, раздирающих листья железного дерева на волокна. Они не выглядят достаточно сильными, чтобы выполнять какую-то другую работу. Разговорчики Большого Дяденьки Капоне насчет демократии по римскому образцу — просто кусок дерьма.

— Мудрейший путь — предосторожность, — настаивала Маргарет, похлопывая пальцем по верхушке своего грааля.

— Все, кто не участвует в спектакле, остаются в лодках. Если вы будете выглядеть богатыми, они вас за богатых и будут считать, и…

— Ну, ну, милая, — перебил ее Вилл. — У нас нет доказательств, что эти люди что-то замышляют против нас.

— Береженого бог бережет, — напомнил Уэббер, оттопыривая нижнюю губу. — Я хочу, чтобы весь оркестр все время охраняли. Индийский консул так пялился на мой рояль — я могу назвать это только крайней алчностью. Не хочу превращать

«Комедию ошибок» в «Симфонию застигнутых врасплох».

В невероятно быстрый срок труппа установила три занавеса, которые служили кулисами, отделением для оркестра и будкой для освещения. Алкаполандоанцы с интересом наблюдали, как устанавливаются декорации и как каждый актер появляется, одетый и загримированный для первой пьесы.

Постановка «Ричарда Третьего» шла на удивление хорошо. Греческому драматургу нравилась реакция толпы на его дергающуюся походку и быстроту, подобную молнии, с которой менялись его настроения, и он играл соответственно им. Юморист в нем отступил перед славой изображающего в избытке жестокость Ричарда. Публика затаила дыхание в сценах убийства Кларенса и детей и съежилась, когда урод Герцог Глостерский принялся хитроумно ухаживать за изысканной утонченной Анной.

Королеву Ричарда играла Сенг Хай, стройная китаянка из четырнадцатого века, она в труппе была инженю. Она могла бы также исполнить роль Адрианы в «Комедии ошибок» позже. Сочувственные возгласы раздались со стороны публики, когда она отшатнулась от объятий

Аристофана. Уэббер ввел тремоле, чтобы усилить настроение ужаса.

Будучи сам крупным блондином, Шекспир изображал приговоренного Георга, Герцога Кларенса. Он наслаждался своей пьяной пошатывающейся походкой на сцене, заканчивая тем, что погружал голени в бочку с мальвазией (бочку на сцене изображала только передняя ее половина). Когда он погружался в нее, рабочий сцены выплескивал в воздух стакан с разбавленным водой вином, и Вилл испускал пьяный вопль, который быстро перебивался неразборчивым бормотанием. Не особенно тонко, но эффектно. Когда публика начинала кричать в беспокойстве, Вилл трепал рабочего по плечу, падал на четвереньки и уползал со сцены.

После этого он был свободен и мог смотреть из-за кулис. Аристофан работал превосходно. Его первоначальная разочарованность из-за того, что его пьесу заменили одной из «старых штуковин» Вилла, очевидно, рассеялась, и он держал публику в большом напряжении. В центре первого ряда вокруг Триумвирата сгруппировались их помощники, переполненные восторгом.

Вилл изучал каждое лицо в публике, ища Елизавету. До того, как началась пьеса, он был

слишком занят, чтобы выходить и встречать приходящих гостей. Она должна быть здесь; все его органы чувств говорили ему, что он находится в несомненном присутствии королевской особы.

Но нигде среди незнакомцев не видел он рыжеволосой головы. Недалеко от представительного мужчины с орлиным клювом вместо носа сидела белокожая леди с каштановыми волосами, вьющимися у нее над ушами, но она была единственной женщиной в первом ряду. Вилл почувствовал разочарование. Постойте — а вот за ними сидит высокая женщина с тюрбаном, накрученным вокруг головы, с тонким профилем… Нет, это вовсе не она: снова разочарование. Госпожа не пришла. Тряхнув головой, чтобы отогнать свои необузданные иллюзии, Вилл пошел в заднюю часть «театра», чтобы проверить освещение.

* * *

Когда он приблизился к шатру Шери, дородный мужчина с арбалетом шагнул ему навстречу.

— Ты куда? — проревел он.

— Хочу посмотреть на остальных из моей труппы, — с достоинством отвечал Вилл. — Я хозяин этой театральной компании. — Мужчина заколебался, а Вилл смело сказал:

— Я могу ходить повсюду, где захочу. Ваш первый консул меня заверил, что я в этом городе свободен.

— О, да, — мужчина улыбнулся и опустил арбалет. — Валяйте, идите.

Что-то очень много стражников было расставлено вокруг для удобства Вилла. Возле осветительного столика в трехслойном шатре Шери нервно посмотрела на него и со значением шевельнула левым плечом. Вилл посмотрел в ту сторону. Там стоял лучник, опираясь спиной об одно из знамен. Вилл успокаивающе похлопал Шери по предплечью и вышел. Другие стражники следили за рабочими сцены, когда те носили реквизит туда и сюда с кораблей. И еще один отделился от остальных и сопровождал Вилла всю дорогу до корабля. На причале стояли два арбалетчика и внимательно оглядывали всех проходящих.

— Это больше, чем почетная стража, Вилл, — шепнула ему Маргарет, когда он вернулся к последним сценам и к поклонам.

Аристофан произносил свой монолог. Публика встретила его горькую улыбку своей.

— Капоне не боится за нашу безопасность. Он просто не хочет, чтобы мы уехали.

— Чепуха, женщина, — отмахнулся Вилл. — Мне плевать на выражение лица этого человека, он меня не волнует. Я убежден, он попытается нас обмануть при расчете, как всегда делают другие господа и дамы — и на нижней Реке, и на верхней. Никто не ценит наше время, как будто бы все, что мы делаем, несущественно.

— Вилл, — перебил их Бакстер. — Вилл, они заплатили вперед!

Шекспир умолк на полуслове и посмотрел на исполнителя на рожке для подтверждения. Бакстер усиленно закивал, показывая на кипу узлов в кулисах. Это было почти беспрецедентное явление во всей их деятельности. Остальные повернули к нему заинтригованные лица.

— Вот теперь я встревожен, — выговорил Вилл.

Дэнни Бакарди, первый исполнитель на духовых инструментах, вставил свое замечание:

— До меня дошли слухи, когда мы ходили, торгуя, что Триумвират хочет нас здесь задержать с выгодой для себя. Им нужны наши корабли, Вилл. Они возьмут нас в рабство, заберут наши суда, и, что бы это ни значило, на борту «Лондона» есть телеграф…

— Они не получат мое оборудование, — сказал

Уэббер.

— Или меня.

— Один из них ущипнул меня за… — пожаловалась Сонг Хай, показывая назад и краснея.

Остальные нашептывали друг другу истории о подобной же агрессии. Ханг Йи заставлял пьесу продолжаться на сцене, делая знаки и шипя на каждого актера перед тем, когда подходила его или ее реплика. Было просто невероятно, что кто-то мог сосредоточиться на роли, если учесть, что творилось за занавесом.

— Я тоже видел, — подтвердил Аристофан, когда сошел со сцены для короткого отдыха. — Женщина, которая пыталась защитить свою честь пощечиной, была опрокинута стражником на землю. Здесь женщин совсем не уважают.

— Что мы можем сделать? — задал вопрос Ирвинг. — Они между нами и пристанью.

Пьеса пришла к завершению. Ричард пал в битве с Ричмондом, который говорил с Дерби о будущем Англии. Во время долгой церемонии вызовов актеров Вилл напряженно думал. Он гримасничал, улыбался, кланялся и уходил за занавес, предоставляя звездам своего представления принимать долгие аплодисменты.

Ему удалось придумать один-единственный

план, который был дерзким и требовал в качестве своей худшей стороны пожертвовать только одним актером. Нет причин, чтобы остальные страдали из-за его глупости, когда высадились здесь по его настоянию, не имея особо распространенной информации об истинной природе народа Алкаполандо — это ему нужно принять на себя все удары, а остальные пусть останутся свободными. Взамен за их преданность на нем лежала ответственность за их безопасность. Он шепотом сообщил свой план Маргарет и Хангу Йи, когда занавес упал в последний раз. Маргарет побледнела от удара, но невозмутимый Ханг Йи пообещал распространить новость среди остальных членов труппы.

* * *

Консулы подошли поздравить театральную компанию в конце пьесы, особенно расхваливая основного актера.

— Этот Аристократис — ценная собственность, о'кей, — сказал Капоне, похлопывая греческого драматурга по плечу.

— Завтра ты сможешь здесь еще что-то такое же замечательное, или, может быть, мы дадим тебе выходной день. Я еще не решил.

— Прошу извинить меня, сэр, — вмешался Вилл. — Завтра мы уезжаем, сразу после завтрака, как договаривались.

— Черта с два вы уедете, — рявкнул консул. — Вы нам понравились, вы остаетесь. Правильно? Мы… продлеваем ваш контракт до неопределенного будущего. Вам нужна публика — мы предоставим вам лучшую публику, каждый вечер, — маленькие светлые свинячьи глазки Капоне сделались мечтательными. — Я стану предметом зависти каждого дона вверх и вниз по Реке. Им придется приезжать ко мне, чтобы посмотреть на вас. — Он принял более деловой вид.

— Кроме того, я мог бы использовать ваши кораблики, так что я их конфискую. Не слишком быстры, зато устойчивы. И такие большие! Они мне нравятся. Их высокие борта выдержат много стрел, прежде чем потонут. Здорово для авангарда стражи. Так что вы остаетесь. Финал. Итак, что у вас имеется на завтрашний день?

Страхи Вилла подтвердились. Он отвел первого консула в сторонку.

— Поговорим о будущей программе позже, ладно? Если планировать заранее больше, чем на день вперед, может случиться неудача.

— О'кей, — согласился Капоне с беспокойством. И Вилл понял, что американец может верить большому количеству суеверий, как его народ. Это нечто, на чем он сможет сыграть в дальнейшем.

— Милорд, мы можем предложить кое-что более волнующее, чем «Комедия ошибок» на сегодняшний вечер. Надеюсь, вы извините замену.

Консул, кажется, был раздосадован.

— Что-нибудь, написанное вами? Я не хочу больше никакой иностранной ерунды. То есть, этот парень хороший актер, но все-таки… Этот громадный член вызвал у моих людей отвращение.

— Нет, сэр. Я уже отказался от произведения моего собрата сегодня, хотя, даю на отсечение мою голову, когда-нибудь вы придете к тому, что они вам понравятся, — сказал Вилл, излучая откровенность, которой он не чувствовал. Он устремил свои большие глубокие глаза на Капоне, желая, чтобы тот поверил его словам. Капоне с трудом стряхнул его чары, потом пожал плечами:

— Д-да, разумеется. И что это такое?

— Я бы сыграл для вас «Бурю», мою любимую пьесу среди других произведений, которые написал. А я сам, — добавил он с притворной

скромностью, — буду играть Просперо. Лучшей роли нет. В будущем я, без сомнения, услышу ваши похвалы спектаклю сегодняшнего вечера.

— Потрясающе! — воскликнул его собеседник.

* * *

Обед проходил в подавленном настроении. Арбалетчики нависали на них с некоторого расстояния, когда труппа собралась на избранном ими склоне холма, разговаривая вполголоса.

— Ты не можешь предлагать это всерьез, Вилл, — сказала Сонг Хай, все еще всхлипывая. Она отказалась есть, хотя Ирвинг, бывший долгое время ее верным товарищем, пытался соблазнить ее отборнейшими кусками из обоих их обеденных сосудов. — Ты не можешь жертвовать собой.

— Я готов, — сообщил Вилл, — но, если все обойдется, мне не придется на это идти. Хитрость удастся, это должно так быть.

— План простой, — объяснил Ханг Йи, методично откусывая кусок хлеба. — В конце «Бури» сцена постепенно пустеет, освобождаясь от актеров. Когда каждый из вас заканчивает свою роль, он — или она — любым способом продвигается к кораблям и уносит с собой все, что может, чтобы не привлекать внимания. Наблюдают не за всеми

кораблями. Самый большой интерес представляют, кажется, три крупнейших из них, стража стоит только на причалах, где они пришвартованы. За другими присматривают разве что из любопытства. Вы сможете тихонько прыгнуть в воду в любом месте берега — и проплыть или пройти по воде под сваями.

— Но нас слишком много! — возразил Аристофан. — Нам никогда отсюда не выбраться.

Его слова невольно прозвучали слишком громко. Стража, вероятно, уловила последнюю фразу, потому что они пододвинулись ближе. Вилл подтолкнул Сонг Хай локтем.

— Сцена вторая, — шепнул он.

Девушка, сидя, выпрямилась и продекламировала на самых громких нотах своего голоса:

— Если своим искусством, мой дорогой отец, ты смог заставить эти дикие волны так бушевать, успокой их!

Стражники застыли и, казалось, ничего не понимали.

— Репетиция, джентльмены! — объяснил Вилл. — Имеешь ли ты достаточно фантазии, чтобы ступить на борт?

Стражники моментально повернулись к труппе спиной. Худое лицо Ханга Йи сморщилось в

улыбке без участия губ.

— Мы выберемся, — пообещал Шекспир. — Сыграйте свои роли — и идите каждый своей дорогой, и когда-нибудь мы еще будем вспоминать сегодняшний вечер и смеяться.

* * *

Залитая светом факелов декорация «Бури» выглядела неистовой и таинственной жуткой. Вилл чувствовал, что она будет в совершенстве соответствовать его самому дерзкому представлению в жизни. В течение пьесы члены труппы при помощи разных незаметных знаков пытались проститься с ним, а он пытался предвидеть все трудности, какие могут у них возникнуть, когда они начнут все заново без него. Траурные же мысли ему следует отложить на более позднее время.

— Если мы больше не встретимся, милая Маргарет, — шептал ей Вилл, стоя рядом с ней в кулисах в то время, как разворачивалась первая сцена пьесы, — я хочу, чтобы ты руководила труппой. Тебе все доверяют. Ты разбираешься в практических делах нашего сообщества и можешь улаживать дрязги лучше, чем любой из троих моих собратьев-драматургов. Кое-кто немного

поворчит, но в конце концов тебе будут только благодарны за то, что ты их избавишь от каждодневных мелких забот.

— Почему ты тогда сам выполняешь эти обязанности? — спросила Маргарет, пытаясь сохранить легкомысленную интонацию, устраиваясь поуютнее в сгибе его локтя. Он обнял ее.

— Я получаю удовольствие, выполняя их, — весело произнес Вилл. — Взываю к твоему милосердию, дорогая моя, ты это уже знала. Иди. Твоя реплика. Прощай. Пока мы снова не встретимся. Я люблю тебя.

С поцелуем на устах она пробралась вперед, чтобы спрятаться за высокой задрапированной ширмой, которая изображала поросшую мхом скалу. Он ощущал на губах вкус ее слез и пытался отогнать все сожаления, прилаживая на место фальшивую бороду и совершая преображение из драматурга в волшебника.

Представление продолжалось с большим успехом. Сонг Хай в роли Миранды выглядела вполне изящной. Ею сильно восхищались в первом ряду, где между консулами свободно циркулировало вино в больших глиняных кружках, перепадало и их преданным приверженцам, и гостям. В перерыве между кружками один из мужчин громко

воскликнул, что он бы хотел приобрести ее для себя. Фарфоровые щеки девушки вспыхнули, и она содрогнулась, но, прирожденная актриса, без всякой паузы продолжала декламировать свою роль. Маргарет в роли Сикораке, матери Калибана, которую можно было видеть только в тени, когда ее отвратительный сын впервые упомянул ее, выбралась из-за своей скалы и исчезла за кулисами. Она отправилась на пристань, чтобы приготовить корабль к отплытию и собрать всех младших членов труппы, если ей не помешают это сделать люди Капоне.

* * *

Как и было договорено, каждый член труппы по очереди уходил. Сначала Калибан, потом придворные, потом Миранда и Фердинанд, и, наконец, танцующий дух Ариэля, оставив Просперо одного, величественно стоящего во мраке, освещенным единственным факелом, который он держал в руках, если его помощники достаточно быстро смогут работать, большие сценические фонари можно будет унести, завернутыми в паруса, на сходни. Если не смогут — все это оборудование останется вместе с Биллом.

К настоящей минуте другие кораблики, без

сомнения, уже тихонько отплыли от причалов, повернув паруса по ветру. Они поплывут не туда, куда надо, следуя дуновению ночных ветров, а не дневных, но, раз они уже будут далеко, их никто не остановит. Вилл понимал, что только оппортунизм отдал его и его труппу в руки Триумвирату, что только он один должен расплатиться за ту ошибку, что они высадились здесь. Если обращение с ним Триумвирата будет слишком жестким, ему придется всего лишь вызвать у себя роковой сердечный приступ, и тогда к утру он будет свободен — где-нибудь в другом месте. Без своей любимой труппы, но все-таки он будет свободен, чтобы начать заново.

Наконец, наступило время для эпилога. Сцена была пустой и темной, только Вилл, освещенный, как фокусная точка. Он должен удержать внимание своих зрителей достаточно долго, чтобы быть уверенным, что все свершилось благополучно.

Он шагнул вперед, на авансцену, зная наощупь, как близок он к самому краю, как будто бы он на этой сцене родился. Речь Просперо прозвучала как мольба к Триумвирату. В ней говорилось о его обстоятельствах, как будто бы была написана специально для сегодняшнего случая. Вилл молча прочистил горло и начал:

«Разрушены все чары, и отныне
Завишу я от слабых сил моих.
Оставите ль вы здесь меня в пустыне?
Увижу ль я Неаполь и родных?
Мой брат прощен, я — снова на престоле:
Останусь ли я здесь по вашей воле?
Заклятия вы разорвите круг,
И бремя уз падет от ваших рук.
Участья дух пускай благоприятно
Повеет вновь, наполнив паруса,
Иль мой корабль погибнет безвозвратно.
Нет духов у меня, и чудеса
Я силой чар творить не в состояньи,
Я, как колдун, виновный в волхованьи,
Жду гибели — когда от злой судьбы
Спасенья не даруют мне мольбы,
Несущие для всех грехов прощенье.
Как для себя вы ждете отпущенья
Всех ваших вин, так с вами наряду

Себе от вас я оправданья жду».[34]

Царственным жестом Шекспир перевернул факел и выпустил пламя на сцену у своих ног, посылая в полной темноте сигнал своим кораблям отчаливать. Он испытал острое, точно после удара ножа, сожаление, ощущение, что последняя вульгарная искра от его факела будет окончанием его драматической карьеры. Завтра его жребием станут зависимость от грааля, голод и безысходность. Не станет больше Шекспира, писателя, директора, менеджера шекспировской компании Малого Стратфорда. Он стоял, ожидая, чтобы стража подошла и взяла его.

В течение долгого-долгого мгновения публика молчала. А потом грянули аплодисменты, вырастая из нескольких робких ударов ладонями, от которых пошло эхо, словно удары дождя по крыше, преображаясь в истинный гром одобрения. Стоя со склоненной головой, он принимал все это как свою лебединую песнь.

Овация не прекращалась. Когда аплодисменты все продолжались и продолжались в темноте, Вилл почувствовал надежду. Может быть, не было нужды ему оставаться после всех. Может

---

[34] Примечания: 34
Перевод О. Чюминой

быть, его чары смогут удержать их на долгое время. Вилл поднял взгляд. Если этот оглушительный звук будет продолжаться еще в течение нескольких ударов его сердца, у Вилла будет масса времени, чтобы добежать до корабля. Попробовать стоит. Он ведь знал каждый дюйм сцены, даже в темноте. Подняв полы своего одеяния выше бедер, он отступил от лежащего факела и тихонько побежал от сцены влево.

Позади него продолжались бурные аплодисменты, крики:

— Автора! Автора!

Ритмический топот ног звенел по опушке.

«Эх, Вилл, — подумал он, — ведь это самый прекрасный момент твоей карьеры, — и ты со всех ног от него удираешь. О, все же, если бы ты остался, — да ведь это были бы самые продолжительные вызовы, какие ты только знал!»

Вдалеке от сцены его глаза начали привыкать к темноте. Он видел, как мерцают звезды сквозь пелену дыма, идущего от деревенских хижин. Стуча босыми ногами по центру города, он отыскал маленькую тропинку, ведущую к набережной. Стражи там не было. Очевидно, Капоне сказал правду, когда уверял, что все — или почти все — будут допущены на сегодняшнее представление.

А уж на набережной, возле кораблей, непременно будет ждать стража. Он мог надеяться только на то, что милиция с ними поладила.

Тяжелый костюм Просперо мешал ему бежать. На бегу Вилл стащил его через голову и отбросил в сторону. Маргарет рассердится, заквохчет, что она столько времени потратила на эту искусную вышивку, но Вилл может потом приплыть за костюмом, чтобы взять его на борт. Никакая работа не стоит его жизни; с этим-то она с радостью согласится.

Перед ним замелькали заостренные штакетины, украшенные звездами и светом факелов по ту сторону от частокола. Вилл почти добежал до раскрытых ворот, когда какая-то тень шевельнулась, становясь между Биллом и свободой. Она подвинулась, и факел за воротами осветил лицо человека, которого Вилл видел среди публики, человека среднего роста с черными волосами и задумчивым унылым лицом. Вилл остановился, от шока оперся на пятки. Попался, так близко к свободе! Он оглянулся, ожидая, что следующим из тени выйдет Капоне.

Незнакомец положил правую руку на молот с железной головой Тора, висящий у него на кожаном поясе. Оружие было темным от свежей

крови, которая стекала к его ногам на землю. Шекспир сглотнул комок. Он боялся за членов своей труппы. Он не слышал никаких звуков, кроме шума ветра и воды за воротами.

— Мастер Шекспир! — Это был не крик, но шипение, издаваемое темноволосым. — Вильям Шекспир, из бывшего Стратфорда?

— Я и есть он самый, сэр, — ответил Вилл, с трудом извлекая голос из сдавленного горла.

— Ричард, бывший герцог Глостер, к вашим услугам.

Вилл почувствовал, как кровь ударила ему в ноги. Он покачнулся. Ему следовало сразу узнать: красивые черты Плантагенетов так же четко отпечатались на его лице, как слова на проклятой рукописи пьесы. Король Ричард, чье короткое царствование непосредственно предшествовало его патронам, Тюдорам, — из всех мест этого города он ходит по моим дорожкам, — подумал Вилл, перефразируя реплику, которую часто произносил один из его актеров, желая подчеркнуть неудачное совпадение. За то, что Вилл оскорбил его так вопиюще, король размозжит ему голову мощным боевым молотом. Вилл очнется возле грейлстоуна далеко отсюда, вдалеке от всех, с кем он работал почти три десятилетия. Он чуть

не расплакался из-за всех своих развеянных мечтаний, думая о том, что придется начинать все сначала, быть может, за миллионы миль отсюда. Или еще хуже, Ричард задержит его здесь, пока Триумвират и их стражники не поймут, что птички улетели и оставили его отвечать на их вопросы. Но Вилл оставался верен врожденному уважению к короне Англии: все, что он мог сделать, это отвечать и ждать последствий. Он отвесил глубокий поклон:

— Милорд!

— Шш-ш! — Ричард прервал его жестом. Его глаза горели тем внутренним огнем, который Шекспир много раз видел в глазах его правнучатой племянницы Елизаветы, он испугался. — Так что же, я — урод, калека, злобное существо, сэр? Разве я сидящий в банке паук, отвратительная горбатая жаба? Вы видите здесь хотя бы малейший намек на горб? — Он повернулся к Виллу здоровой мускулистой спиной. За исключением несколько увеличенных мышц на правой руке и плече, без сомнения, из-за ношения боевого молота, тело было такое же здоровое, как у любого жителя Земли или Мира Реки.

— Нет, сэр, — робко согласился Шекспир. — Не вижу.

Ричард снова повернулся и поклонился, слегка наклонив голову:

— Я хотел только прояснить факты. Благодарю вас. Все остальные обвинения, которые вы сделали, тоже неправда. Представление сегодня было прекрасным и трогательным, мастер Шекспир. Я и сам терпеть не мог этого ублюдка. Этот негодяй Капоне намеревался меня оскорбить, но у меня куда больше возможностей, о каких он и мечтать не смеет. Приезжайте когда-нибудь в Борсмарч. Вам будут рады. — Он посмотрел Виллу через плечо. — А теперь вам лучше идти, друг. Я завесил камеры наблюдения тряпками, но они скоро поймут происходящее, как понял я, и окажутся здесь, преследуя вас и вашу труппу. Стражники на причале, — он состроил гримасу, — мертвы. А остальных я задержу на некоторое время. Идите же!

— Милорд, я вас благодарю, — Вилл понимал, что лопочет неразборчиво, но шок, последовавший за шоком, подействовал ему на мозги.

— Уходите! — нетерпеливо подгонял Ричард.

Он вытащил молот из петли и повернулся лицом к воротам, подталкивая Вилла за них.

Вилл не нуждался в дополнительном импульсе. Он побежал.

Трап «Города Лондона» был уже поднят, но Ирвинг с Аристофаном бросили Виллу веревку, которая упала на причал, медленно разворачиваясь по мере того, как корабль отходил. Вилл пробрался между разбросанными телами стражников Капонэ и ухватился за нее до того, как она размоталась до самого конца. Он спрыгнул с причала в воду и предоставил друзьям втащить его на борт после того, как они повернули паруса по ветру.

— Все хорошо, что хорошо кончается, а? — спросил Ирвинг, когда Вилл достиг поручней и, пропитанный влагой, повалился на палубу.

Тяжело дыша, Шекспир кивнул. Остальные опустились перед ними на колени, ища синяки и сломанные кости.

— Едва спасся! Никогда, никогда больше!

— О, ты снова так поступишь, — уверенно заявила Маргарет, притягивая его к себе в сокрушительном объятии и протирая ему лицо полотенцем. — И снова, и снова, глупец ты, потому что ты не можешь жить без аплодисментов!

Четверо драматургов переглянулись. Ирвинг ухмылялся:

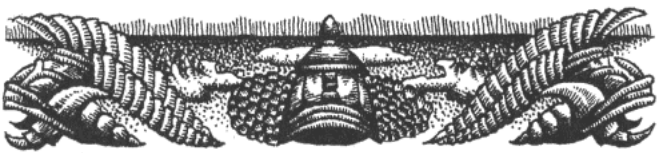
— Мне сдается, протест леди слишком основателен!

* * *

— Какая великолепная цитата! — заметил Уэббер, когда Вилл рассказал труппе историю своего спасения и неожиданной встречи с покойным королем. — Быстрее, запиши ее, пока не забыл. Мы сможем ее вставить в программку в следующем же месте, где дадим «Ричарда Третьего». «Я и сам терпеть не мог этого ублюдка». Великолепно!

— Мы не будем опять играть его так, — задумчиво произнес Вилл, внимательно вглядываясь в звезды, когда труппа уплывала. — Я намерен переписать пьесу.

Джерри Олшен
Так уж мы устроены [35]



С раздирающим слух свистом выпустив пар, и внушительно прогремев якорной цепью, речной пароход «Ненаемный» завел машину и взбил на воде пенистый хвост, медленно наращивая скорость против течения.

— Пое-е-ехали, — задумчиво протянул Руал Амундсен. Он стоял на берегу, чуть поодаль от самой гущи народу, вопившего и махавшего руками.

То был рослый темноволосый мужчина с проницательными голубыми глазами и орлиным носом — но он сутулил плечи и волочил ноги, что придавало ему сходство со школьником, только что завалившим испытания по орфографии.

---

[35] Примечания: 35

BECAUSE IT'S THERE by Jerry Oltion Copyright © 1993 by Jerry Oltion.

— А, скатертью дорожка сукиным сынам, — отозвался его спутник. Роберт Пири был чуть пониже Амундсена, с рыжеватыми волосами и глазами скорее серыми, нежели голубыми, но в этот миг они так и сверкнули.

— Зелен виноград? — спросил Амундсен.

— А, иди ты… — Пири отвернулся и стал карабкаться по косогору к деревеньке из бамбуковых хижин. — Ну, дожили, шагу ступить нельзя, чтобы не наткнуться на еще одну чертову полярную экспедицию. Шустрят, словно котята…

То был второй пароход за два года, двинувшийся с подобной целью вверх по Реке, а сколько парусных лодок, весельных, суденышек с гребными колесами и даже подводных прошло мимо все туда же за минувшее десятилетие, прибрежные жители и счет потеряли.

Всем хотелось открыть Северный Полюс и взглянуть на таинственную башню, которая высилась там, согласно молве.

— Кошек здесь нет, — указал Амундсен.

Пири сплюнул на траву Речного берега.

— Кстати, это меня здесь раздражает ничуть не меньше. Ни кошек, ни треклятых собак. А что за полярная экспедиция без собак?

— Да брось ты. Можно дойти до полюса и без

собак. У Скотта получилось.

Роберт Скотт месяц спустя после Амундсена достиг земного Южного Полюса и почти весь путь проделал пешком.

— Разумеется. И умер голодной смертью на обратном пути.

Добравшись на высокую равнину над Рекой, Пири развернулся и оглядел головы толпы; на волне, оставленной пароходом, весело носилось около дюжины любителей серфинга, их ярко раскрашенные треугольные паруса туго натянул постоянно веющий вниз по Реке ветерок. Труба парохода снова просвистела.

— Большинству этих ублюдков тоже суждена голодная сметь, если их только по дороге где-нибудь не пришибут. Они не тянут на подлинных исследователей.

Амундсен сорвал стебелек высотой по колено и принялся жевать его с мягкого конца.

— Они хотя бы куда-то тронулись, — заметил он. — Пытаются чего-то достичь.

Пири набрал побольше воздуху, готовясь разразиться одной из своих блестящих инвектив, но миг спустя просто-напросто глубоко вздохнул и устало произнес:

— Придержи лошадей, Амундсен. — Отвернул-

ся и опять зашагал вверх по круче, но Амундсен не мог удержаться от заключительного выпада. Он ухмыльнулся и заявил:

— Лошадей здесь тоже нет.

В деревенской таверне подавали три или четыре разных вида домашнего пива и самогон, который в холодную ночь мог сойти за водку. Всем этим напиткам было далеко до выпивки, которую получали из конвертеров массы-энергии, именуемых в здешних краях Граалями — но недостаток качества с лихвой возмещался количеством. Граали никогда не обеспечивали больше чем на порцию-две на каждую трапезу; если кому хотелось больше, нужно было либо изготовлять самим, либо приобретать у изготовителей.

Ни Амундсен, ни Пири не были настоящими выпивохами, но после того, как они загрузили свои Граали у общинного грейлстоуна тем вечером, оба потянулись вместе с толпой обедающих к таверне, где разговор, естественно, крутился вокруг парохода. Как и ожидалось, кто-то спросил, почему они не присоединились к экспедиции, на что Пири, как и ожидалось, ответил:

— Потому что жаль времени на такую хреновую затею, вот почему. Им предстоит переть незнамо сколько миллионов миль вверх по Реке, описав

при этому не одну сотню зигзагов по планетке, затем одолеть горы, да еще и море переплыть — и для чего? Чтобы водрузить флаг на башенку, которую построил там кто-то другой? И каков смысл?

— А каков смысл в том, чтобы торчать здесь? — говорящая была высокой, крепко сбитой бабой с волосами цвета платины до пояса и чудесным мягким пушистым мехом по всему телу. Ее звали Гресса и, по ее утверждению, она была йети. Ее шерстка была недурным подтверждением ее претензий, но прочие ее особенности, больно человеческие, вызывали у окружающих скептицизм. И Пири принадлежал к скептикам.

— Сударыня, — сказал он. — Я что-то не вижу, чтобы вы лично направились в полярные области, а, казалось бы, у вас на то больше оснований, чем у разных прочих, если заявления о вашем происхождении сколько-нибудь правдоподобны.

— Полюс-молюс, — проворчала она. — Впервые в жизни мне тепло. Кроме того, разговор идет о вас. Едва ли кто-либо на Реке воскрес ближе тысячи миль от кого-нибудь, кого знал прежде, а вы с Амундсеном очухались рядышком. Вы не считаете, что за этим что-то стоит?

Громкий хор одобрения пронесся по кабаку, но Пири заставил его умолкнуть, брякнув пустой

пивной кружкой по стойке из полированного дуба.

— Может быть, за этим что-то и стоит, — сказал он. — Может быть, создания, которые воскресили нас здесь, хотят, чтобы мы добрались до Северного Полюса. Ну, и, насколько дело меня касается, это уже достаточное основание устраниться. Я буду делать, что хочу я, а не то, что велит мне делать какой-нибудь сраный чужой бог.

На миг в баре воцарилось молчание. Никто не чувствовал, что счастлив быть отданным на милость создателям Мира Реки. Вся система верований большинства воскрешенных была сметена одним ударом в день воскресения, и доктрина Церкви Второй Попытки с ее квазииндуитскими идеями искупления через самоочищение была убогой заменой той утраченной вере, которая прежде влекла человечество вперед. Жители Мира Реки нуждались в новых концепциях, которые придали бы значение их новой жизни, и им не нравилось, когда кто-то об этом напоминает.

Голос Амундсена нарушил неловкую тишину.

— Вот почему, как я думаю, нам следует двинуться на юг. При всем внимании к Северному Полюсу, никто не подумал о другом пути.

Пири фыркнул.

— Север, юг, а разница-то в чем? Мы живем в искусственно сконструированной среде. В любых исследованиях, которые мы предпримем, не больше смысла, чем в действиях муравья, исследующего нашу кухню.

— А в том, чтобы упереться, точно осел, немного больше смысла?

На это Пири не нашел другого ответа, кроме взмаха пустой кружкой в сторону бармена.

— Знаешь, что я думаю? — продолжал Амундсен. — Я думаю, что ты скис. Когда-то ты был самым неуемным парнем, какого я знал, но с тех пор, как мы пробудились здесь, ты за поворот заглянуть боишься. Ты гавкаешь повсюду, точно бывалый пес, а ведешь себя, как немощная старушонка. Ты…

— Достаточно, — и Пири поставил кружку.

Амундсен покачал головой.

— Нет. Недостаточно. Ты был первым человеком, который встал на верхушке земли, а этому миру позволил победить себя без борьбы. Ты превратился в хнычущего, трусливого… — Что он еще мог сказать, не прозвучало — помешал кулак Пири. Поскольку оба сидели, удар вышел не самым мощным, но достаточным, чтобы сбить Амундсена с табурета. Он грянулся о деревян-

ный пол, увлекая с собой Грессу. Прочая публика взвыла от восторга, когда он кое-как поднялся и с размаху врезал Пири, швырнув того о стойку. Это могло и кончиться, но крики: «Давай! Вмажь ему!» сделали примирение невозможным и, в любом случае, Пири явно не казался настроенным на мировую. Он качнулся вперед, отходя после удара Амундсена, воя по-волчьи, и дал Амундсену прямой толчок в грудь. Это обеспечило ему достаточно простора, чтобы встать. Завсегдатаи таверны попятились, с шумом задвигав столы и стулья, и образовали вопящее и ликующее кольцо вокруг двух драчунов. Ни один из них не обращал ни малейшего внимания на толпу. Они встали на расстоянии вытянутой руки друг от друга и забоксировали, точно марионетки, полностью поглощенные своим нелепым занятием. Сперва более длинные руки Амундсена дали ему преимущество и помогли пустить Пири кровь из носу и выбить зуб, но, похоже, это лишь распалило гнев противника. В конце концов он закатил такой удар, что послал Амундсена кувырком через спину, и тот, падая, ударился головой о край стола. И больше не встал.

Шумно сопя, с кровью, текущей из носу и изо рта, Пири наклонился, дабы убедиться, что

Амундсен еще дышит: Удовлетворенный как тем, что Руал жив, так и тем, что сам он отстоял свою честь, победитель закинул левую руку побежденного за свое левое плечо и поднял его.

— Кто-нибудь, помогите дотащить его домой, — попросил он.

Гресса тут же подставила плечо, и вдвоем они выволокли бесчувственного путешественника из таверны.

Они пропустили бы завтрак, если бы Гресса не проторчала с ними всю ночь, но как только первые лучи солнца упали в хижину через единственное окно, снежная женщина поднялась с койки Пири, собрала их Граали и отнесла заряжать к общинному грейлстоуну.

Несколько минут спустя гром массоэнергетического преобразования прокатился по долине. Амундсен сел со стоном: ныли синяки. Пири на своей койке напротив поднялся на локте.

— Что, жив-здоров? — спросил он.

— Думаю, что да. А ты?

— В ажуре.

— Славно. — Амундсен потер шею, качая головой из стороны в сторону, будто проверяя, все ли на месте. Пири прочистил горло разок-другой, затем неуверенно спросил:

— Разве… Я что, действительно скис?

Амундсен настороженно оглядел его.

— Скажем, ты не тот самый Роберт Пири, которого я знавал на Земле.

— Дерьмо.

Норвежец ухмыльнулся.

— А все еще говоришь, как он.

— Но не подкрепляю слова действиями, так? — Пири сел и принялся натягивать штаны. — Ты прав: мне было страшновато исследовать, что там за поворотом.

Амундсен покачал головой.

— Я это сказал просто, чтобы тебя завести.

— Ну, и подействовало. Вероятно, потому что так и есть.

Молчание тянулось с полминуты, пока Пири одевался.

Наконец, Амундсен спросил:

— И что же ты собираешься делать?

Пири пожал плечами.

— Полагаю, идти с тобой к Южному Полюсу.

Лицо Амундсена озарилось, точно у мальчишки.

— В самом деле?

— Угу. В самом деле. Как ты деликатно указал мне вчера вечером, мне здесь нечем больше

заняться.

В открытых дверях появилась Гресса с тремя Граалями.

— Что это было? Какого-нибудь рода связующий мужской обряд? — спросила она.

— А? — спросили оба.

Она поставила Граали на плетеный столик у стены против двери.

— Мужики-йети, бывало, тоже такое проделывали. У них много что накапливалось против друг друга во время жизни всю зиму в пещере, и в один прекрасный день они принимались биться, как одурелые, а на следующий день шли вместе на охоту, как ни в чем ни бывало. Я этого никогда не могла понять.

Амундсен рассмеялся.

— Полагаю, это некий род примитивного обряда. У собак это тоже случается.

Пири проигнорировал его и открыл свой грааль.

— Ага, сосиски. И яйца. Прибережем сосисочки, из них можно будет сделать пеммикан.

— Пеммикан? — спросила Гресса.

— Сушеное мясо с жиром. — Объяснил Пири. — Высокоэнергетическая пища для путешественников. И хорошо сохраняется. Мы сможем

достаточно запасти, пока строим воздушный корабль и добываем остальное.

— Воздушный корабль? — воскликнули хором Амундсен и Гресса.

Пири поглядел на них, точно на двух идиотов.

— Конечно, мы полетим по воздуху. Не стоит с боями мотаться взад-вперед по Реке ближайшую сотню лет; можно соорудить гондолу и попасть туда месяца через два.

Амундсен вылез из постели и начал одеваться.

— И давно ты это обдумываешь? — спросил он.

— Примерно, с трех часов утра, — отозвался Пири. — Давай, поторапливайся, а не то время идет, а у нас сегодня дел навалом.

Переводя взгляд с Пири на Грессу, Амундсен поднял брови, изобразив нечто в стиле А-Что-Я-Сделал? — но он улыбался.

* * *

Раз уж Пири принялся за дело, другим трудно было с ним тягаться. За последующие несколько месяцев он напрочь позабыл о покое, учась делать пеммикан из рыбы и той пищи, которую обеспечивали Граали, моделируя и изготовляя полярную одежду из тяжелого полотна, производившегося из местного варианта хлопка,

и конструируя воздушное судно из кишок и плавательных пузырей пожирающих людей рыб-драконов, пойманных в реке. Они с Амундсеном в равной степени отличались дотошнейшим вниманием к мелочам, ибо каждый постиг цену заблаговременной подготовки во время исследований на Земле.

Им с энтузиазмом содействовали другие жители деревни, то ли из чувства гордости, что экспедиция выступает из этой части Долины, то ли просто потому, что это помогало развеять скуку обыденной жизни у Реки.

Соседи экономили еду для пеммикана из своих Граалей, рыбаки состязались, кто принесет самую большую рыбу-дракона для газового шара, а инженеры из всех эпох сотрудничали, разрабатывая машину для маневрирования. Металл был редкостью в Мире Реки, и они построили паровую машину с замкнутым циклом из железного дерева и бамбука, использующую в качестве рабочей жидкости легко испаряющийся и конденсирующийся рыбий жир вместо воды.

— Вы свихнулись, — сказал им Пири, когда они показали ему рабочую модель. — Да слыханное ли дело — машина на рыбьем жире?

Инженерная команда включала разработчика

снаряжения для компьютеров, моряка начала двадцатого века, римского строителя акведуков и коротышку с наклонным лбом и мощными надбровными дугами, утверждавшего, что он изобрел колесо.

— Это совсем как нефтяные двигатели, которые мы применяли на моторных катерах там, на Земле, — пояснил моряк. — То были двигатели с замкнутым циклом. Вся прелесть рыбьего жира — в том, что жир пропитывает и сохраняет деревянные детали, а заодно обеспечивает смазку. Вы сможете облететь вокруг света, прежде чем конструкция износится.

— Если бы мы смогли взять достаточно горючего, возможно, — признал Пири. — Но мы не можем. Кроме того, я не желаю, чтобы где-либо поблизости горел открытый огонь — у нас все-таки водород.

— А кто что-нибудь говорил об огне? — пожали плечами инженеры. — Будет применяться энергия солнца.

Далее они продемонстрировали недоверчивому Пири, как газовый шар можно сделать почти прозрачным, пропитав его жиром, и как внутри можно разместить отражающую поверхность, с тем, чтобы она фокусировала солнечный свет на

трубкообразном котле, подвешенном на продольной оси под шаром.

Этой поверхностью можно управлять снаружи с помощью сверхсильных магнитов-застежек, снятых с одежды, полученной из Граалей, дабы зеркало следовало за солнцем, перемещавшимся по дуге в течение дня, а также — дабы корректировать движение при изменении угла в зависимости от широты. Система способна развивать лишь несколько лошадиных сил, и этого недостаточно, чтобы противостоять лобовому ветру, но достаточно, чтобы аппарат отыскивал подходящие воздушные потоки и не потратил сотни часов на дрейф в нежелательном направлении.

Поскольку им предстояло находиться в воздухе несколько недель, чтобы додрейфовать до полюса, требовалось тщательно сохранять их запасы водорода. Газ надлежало получать путем электролиза с помощью электроразрядников с грейлстоунов, разделяя воду на водород и кислород. В полете они станут регулировать высоту, выпуская лишний водород или сбрасывая балласт, смотря по обстановке. Когда весь балласт окажется выброшен, останется только одно направление: вниз. А вероятность найти другой

отрезок Реки, где они смогли бы приземлиться для пополнения запасов, не рискуя быть убитыми или порабощенными, представлялась ничтожной: так что сперва планировался тяжелый корабль, который постепенно будет становиться все легче и легче, приближаясь к полюсу. Это была та самая базовая стратегия, которую они применяли в своих земных экспедициях на собачьих упряжках. Они выступали с десятками людей и сотнями собак, тянувших тяжело нагруженные сани, а, по мере использования припасов и создания тайников для обратного путешествия, отсылали обратно людей с собаками, пока не оставалась лишь легконагруженная мобильная группа с единственными санями, совершая последний рывок к полюсу.

На этот раз не предстояло образования тайников с запасами для возвращения, но, несмотря даже на это, рассчитав свое потребление по максимуму и прикинув, сколько и какого снаряжения им может понадобиться, они поняли, что в состоянии будут взять кого-то третьего. Гресса немедленно ухватилась за эту мысль, подчеркивая, что провела свою жизнь на Земле в холодном климате вообще без всякого особого снаряжения. Пири обрадовался, что она будет рядом, а если

Амундсен не пришел в бурный восторг, то он, хотя бы, не возражал.

Наконец настал день, когда все было готово к запуску. Припасы были загружены, газовый шар — растянут на веревках, и народ с нескольких окрестных миль собрался взглянуть, как вылетают исследователи. Они произнесли небольшую прощальную речь в открытую дверь и окна плотно окруженной гондолы, затем, под ликующие крики и аплодисменты, отдали швартовы и стали медленно подниматься в небо.

Они уже совершили с дюжину тренировочных полетов; единственной разницей было то, что сегодня внизу ревела толпа, которая мало-помалу растаяла. Горы, разделявшие изгибы реки, тоже ушли вниз, и так — пока аппарат не поднялся на несколько тысяч футов выше горных пиков. Воздух здесь был холоден, и в тишине раздавался лишь негромкий скрип веревок о дерево, в то время как гондола плыла под продолговатым шаром.

Как только полет выровнялся, они стали тянуть за канаты управления, продетые через крышу и пущенные вокруг снаружи шара. На канатах были закреплены магниты, которые перемещали внутреннюю отражающую поверхность в

положение, из которого свет утреннего солнца фокусировался на котле на оси шара. Несколько минут спустя машина в хвосте гондолы завращалась с негромким «чуфф-чуфф-чуфф». Пропеллер, длинная, круто изогнутая деревянная лопатка, медленно набрал скорость, по мере того, как система разогрелась, и еще через несколько минут мерно замельтешил на низкой скорости. Аппарат поплыл в воздухе, лениво откликаясь рулям высоты и направления. Теперь мягкое гудение пропеллера и шепот ветра, скользящего мимо окон, наполнили гондолу.

Масляный пар, струившийся из машины через внутренний радиатор, нагревал жилой отсек, прежде чем, сконденсировавшись, вернуться в котел. Пассажирам было довольно тепло, но крайней мере, пока длится день, а для ночи они располагали тяжелой одеждой и спальными мешками. Груды оборудования и балласт обеспечили заодно изоляцию. При полном грузе, свободного места оставалось немного; его имелось чуть больше, чем занимал маленький стол и несколько футов незанятого пола — только-только сидеть, стоять или лежать. Это смахивало на жизнь в чулане с едой, шкурами, палатками, ранцами и прочим, распиханным по углам.

К счастью, в мире за окнами было столь же просторно, сколь тесно было в гондоле. Планета смотрелась сверху как гигантское вспаханное и орошаемое с помощью каналов поле: долины протянулись меж отрезков Реки на запад и на восток, насколько достигал глаз. Облака и туман над водой делали расстояния заметно меньшими, чем естественный горизонт, но никто из путешественников не сомневался — каналы простираются на тысячи миль.

Аппарат стал дрейфовать на юго-запад, в направлении преобладающего ветра, пересекая долины под углом. Три пассажира наблюдали за крохотными следами лодок на воде внизу и совсем крохотными людьми на берегу; людьми, жившими в нескольких милях от них, но за горами, и в силу этого — навеки чужими тем, что населяли соседнюю долину.

Все утро они дрейфовали, и в полдень подкрепились, как привыкли, когда эхо грома от грейлстоунов внизу указало, что настал час. Вскоре после того Амундсен заполз в свой спальный мешок и натянул на глаза маску, чтобы удалось уснуть. Аппарат требовал постоянного управления, дабы они, чего доброго, не врезались в гору или не попали в воздушный поток, идущий на

север — и он вызвался держать первую ночную вахту. Пири и Гресса все послеполуденное время развлекались, любуясь пейзажем внизу. Миль эдак через сотню направленность долин с востока на запад сменилась более заметной ориентацией север-юг, затем они некоторое время бежали в направлении юго-запад — северо-восток. Стало очевидным, что не только сама Река меандром обходит всю планету, но и долины тоже образуют свой меандр, более крупный. Пири пораскинул мозгами, а не могут ли сверхизлучины означать некоего космического послания, но им не удалось уловить хотя бы намек на таковое с того небольшого участка планеты, который открылся им во время дрейфа.

К вечеру Грессу утомило это зрелище. Подавив зевок, она сказала:

— Здесь наверху довольно славно, но, признаться, я думала, что у нас будет больше приключений.

ГПири негромко рассмеялся:

— Я всегда говорил: «Чем более драматичны твои экспедиции, тем более ты неумел». — Затем его улыбка чуть заколебалась, и он добавил. — К тому же, у нас еще масса времени для приключений. Не стоит звать неприятности; довольно

скоро они сами нагрянут.

Несмотря на предостережение Пири, несколько последующих дней также прошло без событий. В связи с отсутствием крупных масс суши или океанов, что усложнило бы дело, а также наклона оси, погода в Мире Реки изменялась куда более предсказуемо, чем на Земле. Исследователи медленно дрейфовали к югу, поднимаясь и падая, да порой перемещаясь восточнее или западнее в поисках благоприятного воздушного течения или с тем, чтобы обойти грозовые тучи, но преодолели тысячи миль без сучка без задоринки. Они стартовали чуть севернее экватора: утром восьмого дня Пири взялся за секстант и определил, что они теперь находятся на сорок пятом градусе южной широты, более чем на полпути к цели. Денька через два они увидели другой воздушный корабль далеко-далеко на западе. Много больше, чем их аппарат, истинный дирижабль, и с двигателем помощней. Курс — на север.

— Еще один рывок не к тому полюсу, — ухмыляясь, заметил Пири.

— Если только они уже не побывали на юге и не возвращаются домой, — отозвался Амундсен.

Эта мысль побудила Пири скукситься. Он молча следил за дирижаблем, пока тот не пропал из

виду, и был в скверном настроении весь остаток дня.

— Он вспоминает свои неприятности с Куком, — сообщил Амундсен Грессе, когда Пири отправился спать. — Фредерик Кук утверждал, что достиг Северного Полюса за год до Пири, но заявил это лишь за неделю до того, как Пири вернулся из экспедиции. И похитил у Пири все фанфары, ведь даже когда публика начала сомневаться в словах Кука, было слишком поздно унимать болтунов. Некоторые даже сомневались в том, что совершил Пири. Был жуткий скандал. Рухнула их дружба, разумеется, и едва не рухнула наша, когда я отказался поносить Кука вместе с остальными.

— И он говорил правду? — спросила Гресса. — Он первым добрался до полюса?

Амундсен передернул плечами.

— Кто знает? Он говорил, что да, но даже я вынужден был признать, что он явно подтасовывал факты в своих интересах. — Он улыбнулся, вспоминая. — А еще один исследователь по имени Петер Фрейхен любил повторять: «Кук был лжецом и джентльменом, Пири — ни тем, ни другим». Он был, несомненно, прав в отношении последнего, а, возможно, и насчет обоих.

Гресса рассмеялась, оглядывая Пири в спальном мешке.

— Со мной он всегда был образцовым джентльменом, — добавила она. Амундсен подхватил ее смех.

— Рыцарство, дорогуша. Он умер до его смерти.

По мере приближения к полюсу, воздух делался все холоднее, а ветры вели себя все менее предсказуемо. Частые изменения высоты в поисках потоков, бегущих на юг, означали больше выпущенного водорода и сброшенного балласта, и чем дальше, тем существенней. Горы в приполярной зоне обыкновенно были ниже и с более плавными южными склонами, предположительно, чтобы солнце лучше освещало долины, но это ничуть не помогало путешественникам, поскольку более скромные возвышенности почти всегда омывали южные ветры. Приходилось оставаться на большой высоте, чтобы попасть в воздушную массу; втягивающуюся внутрь и питающую непрерывный отток воздуха наружу.

— В некотором смысле слова, это хорошие новости, — заметил Амундсен, когда Гресса спросила его, почему это так. — Это означает, что существует, вероятно, полярное плато, где воздух теряет тепло, отдавая его в космос, и не нагревается

снова снизу. Остывая, он опускается, а, когда приближается к земле, ему некуда деваться, кроме как течь от полюса, при условии, что почва холодная. Если она теплая, то он просто снова поднимется, но если холодная, то воздух станет и дальше остывать и набирать скорость, стекая по склону, подталкиваемый новыми воздушными массами сзади.

— И что в этом хорошего? — спросила Гресса. — Это означает лобовой ветер до конца пути, верно?

— Только если мы существенно снизимся, чего мы не сделаем. Мы будем лететь высоко, набрав воздуху в меру низкого давления. А обратно мы полетим низко, и у нас, таким образом, будет попутный ветер. Но, говоря о хороших новостях, я имел в виду плато. Это означает, что полюс на суше или хотя бы на льду — и куда более вероятно, что мы сможем добежать до него на лыжах, где бы нам ни пришлось сесть. Было бы слишком ожидать, что ветры доставят нас на самый полюс. — Он сделал паузу, затем мягко сказал. — Кроме того, если здесь ледяная шапка, значит, куда менее правдоподобно, что кто-нибудь тут живет.

— О, — произнесла Гресса, оглядывая Пири,

который стоял у носового окна и смотрел на юг, как будто хотел стать первым, кто вообще увидит полюс. — Да, полагаю, это и впрямь хорошие новости.

Ночью, вместо того, чтобы опуститься, так как газовый шар охладился, и они утрачивали плавучесть, они сбросили балласт, дабы поддержать высоту в идущем на юг потоке воздуха. Пири отправился спать, в то время как Амундсен проснулся и заступил на вахту, а через несколько часов его сменила Гресса. Амундсен провел холодные часы раннего утра, сидя у переднего окна наблюдения, завернутый в спальный мешок, и слушая, как тихонько посапывают его товарищи. Ночью, когда солнечная машина не работала, это был единственный звук в гондоле. Пар от их дыхания непрерывно замерзал на окнах, и Амундсен приоткрыл переднее на несколько дюймов и выглянул в щель. Звезды давали как раз достаточно света, чтобы увидеть грубые очертания местности внизу. Там чередовались светлые и темные полосы: хребты заснеженных гор разделяли речные долины. Прежде в ночи речные берега усеивали крохотные рыжие пятнышки сотен костров, но теперь костры догорели, там, внизу, все спали.

Звезды непрерывно светились там, где их не заслонил большой шар. На такой высоте и при таком холодном воздухе нынче выдалась самая ясная ночь, какую до сих пор наблюдали путешественники. Амундсену показалось, будто они парят на краю самого космоса. Следя за тем, как медленно вращаются вокруг полюса незнакомые созвездия, он думал, насколько иначе сложилась бы его жизнь, родись он на пятьдесят лет позднее, чем родился. Столько всего случилось на Земле после его смерти. Человек прошелся по Луне. И добрался бы до других планет, может быть, даже — до других звезд, не останови экспансию человечества проект Мир Реки. И он был бы среди первопроходцев.

И все-таки, наверное, для него еще есть надежда. Кто знает? Жизнь в Мире Реки — полнейшая загадка. У смерти вырвано жало, и тем самым снят временной барьер. Они все остальное человечество могут быть сейчас пленниками на чужой планете, но кому известно, что может таить будущее? Звезды и здесь были в небе, и здесь манили, и Амундсен, по крайней мере, и здесь рвался к ним всей душой исследователя. И этого у него не могли отнять чужаки.

Тут уши его навострились, он оглянулся назад,

на приборы и понял, что слишком долго витал в облаках. Воздушный корабль потерял высоту. Тихо, чтобы не разбудить ГІири или Грессу, он открыл мешок с песком и высыпал его через специально проделанное отверстие в палубе. Сверился со статоскопом, с более чувствительным альтметром, который регистрировал малейшие изменения высоты, и увидел, что показания на обоих по-прежнему падают. Опорожнил еще один мешок.

А они все падали. Озадаченный, он выглянул в окно и увидел, что поверхность планеты еще довольно далеко внизу, но видна менее отчетливо. Ее покрывал тонкий облачный слой.

Амундсен опорожнил новый мешок балласта. Статоскоп стабилизировался, даже показал некоторый взлет, но несколько минут спустя они опять начали падать.

Неужели в газовом шаре открылась течь? Амундсен опять высыпал песок, и шар восстановил нейтральную плавучесть. Затем проверил измеритель давления. Стабильное. Но через минуту они опять начали спуск.

Это не могло быть просто работой нисходящего потока — не на такой высоте. Ближе к земле кружат конвекционные потоки: теплый воздух

поднимается от Реки, а холодный падает с ледяных горных вершин, но все это происходит лишь в нескольких тысячах футов над горами, а их корабль находится куда выше.

Впрочем, это ненадолго. Скорость спуска все нарастала, как заметил Амундсен. Он снова выбросил балласт, затем опять выглянул из окна. Облачный покров становился толще. Амундсен не хотел туда угодить. Тогда они понятия не будут иметь, где горы, и запросто могут врезаться в любую.

Тут его осенило. Если они не теряют водород и не попали в нисходящий поток, они каким-то образом стали набирать вес. А единственное, что могло произойти — это оледенение. Ночь ясная, планета основательно отдает тепло в космос, и внизу, на земле, воздух достиг наконец точки росы. Холодный газовый шар представляет собой превосходную поверхность для конденсации.

— Охо-хо, — сказал он вслух. Затем, топнув ногой по палубе, проорал. — Лед! Просыпайтесь!

ГИири вскочил, сев, точно кролик из детской книжки.

— Что неладно? — спросил он.

— Оледенение, — ответил Амундсен. — Давай, вышвыривай балласт. Я полез наверх сбивать

лед. — Он выхватил лыжную палку из груды их имущества, обернул ее конец рубашкой и привязал ее, чтобы получилась мягкая дубинка, затем открыл верхний люк и вскарабкался вверх по снастям, находившимся между гондолой и шаром.

Пири выбрался из спального мешка и натянул тяжелую парку и леггинсы. Как только стало достаточно пространства для маневра, Гресса проделала то же самое, и оба начали опустошать мешки с балластом.

— Эдак у нас скоро весь балласт выйдет, — заметил Пири несколько минут спустя… — И, в любом случае, на хрен нам от этого пользы. Падаем, и все тут.

Они слышали, как Амундсен наверху лупит своим орудием по нижней части газового шара и ругается.

— А ну, пошел, у, зараза, давай отсюдова!

Осколки льда загремели по гондоле, когда ему удалось кое-что сбить, но он не преуспевал существенно заметней, чем двое, выбрасывающие балласт.

— Дерни за канаты рефлектора, — крикнул он через люк. — Наверняка удастся скинуть хоть сколько-нибудь этой дряни.

— Неплохая мысль, — согласился Пири. И потянул за регулирующие канаты, ведущие к лентам с магнитами, окружавшим шар. Сперва они сопротивлялись, затем поддались. Мимо окон пролетело куда больше льда, но аппарат продолжал снижаться.

— Вонючее падло все еще валится! — проорал он. И сказал Грессе. — Продолжай опорожнять мешки. — А сам схватил другую лыжную палку, обернул ее конец и вылез, чтобы присоединиться к Амундсену.

Пространство между гондолой и шаром заполнил лабиринт заиндевелых канатов, расширяющийся кверху и образующий сеть над шаром.

— Придется забраться на самую верхотуру, — сказал Амундсен напарнику. Используя сеть как лестницу, он, подтягиваясь, стал карабкаться, кистями рук и стопами цепляясь за веревки снизу, чтобы удержаться, и останавливаясь через каждые несколько ступеней, дабы поколотить своей мягкой дубиной по всему, что оказывалось в пределах досягаемости. Пири занимался тем же с другой стороны, двигаясь зигзагами взад-вперед, с тем, чтобы обползти как можно большую часть выпуклой поверхности.

Они думали, что лиха беда начало, пока ви-

сели, как пауки, под округлыми боками шара в нескольких тысячах футов от земли; но когда они одолели полпути, лед сделался куда толще, а осколки, которые они сбивали лыжными палками, забрызгали прямехонько по рукам и лицам. Вдобавок, холодный воздух проносился вверх мимо них — теперь, когда корабль падал, взметывая лед повсюду вокруг них. Туманный вал внизу вздымался им навстречу.

— Песок кончился! — Прокричала из гондолы Гресса. Ее голос чисто прозвенел в морозном ночном воздухе.

— Вышвыривай мебель! — крикнул в ответ Пири. — Выкидывай все, без чего мы можем обойтись!

— А как же люди под нами?

— А ну их в жопу! Ты не думаешь, что их куда чувствительней пришибет аппаратом?

Веревки заскрипели, и корабль колыхнулся у них под ногами — Гресса отворила дверь и выкинула в ночь стулья, но и эта мера не остановила падения. Пири и Амудсен, как безумные, колотили по шару, но лед на верхушке пристал к оболочке, словно клей, а в такелаже застревала немалая доля того, что им удавалось сбить. Гресса отодрала от стены стол и послала его следом за

стульями.

— Что теперь? Еду или снаряжение? — прокричала она.

— Выкинь палатки, — велел ей Амундсен. — Мы сможем сшить новые из оболочки шара, когда приземлимся.

Гресса разинула рот.

— Палатки из оболочки? А как же мы попадем домой?

— Похоже, нам предстоит Экспресс Самоубийств, если только не повезет, и мы не заручимся помощью местных жителей, чтобы починить аппарат.

— Экспресс самоубийств? А стоит ли на это пускаться лишь для того, чтобы попасть к полюсу? Думаю, я бы предпочла просто вернуться домой обычным путем и попытаться все начать заново.

Пири фыркнул.

— Ха! Да попробуй поверни обратно из здешних краев! Выбрасывай палатки, и спальные мешки заодно! Построим иглу, и будем там спать одетыми. В крайнем случае, можно выкинуть и что-нибудь из еды: вся она нам и так, и эдак не понадобится при путешествии в один конец.

Воя с досады, Гресса начала выполнять его приказ, сверяясь со статоскопом всякий раз, когда

через дверь отправлялся очередной груз. Аппарат ухнул в облака, и всех ужаснула вероятность расшибиться в лепешку о вершину горы, но в конце концов их судно замедлило спуск и остановилось, ни обо что не ударившись.

— Мы опять поднимаемся! — прокричала Гресса.

Пири и Амудсен прекратили лупить по шару.

— Как скоро? — спросил Амудсен.

— На несколько сотен футов в минуту. Стой, а теперь — быстрее.

— Ух-ху. Перестарались. Вероятно, придется выпустить немного водороду, а не то взлетим слишком высоко.

Действительно, несколько минут спустя они рванули вверх через облака, точно ракета, веревки заскрипели, и еще больше льда свалилось по мере того, как шар расправлялся во все более разрежающемся воздухе. Амундсен слез по снастям обратно в гондолу и помог Грессе стабилизировать высоту, потянув канат, связанный с водородным клапаном на крыше их шара, и попытавшись выпустить как можно меньше, но зная, что если они выпустят недостаточно, шар разорвется от внутреннего давления, и тогда они рухнут, точно камень, навстречу верной смерти.

Наконец, они стабилизировались на высоте 15 000 футов, но это было все равно, что ехать на йо-йо. Разреженный воздух на большой высоте оказывал куда меньшее сопротивление движению, и ничтожнейшее нарушение равновесия швыряло их вверх или вниз на сотни футов, прежде чем они успевали его восстановить. Когда скапливающийся лед снова стал вызывать снижение, Пири, который оставался снаружи, должен был его скалывать, но если он сбивал слишком много, Амундсену приходилось выпускать водород, дабы воспрепятствовать нежелательному подъему. На это у них ушел остаток ночи, время от времени они менялись местами, так что никто из них не рисковал замерзнуть насмерть снаружи на обледеневающем шаре.

— Мы словно погоняем упрямого мула, — заметил Амундсен во время одного из своих дежурств. — Бедную скотину приходится бить, чтобы она шла куда надо.

— Ха! Ты, в конце концов, не так уж отличаешься от Скотта! — Смеясь, заявил Пири. Роберт Скотт выступил в свою полярную экспедицию с сибирскими лошадками, которые тянули его сани.

Амундсен не рассмеялся.

— Надеюсь, что нет, — сказал он. — Лошади

Скотта пали еще до того, как он по-настоящему выступил.

— Мы уж больше, чем просто выступили, — обнадежил его Пири. — Не беспокойся, мы еще куда-нибудь доведем нашего переросшего мула.

* * *

Заря не спешила заняться на столь высокой широте, но когда солнце наконец выглянуло из-за горизонта, лед стал таять, и приходилось снова и снова выпускать водород, чтобы не взвиться чересчур высоко.

— Гм, похоже, полет близится к концу, — сказал Пири, расхаживая взад-вперед по такой просторной отныне гондоле. — Балласта больше нет, если только мы не пожелаем выкинуть все оставшееся снаряжение и жратву. Мы можем проболтаться в воздухе до конца дня, но, когда ночью опять начнется охлаждение, мы пойдем вниз в последний раз.

— Если бы я только не задурила и не выкинула слишком много, — пожаловалась Гресса. — Это все я виновата.

Амундсен возразил:

— Чепуха. Если бы не сбросила все, что сбросила, мы бы врезались в землю и угробились. Или

утонули бы в Реке. А пока складывается так, что у нас — еще целый день для полета, попутный ветер дует в спину, и до цели — лишь несколько сотен миль. Мы сядем как можно дальше к югу и посмотрим, нельзя ли получить помощь у местных жителей. Если нет, что же, пройдем, сколько осталось, пешочком.

— Хотел бы я знать, какой из протоков Реки уходит дальше прочих к югу, — заметил Пири долинки, проплывающие во многих милях внизу. Теперь, когда путешественников отделяло от полюса лишь несколько градусов широты, все больше и больше отрезков реки совершало последний поворот и вновь отступало на север, и по обе стороны оставалось по участку русла, которые бежали дальше. Один из них должен протянуться дальше всех прочих, и если исследователям придется сесть на Реке, предпочтительна его долина. Но не было способа угадать, что это за участок, пока они фактически не доберутся до конца.

Весь день двигатель на рыбьем жире нес их вперед с неизменным чуф-чуф, прибавляя несколько миль в час к скорости их дрейфа на юг. Но солнце так низко стояло над горизонтом, что двигатель выдавал лишь несколько процентов от своей работы на экваторе. Пири честил его и так, и эдак,

ибо машина почти что стала мертвым грузом, и если бы слова могли нагревать котел, их колымага могла бы облететь вокруг света в течение дня, но Пири преуспел лишь в нагревании своих легких и ушей своих спутников.

Позднее, когда настал вечер, и, судя по всему, следовало бы выбрать наобум какую-нибудь долинку, они увидели в отдалении полярную ледяную шапку.

— А вон самое южное ответвление Реки, — сказала Гресса, указывая далеко на запад, где с дюжину параллельных каньонов юг-север огибало прочие ровной кривой и омывало основание ледяной шапки, точно замковый ров.

— Следует нам двигать туда или попытаться достичь самой полярной шапки? — спросил Амундсен Пири.

— Мы на широте восемьдесят пять градусов, — ответил Пири. — Лишь в нескольких сотнях миль до полюса. Если удастся дорваться до шапки, мы сможем за несколько дней пробежать то, что осталось, на лыжах.

— А если не удастся, вся жизнь может уйти на то, чтобы лазать по горам, дабы всего-навсего пересечь последние несколько дюжин долиночек, — усмехнулся Амундсен.

— Если подадимся к самому южному руслу, нам предстоит взобраться, по меньшей мере, на одну гору, — указала Гресса. — И эта последняя перед ледяными просторами выглядит почти вдвое выше остальных.

Она была права. Горы, разделявшие речные излучины, были достаточно низкими при таком масштабе, но полярное плато возвышалось на тысячи футов над тем, что его окружало. На расстоянии трудно было судить, но граница плато смахивала на гладкую скалу.

— Слушайте, надо брать курс на шапку, — произнес Пири.

Амундсен, изучавший местность внизу, долгое время ничего не говорил. Солнечный двигатель давал ничтожно мало на этой широте; они были, практически, отданы на милость ветра, и сила Кориолиса сносила их к востоку, так как воздушные массы над полюсом втягивались внутрь. Если они попытаются сместиться на запад, они почти наверняка ненамного продвинутся вперед, на юг, и все, чего они достигнут — это меньшее приближение к цели.

— Отлично, — сказал он наконец. — Берем курс на шапку.

И начались состязания с наступающей ночью.

На их высоте день длился дольше, чем на земле под ними, но все же они находились недостаточно высоко, чтобы оказаться в крохотной области двадцати четырех светлых часов над полюсом. В любом случае, солнечный свет, проникающий в атмосферу под таким малым углом, нес мало тепла, и когда шар стал охлаждаться, аппарат начал свой последний спуск. Когда двигатель, наконец, прохрипел и заглох, они сбросили его за борт, но это дало им лишь недолгий взлет на тысячу футов или вроде того, прежде чем они снова не начали падать. Они стали рыться в рюкзаках, выбрасывая лишнюю одежду, кухонную утварь, снова еду — все, чего только было не жаль. К концу Пири даже начал отпиливать куски от самой гондолы.

Наконец, они продрейфовали над последним отрезком Реки. Скала у границы полярного плато и впрямь оказалась отвесным обрывом не менее мили высотой, и, миновав его, они ликующе завопили, обнимая друг друга, и запрыгали, пока весь аппарат не заколыхался точно пьяный мотылек. Но и теперь отнюдь не все было позади. Они находились в тысячах футов над поверхностью планеты, в потоке, движущемся на юг, но ниже дули противные ветры, под которые они вот уже два дня как старались не угодить. Нужно

было продрейфовать как можно дальше вглубь полярного плато, а затем совершить быстрый спуск ко льдам, прежде чем противные ветры не снесут их обратно к Реке.

И они растянули дрейф, насколько смогли, избавившись от своих незаменимых лыж и рюкзаков, полных оборудования, и даже от Граалей, чтобы хватило сил еще на полмили, зная, что все, сброшенное на лед, они смогут опять подобрать после посадки, но вот уже в гондоле ничего не осталось, а они спускались в поток воздуха, летевший на север.

— Ускоряй спуск, — сказал Пири, когда увидел, что их сносит назад, и Амундсен дернул за канат клапана. Водород со свистом вырвался из верхушки шара, и скорость падения сделалась нешуточной. Они неслись вниз не так стремительно, как тогда случилось первое оледенение, но посадка предстояла жесткая.

— Готовьтесь, у самого льда — прыгаем, — предупредил Пири, но вместо того, чтобы подойти к двери, он вылез через верхний люк на крышу гондолы и вытащил нож из ножен.

— Ты что делаешь? — спросил его Амундсен.

— Собираюсь распороть шар, когда сядем, — ответил Пири. — А не то его сразу же унесет за

скалу.

Амундсен, судя по его виду, не прочь был поспорить, но он не хуже Пири понимал, что все деревянное в гондоле, ткань оболочки шара и даже опутывающие его веревки — это надежда выжить на льду полярного плато. Он кивнул и сухо заметил:

— Будь осторожней.

Они спускались под все увеличивающимся углом, так как их подхватил ветер, дующий у поверхности. Чем ближе к земле, тем больше обозначался рельеф — внизу раскинулась покатая равнина со снежными холмами, напоминавшая замерзший на полном движении бурный океан. Темные скалистые хребты пробивались через лед, там и сям были рассыпаны валуны. Низкое положение солнца вызывало густые, словно заводи, тени, где могло таиться все, что угодно.

Край скалы, находившейся лишь в нескольких милях от них, казалось, взмывал вверх к горизонту, резкая белоснежная линия не позволяла определить топографию внизу, даже когда скала приблизилась. Когда скала оказалась примерно в миле от аппарата, а тот был еще на высоте нескольких сотен футов, Пири прокричал:

— Выпускаем газ! Надо, чтобы вовсю пукнуло,

или прощай, шапка!

— Мы здорово грохнемся! — прокричал в ответ Амундсен, но миг спустя он, очевидно, решил, что это лучше, чем если их убьет, швырнув на горы, с юга огибающие Реку. Он потянул за канат клапана, как если бы мог этим подтянуть аппарат к ледяной поверхности.

Лед рванулся им навстречу, но не менее быстро приближался и гребень скалы. Гресса присела на корточки в дверях, готовая прыгать, если станет похоже на то, что их унесет за скалу до посадки, но гондола упала, не долетев до гребня сотни футов.

Ударившись, она крутанулась, и, не удержавшись на месте, прокатилась волчком еще с дюжину футов в сторону обрыва, но примерно фут мягкого снега поверх льда затормозил падение, и она, заколебавшись, остановилась посреди облака белой метели. Амундсена бросило на пол гондолы, но миг спустя он пополз к двери и вывалился наружу, в снег. Пири висел на снастях, как безумный, полосуя шар ножом.

— Брось его! — прокричал Амундсен. — Прыгай!

Аппарат, избавившийся от веса двух людей, опять потянулся в воздух. Прорези, которые сделал Пири в нижней части шара, едва ли на что-то

влияли.

Ругаясь, он соскочил с гондолы, пролетел пятнадцать футов и, очутившись в снегу, вонзил туда нож, точно ледоруб, что помогло ему затормозить лишь в двенадцати футах от обрыва.

Аппарат оторвался от гребня скалы, один раз повернулся вокруг себя и пропал за скалой в нисходящем потоке, Пири произнес.

— Ну, вот и прилетели. А теперь — самое веселое.

Они брели на запад в сгущающихся сумерках, ища снаряжение, выброшенное за борт, но снаряжение нашло их само. Они пробивались на край длинного сугроба север-юг, когда услышали сверху низкий рык, и над головами у них появилось с полдюжины мохнатых белых созданий. Создания были нагружены шкурами, рюкзаками и едой, точно мародеры, возвращающиеся после удачного налета на спортивный склад.

Увидав Пири, Амундсена и Грессу, они выронили добычу, хором заухав и закрякав от изумления. И тут Гресса прокричала:

— Дерьмо собачье, я знаю этих ребяток! — и побежала им навстречу. Они рассеялись, вопя, но Гресса протренькала что-то на их родном языке, и один из них задержался, подхватил со

снегу побольше добра и, колеблясь, отступил на несколько шагов, явно узнав ее, но столь же явно не уверенный, что означают ее наряд и ее спутники. Гресса подошла к нему, что-то лопоча, и миг спустя, он избавился от напряжения, и они принялись обниматься, точно влюбленные после долгой разлуки. Когда он наконец выпустил ее, она обернулась к Пири и Амундсену и крикнула:

— Эй, познакомьтесь с моим братом!

* * *

Встреченные принадлежали к племени йети, численностью около тридцати, которые жили в пещерах, окружавших один-единственный грейлстоун в нескольких милях к западу. Они приняли у себя путешественников, и впервые с тех пор, как они покинули дом, исследователи поели горячего. Затем все уселись у костра близ входа в самую большую пещеру и стали обмениваться рассказами.

Йети мало что нашлось рассказать: грейлстоун обеспечивал их пищей и топливом, но на плато не водилось никакой дичи для охоты, и никто пока что не отыскал дороги вниз, на другие земли.

Пири задал им лишь один вопрос: не выступали ли когда-нибудь к полюсу они или кто-то

другой. Гресса перевела, и, когда ее брат ответил, сказала:

— Кийика говорит, что никогда ни о чем таком не слыхал. Никто отсюда ни разу не удалялся больше, чем на два дня пути на юг, так как в этом направлении больше нет грейлстоунов. Он говорит, что есть другие племена йети, разбросанные по всему краю полярной шапки, но он также никогда не слыхал, чтобы кто-нибудь из них ходил к полюсу.

— Спроси его, не поможет ли он в этом нам, — сказал Пири.

Гресса перевела и, когда брат ответил, рассмеялась и пояснила:

— Он говорит: «А почему бы и нет? Тут все равно больше делать нечего».

Пири улыбнулся.

— Отлично. Тогда вот что… — и он стал описывать, как переносят еду от тайника к тайнику, создавая вспомогательную цепь от базового лагеря на всем пути к точке, откуда главная команда сможет совершить последний рывок к полюсу.

Они провели последующие несколько дней, запасая пищу и чиня лыжи и рюкзаки, пострадавшие при падении на лед. Оба — и Пири, и Амундсен, жаждали поскорее закончить то, что

начали, но предыдущие ошибки на Земле научили обоих не слишком полагаться на удачу. И они терпели, пока все не было готово, прежде чем снова выступить в путь, на этот раз — с дюжиной помощников-йети.

Они бежали на лыжах по десять-двенадцать часов в день и строили снежные иглу, чтобы спать по ночам. Йети на лыжах не ходили, но их широкие мохнатые лапы действовали как снегоступы, и, если они теряли в скорости, то брали свое выносливостью. Они возвращались парами, пара уходила каждый день назад, по цепи, в то время как оставшиеся спешили вперед.

Наконец, примерно в каких-нибудь пятидесяти милях от южного полюса, последняя пара йети покинула их троих, готовых завершить путешествие, в которое они пустились за полпланеты отсюда. Они одолели половину расстояния за один день, затем пришлось провести два дня в иглу, в то время как вокруг гуляла метель, и было практически ничего не видно. Они выбрались из убежища утром третьего дня, местность вокруг усеивали самоцветы: грани свежевыпавших снежинок преломляли красноватые лучи низкого солнца на самый разный манер. В такой близости от полюса ветер был совсем нежным, и они вновь

выступили на юг, совершая на лыжах длинные нетерпеливые рывки и покрывая три-четыре мили в час. Чем ближе к цели, тем пристальней они обозревали горизонт впереди, ища признаки того, что кто-нибудь другой уже прошел здесь, но ничто не нарушало однообразия белой пустыни.

И вот, когда, по их подсчетам, их отделяло от полюса около пяти миль, Амундсен указал на несколько градусов вправо и спросил:

— Что это?

— Где? — переспросил Пири, всматриваясь.

— Я вижу у горизонта что-то, торчащее вверх.

Пири сощурился и заметил:

— Скала.

— Довольно высока для скалы.

— Значит, это высокая скала, ишь, курва.

— Может быть, это каирн, — предположила Гресса. — Может, кто-то нас все-таки обскакал.

— Нет, — заявил Амудсен. — Высота этой штуковины — футов двадцать.

— Значит, это треклятые чужаки, — со вздохом произнес ГПири. — Они поставили башни на обеих концах. — И оглянулся на пройденный путь, как будто и впрямь подумывал, что стоит податься обратно, не дошагав до самого конца. Но он тут же покачал головой и вновь устремился вперед.

Амундсен и Гресса молча последовали за ним.

Казалось, башня становится тем выше, чем заметней они приближались, и они начали понимать, что недооценили ни ее размеры, ни расстояние до нее. Положившись на сухие расчеты, они неверно определили количество миль до полюса. Они преодолели еще десять миль, прежде чем поравнялись с башней — гладким стальным цилиндром в двадцать футов шириной и в сотню высотой.

Мерное низкое гудение, почти на пределе слуха, наполняло воздух и вызывало дрожь в почве; несколько минут спустя стало заметно, что цилиндр медленно вращается против часовой стрелки.

— Мировая ось, — со смехом изрек Амундсен. — Ну и хохма!

— Да насрать мне на их хохмы, — огрызнулся Пири и, развязав штаны, пустил струю. Его моча замерзла, едва плеснула на металл. Гресса объехала на лыжах цилиндр и ахнула:

— Эй, сюда!

Амундсен и Пири поспешили к ней вокруг столба, и увидели, что Гресса стоит на коленях над двумя телами. Они насквозь промерзли. Одно было небольшим, с длинными темными волоса-

ми и тяжелым носом, другое — более изящным и точеным.

— Кук, — произнес Пири, уставившись на смуглого.

— Скотт, — сказал Амундсен, поглядев на второго.

Пири сокрушенно покачал головой.

— Может быть, мне не следовало клясться, что мы с ними встретимся в преисподней.

Гресса наклонилась и вытащила кусок бумаги из сжатого кулака мертвеца.

— Они оставили нам записку, — объявила она.

Пири принял у нее бумагу, точно ядовитую змею, и, держа в вытянутой руке, стал читать:

— «На семьдесят третий день двенадцатого года после Воскрешения, Фредерик А. Кук и Роберт Ф. Скотт достигли этого места, Южного Полюса этой необычайной планеты, которую мы волей-неволей называем теперь домом…» Богоматерь собачья, да сколько лет они тут валяются! «Любым другим, которые сюда придут, наши сердечные поздравления по случаю завершения этого труднейшего предприятия, и просим вас всех помнить, что лишь те, кто преодолевает чудовищные препятствия, такие, как здесь и теперь, найдут то, чего ищут в своих сердцах». У,

воз и маленькая тележка!

— Ничего подобного, — возразил Амундсен. — Это нагая истина. И это куда милосердней, чем записка, которую я оставил Скотту, когда побил его на Южном Полюсе Земли.

— Ха! Послушайте дальше. «Если Роберт Пири или Руал Амундсен когда-либо явятся сюда, мы считаем, что счет отныне сравнялся, и оставляем здесь наши тела как доказательство нашего достижения. Приглашаем вас присоединиться к нашему новому предприятию — взойти на высочайшую вершину этой планеты, каковая ею ни оказалась бы. Мы не спешим к ней на всех парах, и, поскольку Скотт уже однажды замерз насмерть и, как он мне говорит, это менее чем приятно, полагаю, вы отыщете нас в более тропическом климате в последующие годы. Искренне ваш Фредерик А. Кук». Пири скомкал записку и швырнул ее на грудь мертвому сопернику. — Воображала чертов, — прорычал он.

Амундсен кивнул.

— Разумеется, воображала. Или ты не понимаешь, что в этом-то и загвоздка.

Пири не ответил. Он лишь уставился куда-то вдаль.

— А в чем загвоздка? — полюбопытствовала

Гресса.

Амундсен сказал:

— Он советует нам не сдаваться. Если кто-то тебя побил, не ной, потому что у тебя всегда есть возможность взять верх в чем-то другом. Племя, которое воскресило нас на этой планетке, пытается приручить нас. Одомашнить. Но мы не можем им этого позволить. У людей вроде нас в крови жажда сберечь древнюю искру, сохранить нашу свободу и целеустремленность даже в плену. — Он указал рукой на столб около них. — У Пири была правильная позиция минуту назад: да насрать мне. Насрать на всю ситуацию, на любого, кто пытается управлять нашей жизнью. Делайте, что вам угодно, и здесь, и везде.

— Ты словно читаешь некие огненные письмена между строчками, — заметил Пири.

— А они там и есть.

Пири угрюмо сверкнул глазами.

— Значит, насрать? И продолжать в том же духе, как будто это что-то значит?

— А это кое-что значит. Это значит, что мы живы. Что мы собираемся делать дальше — вернуться, чтобы хандрить на берегу Реки, видя, как другим достается все удовольствие? Давайте сделаем то, что предлагает Кук: отыщем высочай-

шую вершину этого мира и взберемся на нее.

— Даже если он уже будет махать нам оттуда флагом?

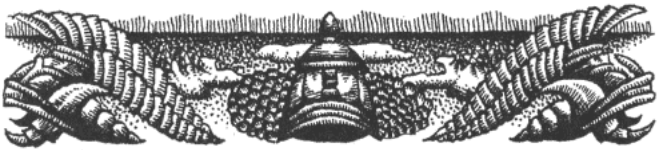
— Даже если так. Мы поставим наш флаг рядом, и все вместе покажем нос здешним богам. А затем придумаем что-нибудь похлеще. Например рванем к звездам.

Пири оглядел два тела у своих ног. Забавно было видеть, как его с Амундсеном соперники простерты на льду, и знать, в то же время, что они разгуливают на просторе где-то в другом месте, срывая чьи-то тщательно продуманные планы.

Его хмурое лицо медленно разгладилось. Он ухмыльнулся и произнес:

— Значит, к звездам? Черти полосатые. Разумеется. Стоящее было бы дело.

Оул Гоинбэк
Край чудес[36]



Крики страдания и боли наполнили ночь. Долгие и пронзительные, от которых плоть стынет, словно клинок превосходно заточенного ножа, царапающего кость. Сидящий Бык медленно греб, изо всех сил удерживая каноэ на середине Реки, подальше от безумия, охватившего берега.

Он хмуро наблюдал, как языки огня, треща, набрасывались на тростниковые хижины, уничтожая то, что еще недавно было деревней. Когда пламя — умышленно пущенное завоевателями с противоположного берега — взметнулось в ночи, стали видны тени, бившиеся и умиравшие среди разгула насилия.

---

[36] Примечания: 36

A PLACE OF MIRACLES by Owl Goingback Copyright© 1993 by Owl Goingback.

Не впервые он стал свидетелем подобного дикого зрелища и слушал душераздирающие вопли. Мальчиком он слышал, как его мать заходится в погребальных причитаниях, вскоре после того, как воин из племени Ворон пресек жизнь его отца, Вновь Возвращающегося. В скорби мать обрезала волосы, а руки изранила кремниевым ножом. Юным воином он слышал вопли женщин и детей, тела которых разрывали в клочья пули бледнолицых. Позже, когда он был никчемным стариком, он лил горькие слезы при криках недокормленных ребятишек, страдавших и умиравших от эпидемий кори, инфлюэнцы и коклюша. Болезней бледнолицых. Их стоны не давали ему покоя даже во сне до того дня, когда он умер.

Сидящий Бык не сомневался в том, что мертв. Он очень хорошо помнил свою смерть. Это случилось недоброй холодной ночью зимой в Канаде. Он крепко спал, и его внезапно разбудил грохот ударов: дверь его крохотной хижины распахнулась, и внутрь ворвалось около двенадцати племенных полицейских. Хотя эти полицейские тоже были индейцами — некоторые даже из его племени, — они были подкуплены долларами и виски бледнолицых и делали грязную работу.

Они дошли до самой Канады, чтобы арестовать Сидящего Быка и вернуть его в резервацию Стендинг Рок.

Судя по всему, бледнолицые боялись, что назревает новая индейская война. Они сочли, что танец духа, начатый Уовокой, прорицателем Пайюте — это призыв к кровопролитному восстанию. Где им было понять, что танец духа — это всего-навсего священный обряд, молитва Великому Духу, дабы изменил жизнь и сделал такой, какой она была до прихода бледнолицых. Сидящий Бык тоже пытался исполнить танец духа, но это оказалось не для него. Он не верил больше, что осталась надежда для его народа. И не думал, что танец может обратить вспять нашествие белых поселенцев, которые пожирали все кругом, как саранча. Но имя его было слишком известно, и бледнолицые обвиняли его во внезапной популярности танца духа и в том, что он подстрекает индейцев к беспорядкам. Они не видели его таким, каким он теперь стал: старым усталым индейцем, который сложил оружие и оставил тропу войны, чтобы провести в мире свои последние годы.

Его последователи собрались снаружи и глядели через открытую дверь, как полицейские

выволакивают Сидящего Быка из постели и заставляют стоять нагого и дрожащего посреди хижины. Негодуя, как они посмели с ним, святым человеком, так обращаться, он воспротивился аресту. Во время борьбы кто-то выстрелил. Сидящий Бык не знал наверняка, кто стрелял: полицейский или один из его людей. Неважно. Кто бы ни выстрелил, а вина пала на него. И, хотя он не был вооружен, один из племенных полицейских выхватил пистолет и пальнул ему в бок.

Рыдая от боли, Сидящий Бык схватился за бок и осел на пол. Лежа там с медленно текущей из раны кровью, он наблюдал, как Генри Тяжелая Голова, индеец из тех, что крутятся у форта, вышел вперед, взвел курок и разрядил пистолет ему в голову. Когда пуля пробила череп, была ослепительная вспышка, боль, а затем стало темно.

Сидящий Бык провел рукой по голове, ища место, куда ему попали. И пальцы ничего не обнаружили: ни шишки, ни раны, ни пятна засохшей крови. Ничего. Даже шрама. Он исцелился. Пропали и все шрамы, которые он получил при жизни в боях и лишениях. Даже хромоты, от которой он страдал после того, как ему выстрелил в ногу вождь племени Ворон, больше не наблюдалось. В сущности, тело его не было уже старым разбитым

сосудом, вместилищем духа того, чей расцвет миновал. Оно стало молодым и крепким, как тогда, когда глаза его успели повидать не более двадцати зим.

Он вновь потер голову ладонью и содрогнулся. Пропали и его длинные шелковистые волосы, которыми он так гордился при жизни. Голова его, гладкая, точно у младенца, была в день Воскрешения покрыта лишь коротенькими-волосенками.

Это всего-навсего волосы. Они снова вырастут.

Сидящий Бык нахмурился. Если он действительно в мире духов, это совершенно не походило на то, чего его приучили ожидать. Здесь не было необозримой равнины с золотыми травами и тихими реками, о которых говорили знахари и племенные старейшины. Равнина-то была, но совсем маленькая, тянувшаяся лишь около мили по обе стороны широкой Реки. Дальше лежали лесистые холмы, а за ними — крутые снежные горы.

Бизоньи стада не слонялись по травяным просторам. Орлы не парили над головой. В сущности, после пробуждения он не увидел ни одного зверя или птицы. Правда, в Реке водилась рыба, а по ночам из земли выползали черви, но он никогда не считал рыб и червей своими братьями.

Впрочем, хотя в этой стране не хватало зверья и птиц, с людьми обстояло иначе. Их тут имелось предостаточно. Огромные толпы. И все — бледнолицые.

О, Великий Отец, ты совершил ужасную ошибку. Ты отправил меня не в то место. Это не страна духов моего народа. Это рай бледнолицых.

Его немало рассердило, что ему предстоит провести вечность с теми, кто украл священные Черные Холмы, сжег селения его народа и перебил всех бизонов, что обрекло детишек на голод. Он бы раскрасил лицо и вновь выступил на тропу войны, но нигде не имелось ружей, как ни ищи, а врагов — слишком много, чтобы воспользоваться лишь луком и стрелами. Поэтому он решил не воевать, а выдолбить каноэ из поваленного ствола и пуститься в нем вниз по Реке в поисках своего народа. До сих пор его путешествие было безуспешным.

Пламя, пожиравшее деревню, взметнулось выше, еще ярче осветив бой, идущий на берегу. Главная схватка завязалась вокруг одного из больших грибовидных камней, где наполнялись едой железные ведерки.

Трижды в день голос Великого Духа гремел над землей, и его копья из истинного огня взле-

тали в небо от грибовидных камней. И всякий раз в любом из ведерок, поставленных на такой камень, чудесным образом появлялась пища. К несчастью, многие из обитателей страны духов были недовольны тем, что находили в своем ведерке, и пытались украсть что-нибудь из чужих. Жадность, как представлялось, не была пороком, который бледнолицые оставили, когда перешли в иной мир.

На свое ведерко он глядел с презрением. Оно напоминало ему жестяные котелки, в которых стража разносила бобы и протухшую свинину, когда он был военнопленным в Форту Рэндалл. Две порции в день на индейца. Даже в раю бледнолицых все нормировано.

Он перевел взгляд от сражения на маленькую девочку, лежащую на носу каноэ. Совсем юное существо. Девять зим, в лучшем случае, десять. Кто-то избил ее. Все лицо в синяках, верхняя губа порезана и распухла. Вполне возможно, что ее вдобавок изнасиловали: порезы и синяки имелись на бедрах и внизу живота.

Он принял ее за мертвую, когда вытащил ее нагое тельце из Реки, но уловил слабое биение сердца. Очень слабое. И, когда он поделился с ней дыханием, ее маленькие легкие снова стали

дышать. И теперь он наблюдал, как ее грудная клетка медленно вздымается и опадает, как трудятся ее легкие, втягивая воздух в израненное тело.

Ее дух силен. Он отказывается уходить.

Уходить? А куда отсюда уходят? Разве можно умереть, если ты уже мертв? Но Сидящий Бык знал, что такое возможно. Он видел, как умерло несколько человек с тех пор, как начал свое странствие неделю назад.

Но куда уходят души отсюда? Или за этой страной — еще одна?

Возможно, после вторичной смерти духу позволяют перейти в лучшее место, туда, где раскинулись прерии и бродят стада бизонов, как в краю, о котором он тоскует. А потом он, наверное, может явиться в новый мир, не менее странный, чем тот, по которому сейчас движется Сидящий Бык.

Он все сидел и смотрел на девочку, и вот она кашлянула и открыла глаза. На лицее ее мгновенно появился испуг. Она захныкала и попыталась вылезти из каноэ. Сидящий Бык медленно поднял правую руку ладонью вперед — в знак дружбы — и заговорил на своем родном языке. Недоумевающий взгляд поведал ему, что она не понимает.

Он улыбнулся и попытался заговорить по-английски.

— Не бойся. Я тебя не обижу.

Она воззрилась на него, наверное, решая, стоит или не стоит ему доверять.

— Где… Где я? — спросила наконец она.

— В безопасности, — ответил индеец. — Я вытащил тебя из воды.

Она села и огляделась, на миг задержав взгляд на пылающей деревне.

— Мне холодно, — пожаловалась она и скрестила руки на груди.

У Сидячего Быка не имелось одеяла, но оказался при себе большой кусок ярко расписанной ткани, вроде той, из которого был сделан его набедренник. Он накинул ткань ей на плечи, а концы подоткнул под ноги.

Пошарив за спиной, он достал свое ведерко и поставил меж лодыжек. У девочки ведерка не было; должно быть, кто-то отнял. Вору от ведерка не будет никакой пользы, открыть чужое ведерко невозможно. Но без него девочку ждет верная голодная смерть. Индеец открыл свое ведерко и достал оттуда маленькую фляжку виски. Сидящий Бык никогда не касался губами отравы бледнолицых, но хранил ее на случай, если поже-

лает с кем-нибудь торговать. А сейчас это было как раз то, что нужно, чтобы согреть маленькое тельце.

Подавшись вперед, он поднес фляжку к ее губам, чтобы она отпила. Она отхлебнула] немного и дико закашлялась.

Он попытался уговорить ее сделать еще глоток, но она отказалась.

— Как тебя зовут? — спросил он, возвращая фляжку в ведерко.

— Крисси, — прошептала она.

— Хорошее имя, — заметил он, кивая. — Оно напоминает мне звук, который издают сверчки. Крисс, крисс, криссс… си.

Она улыбнулась.

— А тебя как зовут?

— Я Тантака Ийотаке.

Она сморщила носик.

— До чего глупое имя.

— Для тебя глупое, но у моего народа оно считается могучим.

— А что оно значит?

— Сидящий Бык.

Ее глаза расширились и наполнились благоговением.

— Ты слышала обо мне?

Она кивнула.

— Учительница нашего третьего класса читала нам рассказ о тебе.

Сидящий Бык был доволен, что он так известен, особенно — существу, столь юному.

— И что учительница говорила обо мне?

— Она говорила, что ты был вождем…

— Не вождем, — поправил он. — Знахарем.

— …и что ты убил генерала Кастера.

— Да, говорят, что я его убил. Не знаю. То был день великого смятения. Повсюду скакали солдаты. Вопили женщины. Шла стрельба. — Он пожал плечами. — Может быть, и я его убил.

Крисси поразмыслила с минуту.

— Не думаю, что ты его убил, а не то ты не попал бы в рай.

Сидящий Бык нахмурился.

— Может быть, мы не в раю.

— Нет, в раю, — возразила она, и в голосе ее зазвучал гнев. — Моя мама говорила, что все хорошие люди попадают в рай, когда умрут. А я вела себя хорошо.

Сидящий Бык указал на горящую деревню.

— Сюда допустили и дурных людей.

Крисси ничуть не смутило его замечание.

— Это потому, что Иисус здесь еще не побывал.

Когда он придет, он вышвырнет отсюда всех дурных. И пошлет их в другое место. И все будет в порядке. Рай прекрасен. Увидишь.

Они обсудили эту тему. Крисси, убежденная, что они на Небесах, рассказала все, что выучила об этом в воскресной школе. Но индейца это не поколебало. Он отказывался верить, что они — в месте, столь поразительном, как Небеса, которые описывала Крисси, в краю чудес. Ему пока что не доводилось видеть никого, кто летал бы на крыльях — Крисси называла их ангелами — или поля цветов, где весь день, смеясь, играли дети. До сих пор он только и видел, что горе и нужду, которые знавал при жизни.

Но, несмотря на расхождение во мнениях, Сидящий Бык получал громадное удовольствие от общества Крисси. Она была глотком свежего воздуха в этом зловонном мире. А он всегда любил детишек; и неважно, какого у них была цвета кожа.

Раздосадованная тем, что ей не удалось переубедить Сидящего Быка, Крисси нетерпеливо затопала ножкой.

— Подожди, вот придет Иисус, — она сморщила носик.

— И он докажет, что мы на небесах. Он…

Вжитть!

Кровь брызнула в лицо Сидящему Быку, когда из самой середины груди Крисси вырвался наконечник стрелы. Иззубренный каменный наконечник на тонком деревянном древке — уже, чем его мизинец.

— О, — сказала Крисси, и ее рот раскрылся. Она скосила глаза на стрелу, торчащую из ее груди, кровь капала с древка. — О-о-о-о… — И медленно подняла голову, глядя с вопросом на Сидящего Быка. Она пыталась сказать что-то еще, но ее глаза закатились, и она рухнула вперед. Из спины торчало древко с оперением.

— Нет! — возопил Сидящий Бык, схватив копье и встав во весь рост посреди каноэ.

Он настолько увлекся разговором, что позволил каноэ подплыть опасно близко к берегу. Их заметили. Каноэ, где сидело шестеро мужчин, мчалось наперехват. Оно было менее, чем в пятидесяти футах, и стремительно приближалось. Передний в нем стоял, прилаживая новую стрелу к своему луку. Прежде чем он успел выстрелить, Сидящий Бык отвел назад руку и метнул копье.

Копье полетело прямо, поразило цель и глубоко прошло в живот стрелка. Тот возопил от муки, когда копье — его наконечник был из рога

рогорыбы — разорвало плоть и кишки, а затем задело спинные мышцы и позвоночник. Раздался громкий всплеск, когда стрелок свалился в Реку.

Другого копья у индейца не было. Не было и времени, чтобы взяться за лук и стрелы. Чужое каноэ уже подошло вплотную. Схватив боевую палицу с каменной головой, он прыгнул и миг спустя приземлился среди врагов.

При жизни Сидящий Бык славился как свирепый воин. В двадцать пять лет он стал главой воинского союза избранных, который назывался Твердые Сердца, и носил их пояс. После смерти он отличался не меньшей храбростью и был не менее искусен как боец. И сейчас, один против пятерых, он стоял, точно взбешенный гризли, среди тех, кто посмел на него напасть.

И, едва обрел опору под ногами, как мощным ударом палицы раздробил вражеский череп. Быстро переступив через трепещущее тело, он напал на следующего, уже поднимавшегося, с каменным ножом в руке. Сидящий Бык отбил удар ножа, нацелившегося ему в живот, и ответил жестоким ударом в челюсть, рассеяв зубы противника по воде. Противник свалился за борт. Внезапное перемещение веса опрокинуло каноэ, и Сидящий Бык вместе с тремя оставшимися

противниками полетел в воду. Нырнув под перевернувшееся суденышко, Сидящий Бык вытащил из-за пояса нож с каменным лезвием и подплыл сзади к следующей жертве. Обхватил ее за шею и повлек под воду. Жертва брыкалась и пихалась, стремясь освободиться, но Сидящий Бык удерживал ее, снова и снова коля в спину. Почувствовав, что тело жертвы обмякло, индеец ослабил хватку и всплыл на поверхность. Рассекая воду, он оглядывался, ища двоих оставшихся, но они пропали из виду. Судя по всему, либо утонули, либо доплыли до берега. Изнуренный, Сидящий Бык подался обратно к своему каноэ, осторожно подтянулся и перевалился в свое крохотное суденышко.

Крисси лежала на носу лицом вниз в луже крови. Подавшись вперед, Сидящий Бык бережно приложил кончики пальцев к ее шее. Она была еще жива. Пульс прощупывался, пусть слабо. Стараясь не задеть стрелу, пронзившую Крисси, индеец подвел руку девочке под спину и тщательно перекатил свою спутницу набок. И тут ее глаза открылись.

— Привет, мой сверчок, — сказал он, заставив себя улыбнуться.

— Мне нехорошо, — пожаловалась Крисси. — Так болит, прямо скверно.

— Тсс… Лежи спокойно.

Она кашлянула и посмотрела на него: пристально, испытующе.

— Я умираю?

Сидящий Бык не солгал.

— Да.

Слезы побежали по ее щекам.

— Это нечестно, ведь я уже умерла. Почему я снова должна умереть?

Он не нашел, что ей ответить.

— И я теперь увижу Иисуса?

Сидящий Бык перебрал все, чему его выучили при жизни… все, что говорили индейские колдуны, которым он верил и священники бледнолицых, которым не верил.

— Да, — сказал он, кивая.

Слабая улыбка приподняла уголки рта Крисси — нежная и трепетная, словно крылья бабочки, затем исчезла.

— Ты подержишь мою руку?

Сидящий Бык протянул ладонь и взял Крисси за руку, переплетя ее пальцы со своими.

— Спасибо, — пролепетала она, медленно закрывая глаза.

Сидящий Бык наблюдал, как ее грудь вздымается и опадает, вздымается и опадает. И вот

— остановилась.

Сидящий Бык похоронил, Крисси примерно в миле вниз по Реке, футов в сотне от берега, в месте, где никто не жил. Он покрыл большими камнями, которые собрал у воды, а в центре поместил грубый деревянный крест. Он знал, что ей нужен крест.

После того, как все было готово, он присел и закурил трубку, вознося молитвы за душу маленькой девочки, которая тронула его сердце. И как раз кончил молиться и выбивал пепел из трубки, когда заметил приближающегося человека.

Хотя он видел сотни бледнолицых с тех пор, как воскрес в стране духов, в этом было нечто особенное, нечто, смутно знакомое. Он, несомненно, видел этого человека когда-то и где-то раньше, но он не мог вспомнить, где и когда.

Отложив трубку, индеец встал. Повернулся лицом к белому, который приближался, изучая его черты. Тот был худощав и мускулист, шагал, держа голову прямо и расправив плечи. У него была повадка предводителя, того, кто привык распоряжаться.

Но не ранее, чем этот человек оказался в десяти футах от него, Сидящий Бык его наконец узнал. В тот же миг и человек узнал Сидящего Быка.

— Ты, — прорычал человек, выхватив каменный нож из-за опояски своего набедренника.

Он выглядел после смерти совсем иным, чем при жизни. Ярко-синюю форму с блестящими медными пуговицами сменили пестрый набедренник и сандалии из рыбьей кожи. Не было больше ни длинной шевелюры, ни висячих усов. Но глаза все те же: холодные, проницательные глаза, в которых полыхало честолюбие, жадность и — да, возможно, и безумие.

Сидящий Бык схватился за свою палицу.

Пусть тот выглядел много моложе, чем когда они виделись в последний раз, и при нем не было его армии с длинными ножами, Сидящий Бык узнал бы его повсюду. Это был тот самый человек, который украл Черные Холмы. Человек, который принес так много страданий и горя индейцам.

— Кастер! — процедил сквозь стиснутые зубы Сидячий Бык. И устремился вперед, размахивая палицей.

Палица поразила генерала Армстронга Кастера в висок, свалив его наземь. Генерал попытался приподняться, но Сидящий Бык вновь ударил его и прикончил.

Тяжело дыша, Сидящий Бык глядел на безжизненное тело Кастера. Он видел сотни, если не

тысячи бледнолицых после воскресения. Вероятно, миллионы их жили у Реки. И наткнуться на того, которого он больше всех ненавидел при жизни, здесь и теперь было поистине поразительно. Что это, если не…

Чудо.

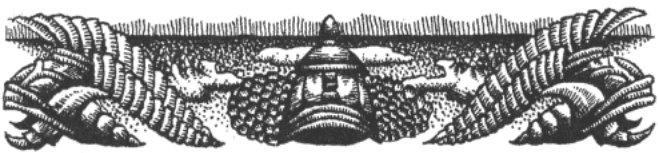
Холодок пробежал по спинному хребту индейца. Он поднял голову, почти что ожидая увидеть, что небо полно летающих людей.

Ангелы.

Он улыбнулся, вспоминая, что сказала Крисси, ибо ее слова теперь дали ему надежду — надежду, что он когда-нибудь отыщет свой народ и необозримые прерии, по которым он тосковал. В конце концов, он — в краю чудес, где все возможно.

Да, Крисси, Небеса — это и впрямь поразительное место.

Роберт Шекли
Представления Дягилева[37]



Не стану задерживаться, сеньоры, на том, с чего или как все это для меня началось, ибо начало было одним и тем же для каждого, кто обнаружил, что возродился в этом месте, называемом Мир Реки. Все мы очнулись нагими и безволосыми, лежащими на короткой траве у берега бесконечной Реки. Близ каждого, присоединенный к запястью коротким ремешком, обнаружился предмет утвари, получивший название грааля: металлический цилиндр с несколькими отделениями внутри. Это чудесный источник пищи. Когда его вставляют в одно из углублений большого серого камня — из тех, что именуют здесь

---

[37] Примечания: 37

DIAGHILEV PLAYS RIVERWORLD by Robert Sheckley Copyright © 1993 by Robert Sheckley.

грейлстоунами, в периоды, сопровождаемые дьявольскими синими электрическими разрядами и низким воем, напоминающим шум внезапной бури высоко в горах, грааль наполняется пищей и питьем, появляется и наркотик, называемый жвачкой грез, а также спирт, а порой и вино, и почти всегда — табак.

Когда я возвратился к жизни, первым, о чем я подумал, была моя смерть серым утром 1587 г., когда я сидел в своей келье в Саламанке, и усталость нахлынула на меня, а в жилах развилась внезапная слабость, которая подсказала мне, что конец близок. У меня было мало надежды вручить мою душу Господу. Я не много об этом думал, по правде говоря, ибо тому, кто прожил свою жизнь, как конквистадор и спутник братьев Писарро в Новом Свете, в Индиях, нет большой пользы думать, была его жизнь хороша или дурна. Мы, испанские конквистадоры, вызвались совершить известное деяние, и не особенно заботились, как осуществляем свою миссию. Жизнь дешево ценилась в те дни и в тех краях, и наша не стоила больше любой другой. Мы жили за счет меча, и от него же умирали, и я был достаточно поражен уже тем, что уцелел в те жаркие дни, и в дальнейшем прожил достаточно долго, чтобы

волосы мои поседели, а смерть пришла ко мне в постели в университетском городке Саламанке, том самом, где я получил степень столь много лет тому назад. Помню, как я подумал, когда священник склонился надо мной и боль и апатия охватили меня: «Ну что же, вот и конец всему». Но я и догадываться не мог, что за порогом смерти лежит здешний Мир Реки.

В те первые дни на берегах Великой Реки я усвоил, вместе с прочими, недавно возрожденными, как пользуются Граалями и кое-что об условиях жизни в этом месте. Позднее я обнаружил, что был исключительно удачлив в том, насколько постепенно происходило мое знакомство с Миром Реки, ибо возродился на спокойном выступе Речного берега, где никто не хозяйничал, равный среди других, недавно возродившихся и вспомнивших себя, и равно невежественный.

Моими товарищами в те первые дни по воскрешении были наемники из Свободных Отрядов, которые вершили славные дела в Италии своего времени. То были умелые солдаты из Англии и Германии, и среди них — ни одного испанца. Мы общались на смеси испанского, французского, итальянского и немного — каталонского. Было не слишком трудно обмениваться мыслями, весьма

примитивными. Как обычно в таких местах, имелись те, кто возродился на день или на неделю прежде других. И они показывали нам, как нужно обращаться с Граалями. И вот мы беседовали и размышляли о нашем жребии в Мире Реки, и пытались решить, что нам делать с собой.

И вскоре решение само к нам явилось. Немного прошло после моего воскрешения, когда отряд примерно в пятьдесят человек приблизился к нам строевым шагом по берегу Реки. Мы сразу увидели, что они вооружены, а мы все слишком ясно осознавали, что безоружны. У нас под рукой не оказалось ничего, пригодного для боя в этом жутком месте, даже палок и камней. Тогда мы сгрудились поплотнее и постарались придать себе грозный вид, невзирая на нашу наготу, и стали ожидать, что предпримут вновь пришедшие.

Они шагали в строгом порядке — сорок или пятьдесят сурового вида мужчин, вооруженных деревянными палками и необычного вида мечами, которые, как мы позднее узнали, изготовлялись из рыбьих костей. Они были в броне, сделанной из крепкой сушеной кожи некоторых видов больших рыб, таившихся в глубинах Реки. Их предводитель имел более роскошное облачение, нежели его спутники, и его шлем из рыбьей

чешуи украшали знаки различия. Он пожелал поговорить со старшим над нами.

До сих пор мы как-то не позаботились решить, кто из нас старший. Новое окружение полностью поглотило наше внимание. Поскольку я оказался лучше других знаком с языком вновь явившихся, а именно — с латынью, которую изучал в свое время в Университете в Саламанке, мне и выпало быть нашим представителем.

— Что вы за народ? — спросил я, решив держаться потверже.

— Мы римские солдаты из легиона Фламиния, — ответил предводитель. — Я Руф Север, и меня избрали трибуном, дабы я представлял этих людей. А вы кто?

— Мы новички в этом месте, — поведал я ему, — все мы умелые бойцы, и предводителя у нас нет, за отсутствием такового я, Родриго Исасага, буду нас представлять, ибо лучше, чем другие, знаю ваш язык. Мы ожидаем сведений касательно того, каковы наши возможности.

— Вы должны радоваться, что повстречали меня, — сказал Руф. — Вы смотритесь, как довольно неплохой отряд. Но вас ждет несколько нелегких препятствий. Во-первых, вы не говорите на языке этих мест, который называется северным,

хотя, как я понимаю, это его искаженная и упрощенная версия. Я советую вам выучить его как можно быстрее. Во-вторых, вы — ничьи люди в месте, где сильный быстро порабощает слабого. Здесь, в поселениях вдоль Реки, немало таких, кто счастлив был бы захватить вас и заставить себе служить. Они станут забирать большую часть пищи и все питье из ваших Граалей, а вам оставлять лишь достаточно, чтобы вы жили полуголодными. Я предлагаю вам вступить в мой легион до того времени, когда вы сможете сами о себе позаботиться.

— Вас около пятидесяти, — заметил я. — Это не очень мощная армия.

— Это верно, — согласился Руф. — Но мы дисциплинированы, и у нас имеется то преимущество, что мы знали друг друга в прежней жизни. Это редкое везение в здешних местах.

Я поблагодарил его за сведения и попросил разрешения обсудить то, что он сказал, с моими товарищами. Затем сообщил им то, что узнал. Они все до одного решили присоединиться к Руфу. Я тоже. Не то, чтобы меня сильно восхитил этот римлянин. Но показалось, что лучше к кому-нибудь примкнуть, пока я не получу каких-то представлений о здешних условиях.

Так что встали в строй и зашагали следом за Руфом с его легионерами. Нас была дюжина. У римлян отыскалось несколько лишних дубинок, которые они предоставили в наше распоряжение. И мы двинулись в поход вверх по Реке.

Я провел несколько дней в этой римской армии и понял, что у них лишь чуть больше представления о том, что они делают, чем у нас. Благоприятный каприз судьбы был причиной тому, что все они воскресли вместе. Руфус был прежде центурионом. Оглядевшись вокруг, он быстро организовал их и отыскал для них оружие, какое мог. Вскоре они увидели, что в этом месте каждый каждому волк. Они решили выйти в поход, и неважно, в каком направлении. Они надеялись отыскать других легионеров, а, возможно, и целый римский город или, в крайнем случае, галльский городишко, ибо некоторые из этих римлян были выходцами из Галлии.

Так проходили наши первые дни во время похода по плоскому Речному берегу, и нам встречались люди множества различных цивилизаций.

То была приятная прогулка, синьоры, несмотря на то, что римляне двигались хорошим шагом. Наш путь лежал по левому берегу Великой Реки, средоточия этого мира. Она напомнила мне

Амазонку, где я имел честь служить под началом дона Франсиско де Орельяна, общества которого мне так отчаянно не хватало ныне. Но не было подлинного сходства меж этими двумя реками. Амазонка течет по миру буйных и густых джунглей. Когда туда попадешь, быстро начинает казаться, что это скорее море, нежели река. Трудно было продвигаться по любому из ее берегов, настолько они заросли. Наша река, по контрасту, была похожа на нечто искусственное, и текла между плоскими и пустынными берегами. Примерно в миле от воды вздымались холмы, которые вскоре переходили в башнеобразные скалы, высочайшие, какие я когда-либо видел, а мне довелось видеть французские Альпы.

Как я сказал, то была сперва почти прогулка, а не военный поход, поскольку мы не были отягощены пожитками. Продовольствие можно было получать каждый вечер, и вода всегда была под рукой. Наши Граали были легкими. Мы также несли с собой полотенца, появившиеся близ нас при воскрешении. Они служили одеждой и постелями. Римляне даже соединили кое-какие из них вместе магнитными ремешками, дабы соорудить для себя подобие привычной римской одежды. Из полотенец делались также вещевые мешки, а,

если оторвать от них полосы (это очень трудно, ибо ткань исключительно крепка), можно было привязывать разные предметы к телу — обычай, который мы переняли.

Вдоль берега Реки были рассеяна большие серые грейлстоуны, где мы были в состоянии останавливаться и получать продовольствие. Людей мы сперва видели очень немного. То был ненаселенный отрезок Реки. Мы были в походе почти неделю, прежде чем наткнулись на сколько-нибудь крупные скопления народу. И тут нас ждала полная неожиданность. Ибо то были не европейцы, а китайцы.

Впервые мы увидели Детей Востока на заре восемнадцатого дня нашего похода. Они носили на своих темных волосах тканые повязки. Они были вооружены примерно так же, как римляне. Лица у них были плоские, желтоватого оттенка, почти такие, какие описывал мессер Марко Поло в отчете о своих странствиях.

Мы остановились и попытались с ними заговорить. Несколько из них до некоторой степени знали итальянский, и мы услышали, что они служат Хубилай Хану, который выстроил укрепленный город неподалеку. Нам сказали, что великий хан неизменно рад пришельцам, ибо

ему всегда охота послушать о нравах и обычаях людей из дальних краев. Римляне ничего не слыхали о нем, ибо он родился много спустя после их времени. Но я был способен сообщить им, что Великий Хан возглавлял империю большую, чем Римская.

Я также расспросил китайцев о местонахождении Марко Поло, но они не располагали сведениями о нем. Мы переговорили между собой и решили отправиться с китайцами в их лагерь.

Ксанаду был крупной бамбуковой деревней, расположенной на равнине и обнесенной стеной, сооруженной из ветвей больших деревьев, произрастающих на холмах поблизости. Здесь царили чистота и порядок, улицы тщательно убирались, равно как и дома из бамбука. Дети Востока работали умело. Их город выглядел как процветающее место.

Нас провели к Великому Хану почти немедленно. Хубилай Хан не был сам китайцем, как я узнал, но монголом. То оказался человек среднего роста, довольно полный, с плоским круглым лицом и взглядом, исполненным достоинства. Говоря от имени своих спутников из Свободных Отрядов, я сообщил ему, откуда мы, и что с нами случилось. Хубилай сказал, что возродился в Мире Реки,

как и прочие из нас, но несколькими годами ранее, и, видя общественный беспорядок, который охватил воскресших, попытался учредить государство и подчинить людей каким-то правилам. Китайцы и монголы встали под его знамена, и до сих пор дела в его государстве шли хорошо.

Его разочаровало, что мы не принесли ничего для торговли, но он провозгласил, что мы свободны выбирать, продолжить наше путешествие или оставаться здесь, сколько нам угодно. В любом случае, мы вправе пользоваться грейлстоунами, разбросанными по его владениям, если только станем делать это подобающим образом.

— Но подумайте как следует, стоит ли вам идти дальше, — заметил хан. — Я отправлял посланцев, чтобы взглянули, каковы мои соседи, и некоторые из них сущие дикари. Вы не обнаружите столь хорошо налаженных дел, если двинетесь дальше вверх по Реке. Я предлагаю вам здесь поселиться. Мы подыщем вам женщин, поскольку в настоящее время наслаждаемся некоторым их избытком, и вы будете в безопасности.

Это предложение, хотя оно и было разумно, не вполне меня устраивало. Я прошел через столь странное и ошеломляющее событие, как воскрешение в новом мире не для того, чтобы сидеть

в бамбуковой деревне и получать каждый день свою порцию, как добропорядочный обыватель. Я принадлежал к поколению, которое плавало в Индии с Франсиско Писарро. И, хотя я уже скончался однажды, мне еще рано было отдыхать.

Большинство наемников согласилось со мной, но Руф и большая часть римлян поразмыслили как следует и решили остаться. Прочие же вновь выступили в путь, и теперь нас насчитывалось около сорока.

Пространствовав еще несколько недель по малонаселенным местностям, мы набрели на большую прибрежную деревню рыбаков-саксов десятого века с низин реки Эльбы. Здесь жило также немного венгров восьмого века и еще меньше шотландцев девятнадцатого, последние держались замкнуто. Эти саксы никогда не переселялись в Британию, в отличие от многих своих земляков. Здесь, в Мире Реки, они построили свою деревню внутри широкой излучины. Они соорудили лодки из бамбука и дерева и довольно успешно в них рыбачили. Лодки были небольшими, но удобными и вполне плавучими. Ни китайцы, ни римляне до сих пор не сходили на воду, но мы почти сразу увидели преимущества такого способа путешествия. Путешествовать по

воде представлялось более безопасным, нежели как-либо иначе, более скорым и менее утомительным.

Мы на некоторое время задержались у саксов, и как раз здесь я повстречал Герту. Это случилось однажды вечером, когда мы сидели у костра, рассказывая истории и напевая песни нашей родной страны. За разговорами пошли танцы, и каждый показывал, как принято танцевать в его родном краю. Когда настал мой черед, я сплясал хоту. Я неплохо поупражнялся в танцах еще мальчиком и, осмелюсь утверждать, что наши испанские танцы красотой превосходят танцы многих других народов. Однако для хоты требовался партнер и, оглядев лицо вокруг нашего костра, я выбрал хорошенькую юную девушку с льняными волосами и спросил ее, не потанцует ли она со мной.

Герта сразу усвоила нужный шаг, и мы снискали известные аплодисменты. В Саламанке в мои студенческие дни я раз или два танцевал за плату, и мне говорили, что я мог бы недурно этим зарабатывать, если бы пожелал продолжать.

Герта была само изящество. Ее маленькое, прекрасно сложенное тело, то открывающееся, то скрываемое висящими полотенцами, легко совершало величавые движения испанского тан-

ца. Аплодисменты все усиливались, и сидевшие вокруг завалили нас кушаньями и питьем.

Позднее, разговаривая, мы обнаружили, что у нас неблагополучно с общим языком. Но Герта уже начала усваивать северный, лингва-франка Реки, и вскоре мы стали неплохо объясняться, причем, выяснилось, что у нас с ней столько общего, сколько может быть у мужчины и женщины. В ту же ночь мы поселились в одной хижине и все еще живем вместе.

Поскольку существовало немного способов проводить время на берегах медленной Реки, где пища сама собой появлялась в наших Граалях, и один день был похож на другой, мы с Гертой разучивали все новые и новые танцы. Я показал ей шаги огненного фламенко, который танцевали в Андалузии, севильяну, сегидийю и прочее, и она с чудесной робостью и изяществом перенимала их у меня. Достаточно ей было повязать свои гладкие светлые волосы черным полотенцем и властно выгнуть спину, Герта вполне могла сойти за цыганку из Гранады или из Трианы в Севилье. Единственное, чего не хватало, это гулкого топота, столь характерного для танцев Андалузии. Но для этого требовались туфли с подковками и дощатый помост, а у нас ни того,

ни другого не было.

Тем не менее, мы старались как могли. Однажды я изготовил для нее гребень в испанском вкусе и показал, как надо делать прическу, характерную для цыганок. Полотенце заменило мантилью.

Казалось, эти безмятежные дни будут продолжаться вечно. Но вот, совершенно неожиданно, наш лагерь подвергся нападению немалых сил налетчиков, которые незамеченными подобрались в ночи и нагрянули перед самой зарей. Они явились из города Оксенстрьерна, большого поселения скандинавов, которые недавно обосновались в окрестностях. Большинство из них было шведами и датчанами седьмого и восьмого веков, прежде — воинов из той оравы, что опустошала Европу и Англию столько времени до Норманнского Завоевания. То были беспокойные люди и сильные бойцы, весьма приверженные к крепким напиткам и склонные то и дело бесчинствовать. И вот они ворвались в саксонский лагерь глухой ночью, когда часовые задремали. Было большое сражение по всему лагерю и вверх, и вниз по Реке от него. Когда все кончилось, большинство наших друзей-саксов оказалось убито, а нас с Гертой бросили к ногам их короля, Эрика

Длинная Рука, чтобы он поступил с нами на свое усмотрение.

— Что вы умеете делать? — спросил король.

— Мы можем вступить в твое войско и хорошо служить тебе, — сказал я.

Он покачал толовой.

— У нас сейчас достаточно бойцов. Нет у нас недостатка и в граальных рабах. — Он обернулся к своим людям. — Можно вполне придать и этих смерти.

— Погоди! — крикнул я. — У нас с Гертой есть кое-что, что могло бы оказаться вам полезно.

— И что же это?

— Время тяжело тянется в этом мире, — пояснил я. — Здесь достаточно еды и питья, но очень мало развлечений. Мы с моей женой танцоры, искусные в восхитительных плясках моей родной Испании. Мы будем вас развлекать.

Эрика позабавило это предложение.

— Хорошо, — сказал он. — Покажите, как вы пляшете. Мы отложим казнь на несколько минут и полюбуемся, насколько лихо вы горазды притоптывать или — насколько убого спотыкаться.

И мы с Гертой задали представление, выкупая свою жизнь. Должен заметить, он и впрямь было недурным. Ежели где-то не хватало тон-

кости, мы это более чем возместили отчаянной яростью. Герта все хорошо запомнила, и мы сплясали несколько хот, затем — несколько разных севильян, и наконец — таинственную сегирийю, которая никогда не оставляла зрителей равнодушными. В конце концов викинги зааплодировали и согласились сохранить нам жизнь.

Миновала та кровопролитная ночь, и оказалось, что викинги — довольно славные ребята. Мы с Гертой свободно передвигались по их владениям, и жизнь скоро вошла в колею. День проходил за днем, и не случалось ничего примечательного, пока, примерно две недели спустя, с одного из охранных постов не привели нескольких пленников.

— Мы застигли их у нашего грейлстоуна, — сказал дозорный.

Я присутствовал при допросе. Услышав, как они переговариваются по-испански, я встрепенулся. Среди прочих лиц было одно, которое я узнал.

— Гонсало! — вскричал я. Ибо то и впрямь был мой старый капитан Гонсало Писарро, брат Франсиско Писарро, одно время управлявший Перу.

— Здорово, Родриго, — сказал мне Гонсало. Он держался холодно, несмотря на свое отчаянное положение: высокий, отлично сложенный муж-

чина с большим ястребиным носом и острыми темными глазами. — Что ты здесь делаешь?

— Я здесь неплохо устроился и живу, — сообщил ему я.

— Я танцор, Гонсало, и предлагаю тебе заняться тем же. Насколько мне помнится, у тебя когда-то славно выходили хота и сапатеадо, и ты мог исполнить вдобавок кое-что из плясок Южной Америки, пусть, не так хорошо, как Франсиско.

Гонсало Писарро немедленно спросил меня, не встречал ли я его брата, которого он разыскивал. И был разочарован, когда я ему ответил, что нет. Что до того, чтобы стать танцором, то сперва он осмеял мое предложение. Для него, одного из первых конквистадоров, завоевателя Кито и прочих прославленных краев, на короткое время полного хозяина в Перу после убийства его брата Франсиско, это показалось шагом вниз. Он поклялся, что предпочтет умереть, сохранив честь незапятнанной. Но то было лишь пустозвонство. Когда подошло время делать выбор, он сам представился Эрику Длинная Рука как танцор, вроде нас, только еще лучше. И так убедительно хвастался, что ему дозволили присоединиться к нам с Гертой.

Было ясно, что ему понадобится партнерша,

и он отыскал ее, не теряя много времени. Он подцепил русскую женщину, которую недавно приняли в этом викингском поселении. Ее звали Катрина, и она была отчасти цыганского происхождения, темноглазая, с буйной гривой — красавица, которая вполне могла явиться из Кордовы или Херес де ла Фронтера — насколько это касалось внешности. Она была проворна и легконога, и очень быстро усваивала новые танцы. Они с Гонсало непрерывно ссорились с самой встречи, ибо Гонсало был изрядный козел и чуть что, приглядывался к очередной медлительной скандинавской милашечке. Но они с Катриной, похоже, пришлись друг другу по вкусу, вопреки этому, а, возможно, даже и благодаря. Как бы там ни было, отношения их, судя по всему, устраивали обоих.

Теперь, когда плясали две пары, дело пошло веселее, а вскоре добавился еще один танцор — Педро Альмарго. Этот старый товарищ Гонсало был ему первым врагом в тревожные дни в Андах, когда центральная Южная Америка стала призом, за который бились и который вырывали один у другого разные конквистадоры. Более того, Гонсало казнил Альмарго, — когда захватил Кито, за что теперь принес извинения. Альмарго

ответил, что не держит обиды по поводу столь пустяшного происшествия. А сейчас куда важнее то, что впереди. И он стал усердно учиться танцам с новой партнершей, маленькой и трепетной провансалочкой из Экса.

* * *

Затем и другие испанцы из конквистадорских дней нашли к нам дорогу, ибо молва в мире реки разлеталась быстрее, чем птицы. Пришел Альберто Тапиа и братья Вальдавиа, завоевывавшие Чили, и Себастьян Ромеро, служивший у Бальбоа. Путь в нашу Оксенстьерну отыскал даже бравый Эрнандо де Сото. Примкнули к нам и представители иных народов, и что важно — Бронислава из России, которая привела своего брата; она утверждала, что брат был прославленным танцором своего времени. Звали его Вацлав Нижинский.

Этот Нижинский оказался странным и угрюмым созданием, упорно твердившим, что больше он не танцует, но предложившим стать нашим хореографом — то есть, обеспечить всю труппу номерами, которые будут исполняться совместно. Сперва он мне не особенно понравился: на вид ни рыба ни мясо, с длинным черепом и диковинными, изящными, по-женски нежными

движениями. Он был весьма силен, но большой чудак и вечно сторонился людей. Он становился крайне бдительным, когда кто-нибудь новый приходил в Оксенстьерну.

— Кого ты ищешь? — спросил я его однажды.

— Не спрашивай. Лучше даже не называть его имя.

— Да будет, Вацлав, имена не жгутся.

— Как бы он здесь не объявился.

— Неужели он настолько дьявол, что его и назвать нельзя?

— Самый жуткий из всех возможных. Он завладел моей душой давным-давно, и непременно вернется, чтобы заполучить ее опять.

Я узнал у Брониславы, что он ссылался на некоего Дягилева, который был балетным импресарио во времена, когда все они жили — в конце девятнадцатого столетия и начале двадцатого. Под началом этого Дягилева Нижинский удостоился своих величайших триумфов в «Видении Розы», «Щелкунчике», «Сильфиде» и многих других постановках. Он был ведущим танцором в труппе, а сама труппа пользовалась мировой известностью.

— Так что же там было неладно? — спросил я. — На что Вацлав хотел бы пожаловаться?

Бронислава покачала головой, и ее взгляд устремился вдаль.

— Да было что-то в Сергее Дягилеве, что-то жуткое и ненормальное. Он никому передохнуть не давал. Но дело не в этом. Балетные танцоры привыкли к тяжелой работе. Здесь что-то другое. Я только и могу назвать это дьявольским. Он страшил Вацлава и, в конечном счете, довел до безумия.

* * *

Каким-то образом, даже если учесть, что миллионы, а то и биллионы людей возрождались в Мире Реки, я знал, что Дягилев найдет Нижинского. И поэтому меня не удивило, когда однажды в Оксенстьерну прибыла новая группа людей. То были путешественники и торговцы, явившиеся из дальних краев. Они имели кое-что для продажи — мешки из сушеной рыбьей кожи, многое другое из рыбы, а также доски, грубо отесанные, выпиленные из огромных железных деревьев. Доски пришли из некоего места вниз по Реке, где существовали железные орудия.

В числе прочих явился мужчина среднего роста с печальными темными глазами и плоским помятым лицом. Его нельзя было назвать красавцем,

но в нем чувствовалась воля к власти. Он подошел к нашей палатке, когда мы репетировали.

— Вы танцоры? — спросил он.

— Именно так, сеньор, — отозвался я. — А вы кто?

— Я человек, который умеет обращаться с танцорами, — ответил он.

Вацлав, находившийся в другой палатке и репетировавший, вышел, увидел вновь прибывшего, и у него отвисла челюсть.

— Сергей! — вскричал он. — Неужели, ты?

— Никто иной, мой друг, — сказал пришедший. — Будь добр, объясни своему другу, кто я.

Вацлав обернулся ко мне. Его темные глаза полыхнули, и он произнес:

— Это Сергей Дягилев. Он великий импресарио, великий создатель танцевальных трупп.

— Любопытно, — заметил я. — Но ты мне не нужен, Дягилев. Наша труппа уже сложилась.

— Не сомневаюсь, — проговорил Дягилев. — Я всего лишь хочу посмотреть ваше представление.

Дягилев посетил наш вечерний спектакль и подошел к нам, когда все закончилось. В тот раз мы выступили неплохо. Из мест было занято больше половины, что для нас означало хороший

сбор. Я предложил Дягилеву стаканчик вина. Мы, латиняне, сбываем северянам свой спирт в обмен на вино. Похоже, тот напиток был с французской винодельни, но мне не хватало более терпкого испанского питья.

Этот Дягилев возбудил у меня нешуточные подозрения. Особенно учитывая, что он занимался тем же делом, за которое принялся я. Я прекрасно догадывался, что уступаю ему по этой части. Удача, привалившая мне в этом занятии, главным образом, благодаря моей склонности к языкам, ибо, при всей скромности моих познаний, они были основательней, нежели у других вокруг меня. Я не очень-то высоко оценивал свои таланты. Если этот человек действительно был когда-то всемирно признан, как уверял меня Нижинский, он мог, несомненно, куда лучше моего руководить танцевальной труппой. Но я не видел причин помогать ему вытеснить меня из моего дела. Я поклялся себе, что убью его прежде, чем позволю этому случиться. В Мире Реки существовало достаточно мало занятий, кроме как драться или быть рабом. И никто не отказался с легкостью от хорошего дела, если уж повезло его найти.

Дягилев сразу же попытался развеять мою на-

стороженность.

— Вы делаете замечательную работу, сеньор Исасага. Сразу видно, что вы не имеете хорошей танцевальной школы. Но что из того? Вы преуспели не хуже любого другого. Однако, я полагаю, что одно или два усовершенствования могут быть внесены без ущерба для вас или ваших людей, и с немалым выигрышем.

— А именно? — спросил я.

— Сперва милости прошу со мной в мой лагерь, — пригласил меня Дягилев. — Есть кое-что, что я хотел бы вам показать. Да, и прихватите всех ваших людей. Им это будет любопытно.

* * *

Мы отправились вместе с Дягилевым вниз по Реке, его лагерь находился примерно в миле ниже по течению по правому берегу. Со мной была вся наша труппа. Гонсало из предосторожности захватил оружие. А именно — медный кинжал, который выиграл в кости у одного из скандинавов. Еще полдюжины испанцев взяли дубины. Даже у наших женщин имелись при себе маленькие кремниевые ножи или камни с заостренным краем, которые прятали в поясах. Дягилев, несомненно, заметил это, но всем своим

видом выражал безразличие.

В труппе Дягилева было лишь восемь человек, и мы не увидели у них оружия. Это вызвало у нас облегчение; хоть здесь-то забот не предстоит. И, в любом случае, половина их была женщины.

Дягилев угостил нас пивом, которое они варили из корней, листьев и дрожжевых грибов. Неплохое пиво. Затем предложили полюбоваться искусством его людей. И вот мы улеглись на траву, а они стали танцевать. Среди них были имена, о славе которых я узнал лишь позднее: Алисия Маркова, Михаил Фокин и божественная Анна Павлова.

Никто из нас никогда прежде не видел ничего подобного. Возможно, русским и не хватало нашего испанского огня. Но это был единственный недостаток, который мне удалось найти, если вообще недостаток. Во всем же остальном, включая и умение правильно дышать, они нас всячески превосходили. Маркова парила как бабочка, и приземлялась, точно пушинка. Павлова была воплощенная поэзия. Уму непостижимо, на что это походило. Мы бурно аплодировали. Нижинский смотрел на них со слезами в глазах. В конце русские танцоры умоляюще протянули руки к нашему Нижинскому, который взирал

на них в отчаянном безмолвии. Он отвернулся от них, покачивая головой и бормоча: «Я больше не танцую». Но они не отступали, и Дягилев присоединился к их мольбам, так что наконец Нижинский поддался и повторил, как мне объяснили позднее, одно из своих соло из «Видения Розы»...

* * *

Потом мы сидели все вместе и пили вино. Дягилев сказал Нижинскому:

— Я знал, что найду тебя, Вацлав. Вот мы и снова вместе.

— Я танцевал для тебя, Сергей! — вскричал Нижинский. — Но больше никогда танцевать не буду!

— Посмотрим, — заметил Дягилев.

После того, как мы повстречали этого русского, все для нас переменилось. Было только разумно объединить наши труппы. Не возникло разговора, под чьим руководством. Но без особых стараний Дягилев шаг за шагом прибирал нас к рукам. Предложение здесь, идея там — а идеи у него были превосходные. Именно он позаботился о постройке деревянного помоста, чтобы слышно было, как отбивают ритм пятки наших танцоров.

И, разумеется, никто иной как он видоизменил башмаки, чтобы лучше стучали. Для большего впечатления он ввел занавеси. Ему же мы были обязаны сценическим освещением и декорациями. Не противоречили его предложения и духу испанского танца. Он разбирался в этом получше моего, хотя испанцем и не был. Вне сомнений, этот человек был конквистадором танца. Я боролся, ибо по натуре упрям, и наконец решил, что лучше быть помощником гения, чем независимым средней руки импресарио второразрядной танцевальной труппы.

Большинство из нас к этому привыкло. Но не Гонсало. Ему противна была сама мысль, что Сергей им помыкает. Он ощетинивался, скалил зубы, но наконец и он сдался. Усовершенствования Дягилева сделали наши представления куда привлекательней.

Вскоре наша слава начала распространяться. Люди являлись в Оксенстьерну отовсюду, чтобы взглянуть на наши представления. И Сергей Дягилев начал задумываться о производстве музыкальных инструментов. В этом ему помог другой наш новобранец, Мануэль де Фалья, испанец, родившийся много спустя после моего времени, и славившийся в свои дни, мне сказа-

ли, как композитор. Этот де Фалья был смугл и невысок, он много лет прожил в Париже и кое в чем совершенно офранцузился. Даже при наших примитивных костюмах из полотенец и листьев он выделялся как своего рода щеголь. Он начал с создания для нас простых ударных инструментов, которые делались из бамбука и дерева. Затем он придумал, как смастерить гитару. Резонатор изготовили из расщепленных стволов бамбука, прочно связанных рыбьим клеем, тщательно отшлифовали его, а затем отлакировали. Гриф — из позвоночника рыбы с обрезанными отростками, ключи — из осколков раковин. На струны пошли рыбьи кишки, подбритые до нужного диаметра. Было трудно добиться, чтобы струны подходили, но де Фалья работал с невероятным терпением, и некоторое время спустя обитатели Мира Реки впервые увидели в этом мире струнный инструмент. С настройкой затруднений не возникло: у этого человека был абсолютный слух.

Как только он по ней ударил, свершилось буквально чудо. Под звуки гитары, даже такой примитивной, наши танцы наполнились истинной жизнью. Наша труппа перестала быть чем-то лишь чуть большим, нежели новшество. Мы оказались способны задавать настоящие

представления.

Не хватало только певцов. Вскоре их у нас стало двое: мужчина и женщина. Она была испано-алжиркой, он — мавром из Алжира. Они были мужем и женой на Земле, им удалось снова отыскать друг друга в Мире Реки. На Земле они выступали в Кадисе и в Танжерской Касбе. Они пели в истинном стиле фламенко, канте хондо древних дней, и теперь центра наших представлений сместился, ибо то были настоящие артисты. Де Фалья сочинял для них музыку, а Нижинский разрабатывал новые танцы для нашей труппы.

У нашего предприятия начался период расширения, немало новых танцоров желало к нам поступить. Дягилевская Антреприза Испанского Танца, как мы теперь назывались, стала одним из немногих работодателей в этом уголке Мира Реки. А возможно, и во всем Мире Реки, как нам представлялось. Везде и повсюду можно было стать солдатом, рабом или наложницей. А помимо этого, предложения работы были малочисленны, и ходить искать требовалось долго.

* * *

Королевство Оксенстьерна было слишком маленьким, чтобы претендовать на роль могучей

державы. Но скандинавы не желали присоединяться ни к одной из других держав в том краю. По одну сторону раскинулось славянское королевство Станислава Второго, по другую — японское государство. И в том, и в другом численность превосходила нашу как десять к одному. Тогда Эрик Длинная Рука проявил некоторый дипломатический талант, объявив свои владения зоной свободной торговли, находящейся под покровительством трех крупных держав в окрестности. Его владения включали маленький остров, образовавшийся в полумиле от берега и почти четыре мили побережья. В этих краях приветствовали любого, кто приходил с миром. Тому, кто вступал в Оксенстьерну, перевязывали оружие шнурами мира, и разрывать их до ухода из страны строго запрещалось. Тех же, кто рвал, по закону, передавали племенным или городским властям для суда и наказания.

И вот, начинание наше процветало, сеньоры, равно, как и город Оксенстьерна. Народ со всех концов прибывал, чтобы торговать в наших пределах. И не только торговать. Оксенстьерна предлагала нечто, чего не могло дать ни одно другое место по соседству: ощущение безопасности, возможность отдохнуть от государственных

забот и постоянных заговоров на предмет того, кто кем правит и что с этим делать. На этой новой Земле, в Мире Реки, в связи с тем, что здесь более или менее удовлетворялась нужда в пище и крове, оставались вопросы, кто кем правит и какого бога следует почитать. У людей появилась возможность посвятить все свое время делам религии и государства. Но здесь в первую очередь проявляли себя наиболее агрессивные. Другие, составлявшие большинство, относились к подобным вещам с исключительным безразличием, и еще меньше беспокоились по поводу цвета кожи, роду-племени и языка. Язык повсюду был мешаниной того и сего, и, в конечном счете, всем нам пришлось выучить якобы норвежский, но в действительности, искусственный северный, чтобы беседовать друг с другом. Мы вполне могли бы назвать нашу планету Вавилоном.

Многих из тех, кто воскрес в Мире Реки, заботила мысль об их превосходстве. Для них высочайшим благом являлась способность властвовать над своими товарищами, часто во имя некоей устаревшей доктрины, вплоть до такой, как расовая чистота. Впрочем, ныне, как и в прошлом, нашлось немало таких, кто не шибко о чем-то подобном беспокоился, и хотел только

жить в мире.

Первыми среди тех, кто проповедовал расовую чистоту, были наши испанские конквистадоры. Признаю это с сожалением. Вы заметите, сеньоры, что я себя от них отделяю. Мир всегда был местом многоязыким, и ни один мир не сравнится в этом с Миром Реки, где наши языки на каждом шагу сменяют один другой вдоль берегов в несколько миллионов миль.

Но наши конквистадоры были, возможно, не столько расисты, сколько люди, привыкшие по-детски важничать в духе старой испанской доктрины Viva yo! По той или иной причине, они стали стекаться под единое знамя: испанцы из всех времен и краев, равно как и креолы из Мексики и Южной Америки.

Гонсало Писарро между тем не сидел праздно. Имя Писарро звучало достаточно громко для всех, говоривших по-испански. Грянуло поветрие воспоминаний о былых днях, когда испанское оружие не знало себе равного в большинстве известных нам уголков на Земле, и этому способствовал тот факт, что большинство иных испанских героев почему-то не объявилось в Мире Реки. Никто не знал местонахождения Сида, или Кортеса, или Франсиско Писарро, или Баль-

боа, или кого-то еще из наших великих воителей. Это неудивительно, разумеется, для страны с тридцатью-тридцатью пятью биллионами душ. Достаточно поразительно то, что здесь был сам Гонсало.

Другие испанцы стали находить дорогу в наш лагерь. Не только конквистадоры, конечно, и не сплошь испанцы из Испании. Население Испании никогда не было так велико. Кое-кто происходил из Кастилии, Арагона и Эстремадуры, сердца Испании, совсем маленького участка земли. Явились прочие испанцы: андалузийцы и каталанцы, а также креолы в больших количествах, испанцы, рожденные в заморских краях — в Мексике, Колумбии, Венесуэле, Аргентине.

И так, мало-помалу, в течение недель, затем — месяцев, испанский мир начал восстанавливаться вокруг Дягилева и Гонсало Писарро. Не все, конечно, пришли как танцоры. И наша Оксенстьерна процветала даже без прямых налогов на тех, кто являлся торговать. Были, конечно, налоги на тех из нас, кто обитал здесь постоянно. Но они были низкими, ибо скандинавы, ныне оказавшиеся в меньшинстве, видели, что дела все больше налаживаются, и единственное, чем они могут этому и впредь способствовать — это

хорошее обращение с нами.

Между тем Дягилев, отчаявшись когда-либо сколотить чисто балетную труппу и обеспечить по-настоящему хороший аккомпанемент и оркестр, стал черпать из источника драматических представлений всей старой Европы. Он вводил элементы комедии дель арте, других видов малой драмы и скетчей. Но русский балет с испанским танцем продолжали преобладать, и таково было положение вещей, когда к Эрику Длинная Рука явился посланец и объявил, что менее, чем в трех сотнях лиг вверх по реке обнаружена крупная индейская монархия. Он сказал, что там властвуют инки, и нынешний правитель именует себя Атауальпа.

Вести об инках Атауальпы, оказавшихся так близко вверх по Реке, взбудоражили испанцев. Конквистадоры, которые составляли ядро танцевальной труппы, так и не привыкли к своему статусу плясунов. И менее всех — Гонсало. Его ум все еще воспламеняли воспоминания о том, на какую высоту он поднялся в Южной Америке. И, хотя он был полностью лоялен к своему брату Франсиско, его не тревожило, что брат так и не объявился. Равно, как и ни один из двух оставшихся братьев. Он был единственный Писарро

в округе, и нет причин сомневаться, что ему это нравилось. Теперь ему стала ясна его задача: ему суждено повести испанцев к величию, которое ждет впереди. Когда испанцы услышали, что он подумывает во второй раз захватить королевство инков, они сперва сочли его безумным. Но то был род безумия, который им пришелся по вкусу.

— Мы совершили это однажды, — указал он, — и соотношение сил было более чем не в нашу пользу. Их наверняка не меньше миллиона. А нас — сто восемьдесят человек. Теперь нас больше.

— Не намного, — заметил Тапиа.

Гонсало всю ночь разглагольствовал перед ними у костра. Он был отменным оратором, и в голосе его звучала полная убежденность. Он напомнил им о былых победах испанского оружия. Он заявил, что их жизнь теперь — ничто, если не сквернее. Они — воители, конквистадоры. А чем они занимаются? Потешают публику за вознаграждение. Такого нельзя терпеть. Особенно теперь, когда блеснула надежда на что-то лучшее, на свершение, которое поставит на уши Мир Реки и увенчает их неувядаемой славой.

Толки о исходе слышались по всему лагерю. Сохранить эти замыслы в тайне оказалось невозможным. Испанцы чесали языками. И чем

больше, тем привлекательней казалась идея. Викинги, правители Оксенстьерны, слышали, но решили не обращать внимания. Они не желали, чтобы на них свалилась гражданская война из-за нескольких сотен спятивших испанцев. Эрик Длинная Рука давно ожидал чего-то подобного. Ему требовалось распространить дальше свои торговые связи. Чем с большим числом народов он сможет заключить союзы, тем лучше станет его положение. И вот он решил послать свою труппу танцоров вверх по реке на судах, которые их всех вместят, и поглядеть, нельзя ли достичь каких-нибудь договоренностей с этими инками.

Он также охотно вручил Гонсало и прочим письма, милостиво дозволяя им владеть всем, что они смогут завоевать выше по Реке. Это именно Гонсало пришло в голову заполучить никчемную бумагу, ибо Гонсало хотел придерживаться строгой традиции и прикидывался, будто считает Эрика своим сувереном, которому обязан хранить верность как когда-то королю Испании (в тот раз он изменил присяге, но это ведь случилось давным-давно).

Русские считали весь план верхом безумия, но ехали с труппой, чтобы танцевать. Они не верили, что, когда дойдет до дела, испанцы

действительно что-нибудь предпримут. Им представлялось нелепым, как можно драться за власть в варварском королевстве, когда в танцевальной труппе все настолько благополучно. Дягилев согласился участвовать в поездке и представить труппу индейцам. Он видел в этом новую возможность распространения культуры вверх по Реке. Нижинский, как обычно, сказал очень мало. До чего все-таки странный тип. Даже воскрешение в Мире Реки не избавило его от привычки к уединению. И не исцелило от обыкновения рассеянно глядеть в пространство. Он был не менее сумасшедшим в Мире Реки, нежели когда-то на Земле.

Мы, испанцы, собрали целый флот каноэ и плотов и начали путешествие вверх по Реке. Соседние государства, тянущиеся по берегам, пропустили нас. Нас не отпускало странное недоброе предчувствие. Сама по себе Река была спокойна, но необычные темные тучи беспрерывно сгущались во время пути. Казалось, сами небеса предрекают, что грядет нечто великое.

Несколько недель спустя мы пересекли границу страны инков. На сторожевом посту, где находилось несколько дозорных, нам предложили подождать, пока они не пошлют за разрешением

для нас посетить Королевство Солнца, как называлась их империя.

Наконец, разрешение пришло, и мы двинулись дальше вверх по течению с несколькими их чиновниками на борту, исполнявшими обязанности проводников. Еще два дня спустя они велели нам высадиться на берег. Отсюда надлежало идти пешком.

Гонсало чувствовал себя крайне взвинченным, его прямо лихорадило. Его испанцы были вооружены настолько, насколько могли себе это позволить люди в Мире Реки. У них имелось несколько стальных мечей и множество деревянных с вставленными в наконечники кремниевыми остриями. Были также копья и ножи и один или два арбалета, сооруженные с большими усилиями и затратами. Индейцы, которых мы видели по дороге среди холмов, не представлялись вооруженными.

Наконец, мы достигли города Инков, который назывался Мачу Пикчу в честь их утраченной столицы на Земле. Город был воздвигнут на самом высоком хребте холмов перед самыми-самыми непреодолимыми горами.

Место выглядело довольно неприветливо. Почему они построили город здесь, а не на более

благодатных низменностях? Никто не мог бы нам это сказать. Мачу Пикчу был сооружен преимущественно из бамбука, но оказался куда выше и великолепнее, нежели что-либо, виденное нами прежде, и уж всяко несравним с Оксенстьерной.

Многие здания насчитывали по три и даже четыре этажа, и здесь не сооружали, как в прочих местах, отдельных хижин, но дома соединялись один с другим и образовывали всего дюжину огромных домищ, которые тянулись на несколько акров.

Мы, танцоры, собрались на квадратной площадке на плоской вершине холма. Перед нами на фоне трехэтажных бамбуковых зданий восседал, окруженный свитой, великий Инка.

Индейцы были облачены в роскошные одеяния, сооруженные из вездесущих полотенец, и вооружены самыми разнообразными и невероятными бамбуковыми мечами, щитами, луками и стрелами. Свита бесстрастно взирала на приближающихся испанцев.

— Ваше Величество, — сказал Дягилев на великолепном испанском, на котором инки объяснялись с окружающим миром, хотя между собой они общались на языке, называемом кечуа. — Мы прибыли к вам из далекой страны

ниже по Реке. — Дягилев оделся настолько официально, насколько ему удалось. Он не нашел, правда, заместителя моноклю, который нашивал на Земле. Надменный и крайне уверенный в себе, он поклонился Инке. Властитель кивнул.

— Начинайте представление.

И танцоры бурно двинулись с места. Пляску сопровождали барабаны различных размеров, флейты и несколько примитивных волынок, недавно пополнивших наш оркестр. То было красочное зрелище: танцоры фламенко, мужчины и женщины, топающие и вертящиеся перед Инкой, который, равно как и его вельможи позади него, любовался этим с непроницаемым лицом.

Испанские танцоры разошлись вовсю. Я слышал, как Дягилев говорит Нижинскому:

— Что это за танец они исполняют? Я не припомню ничего подобного.

— Наверное, они сами его придумали и отрепетировали, — ответил Нижинский. — Никогда прежде этого не видел.

Танец достиг пределов возможного. Прозвучала последняя нота, и танцоры замерли на полном ходу. И тогда Гонсало Писарро вскричал:

— Сантьяго! Во имя Господа, вперед!

Танцоры сорвали с себя костюмы. Под костюма-

ми оказалась броня из рыбьей чешуи и готовое к бою оружие.

Я стоял близ Гурджиева, ошеломленный, в ужасе от их глупости, и все-таки от души жалея, что я не с ними — а они угрожающе приближались к Инке. Но Атауальпа не дрогнул и, когда испанцы достаточно приблизились, небрежно взмахнул правой рукой.

Передний ряд индейцев позади властителя преклонил колени. За ними стояли другие индейцы, и в руках они держали ружья. То было грубое огнестрельное оружие, больше напоминавшее аркебузы, чем винтовки, но самое настоящее — и стрелки явно прицелились, готовые открыть огонь.

Гонсало и его люди стали, как вкопанные. Атауальпа сказал:

— Итак, ты — Гонсало Писарро.

— Да, — подтвердил Гонсало, — это я.

— Я и прежде встречался с семьей Писарро, — заметил Инка.

— Итоги той встречи хорошо известны, — отозвался Гонсало.

— Но сегодня, — произнес Инка, — огнестрельное оружие — у нас. Вот и вся разница, верно?

На это у Гонсало не нашлось что ответить. Инка

поднял руку. Одна из дверей отворилась, и два стража-индейца вывели оттуда какого-то человека. Он был высок и широкоплеч. Руки его были связаны за спиной, и вокруг шеи тоже виднелась веревка, за которую его вели индейцы. Я сразу узнал, кто это. Гонсало тоже.

Наконец, Гонсало удалось отдышаться.

— Франсиско! Это ты.

— Да, это я, — желчно подтвердил Франсиско Писарро, говоря с трудом, ибо мешала веревка.

Танцевавшие собрались вместе в кружок — спина к спине, с оружием наготове, собираясь подороже отдать свои жизни. Но Инка провозгласил:

— Стойте! У нас нет ссоры с вами, плясунами. Нет. И с испанцами тоже. Нам нужны только Писарро. Франсиско мы уже заполучили. Теперь сюда явился Гонсало, и здесь он должен остаться.

Танцоры что-то залопотали между собой, но их было лишь несколько сотен человек, а их окружали тысячи индейцев, у некоторых из которых имелись заряженные ружья.

Дягилев первым среди нас пришел в себя.

— Что вы собираетесь делать с братьями Писарро? — спросил он.

— Я поставил перед собой цель собрать их, —

ответил Атауальпа. — Вот у меня уже двое, и еще двоих надлежит разыскать.

— И что станет со всеми этими Писарро? — Не унимался Дягилев.

— Это не твоя забота, — заметил Атауальпа.

— Мы — в новом мире.

Инка хмуро кивнул.

— Но от старого нам достались счеты, которые не оплачены. Тебе стоит вспомнить обо всем, что совершили Писарро со мной и с моим народом. Здесь самое худшее, что мы можем — это убить их, и они вернутся к жизни где-то в другом месте. Но если кто-либо из вас считает, что это несправедливо, я дозволяю любому из вас заменить любого из Писарро, и тогда мы отпустим одного.

Настало долгое молчание. Никто не вызвался.

И, разумеется, не предлагал себя Дягилев, которого это не касалось, и не вышел вперед я, более не конквистадор, но директор танцевальной труппы и помощник гения.

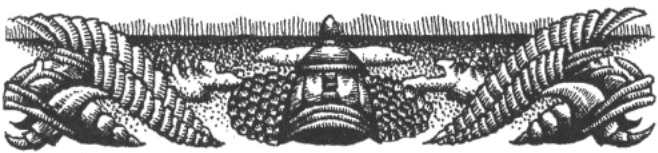
Инка рассмеялся.

— Ну, а теперь, все вы, сеньоры и сеньориты, убирайтесь отсюда, пока я не передумал.

Этим все и кончилось. Такая вот история, сеньоры, о том, как танцевальная труппа Дягилева во второй раз достигла успеха и развлекала чело-

вечество по всему Миру Реки. А заодно и история братьев ГПисарро и того, как они вторично встретили свой жребий в стране индейцев.

Роберт Сэмпсон
Тайные преступления[38]



Ветер задул сильнее. Он налетал на серый борт ялика и разрывал туман в метр толщиной, который лежал надо всей поверхностью реки, точно белая глазировка на темном пироге.

Пинкертон еще больше ссутулился в своем лике. Он с обидой вглядывался в ночное небо Мира Реки. Оно полыхало над головой обильнейшими звездными россыпями — да какими россыпями — толчеей солнц: зеленых, как яблоки, алых, топазовых и льдисто-голубых.

Он с неудовольствием подумал, что даже ночь в этом треклятом мирке не такая, как надо. Светло, слишком светло, слишком бурная иллюминация в небе. Он теперь находился против владений

---

[38] Примечания: 38

secret CRIMES by Robert Sampson Copyright © 1993 by Robert Sampson.

Нового Рима, места, где все начеку. Опасного края для одинокого путника.

Он скосил взгляд через плечо в сторону левого берега. На таком расстоянии часть его тела, видимая над туманом, может показаться просто дрейфующей корягой.

Еще несколько минут его могут не обнаружить. Но скоро требуется заявить о себе. Вот-вот возникнет в пределах видимости каменная пристань, крайняя точка, где ему будет дозволено высадиться. За пристанью, простираясь вниз по Реке, никому не ведомо насколько далеко, раскинулись Сады Тиберия, тайные и запретные, как предостерегли его датчане, непревзойденные в своей строгой красоте. Для неприглашенного посетителя — верная гибель.

Во время их последней встречи в датских владениях около сотни километров вверх по течению король Канут IV предупредил его не выказывать явного любопытства касательно садов. Ради своей безопасности, он должен в открытую подойти к пристани, плеснуть веслами, позволить увидеть лодку и громко приветствовать скрытых стражей.

То был единственный разумный способ явиться в Новый Рим. Честно и открыто. Не то, чтобы

они поверили его честному лицу, каким бы невинным он ни казался. Они подозревали всех и каждого. Неплохая военная доктрина, пусть неудобная гражданская политика. Он не встретит никого, свободного от подозрений в Новом Риме Тиберия Юлия Цезаря Августа.

Холодный воздух омыл его лицо, оледенив лоб, волосы над которым уже начали подниматься ряд за рядом. Оставив ненадолго весла, он задрожал и плотнее натянул шаль на крепкие плечи.

Возможно, в полукилометре впереди он уловил неверное бледное мерцание у черного берега. Еще несколько минут дрейфа — и он различит каменную пристань, как ее описывали датчане. На некотором расстоянии позади пристани сгрудились бамбуковые хижины, их не рассмотреть в неверном свете. Стражей он не увидел. Но знал, что они здесь.

Он сплюнул, дабы избавиться от зловонного привкуса, и схватился за весла. Лодка наискось перерезала течение, нацелившись на темный берег. Мимо проскользнула неясная масса грейлстоуна. Он возбуждения у путника защекотало в горле — то же пряное удовольствие, которое он испытывал, когда пробирался замаскированный по территории конфедерации давным-давно,

разнюхивая секреты мятежников для генерала Мак Клеллана.

Наконец, пристань выросла перед ним, бледная по контрасту с черной-пречерной водой. Он поднял весла, брызнувшие каплями. Ялик проскрежетал о камень. И тут же три человека материализовались в ночи там, где только что никого не было. Рысцой припустили к нему. Сияющее небо четко обрисовало их шлемы. Римские легионеры, вне сомнений. У каждого на левой руке — круглый щит. Острые копья, прославленные римские пилумы, в правой — наготове, внаклонку.

Он подумал, что это прямо, как если бы он попал на картинку в книжке. Громко и четко, на простом эсперанто, всеобщем языке Реки, Пинкертон воззвал:

— Добрый вечер. Я могу пристать здесь на ночь?

Внезапно стражи застыли на дальнем конце пристани. Один из них торопливо прокричал:

— Прочь из воды! Быстро! Быстрее же!

Пинкертон метнул швартовы к причальным столбам.

— Иду.

Двигаясь с нарочитой уверенностью, он выва-

лил на пристань свой вещмешок.

— Яйца Юпитера! — прорычал страж. — Да вылезай ты из лодки!

Он тяжело устремился к Пинкертону: правое плечо — вверх, словно для защиты от удара. Крепкие пальцы обхватили пинкертонову руку.

Он выволок американца на пристань и потащил к берегу. Второй страж подхватил вещмешок и швырнул через пристань на сушу. Он напряженно вглядывался в туманную воду. Римляне с вновь прибывшим, как безумные, пронеслись несколько ярдов вверх по травянистому склону. Выпустив руку Пинкертона, страж развернулся, чтобы обозреть Реку. Дыхание вырывалось у него изо рта. Он потер лицо мощной лапищей.

— Рыба-Дракон, — пояснил он. — Река ими кишит. Прибиться к берегу в такую темную пору значит спасти жизнь. Они бы и из воды высунулись, чтобы тебя цапнуть.

Рыба-Дракон! Пинкертон задумался. Он немало о них знал. И знания холодом скользнули вдоль костей. Речные Драконы дорастали до невероятных размеров и свирепости. Обычно — не всегда — они были падальщиками. Но также и нападали. Мене двух недель назад он видел одну такую тварь, взметывавшую пену на плаву в лучах солн-

ца, пасть — прямо туннель, и у входа — частокол грязных белых зубов. Тот дракоша откусил корму у маленькой лодочки — с обеими сидевшими там ребятами. Американец тихо вздохнул.

— Рыба-Дракон, — повторил он и сплюнул. — Почему их тут вокруг столько развелось?

— Да кто знает. Дай-ка на тебя взглянуть.

Их руки принялись ловко обшаривать его на предмет оружия.

— Только нож, — сказал старший. — Я заберу его пока. Ну, пошли.

Они окружили его ловко и умело. По одному с каждой стороны и один сзади. Здоровенные, основательно сложенные, во впечатляющей броне.

— У вас тут всех пришельцев берут под стражу? — спросил Пинкертон.

Охранник справа ухмыльнулся.

— Тебе предстоит встреча с Богиней. Она разберет, кто ты такой.

— Гость или пища для Дракончика, — прогремел тот, что слева. Ему это казалось несколько забавным.

— Что за Богиня? — спросил Пинкертон. — Я думал, здесь правит Тиберий.

— Когда он здесь, то правит, — заметил страж. — Поблагодари своих домашних богов, если его

сегодня не будет. Не то можешь получить приговор, который тебе не понравится.

Умолкнув на этой мрачной ноте, они зашагали к деревне по траве, которая пружинила под ногами, точно отменная проволока. По их приближении к скоплению хижин Пинкертон стал улавливать резкий запах сушащихся рыбьих шкур. Где-то в темноте женский голос выл от невыразимого горя.

Большое поселение, как подумал Пинкертон, когда они петляли среди зданий. Похоже, четыреста-пятьсот человек только здесь, поблизости. Возможно, столько же — в скоплении домишек по ту сторону грейлстоуна. Нет, — спохватился он. — Нет, рановато оценивать. — И опять накатил недавний стыд. Будучи офицером разведки Мак Келлана на Полуострове, он оценил численность войск Ли в двести тысяч. И прокололся. Изрядно прокололся. Здорово напортачил. То был самый жуткий момент в его карьере. Один из двух самых жутких. И о втором он сокрушался куда больше.

Лицо его помрачнело при воспоминаниях.

— Ах, Дингус, — подумал он, — мы тебя тогда упустили, дерзкий бесстыжий вор. Другие звали тебя Джессом Джеймсом, Робин Гудом или

еще Бог знает как. Болваны. Для Пинкертона ты был Дингусом, позорным провалом сыскного агентства. Мы верили, что возьмем тебя наконец, уже окружали. Да только Боб Форд выстрелил первым. И послал Дингуса туда, где Пинкертонам его не достать.

Провал.

Он с усилием прогнал ненужные мысли. Жди и наблюдай, верь тому, что перед глазами. Будь терпелив. Скептичен. На Полуострове он полагался на сообщения дезертиров, шпионов, рабов. Двадцать лет спустя после гражданской войны бывшие конфедераты все еще издевались над ним и уничтожали его репутацию. Разумеется, его подсчеты не были столь откровенно неверны. Разумеется, нет.

Тусклый свет лился вверх из-за хижин, заливая бледно-желтым стены из расщепленного бамбука. Стражи вели Пинкертона вперед, к ярко озаренному широкому пространству. Примерно в двадцати метрах от них раскинулось основательное бамбуковое сооружение с деревянными столбами впереди, покрытыми искусной резьбой и окрашенными в розовый, голубой и зеленый. Лампы на рыбьем жире полыхали перед массивной дверью, на которой черной и красной

красками был изображен некто - с посохом в египетском стиле.

У этой двери стояли по стойке смирно четыре стражника в шлемах. В руках они держали пилумы с остриями из расколотого кремния. Вдоль торцовой стены маячили в тени еще несколько воинов. Командир материализовался из тени, чтобы переговорить с охранниками. Один из них приоткрыл огромную дверь, откуда вырвался неожиданно аромат сандала, и пропал внутри.

Они ждали в молчании почти пятнадцать минут. В течение этого времени стражи у дверей не шелохнулись и даже не скосили глаза на Пинкертона. Но он сомневался, что мог бы пробежать пять шагов, прежде чем в его теле засядет несколько кремневых наконечников. Пока он стоял, разглядывая раскрашенную дверь, тонкое и протяжное причитание взнеслось к небу вдалеке среди хижин у него за спиной. Пинкертон резко оглянулся.

— Что это? — спросил он ближайшего из стражи.

С мгновение ему казалось, будто тот не обратил внимания на вопрос. Затем страж украдкой поглядел вбок. И, едва разняв губы, пробормотал:

— Одна из тибериевых вдов.

— Вдов?

— Тихо, эй там, — огрызнулся командир.

Последовало суровое молчание. Отдаленный вой позади возносился и угасал, точно бечева летела по ветру.

Наконец со скрипом распахнулась дверь. Страж поманил их внутрь. Они миновали небольшую, тускло освещенную прихожую и прошли по широкому коридору, увешанному цветными полотнищами и плетеными тростниковыми циновками. Было душно от благовоний. В конце коридора командир остановился и произнес что-то на тарабарском языке, которого Пинкертон не смог определить. Неожиданно голая женская рука протянулась из-за драпировок и откинула занавес. Наружу хлынул теплый желтый свет.

Пинкертона препроводили в ярко освещенное помещение, наполненное густыми ароматами, увешанное цветными тканями и населенное, насколько ему показалось, одними женщинами.

Перед ним, выпрямившись в кресле, гордо красовалась молодая особа в тонком до прозрачности платье. Ее веки были выкрашены в голубой цвет, а глаза казались огромными из-за густо подведенных ресниц. Лицо ее под изысканно уложенными темными волосами было тонким и

удлиненным, с прямым, несколько заостренным носом и бледной кожей, ощутимо напудренной. Она подняла руку с маленькими пальчиками:

— Подойди, плавающий по ночам. — Ее мягкий голос звучал отстраненно.

Белый свет взорвался в глазах Пинкертона. Удар бросил его вперед. Он упал, осознавая лишь, что его ударили по загривку, и что ни в коем случае нельзя лишаться чувств. Миновал промежуток времени, который он не мог измерить, и чернота перед глазами рассеялась. Он обнаружил, что стоит на четвереньках, и во рту препогано.

Сзади прогремел голос командира:

— На колени перед Богиней.

Американец заморгал, чтобы зрение прояснилось, и гортанно проговорил:

— В моей стране не принято вставать на колени.

— Диковинная страна, — заметили особа на троне. — Можешь посмотреть на меня и назвать свое имя.

Откинувшись на корточки, он поднял голову, превозмогая боль и поглядел ей в лицо. Ее губы, густо-алые, как у гулящей девки, полыхали на белизне кожи. Она смахивала на раскрашенную куклу. Но холодная сталь звучала в ее голосе, а

взгляд, умный и лишенный чувствительности, был темен от зрелости. Он сказал спокойно и отчетливо:

— Меня зовут Аллан Пинкертон. Основатель Национального Детективного Агентства Пинкертона в Чикаго, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки.

Аллан Пинкертон, родился в Глазго, Шотландия, 1819 г., сын сержанта полиции. Эмигрировав в 1847 г. в Штаты с женой, он нашел, что правоохранительная деятельность ему больше по вкусу, чем его прежнее ремесло бондаря. Он стал помощником шерифа, затем получил назначение первым детективом в новом полицейском подразделении Чикаго. Но его мучило честолюбие. В 1850 г. он вышел в отставку, чтобы организовать, вместе с двумя сыновьями, частное детективное агентство.

— Детективное агентство, — произнесла молодая женщина. — И что это значит?

— Это организация, которая защищает от преступлений. Разыскивает преступников. Детектив разоблачает тайные преступления и добивается наказания за них.

За раскрашенным, точно маска, лицом, промелькнули какие-то чувства.

— Тайные преступления, — пробормотала она. — Красиво звучит, Аллан Пинкертон, детектив. И ты всегда добивался наказания за тайные преступления? И никогда не тратил сил впустую?

— Мы действовали успешно, — отрезал он. — Даже исключительно успешно. Но совершенство встречается только на Небесах, а не в делах человеческих.

— Или в делах богинь, — она рассмеялась, ее смех походил на белое сияние. — Даже у богинь случаются порой неудачи. Так, признаюсь, мне не удалось определить, почему одинокий мужчина является ночью по этим ужасным водам искать нашего гостеприимства.

Если уж лгать, надо сказать как можно больше правды. И он незамедлительно ответил:

— Я последовал совету датчан, что живут выше по течению. Они предостерегали от граалепоработителей на дальнем берегу. И сказали, что здесь безопасней странствовать ночью, пока я не окажусь вне угрозы. Они предложили мне попросить приюта в Новом Риме.

Каждое слово было правдой. Пусть это — не вся правда.

— Мы встречались прежде с граалепоработи-

телями, — сказала женщина. — Они понимают язык клинков. А что понимают датчане? Их король, Канут IV, слывет святым. Я заметила, что из святых получаются неудобные соседи. Их превосходство в сфере духа ведет к неумению управлять делами в их временном обиталище.

Пинкертон покачал головой.

— Я ничего об этом не знаю. Они были со мной достаточно любезны.

Она была не столько красива, сколько невероятно женственна. Роскошная мягкость ее женских чар струилась вокруг, как если бы его овевал порывистый теплый ветер. В то же время он видел, насколько точно она его оценивает, и понимал, что ее разум спокоен, холоден и опасен. Богиня улыбнулась.

— Я открыла в тебе много такого, чего не понимаю. Просвети меня. Разве ты не нашел утешения у женщины, коли путешествуешь один?

— Я ищу своих, — сказал он. — Когда я пробудился… или воскрес… словом, как бы ни называлось то, что случилось с нами, я обнаружил, что я — не на Небесах, на которые я надеялся, но и не в Преисподней, которой страшился. Ничего не поймешь. — Он сделал паузу, зная, что большинству людей свойственно слишком много объяснять, и

что их собственные языки доводят их до беды. Но играть в молчанку было в этом месте еще опасней. И он медленно продолжал. — Я проснулся среди чужих. То были дружелюбные, бесцельные люди. Им недоставало честолюбия и энергии. Они боготворили палки. И вдобавок — ни жены, ни сыновей, сама понимаешь. Моего дела больше не существует. Моя страна неизвестна. Я не в состоянии отказаться от семьи, своего дела и страны. Вот я их и ищу.

И Дингуса тоже, прошептала какая-то затаенная часть его существа. Когда-нибудь я отыщу Дингуса и наконец-то вычеркну этот провал из моего послужного списка.

Он заметил, что Богиня рассматривает его с лукавой снисходительностью, которая его тут же стала изрядно раздражать. Она сказала:

— Мудрецы говорят, вдоль Реки живет больше людей, чем песчинок в пустынях Египта. — Она медленно покачала головой, полусочувственно-полуигриво. — О делах столь значительных, никто из нас, как я подозреваю, не вправе утверждать что-либо наверняка. Я знаю только, что Ка вновь вернулся к каждому из нас. И что вновь священное солнце согревает нашу кровь. Мы вновь в объятиях жизни. Или для тебя недоста-

точно, Пинкертон, детектив, что жизнь снова раскинулась перед тобой?

— Не достаточно, — рявкнул он. — Я слишком многое оставил незавершенным.

— Смерть уничтожила все прежние обязательства, — сказала она. Он почувствовал себя так, как если бы его наставляла кукла. — В твои руки передана вторая жизнь, свежая и новая. Располагай ею, как пожелаешь.

— Обязательства, — произнес он, задержав глаза на алом изгибе ее рта, — никогда не уничтожаются. Мы обязаны завершать то, что оставили незаконченным.

Ее крохотная рука плавно взмыла в сторону, ему показалось, что так она выразила игривое презрение.

— Боюсь, мы никогда не сойдемся во мнениях, — заявила она, одаряя его призрачной улыбкой.

Под зыбкой тканью ее платья вздымались мягкие купола ее грудей. Он поспешил отвести глаза. Неприязнь к ее мягкости, ее благовониям и крикливой боевой раскраске, к ее неподобающему одеянию, к ее позерской отстраненности и смеху свысока, проплыла сквозь него, словно ядовитый дым.

Она согнула пальцы. Верзила командир вышел из-за спины Пинкертона и встал — весь внимание — у ее кресла.

— Марий, — распорядилась она, — предложи этому усталому страннику хижину для ночлега.

Она не взглянула прямо на Пинкертона. Он почувствовал, что в ее глазах мелькнула утонченная насмешка, как будто она почувствовала, что он пялится на ее грудки.

— И предложи ему воспользоваться грейлстоуном, — добавила она и наклонилась вперед, пробормотала несколько неразборчивых слов. Затем произнесла громче. — Возможно, мы с ним еще поговорим, если я почувствую к этому склонность.

Пинкертон с усилием встал на ноги, и его выпроводили из зала. Когда они проходили сквозь занавеси, он оглянулся и увидел, как ее маленькое, стройное, все в белом, тело, скользнуло и затерялось среди женщин. К своему удивлению, он внезапно проникся к ней мимолетным теплым чувством, как будто она была прелестным ребенком, требующим его заботы. Затем вернулась неприязнь. Какой позор, — с яростью подумал он. — Вдруг отозваться телом этому распущенному ребенку. Вечно Сатана смеется над

мужчинами. Одолей адскую похоть дисциплиной и самоотречением.

Очутившись снаружи, он глубоко вздохнул, очищая легкие от ее липкого от благовоний воздуха. Стражи с любопытством глазели на него. Марий уронил лапищу на его плечи.

— Оказывается, у нас — почетный гость, ребята, — с удовольствием сообщил он. — Я проведу его в хижину для гостей. Флавий, а ну-ка быстро к Реке и смотри в оба. Богиня ожидает, чтобы ты нынче походил дозором во славу Нового Рима. Так позаботься о своей драгоценной шкуре. — Отвернувшись, он тяжело хлопнул Пинкертона по спине. — Ну что же, мой новый друг, идем со мной.

Они вышли из освещенного огороженного пространства и попали во вьющиеся среди темных хижин проходы. И снова раздался долгий скорбный вопль. Некоторое, время они шли молча. Марий стремительно шагал, все время поворачивая, и Пинкертон вдруг понял, что они описывают замкнутый круг. У него заныло под ложечкой. Богиня говорила со стражем еле слышно. Мозг Пинкертона лихорадочно перебирал возможные версии.

Задержка означала, что требуется время для

приготовлений чего-то, что касается, несомненно, его. Но, желай они его смерти, как здраво подумал он, он бы уже был убит. В сущности, он их пленник. И, чего доброго, с ним играют, точно кошка с мышью, намереваясь цапнуть без предупреждения и, доведя до ужаса, заставить говорить начистоту. Вполне возможно. Он сверлил глазами могучие плечи шагавшего впереди римлянина и чувствовал, как кровь приливает к щекам и ко лбу. Он до головокружения жаждал действия.

Словно подслушав его мысли, Марий сказал:

— А ты удачлив. Беседа не закончилась тем, что с тебя спустили шкуру. — И он хихикнул себе под нос. — Это более, чем просто везение. Наверняка Богине понравилось твое рыло.

Пинкертон шумно втянул воздух.

— Я думал, в Новом Риме правит Тиберий. Кто она?

Он, скорее, почувствовал, чем увидел изумление Мария.

Верзила так и гоготнул.

— Клеопатра.

— Господи Боже, — поразился Пинкертон. — Этот ребенок?

— Она самая. Та Клеопатра. Клеопатра VII,

Филадельф Филопатор Филопатрис. Та, которая когда-то ловко провела Цезаря и Марка Антония. Клянусь брюхом Марса, ты озадачен. Да, у нее не такая уж пышная грудь. Но она умеет мыслью разогнать в небе тучи. Возможно, как раз это привлекло к ней Юлия.

— Так кто она Тиберию? Императрица? Супруга?

— Да нет же. Совместное правление, так это можно назвать. Она заставляет Тиберия попотеть. Он не очень-то путается под ногами.

— Довольно странно.

— Она правит. Он веселится. — Марий издал резкий звук, слишком железный для смеха. — В своем веселом убежище. И не стоит слишком любопытствовать насчет Тиберия, и как он веселится.

Очевидно, они прошли немало. Марий остановился перед крохотной бамбуковой хижиной с крышей из тяжелой травы, кончики которой свисали, точно нестриженые лохмы. И сказал Пинкертону:

— Вот твоя хижина, милостью Богини, которая могла бы бросить тебя дракошкам так же запросто, как отправить спать со всеми здешними удобствами. Я велю кому-нибудь проводить тебя

к грейлстоуну утром.

— Я бы хотел получить обратно нож.

— Терпение. Нельзя допустить, чтобы ты зарезался, пока ты наш гость.

Марий затопал прочь. Пинкертон задержался на миг в дверях хижины, вдыхая влажный ночной воздух. Аромат ее сандала все еще исходил от его одежды. Это безмозглые датчане не упомянули о Клеопатре. Небрежная, неумелая работа. Тут пришло тошнотворное ощущение, что они не удосужились объяснить и другие важные вещи. На какой-то жуткий миг ему почудилось, будто он бредет наощупь в высокой траве, где на каждом шагу — ядовитые змеи. Учуял бы он заранее их невежество, отказался бы от поручения Канута, хотя было оно, вроде, проще простого.

Он осторожно взмахнул рукой, выражая раздражение. Если он мог обшаривать Конфедерацию Южан, постигая их хитрости, сможет, разумеется, и добраться до силы Нового Рима. Это ему раз плюнуть.

Он нетерпеливо развернулся и вступил в хижину.

Внутри неярко горела на бамбуковом столе небольшая лампа на рыбьем жире, освещая блюдо с фруктами и холодным мясом.

У дальней стены стояла кровать, на которую был брошен его вещмешок. Близ нее — бамбуковый стул.

В тени у стула, наполовину видимый в колеблющемся свете, обозначился некто, укутанный в темно-серую ткань. Его сердце подскочило. Он приблизился.

— Я ждала тебя, — раздался вкрадчивый шепот. — Богиня желает, чтобы ты взялся за ее поручение.

С мгновение он стоял молча. Но с видом не столько застигнутым врасплох, сколько приводящего в порядок мысли. Внезапно он указал на стул.

— Добро пожаловать, Богиня, — сказал он. — Садись, пожалуйста. Здесь недостаточно великолепная обстановка для твоего положения. Но, как ты понимаешь, мне это лишь предоставлено.

Она вышла вперед на свет, сбрасывая свободный серый балахон.

— Меня раскусили, — сладко пролепетала Клеопатра.

Движением, плавным, точно струйка дыма, она присела.

Надушилась она пуще прежнего. Громадные глазищи сияли.

— Как это было ловко, — воскликнула она. — Ты узнал меня в один миг. Садись. — Она улыбнулась ему откровенно шаловливо. — Мы можем обойтись без таких утомительных формальностей, как коленопреклонение. Это — лишь официальная церемония, на которой мы настаиваем, собственно, чтобы прививать среди наших подданных привычку нас почитать.

Он осторожно сел. В неверном свете ее лицо, скрытое под яркими красками, казалось рожицей задиристого ребенка. Она сказала:

— Сегодня, когда ты описал свое привычное занятие, меня разобрало любопытство. Теперь, когда ты показал свое искусство, признаюсь, меня охватило восхищение. Ты вызываешь истину из всякой тени.

— Ты очень любезна.

— В Новом Риме, — сказала она ему, — одинокой женщине, сколь угодно высокородной и могущественной, нужно много друзей. Точно так же чужестранец в Новом Риме может, если желает, удостоиться благодарности высоких лиц. Учитывая эти взаимозависящие обстоятельства, я надеюсь, что ты согласишься стать моим другом.

Он сразу понял, что эта женщина избрала его орудием в какой-то личной интрижке. Его при-

бытие к хижине задержали так, чтобы она вошла первой. Ее тяжкие благовония обеспечивали уверенность, что он ее легко распознает. И это позволит ей восхититься им, обезоружить его и взять на службу.

Подавшись вперед, она подставила свое личико под свет лампы.

— Ты и догадаться не можешь, как срочно твоему другу нужно твое умение. Ты много лет раскрывал тайные преступления. Не так ли?

— Такова работа детектива.

— Значит, тебя, несомненно, привела к нам сама Исида. В этом месте, как ты увидишь, мы строим новый город, город, посвященный чистоте солнца. Солнце для большинства здесь — это египтянин, охваченный крепким металлом немногочисленных римлян. К сожалению, немногих, ибо они — упорные строители. Вместе мы возведем город, более дивный, чем Мемфис или Александрия, и более прославленный, нежели сам Рим. Этой цели мы посвятили нашу новую жизнь. И все-таки с самого начала самоотверженных трудов, у нас совершаются тайные преступления. Гнусные преступления, как подсказывает мне мое сердце. Ты слышал, как воют в ночи женщины?

— Да.

— Если бы мужчины сокрушались, как они, ты услышал бы и мужские голоса. Женщины горюют по исчезнувшим мужьям. Мужчины, вероятно, оплакивают своих жен. Кто знает? Мужчина и женщина вдруг исчезают среди ночи. И не возвращаются.

Он сдержанно заметил:

— Они могут и куда-нибудь переселиться.

— Бросив семью и все имущество? Вряд ли.

Он пораскинул мозгами.

— Ваши границы хорошо охраняются?

— Каждое государство обязано защитить свои рубежи от происков соседей. Стражи не сообщают, чтобы кто-то к нам проникал.

— Тогда все очень просто, видишь ли. Одно из двух. Либо стражи подкуплены, либо исчезнувшие люди по-прежнему в Новом Риме.

— Не так просто, Пинкертон, детектив. — Она опустила глаза, сомкнула колени, сжала над ними побелевшие руки: образ растерянной и перепуганной женщины. Он любовался ею с усмешкой, но не без восторга. Она умела устраивать представления. Она прошептала:

— Они все были мои сторонники, понимаешь ли. Мои друзья. Каждый получал особое пригла-

шение в сады Цезаря.

Его лицо было непроницаемо.

— В Сады?

— В Сады Тиберия. Они лежат чуть южнее пристани, где ты высадился. Там император построил виллу и выкопал озеро. Он живет там в добровольном затворничестве. Его покой охраняют несколько преторианцев.

— Едва ли он может править оттуда.

— Он правит посредством меморандумов, — объяснила она. — Я их получаю предостаточно, можешь поверить. — Ее расширившиеся глаза впились в сыщика. — Ты должен понять. Тиберий умелый властитель. В нем есть гений семьи Юлиев, позволяющий выбирать в пределах возможного.

Она ждала, что он скажет. Наконец, сыщик спросил:

— И что еще?

— Он также, — сказала женщина, выговаривая слова с утонченной робостью, — склонен к помрачениям духа. Его способности, возможно, как мы можем сказать, встречают препятствия в виде взрывов ярости. Они начинаются ни с того, ни с сего, а потом проходят. Как буря, тревожащая небеса.

— Ты подозреваешь его в убийствах?

— Да кто знает. Кто знает. Есть одна трудность, друг детектив. Как соправительница, я должна знать. Я чувствую, он не мог умертвить этих людей в приступе безумия. Но я должна удостовериться. Я должна это узнать ради Нового Рима.

Он отклонился назад, закрыв глаза. Он чувствовал, что поддается ее женственности, ее смышленості, вкрадчивой мольбе в ее голосе. Она предположила:

— Ты никак обиделся? Я ошиблась, обратившись к тебе за советом?

Ее пластичность и проницательность обессиливали. Он покачал головой:

— Я пытаюсь понять, чего ты желаешь.

— Сегодня ночью он пригласил нескольких из тех, к кому я привязана и кому доверяю отобедать с ним в Садах. Если они почуют опасность, что они могут сделать? Кто из всех нас может отказаться от приглашения императора? Я желаю, чтобы ты проник в Сады незамеченным и проследил, если я права, как совершаются тайные преступления императора. Или, если я неправа, убедился в их отсутствии. Можешь сделать такое, как друг для друга?

— Ты сказала, что там охрана.

— Марий командует преторианцами, хотя назначен руководить моей верной египетской стражей. Он проведет тебя в Сады. Тебя не заметят.

— И когда я вернусь?

— Завтра ночью. Я приму твой доклад в этой хижине. — Так как он не ответил немедленно, она кротко добавила. — Есть такие, которые шепчутся, будто ты датский шпион, подосланный самим Канутом, чтобы разнюхать наши тайны. С какой радостью я по твоем возвращении опровергну эту клевету.

Подобные шелковые угрозы не нужны, подумалось ему. В конце концов, он не удержится и согласится ей помочь. А какой у него выбор?

Он изобразил пустую улыбку и потянулся, чтобы коснуться ее теплой руки. Если он потом расскажет, что прикоснулся к Клеопатре, это будет нечто.

— Дуракам везде мерещатся шпионы, — сказал он. — Я могу тебе помочь. Когда придет Марий?

— В течение часа. Поешь и отдохни. К сожалению, ночь тебе предстоит долгая.

— Детективу не привыкать, — заметил он и проводил ее до дверей.

После того, как она растаяла в ночи, он вер-

нулся к столу и принялся подкрепляться. Хоть и здорово она ему не нравилась, его не могло не восхищать ее искусство. Какой бы из нее вышел оперативник!

Итак, в его распоряжении час, чтобы прикинуть, что все это значит. Тридцать лет работы детективом позволяли ему безошибочно угадывать, если клиент лжет. А она лгала. Господи, да к концу — вранье на вранье. И, по какой бы причине она его ни впутывала, это почти наверняка не имело ничего общего с тайными преступлениями Тиберия.

Кончив есть, он опорожнил на постель свой мешок. Из того, что смахивало на утолщенный шов вдоль нижнего края, он извлек узкую рогатку около двадцати сантиметров длиной. Она была сделана из драконьей шкуры и стянута обрывком полотна, а внутри лежала тщательно засыпанная песком шишечка из железного дерева. Он придирчиво оглядел оружие, хмурясь, заметил, что оно уже изрядно потерлось. Жалкая замена свинцу и плетеной коже. Но сойдет. Он подбросил рогатку на ладони, взвешивая. Что-то такое не вредно приберечь, если блуждаешь в ночи. Опустив рогатку за пояс, повязанный под свободной рубахой, он растянулся на постели и

закрыл глаза.

Менее чем через час в дверь тихонько постучали. Он поднялся, зевая и протирая глаза, проклиная скверный привкус, который, похоже, никогда не уйдет изо рта. Тяжело топая, вывалился из хижины. Марий стоял и ждал, завернутый в тяжелый плащ. Не проронив ни слова, он подал Пинкертону знак: мол, следуй за мной, и двинулся куда-то. Воздух был пахучим, холодным и сырым.

За несколько минут они выбрались из лабиринта дорожек меж хижинами на ухабистую травянистую равнину, которая плавно сбегала к Реке. Марий шел впереди строевым шагом, неизменным, как барабанный бой. Его голова и плечи нечетко возвышались в невероятном мельтешении звезд.

После двадцати минут молчаливого марша верзила-легионер остановился. Впереди возникла простирающаяся в темноту направо высокая черная масса: стена или ограда. За ней, где-то в глубине, раздавался стук барабана и нестройный смех, звучавший слабее, чем удары сердца Пинкертона. Он взвинтился. Кожа стала тугой и сухой, руки онемели. Выводы из его рассуждений тревожили его. Не то, чтобы он располагал

для этого достаточными сведениями. Но вообще-то, данных никогда не бывает достаточно. И пользуешься теми, которые можно заполучить, а затем прислушиваешься к двусмысленным нашептываньям интуиции. Марий сказал в ухо Пинкертону:

— Впереди бамбуковая чаща. Мы воспользуемся тропой для стражей. Сад — с той стороны.

Пинкертон ухватился сзади за пояс верзилы, и тот повел его в неясную мглу. Они петляли то вправо, то влево по кругу скоплений бамбука, посаженного, как заподозрил Пинкертон, чтобы замаскировать вход. Довольно долгое время они пробирались ощупью, совершенно без света, по предательски неровной почве, окруженные слабым горьковатым бамбуковым запахом. И внезапно вышли на открытое место. Перед ними раскинулась темная гладь искусственного озера почти в триста метров шириной. Какое-то каменное сооружение соединяло озеро с Рекой. Глубоко вдаваясь в сушу, озеро оканчивалось у празднично освещенной виллы. В каменном дворике между виллой и водой растянулась на ложах горстка мужчин и женщин. Перед ними под барабанный бой и блеяние рогов-раковин подскакивала кучка танцоров. Марий прыснул:

— И живут же эти патриции.

— Надо бы подойти ближе, — заметил Пинкертон.

Взвинченное состояние отступило. Теперь мозг его работал спокойно и быстро. Он последовал за Марием по краю бамбуковой заросли к месту, где озерный берег выгибался в сторону виллы. Оживление в каменном дворике было менее чем в сотне метров. Они присели на корточки, наблюдая.

— Который здесь Тиберий? — спросил Пинкертон.

— Сомневаюсь, что он вообще вышел, — Марий кивнул в сторону освещенного окна в ближайшем крыле виллы. — Он там, у себя. Подбивает счета. Он любит охотиться за медяками.

— Хотелось бы поглядеть, на что он похож.

— Старый зануда, весь в прыщах. Он тебе не обрадуется.

— Полагаю, что ты прав, — согласился Пинкертон.

Возбуждение пробежало по собравшимся во дворике. Несколько человек вскочило на ноги, уставившись на проход в освещенный внутренний двор, разделявший передние и задние помещения виллы. Оттуда начали выходить

вооруженные стражи. Марий рывком поднялся. Скосив глаза назад, в сторону Реки, он шепнул: «Дозор идет!» — с явным изумлением. Пинкертон повернулся, чтобы взглянуть. И его глаза, ослепленные ярким светом, ничего не разглядели. Марий негромко огрызнулся:

— На этот час дозор не намечен. Они здесь все прочешут. Живо отсюда!

— Куда?

— На виллу. Больше некуда. И, возможно, ты все-таки увидишь нашего славного императора. Потопали. — Его жесткая, словно тиски, лапища схватила руку сыщика выше локтя. И они стали пробираться прочь, держась поближе к бамбуковой изгороди. Пинкертон бросил взгляд в сторону дворика. Вечеринка расстроилась. Двойная колонна легионеров затопала через двор. И среди них, точно самоцвет в дорогом венце, шагала Клеопатра с надменно вскинутой головой. Она была в белом, ткань держалась с помощью ярких шарфов, на голове — прихотливый золотой убор. Пинкертон оторопело воззрился на нее, в миг забыв обо всем на свете.

— Клеопатра!

Марий замер на ходу, оглянулся и что-то пробормотал на живой и сочной латыни, не требо-

вавшей перевода. Он был до предела ошеломлен. Он опять вцепился в руку американца.

— Идем!

Теперь, очутившись против виллы, они метнулись через открытую лужайку к флигелю, затем проскользнули под освещенным окном, зарешеченным и затянутым чем-то прозрачным. Марий замедлил ход, прислушавшись, нырнул за угол вдоль отштукатуренной стены. Они тут же погрузились во тьму, густую, как тесто.

— Здесь дверь, — предупредил Марий. — Всегда запертая. Но если ты знаешь, как их открывать, попробуй.

Тепло возникло под ребрами сыщика и весело растеклось по всему телу. Лишь дисциплина помешала ему улыбнуться. Итак, несмотря на все сомнения, он рассуждал верно.

Задание было откровенным розыгрышем сверху донизу. Сплетением лжи. И не потому что глубокий скептицизм профессионала-детектива никогда не принял бы отсутствия часового, уединенную дверь и легкость доступа. Но прибытие Клеопатры озадачивало. Здесь обнаруживалась какая-то неувязка.

Металл перешепнулся с металлом. Мариус крякнул. Что-то резко звякнуло, и во мгле обо-

значилась полоса тусклого света. Пинкертон приготовил свою рогатку и последовал за Марием в длинный полусумрачный коридор, где крепко пахло сырой штукатуркой. В двадцати метрах впереди он пересекался с другим, более широким, мощеным красными плитками. Свет лампы дрожал на кремового цвета стенах. Марий знаком велел идти вперед. Никакого укрытия коридор не предполагал: голые стены, запертые двери — отменная ловушка. Когда они были на полпути, в освещенном коридоре отворилась со скрежетом невидимая дверь, выпустив наружу сумятицу голосов. Застучали приближающиеся шаги.

Марий куда-то метнулся наискось. Распахнул дверь в левой стене и втянул туда Пинкертона. Быстр закрыл дверь, оставив щелочку, и тут же прильнул к ней глазом. Сварливый голос проворчал;

— Да-да. Я приду, когда освобожусь. Спешки нет.

Пинкертон приложился спиной к стене. Шевеля в пальцах свое оружие, он проворно огляделся. Они стояли в длинном и широком помещении, где имелось изобилие столов, скамей без спинок, шкафов любых размеров, и царила гнетущая

тьма. Для этого мира, как подумал сыщик, немалым благом оказалась бы керосиновая лампа. Коптилки на рыбьем жиру мерцали вдоль большого стола через весь зал, заваленного свитками и письменными принадлежностями. Пинкертон осмотрел тени позади стола, и его взгляд из-под тяжелых бровей казался отсутствующим. Сварливый голос вскричал из коридора:

— Держите эту бабу под пристальным наблюдением. Предложите ей чем-нибудь перекусить. Не допускайте их во дворик. И пусть те, кто у ворот, ждут моего знака. Или, клянусь сосцами Юноны, они тоже поплавают.

Загремели, приближаясь, шаги. Марий запер дверь и отпрянул к середине зала. Он о чем-то озабоченно размышлял. Пинкертон подошел к нему. И сказал приглушенно:

— Здесь полно солдатни. Не прикасайся к мечу.

Изумление полыхнуло в глазах Мария. Его тело слегка колыхнулось, словно он получил удар дубиной в грудь.

— Насчет убийства и думать забудь, — с наслаждением предупредил его американец. И поспешил спрятать свою рогатку. Марий не дотронулся до меча и не посмел взглянуть ни на

что, кроме лица Пинкертона. И, пока пялился на него, дверь с глухим шумом распахнулась. В зал вступил Цезарь Тиберий.

Император был высоким мужчиной с внушительными плечами и суровым худощавым телом. Двигался он так, как будто у него ныли суставы, почти не размахивая руками и чуть наклонив вперед голову. На его лбу и подбородке гноились россыпи темно-красных прыщей. Шрамы от уже исчезнувшей сыпи пятнали щеки. Он хмуро воззрился на двух посторонних, как если бы у него был полон желудок скорпионов. Мариус поднял руку в приветствии.

— Аве, Цезарь!

Тиберий, пылая гневом, резко заметил:

— Ты опоздал. Это нетерпимо. — Затем пронзительнее.

— А это и есть человек Канута?

Марий украдкой поглядел вбок на Пинкертона. И не без затруднения произнес:

— Это человек, которого ты приказал сюда привести.

Тиберий прорычал:

— Эта цаца, Клеопатра, это царственное чудо в перьях, за которой ты ходишь по пятам днем и ночью, Марий, соблаговолила известить меня

не далее, как час назад, что некий тип прибыл с поручением от Канута, или она так утверждает. — Он озирал Пинкертона с мрачным подозрением. — Тьма сладких слов, вне сомнений. Тьма легковесных обещаний, не стоящих отрыжки. Явился болтать да болтать, а заодно шпионить и шпионить.

Пинкертон флегматично произнес:

— Исключительно болтать.

Застигнутый врасплох. Слепой, ошеломленный, ничего не понимающий. Уцепившийся за слова Тиберия. Выжимающий каждое слово в поисках смысла. Тиберий неприветливо изучал его.

— Твой друг Канут дурак, и ты тоже, коли служишь ему.

От гнева лицо Пинкертона напряглось, а в глазах потемнело. Он кротко заметил:

— Канут не друг мне и не хозяин.

Насмешка искривила лицо Тиберия.

— Мне известно о каждом твоем разговоре с ним. Втайне. Мне известно, когда ты отбыл из датских владений. Втайне. Мне известно, когда ты высадился в Новом Риме. Все втайне, но тайны-то никакой.

Римский шпион при датском дворе. Или шпио-

ны. Клеопатра тоже знала.

— Заговоры, — сказал Тиберий. — Лжецы. Красивые слова. — Он желчно осмотрел Пинкертона. — Нынче ночью разговора не будет. Раз пришел без предупреждения, на внимание рассчитывать не приходится. Можешь поприсутствовать на нынешних увеселениях. Возможно, завтра или послезавтра… Время дорого. Стража!

Из тени в глубине выступило четверо вооруженных стражей, безмолвных, точно приход смерти. Ничто не дрогнуло на вышколенном лице Мария. Тиберий распорядился:

— Препроводите этих двоих к Озеру. Они могут полюбоваться зрелищем вместе с остальными гостями. И с Этой Женщиной.

Стражи вывели Пинкертона из зала по коридору во внутренний двор и оставили на краю двора внешнего. После того, как они удалились, Марий мимоходом огляделся. В пределах слышимости — никого. Он пробормотал Пинкертону:

— Значит, Владычица Нила не полностью тебя провела?

Пинкертон ответил:

— Убийство было единственным, что имело смысл. Ей нужен был труп, на который можно все свалить. И нет иных причин, по которым я здесь.

Ей не нужен доклад о преступлениях Императора. Да кто бы здесь поверил на слово чужаку?

Марий сдержанно ухмыльнулся.

— Что же, ты оказал мне услугу-другую. Я даже не учуял тех стражей.

— Ты действительно убил бы Тиберия?

Ухмылка угасла. Глаза Мария заблуждали. Он безразлично сказал:

— Не знаю.

Они молча зашагали к полукругу лож. Самоупреки раздирали ум Пинкертона, точно когтистые звери. До чего он был уверен в себе. Так спокоен. Настолько не догадывался, как поверхностно он проник в суть вещей. Среди этих людей с их опытом в искусстве измены неряшливость умственной работы может оказаться роковой. Они его на кусочки разорвут. Он сплюнул, чтобы очистить рот. Он уже умер однажды, и такой смертью, какая выпала немногим. Не хочется снова умереть. Да еще и так скоро.

Они приблизились к озеру. В нескольких метрах от воды на обеденном ложе томно простерлась Клеопатра. Вокруг нее судачили две женщины и с полдюжины мужчин. Она выглядела предельно соскучившейся. Золотой головой убор покоился близ нее на ложе.

Пинкертон спросил:

— Почему Клеопатра сказала Тиберию, что я посланец датчан?

— Кто знает, что на уме у царицы? — Марий пожал плечами и остановился на полушаге. — Здесь мы расстанемся. Вы, посланцы, имеете право сидеть близ владычиц. Простые солдаты терпеливо стоят позади. — Он бесшумно отступил.

Когда Пинкертон приблизился к ложам, Клеопатра взглянула в его сторону, улыбаясь, точно лезвие ножа.

— А, детектив.

— Блистательный посланец, — уточнил он.

Искорка непринужденного веселья пробежала по ее лицу.

— А я и не подозревала, что ты остроумен. — Тем, кто ее окружал, она сказала: — Это так утомительно, но государственные дела постоянно требуют заботы. Я должна поговорить с этим человеком. Вы не будете слишком возражать? Кажется, у воды происходит что-то любопытное.

Этот мягкий намек был понят, и тараторящие гости переместились поближе к озеру. Молодые женщины зажгли скопления свечей, установленные на восьми маленьких плотах. Надето на этих особах явно было очень немного. Клеопатра

коснулась соседнего ложа.

— Можешь устроиться здесь. Тиберий явно получил мое послание. Я только что узнала, что он приказал немедленно доставить тебя к нему. Его осведомители наводнили двор Канута. Не объяви я тебя тайным послом, тебя бы зарезали как шпиона.

— Твоя весть вызвала у него раздражение, — сказал сыщик.

— А он вечно чем-то раздражен. Итак, высокий посланец, чем ты отблагодаришь меня за спасение от Тиберия?

Гнев накатил на него без предупреждения и, отхлынув, на время лишил голоса. Он тлеющим взглядом воззрился на воду, где молодые женщины прилаживали поверх пылающих свечек нечто из бамбука и непрозрачных плоскостей. А, фонари, догадался он. Овалы розового, голубого, золотого и зеленого весело засветились на фоне черной воды.

— Ты послала меня на смерть, — проворчал он. — И еще ожидаешь благодарности?

— Я тебя послала. Я тебя спасла. Ты жив моей милостью.

Он сказал:

— У каждого есть друзья или враги. Одно или

другое. Кто-то лжет мне, морочит меня. Это враг. Враг. Только одно. Ничего другого. На веки вечные.

Молодые женщины рассмеялись, входя в озерную воду. Развивая шнуры, лежащие на плотах, они тихонько отплыли от берега, толкая перед собой фонари. Мужчины с берега одобрительно закричали.

— Следи за своим голосом, — кротко посоветовала Клеопатра. — Слова далеко разносятся в приозерном воздухе.

— Она с любопытством изучила его острым взглядом из-под арочек подведенных бровей. — Не стоит негодовать, мой бедный детектив, столь суровый и несгибаемый. Ты, разумеется, знаешь, что все союзы — дело временное. Предложено — прими, когда это сулит тебе преимущества. Такова мудрость управления деревнями или империями. И ей научил меня Божественный Юлий.

Чинно выпрямившись, держась от нее на расстоянии, он прорычал:

— Я все меряю иной меркой.

Мужчины расхохотались и завопили вслед плывущим женщинам. Двое или трое бросились в озеро и, плеща, устремились к фонарям.

— Я не насмехаюсь над твоими привычками. Но мы далеки от твоей Америки и всего, что там принято.

— Далеки! Мы все умерли. Куда уж дальше.

— Тогда прими то, что мы — живем. Почему или где — не так уж важно.

Он не ответил ей сразу, а сидел, сердито оглядывая свои квадратные ладони, неподатливая мыслящая колода, перебирающая скверные воспоминания. В воздухе повисли ее благовония. Наконец, он промолвил:

— Я умер отвратительной смертью. От гангрены — гангрены языка. К тому моменту я был полностью парализован. В течение нескольких лет, Боже правый. Когда умираешь подобным образом, ни этот вкус, ни этот запах не оставляют. Даже под наркотиком. Даже во сне. Лежишь и чуешь, как гниешь заживо. Этот запах и ныне у меня во рту.

Еще несколько мужчин кинулось в озеро, чтобы доплыть до фонарей. Другие мужчины и женщины носились вдоль берега, криками подбадривая пловцов. Клеопатра сказала:

— Смерть когда-то была смертью. Но не теперь, и не в этом загадочном месте. Я это наверняка знаю: когда умираешь здесь, опять приходишь

в себя в другом месте у Реки. И твое тело возвращается к тебе без единого порока, как бы ты ни умер.

— Но разум остается неизменным, — сказал он. — И помнишь все. Забывать не дозволено. Я помню слишком многое. О неудачах, смерти, о всяческих мерзостях. Невыносимо!

— Мы в Древнем Египте считали, что душа совершает восхождение от жизни к жизни, проходя через бесчисленный цикл и все более очищаясь.

— Мы не в Древнем Египте и не в Америке, — заметил он. — Мы в самой Преисподней.

Она не ответила ему. С озера донесся восторженный женский вопль. Неистово раскачивался ослепительно-зеленый фонарь.

Наконец, он сказал тяжелым голосом:

— То место охранялось нынче ночью.

— Тиберий очень осторожен, — она махнула рукой в сторону озера. — Даже здесь.

Он уже заметил часовых, расставленных с промежутками вдоль берегов. Наблюдая за ее лицом, он сказал:

— Они находились там не для того, чтобы защищать Тиберия от меня. Они должны были защитить его от Мария. Полагаю, он считает, что Марий больше не надежен.

— Таково и мое заключение, — веско изрекла она. — И этим подтвердила, что целью ее записки Тиберию было отвлечь подозрение от Мария на вновь прибывшего. Она добавила: — К нам приближается Тиберий. Ты мне еще что-то собираешься сказать?

Он повернулся к ней, весь в исступлении:

— Зови своих солдат. Спасайся, если можешь. Похоже, нынче ночью он перебьет всех нас.

— Мои солдаты хорошо обучены и верны. Я приняла кое-какие меры. А, Цезарь, наконец-то. Как очаровательно смотрятся фонари на воде.

Тиберий навис над ними с воспаленным и раздраженным лицом. Тяжелый темный плащ окутывал его от шеи до лодыжек.

— Эти молодые дурни погасят все огни, брызгаясь, как сумасшедшие.

Он поднял свою властную руку и взмахнул ею. У водной кромки часовой прикоснулся пламенем к длинному факелу и, засветив его, стал им размахивать, описывая ослепительные дуги.

— Довольно! Довольно! — прокричал Тиберий. — Ты хочешь выжечь нам глаза? — Он простерся на ближайшем ложе. — Как они могут купаться? Воздух словно лед. Этот плащ слишком легок.

Факельщик погрузил пламя в воду. Оно с шипением угасло. Он быстро отступил на берег, бросив острый внимательный взгляд за спину. Наблюдая за происходящим, Пинкертон почувствовал, что воспоминания замерцали в глубине его я, точно блуждающие огоньки.

Клеопатра сказала Тиберию:

— Поскольку ты позабавил меня фонарями, я принесла несколько огненных безделушечек, чтобы развлечь тебя. — И протянула томную руку к трем грубым мешкам, громоздящимся у самой воды.

— Эти вонючие греческие выдумки. От них столько дыму, что и задохнуться недолго. Фу, мерзость.

— Они совершенно особенные, — возразила Клеопатра.

— Их приготовили в твою честь.

А, стража у Реки, — вспомнилось Пинкертону. Они, как безумные, рванули вверх по берегу, едва поглядели на воду. И его словно окатили холодной водой. Резко выпрямившись на ложе, он искоса поглядел на дальний край озера. Под ослепительным небом на воде точно шкура светилось сероватое пятно. Рябь от плещущихся пловцов тревожила поверхность. Больше ничего.

— ...такая грязь в стойлах, — говорил Тиберий, — что Геркулес отвел реку, чтобы их очистить. Ты знаешь об этом его подвиге. Здесь содержится глубокая мораль. Божественный Август выл от бешенства, когда моя мамаша, эта ведьма Ливия, лезла к нему, чтобы он все это читал и об этом думал. Я тоже выл. Но она не позволяла мне от них отмахиваться.

Со стороны реки по поверхности озера, удлиняясь, побежали тонкие линии. Пинкертон не мог их ясно разглядеть. Его сердце забилось гулко и жестко. Клеопатра игриво полюбопытствовала:

— И какую мораль, мой император, вынудила тебя извлечь отсюда твоя матушка?

На озерной поверхности возникли новые линии. Они быстро распространялись в длину, образовали сеть, и эта сеть подступала все ближе к фонарям на плотах и визжащим пловцам.

А, вот оно что: Тиберий дал знак своим людям открыть шлюз между озером и Рекой. Рыбы-драконы, коварные ночные охотники, целой стаей входили в озеро.

— Мораль очевидна. Что бы ни надлежало очистить, очищай как следует. Используй все необходимое для этой работы и проделай ее основательно, без слабости и сожаления.

— Будь то конюшни или, если продолжить сравнение, империя?

— Верно, — вскричал Тиберий, перекатившись на ложе, чтобы оказаться к ней лицом. Казалось, он любезен и весел.

— Сметай грязь, врагов, осложнения, все двусмысленное одним решающим ударом. Один раз применить насилие сполна менее отвратительно, чем много раз по капле.

Близ золотого фонаря пловец, лениво барахтавшийся на спине, вдруг исчез в чавкнувшей воде. Пинкертон сорвался с ложа.

— Рыба-Дракон? — проревел он.

— А, да, — с удовлетворением произнес Тиберий. — Похоже, они нынче довольно ленивы.

Поверхность озера возмутилась, закачав легкие плоты с огнями. Кто-то исступленно завопил. Вода вспенилась, и скользкая черная масса высунулась на поверхность, а затем с шумом нырнула обратно. Взбаламученная вода забила по пловцам. Их белые руки замолотили по ней. Розовый фонарь взметнулся в воздух и пропал. Раздавались все новые и новые крики, перекрывавшие тяжелые всплески, признаки того, что в толще воды продвигаются какие-то массивные туши. Длинные тела проскальзывали между пляшу-

щими фонарями и темновато светились под звездами. Они бились и метались. И набрасывались на купающихся.

Двое мужчин мощными гребками устремились к берегу. Один исчез в забурлившей воде, и нечто сомкнулось над ним, точно клыкастая пасть. Второй достиг берега. И как только вылез из воды, часовой кинулся вперед и ударил его тупым концом копья. Купальщик рухнул обратно в озеро, и его увлекло под воду, лишь забили в воздухе бледные ноги. Клеопатра сказала:

— Мой император, я не могу понять страсть римлян к зрелищам с убийствами.

— Это возбуждает, — расплылся в улыбке Тиберий. Он стал похож на кота. — Очищение. Восхищение отвагой. Смотри, смотри…

На дальнем берегу преторианцы позади чащи копий гнали остальных гостей Тиберия к воде. Двое воспротивившихся получили уколы остриями и были оттеснены в толпу. Еще один бросился на кремниевый наконечник. Его тело со всплеском упало меж тех, кого уже загнали в озеро. Они вопили и колотили по воде ногами. И повсюду выныривали Рыбы-Драконы, бившие безжалостно и наверняка. Вопли звучали недолго.

— Так много смертей подряд — одно зануд-

ство, — заметила Клеопатра. — Едва ли я могу одобрить твой вкус, Тиберий.

— Не пройтись ли нам по берегу? — спросил он, взмахнув могучей рукой. — Эти рыбы славные убийцы, на них стоит полюбоваться.

— Удовольствие представляется сомнительным. Посиди лучше со мной и порассуждай с присущим тебе очарованием о Риме после Цезаря.

— Я настаиваю на прогулке, — сказал он, и нечто новое возникло у него на лице, исказив его; лицо задрожало, задергалось, поистине ужасно — от уголков рта. Снисходительно тряхнув головой, Клеопатра соскользнула с ложа.

— А, ну что поделаешь… Но доставь мне удовольствие, дозволь гулять с тобой под руку при свете моих хорошеньких огонечков. Я сама их для тебя засвечу. Или я не чту твое величество, Тиберий?

Взяв свечу, она упорхнула к мешкам, выстроенным вдоль края воды. Тиберий обернулся к Пинкертону.

— Присоединяйся. Я не могу пренебречь посланцем восхитительного Канута Датского. — Он с хлопком водрузил мощную руку на плечи детектива, и в этот миг ножны меча, скрытого под

плащом, стукнули американца по ногам. — Тебе по вкусу наше скромное развлечение?

— Боже мой! — вскричал Пинкертон. — Убийцы!

— Надо очистить конюшни, — откликнулся Тиберий, показывая большие квадратные зубы.

И тут вспыхнул яркий свет. Он полыхнул по ним, внезапный, как удар, слишком сильный, чтобы его могли вынести их глаза. От изумления у Тиберия отвисла челюсть. С неожиданным проворством он отскочил от Пинкертона, и одна его рука нырнула под плащ. Клеопатра бежала к ним, защищая голову трепещущей тканью. Вокруг нее каскадом бушевали искры. Позади ее стройного тела подрагивали толстые столбы белого и алого пламени.

— Красиво, правда? — вскричала она, едва дыша.

Со стороны виллы раздались смятенные возгласы и тяжкий топот бегущих. Не сбавляя шагу, Клеопатра выхватила длинный нож и полоснула им Тиберия поперек горла. Неглубоко. Император шарахнулся. Взревев, он вырвал из ножен свой короткий меч. Кровь обрызгала его тогу. Клеопатра снова взмахнула ножом. Удар пришелся по его незащищенному запястью; он отшатнулся, спо-

тыкаясь. Просвистел его меч. Пинкертон сделал шаг вперед и пальнул в голову императора из рогатки. Он промазал, но все-таки его снаряд ударил Тиберия в плечо у самой шеи. Тиберий закачался и едва не выронил меч. Клеопатра бросилась на него с безмятежным лицом и громадными, в черных обводках туши, глазищами. Изящным движением она всадила нож в шею Тиберия сбоку. Безумный вой вырвался изо рта императора. Лезвие, вспоров ему шею слева, нанесло рану, кровавую, но не смертельную. Он рубанул Клеопатру, промахнулся, взял под козырек, защищая глаза от бешеного света. Она метнулась прочь к самому краю озера. Пинкертон дважды пальнул из рогатки в висок императору. Тот ринулся вперед, с неимоверными усилиями держась прямо. Упал на одно колено. Оперся на руку.

Со стороны виллы послышался смятенный рев, крики и резкий звон клинков. Пинкертон увидел толпу солдат, бившихся между собой. Эти вспышки, подумал он, все еще занятый поисками решений, — эти вспышки послужили знаком для людей Клеопатры, которые теперь завязали бой с преторианцами. Его взгляд вновь сосредоточился. К его ужасу, он увидел, что император через силу поднимается. Клеопатра стояла у са-

мой воды, как статуя. И держась за левую руку кистью правой. Сквозь пальцы струилась кровь. Позади нее в неспокойной воде шуршало нечто длинное и черное. Увидев это, Пинкертон нечленораздельно завопил и опять нацелился в голову Тиберия из рогатки. Ничего не произошло. А затем — без всякого соприкосновения, без всякого удара, от которого задрожала бы рука, его оружие раскололось по всей длине. Песок высыпался. Все распалось на кусочки. В пальцах осталось только несколько обмякших клочьев.

Тиберий всадил меч в тело Клеопатры. Она упала набок, ухватившись руками за клинок. Тиберий вырвал меч и упал на колени рядом с ней. И принялся рубить ее яростными ударами, вкладывая в каждый всю силу от плеча. И крякал, словно дрова колол.

Пинкертон побежал вперед. Сомкнул пальцы под императорским подбородком и запрокинул ему голову назад. С мгновение он смотрел сверху в это жуткое, искаженное, окровавленное лицо. А затем сломал Тиберию шею. Немного погодя высвободил бьющееся в конвульсиях тело. Оно лежало, подергиваясь и смердя поверх неподвижной белой массы, которая недавно была Клеопатрой.

Пинкертон зарыдал пересохшим ртом и заставил себя выпрямиться. И можно было подумать, это движение призвало дьявола. Водная поверхность взорвалась у края. Жуткая громадина вздыбилась над водой, блестящая черная башня. Пена брызнула сыщику на лицо. Сквозь пену угадывался нечеткий образ белой, как яйцо, пасти с острыми клыками, устремившейся к нему. В следующий миг он катался и вопил, лягая влажные камни. Поблизости тяжело шлепнулось здоровенное тело, заслонив освещенный двор виллы. В слепом ужасе он пополз прочь. Что-то обхватило его. Он повалился, яростно лягаясь, убежденный, что его настигла все-таки Рыба-Дракон. Но нет, на него навалился какой-то тяжелый человек. Он сопротивлялся.

— Да прекрати ты, — прокричали ему. — Все в порядке.

И перед его взглядом возникло искаженное лицо Мария.

Пинкертон выдохнул:

— Клеопатра, — и попытался вскочить на ноги. Он тут же едва не рухнул снова. Повиснув на шее у Мария, он вприпрыжку засеменил к озеру. Остановился.

На каменных плитах вперед лежал лишь ко-

роткий меч. Тел не осталось. За краем дворика что-то толстое шарило в воде.

— Я не мог прийти вовремя, — объяснил Марий, медленно и неестественным голосом. — Бился с преторианцами. Со своими. Не успел прорубиться.

К ним бежали люди. Обернувшись, они оказались лицом к острым кремниевым наконечникам полудюжины копий. Лица позади древков оцепенели от возбуждения.

Ноги у Пинкертона сделались как ватные. Он почувствовал, что не в состоянии думать. Вновь сплюнув гниль изо рта, он проорал этим рожам:

— Император мертв. Вы ничего не можете изменить.

У них у всех потемнели глаза. Линия копий зашаталась и расстроилась. Пинкертон спросил:

— Чьи вы люди?

— Стражи Клеопатры, господин. Мы явились на световой сигнал, как было приказано. Мы сразу пришли.

Пинкертон произнес:

— Клеопатра мертва. Они оба мертвы. Их уволокла Рыба-Дракон. Любимчики императора вышли из воды и пожрали своего хозяина.

Марий шагнул вперед рядом с Пинкертоном.

Поддерживая американца одной рукой, он прогудел:

— Вы знаете меня, центуриона Мария Домиция, начальника стражи Клеопатры. Все эти месяцы мы защищали ее. И вы, и я. Нынче ночью мы не смогли ее защитить. Ни против Тиберия, ни против его рыбок. Что же, для вас в этом нет позора. Никто не мог бы такое предотвратить. И помните: сегодня ночью вы крепко высекли тибериевых мальчишек. Вы и я, щит к щиту. Вы можете этим гордиться. А теперь надо пойти рассказать обо всем остальным. Мы потеряли императора. И поступим, как принято у солдат в таком скорбном случае: изберем своего императора, и пусть гражданские нас одобрят. Выборы состоятся завтра. Все понятно?

Он хмуро, но с теплотой воззрился на них, и Пинкертон ощутил, как жутко и твердо взыграли мускулы в могучем теле верзилы.

— И давайте вести себя дисциплинированно. Как вы держите оружие? Оно вихляет, точно бедра храмовых шлюх. Пилумы оземь!

Тупые концы древков сухо стукнули о каменные плиты.

— Артелий, отведи их на виллу и там распусти.

Они наблюдали, как солдаты шагают прочь. Когда те были за пределами слышимости, плечи Мария обмякли. Страдание прорвалось в его взгляд. Он жалобно сказал Пинкертону:

— Я любил ее, может, ты это знал, может и нет. Я римлянин, я верен моему императору, и все-таки я любил ее. Ты бы мог примирить одно с другим?

Пинкертон покачал головой.

— Вот и я не мог, — вздохнул Марий. И медленно двинулся прочь. Его шаги застучали через каменный дворик.

Ну вот, — подумал сыщик. — Было у меня два провала, стало три. Голова у него ныла от позора и презрения к себе. Три, чтобы размышлять о них каждые сутки днем и ночью. Три. И невозможно умереть. И невозможно очиститься.

— Я в самом брюхе преисподней, — прошептал он.

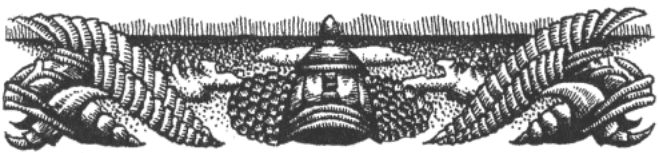
Он нетвердо зашагал к краю дворика. Не обращая внимание на темную воду, он наклонился и поднял меч, валявшийся в луже крови. Снял с заточенного края пучок темных волос, крепко пахнущий сандалом.

— Любовь, — сказал он. — Господи, меня тоже настигла любовь?

Он отшвырнул меч. Задержал ненадолго в руке

душистые волосы, потер их меж пальцами. А затем бросил в озеро — со всего размаху, точно что-то смертельно опасное. После чего повернулся и зашагал в сторону виллы.

Брэд Стрикленд
Медаль героя[39]



Страсть к писанию была сильна во мне, когда я жил, застарелой, когда я умер, и настоятельной после странного пробуждения на берегу Реки, когда вокруг меня оказалось столько моих братьев — и даже аббат. Припоминаю теперь, как, после пробуждения, мы уставились друг на друга и каждый монах хотел, но не смел задать вопрос: это Рай? Или Чистилище? Или…

И все эти странные существа, окружавшие нас, люди с коричневой кожей и лепечущие на иноземном языке, а другие — с желтыми волосами, и произносят слова, которым мы понять почти не можем, и чудные эти грейлстоуны, и все прочее. Отец Лупиан (тот самый, смерть которого я видел

---

[39] Примечания: 39

HERO'S COIN by Brad Strickland Copyright © 1993 by Brad Strickland.

за десять лет до того, как сам я изошел кашлем и помер) взял на себя заботу о нас, помог прийти в себя, устроил так, чтобы восстановить орден, возобновить хронику. Мы еще и крыши-то над головой не имели, а он придумал способ очищать бамбук и обрабатывать волокна, превращая в бумагу, и он обнаружил те рыбьи кости, из которых мы изготовили перья, и ягоды, из которых сделали чернила. Если это Чистилище, он сказал, так давайте искуплять грехи воздаянием хвалы Господу, писанием ради славы Его.

Так шли месяцы, и я, брат Эльфстан, возобновил ту работу, которую делал я на Земле, ту, что отмечает ход времени, увековечивая годы при помощи чернил и пера. Войны пылали вокруг нас, но Братство, будучи бедным и безобидным, переживало бури. Время от времени принимали мы к себе вновь пришедших, мужчин и женщин нашей эпохи из родной нашей страны, и из других. Постепенно научились мы другим способам речи, другим средствам вести Хронику.

И так случилось, что я встретил человека, которому суждено было стать величайшей моей досадой и величайшим мне другом. Однажды утром, перед рассветом, отправился я на Реку удить рыбу, и лежал он там, обнаженный, грааль

у него на запястье, перемещенная душа. Я привел его в чувство, и он заговорил на странно измененном языке, который через тысячу лет после моей эпохи на Земле был английским:

— Что это за место?

Я ему объяснил, где он находится, и рассказал о Братстве. Он кивнул — что, мол, понял, — встал, и мы повернули к монастырю. Отец Лупиан приветствовал незнакомца, предложил ему убежище и материю на кильт и попросил остаться столько, сколько он пожелает. Незнакомец его поблагодарил — на нашем языке, не на эсперанто, хотя акцент у него был иноземный и непривычный. Я проводил его в келью, а после поспешил к молитве.

Позже отец Лупиан отвел меня в сторонку, чтобы спросить:

— Что это за человек?

— Не знаю, отец. Думаю, что он из более позднего времени. Телосложение у него великолепное.

— Верно, но это ничего не доказывает. Как говорит нам писание и как Господь видел и открыл здесь нашим глазам, в древние времена жили на Земле великаны. — Старик — забавно, как даже теперь, когда мы выглядели ровесниками, все монахи считали брата Лупиана стариком, —

вздохнул.

— Наблюдай за ним хорошенько, брат Эльфстан. Что-то в нем мне не нравится.

Я и наблюдал — до такой степени, что стал его другом. Немо — ибо он так и не сообщил нам своего имени, и так уж отец Лупиан начал его называть — Немо, — Немо, как я упоминал, был человеком прекрасного сложения и обладал насмешливыми голубыми глазами. Он с радостью работал наравне с нами, монахами, разделяя с нами наши скромные обязанности по строительству, уборке, расчистке участков, — но никогда к нам не присоединялся в служении Господу. Во время еды он брал из своего грааля ту пищу, которая давалась, а другим предлагал алкоголь, табак и жвачку грез. Пил он умеренно, предпочитал воду вину. И разговаривал сначала редко.

Сначала, повторяю, потому что с течением времени он начал по кусочкам рассказывать мне свою историю, и кусочки эти постепенно у меня в голове стали собираться в мозаику. О своей жизни на Земле он вовсе не говорил, но все вспоминал тот ужасный и странный день, когда проснулся здесь. Он и несколько других людей оказались среди свирепого племени, маори он их называл, которые имели злой умысел против

тех, у кого кожа белая. Он рассказывал о резне, которая началась не так скоро после воскрешения; о том, как он и его товарищи бежали, точно безумные, и о том, как он и несколько остальных, наконец, спаслись.

Такова была поверхностная часть его истории, но под ней я уловил кое-что еще, что происходило. Немо не подчеркивал свою роль в спасении, но я догадался, что он это был, кто разработал план, чтобы их группа сопротивлялась воинам, он это был, кто, наконец, их вывел оттуда, и на него смотрели все как на вождя после.

— И тогда ты их повел? — спросил его я, когда мы работали бок о бок, возводя стену нового спального корпуса.

Немо посмотрел в сторону, и глубокий голос его зазвучал тише:

— Вовсе нет. В ту ночь, когда все спали, я незаметно ушел от них и оставил их с другими вождями. Понимаешь, я ведь не был тем человеком, за которого меня принимали.

Я ждал, чтобы он заговорил о своей смерти и перемещении сюда, потому что большинство людей, которые таким образом нашли путь к монастырю, поступили бы так, от удивления и отчасти от страха. Однако он никогда так и не

упомянул об этом, и по сей день я представления не имею, что за судьба привела его к нашему месту на Реке, догадываюсь только, что она должна была быть очень мучительной и неприятной. Впоследствии он всегда изо всех сил старался не умереть, даже в тех случаях, когда смерть избавила бы его от тяжелого периода или от угнетения.

Более года оставался он в монастыре, тихий и нетребовательный, в глубине души довольный, что помогает нам, и давал нам моментально советы, когда бушевала буря войны между живущими на той стороне Реки, восточным племенем, которое домогалось главенства над нашими соседями вверх по Реке, — а те были волосатым коренастым народом и, казалось, едва ли когда-нибудь привечали у себя хоть одну человеческую душу. Благодаря его вмешательству и его советам, мы были избавлены от сражений, и обе воюющие стороны смотрели на монастырь как на то место, где могли залечивать их раны до тех пор, пока тела их не исцелятся. В конце концов, именно он урезонил обе стороны, именно он сделал так, что война перешла в мирные отношения, которые всем казались справедливыми и продолжались долго.

К тому времени отец Лупиан переменил свое

мнение о Немо.

— Скажи нам, кто ты, — не раз просил его аббат. — Ибо я сердцем чувствую, что ты герой.

— Нет, — твердо возражал Немо, — вовсе не герой. Пусть имя, которое вы мне дали, будет моей полной историей.

Не раз я слышал об этом изменении, или о его вариантах. Когда еретики из числа тех, кому давался Второй Шанс, переходили в другую веру, иные из наших братьев поддавались их речам и следовали за ними, но Немо отказывался это делать. И я вместе с ним. Ибо к этому времени я решил, что старая вера не содержит истины, по крайней мере, относительно жизни после смерти. Здесь был не Рай, не Ад и не Чистилище. Просто это место было, и мы вместе с ним. И все-таки трудно уничтожить старые привычки, так что я вместе с остальными оставался верен нашим формам поклонения Богу.

По крайней мере, до тех пор, пока однажды отец Лупиан не собрал вместе все братство и не рассказал, что ему было видение во сне.

— Благословенны мы за пределами всякого воображения, — сказал он нам. — Ибо было мне откровение Господа нашего, и поведал Он мне, кто есть наш миротворец, и открыл мне имя

нашего Немо. Он не молится с нами, потому что у него нет нужды молиться, как делают грешники. Немо — это сам благословенный Святой Петр, камень, на котором построена была Святая Церковь.

Некоторые ему поверили, но когда Немо почувствовал их изменившееся по отношению к нему поведение, он стал что-то подозревать. Когда же, наконец, услышал он эту историю, он рассердился, хотя слишком многие братья слишком твердо придерживались мнения о нем, чтобы можно было это отрицать с прочным успехом. В течение дня Немо оставил обитель. Чувствуя себя лучше с ним, чем со своими прежними братьями, я ушел с ним.

— Вовсе я не Святой Петр, — жаловался он мне после многих дней пути. — И вообще — никакой я не герой. Почему люди не могут этого понять?

— Людям нужны герои, — объяснил я ему. И добавил, немного помолчав: — Я сам видел короля Альфреда, позднее прозванного Великим, когда я еще жил на Земле.

— И он был героем? — спросил мой товарищ с горькой улыбкой.

Я хорошо запомнил этот день. Было мне пятнадцать лет, и я недавно пришел в монастырь,

так как мои родители решили, что младший сын среди стольких детей, безусловно, предназначен для священного сана. Король пришел вместе с отцом Лупианом, а мы, все остальные, стояли, выстроенные в ряды, солдаты армии Господней. Я задрожал, когда король приблизился ко мне. Он улыбнулся и дотронулся до моего плеча.

— Короли не кусаются, мальчик, — сказал он и пошел дальше…

— Нет, — медленно ответил я своему товарищу. — Он был человеком.

— Это то, о чем в этом месте все забывают, — буркнул Немо.

На следующий день мы двинулись дальше.

Я мог бы рассказать длинное повествование о нашем путешествии, о временах, когда оба мы имели склонность ссориться, о женщинах, которые чуть ли не оттеснили меня, следуя за этим человеком, этим героем, который отрицал свои достоинства. Наши странствия продолжались много лет и привели нас ко многим переменам. Мы повидали те части Реки, где для людей работали огнедышащие машины, и те части, где обитали волосатые великаны, — так же, как жили они за много лет до цивилизации. Мы наблюдали войны — и мирные королевства. Мы задерживались в

одних местах и спешили пройти через другие. И героев мы встречали — десятками, сотнями.

В каком-то месте, разорванном войной на четыре лагеря, мы видели человека по имени Шерман, который собрал вокруг себя других людей своей эпохи, они объединились в армию и, казалось, преклоняются перед разрушением ради него самого. Он взял нас в плен и держал в тюрьме до тех пор, пока Немо не разработал для него стратегию, из-за которой два лагеря его противников начали воевать друг против друга и предоставили Шерману успешно разделаться с третьей стороной. К тому времени, как он нас освободил, два враждебных ему военных лагеря настолько истощили силы друг друга, что Шерман восторжествовал над всеми.

— Вы, должно быть, генерал Ли, — настаивал Шерман.

— На вид вы на него не похожи, но, клянусь Богом, вы, наверное, генерал Ли.

— Я никто, — возразил Немо, и, купив себе свободу ценой страданий и смерти сотен, мы отправились дальше.

Мы пришли в бедную местность на одном из речных островов, в место, часто страдавшее от Речных пиратов, бравших в плен многих здеш-

них мужчин и женщин. Там провели мы два земных года, и Немо сделал гениальное и простое изобретение, которое переменило способ жизни островитян. Он заметил, что течение Реки расщепляется, на одной стороне острова оно сильнее, чем на другой. Он научил островитян сплести прочные сети из речных водорослей, и в них ловили не рыбу, а сокровища. Потому что к этому времени движение по Реке стало постоянным, и каждый день приносил вести или слухи о новых крушениях, новых потерях. Редко сети не ловили что-нибудь ценное: металл, оружие, свободные Граали. Благодаря обмену и планам, островитяне стали достаточно сильными, чтобы защищать себя, и наступил, наконец, день, когда они предложили Немо стать королем острова.

— Потому что, — утверждали он, — ты, безусловно, сам Архимед.

Так что мы двинулись дальше.

Одно время мы плыли на большом речном судне, двигавшемся при помощи пара, заплатив за проезд своим трудом, и там мы встретили человека по имени Клеменс, который, вроде был отличался горечью суждений и кислым юмором. Мы познакомились с женщиной, которая клялась, что она Клеопатра, и с другой, которая

утверждала, что она Гвиневера. Обе были просто женщины, и ничего более. Однажды нам встретилась страстная черноволосая женщина, которая расхохоталась, когда услышала имя моего друга.

— Я — Никто, — объяснила она. — А вы кто?

Ее звали Эмилия, и несколько месяцев она и Немо были любовниками; а потом в стычке с пиратами она погибла, а Немо спасся, и я тоже. Немо искал ее, зная, что где-то на Реке она должна возродиться, но Река очень длинная, и мы ее больше так и не нашли.

Пока мы странствовали, наступали перемены, как казалось, все быстрее и быстрее. Воздух стал наполняться коммерцией, как и сама Река; над нами пролетали воздушные шары, дирижабли и летающие аппараты, они добирались до среднего слоя атмосферы и падали, как погрузневшие ангелы. Мы познакомились с человеком по имени Линдберг, который мечтал пролететь вокруг всего мира на одном из этих сооружений, — я подумал, что он одержим каким-то видом сумасшествия.

И после каждой встречи, после знакомства с каждым новым героем, Немо меня спрашивал, получил ли я урок. Я всегда ему отвечал, что нет. Он хотел, чтобы я признал, что не бывает никаких

героев, что есть только мужчины и женщины, а некоторые из них выполняют больше других, но в душе они такие же. Я не мог этого признать, потому что, в конце концов, мы повстречали всего несколько сотен так называемых героев, и, хотя на деле все они оказались обыкновенными смертными, это может и не быть правдой касательно остальных. Мы некоторое время провели среди людей Второй Попытки, в одном из тех мест, где они собираются, и они пытались убедить Немо в том, что все мужчины и женщины потенциальные герои, что наша надежда на спасение лежит в совершенствовании себя в этом существовании. Он вежливо их выслушивал, помогал в том, в чем мог, и шел дальше.

А я? Сказать по правде, давным-давно, во время моей жизни на Земле, я потерял основы своей веры, хотя даже здесь я продолжал соблюдать ее формальности. Возможно, я молился пустым небесам, но ведь — кто знает? И хотя вера моя умерла, каким-то странным образом, она осталась, даже если я стал веровать только в саму веру, а не в Бога.

Так наступило время, когда преображения прекратились, когда воскрешения перестали совершаться. Тревога и страх бежали вниз и вверх

по Реке, а войны — которые, как предполагалось, должны закончиться теперь, когда Смерть была постоянной, — разражались снова, с новой злобой, с новым насилием. И тогда, всего три недели тому назад, мы попали в руки того, кто называет себя Иудой Ужасным, который слышал о нашем грядущем приходе и который посадил нас вместе в каменную камеру. Он подверг Немо страшному допросу, когда он вернул моего друга в нашу камеру, Немо был сломлен телом.

— Он считает меня человеком, способным делать чудеса, — пробормотал Немо. — Он верит, что я могу дать ему оружие, с помощью которого он завоюет весь Мир Реки.

И, как часто бывало на Земле, я ухаживал за больным и выслушивал исповедь. Немо во время наших странствий завоевал определенную репутацию, репутацию выдумщика и изобретателя, советчика и мудреца. Как многие обладающие властью и малым умом люди, Иуда считал, что один золотой ключик открывает секрет подавления других, и в моем друге он видел этот ключик. Трижды пытал он Немо, и каждый раз мой друг возвращался все слабее. Это утро было последним. Я видел, как во дворе, на глазах у хмурого смуглого Иуды, голову Немо отделили от тела.

Два стражника, которые вели меня назад в камеру, по пути заговорили со мной, спрашивая меня, вознесется ли Немо.

— Нет, — отвечал я печально.

— Да, вознесется, — настаивал один из стражников. — Иди быстрей, Эльфстан, Друг Героя, и, когда ты заговоришь с ним в своих молитвах, замолви словечко за стражников, которые освободили тебя.

И вот я здесь, в печальной ночи, еду вниз по Реке на торговом судне и пишу эти строки в память друга. Люди уже обращались со мной с заметным ужасом, а некоторые шептали, что Немо был сам Мессия.

Не был он Мессией.

В последние свои наполненные болью часы Немо рассказал мне свою земную историю. Жил он в двадцатом столетии от рождения Спасителя Нашего, в одном из городов Нового Света, и был он — ночным сторожем. Прожил он шестьдесят четыре года и умер от сердечного приступа, один, поздно ночью, в библиотеке, где работал. Два года, рассказывал он, служил он солдатом на великой войне; а после сорок лет он охранял по ночам библиотеку — и читал. И это чтение, говорил он мне, убедило его, что в конце не было никаких

героев, просто мужчины и женщины, которые делают все, что в их силах, чтобы встретить свои трудности и пережить их. Его чтение дало ему знания многих языков и многих изобретений, и это знание сопровождало его в Мире Реки, где он достиг славы и окончания своей судьбы.

Возможно, он был прав насчет себя самого, и возможно, был он при всем при том, самый обыкновенный смертный. Но здесь, в Мире Реки, его имя окружено величием, и боюсь я, что люди ждут от меня, чтобы я написал его евангелие. Так каков же должен быть его девиз? Что все мы обыкновенные, даже те, кого мы называем по ошибке «великими»? Или напротив, что все мы необычны, даже те, кого мы считаем ничтожными и низкими?

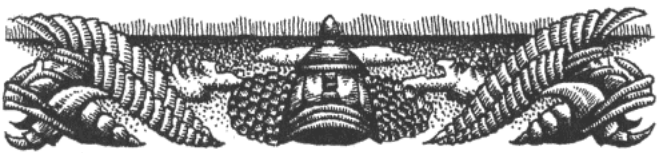
Потому что, как и героизм, вера — медаль о двух сторонах. Да поможет мне Бог, в которого я больше не верю, да поможет он всем нам. Все мы потом придем к этому кону, который теперь ожидает нас, и что бы там ни было, уничтожение или преображение, для меня оно не может наступить слишком рано. Я его приветствую, что бы я там ни нашел.

А что до Немо, настоящее имя которого я теперь пишу впервые, да станут его сомнение и его вера,

которые две стороны одной и той же медали, тоже моими. Прощай же, Джон Адамс Смит, и requiescat in pace[40].

[40] Примечания: 40
Покойся с миром *(лат.)*

Джон Грегори Бетанкур
Дух человека, дух жука[41]



Когда я пробудился у кромки воды, я был нагим, точно зверь. Полированная палка, толщиной в мою ногу, деревянная — хотя я не мог бы сказать, из какого она дерева, свисала с моего запястья, держась на тонком шнуре. Я отбросил ее и вскочил на ноги, издав крик тревоги:

— Ай-яй-яй-яй-яй…

Звук поплыл, будто напев, наполнив воздух, и, стоя на месте, я чувствовал запах своего пота, выступавшего, точно звериный.

— Ай-яй-яй-яй-яй…

Я должен был очутиться в мире духов, ибо ясно помнил свою смерть. Я до сих пор слышал, как

---

[41] Примечания: 41

human SPIRIT, BEETLE SPIRIT by John Gregory Betancourt Copyright © 1993 by John Gregory Betancourt.

шаман нашего племени ноет надо мной, пытаясь изгнать болезнь из моего тела. Я помнил боль в кишках, острую, как нож, и помнил жар, из-за которого мир казался мне подобным дереву в бурю.

— Нгосок, — прошептал я с последним вздохом, назвав человека, который меня околдовал. Почему я здесь? Какой дух или бог наказал меня? Или я назвал не того человека — и Нгосок невиновен? Я крепко зажмурил глаза и закусил губу, пока не ощутил на языке сладкую и теплую кровь. Духи, летите прочь, прочь, прочь!

Крики страха постепенно замерли. Я открыл глаза, но ничто не изменилось. Все, кто был на берегу Реки, озирались с испугом, даже с отчаянием. Некоторые сделали наугад по несколько шагов туда или сюда; откуда-то издали раздался женский вопль, он все не умолкал, не умолкал, не умолкал.

Среди всех, кто был вокруг, я стоял ближе прочих к воде. Я подбежал к ней, сел на корточки и поглядел на свое отражение. Невероятный ужас. Я всегда знал, что человека отличают от зверя по том, что его украшает: татуировка на щеках и веках, раскраска на груди и руках. Все, кто пробудился со мной, выглядели достаточно похожими на людей, с темно-бурой, как у меня,

кожей, широкими скулами, плоскими носами — но были совершенно безволосыми, с головы и до промежности. И теперь, глядя на свое отражение, я коснулся собственного голого черепа, ощутил пустоту подмышками, опустил взгляд на свои безволосые детородные части. Я был гладок, точно новорожденный, и моя крайняя плоть оказалась отрезана, так что виднелся мой член: розовый, ничем не прикрытый. Хуже того, сотни татуировок которыми я так тщательно украшал свое тело в течение пятидесяти восьми лет жизни, исчезли.

Я с трудом узнавал себя. Кто со мной пошутил? Какой дух на такое способен? Наверняка это Змей Глаха, подумал я, встав, он — известный плут. А кто еще мог бы разбудить меня в ином мире подобным образом? Или, возможно, это испытание? Жук Кокоти всегда испытывал нас, пытаясь доказать, что человек не лучше, чем обезьяны на деревьях.

Хмурясь, я зашагал против течения, пытаясь понять, где я, мои босые ноги шлепали по отмелям, и серебристые рыбки метались прочь. Свободное пространство, наверное, двадцать шагов в длину, раскинулось между Рекой и огромным полем травы высотой по грудь. Мы все пробудились на

берегу Реки. Далеко-далеко за травами виднелись холмы, усеянные деревьями. А впереди я приметил рощу старого толстого бамбука, которая доходила почти до самой воды.

Если это какое-то испытание, устроенное духами, я его выдержу, — решил я. Я провел две сотни человек, мужчин, женщин и детей моей деревни через тридцать три поры дождей, и знал повадки духов не хуже, чем наши племенные старейшины.

Я ходил вместе с духами растений и животных более сотни раз. Они хитрецы, эти духи: иногда игривы, иногда суровы, иной раз помогут, иной — нет… Но они никогда ничего не делают без причины. И моя задача — открыть причину, если я смогу. От того, способствовал я возникновению причины или препятствовал, зависит, насколько она согласна с моими желаниями. Здесь, в мире духов, лишь одно можно знать наверняка: я мало на что могу положиться, кроме моего разума.

Несколько ветвей толщиной с большой палец омывались водой Реки. Я подобрал их по одной и проверил на прочность. Две первые со щелчком раскололись. Третья оказалась твердой, точно закаленный огнем дуб, и конец ее был достаточно острым, чтобы копать. Я быстро очистил ее от

листьев.

Если человек не зверь, он должен доказать это, украсив себя. И я определил свою первую цель так: украситься. Сойдет и раскраска, поскольку у меня не имелось ни туши, ни костяных игл для татуировки.

В двадцати шагах от бамбуковых зарослей я нашел место, где Река более глубоко врезалась в берег. Я осторожно вступил в воду и зашел туда, где мне было по колени. Пальцы моих ног, согнувшись, погрузились в теплую мягкую гущу речного дна, ища раковины или камушки, но не находя. Место показалось удачным, и я копал острым концом палки, пока не достиг глины в нескольких пядях внизу. Когда я накопал горсточку и поднял ее на свет, оказалось, что она бледно-серая, почти белая. Я с сомнением помял ее пальцами. Грубая, легко крошится, но сойдет, за неимением лучшей.

Я плюнул в нее и стал разминать, пока не получил вещество нужной мягкости, после чего нанес круги и прямые линии на щеки и на нос. Затем провел по четыре прямые линии — знак воина — на груди и на руках.

Разрисованный, больше не выглядящий подобием зверя, я побрел было к берегу и вдруг

остановился. Толпа темнокожих и безволосых мужчин и женщин — не меньше, чем население целой деревни — стояла у воды, наблюдая за мной.

— Где мы? — спросил один. Выговор у него был чудной, он так коверкал слова, что их едва ли можно было понять, и все-таки я их разобрал. Он был рослый, широкий в плечах, со взглядом воина, и сразу же понравился мне: это хороший человек, подсказало мне что-то внутри меня.

— Это, конечно, мир духов. — ответил ему я. — Нас испытывают.

Некоторые из женщин закричали. Я сурово поглядел на них, и они затихли.

— Я Хьюйан сын Йагны, — объявил я им всем, — глава Мобоаси.

— Ты лжешь! — возразила одна женщина, выйдя вперед. — Я знала Хьюйана. Он был стариком!

Я оглядел ее с головы до пят и, хотя она была тонкой, точно угорь и на двадцать лет моложе, чем когда я видел ее в последний раз, я внезапно понял, кто это.

— Марага, — сказал я ей, — твой брат Кианано был моим лучшим другом с самого детства. Твой муж Котаби вместе со мной двенадцать раз ходил в набеги на Ономи. Я Хьюйан. Или ты не узнаешь

меня?

Она сощурилась, затем сказала:

— Ты слишком молод и красив. Хьюйан был стар и весь в шрамах, когда умер.

— Мое тело сотворено заново, — ответил я. — Духи сделали это со всеми нами. В том числе и с тобой.

Воин, который заговорил со мной первым, все время кивал своей безволосой головой.

— Я слышал о Мобоаси, — медленно произнес он. — Говорили, что они свирепые враги и великодушные друзья.

— Это правда, — согласился я.

— Я Зона из Аваи, сорок лет — охотник.

— Сорок? — усмехнулся я. — Да ты совсем юнец, едва ли мужчина.

— Похоже, духи нас всех изменили, — заметил он. И простер руки к небесам. — Благодарю вас, духи, за то, что опять сделали меня молодым!

Кто-то вскричал:

— Это верно. Я видел сорок пять весен, пока не умер.

Кто-то другой:

— А я видел пятьдесят две!

— Если мы все здесь, — сказал я, — это должно быть по какой-то причине.

Все стоявшие на берегу одобрительно загудели.

— Мы должны построить деревню, — продолжал я, — и установить эту причину. Только тогда духи будут довольны.

Марага продолжала изучать меня.

— Ты говоришь, как говорил Хыойан, — согласилась она. — Его душа пылает внутри тебя; я вижу это в твоих глазах.

— Иди помоги мне, Марата, — попросил я ее. Наклонившись, я накопал горсть глины и протянул ей. — Мы люди, а не звери. Мы должны раскраситься, а затем надо выстроить деревню.

Марага побрела ко мне по воде, взяла глину у меня из руки и, как старшая женщина, начала отдавать приказы женщинам и девушкам, наблюдавшим с берега. К моему изумлению, никто не спорил: они все ждали, когда кто-то возглавит их, как догадался я. Несколько девушек побежало принести листья с деревьев, а другие стали шарить в высокой, по грудь, траве, ища личинок и ягоды, чтобы, смешав их с глиной, изготовить разные краски. Зона подошел ко мне и стал копать глину голыми руками. Когда еще с дюжину мужчин вступило в Реку, чтобы помочь, я вручил свою палку Зоне, чтобы он копал для

них для всех.

— Ты будешь моей правой рукой, — шепнул я ему на ухо. — Набери достаточно глины, чтобы раскрасить каждого мужчину, женщину и ребенка, а затем подойди ко мне у деревьев. Мы выберем место для нашего поселения.

Он кивнул и принялся за работу, мускулы на его склоненной спине заиграли, точно ветер заколыхал траву. Пока я наблюдал, пот начал выступать каплями на его лбу и верхней губе. Он был очень сильный.

Я выбрался на берег и двинулся к мужчинам, которые застряли сзади. Их было двадцать или тридцать, некоторые — на вид — мальчики лет восьми-десяти… некоторые — такие ж, каким теперь стал я.

Нехотя, как мне показалось, они приблизились. Я увидел страх и смятение в их глазах, и понял, что это люди, которым нужен сильный вождь, их требовалось возглавить.

— Вы будете нашими охотниками и воинами, — сказал я им. У меня в руках еще оставалось немного глины, и я использовал ее, чтобы начертить им круги под глазами и линии вниз от переносицы. Зона послал мальчика, который принес мне еще глины, когда она у меня кон-

чилась, и мне удалось раскрасить их всех, не прерываясь. Не такие уж и яркие вышли следы, но теперь сразу стало видно, что это — мужчины из рода людского.

— Вы должны сделать копья из бамбука, — велел им я.

— Жизнь деревни зависит от вас и от той добычи, которую вы принесете. Пока вы охотитесь, мы построим дома. Вернитесь до темноты. А теперь ступайте!

Они похлопали себя по груди и бегом побежали к бамбуку. Мой взгляд задержался на последнем, долговязом юноше лет двадцати двух-двадцати трех, лысом, как и прочие, но с сердитым блеском в темно-карих глазах. Что-то знакомое было в том, как он двигался, и я почувствовал отчетливое беспокойство. Не встречал ли я его в нашем прежнем мире? Я нахмурился. Если да, то мы наверняка были врагами — пожалуй, как я подумал, лучше не поворачиваться к нему спиной.

Как глава своей деревни в течение тридцати трех лет, я был хорошо знаком с такой опасностью, как измена. Многие говорили против меня в те годы, но мой язык был по-обезьяньи гибок и проворен. Я мог переговорить любого в деревне, так вески и убедительны были мои доводы.

Крепкий руками и острый взглядом, я принял плащ из перьев на двадцать пятом году и привел мой народ к вершине его могущества. Бесстрашие отличало Мобоаси под моим предводительством, и враги немало боялись его. То, что вождем был я, помогло нам отнять новые охотничьи угодья у Гонаки и Аколоа. Благодаря мне, как вождю, мы похитили каноэ и женщин у презренных Моуандо и навеки увели их из той вонючей деревни. Духи улыбались мне, когда я предводительствовал Мобоаси, и к моему смертному часу имя Хьюйана жило уже во многих песнях и сказаниях.

Когда я остановился наверху береговой кручи, я заметил другую толпу безволосых мужчин и женщин, собравшихся слева от меня. Они был не темнокожими, а белыми, точно мякоть кокоса.

Это что, духи? — подумал я. Не могут ли это быть те самые духи, которые нас сюда принесли?

Они все стояли вокруг чудного дерева, не похожего ни на одно, какое я видел раньше. Сверху оно было серебряным, точно рыбья чешуя, но не таким сияющим. Низкое, но широкое: вершина его занимала пространство, которого хватило бы для целой деревни; и в нем имелись отверстия, прорубленные глубоко в серебряной оболочке. Ствол был маленьким, и едва ли казался доста-

точно крепким, чтобы его поддержать.

Некоторые из белокожих карабкались по его слегка наклонной поверхности, просовывали руки в дыры. Как и у моего народа, у них были странные деревянные палки, привязанные веревочками к рукам. Пока я наблюдал, сперва один из них, а затем другой вставили свои палки в дерево. Палки, похоже, очень легко и естественно туда вошли.

— А, — сказал я себе, — для этого-то палки и предназначены. Но зачем требуется вставлять их в отверстия? Это показалось мне лишенным смысла.

Возможно, духи, которые привели нас сюда, помогут обнаружить предназначение этого дерева позднее? На миг я пожалел, что отбросил свою палку, но затем понял, что она все еще должна быть там, где осталась лежать… В конце концов, кто ее заберет?

Проглотив комок, я набрался храбрости, чтобы заговорить с белокожими духами или призраками, или кто они еще были. Пока я шел к ним, некоторые заметили меня и стали указывать другим, лопоча резко и заунывно на язык, которого я не понимал. Казалось, они возбуждены тем, что видят меня и не то чтобы недружелюбны.

Остановившись в двадцати шагах от них, я стал их изучать. Хотя кожа у них была белой, они не выглядели, точно призраки: лица их казались странно резкими, а носы выдавались слишком далеко. Судя по всему, они также были смущены не меньше, чем мой народ. А что если и они — из какого-нибудь далекого племени?

Я стал очень медленно приближаться, раскрыв руки ладонями вверх, чтобы показать, что не имею недоброго умысла. У белокожих не было ни копий, ни ножей, насколько я мог видеть, но они бы могли бросать в меня камни или пустить в ход руки… или даже воспользоваться для драки этими палками, привязанными к их запястьям. Возможно, некоторые из них говорят на моем языке, — подумал я. Возможно, они в состоянии объяснить, для чего духи доставили всех нас сюда.

Их глава и те, кто, наверное, были двумя из его копьеносцев, хотя у них не имелось копий, вышли вперед, чтобы со мной поговорить. У главы был огромный носище — я пытался на него пялиться, но этот носище торчал в мою сторону, точно указывающий палец — а глаза были голубые как мелкая лужица. Бледные красновато-бурые пятнышки покрывали его плечи. Честное

слово, никогда не видел никого похожего.

— Хэйтейр, — сказал он мне низким спокойным голосом. Осторожно выставил вперед ладонь и, когда я поглядел на нее, он медленно потянулся, взял мою правую руку в свою и подвигал обеими вверх-вниз, прежде чем выпустил мою руку.

— Я Хыойан из Мобоаси, — сказал я.

Он покачал головой и коснулся своей груди.

— Уильям Берд, — сказал он. — Берд. Сахви? Берд.

— Бьерд, повторил я, торжественно кивая. На это меня хватило. Я указал на себя. — Хьюйан.

— Хи-уээ-ан, — повторил он.

Я улыбнулся, и он улыбнулся в ответ. Я указал на странное дерево.

— Его сюда послали духи? — спросил я.

Он покачал головой и произнес что-то непонятное. Я тоже покачал головой. Нам предстояло обучить его нашему языку, если мы вообще собираемся чего-то добиться. И все-таки он явно был предводителем этих странных белокожих людей, поскольку вышел поговорить со мной, и я решил выказать ему всю учтивость, какой требовало его положение. Он мог бы стать ценным союзником в случае нападения другого племени или диких зверей, как подумал я. Если окажется, что эти

люди опасны, мы всегда сможем их прогнать.

Он указал на человека слева от меня, такого же белокожего и с таким же большим носом, хотя глаза у него были цвета перезрелых бананов.

— Карвар. — Затем указал на человека справ от меня, который был ниже и тоньше, с глазами, такими же темными, как мои. — Шэй, — сказал Берд.

— Карвар, Шэй, — повторил я, кивая, и двое белокожих кивнули в ответ.

— Идем, — сказал я Берду. Я указал на тот участок Реки, где Зона все еще копал глину, чтобы женщины ее месили. Я сделал шаг к Реке, — идем, Берд.

Кажется, он понял, чего я хочу; он отвернулся и быстро переговорил со своим Карваром, и Карвар повернул и заспешил назад, дабы встать у странного серебряного дерева.

Берд сделал три шага в сторону Зоны и вопросительно посмотрел на меня. Я подтянулся к нему, и мы зашагали бок о бок, как равные, а копьеносец по имени Шэй следовал за нами. Пока мы шли, я указал сперва на небо, назвав его, затем на Реку, затем на траву и деревья. Всякий раз Берд старательно повторял, что говорил я. Его готовность учиться была хорошим знаком, как я

решил, и сулила хорошее будущее обеим нашим деревням. Он станет говорить на моем языке, как разумный человек, через несколько лун. Когда мы приблизились, Зона и другие мужчины прекратили работу и настороженно уставились на нас. В глазах Зоны, как мне подумалось, что-то мелькнуло: он уже видал прежде таких, как Берд. Мы с Бердом остановились на берегу.

— Это мой друг Берд, — сказал я громко. — Он глава белокожих людей выше по Реке. — Я указал на чудное дерево. — Другого человека зовут Шэй, и он копьеносец Берда.

Зона приблизился, выйдя из Реки.

— Мы не должны иметь ничего общего с белокожими людьми, — сказал он негромко, но веско. — Они опасны.

— Почему? — спросил я, тоже понизив голос.

— Я видал прежде белокожих, вроде Берда. Они поселились в лесу недалеко от моей деревни. И все время — бол-бол-бол о своей белой богине, Деве Марии, и заставляли нас почитать ее как главу всех духов. — Он сплюнул. — Они дарили нам подарки, чтобы мы почитали Деву Марию: ножи с лезвиями, которые сверкали, как солнце, яркие бусы, ткани, вроде тех, что носили они; миски и чаши, которые не бьются.

— Ты говоришь на их языке? — спросил я.

— Совсем чуть-чуть. Хотя, на нем могут говорить и другие здесь. Очень много людей стало почитать Деву Марию и жило при белокожих, как их рабы.

Я нахмурился. Вот уж действительно, скверные новости: вместо друзей и вероятных союзников я впустил к нам пауков. Уголком глаза я изучал Берда, который глазел на мужчин, копающих глину, с непроницаемым лицом. Кого он видел в нас… рабов? Союзников? Нечто совершенно иное?

— Мы должны держаться от них подальше, — решил я.

Зона кивнул.

— Это мудро.

— Если только, — продолжал я, — они не согласятся присоединиться к нам и жить по-нашему среди нас.

— Не согласятся, — заявил он.

— Посмотрим.

Прочие глинокопатели ушли обратно вываливать глину на Речной берег, пока мы беседовали, а Марага и большинство других женщин возвращались, завершив поиски с годными для краски ягодами и листьями. Женщины сели и начали возиться с глиной. Некоторые жевали ягоды и

листья, сплевывая их, когда образовывалась мякоть; некоторые толкли личинок и насекомых бамбуковыми палками. Сама Марага смешивала ягоды, листья, насекомых и глину умелыми пальцами, занявшись сперва красной и синей, а затем зеленой и желтой красками, которые выложила на более широкие зеленые листья.

Я подвел Берда и его копьеносца к женщинам, сел на корточки и знаком попросил присесть Берда. После краткого колебания, он послушался, а за ним — и его копьеносец.

Большим и указательным пальцами каждой руки я взял красную и синюю краски и стал рисовать круги и линии на щеках Берда, его руках и груди. Он не шевелился, пока я не закончил, а затем только один раз кивнул.

Правда, когда я двинулся к его копьеносцу, тот вскочил и сжал руки в кулаки. Затем разразился какими-то сердитыми словами. Я вытаращился на него в растерянности. Или он не хочет опять стать человеком?

Я поглядел на Берда, и Берд сурово заговорил со своим копьеносцем. Тот покачал головой, отступил на шаг и встал, словно готовясь обороняться. Одна из женщин, почти девочка, в сущности, с крохотными, едва набухшими грудями и узкими

бедрами, — возможно, год, как пережившая первое кровотечение, после которого посвящают в женщины, — подалась вперед и встретилась со мной взглядом.

— Прости за то, что вмешиваюсь, вождь, — сказала она, опустив, как подобает, глаза. — Но белый человек говорит: «Эй, ты, дикарь, прочь от меня свои грязные руки».

— Ты понимаешь их речь? — спросил я.

— Да, вождь.

— Как тебя зовут?

— Нону, вождь.

— Подойди и сядь рядом со мной. — Она подошла и села на корточки, все еще глядя в землю. — Как ты выучила язык белокожих?

— Я родилась в их убежище.

Это слово ничего для меня не значило. Должно быть, они так называют свое поселение, решил я.

— Вот что ты ему скажешь, — произнес я. — Если он не зверь, он должен раскраситься, чтобы доказать это. А если он зверь, он должен уйти.

Она произнесла несколько слов, и я видел, как лицо шея становится красным, точно солнце на закате. Он что-то прорычал Берду, повернул и подался прочь к странному серебряному дереву.

Я хмыкнул ему в спину, затем плюнул ему вслед. Зверь… Что за копьеносцев избрал себе Берд? Они будут бесполезны в бою, если настолько не привыкли к послушанию. Берд сказал мне что-то, и Нону перевела:

— Ты знаешь, что с нами случилось?

— Мы в мире духов, — ответил я, и дальше, с помощью переводившей Нону, мы умудрились более-менее поговорить. Берд и большинство остальных белокожих, как выяснилось, были из деревни далеко к востоку от нашей, из места, называвшегося Новая Зеландия. Это название ничего для меня не значило. Он тоже решил, что нас перенесли сюда боги — и главного из них он называл Иисус, — но с какой целью, он не знал.

Судя по всему, наши мысли во многом совпадали. Когда я поведал ему о своем намерении построить обнесенную стеной деревню, он согласился, что это хорошая мысль: никто из нас не знал, какие звери разгуливают в ближайшем лесу. Он предложил помощь белокожих, и я ее принял. Любой из белокожих сможет жить в нашей деревне, как пообещал я, если только они выучат наш язык, украсятся, как подобает человеку и признают меня главой. Он быстро согласился.

— Я скажу моим людям, — ответил он. Поднявшись, он отошел, пятясь, затем повернулся и побрел к странному серебряному дереву.

— Следуй за ним, — шепнул я Нону. — Послушай все, что они скажут, затем вернись и передай мне.

— Да, вождь, — сказала она и вступила на четвереньках в траву, высотой по грудь. Я увидел, как шелохнулось несколько стеблей, затем Нону исчезла.

Марага встала передо мной на колени. Ягодным соком она окрасила несколько стебельков травы в красный и синий и, пока я смотрел, переплела эти стебельки вокруг моего предплечья. Я был первый, кто здесь раскрасился; теперь я стал первым, кто носил знак храбрости.

— Ты это хорошо сделала, — заметил я, изучая ее работу.

— Моего мужа здесь нет, — проговорила она. — Мне нужен мужчина, чтобы я заботилась о нем, а он бы меня защищал. Я умею усердно работать, Хьюйан, как ты знаешь.

— Да, знаю, — ответил я, озадаченный.

— Сделай меня своей женой, — попросила она. — Мы оба достаточно стары, чтобы не играть в какие-либо обряды. Мы нужны друг другу.

— А как насчет того, что твой муж Котаби был моим лучшим другом? — спросил я. — Могу ли я украсть жену у лучшего друга?

— Котаби умер через год после тебя. Он не возродился в мире духов: я его искала. Таким образом, почему бы тебе не взять меня в жены?

Ее слова показались мне здравыми.

— Да будет так, — произнеся. — Отныне ты моя жена.

— А ты мой муж.

Я наклонил голову, и такова была наша свадьба. Следующий час мы потратили на то, чтобы украситься. Марага разрисовала мне голову и спину; я разрисовал ее. Вокруг тем же самым занимались сто двадцать два жителя моей новой деревни.

Нону вернулась так же тихо, как и ушла, и немедленно явилась, чтобы сообщить все мне. Она сделала все, как было велено, сказала она, и пробиралась в траве, пока не оказалась на расстоянии плевка от Берда и прочих белых. Ни один из них даже не взглянул туда, где она пряталась. Пока она сидела передо мной, рассказывая, что услышала, Марага принялась рисовать красные и синие круги на ее лице, шее и голове.

— Берд передал им твое предложение, — сообщила Нону, и они об этом много спорили. Их

женщины и мужчины не хотели раскрашиваться, правда, вождь, у них нет такого обычая! Но Берд убеждал их, что им нужна наша защита от зверей. «От каких зверей?» — полюбопытствовал кто-то. Они не видели ни одного, не считая нескольких крыс, шмыгавших в траве, и один из мужчин поймал рыбу. Большинство их решило не приходить. Берд и несколько мужчин хотят присоединиться к тебе. Они говорят, наш народ знает, как выжить в диком краю, а им надо научиться тому, что мы знаем.

Зона тоже прислушивался.

— Они опасны, — сказал он. — Никого из них не следует принимать!

Несколько других повторили его слова: здесь многие слышали о белокожих и об их духе Деве Марии, как мне показалось, но только Нону говорила на их языке.

— Я здесь вождь, — сказал я. — Таково мое решение. Мы сможем использовать больше крепких рук, чтобы построить дома. А если они не станут такими, как мы, мы их изгоним.

На такое они согласились. И все-таки я чувствовал, что они держат гнев на белокожих и недовольны моим решением. Однако, я был вождь, и слово мое стало законом.

Берд и пятеро других белокожих: двое мужчин и две женщины — показались довольно в скором времени. Двое из мужчин держали в руках скверно сделанные бамбуковые копья и переминались с ноги на ногу, так как все собрались и принялись их разглядывать. Все они повязали коврики из травы на свои половые органы, что побудило Марагу и прочих женщин хихикать. Меня это так не позабавило.

— Передай им, чтобы сняли плетенки, — велел я Нону.

— Если они присоединяются к нам, пусть ведут себя, как мы. Они ничего не добьются, если станут прятаться за травой.

Когда Нону повторила мое распоряжение, Берд немедленно снял свою повязку. Три других мужчины сделали это медленнее и почти без всякой охоты. Женщины не сделали.

— Марата, — тихо сказал я, — возьми женщин и укрась их.

Она созвала других женщин из нашей новой деревни, и те немедленно явились, взяли двух белокожих женщин под руки и увели подальше от нас, мужчин. Я знал, что Марага добьется от них, чтобы сняли плетеные коврики: она уже заявляла о себе как отличная старшая женщина.

Нону поколебалась, глядя на меня, но я отправил ее следом за остальными. Ей надлежит оставаться с женщинами, если мне понадобится, чтобы она переводила Берду, я ее позову.

Белые мужчины выглядели очень настороженно. Один из них, полуподнявшись, пытался без особого успеха прикрыть пах руками. Я фыркнул: ну, сущие дети, как подумалось мне, ничего не знают о мире вокруг и о том, что как происходит. Мы сделаем их людьми.

— Не пугайте их, — приказал я мужчинам вокруг меня.

— Двигайтесь медленно. Они пока еще звери, но мы можем превратить их в людей, требуется время и терпение. Сперва мы должны их разрисовать. Кто мне поможет?

— Это ошибка, но я помогу, — вызвался Зона. Он подобрал лист, где лежала синяя краска, подошел и встал сбоку от меня, и вместе мы стали раскрашивать остальные участки тела Берда. Прочие мужчины чуть погодя тоже взяли листья с краской и принялись разрисовывать трех оставшихся белокожих.

Когда мы закончили и отступили, чтобы полюбоваться нашим искусство, я должен был признаться, что оно подействовало: Берд выгля-

дел почти как настоящий охотник с рисунком из черных точек, сбегавшим по рукам и щекам, пересеченным яркими красными и синими линиями. Голову его мы окрасили синим, как и мою. Позже, после того, как будут возведены стены вокруг деревни, нам хватит времени на то, чтобы сделать оболочки для детородных членов и сплести косички из трав и звериной шерсти, дабы украсить шнурами руки, ноги и шеи: тогда мы действительно станем опять людьми. А сейчас надо сосредоточиться на основном, что требуется для выживания.

И я повел всех мужчин к бамбуковой роще. Там я легко различил признаки появления моих охотников: с помощью камней они срезали стебли бамбука, а затем заострили их, чтоб вышли копья. Зона подобрал камни оттуда, где их бросили охотники, раздал их остальным, и мы стали ломать самый высокий и тяжелый старый бамбук на стены для деревни. Настолько часто, насколько удавалось, я поглядывал в сторону травяного поля, где большинство женщин, включая и двух раскрашенных и лишенных ковриков белокожих, усердно собирали траву и вили веревки. Другие искали пригодные в пищу растения и насекомых, чтобы добавить их к тому, что при-

несут охотники. Третьи собирали брошенные деревянные палки, которые были привязаны к нашим запястьям, когда мы проснулись — и я решил, что это неплохая мысль, так как мы еще можем найти для них применение.

Полдня уйдет на то, чтобы обнести бамбуковой оградой место нашего поселения, как я знал, и несколько месяцев на то, чтобы окончательно устроить все остальное. Впереди ждала уйма работы. И все же ее надлежало сделать, и чем скорее мы начнем, тем раньше кончим.

Я принялся таскать бамбуковые шесты толщиной в мою руку и вдвое длиннее меня от рощи до места, где работали женщины, и складывать их. Я решил, пусть наша деревня стоит вокруг того места, где сейчас заняты делом женщины.

Приостановившись, я покосился на небо. Солнце начало клониться к западу; скоро оно окрасит небеса ярко-красным, желтым и рыжим. И тут я, вздрогнув, осознал, что на небе два солнца: большое, освещавшее землю, и другое, поменьше и побледнее, рядом. То, второе было слишком крохотным и ярким, чтобы принять его за луну. Мы действительно попали в страну духов, подумал я с благоговением.

Зона принес еще бамбуковых шестов, бросил

их рядом с моими, и вдруг рядом возникло маленькое воинство, волочащее бамбук. Когда Зона отправился за новыми стеблями, я присоединился к нему. Было хорошо поработать, напрячь крепкие молодые мышцы рук, которые так долго вели себя как старые и слабые. Белокожие трудились наряду с нами, и, хотя никто никому ничего не сказал, работа их была не хуже нашей. Когда я указал на это Зоне, он лишь нахмурился.

Мы только-только начали устанавливать частокол, как раздался оглушительный шум, подобный грому. Я оглянулся в сторону становища белокожих и увидел синие молнии, вспыхнувшие вокруг огромного серебряного дерева, которое обступили белокожие. Молнии исчезли так же внезапно, как и вспыхнули.

Все прочие тоже замерли, и я слышал издалека, как кричат белокожие — хотя не мог бы сказать, радуются они или сердиты. Я оглянулся, приметил Нону и велел ей взять Берда и Зону и сходить посмотреть, что случилось. Она быстро перевела, и все трое побежали к дереву.

— За работу! — приказал я. И все остальные вновь приступили к своему делу: мужчины поднимали огромные бамбуковые шесты, а между тем женщины привязывали их травяными верев-

ками, чтобы держались. Некоторые из женщин еще работали в поле, собирая охапки трав на постели и крыши, плетя новые веревки, гамаки и циновки.

Мы покончили с наружной стеной и привязывали на положенное место деревенские ворота, когда вернулись Берд с Зоной. Нону несла одну из тех загадочных деревянных палок, которые были привязаны к нашим запястьям, когда мы открыли глаза, только с палки был снят кончик, и оказалось, что внутри она полая, и в ней лежат какие-то разноцветные предметы.

Нону поставила сосуд торчком посередине деревни. Все собрались посмотреть.

— Это сосуд Берда, — сообщила мне девочка. — Он поставил его на огромное каменное дерево перед тем, как прийти к нам, и после того, как засветилась молния, он сам собой наполнился едой и сокровищами.

— Это не палки, а священные сосуды, — сказал Зона. — Все сосуды белокожих наполнились!

Все возбужденно загалдели. Берд о чем-то переговорил с другими белокожими, они повернулись и помчались к серебряному дереву. Я не корил их: если бы мой священный сосуд наполнился пищей, я бы тоже захотел его забрать… Но мудро

ли это: есть пищу, которую подают духи?

И тогда я подумал о наших собственных сосудах, но Марата уже сообразила, что следует их проверить.

— Они пусты, — сообщила она, показав один, который ей удалось открыть. — Духи не наполнили их для нас.

Вокруг меня зароптали, но я сурово посмотрел на людей, и все умолкли. Берд сидел, скрестив ноги, перед своим сосудом и вытаскивал одну вещь за другой. Кажется, он узнавал многие из них. Хотя я — нет. Среди них была маленькая палочка с серебряным кончиком. Когда Берд щелкнул по ней пальцем, появился огонек. Я отступил на шаг.

— Это что за колдовство? — спросил я.

— Это не колдовство, — ответила Нону. — Белокожие называют их зажигалками и используют, чтобы разводить огонь. Маленький камешек сыплет искрами, от которых загорается кусочек промасленной тряпки.

— Это послано духами, — сказал я с уверенностью, которой не испытывал. Маленькая палочка, которая дает огонь. Чудо. — Мы хорошо поедим, когда вернутся наши охотники!

Похоже, это всех взбодрило. Тут Берд вытащил

из сосуда странного вида бурую пищу, понюхал, улыбнулся и предложил попробовать всем, кто рядом. Никто не взял. Пожав плечами, Берд откусил сам. Духи также наполнили чашку внутри его сосуда дымящейся бурой жидкостью. Он осторожно пригубил. Когда я подался вперед, чтобы постичь ее запах, он предложил мне отпить, но запах был горький; у меня от него увлажнились глаза, и я отмахнулся.

Другие белокожие возвращались с огорченными лицами и пустыми священными сосудами. Они что-то пробурчали Берду, который пожал плечами, а затем передал им кое-что из пищи, которая досталась ему. Они разделили ее и поглотили за время нескольких биений сердца.

— Они говорят, что другие белокожие украли их пищу и сокровища, — поведала мне Нону. Марага склонилась и шепнула мне на ухо:

— Должны ли мы терпеть воров, которые крадут пищу и сокровища у жителей нашей деревни?

— Пища была не в нашей деревне, — заметил я. — Откуда тем белокожим было знать, что эти вернутся. Мы бы сами забрали их пищу и сокровища, если бы представился случай.

Она вынуждена была признать, что я прав.

Берд покончил с едой и стал доставать из своего сосуда новые вещи. На самом дне он нашел большое полотнище, красное и зеленое. Марага подалась вперед, с изумлением помяла ткань в пальцах и поглядела на Берда.

— Это мне? — спросила она. Нону перевела.

Берд улыбнулся и вручил ей ткань. Тут вся деревня устремилась вперед, хватая что попало и крича:

— Мне! Мне! — громкими голосами.

Когда самый маленький мальчик выбрался из свалки с бердовой огненной палочкой, я вырвал ее у него из рук.

— Только вождь может зажигать огонь, — сказал я ему. Он как будто собирался заплакать, но вместо этого нырнул обратно и вскоре появился с другим сокровищем, чашей Берда, теперь пустой. И убежал с ней, радостно голося.

Марага уже разрезала полотно Берда на полосы тростинкой, которую заострила палкой. Первой полосой она обвила мою левую руку. Та очень ярко выделялась на моей темной коже, и я стал гордо расхаживать, предоставляя ей шумно восхищаться.

Берд коснулся моей руки. Я настороженно взглянул на него. С помощью Нону, он сказал

мне:

— Ты должен был велеть своим людям поставить их священные сосуды на каменное дерево.

— Мы не можем принимать дары от духов, пока не узнаем, почему приведены сюда. Если мы станем есть их пищу, мы должны им служить, осуществляя их цели.

— Как вы обнаружите, каковы их цели? — спросил Берд.

— Я должен пойти и поговорить с ними, — ответил я. — Они сообщат мне, какой дух привел нас сюда и почему. Только тогда мы сможем решить, что делать дальше.

— Как ты найдешь этих духов?

— Они везде, — сказал я в нетерпении, указывая на траву, на бамбук, на саму Реку. — Мир полон ими. Во всем живом и неживом обитает его дух.

Он кивнул, поняв меня наконец. Марага коснулась моего локтя.

— Охотники, — объявила она.

— Мы еще поговорим поздней, — сказал я Берду. — Если у тебя есть вопросы, спроси Нону. Она будет твоим наставником среди нас.

— Благодарю, — произнес он. Но я уже следовал за Марагой туда, где в середине нашей маленькой огороженной деревни стояли охотники.

Старший вышел вперед и бросил передо мной дневную добычу: два маленьких крысообразных создания и змею, висящую на бамбуковом шесте.

— Здесь скверная охота, — сказал он. — Никакой дичи нигде, крупнее этой.

Я нахмурился. Едва ли они принесли достаточно для всей деревни.

— Несколько мальчиков пошли к Реке бить рыбу копьями, — продолжал старший из охотников, — им больше повезло. — Он поманил пальцем, и вперед выбежало два мальчика. Они несли около двадцати рыбин, надетых за жабры на бамбуковый стебель. Некоторые рыбины были малы и худы, но имелось две, не меньше, чем с небольших собачек. А большинство — промежуточных размеров. Я не удержался от улыбки. Пира не предвидится, но мы, безусловно, не ляжем спать голодными.

Женщины собрали достаточно топлива для костра и, после того, как Берд дал мне наставления по использованию зажигалки, я воспламенил от нее наш костер. Поскольку духи дали ее Берду, а Берд сам передал нам, я решил, что пользоваться ею безопасно.

Когда поднялось пламя, и дрова защелкали и затрещали, женщины приступили к приготов-

лению ужина. Я поглядел в небо и увидел, что начали появляться звезды: они были чужими, и не образовывали знакомых созвездий, которые я наблюдал всю свою жизнь, и я призадумался, а что это предвещает. И тут же напомнил себе: мир духов теперь наш.

Когда упала тьма, стали слышны непонятные звуки со стороны становища белых. Я подхватил копье, знаками предложил Берду сделать то же самое, и мы вышли вместе поглядеть, что там происходит.

И увидели у дерева духов нелепое зрелище: большинство белокожих разбросало свои травяные плетенки и священные сосуды и каталось по земле, корчась, точно собаки в жару. Принято отворачивать взгляд и не обращать внимания на мужчин и женщин, когда те соединяются, но здесь и с этими что-то было неладно. С ними творилось нечто жуткое. Можно было подумать, что белокожими овладели злые духи. То было совокупление не мужчин и женщин, но дикого зверья.

Вскоре я заметил мертвую белокожую женщину, задушенную, судя по всему. В нескольких шагах позади нее лежал мужчина, которому нанесли не менее сотни смертельных ран бамбу-

ковым ножом. Нож все еще торчал из его груди.

— Приготовься, — предупредил я Берда, вздымая копье, чтобы показать ему, что от него требуется. Он тоже поднял свое копье и покрепче за него взялся.

Обогнув дерево духов, мы нашли еще два мертвых тела. Затем среди совокуплявшихся пар я приметил Клэя и указал на него Берду. Берд побежал к своему другу, заговорил с ним, но Клэй только злобно прорычал и взмахнул кулаком. Когда Берд попятился, Клэй поднялся и бросился на него, вопя и молотя руками. Я поспешил встать бок о бок с Бердом, чтобы его защитить. Когда Клэй поглядел на меня, глаза его были дикими и пустыми, и я всадил копье ему в живот. Он раскрыл рот, остановился и задержал на мне взгляд. Я высвободил копье и ударил его по лицу тупым концом. Он рухнул, обмякнув, и больше не шевелился, то ли уже мертвый, то ли умирающий.

Берд воззрился на меня с бледным лицом. Пролопотал что-то невразумительное, затем отвернулся, пал на колени, и внезапно его вырвало. Или он никогда прежде не видел крови и смерти? Странно было такое видеть. Он вел себя, как мальчишка во время первого набега.

Женщина, которую терзал Клэй, вскочила на

ноги и молча зашлепала во тьму. Я подобрал два куска красной ткани, которую она бросила в грязи. Духи не разгневаются, если я их возьму, так подумал я.

Теперь я видел достаточно, чтобы мои подозрения подтвердились. Что бы ни стряслось с прочими белокожими, Берда это не затронуло: раскраска на его лице и груди пометила его как человека, и злые духи оставили его в покое.

— Пошли обратно, — сказал я ему, и когда я двинулся в сторону нашей деревни, он опомнился и последовал за мной. Как только мы приблизились к воротам, некто небольшой и темный метнулся на меня из травы, вереща, словно обезьяна. Я бросил копье, схватил нападавшего за руки и взметнул небольшое тело в воздух.

То был Джока, один из самых младших в деревне. Всего восьми-девяти лет, тонкий, как тростинка, но весьма крепкий и жилистый. Он лягался, пока Берд не схватил его за ноги, и мы вдвоем не повалили его наземь и не уселись на него, чтобы помешать ему кусаться и брыкаться.

Он что-то жевал. Берд протянул руку, разжал его челюсти и вытащил что-то белое, чудо избежав потери пальцев. Оно выглядело во мраке, точно бледный слизняк. Берд с подозрением понюхал

его, затем передал мне. Оно было мягкое, липкое и теплое наощупь. Пахло оно сладко и приятно.

— Жвачка, — сказал Берд. Он изобразил, как будто что-то достает из сосуда, — и я понял, он имеет в виду, что эта белая жвачка лежала там, да, я был прав, духи попытались одурачить нас своими подарками. Если бы мы поставили свои сосуды на дерево духов, мы бы теперь вели себя не лучше, чем белокожие.

Я оглянулся на чудо-дерево, вслушиваясь в крики, рыдания и стоны белых мужчин и женщин, одержимых злыми духами. Возможно, как подумалось мне, жвачка — это вроде джавары, которую мы изготовляли и применяли с великой осторожностью, чтобы приобщиться к миру духов. Похоже на то.

Маленький Джока затих. Он позволил мне поднять его, и я понес его в деревню, держа в руке белую жвачку.

* * *

Мы заперли деревенские ворота. Пока женщины хлопотали вокруг Джоки, я созвал всех мужчин. Они собрались вокруг меня, и я поведал им обо всем, что видел у камня духов на стоянке белокожих.

— Духи скверно пошутили с ними, — сказал я, показывая жвачку. — Жвачка — это подобие джавары. Она отворяет души тайным силам.

— Значит, они все теперь одержимы, — произнес Зона.

— Это правда, — подтвердил я. — Они не позаботились о защите, как мы. Никто из них не раскрасил тело, чтобы обозначить себя как человека.

— Мы должны изгнать их отсюда, — твердо сказал Зона. — От них будет одна беда, если они останутся. — И многие другие одобрительно зашумели. Но я все-таки покачал головой.

— Мы ничего не вправе делать, пока я не посовещаюсь с духами, — возразил я. — У меня теперь есть жвачка. Я воспользуюсь ею и увижу, кто привел нас в это место, и с какой целью. Лишь тогда мы сможем действовать.

Зона поразмыслил немного, затем кивнул.

— Это мудро, — признал он.

Я сел у огня, вглядываясь в пламя и прислушиваясь к своему сердцу, затем положил в рот жвачку и стал медленно пережевывать. Вкус был странный, и сладкий, и горький одновременно; Не похоже ни на что, что я пробовал прежде. И сперва мало что произошло. Постепенно пламя

начало становиться зеленым, затем синим, и поднялось передо мной, точно цветная гора. Я почувствовал, как по всему телу пробежал жар, закрыл глаза и ощутил, что парю над землей, словно птица. Я опустился на землю в месте, во многом напоминавшем лес в мире, где мы прежде жили. Здесь были пестрые птицы на деревьях вокруг и обезьяны, судачившие и носившиеся по веткам, и красные с золотом бабочки, порхавшие над головой. Я вдыхал запах щедрой сырой земли, и теплый ветерок овевал мою кожу. Я поглядел на руки и обнаружил, что на них вернулась татуировка; я выглядел настолько человеком, насколько был прежде. Широкая тропа вела через поляну, и я пошел по ней. Ветви деревьев сплелись над моей головой, сделалось темнее. Я подошел к старым осыпавшимся камням. На вершине каменной кучи восседал громадный черный жук.

— Ты Кокоти? — спросил я. И почувствовал, что дрожу от страха. Никогда прежде я не оказывался лицом к лицу с великим духом.

Я Кокоти, — подтвердил жук. Голос у него был высоким и сильным. — Почему ты пришел в мир духов, человек?

— Я пришел в поисках ответов.

— Каких ответов ты ищешь?

— Почему мы возродились в мире духов?

— Вы не лучше обезьян, — сказал жук. — И неважно, как вы раскраситесь.

— Ответь на мой вопрос, Кокоти, — произнес я смелее.

— Ты поднимаешь на меня руку?

— Нет, — ответил я. — Ты — величайший из духов, Кокоти, и все люди страшатся тебя. Но ответь на мой вопрос, Кокоти и, возможно, я помогу тебе в благодарности.

— Это высокая цена.

— Я заплачу ее.

Жук помолчал, его шесть огромных черных лап колыхались в воздухе.

— Вы в мире духов, — изрек он наконец, — вы не мертвы, человечек, но пока что еще и не живы. Вы, дерьмо дикого пса, должны это знать.

— Тогда что мы такое?

— Вы будущее, — был ответ. — Вы все — будущее. — Тут он подался вперед и откусил мою голову сияющими черными челюстями.

* * *

Я пробудился, холодный, оцепенелый, с раскрытым от боли ртом. Скудный свет просачивался

в деревню через бамбуковую ограду на востоке; небо было серым. Я почувствовал, как по моему лбу ударила капля дождя, затем другая.

Огонь иссяк. Я поднялся и огляделся. Зона и Марага не спускали с меня глаз. Глаза их припухли, похоже, они не спали всю ночь. Копье Зоны лежало у его ног. Он охранял меня.

— Ты здоров? — спросила Марага.

— Да, — ответил я.

— А духи…?

— Я видел Кокоти, — сказал я. — Он говорит, что это не мир духов. Это новое испытание.

— Мы это уже знаем, — заметил Зона.

— Да, — согласился я.

Мужчины, женщины и дети распростерлись там и тут по всей деревне, чья-то голова — на чьем-то животе или берде, руки переплетены. Мужчины и женщины спаривались. Только белокожие спали, каждый в одиночестве, отдельно в дальнему углу. И еще был один человек, который лежал позади Зоны и Мараги. Я увидел, что он не дышит.

— Что случилось с этим? — спросил я.

— Берд убил его, — напрямик объяснил Зона.

— Что? — вскричал я. Марага сказала:

— Он пытался умертвить тебя, пока ты путеше-

ствовал в мир духов.

Я содрогнулся при мысли об этом. Если кто-то умирает, пока его душа странствует в чужом мире, она пропадет там. Это ужасная участь.

— Кто мог на такое пойти? — спросил я. — В этом нет смысла.

— Взгляни на его лицо, — предложила Марага.

Я подошел к мертвому, встал на колени и перевернул его. Кровь прилила к его правой щеке там, где щека упиралась в землю, и образовалось черное пятно, краска на лице оказалась смазана. Это был тот самый охотник, который вчера заставил меня насторожиться. Мне подумалось тогда, что мы знакомы. Сегодня в утреннем свете я узнал его окончательно.

— Нгосок, — прошептал я.

— Ты назвал его, как своего убийцу, прежде чем умереть, — напомнила Марага. — И мужчины нашей деревни убили его в ту ночь.

То была правда: он околдовал меня в нашем прежнем мире, послав злых духов в мой желудок, чтобы убить меня. Теперь он стал на сорок лет моложе, и непонятно, как мне не удалось узнать его сразу. Не иначе как он опять пустил в ход колдовство.

— И Берд его убил? — спросил я.

Зона кивнул.

— Белокожие пустили огонь по траве у дерева духов. Мы все были у ворот и наблюдали за пламенем, когда услышали позади клич воина. Его издал вот этот, — он пихнул Нгосока пальцами ноги, — и бежал на тебя с копьем. И вот-вот всадил бы его тебе в спину. Берд схватил копье, метнул его и убил Нгосока.

— И то был славный удар? — спросил я.

— Прямо в сердце, — ответила Марага. — Не иначе, как ему помогли духи.

Я вспомнил, как нынче ночью спас Берда от Клэя. Теперь Берд спас меня в свой черед. Если, выбросив сосуды, мы прошли первое испытание, то, позволив Берду и другим белокожим присоединиться к нам, выдержали второе. И я сказал об этом Мараге и Зоне.

— Это правда, — признал Зона. — Сами духи направляли тебя. И, хотя мне по-прежнему не нравятся белые, и я им не доверяю, Берд другой.

— Из него выйдет человек, — произнес я.

Я медленно подошел к воротам, распутал их и распахнул. Мы с Зоной стояли плечом к плечу, глядя в сторону дерева духов. Трава все еще немного тлела, и столбы грязно-серого дыма взлетали от нее к небу, но тяжелый дождь зашлепал

вокруг, и я знал: он окончательно погасит огонь.

Вы будущее. Сколько еще испытаний предложит мне Кокоти, прежде чем окажется удовлетворен? И каково будет следующее из них?

— Надо, чтобы они стали людьми, — сказал я, осознав наконец эту истину. А ведь эта задача все время была у меня перед глазами. Величайшее из испытаний, когда-либо посылавшееся Кокоти. — Ты говорил, что белокожие пришли к твоему народу в прежнем мире, и велели почитать Деву Марию. Белокожие заблуждались. Нет никакой Девы Марии. Есть лишь Кокоти, он здесь и все еще испытывает нас.

— Что мы должны делать? — спросил Зона.

— Прежде всего, мы должны разрисовать белокожих, — сказал я, — чтобы защитить их от злых духов. Затем мы должны забрать их сосуды и уничтожить, ибо через них приходят злые духи. Белокожие должны присоединиться к нашему народу и жить среди нас, как мы.

— Все вместе? — спросил Зона, сдвинув брови.

— Да, — ответил я, и мысленно увидел это: белые и темные, все работают вместе, строя величайшую деревню, какую когда-либо видели духи. Это может случиться. И это случится.

Вы все будущее.

Все мы. Я знал, что речь шла и о белых. Я оперся о плечо Зоны и поведал ему о своем видении, поведал обо всем, что открыл мне Кокоти. Он согласился с моим толкованием.

— Но что если белокожие к нам не присоединятся? — спросил он. — Они никогда еще не жилил среди нас, как мы.

— У тебя есть копье, — заметил я. — И у меня тоже. Если они не станут людьми, нам придется поступить с ними, как с опасными зверями, и убить их. Когда их души возродятся, они постигнут истину.

— Истину, — отозвался он. — Это хороший замысел. Кокоти прав. Когда мы начнем?

— Немедленно, — ответил я. — Разбуди остальных мужчин. И Нону. Пусть говорит от нашего имени с белокожими. Еще рано, белокожие будут сонными и беспомощными. Некоторые, возможно, до сих пор одержимы злыми духами.

— Да, вождь.

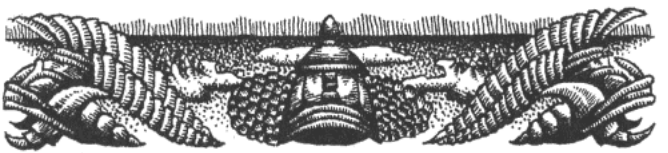
Впервые он так назвал меня. Он признал меня окончательно. Вот и еще одно испытание позади, как подумал я. Ты никогда не остановишься, Кокоти?

Пока Зона будил остальных, я глядел на травяное поле и мечтал. Я думал, что все мы вместе

войдем в этот мир, каждый мужчина и каждая женщина, служа Кокоти и другим духам. Белые мы или темнокожие, хоть зеленые, хоть пурпурные, неважно, какого цвета у нас кожа. Наше возрождение в этом мире было только началом.

Вы будущее. Вы все будущее.

Я постараюсь, чтобы так и вышло.



Дэвид Бишоф. Дин Уэсли Смит
Не вернуть[42]
1

Расколот кубок золотой, — рыдать колоколам!
Летит с тоской душа святой к стигийским берегам.

Эдгар Аллан По «Линор»

Солнце било ему в глаза. Он опустил капюшон и поправил грубую ткань, чтобы лучше бросала тень. Он сощурился, глядя на дальний берег мутной и темной Реки, разлившейся здесь на милю в ширину. Да, привычная травянистая равнина и привычный величественный хребет, покрытый нетающими снегами, вроде того, что обрамляет и эту безумную Долину Не Умерших. Между ними — скалы, низкие деревца, рощи железного дерева. Клочья дыма над ними парят, точно души, бежавшие из гробниц, закрепленных за поселениями. Ничего сколько-нибудь непривычного. Однако на самом краю этого однообразного леса перед

[42] Примечания: 42

NEVERMORE by David Bischoff & Dean Wesley Smith Copyright © 1993 by David Bischoff & Dean Wesley Smith.

этими однообразными горами, вздымающимися над однообразной Рекой, стоит здание, и у этого крупного одинокого двухэтажного здания имеются трубы и щипцы. Щипцов, похоже, около семи, но он не мог сосчитать их отсюда. И все-таки за пятнадцать лет, что он странствует в Послежизни, он еще не видывал такой архитектуры.

Семь щипцов. Готорн гордился бы.

И опять-таки: возможно, Готорн здесь.

Эдгар Аллан По вскинул ранец, содержавший все, чем он обладал в этой новой жизни: его грааль, кое-что из запасной одежды, письменные принадлежности, пачка листов, покрытых каракулями, бутылки, жвачка, и то, особое, что Привело его сюда, и перебросил через плечо. Глаза его все еще были затуманены, и Демонический Напиток все еще гремел цепями в его голове. Возникло искушение сделать глоточек из бутылки, чтобы грохот поутих, но поэт решил не поддаваться. Если его пребывание на Земле не научило его ничему другому, то научило хотя бы, что от того, кто ищет себе занятие, не должно разить алкоголем. Нынче ночью он получил свою порцию: рацион эля и вина, брошенный в его грааль вместе с обедом, а затем — слишком много пойла из лишайника, которым снабдили

его немцы пятнадцатого века с той стороны Реки. Волоча свое двадцатипятилетнее тело к берегу в сторону пирса, он чувствовал себя почти таким же старым и больным, как, когда в сорок лет умирал в Балтиморе. «Упокой, Господи, мою бедную душу», — прошептал он в больнице Медицинского Колледжа Вашингтона и умер.

Но вовсе не это было у него на уме.

Знакомые речные запахи достигли предела и, как всегда, ему от них сделалось дурно. Они напоминали ему, как пахло в районе Феллз Пойнт, когда виски и болезнь мозга доконали его среди шума и вони портовых таверн. Тем не менее, он успокоил свой больной дух, пообещав ему снова, что мир ждет в конце путешествия, мир в объятиях его дорогой утраченной Сисси.

По добрался до пирса, где всегда причаливало множество лодок. На одной из причальных свай сидел человек. Пристань качнулась, как только Эдгар ступил на нее, и у него ухнуло в желудке. Но он удержался на ногах и справился с приступом голода и зашагал к тому человеку вдалеке.

На скверном немецком он спросил незнакомца, не принадлежит ли тому одна из лодок.

— Йа, — ответил незнакомец и указал в сторону крепкой на вид гребной шлюпки, построенной

из дерева, значительно превосходившей, по мнению Эдгара, лодки из кожи Рыбы-Дракона, с которыми ему слишком часто приходилось мириться в его странствиях. Затем По спросил, говорит ли незнакомец по-английски, и ощутил большое облегчение, когда тот ответил: «Да». За эти годы он выучился объясняться на многих наречиях, включая и дурацкое эсперанто, которое, похоже, становится все более популярным. Однако, он до сих пор чувствовал себя куда уютнее с английским, несмотря даже на то, что был вполне привязан к французскому, на котором, ведомом критиками и авторами, подобным Бодлеру, сохранились и живут на Земле, как слышал По, его сочинения.

— Мой добрый друг… дом там, за Рекой… Это, случайно, не Дом с Семью Щипцами?

— Да.

До сих пор — поистине примечательный словарь.

— Великолепно! В таком случае, человек с твоей осведомленностью в литературе, несомненно, вспомнит, кто я, если я скажу, что я — мистер Эдгар Аллан По! — Он сказал это, напыщенно взмахнув рукой, желая, чтобы вместо поношенного капюшона на голове у него была

превосходная касторовая шляпа, которую он снял бы. Как ему не хватает костюма его времени! О, фрак, о, сапоги, о, галстук… Творческому человеку надлежит выглядеть определенным образом. В здешней удобной, но непримечательной одежонке никогда не угадаешь, кто перед тобой. Сплошная неразбериха. Славно было бы опять отрастить усы и бакенбарды, равно как и пышные вьющиеся черные волосы вокруг этой луковицы, называемой головой. Только и осталось от его выразительной наружности, что горестные темные глаза, надутые насмешливые губы и аристократический нос — все унаследовано от матери-актрисы.

Незнакомец-толстяк, и как только он ходит, — поглядел на него с безразличием и недоумевающе пожал плечами.

— Гм… Ну, разумеется, мои рассказы дошли до тебя, хотя бы у лесного костра однажды мрачной ночью. Мне дали понять, что сами рассказы уцелели, если не точный порядок слов и не мое имя… «Падение дома Эшеров»… Может быть, «Черная кошка»… Разумеется, «Маска Красной Смерти»… — при каждом названии собеседник качал головой. По выпрямился во все свои пять футов восемь дюймов и одернул свой костюм с видом

уязвленного достоинства. — Что же, полагаю, ты еще однажды удостоишься чести их услышать. Не могу вообразить, чтобы они добрались до здешних краев, о таком и подумать странно. И все же, блистательному автору приятно представить себе, что его творения распространяются со скоростью света! — он прочистил горло. — В любом случае, мне надо переправиться через Реку.

— Разумеется, это я вам могу устроить, сударь. Однако, я бесплатно не перевожу.

— Но, добрый сэр, я писатель… Там — место моих устремлений, дом, где, разумеется, будут рады прибытию такого, как я. Несомненно, они вознаградят вас за потраченное время и силы.

Собеседник начал утрачивать интерес к нему. И вернулся к своему прежнему занятию: починке сети.

Дела шли неважно. Темперамент По вынудил бы его взорваться и позлиться некоторое время, а затем найти какой-то другой способ переправы. Однако отчаяние и головная боль не позволили ему сделать больше, чем несколько шагов. Он развернулся и зашагал обратно к сваям.

— Послушай, друг, я — человек небогатый. Отчисления с продаж не добрались до меня в этом существовании. Я очень мало могу предложить

для бартера.

— Что у тебя есть?

Эдгар опустил сумку и прикинулся, будто роется в ней.

— Небольшое количество изумительного крепкого напитка… немного жвачки грез… — он содрогнулся при мысли о том, что придется расстаться с одним из двух.

— Йа. Может быть.

— Несколько моих новых стихотворений, записанных собственноручно и с автографами… Могу обещать копию моего нового опыта «Колокола Реки», он, несомненно, будет много чего стоить когда-нибудь!

Собеседник поворотил.

— Стихи! А какой прок рыбаку от стихов? Уж если нам что и нужно, барды поют бесплатно!

Эдгар подавил ярость.

— И, конечно, вот этот жалкий предмет торговли. — И он достал из сумки ту загадочную вещь, которая привела его сюда.

То была книжка. Или, возможно, нечто вроде журнала. По не мог бы определить, уж больно неряшливый вид имело печатное издание. Но любое вообще печатное издание представляло собой некоторый интерес для издателя и автора

вроде Эдгара Аллана По. Подобная вещь свидетельствовала о существовании издательства, что означало работу для души, казалось бы, обреченной на нищенское существование, несмотря на то, что книги Эдгара По, похоже, распродавались миллионными тиражами на множестве языков. Настоящая книга, переплетенная в рыбью кожу, на грубой бумаге с неряшливо отпечатанным текстом. И на обложке выгравированы автор и заглавие:

Эдгар Райс Берроуз

«Воскрешенный Тарзан».

По вручил книжку рыбаку. Глаза рыбака расширились и вспыхнули. Он заулыбался.

— Да! Да! Тарзан! — Книжка исчезла у него за пазухой, прежде чем у Эдгара возникла возможность передумать. — Великолепная сделка! Садись, садись! Я тебя перевезу.

Испытывающий некоторое замешательство, но счастливый, что все уладилось, Эдгар Аллан По двинулся за рыбаком к его лодке, готовый к приступу речной болезни.

2

О, будь вся юность долгим сном одним,
Чтоб пробудился дух, объятый им, Лишь
на рассвете вечности холодной; Будь
этот сон печален безысходно.

Эдгар Аллан По «Мечта» [43]

Разумеется, дрянь. По, естественно, прочел эту книжку. Несколько раз. Не больно-то много находилось в этом мире, как провести время и, несмотря на то, что роман был вздорный и скверно написан, сам факт, что это беллетристика, доставлял удовольствие человеку, который в свое время пожирал книги. Будь у него достаточно бумаги, он написал бы одно из тех язвительных обозрений, которыми некогда так славился, хотя ему бы вряд ли попались газета или журнал, дабы его опубликовать. Разумеется, все это галиматья! Человек, выращенный обезьянами в Африке, открывает, что он английский лорд. Вся его жизнь полна самых невероятных приключений, на что беспрестанно намекается множеством заголовков, в основном, бездарных. И затем… Он

---

[43] Примечания: 43
Перевод Ю. Корнеева.

воскрешен в Мире Реки и продолжает искать особу по имени Джейн.

Несмотря на неуклюжее построение фразы и вызывающую чувствительность автора, По вынужден был признать, что повествование не лишено увлекательности. И его собственные поиски дорогой утраченной Вирджинии, которая скончалась в 1847 г. в двадцать пять лет, вызывали в нем безусловное сочувствие к поискам лорда Грейстока. И все же этот Берроуз явно много ниже его собственного литературного уровня. Однако — книга. И предполагается существование издательства. Это совсем другое дело!

Немец высадил его на дальнем берегу Реки без особых церемоний, а затем поплыл назад с новым трофеем, припрятанным за пазухой. Неважно, — подумал По, отряхивая плащ, словно избавляясь от грязи всей этой сделки. Если это — то самое место, за которое По его принял, то, несомненно, скоро он получит что-нибудь другое, если пожелает… И, честно говоря, если так, то это будет литература повыше качеством.

По достал бутылку и отхлебнул немного. Пахнет — ну и к черту! Он помрет без глоточка. И тогда от него не будет никакой пользы этим людям. Спирт блаженно обжег горло. По глотнул еще

разок-другой и, почувствовав себя много лучше, убрал бутылку в ранец и зашагал к этому дому.

«Дом с семью щипцами». Издательство.

Намек на грубой деревянной вывеске не был для него темен. Это побудило его задуматься, а не стоит ли за предприятием его современник Натаниэль Готорн. Он не был уверен, что это окажется благодатная случайность. Но не сомневался, что человек, которого на Земле не раз доставали шипы его критики, охотно все простит и забудет в здешней новой жизни. И все-таки По призадумался, а не следовало ли подойти к этому месту с алой буквой «К», означающей «критик», пришпиленной к плащу, в надежде, что эта шутка исцелит все раны?

Опять же, едва ли он мог представить себе человека, вроде Натаниэля Готорна ответственным за выпуск этой дичи, этой жуткой безвкусицы… Этого «Тарзана».

Дом был большой, и все же не казался прочным. Конечно же, в нем чувствовался привкус готики со всеми этими щипцами и трубами, слава Богу. Он стоял во отдалении от любых других признаков цивилизации и, по правде говоря, выглядел нелепо на фоне этой однообразной равнины и низкого леса. Тем не менее, у Эдгара заныло серд-

це. На Земле он всю жизнь прожил в городах, и, - о! - как ему не хватало грохота конных повозок по булыжнику! Монолитов из кирпича и извести с уютными огоньками в мягких недрах, полные запахов цивилизованной пекарни и вкусов самого разного пива.

Направо была небольшая роща, и он услышал, как там рубят дерево. Крепко сбитый, могучего вида малый с квадратным лицом и короткими волосами усердно трудился, заготовляя топливо. Он что-то басисто пел, то пугающе провывая строфу, то снижая голос до шепота. Что-то наподобие «Техасской желтой розы». Пот брызгал с его лба после каждого удара топором по бревну. В какой-то миг, пока Эдгар стоял и наблюдал за ним, дровосек просто-напросто уронил топор и принялся биться с неким воображаемым внезапно напавшим врагом. Затем вновь подхватил топор и возобновил работу.

— Прошу прощения, — сказал По, удостоверившись, что между ним и этим примечательным лицом — несколько ярдов.

Дровосек обернулся, вскинул топор в боевую позицию и вдавив голову в плечи, словно изготовившаяся к обороне черепаха. Он пробурчал нечто вроде: «Кром».

Эдгар поспешил поднять руки, показывая, что у него нет оружия.

— Извини, что напугал. Я всего лишь безобидный посетитель.

Тот немного расслабился, но в глазах его сохранялась настороженность.

— Проклятие, мистер, — сказал он, растягивая слова на юго-западный характерный манер. — Здесь приходится следить, кто подкрадывается со спины.

— Подкрадываться едва ли было моим намерением, — сказал По. — Я полагаю, что пришел к издательству «Дом с Семью Щипцами»?

Дровосек опустил топор.

— Еще бы! Может, вы книжку хотите купить?

— Я здесь по нескольким причинам… увы, приобретение книги не является одной из них, хотя я и знаком с вашей продукцией. Позвольте мне представиться. Меня зовут Эдгар Аллан По, и я, помимо прочего, ищу работу.

Лицо дровосека разительно переменилось.

— Елки-моталки! — Изумление и радость сменили подозрение — У, зараза! Приделай к этой башке длинные волосы и усы, и вид будет точь-в-точь как на картинке. — Он хлопнул себя рукой по ляжке. — О, заливисто-хрустальный, мело-

дичный перезвон, легкий звон, звон, звон, звон — звон, звон, звон…

— Ясный, чистый, серебристый этот звон, — закончил Эдгар строфу за него.

Подобное волнение вызывала всегда встреча с кем-нибудь, знакомым с его творчеством. Такое происходило редко, но он это всегда ценил. По улыбнулся и кивнул, согретый этой щедрой улыбкой южанина. И, прежде чем что-либо подумал, уже тряс эту могучую руку.

— Страшно рад познакомиться, сэр. А звать меня Говард. Роберт Ирвин Говард. Вы не слышали обо мне, и слышать не могли. Я из двадцатого века. И тоже стишки пишу.

— Что же, судя по всему, я пришел, куда надо.

— Вот уж в самом деле… Идемте, выпьем вместе. Не могу прийти в себя. По! Ге Фе прямо в штаны наложит!

Эдгар позволил этому медведю препроводить себя в дом. Южный акцент сдабривал гостеприимство особой щедростью, а перспектива выпить бросала на ситуацию розоватый отсвет.

Человек по фамилии Говард обвел его вокруг дома, и По увидел на задворках другое, одноэтажное сооружение.

— Уборная, полагаю?

Говард от души расхохотался и хлопнул своего нового задушевного друга по спине.

— Боже мой, да нет! Это печатня. Я позднее покажу. А сейчас нужно как следует тяпнуть.

Эдгар позволил провести себя в высокую, хорошо освещенную комнату с длинным дощатым столом, раковиной, плитой и очагом, где висел котелок, в котором явно что-то варили или кипятили, если требовалось. Говард подошел к шкафу и достал кувшин и две кружки.

— Надеюсь, ты не против эля, — все мы целыми галлонами получали его из граальчиков и берегли для особых случаев. Полагаю, визит гиганта литературы можно считать действительно чем-то особым.

— Да. Эль — это замечательно.

Он так жаждал, что сгодилось бы все на свете. Но об этом По упоминать не стал. Он принял кружку, позволил Говарду провозгласить тост, а затем выпил. Эль был темным, крепким и пенистым — он осушил почти всю кружку в несколько глотков и мгновенно забыл обо всех своих несчастьях.

Говард шлепнул себя по губам и рыгнул.

— Мы тут все писатели… и, позволь мне сказать, тебя тут оценят. Все писатели, кроме Иоганна и

его рабочих, конечно.

— Иоганна?

— Иоганна Гутенберга! Это он помог нам запустить издательство! Ну что, Эдди, как насчет по второй?

По с радостью позволил вновь наполнить свою кружку. И отхлебнул вволю.

— Беллетристика. Вы печатаете беллетристику. Самое дивное роскошество в этом мире.

У Говарда запылали глаза.

— Это самый важный вклад, который мы можем внести в развитие человечества! Как может великий, писатель, вроде тебя, даже подвергать это сомнению?

Эдгар пожал плечами.

— Полагаю, я все эти годы был озабочен другими делами.

Говард смягчился.

— А, просто ты не повстречался с другими ребятами, с которыми можно столковаться и работать. Вот и все.

Расхрабрившись от выпивки, По сказал:

— Вне сомнений, вы пожелаете издать мои новейшие рассказы и стихи!

Говард несколько сник.

— Ну, мистер По, не так-то все просто. Полагаю,

мы ухватимся за этот шанс, если у нас будет регулярный журнал или вроде того. Тебе надо обо всем этом переговорить с Берроузом. Он у нас ответственный, поскольку соображает, что да как… Но прямо сейчас мы не можем выпускать такую прорву книг, и те, которые издаем, должны использоваться для бартера, чтобы получить все необходимое. Поэтому нам приходится выпускать книжечки, которые популярны… которые нарасхват пойдут, знаешь ли…

— Отсюда «Воскрешенный Тарзан»?

— Угу. Народ его до дыр зачитывает. Берроуз был прав. Человек-обезьяна приносит большую часть того, что нам нужно, прямо сейчас.

— Понятно. Ну, тогда, может быть, какая-нибудь издательская работа…

— А, дерьмо! Да не суетись ты, слышишь? Эдгар Аллан По! Думаю, мы сумеем подыскать для тебя работенку, если ты хочешь, — внезапно завелся Говард, и Эдгара поразило, какая бездна между мрачными настроениями этого парня и его отзывчивостью.

Их диалог внезапно прервало появление высокого изможденного типа с выступающими вперед челюстями, держащего в руке миску и жующего на ходу нечто, похожее на кукурузные

хлопья с молоком. Говард вскочил.

— Ге Фе! Гляди, кто у нас сидит, только что от Реки притопал. Эдгар Аллан По! Эдди, а это Говард Филипс Лавкрафт. Но зови его для краткости просто Ге Фе!

Вновь пришедший поставил свою миску и сложил руки, взгляд его стал холодным и настороженным.

— Эдгар Аллан По. Вот уж позор, — произнес он с резким акцентом Новой Англии, — что нас не разбросали по этой примечательной планетке с Удостоверениями Воскрешенных в лапках с целью идентификации. Лично я уже встретил пять Наполеонов Бонапартов и не менее двадцати двух Иисусов Христов.

— Не позволяй старому Ге Фе тебя доставать… Он с севера. — Говард встал и принялся оживленно размахивать руками. — Заткнись, Лавкрафт, это он! Он может декламировать свои стихи.

— Боб, сочинения Эдгара Аллана По школьники и поклонники учили годами. Одно то, что человек может прочесть стихи, знает подробности из нескольких рассказов и, возможно, кое-какие факты биографии, не означает, что это он и есть. — Лавкрафт сел за стол. Впрочем, несмотря на его суровые слова, По уловил колебания в голо-

се этого человека. Он почувствовал, что Лавкрафт в действительности очень хотел бы поверить, что встретил Эдгара Аллана По. Но почему?

Поэт передернул плечами и выпил снова.

— Разумеется, пудинг — сам себе доказательство. Мои произведения доказывают, что я — это я, и если вы хотите меня проверить, вреда не будет.

Лавкрафт фыркнул и подался вперед, пристальней изучая гостя.

— Ты внешне довольно-таки похож на него. М-да… Если ты действительно Эдгар Аллан По, прими мои искренние и глубокие извинения. Ты должен понять, что я считаю себя не просто исследователем творчества По… но мои собственные непритязательные произведения — результат влияния огромного корпуса блистательных творений, которые он доверил печати.

— Благодарю! — воскликнул По. Такая лесть! Он почувствовал себя в обществе, если не равных, то хотя бы добрых собеседников. И дело тут было не просто в алкоголе. — Вы не могли бы рассказать мне подробнее о том, как вы здесь работаете? И, возможно, нам удастся определить, чем и как я смогу доказать вам свою полезность.

— Секундочку. Я пойду и приведу остальных.

В любом случае, сейчас более-менее время для перерыва на кофе. — Говард покачал головой — Эдгар Аллан По. Это всех свалит с ног. — И ушел, мыча «Техасскую желтую розу», задержавшись у дверного косяка на краткий миг для удара по воображаемому противнику, вскоре он уже брел через двор к другому зданию, чтобы созвать остальных сотрудников.

По предложил Лавкрафту выпить с ним, но тот отказался, сославшись на время суток. По спросил, как Лавкрафт испытал его влияние, и каким образом оно выразилось в сочинениях Лавкрафта. Собеседник тонко улыбнулся, а затем описал тип коротких рассказов, полных тьмы и мрачных настроений, где представлены Темные Боги, затаившиеся у грани людского восприятия, жаждущие вернуться и все пожрать. Когда По слушал, его большие глаза сделались еще больше.

— Признаюсь, от ваших слов начинаешь дрожать.

Именно тут Говард, топая, ввалился обратно и торжественно представил Эдгара Аллана По другим писателям, которые помогали в печатне Гутенбергу.

— Вот этот — Фредерик Фауст, мистер По, — сказал Говард, указывая на более высокого и

крупного, привлекательного, с точеным лицом человека. — Или, как он был некогда известен на Земле многим читателям… Макс Бранд. Тридцать миллионов опубликованных слов. Он — машина для писательства, и первоклассная.

— Эдгар Аллан По, — сказал Фауст, сердечно пожимая руку Эдгара. — Не могу и описать, какое удовольствие… Все, что я написал, не стоит и одного из ваших рассказов или одного стихотворения. Я бы предпочел быть великим поэтом, нежели стряпать бойкие приключенческие и научно-фантастические романы… Возможно, вы могли бы взглянуть на один из моих текущих опытов и сделать какие-то замечания.

— Остерегайтесь, — вмешался Лавкрафт. — По был известен как весьма суровый критик.

— Он не сможет быть суровей ко мне, чем я сам к себе, — возразил Фауст. — Я написал уйму вестернов, мистер По. Ковбои да индейцы, знаете ли. Черт, но я жажду выдать все-таки что-нибудь значительное.

— Полагаю, что я сам жаждал сберечь душу и тело посредством моего литературного труда, — заметил По. — И в этом потерпел горестную неудачу.

— Я не смог притащить Берроуза. Он пошел

ненадолго к Реке, строить себе там ранчо, где собирается поселиться, — сказал Говард. — Он уже накопил изрядную гору всякого добра, благодаря своему «Тарзану». А этот, вон там — Лестер Дент. Он же Кеннет Робсон. Он следующий по выпускам со своим персонажем. Как бишь там называется твоя эпопея, Лес?

Тот, еще один весьма здоровый образчик мускулистого мужества, как заметил По, взял в свою лапу хрупкую ручку поэта и крепко пожал.

— «Доктор Севидж в Мире Реки», и только. Добро пожаловать, мистер По. Насколько это важно для меня, чем нас больше, тем веселее.

— Доктор Севидж? — озадачено переспросил По.

— Док Севидж. Так зовут этого чудика, — ответил Дент, принимая у Говарда кружку эля. И пожал плечами. — Действующее лицо из популярных журналов в 1930-е. Никакой основы в английской литературной традиции, конечно — но интересный тип. Не знаю, просветил ли вас Боб насчет того, что мы здесь делаем. Если коротко, то просто пытаемся снова приучить людей читать. То, что мы пишем — не просто подарок кучке снобов в залах и салонах.

С этими словами Дент рассмеялся от души, ка-

залось, наполнив своим «хо-хо-хо» всю комнату.

— В сущности, никаких залов и салонов больше нет. И не могу утверждать, что мне их недостает, если уж напрямик. То, что мы делаем, предназначено для какого-нибудь Джо с лишней палочкой жвачки грез или бутылкой виски, за которую он может классно провести время, а заодно и кое-чему научиться в результате сделки.

— Кажется, вы ориентируетесь только на английских читателей…

— Видите ли, надо с чего-то начинать, — сказал Фауст, наливая себе при этом элю.

Эдгар вскинул голову, раздумывая.

— Да, в самом деле. И, будучи отнюдь не одним из этих снобов, я всегда способствовал продвижению к читателю добрых, хорошо рассказанных приключенческих баек. Могу сослаться на «Рукопись, найденную в бутылке», «Спуск в Мальстрем» или «Золотого жука».

— Дерьмо, — произнес Говард. — Мистер По, фактически, основоположник детектива, таинственной истории и ужастика. Не знаю, понимаете ли вы это, сэр, но тьма всяких английских профессоров твердит, что вы способствовали организации большинства журналов, которые давали нам средства к существованию на Земле.

— В самом деле, — сказал По. — Ну, так, похоже, я заслужил еще кружечку, а?

Дент рассмеялся, и Фауст присоединился к нему.

— Чертовски верно. Может быть, нам следует позвать старину Берроуза, чтобы познакомить с этим парнем. Эдгар Аллан По! Боб, сам знаешь, у нас припасен целый бочонок такого эля, есть кое-что для сандвичей и хлеб. Думаю, мы можем прекратить на сегодня работу в печатне и познакомиться друг с другом, а?

По, довольный, поднял кружку.

— О, и не найдется ли у кого-либо из ваших ценных сотрудников лишней порции жвачки грез?

3

Это было давно, очень давно,
В королевстве у края земли,
Где любимая мною дева жила, —
Назову ее Аннабел Ли;
Я любил ее, а она меня,
Как только любить мы могли.
Эдгар Аллан По «Аннабел Ли» [44]

---

[44] Примечания: 44
Перевод В. Рогова.

Как и предполагал По, у него немного времени отняло убедить этих ребят в основательности своих литературных, а также издательских качеств чистым обилием прекрасно произнесенных и отформулированных фраз. Он всегда был привержен к будущим работодателям, душевным ребятам, щедрым на воркованье и комплименты, и теперь, согревшись несколькими кружками доброго питья, проникся энтузиазмом по поводу этого поразительнейшего проекта и надеялся немало способствовать нескончаемым выпускам приключений Тарзана и Дока Севиджа, а, возможно, и этого Конана, о котором Говард затеял треп после третьей кружки.

После ланча с обещанными Андреевичами и нового питья из початого бочонка, новичка провели по издательству. Сперва ему показали скромные комнатки, которые авторы использовали равно как штаб-квартиры и логова.

— Славно, солнечно и тихо, — заметил По. — Чего еще может хотеть писатель? — И подумал: ранчо и хозяйства, как этот стяжатель Берроуз. Но решил держать свои мысли при себе. Дело, в конце концов, прежде всего.

Затем будущие коллеги отвели его в печатню, где находился пресс. Там в одном помещении

вовсю трудилось несколько немецких пареньков, изготовлявших бумагу, в то время как в другом еще несколько немцев усердно переплетали новое издание «Воскрешенного Тарзана». А Эдгара ввели в центральное помещение, где представили самому Иоганну Гутенбергу. Гутенберг, который явно неплохо выучился объясняться по-английски, хотя и с сильным акцентом, без церемоний приветствовал новичка:

— Йа, йа, гут. Еще один писатель. Вы пишете книги. Я их печатаю. Вот и славно. Йа. — И опять погрузился в работу.

Эдгар, признав, что ему мало что известно о запятнанном краской металле и дереве, которые его окружали, упомянул, что выглядит это куда более прогрессивно, чем процесс, посредством которого отпечатали, как он читал, знаменитую Гуттенбергову Библию. Фауст и Дент сообщили, что подкинули кое-какие идеи немцам, которые на них жадно набросились и ввели существенные улучшения.

— Это не вполне типография Франклина, — заметил Лавкрафт, которого уговорили хлебнуть капельку шерри во время ланча. — Но для здешних краев — недурно.

— А знаете, раз у вас столько писателей, — ска-

зал По, — то не могли бы вы изготовлять бумагу подешевле, а переплеты покрепче и учредить периодическое издание… с тем, чтобы решать, какие самые популярные рассказы и романы с продолжениями печатать в виде книг?

— Этот парень хочет возродить дешевые журнальчики, — ухмыльнулся Фауст. — И, откровенно говоря, мы тоже… Мы над этим работаем, мистер По. Поверьте мне… работаем над этим. Как вы думаете, почему нам нужно больше издателей и авторов?

Это безмерно польстило Эдгару. По возвращении он настоял, чтобы был поднят тост за новый проект — журнал «Семь Щипцов», и туда он наверняка с удовольствием включил бы криптографический раздел, к изумлению и восторгу читателей. К этому времени начала действовать послеланчевая жвачка грез, и По испытывал совершеннейшую эйфорию. После всех этих многолетних бесплодных странствий по этому чуждому миру в поисках друзей и дорогой Вирджинии, он наконец нашел хотя бы друзей. А воссоединение с воскрешенной женой, его цель в этой Послежизни? Внутри все еще ныло, но верный алкоголь смягчил страдания.

Бочонок был еще наполовину полон. Писатели

сели за выпивку и начали обмен опытом. Лестера Дента попросили объяснить, как возник их издательский дом, и Лестер, сделавший лишь несколько крохотных глоточков пенистого пива, поведал об этом в отрывистой и все-таки притягательной манере.

— Полагаю, делу способствовало то, что мы все оказались на том же участке Реки. Первое, чего мне захотелось, это разыскать других сочинителей. Дьявол, я даже не знал, почему. Какой в этом был прок? Когда я был живой, я писал, большей частью, стремительными рывками, тратя куда больше времени на исследования новых уголков мира. — Он улыбнулся. — В сущности, там и тогда писательство куда важнее для меня, чем я воображал. — Он пожал плечами. — Между мной и Нью-Йорком — миры и старушка-смерть. Не доберешься. Полагаю, писательство не просто в крови, оно в душе… Ну, короче говоря, я дал объяву. А именно — соорудил знаки и расставил их близ грейлстоунов на нескольких пятимильных отрезках вдоль Реки. Там были слова: «Встреча писателей».

Взял нескольких из тех, что подвернулись вверх и вниз по Реке в области Америки двадцатого века и стал привлекать тех, кого, как я счел,

стоило втянуть. Они явились из любопытства, полагаю, но большинство, казалось, не сильно прониклось тем, что я задумал. Хемингуэй был слишком занят охотой, преследованием женщин и путешествиями, Фолкнер был занят выпивоном и жвачкой. Стейнбек был занят тем, что пытался понять, почему он здесь, и не прекращал ныть и жаловаться. То же самое с большинством других писателей. Не могу сказать, может, они теперь опять пишут, хотя, большинство не показалось особенно заинтересовавшимся.

А что случилось, так это то, что Ге Фе и Роберт уже переговорили между собой о том, как бы затеять издательство, и, когда я на встрече принялся развивать мои идеи, они завелись с ходу. Присоединились ко мне, помогли созывать новые встречи, и так мы нашли Фреда. Впрочем, Эдгар любезно перенял дело, и для меня это было кстати, поскольку в практических вопросах он соображает лучше моего.

«Послушай», — сказал мне как-то Эдгар. — «То, о чем мы здесь говорим, вероятно, уже обдумывается где-то еще. Вместо того, чтобы затевать что-то здесь, давай спустимся немного по Реке и поглядим, не работает ли кто над печатным станком или чем еще».

Дент пожал плечами.

— Ну, все это заняло некоторое время. Поиски тоже. Но несколько лет назад, черт нас возьми, если мы не набрели на это местечко — и не так уж далеко от мест, где говорят и читают по-английски, что делает его прямо-таки золотым дном. Кого мы здесь нашли, если не Джо Гуттенберга? Он как раз делал более или менее то, чем занимался раньше дома, ну и мы кое-что отпечатали на этой основе, а затем начали нововведения. Эти чудики нашли неподалеку руду, и не так уж сложно оказалось изготовить настоящий пресс. Ну, при наших познаниях в сочетании с навыками Джо, не так уж много прошло, прежде чем мы приступили к стряпне.

Ну, а Берроуз все это время строчил да строчил… Полагаю, мы все карябали. Но мы прочли его опус, и, поскольку Тарзан — самый популярный персонаж, мы сочли, что он, естественно, годится для первой книги. Остальное — история. Так что вы здесь видите, мистер По, начало писательской колонии… а надеюсь, что также издательской империи.

Слова, мистер По. Приключения да идеи, чтобы поддержать души миллионов, чтоб они жили. У нас есть планы… грандиозные планы… И, по-

лагаю, мы искренне счастливы, что вы теперь с нами.

Все это прозвучало, словно музыка, для Эдгара По, и явилось достаточным поводом для новых возлияний и дальнейших тостов.

— А скажи-ка нам, Эдди, на что были похожи твои дни в этом мире? Что ты поделывал? — спросил Говард, акцент его от выпивки еще усилился.

— С вашего дозволения, — заговорил Дент, прежде чем По смог ответить, — мне надо наведаться в деревню. К обеду я вернусь, и, возможно, принесу что-нибудь на десерт, а? Добро пожаловать на борт, мистер По. Ожидаем, что завтра приступите к работе, если и когда достаточно очухаетесь.

Эдгар поднял прощальный тост за одного из новых благодетелей, а затем опять ухнул на скамью. В голове у него все плыло от сочетания жвачки грез с отменным пивом. И того и другого изрядно… Давненько он не был способен настолько себя побаловать. Яркие краски трепетали и мельтешили. Дружелюбные, участливые лица писателей висели, точно милостивые луны в добром небе… И, о! — звезды капали в этом небе огненными слезами.

Словами, в которых звенело торжество читающего стихи, которые изобиловали аллитерациями, были насыщены ассонансами и сдобрены звукоподражаниями, Эдгар Аллан По поведал свою историю. Он рассказал о воскрешении на берегу Реки, о том, как несколько недель считал себя сумасшедшим, плывя куда-то наугад в состоянии бреда наяву.

— Я твердо верю, что умер от поражения мозга, а не от пьянства. Не могу отрицать, что алкоголь воспалил рану в моем больном мозгу, но если бы там не было этой дыры, я бы не умер. Я подумал, видите ли, что приговорен к какому-то странному местечку в преисподней, и что мой ослабевший разум не смог вынести отчаяния, и поэтому я его утратил. Я блуждал много-много дней, прежде чем снова не стал самим собой. К этому времени, увы, я оказался очень далеко от моего времени и моего народа, ибо, откуда я знал, что воскрешение совершалось партиями, в соответствии с родом-племенем и эпохой, а часто даже и страной! Ибо, когда я пришел в чувство и стал кое-что понимать, моя первая мысль была о моей дорогой жене. Я обрел надежду воссоединиться с ней… Милая Вирджиния! Моя родная Сисси! Я устремился обратно в направлении, в

котором, как мне чудилось, пришел, от поселения китайцев девятого века, методы которых вернули мне разум. Однако, когда я, наконец, нашел во второй раз обитателей Америки девятнадцатого века, та, что была мне дороже жизни, Вирджиния Элиза Клемм По оказалась потеряна для меня точно так же, как, когда ее не стало в ту ужасную зимнюю ночь 30 января 1847 года.

— С тех пор, — продолжал он после долгого гробового молчания, во время которого писатели терпеливо ждали, — я везде искал мою любимую. Ее поиски стали моей целью в здешнем мире. Воссоединиться духовно и телесно, ибо эта бренная оболочка не будет исцелена, пока ее нет со мной. — После того, как он снова подкрепился элем, он коротко описал свои странствия, весьма красочные, но тронутые душевной меланхолией, в поисках своей милой кузины, на которой он женился, когда ей было тринадцать, и которая при жизни вдохновляла его на великие творения. Когда, наконец, его свистящие слова растворились в безмолвии, никто из взволнованных писателей опять долго не нарушал тишины.

Эту атмосферу прогнало рявканье Боба Говарда.

— Печальные дела, мистер По. И я вас хорошо

понимаю.

— По щекам этого здоровяка бежали слезы. — Первое, что я стал делать — это искать Мо. И нашел, но не сразу. У нее здесь теперь дом, и я знаю, куда податься, чтобы ее навестить… Но, знаете ли, мистер По, теперь, когда у меня здесь дружки и это издательство… Ну, я не так уж много теперь думаю о Мо…

— Во-первых, это Боб, а во-вторых, мы постоянно заваливаем тебя работой! — фыркнул Фауст.

Верзила смутился.

— Черт возьми! Я даже завел парочку постоянных подружек! Признаться, куда ни кинь взгляд, а это место куда лучше, чем даже Техас.

По вздохнул.

— Я тоскую только по жене. Моя душа, моя жена. Я поработаю здесь некоторое время, да, и я ценю это место как убежище. Однако, все вы должны знать, что моя конечная цель не оно, а объятия моей милой.

Фаусту это показалось крайне забавным, и он начал рассказывать обо всех, кого встречал, и кто был счастлив, что избавился от своей земной супруги. Однако, как если бы окончание рассказа было для По сигналом, что узы сознания можно расслабить и дальше, он обнаружил, что его рас-

кисший мозг уносится прочь, словно воздушный шар — а затем — хлоп! — и все пропало.

Ему снились бредовые сны.

Он видел величественные дворцы на диковинных планетах, меченосцев и воителей с четырьмя руками, и экипажи, летавшие по воздуху. Там были яркие цвета и красочные слова, прекрасные дерзкие герои и нежные полуодетые девы. Его сны были наводнены всеми красками фантазии, бегства от жизни и восторга, и он изумлялся, ибо каким-то образом знал, что он — патриарх, создавший эти миры…

— Мистер По!

Он осознал, что кто-то трясет его.

— Мистер По, вам пора бы проснуться и принять немного воды и пищи, а затем мы уложим вас в постель!

По открыл затуманенные глаза.

Боб Говард нависал над ним, точно обеспокоенный медведь.

— Прочь из моих грез, жалкий подражатель! — прорычал Эдгар. Его непротрезвевший взгляд устремился на человека по фамилии Лавкрафт, и вновь взыграла желчь. — Вернись к своим скверным стихам и оставь меня в покое. О, Смерть, Смерть, Смерть — или уже и в Смерти нет ми-

ра? — Он вскочил. — Джентльмены, послушайте! Ибо я возвещаю, — завопил он по-пьяному на пределе дыхания. — Смерть это ложь. Самая грязная и гнусная ложь!

В углу возникло оживление, и внезапно человек по фамилии Дент, тот, у которого где-то странствовал доктор, вышел вперед.

— Гм… Этого-то я и боялся. Вы двое знаете историю этого чудилы. Почему вы дали ему столько пойла и жвачки?

— Потому что я великий и прославленный Эдгар Аллан По! — возопил Эдгар. — Прибавьте к По слог Эт, и готово определение для моего сердца и души.

Лавкрафт передернул плечами.

— Один разгульный денек нам, разумеется, не повредит…

Говард покачал головой, явно и сам не в лучшей форме.

— Бедняге, кажется, чертовски нужно опохмелиться.

— Джинни? Принеси нам, пожалуйста, немного еды и кофе. Может, нам удастся протрезвить великого человека, прежде чем мы уложим его в постель. А утром он скажет нам спасибо.

По встал и неистово замахал на него руками.

— Скотина! Я чувствую твой сарказм… Как ты смеешь издеваться над болью, которая проникла в мою жизнь в незапамятные времена. Как ты смеешь…

И больше он ничего не сказал. Ибо из туманного угара видений выплыл образ, который, разумеется, был призраком, и все же казался столь же вещественным, как эти заурядные и грубые писаки, которые его окружали.

Она была невелика ростом, с темно-русыми волосами и очаровательными глазами цвета фиалки. И все-таки, она была не такая бледная, как когда-то… Казалось, она пышет здоровьем и полна жизни.

— Привет, Эдди, — сказала Вирджиния Клемм По, уперев руки в бедра. — Я вижу, ты не сильно изменился.

4

И рой теней, глумливый рой,
Из тусклой двери рвется — зыбкой,
Призрачной рекой…
И слышен смех — смех без улыбки.

Эдгар Аллан По «Заколдованный за-

мок» [45]

Это зрелище подействовало, точно холодный душ. По вышел из своих грез наяву, протрезвел и ошалел. Его глаза не могли ошибаться, и женщина перед ним, безусловно, не была бредовым видением.

— Сисси? Моя милая! — поразился он. — Может ли такое быть… Это ты… Значит, мои поиски окончены?

— Может, тебе лучше выпить чего-нибудь, не содержащего алкоголя, Эдди? А затем поговорим. Согласен?

— Родная моя… Дай мне тебя обнять. О, ты не знаешь, как истосковалась по тебе моя душа… — Он нетвердыми шагами двинулся к ней.

— Эдди, не нужно таких мелодрам. Мы должны поговорить, как двое взрослых, но лишь когда ты проспишься. — И отошла под защиту крепко обнявшего ее Лестера Дента.

По смотрел, не веря своим глазам, потрясенный до предела. То, как этот неуклюжий варвар держит Сисси. То, как этот боров на нее пялится. Их отношения были слишком понятны. Эдгар пытался что-то сказать и закашлялся, лишь в

---

[45] Примечания: 45
Перевод Н. Вольпина.

итоге геркулесовых усилий из его губ прозвучало нечто членораздельное.

— Здесь подлинный Аид, а ты — демон, который меня терзает! — Ярость нахлынула волной, и, прежде чем он сообразил, что делает, он бросился на писателя. Дент увернулся, отодвинув Вирджинию подальше от опасного места, а затем, шагнув вперед, нанес Эдгару основательный удар в щеку. Эдгар опрокинулся через стол и стукнулся об пол позади стола, обрызгавшись пролитым элем. Боль только раззадорила его. Он, пошатываясь, встал, мокрый и грязный. Он не мог вынести столь ужасного зрелища. Тут он приметил большую емкость, полную эля. Поднес ее к губам и стал пить, еще и еще: Никто не остановил его. Он пил, чтобы заглушить сердечную боль, забыть о страданиях, и осушил бы все до конца, но тут чья-то рука потянула его за рубашку.

— Эдгар, Эдгар, пожалуйста, побереги себя.

Он поглядел сквозь туман, рядом стояла Сисси и умоляюще смотрела на него. Он протянул руки, и она отступила, легко увернувшись от Эдгара. Дент опять оттеснил ее и угрожающе встал между ними.

— Я чуток удивлен, но, похоже, здесь слишком большое совпадение, — заметил Дент. — Опять

же, в мире, где случалась тьма всякого такого рода, чего я видел, полагаю, все это — сущие пустяки. Послушай, Эдди, мы с Джинни счастливы. Нельзя цепляться за то, что случилось, кто знает, сколько лет назад.

— Но я искал… О! Эти долгие годы… Одну тебя, Сисси… Лишь тебя!

— Прости, Эдди, но он прав, — она поглядела на него с сочувствием, но без раскаяния.

— Но, Сисси… наша небесная любовь… наша верность… Как ты могла забыть…

— Видишь ли, По, — вмешался Дент. — Джинни никогда не рассказывала мне обо всем; и, полагаю, что я — невежественный сукин сын, коли не усек, что это она о тебе вспоминала. Может, дело в том, что я не так уж много читал твоей нездоровой бредятины. Но, должен тебе сказать, гнусный пьянчуга, что ты всегда был бестолочью и ослом, а теперь, насколько я вижу — ты напыщенная бестолочь и осел.

По шагнул вперед, чтобы вновь на него наброситься, но Говард сделал шаг навстречу и схватил его за руку.

— Мистер По, кое-кто из нас не хочет, чтобы вы здесь убились.

— Вы отравили ум моей дорогой жены! Я это

вижу! Теперь я это вижу! — возопил поэт.

— Нет, Эдди. Мне с ним лучше.

Ден вновь выступил вперед.

— Парень! Мистер эксперт в психологии! Ты женился на своей кузине, когда ей было тринадцать. В краю, откуда я родом, тебя назвали бы кровосмесителем-педофилом! А затем ты годами заставляешь бедную девочку страдать от твоего пьянства, наркомании, отвратительных выходок… А как с поддержкой? Тебе, маленькому проныре, нужно было тяжелее работать… Неудивительно, что бедняжка захворала туберкулезом и скончалась.

По не слушал его. Он вновь обернулся к Вирджинии, умоляюще глядя на нее.

— Вернись ко мне, Сисси. Мое сердце взывает к тебе.

— Нет, Эдди.

— Но… Этот человек… он ничтожество. В литературе я значительно превосхожу его… Как ты вообще могла его выбрать?

— Я не говорила тебе, Эдди, но мне никогда особенно не нравилось то, что ты писал. Я считала, что твои стихи и рассказы слишком холодные. — Она посмотрела на Дента, не скрывая восхищения. — Лес, хотя он… Лес может расска-

зать историю… — она погладила его по груди. — И он знает, как сделать даму счастливой во всех других отношениях!

Это было подобно явлению некоего жуткого зверя, изрыгнутого из его глотки: этот вой. Эдгар Аллан По выл и вопил и орал и рвал на себе волосы. Казалось, черви точат клетки его мозга. Казалось, стены этого дома, смыкаются, надвигаясь, точно бока ящика, зарытого глубоко в зловонной земле.

— Да будет вам, мистер По, — буркнул Говард. — Смотрите на все проще. Не одному вас выпало тяжелое времечко. Слышали бы вы, что сказала мне Мо, когда я ее нашел!

Обезумевший от скорби, неспособный более выносить, как нарастает эта мерзость, По бежал. Он вырвался через дверь в сумерки. Его мозг пылал в огне.

— Нет! — провыл он. — Нет!

Он зашатался, и боль, казалось, промчалась сквозь его голову на огненных крыльях. Точь-в-точь, как в ту сырую ночь в Балтиморе, когда он слонялся по барам в Феллз Пойнт. Не могла ли вернуться та болезнь мозга, вновь возбужденная открытием ужасной правды? А что, если она опять разрушает его жизнь, и на этот раз

навсегда? Хотя здесь, и он это знал наверняка, все было так, как он прежде смутно угадывал и выражал в искусстве: душа не погрузится опять в забвение после смерти, но станет возвращаться снова, снова и снова, как бы она ни гнила и ни разлагалась.

Запахи Реки ударили в ноздри, и он побежал к Реке. Вода! Прохладная, прохладная вода… Унять боль, облегчить страдания, надо только на миг… Он заспешил к Реке, и был почти у воды, когда его схватили сзади. Он тяжело упал, и от удара едва не потерял сознание. Вздохнув, он поддался дурноте и скользнул во тьму без сновидений.

5

Ужели все — и сон, и бденье,
Лишь сновиденье в сновиденьи?
Эдгар Аллан По «Сон во сне» [46]

— Док! Быстрее!

Крик человека, звавшегося Монк, пронесся, вибрируя, через одурманенное сознание человека, звавшегося Севидж. Он вновь опер свое мускулистое тело о валун, в то время как другие

---

[46] Примечания: 46
Перевод М. Квятковской.

герои вокруг него лежали в объятиях Леты, и газы из Нижнего Мира наполняли их легкие. Они не были мертвы, благодарение Господу, однако, и это скоро неизбежно добавится к их участи, если только не затворить здешний проход к Темные Земли.

Из дышащей газами черноты колодца щупальце твари по прозванию Ктулху, ища жертву, поднялось над туманами.

Док Севидж рванулся изо всех сил, какими располагал.

Эдгар Аллан По строчил, как безумный.

Писать здешними примитивными орудиями было трудно, но не то, чтобы невозможно. В любом случае, он один из колонии писателей привык долго писать вручную, так что, в известном смысле, обладал таким преимуществом, как беглость пера.

Он сделал перерыв, поднялся и прошелся, отвлекаясь от приключений героев. Взяв ближайший стакан с элем, отпил, совсем немного. Затем бросил себе в рот еще одну палочку жвачки грез и стал задумчиво ее пережевывать. Сочинению этой эпопеи, казалось, содействовали эль и жвачка — довольно любопытно… Хотя пером его двигали отчаяние и решимость.

Никто иной как Говард побежал за ним вдогонку в ту жуткую ночь и оглушил его сзади. На следующий день при нем неотлучно находился Лавкрафт, которому помогал Говард, и отвлекал его от желания выпить едой, чаем и обещаниями жвачки. Когда жар, Наконец, спал, с ним поговорил Говард и дал ему надежду.

— Что мне теперь делать? — спросил Эдгар. — Цель моей жизни в этом мире утрачена! И умереть нельзя.

— Эх, приятель. Я могу посочувствовать, — сказал верзила. — Вот что я скажу. Делай то, что делаем мы, писатели. Пиши. Пока все не выпишешь. У нас есть бумага, перья и еда, да еще мы заполучили гения, который страдает. И печатный станок у нас имеется. Для меня это смахивает на удачную комбинацию.

И тогда По ощутил, что еще может быть надежда и согласился на сотрудничество. Если он сможет сочинить произведение в духе того, что выдавали эти ребята… и показать своей дорогой Вирджинии, что он может накарябать вещицу куда лучше тех, что стряпает этот жалкий писака Лестер Дент, то, пожалуй, Вирджиния к нему еще вернется…

Да! Словам Э. А. По вновь суждено звенеть в со-

знании рода людского! Только теперь эхо их будет не столь смертоносным, несмотря даже на то, что в них по-прежнему будет его литературный дар!

Писать, писать, писать!

Слова изливались стремительно, как никогда прежде. Говард дал ему кое-что из их писаний и своего киммерийского героя Конана. Лавкрафт обеспечил поистине блистательными негодяями и охотно объяснял вещи из миров Дока Севиджа и Тарзана, которых По не понимал.

Но По вкладывал сюда свой гений и чувствовал, как тот струится сквозь алкоголь и жвачку грез, чтобы принять четкие очертания на бумаге.

И какая великолепная получалась история! Рассказ о попытке Темных Богов завладеть Миром Реки, сорванной лишь ценой величайших жертв новой командой литературных героев, которым блистательный поэт дал второе дыхание в своей прозе.

По глубоко вздохнул и опять сел за работу.

Через час было готово, он аккуратно сложил страницы последней главы и затопал вниз по лестнице в общую залу. Он нечасто спускался сюда, и вообще избегал мест, где запросто мог наткнуться на Вирджинию и Дента.

Ел он большей частью у себя и надолго уходил

гулять. Однако, в своих целях, он порой соглашался видеть их вдвоем — столько времени, сколько это не было невыносимо. Ничего, вот прочтет она его шедевр, и увидит, насколько заблуждалась.

Он застал Говарда и Лавкрафта греющимися у огня и торжественно вручил им последнюю главу. Они быстро прочли рукопись и, когда дочитали, Говард заговорил первым.

— Ну, знаешь ли, как я уже говорил раньше, я не совсем таким представляю себе Конана из Киммерии… Но, черт побери, это хорошо.

Лавкрафт покачал головой.

— Нет, Боб, это великолепно.

По с трудом улыбнулся.

— Благодарю вас.

— Теперь все, что нам остается — это получить одобрение Берроуза, — сказал Говард. — И мы запустим это в производство сразу после «Док Севидж встречает Голиафа».

По, усталый, но счастливый, последовал за этими двумя в печатню.

Берроуза там не было, но был Дент, его правая рука. Говард с удовольствием изложил новости, а затем — последнюю главу «Стенаний Героев» и свое о ней мнение. Дент пожал плечами.

— Прочту. Но, знаете ли, не могу сказать, что все,

что я уже прочел, меня сильно увлекло. Слишком многословно для такого, как я. Действие, говорят вам. Надо, чтобы события все время двигались… И, разрази меня гром, если мне нравится мысль о том, что Док Севидж стал писать стихи!

— Но среди них — кое-что из моих лучших стихов! — воскликнул По.

— Может быть. Но уж чересчур вольно ты обращаешься с моим персонажем, — сказал Дент. — Угу, я прочту. Но, предупреждаю… Не похоже, что это в скором времени будет оттиснуто.

— Что такое? — вскинулся По.

— А ничего. Я показал Берроузу первую половину. Ему здорово не понравился тот кусок, где Тарзана погребли заживо, а затем он воскрес у древних греков, которые попытались его опустить.

— Но здесь такая великолепная символика! — запротестовал Лавкрафт.

— Возможно.

Эдгар начал закипать.

— Великое просится наружу. Дайте обратно рукопись. Я хочу показать Вирджинии.

— Она уже читала, приятель. Я показал ей, как только ты попросил. Все по-честному, и мне жаль, что у нас с тобой сложности. Конечно, ты попал в

учебники английского, а я нет, но я на тебя за это не в обиде. Короче, Джинни это прочла, и вот что велела тебе передать: «Кажется, его влечение к нездоровому непреодолимо. Бедняга». Не думаю, что у нее будет охота читать ваши новые вещи, мистер По. Вы сейчас делаете действительно хорошую издательскую работу для нас, и, полагаю, мы опубликуем ваши рассказы и стихи, когда запустим журнал… Но вам не хватает того, что требуется, чтобы написать хорошую книжку о Доке Севидже, по моему скромному мнению. Равно, как и по мнению Босса.

— Дерьмо! — сказал Роберт И. Говард.

— Полная дичь! — заметил Г. В. Лавкрафт.

Эдгар Аллан По тихо повернулся и опять направился в свою комнату собирать вещи.

Как ни странно, он не чувствовал ничего.

Абсолютно ничего.

6

Пей, забудь Линор навеки —
И покой вернется в грудь!
Каркнул Ворон: «Не вернуть!»

Эдгар Аллан По «Ворон»[47]

Долгое время внутри была пустота.

Тяжелое оцепенение охватило его душу. Когда он их бросил в тот день, он собирался уйти далеко, как можно дальше от печатного станка и колонии писателей. Однако внезапное безразличие увело его только на несколько дюжин миль вниз по Реке, где он повстречал группу австралийских аборигенов. Они выносили его присутствие без жалоб. Однако Эдгар был настолько замкнут в себе, что даже не мог погрузиться с ними вместе во Времена Сновидений.

Так и случилось, что прошли месяцы и, когда вниз по Реке явилась весть, принесенная перепуганным путешественником-американцем, что беда обрушилась на Дом с Семью Щипцами, По был физически не так уж далеко от издательства, не дальше, чем душой.

— Наци, — сказал тот человек.

И это слово было неизвестно Эдгару По.

— Давай я попробую объяснить. Я участвовал во второй мировой войне и боролся против них во Франции. Национал-социалистская партия. Они заправляли в Германии в 1940-е. Теперь, кажется,

---

[47] Примечания: 47
Перевод В. Бетаки.

они прибрали к рукам печатню. Форменный позор. Я с удовольствием читал эти книжки. А теперь взгляни, какую пакость они выпускают!

Путник порылся в своем тюке и выудил книжку, которая, как сразу подметил Эдгар, была куда изящней обрезана, переплетена и прочее. Он вслух прочел заголовок: «Тарзан юбер аллес»?

— Да. Чертова нацистская пропаганда. Они превращают «Семь Щипцов» в нечто вроде политической машины.

По с мгновение изучал книгу, затем вернул, поблагодарив. Он вернулся в маленькую палатку, которая здесь служила ему жильем, с намерением ухлопать весь запас жвачки грез и порцию спиртного, которыми сегодня обеспечил его грааль. Однако, когда он уже лег и потянулся за жвачкой, что-то задержало его руку.

Он вспомнил, как Лавкрафт болтал о расовой чистоте и о том, как в свое время восхищался фашизмом. По не вполне разбирался в политических теориях, возникших после его смерти, но от того, что он слышал об этих наци, у него по жилам побежал холодок. Ему никогда особенно не нравились черные, и он никоим образом не был аболиционистом. Но ему не пришлись по вкусу и та глобальная ненависть и геноцид, в которых,

как он слышал, были виновны наци.

В ту ночь, вместо того, чтобы жевать и пить, он до утра пролежал без сна, размышляя. Размышляя, впервые за долгое время в этом мире с ясной головой.

И когда занялась заря, он начал путь вверх по Реке.

7

В Галааде, близ Святыни,
Есть бальзам, чтобы заснуть?
Каркнул Ворон: «Не вернуть!»
Эдгар Аллан По «Ворон». [48]

Он нашел Говарда Филлипса Лавкрафта в городе, не доходя три мили до Издательства «Семь Щипцов».

По задержался здесь, чтобы поглядеть, не известны ли здешним жителям — большей частью, немцам четырнадцатого века — какие-то подробности о том, что случилось в колонии писателей. Они провели его в маленький домик, где лежал человек, весь в бинтах — и это был Лавкрафт. Едва ли в сознании.

---

[48] Примечания: 48
Перевод В. Бетаки.

— Эдди! Эдди! Боги, он вернулся! Ужасно! Просто ужасно!

— А Вирджиния… и остальные… они все целы? — спросил По.

Лавкрафт покачал головой.

— Берроуз мертв. Остальные… они капитулировали, хотя, не знаю, как долго они смогут стряпать чернуху для этих хмырей, пока не попытаются покончить с собой, чтобы от этого избавиться. О, как я ошибался, как ошибался, Эдди!

И рассказал ему, что случилось.

Отряд в сорок человек явился к ним однажды, примерно месяц спустя после ухода Эдгара. Они задавали на ломаном английском вопросы о печатне, и, после того, как они пообещали дать припасы за несколько книг, их всюду провели и все показали. В самом конце они выхватили оружие и осуществили захват издательства. Берроуз был в тот день с ними и наблюдал. Все они сражались. Берроуза, в назидание коллегам, забили дубинами насмерть.

— Их два предводителя сказали, что они Адольф Гитлер и Йозеф Геббельс, но Фауст убежден, что они самозванцы, которым удалось сплотить кое-кого из старых наци. Однако, план их неглуп. Они намерены использовать наши книги и наших

персонажей, чтобы повлиять на читателей этого мира… и вымостить дорогу для преобладания их философии.

Затем он рассказал, как бежал после жестокого избиения, когда он однажды отказался браться за перо.

— Мне повезло, я нашел у реки вытащенный на берег плот. И я просто забрался на него и поплыл. Эти добрые люди подобрали меня, но, боюсь, я долго не протяну. Тем не менее, когда я снова воскресну, я опять разыщу моих друзей. В моей земной жизни я слишком много времени провел затворником, а теперь у меня есть тяга к настоящей дружбе.

— Он глубоко вздохнул, содрогаясь, и продолжал. — И я теперь знаю истинную цену тому, что я… тому, что мы делаем, как писатели… — раздался новый вздох, и По дал больному воды. — Наши опыты, и неважно, какое чтиво мы карябаем, это грозная сила, По.

Эдгар кивнул.

— Думаю, что написанные мной слова были моим спасением… И, разумеется, это единственное хорошее, что я делал в своей жалкой жизни.

— А Вирджиния?

— Вирджиния отреклась от нас и стала любов-

ницей типа, который утверждает, что он Гитлер.

— Понятно.

— Прости.

— Полагаю, мистер Дент сказал бы то же самое.

— Да. Я уверен, ему хотелось бы поговорить с тобой… хотя, не знаю, что можно сделать. Сорок сильных вооруженных типов. Они уже ищут авторов-прозаиков, чтобы на них работали. Подозреваю, скоро они смогут убить Говарда, Фауста и Дента, и станут вертеть их персонажами, как захотят. Что мы можем сделать?

— Во-первых, мой друг, ты должен выкарабкаться. Нельзя, чтобы ты умер и перенесся на сотни тысяч миль отсюда. Во-вторых, надо подождать… Я постараюсь вернуться.

Лавкрафт пообещал собраться с духом.

По направился к старшему в немецком поселении и отдал ему всю свою выпивку и жвачку грез за наилучший возможный уход для своего раненого друга. Он немного поспал, а затем одолел последний отрезок пути до Издательства «Дом с Семью Щипцами».

8

«Лежу я недвижно,
Лишенный сил,
И каждый мускул
Как будто застыл.
Мне лучше: не мучит
Горячечный пыл».

***Эдгар Аллан По «К Анни»*[49]**

Эдгару противен был один вид этих людей. Что за отвратительные назойливые солдафоны. В особенности, двое, звавшиеся Гитлер и Геббельс. Имело ли хоть какое-то значение, что они самозванцы? Разумеется, и у тех, за кого они себя выдавали, не могло оказаться более гнусных душонок.

— По? Эдгар Аллан По? — переспросил Геббельс. — Кажется, я читал кое-что из ваших рассказов.

— Да, я автор, а также издатель с неплохим опытом. И я ищу работу.

По всегда отличался талантом по части подобострастия и лести, и теперь он сполна им

---

[49] Примечания: 49
Перевод. М. Зенкевича.

воспользовался, разглагольствуя о том, как все теперь, при нацистах, превосходно налажено.

— Почему вы хотите на нас работать?

— Я стану работать на любого, кто сможет достаточно заплатить мне выпивкой и жвачкой, — ответил По. — И, кроме того… Я работал здесь раньше и был изгнан. Для меня было бы немалым удовольствием утереть нос моим прежним работодателям, которые, как я понимаю, ныне утратили свободу.

Тут человек, звавшийся Гитлер, улыбнулся.

— Да-да, Йозеф, у него есть причина здесь работать и, кажется, я о нем слышал. Особенно он известен своими рассказами… Человек, который хорошо пишет и добровольно согласен сотрудничать — это ценное приобретение.

— Да-да, согласен… Но сперва мы должны наставить его по части нашего дела, — сказал Геббельс.

— Признаюсь, то, что я слышал о вашей философии, весьма занимает меня. Необходимо установить хоть какой-то порядок в этом погрязшем в анархии мире… И почему бы не дозволить править могучей чистокровной расе? Я сам из такой породы, и мне явственно видно наше превосходство, — сказал По.

Геббельс не был полностью удовлетворен. Он приказал привести Лестера Дента. Глаза Дента расширились, когда он увидел Эдгара. А, поняв, что Эдгар здесь делает, он запылал гневом.

— Ах ты, сволочь!

— Дент, — сказал По, — может быть, «Семь Щипцов» станет печатать то, что я пишу.

— Предатель!

— Достаточно. Уведите его, — приказал Гитлер. — Сегодня с вас дополнительная глава «Блицкрига герра Доктора Севиджа», или вас немилосердно выдерут.

Эдгара препроводили в уютную комнату и обеспечили пером и бумагой. Во время обеда он в непринужденной обстановке побеседовал с новыми работодателями и опять увидел свою земную жену Вирджинию, сидящую рядом с Гитлером. У нее хватило такта опустить глаза и глядеть в пол, и вся та ненависть, которой проникся к ней бывший муж, в один миг развеялась. При первой же возможности он отвел ее в сторону.

— Вирджиния, мы все должны удержаться, да?

— Эдди… Почему ты вернулся?

— Работать. — Он поглядел на нее своими проницательными глазами и миг спустя понял, почему она сделала то, что сделала. — Ты его

любишь, этого Дента, я прав?

— Да.

Он ощутил приступ былой ревности. Как это было легко — позволять вырываться бурным и неконтролируемым эмоциям — и теперь, без жвачки и выпивки, он все еще чувствовал боль, но, похоже, его интеллект лучше контролировал ситуацию.

— Вот почему ты теперь с этим Гитлером… чтобы оставаться поближе к Денту и помочь ему, чем только сумеешь.

— Да, Эдди. Прости. Я была так молода… и так больна все время… Я так и не повзрослела. Но повзрослела здесь. Я изменилась.

По кивнул.

— Настала пора, когда ты сможешь помочь Денту и другим. Для этого я здесь, Сисси. Я пришел не для того, чтобы работать на тиранов.

— О, Эдди… — эти яркие глаза, казалось, опять наполнились любовью. Он почувствовал, что снова жив. — Это чудесно… То есть… Что я могу сделать?

— Как вооружены эти мерзавцы?

— Мечами. Луками и стрелами. И дубинками, разумеется. Они с таинственным видом вспоминают те чудесные пушки, которыми располагали

в прежней жизни.

— Отлично. Значит, у нас есть шанс. Сисси, мы не можем их побить в драке, но мы можем уничтожить то, чем они готовы воспользоваться — и в суматохе скрыться вместе с остальными.

Он открыл ей свой план, и она, едва дыша, согласилась помочь.

Как выяснилось; Вирджиния бойко хозяйничала и в доме, и в печатне, и знала всех охранников. По было даровано право ходить повсюду. Вдвоем они пробрались в погреб, где хранились припасы, включая и несколько бочонков дистиллированного лишайникового спирта, который берегли, по настоянию Берроуза, «для возможного медицинского применения». По в свое время не раз требовал доступа к спирту, но ему отказывали, и приходилось довольствоваться одним элем. Теперь он был рад, что так обернулось. Припасы не охранялись, и оказалось достаточно легко вынести два небольших бочонка.

— Отнеси этот бочонок в печатню, Джинни, и там вылей все на сухую бумажную массу. А затем, не теряя времени, возьми факел и подожги. И что есть духу беги к деревьям — спрячешься там, прежде чем наци сообразят, что ты сделала.

— А как ты? И как Лес и остальные?

По ухмыльнулся.

— Встретимся за деревьями.

Она обняла его, поцеловала в щеку и взяла бочонок. Он выждал несколько минут, а затем понес второй бочонок в общую залу. К счастью, там было пусто. В одном углу валялась громадная куча недавно завершенных копий «Тарзан Юбер Аллее». Он увлажнил книги половиной содержимого бочонка, а остальное разбрызгал по деревянному полу, стенам и мебели. Затем вернулся в свою комнатушку.

Из его окна открывался превосходный вид на печатню. Внутри все еще было темно… Нет. Засветилось! Свет колеблется. Он услышал далекое шлепанье шагов — это удирала в ночь Вирджиния.

Теперь дело времени, чтобы языки пламени вырвались из окон, и охранники поняли, что стряслось.

Он спустился в общую залу, где загодя приметил груду мечей. Еще минута — и поднимется тревога.

— Пожар! — вскричал кто-то. — Пожар в печатне!

Возбужденный галдеж и резкие приказы зазвучали в ночи. Тщательно держась в тени, он

наблюдал, как пять человек несутся вниз по лестнице. Затем взял четыре меча и дубинку и вскарабкался наверх, туда, — где, как он знал, держат авторов. Для удобства наблюдения, всех их заперли в одной, самой большой комнате. Теперь, выглядывая из-за угла, По видел, что на посту остался только один охранник… И, похоже, того больше занимало творившееся в соседнем здании, нежели его прямые обязанности. Бросив на полу мечи, По тихо подкрался к часовому и со всей силы обрушил дубину ему на затылок. Часовой упал, глухо стукнувшись об пол. Эдгар не медля метнулся к двери и поднял тяжелый засов, на который были заперты авторы.

— Мистер По! — воскликнул Роберт Говард.

— Ты?! — поразился Дент. — Что там творится?

— Я устроил вам побег. Боюсь, что издательство «Дом с Семью Щипцами» должно перебраться в более надежную гавань. Вирджиния подожгла второе здание, и наци теперь, вне сомнения, пытаются подавить огонь. Я, в свою очередь, собираюсь подпалить эту конуру, так что у них будет хлопот полон рот, пока мы основательно удалимся. Джентльмены, вот мечи, предлагаю вам разобрать их, и молиться Богу, чтобы не пришлось пустить их в дело.

Он подобрал последний оставшийся меч после того, как Фауст, Говард и Дент вооружились. Повел их вниз, в общую залу.

— Быстрее, Боб… горящее полено из очага.

Боб Говард не терял времени.

— Но Вирджиния… Разве можно ей доверять? — произнес Дент. — И почему ты это затеял, По?

— Во-первых, друг мой, Вирджиния сделала то, что сделала, ради тебя. И теперь спасает тебя. Верности, как представляется, присущи различные измерения в этом мире. Что касается меня… Может быть, я чувствую ответственность за своих литературных эпигонов…

Фауст хихикнул.

— Ну, знаешь ли… Спасибо.

Говард вернулся с пылающей головней.

— Будь добр, подожги вот эту кучу дряни, Боб, — попросил Эдгар, указывая на груду «Тарзан Юбер Аллее».

Говард усмехнулся.

— Верное дело.

Бумага быстро занялась, но они не могли стоять и смотреть, когда разгорится вовсю.

— Через задний ход и вверх по склону к деревьям, — приказал По. — Там мы встречаемся с Вирджинией. А затем скрываемся.

— Но Гутенберг… Нам нужен Гутенберг, чтобы начать все снова, — встревожился Фауст.

— Я теперь достаточно знаю о типографском деле, чтобы снова начать когда и где угодно, — вмешался Дент. — Эдгар прав. Мы все подпалили — и наутек.

Они выскочили в темноту и рванули вверх по склону. По видел, как пылает, словно голова гигантской спички, их печатня, и как наци тщетно пытаются залить пламя водой. Ах, до чего ярко горит бумажная масса! Не хуже, чем пламя в душах и сердцах читателей.

— Готт им Химмель! — этот крик вырвался через несколько минут после того, как пламя кулаком ударило в окно самого дома с щипцами. Залаяли другие голоса. Кто-то кому-то указывал пальцами.

— Нас увидели! Поспешим! — скомандовал По.

И с раскрасневшимся лицом помчался к деревьям. Скоро за ними снарядят погоню… До низких деревьев оставалось лишь несколько ярдов. Пока они спешили в укрытие, что-то просвистело мимо ушей По.

— Стрелы! — крикнул Дент. — Черт! Быстрее, быстрее же!

У самого края леса По ощутил удар в спину и

понял, что в него попали. Он покачнулся, но справился с собой и побежал дальше. Шумно дыша и постанывая, он несся за остальными. Сперва не болело, и он решил, что рана пустяковая, но ко времени, когда они углубились в лес, Эдгар понял, что у него был шок… А теперь боль заявила о себе, точно предвестие страшной бури.

— Лес! Боб! — вскричал кто-то.

— Джинни, — сказал Лестер Дент. — Сюда. Скорее! Надо бежать.

Кто-то стройный и гибкий отделился от теней и примкнул к ним.

— Я уже ходила по этому лесу до самых холмов. Я знаю пещеру, где можно спрятаться.

— Тогда веди нас к ней, — пропыхтел Дент.

По сдерживался, скрывая ото всех свою боль, и ему удалось не отстать, хотя он и тащился в хвосте. В сущности, получалось, что ему помогла та боль, которой всегда была полна его жизнь. Он годами выносил кошмар в душе и в голове; разумеется, можно вынести то, что теперь ноет в спине.

Рычащие голоса наци неясно зазвучали позади них, и, несмотря на то, что лихорадка вызвала в мозгу Эдгара жаркую одурь, Вирджиния довела до пещеры их всех.

— Есть выход с той стороны на случай, если нас отыщут… Но я предлагаю задержаться здесь немного, — сказала она.

— Вероятно, они сейчас вернутся и попробуют бороться с огнем, — заметил Фауст. — В любом случае, отдых мне весьма кстати.

— Превосходная идея, — подхватил Эдгар. — Не поможет ли мне кто-нибудь удалить эту стрелу, — он зашатался и упал на колени.

— Эдди! — ахнула Вирджиния.

— Мистер По!

Им не хватало света, но они постарались, как могли. И все-таки у них выдалась долгая мучительная ночь, и к утру Эдгар потерял много крови.

Когда заря коснулась вершин, Фредерик Фауст вернулся из беглой разведки.

— Оба здания сгорели дотла, — сообщил он. — Отменная работа, По.

— Ты не забудешь, что я тебе сказал, и где искать Лавкрафта? Явитесь туда, заберете его и начнете где-то в другом месте, — сказал По. Лестер Дент встал перед ним на колени.

— Не поддавайся, дружище. Ты нам тоже нужен.

По слабо покачал головой.

— Нет, я долго не протяну. Идите и начните все снова… Я разыщу вас… Или, возможно, затею своё дело… Да… думаю, это была бы славная идея. — Он подавился и обнаружил, что у него рот полон крови. Он позволил ей хлынуть изо рта и мучительно глотнул воздух.

— И все же, несомненно, вы скорее заведете новую печатню, и твой Доктор Севидж снова будет спасать умы и сердца читателей.

— Эдди, Эдди… — произнесла Вирджиния. — Спасибо тебе. Прости меня, ладно? И найди нас, если сможешь. Найди нас…

— Великолепная мысль; В любом случае, я никогда не был значительным издателем.

Он чувствовал, как жизнь по капле покидает его, и все-таки он знал, что это еще не конец, что он воскреснет на берегах великой Реки во многих милях отсюда — но, как ни странно, к нему пришел покой.

— Мистер По, — сказал Говард. — Я бы хотел знать, насколько много значат мои сочинения для людей. Возможно, я бы дольше прожил. Я лишь надеюсь теперь, что вы не сомневаетесь: то, что писали вы, значило немало… такого не добиться никому из нас.

Слабая кривая улыбка коснулась уголков рта

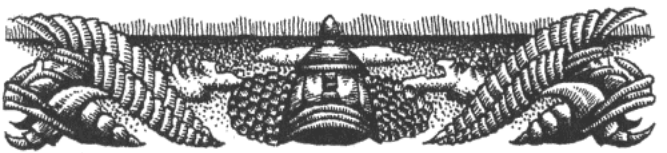
Эдгара Аллана По.

— Сомнения? — он покачал головой. — Не вернуть.

И его душа погрузила весла в другую древнюю и знакомую реку.

На этот раз, не ужасаясь.

Лоуренс Уотт-Эванс
Старые солдаты[50]



Опытный генерал Джордж С. Пэттон оглядел свои войска и улыбнулся; возможно, не все они американцы, но довольно славная компания, тем не менее — даже чокнутые римляне и сирийцы. Он знал, где остановиться.

Когда он впервые пробудился в этом мире, миль эдак на двести выше по течению, окруженный всеми этими треклятыми немцами и уроженцами Азии, кто бишь они там — повсюду оказалось полным-полно нацистов и бывших нацистов, он даже подумал, что он в аду. Он бы помог всем и каждому организоваться, но, когда он огляделся как следует и увидел всех этих людей, которые

---

[50] Примечания: 50

OLD SOLDIERS by Lawrence Watt-Evans Copyright © 1993 by Lawrence Watt-Evans.

умерли примерно в то же время и в тех краях, что и он — на развалинах гитлеровского Рейха, он понял вдруг, что они в любую минуту могут заметить, что генерал Джордж С. Пэттон, Ирландия, командующий Третьей Армией США, главный навозный жук оккупационной армии союзников, больше не располагает армией, которая его поддержит.

И пусть он был там самым жалким сукиным сыном — или нет, несмотря на свою репутацию — он был только один, а их несколько десятков. Азиаты не в счет, поскольку никто из них не знал ни слова ни по-английски, ни по-немецки, ни на латыни, ни на любом другом языке, о котором имели хоть какое-то представление он или немцы. Главное — разница между ним и фрицами.

И тогда он объявил, что отправится ненадолго в разведку и подался вниз по течению с граалишком в лапе, и все тащился, ища местечко получше.

Когда он нашел, наконец, ребят, чесавших по-английски, это оказались американцы — то что надо — но из будущего, из начала 1980-х, и смахивали они на букет анютиных глазок. Ими помыкали сирийцы первого века, и он поразился, как американцы — американцы! — могли

такое допустить. Он подумал, не поднять ли их на восстание.

Затем он познакомился с предводителем сирийцев.

Он по-прежнему настаивал на кое-каких переменах, и американце поддержали его, и вот теперь он здесь. Эти ребятки выглядели как анютины глазки, но теперь, окидывая взглядом армию, которой он командовал, он чувствовал себя довольным. Из ребяток кое-что вышло.

Они смотрели на него и ждали. Он заговорил:

— Кое-кто из вас, глядя, как я стою здесь, точно важная шишка, наверняка думает: «Почему я должен позволить, чтобы меня кокнули ради этого типа или ради императора?»

— Он сделал выразительную паузу и проорал: — Да ничего вы не должны! Ни я, ни император не хотим, чтобы вас кокнули ради нас или ради кого-то еще. Никто никогда не выигрывал войну, померев. Войну можно выиграть, заставив окочуриться сукиных сынов на другой стороне! — Несколько солдат улыбнулось, но большинство было слишком на взводе; и они просто пялились на него, как прежде. — Возможно, кое-кто из вас думает: «Эге, если меня укокошат, невелика беда, проснусь где-нибудь в другом местечке, и

делов», — продолжал Пэттон. — И если вы рассуждаете подобным образом, вас и укокошат, потому что вы тогда не будете биться так свирепо, как можете, и вы не увидите угрожающее вам копьецо или дубинку, пока не станет слишком поздно. И что же, — спросите вы. — Он выступил вперед, на край помоста, и закричал им. — Вот что я вам скажу! Вы здесь хорошо устроились, парни! Я видел, что творится вверх по течению отсюда. Стоит вам пуститься по Скоростному Шоссе Покойников, и вы рискуете вляпаться в говно где угодно на этой чертовой Реке! Вы можете оказаться в граальном рабстве у какой-нибудь гоп-шараги, похуже той, за которую мы сражаемся; можете стать пленниками у пещерных жителей, которые отрубят вам копыта, чтобы вы не драпанули, а не то еще, чего доброго, с вас заживо спустит шкуру какой-нибудь варвар-извращенец… Здесь вам лафа, поверьте мне! Возможно, Новый Рим — не лучшее из чертовых поселений на всей этой сраной Реке, но лучшее, какое я видел за пятнадцать лет после того, как все мы продрали тут глаза, голые, точно слизняки. Не будь это так, я бы сюда не завербовался и не был бы готов вести ораву добрых американских ребяток в бой, вроде нынешнего. Очень даже неплохо, что эти ублюдки

по другую сторону стены хотят ее взять, и наша задача позаботиться о том, чтобы у них ни хрена не вышло! Так что завтра, когда мы выступим, вы будете драться не за меня и не за императора, нет, вы будете драться за хорошую житуху для вас самих!

И прозвучало нестройное «Ура!»

— Итак, все вы должны выйти и — кровь из носу, а чтобы угробили тех ублюдков, а сами не вздумали помирать за вашу страну!

Теперь «ура» вышло погромче и подружнее, и Пэттон махнул солдатам рукой. А те завопили, взмахивая копьями. Пэттон отступил, улыбаясь и делая ручкой, после чего спустился с помоста.

Внизу ждал вестник с белым жезлом, что означало государственное дело.

— Что такое? — спросил Пэттон. Он говорил по-английски. Привычка.

— Император желает видеть тебя, генерал, — сказал вестник на том же языке, отдавая честь.

— Как, прямо сейчас?

— Да, генерал.

— Зачем?

— Не знаю, генерал; возможно, он желает обсудить завтрашний бой.

— Дерьмо, — пробурчал Пэттон. — Мы с этим

уже покончили.

— Я передал послание, генерал; какой ответ мне надлежит сообщить императору?

Пэттон размышлял приблизительно три секунды, затем передернул плечами и рявкнул:

— К черту. Я иду с тобой.

Двадцать минут спустя, посланец поскребся о входную завесу шатра из драконьей кожи, в то время как часовые по обе стороны приветствовали Пэттона. Вестник скользнул в сторону, и Пэттон вступил в шатер.

— Аве, цезарь император, — произнес он, совершив рукой нечто, являвшееся поразительным компромиссом между тем, как он отдавал честь на Земле, и древнеримским приветствием, здесь преобладавшим. Он не проорал слова так, как подобало бы истинному римлянину, но нассать ему на это было; он ведь не римлянин, собственно, он — американец и второй человек здесь.

— Привет, Джордж, — сказал Германик Цезарь, император Нового Рима по-английски из-за своего столика. — У тебя похабный выговор.

— Угу, согласен… — У Пэттона не было настроения продолжать прямо сейчас старый спор — не теперь, когда надо готовиться вести ребят в бой. Свыше десяти лет император брюзжал на его про-

изношение, стоило ему хоть словечко вякнуть по-латыни; Пэттон брал свое, поправляя Германика по части грамматики. Может быть, Германик и законно унаследовал престол, но изъяснялся он до сих пор, как солдат. А Пэттон, возможно, и был солдатом, но учил латынь по отличным ученикам, где в качестве образца преподносились речи Цицерона и его преподаватели были нетерпимы к вульгаризмам. К несчастью, в тех учебниках давался мертвый язык, поэтому у Пэттона был жуткий акцент; как утверждал Германик, его латынь звучала, точно собачий лай. А, поскольку больше половины местного населения происходило из США двадцатого века, Пэттону, по правде, начхать было, что его латынь не в порядке; здесь все говорили либо по-английски, либо на этом кретиническом эсперанто, где грамматика еще более ублюдочная, нежели в солдатской латыни императора. Германику эсперанто пришлось вполне по вкусу, Пэттон его не выносил.

— Что тебе нужно, Мэнни? — спросил Пэттон по-английски.

— Закрой завесу и присядь, — сказал Германик, указывая на складной походный табурет.

Генерал повиновался.

— Выпей.

Пэттон заколебался, и все же принял деревянную кружищу виски.

— Пришло посольство от Пяти Мудрецов, — сообщил ему Германик. — Они прибыли вверх по Реке несколько часов назад.

Пэттон фыркнул.

— Поздновато, не правда ли?

— Может, и нет, — ответил Германик. — Они хотят сдаться.

— О, ради Бога… — на миг Пэттон слишком завелся, чтобы говорить. Германик сидел и наблюдал, как его лучший полководец переваривает этот невкусный кусок, и наконец заливает его виски.

— Лады, Мэнни, — сказал наконец Пэттон. — Я знаю, придется их принять — но просто, во избежание спора, скажи мне, что случится, если мы их не примем, а просто пойдем на приступ, как намечено?

— Прежде всего, тогда многие будут убиты, — ответил Германик. — Возможно, в том числе — и ты.

— И тогда захлопаю гляделками в миллионе миль вниз по течению, — вздохнул Пэттон, протягивая кружку, чтобы ее наполнили по новой. Германик сделал ему одолжение и подхватил

свою кружищу.

— Возможно, ты не сможешь поступить умнее, если твои люди узнают, что ты отказался принять сдачу, — сказал он.

— Солдаты не любят драться ни за что. Особенно ваш брат американец.

— Они вовсе не мои братья, они… — Он осекся. Сорок лет — не такая уж большая разница. Он оставил эту тему и спросил. — Мудрецы стали бы сражаться?

Германик сделал движение раскрытой рукой — римский аналог пожимания плечами.

— Говорят, что нет. Что, — скорее, приняли бы яд и взорвали свою столицу, чем пережили бы позор сокрушительного поражения.

— И ты им веришь?

— Не вполне. Я не знаю, на что они способны.

— Думаешь, они искренне хотят сдаться?

Германик вздохнул.

— Думаю, да, — ответил он.

— Каковы условия?

— Примерно, как ты ожидаешь. Мы можем занять земли Пяти Мудрецов, рабы отходят к нам, захотим — освободим… — он неуверенно умолк.

— Освободим, — сказал Пэттон. — Ты мою позицию знаешь, Мэнни.

Германик кивнул и выпил.

— Никаких репараций, никаких судов за военные преступления, никаких пыток; у всех Мудрецов есть право на уход в изгнание. Ничего фантастического; они знают, что побиты, и просто хотят спасти шкуру.

— Мы бы их в любом случае не стали пытать, — уточнил Пэттон.

— Им это знать неоткуда. Кроме того, этим могли бы заняться их бывшие подданные, если бы мы позволили.

Пэттон выпил и спросил:

— Что ты сказал послам?

— Что сообщу им свое решение утром.

Пэттон вздохнул.

— Значит, похоже, я командую чертовой оккупационной армией. — Он потягивал виски, затем добавил. — Опять.

— Так складывается, Джордж.

— У, черт, вот ведь привязалось… — Он опрокинул в горло остатки питья и вновь протянул кружку. Германик любезно налил ему по новой. С мгновение оба сидели и молча размышляли. Затем Пэттон спросил:

— Ты этим удовлетворен, Мэнни?

— Чем? — переспросил Германик. — Сдачей

или жизнью в целом?

— Да всем сразу.

Германику не пришлось долго раздумывать.

— Ничуть, — сказал он.

— Я тоже, — признался Пэттон. И, промолчав несколько секунд, заметил. — Хотя, казалось бы, мы должны быть довольны. В смысле, мы получаем все, что нам нужно. — Он указал на императорский грааль. — Нам просто все дают трижды в день.

— Однако, это не то, чего мы хотим, — уточнил Германик.

— Нет, не то, — согласился Пэттон, хлопаясь спиной об один из шестов, поддерживающих шатер. Затем поднял глаза. — Так чего ты такого хочешь, чего не получил, Мэнни?

— Мне нужен Рим, — незамедлительно ответил Германик. — Настоящий Рим. Тот самый, которого меня лишили эти мошенники — мой дядя и сукин сын Пизон, когда подбили мою жену меня отравить.

Пэттон кивнул.

— Но ты хотя бы здесь сколотил империю, — заметил он.

— Если можно назвать империей тысячу стадий речного берега с грейлстоунами и хижинами,

где мне приходится отвечать перед избранным сенатом, — ответил Германик. — Да что это за империя, если она меньше сотни стадий в ширину?

— Тебе лучше, чем мне, — пробормотал Пэттон.

— А что такое? — спросил Германик. — Тебе-то что нужно?

— Что мне нужно, — ответил генерал, — так это, черт возьми, настоящая война. Такая, которой что-то достигается.

— Мы чего-то достигаем. Мы расширяем империю.

— О, да. Но я не об этом. Разумеется, мы освобождаем людей, помогает им начать славную веселую жизнь, хотя не так уж много требуется для этого сделать, поскольку Граали обеспечивают все насущные нужды. Но мы никогда не освободим все, поскольку эта чертова Река непомерно длинна, и нет способа сколотить здесь действительно большую империю, и, если сперва это выглядело как вызов, то теперь мы достаточно велики, чтобы никто не хотел с нами схлестываться. Мы показываемся на пороге, и все, у кого правительство хуже нашего, просто сдаются, дабы избежать бойни. — Он фыркнул. — Либо так, либо их всех перебьют. И не потому,

что мы такие блистательные чертовы вояки, а просто, потому что численное превосходство — двенадцать к одному.

Германик пораскинул мозгами.

— Это только предложение, — сказал он наконец, — и, надеюсь, ты не станешь его даже рассматривать, но, может быть, тебе следовало бы отплыть подальше вниз по течению, и начать где-нибудь заново, если ты хочешь войны, которую не выиграешь наверняка.

Пэттон прорычал.

— Да не в том дело, что в любой войне обеспечена победа, или — не совсем в том. Просто они ограничены. Мне нужна такая, в которой я мог бы сделать что-то новое. Такая, где враг по-настоящему сопротивляется, да, но, чтобы, одновременно, меня не ограничивал треклятый десятимильный фронт с этой долбаной Рекой посередке. — Он снова осушил кружку. — Не больно-то много можно сделать на такой местности, — посетовал он. — А солдаты… Ну, бойцы-то они ого-го, но ни брони, ни артиллерии, ни чертовых лошаденок для конницы, самое лучшее, что можно выдумать — это наши дурацкие повозки и гренадеры, а все прочие, знай себе, топают с копьями и секирами, металлов, видишь ли, ни хрена — ну, можно так

воевать, а?

— Как уж выходит, — сказал Германик. — У тебя хотя бы есть гранаты. Впрочем, у меня их не было, когда я шел на Арминио.

— На Арминия, — машинально поправил его Пэттон. — И перед тобой лежали леса и поля, ты мог двинуться в обход, мог ударить во фланг, в тыл… А здесь мы деремся, точно в каком-то дурацком поливальном шланге.

— Мы его звали Арминио, — настаивал на своем Германик. — Интересно, куда его занесло.

Пэттон пожал плечами.

— Вероятно, он оказал бы сопротивление не лучше, чем эти проклятущие китаезы или кто-либо еще, кого мы смахнули.

— О, не знаю. Он был вояка что надо, этот Арминио, не какой-нибудь надсмотрщик за рабами. Тебе бы он даже понравился.

Пэттон хмыкнул. Оба уже неплохо набрались, и в случае с Пэттоном это означало, что его речь станет делаться чем дальше, тем невнятней.

— Хотел бы я, чтобы он заправлял в следующей стране вверх по Реке — может, он бы нам дал настоящий бой.

— Что же, он хотя бы не сдался, едва заслышал бы твое имя, как поступил этот ублюдок Валь-

дхейм.

— Да, черт, ни при чем тут мое имя, — пробурчал Пэттон. — Просто он понимал, что мы превосходим его численностью и орудиями, и что мы не собираемся просто перекувырнуться и сыграть в ящик. И что половина его солдат дезертировала бы и перебежала бы к нам. У нас тут слишком легкая житуха, Мэнни.

— Что бы там ни было, я должен теперь выслушать его в Сенате. О, если бы он дрался, тогда мы могли бы его убить. Или был бы я и впрямь император и не обращал бы внимания на Сенат.

Пэттон кивнул.

— Итак, тебя обосрали, потому что тебе не удалось стать императором, — сказал он.

— А этому моему придурку-сыну удалось, — напомнил ему Германик. — Император Сапожок. Эх, не стоило нам так его называть. А я еще думал, что дядюшка Тиберий опозорил нашу семью — да по сравнению с моим родным сыном он — совершенный пример римской добродетели!

— Тебе не удалось сделать из парнишки человека.

— Из меня вышел бы император получше, это точно!

— А из меня вышел бы президент что надо, если

бы мой джип не перевернулся.

— Если бы тебя еще выбрали. Мне-то хоть об этом не приходилось беспокоиться, — и Германик скорчил рожу. — Я правлю теперь, благодаря твоим землякам, но я не правил в Риме.

— Велика важность, — заметил Пэттон. — Пока что ни у кого не хватает духу идти против тебя. В смысле, по-настоящему.

— Пока нет, — мрачно согласился Германик. — Думаю, Вальдхейм наводит переправу.

Пэттон пьяно улыбнулся.

— Может, мне следовало бы взбунтоваться, — предложил он.

— О, заткнись, Джордж, этого еще не хватало! — отмахнулся Германик. — Что за манера губить дружбу. Кроме того, я думал, тебе нужен настоящий бой, а не словесные перепалки.

— Тогда, может быть, мне следовало бы вызвать тебя на поединок, — не унимался Пэттон. — Вооружились бы копьями и щитами и стыкнулись бы, а победитель получил бы империю.

— Это, вероятно, вызвало бы гражданскую войну, — ответил Германик.

— Ну, и что из того, черт возьми? — Пэттон заводился все больше. — Может, это как раз то, что нам надо!

Германик завозился на табурете, поразмыслил и покачал головой.

— Нет, Джордж. Большинству жителей Нового Рима не нужны неприятности. Если мы затеем войну, они просто уберут нас обоих. Мэгги не Планкина, но она, вероятно, столь же охотно отравит меня, если я учиню что-либо подобное. А когда нас не станет, они, скорее всего, изберут Вальдхейма.

— Угу, ты прав, — признал Пэттон и откинулся назад.

— Мне жаль тебя, Джордж. Ты такой же драчун, каким был Фламма.

Пэттон незряче заморгал.

— Кто-кто?

— Фламма, — повторил Германик. — Был такой гладиатор. — Он произнес это слово, скорее на латинский, нежели на английский лад. — Ему четырежды предлагали свободу и возможность покинуть арену. Он всякий раз отказывался.

— Глэдиэйтор, — задумчиво проговорил Пэттон, произнеся это слово на английский лад.

— Гладиатор, — повторил Германик, как требуется на латыни. — Тебе знакомо это слово, не так ли?

— Конечно, я знаю это треклятое словцо, Мэн-

ни! — Пэттон выпрямился. — Оно что на латыни, что по-английски. Я просто думал об этом.

— О чем здесь думать-то?

— А вот о чем, — сказал Пэттон, аккуратно ставя свою пустую кружищу на императорский столик. — Почему у нас их нет?

Германик хмуро воззрился на него.

— Потому что у нас нет рабов, Джордж. Ты и твои приятели-американцы об этом позаботились.

— Но, Мэнни, — сказал Пэттон, — нам и не нужны рабы. Здесь. Если отбросить чокнутых, кроме Фламмы, свободным людям не хотелось идти в гладиаторы, потому что их убивают. Но мы в мире Реки, здесь помрешь, хлоп — и вот уже шустришь где-то в другом месте. И если кто тебя убьет — это не проблема. Черт, да это место могло быть стать классной Вальгаллой — дерись хоть весь день, а погибнешь — ну так что, встанешь на другое утро!

— Где-нибудь далеко.

— Что же, проигравший всегда что-то теряет.

— Если задействовать добровольцев, мы их всех довольно скоро изведем.

— А мы кликнем клич вверх и вниз по Реке. Все, кто хочет драться, идите к нам, сюда.

Германик задумался. И наконец сказал:

— Мне нужно выработать условия сдачи, а тебе предстоит надзирать за оккупацией. Но мне здорово не хватает Игр. Это было бы не так, как в Риме, но возможно…

* * *

Постройка арены шла куда быстрее, чем ожидал Германик; очевидно, многие добрые граждане Нового Рима успели соскучиться не меньше, чем они с Пэттоном. Инаугурационные Игры, которые открывались футбольным матчем, состоялись лишь пять месяцев спустя после того, как Земли Пяти Мудрецов капитулировали и добавили империи несколько тысяч человек, большей частью китайцев эпохи Мин.

После футбола (Красные побили Зеленых со счетом 28:7), начались гладиаторские бои, и Германик почти плакал, глядя на знакомое зрелище. Оружие было больше из камня и дерева, чем железное, но все остальное — точь-в-точь, как он помнил.

Точнее, почти все остальное. Благодаря американцам, новоримляне не так подавали знаки, и настаивали на использовании своих дурацкий вверх-вниз большой палец. Но все было доста-

точно похоже.

И в Играх участвовал Джордж Пэттон с мечом, у которого была каменная кромка, а против него вышел громадный африканец с сетью, сплетенной из травы и бамбуковым трезубцем; естественно, Пэттон предпочел роль секутора, то есть преследователя, в то время как преимущество было на стороне ретиария, или человека с сетью.

Германик наблюдал за ними с любопытством — но и с унынием. Пэттон переоценил себя. Африканец поверг его в течение нескольких минут; и обязан был посмотреть на императорскую ложу, дожидаясь знака — но он был новичком, как и все они, и здорово распалился; он не медля всадил трезубец в горло Пэттону.

Затем он вспомнил об императоре и поглядел на него довольно-таки по-овечьи.

Пэттон заморгал и сел.

Его грааль был рядом, равно как и груда одежды, а утреннее солнце обрызгало вершины гор.

Очевидно, он умер. Но все-таки, это было… Он стал искать нужное слово.

— Доброе утро, — сказал кто-то на эсперанто.

Пэттон поднял глаза и обнаружил, что его приветствует комитет из трех мужчин и женщины;

один из мужчин. — северный европеец, остальные — типичные азиаты.

— Ты в стране, которую мы называем Шамбалло, — сказал европеец. — Тебе нечего бояться; мы мирные люди и не держим рабов.

Повезло.

— Рад слышать, — отозвался Пэттон. Встал на ноги и огляделся. Деревья, чертовски знакомая Река, грейлстоуны…

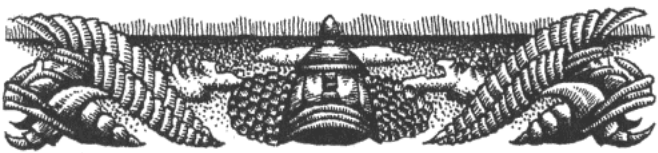
Вот забавно-то. Да, хоть его и убили, но все-таки, он всласть позабавился. Он так не веселился с тех пор, как сдались нацисты.

Он вспомнил, как ему вдалбливали, что благородные римляне были отчасти звери, и это подтверждают их игры на арене. Может быть. Может быть, и он — зверь, раз уж он так жаждет драки — но все-таки ведь это потеха, и никто по-настоящему не пострадал. Он утратил Новый Рим, но вот он здесь, целый и невредимый.

Вот уж впрямь Вальгалла. Он бился и пал одной потехи ради, и встал опять. И ему захотелось того же самого по новой.

— Так, — сказал он, поднявшись, — и чем у вас тут можно позабавиться?

Эстер М. Фриснер
Легенды[51]



Владычица Колхиды прохаживалась вдоль восточной стены и обратно; ее серые глаза подмечали всякую мелочь в войсках, толпившихся на прибрежной равнине внизу. Она сложила руки под тяжелым плащом и поглаживала медные змейки браслетов, перевивавшиеся над самыми ее локтями. Прикосновение их глаз-самоцветов к кончикам пальцев необычайно успокаивало. Каждая грань, каждая кристаллическая связь, взятая у камня, добавляла блеска гранату ногтей, но ничего не убавляла и не могла убавить.

«Я камень и змея, — думала она. — Я Река и невидимое море».

— Владычица? — знакомый низкий голос, дав-

---

[51] Примечания: 51

LEGENDS by Esther M. Friesner Copyright© 1993 by Esther M. Friesner.

но удостоившийся тайного презрения, пробудил ее от блужданий в дебрях философии. Она развернулась лицом к огромному воину. Плащ, его дар, помешал ей двигаться по-настоящему, порхая, он повис на ней и потянул назад, как когда-то, прежде, крохотные ручки, вцепившиеся в одежду…

— От них явился посланец, Владычица, — сказал воин. Он был весь почтение. Вооруженные мужчины за его спиной, которые называли его Сид, то есть господин, никогда бы не сказали, сколь угодно откровенно, что Родриго Диас де Вивар был когда-либо менее, чем безгранично почтителен к Владычице Колхиды.

Она, знавшая скрытое лицо истины, хотела бы рассмеяться. Истина была далеко не забавна, однако в груди вздымалось столь жаркое чувство, что если бы она не рассмеялась, то разразилась бы огненными слезами.

— Посланец, — повторила она. — Они настолько мне доверяют? — Ее губа выгнулась. — Они не боятся, что я поступлю с их человеком, как с ними, или с той фиванской сукой или с моим братцем?

Родриго был чужд иронии. По правде говоря, он как раз этим и гордился: честный прямой рубака, выше скользких влияний придворных, которые

отроду не брались за меч и не проливали доброй жаркой крови. И все-таки, для Владычицы сказать ему правду — а именно, что он заносится почище их, столь презираемых им за дерзкую заносчивость, означало бы навлечь простую, откровенную здоровую трепку.

И вот он бесхитростно пожал плечами и объявил:

— Их посланец — женщина.

Владычица Колхиды не смогла удержаться от того, чтобы на лицо ее не хлынуло удивление. Ее раскосые глаза широко распахнулись, тщательно выщипанные и подведенные брови взлетели.

— Они прислали ко мне одну из их шлюх? Я верну ее им по кусочкам.

Родриго покачал тяжелой головой. Ей вспомнились охотничьи псы ее отца: широкогрудые, косматые, безжалостные.

— Сомневаюсь, что это — образчик их лагерных шлюх. Сама увидишь. Я приказал ей ждать тебя в большом зале.

Владычица Колхиды наклонила голову, давая понять, что все выслушала. Темные, как виноград, локоны прошуршали по ее щекам, вызвав трепетание плоти. Как долго она не знала по-настоящему нежной ласки? Лапы Родриго были

суровыми и тяжелыми, как и все в нем. Для него, почти все время находившегося на поле битвы на этой его последней службе, время было слишком ценно, чтобы тратить его на всякие предварительные затеи на ложе любви. Когда она оставила его, идя в зал к этому странному посланцу, ей почудилось, будто она слышит, как неистовый ветер доносит до ее ушей слова Родриго: «Я рыцарь из Кастальи. И жить для меня — служить».

«Как бык служил корове», — подумала она. — «Прыг — за дело — утолил — ушел».

И вспомнились другие руки — те, что извлекали дрожь золотых звуков из натянутых струн ее тела, тех, что задерживались, тех, что вели к встрече с другими нежными губами, которые не прекращали сладостного поиска, пока она не слышала, что ее собственный голос умоляет дать ей умереть — умереть сейчас, настолько погруженной в наслаждение, что она ныне больше не Владычица Колхов, но рабыня губ, рук и…

Предательские руки. Изменнические губы. Ее собственное тело обернулось изменником, служа этим губам, этим его рукам. Ее тело, в свой черед, предало ее разум, ее сердце — самую ее душу, пока он не пересоздал ее в образе своих собственных нескончаемых измен.

Ясон, мой Иуда.

Владычица улыбнулась своему кастильскому рыцарю Родриго, охранявшему ее мысли. Если бы он смог их прочесть, опять отлупил бы ее.

Как-то раз, не так уж давно, она оказалась достаточно дурой, чтобы высказать свои мысли начистоту этому грубому лицом и повадкой кастильцу. В ее словах содержался насмешливый намек на богиню-девственницу, которую он почитал. Ее не показалось, что это дурно. Смертные не могут умалить славу богов, так отчего не отозваться о них шутя иной раз? Он не стерпел. После того случая она постаралась досконально изучить имена всего богов, которым поклонялся Родриго, чтобы ее никогда больше не подвел острый язычок.

В любом случае, нынче лучше помалкивать.

— Не проводишь ли ты меня в зал, мио Сид? — спросила она, награждая его самым своим разящим взором, темным и тягучим, точно полуночное море. Упоминание его давнего титула было одним из мелких приемчиков ее рассчитанной лести.

— Наши бойцы, все до одного, проводят ночь внутри стен. Я должен немедленно проверить часовых. — Он обернулся и ушел без дальнейших

церемоний, оставив ее одну дышать свежим воздухом.

Путь с укрепления в большой зал был долгим и непрямым. Вниз, по узким винтовым лестницам в каменных колодцах, продымленных черной и жирной копотью факелов. То там, то тут лестница расширяется, и возникает ниша, где сидит на корточках усталый стрелок, прильнув взглядом к бойнице в камне, в ожидании приказов или каких-либо передвижений войска на равнине. Если она останавливалась и прикладывала пальцы к стене, она ощущала, как гудит весь замок — точно пчелиный улей.

В большом зале в очаге полыхал яркий огонь, изгонявший медлительную прохладу из-под высоких сводов. И все-таки Владычица Колхиды немого плотнее обернула плащом свои стройные плечи. Степные ковры, которые выткала она сама, состязались с теми, что были сотканы граальными рабами, изгоняя холода, которые чувствовала, казалось только она. Ничего не выходило. Если она когда-либо умрет, то от холода.

В черном дубовом кресле с искусно вырезанными львами, поддерживавшими подлокотники, сидела женщина и глядела в огонь: посланец. Направленная с какой-то неизвестной целью

осаждающей армией, она излучала во внешнее пространство загадочную безмятежность. В час, когда напряжение боев минувших и боев грядущих одолевало каждого от низшего из граальных рабов и до самые высокопоставленных обитателей замка, эта вновь прибывшая казалась не ведающей страстей. Она даже не поняла, что в зал вступил кто-то еще, хотя обутые ноги Владычицы, ступая по каменным плитам, вызывали эхо до самых стропил.

Владычица Колхиды измерила взглядом чужую женщину, сидевшую у огня и не догадывавшуюся, что она больше не одна здесь. Что же, Родриго не солгал. То была не армейская шлюха. Судя по всему, у этого создания едва ли достаточно мозгов, чтобы раскинуть ноги, если какому-нибудь мужчине захочется того, что между ними.

«Она смотрит в огонь, но не так, как присуще мне, — подумала Владычица. — Немногим дано читать послания пламени, но почти все одержимы подобным желанием. Она лишена даже этого. Она ничего не ищет среди пляшущих искр. Ни намека на будущее, ни грез о настоящем. Эти ее плоские голубые глаза бледны, почти как зеркало льда. И все, что она видит — это горящие поленья.

Вслух Владычица сказала только:

— Добро пожаловать.

Посланница резко вскинула голову и вздрогнула. Встала, суетливо комкая ладонь в ладони, затем расправила полы своего безобразного бурого одеяния и присела в неуклюжем приветствии.

— Твое Величество, — произнесла она, склонив голову с узлом тонких, как паутинки, тускло-золотистых волос.

Владычица рассмеялась с тем, чтобы позволить расслабиться этой неотесанной бедняжке. Простая учтивость в отношении гостя, ибо она сразу увидела, что ей нечего бояться этого создания, и можно без колебаний разделить с ним хлеб и соль.

— Ты ошибаешься, — сказала она. — Я не царица. Меня называют Владычицей Колхиды.

— Медея, — это имя вырвалось изо рта женщины, точно язычок ящерицы, метнувшейся, чтобы поймать жирную муху. Не потрудившись подняться из своего почтительного поклона, она добавила. — Ты разрубила на куски своего брата, чтобы помочь Ясону похитить Руно. Ты разбросала их за кормой „Арго“, и твоему отцу пришлось задержаться, чтобы собрать тело для погребения, и вы с Ясоном смогли скрыться из глаз.

У Владычицы отвисла челюсть, как если бы говорившая встала из своей нелепой позы и увесисто хлестнула ее по лицу. И все же злорадства или осуждения в том, что сказала женщина, было не больше, чем целеустремленности в созерцании огня. Душа Владычицы затрепетала: никогда еще она не встречала человека, который был бы весь на виду.

— Итак, ты знаешь предание, — вот и все, что ответила Владычица.

— Предание? — На миг в бледных глаза мелькнуло любопытство. Но лишь на миг.

— Сомневаюсь, что ты» слышала правду о содеянном мною, учитывая, откуда ты явилась. — Владычица постаралась, чтобы ее голос прозвучал оживленно, как если бы шутка могла разбудить жар в потухших угольях. — Ты знаешь так же хорошо, как и я, что, будь я всего лишь героиней мифа, я бы здесь сейчас не стояла и не говорила бы с тобой. Легенды спят в книгах вечным сном. Только те, кто однажды жил… получили право снова вкусить воздуху в этом мире.

— О… — Ничего, даже улыбки. — Полагаю, что да.

— Прошу тебя, поднимись, — сказала она, стараясь, чтобы голос оставался низким и ровным.

Женщина послушалась. — Мне передали, у тебя есть для меня вести?

— Да. От твоих сыновей. Они…

— Погоди. — Она не желала ничего выслушивать от своих сыновей. Никогда. Разумеется не нынче. — Сперва позволь мне подобающе принять тебя. Я не царица, но дочь царя. Я прикажу, чтобы тебе принесли угощение.

Медея знаком предложила гостье опять занять свое место в кресле со львами. Сама она присела на скамью у огня. Когда она хлопнула в ладоши, вступили рабы. Они явились не слишком скоро, но с начала осады она привыкла обходиться немногими слугами. Едва ли теперь стоило тратить силы, чтобы бить ленивых. Кажется, что-то ее от этого отвадило.

— Принесите нам подношенье для желанного гостя, — велела она двум худым девушкам с лицами, как слоновая кость, отозвавшимися на призыв.

— Можно чаю? — спросила посланница. — У вас водится чай? Я не пью вина. Мне не по нраву ни одно из вин, какие я здесь пробовала.

— Чаю, — Владычица кивнула, одобряя пожелание гостьи и бросила взгляд на рабынь. Обе заспешили прочь, шелестя длинными платьями.

Молчание ворвалось в зал, точно прилив, наполнив его, когда они исчезли. Владычица ощутила это молчание, будто еще более тяжелый плащ на спине. Ее гостья сидела строго и чопорно, мягкие белые ладони сложены на коленях, обтянутых платьем с высокой горловиной. В ее светлом невыразительном взгляде был холод талой воды, которая бежит весной с горных вершин. Если сейчас кто-то и нарушит молчание, то пусть не это ледяное пугало.

— Итак, — Медея почувствовала, что ее любезная улыбка начинает причинять боль, так часто Владычица прибегала к ней с весьма слабым желанием улыбнуться. — У тебя не возникло трудностей, когда ты шла ко мне через наши войска?

— Нет. — И больше никаких слов, никаких чувств. Или это — глаза краба-отшельника, затаившегося во тьме своего панциря. Или змеиные?

— Я изумлена, — продолжала Владычица. — Ты не особенно похожа на вестника.

— Меня всегда учили, что если ты можешь что-то сделать, то делаешь. — Голос женщины взлетел почти до визга.

— Я могу приносить вести. Почему мне требуется выглядеть иначе, чем теперь?

А! Да никак за этим стеклянистым взглядом Владычица приметила вспышку уязвленной гордости? Возможно, это созданьице — все-таки человек?

— Прости меня, — косящий взгляд Медеи выражал одновременно сожаление и насмешку. — Там и тогда, где и когда я росла, вестники, которые проходили между воюющих сторон, всегда были мужчины, иногда — полномочные посланцы врага, всегда в броне. И даже если бойцы, которые служат мне здесь и сейчас приходят из других времен и мест, они во многом разделяют мои представления: они ожидают, что посол будет выглядеть именно так.

— Я принесла письмо, — бесхитростно сообщила женщина. Она переместилась немного и стала рыться в кармане безобразного бурого платья, прежде чем вытащила сложенный во много раз лист бумаги.

Владычица нехотя приняла его у нее из рук. Письмо было написано рукой ее старшего сына, Эсона, названного по деду со стороны отца. В нем указывалось, что получателю надлежит, соблюдая законы войны, дозволить этой женщине, его уважаемой няне, Госпоже Иссе, свободно пройти.

— Госпожа Исса, — произнесла Медея вслух. И

свершилось чудо: женщина прыснула натянуто и хрупко.

— Так они меня звали. Когда я их нашла, они были еще слишком малы, чтобы правильно произнести мое имя, да и что здесь значат имена? Они были детьми, обыкновенными голодными детьми. Я стала о них заботиться, и они выросли. Вот и все.

— Да… И эта война. — Она вернула письмо. — Итак, ты была их няней. Как это случилось?

Женщина пожала пухлыми, слегка округлыми плечами.

— Я нашла их, а они меня.

— Ты любишь детей.

Новое пожатие плеч.

— Я не чувствую к ним неприязни. Я не много думаю о них так или иначе, правду сказать.

— У тебя когда-нибудь были свои?

— Я никогда не выходила замуж.

— Да, но… — Тут Владычица Колхов осеклась. Впереди — земля, по которой надлежит ступать осторожно. Хранимая достопочтенным Родриго, она повстречала слишком много душ, которые разделяли причудливые понятия о нравственности своего хозяина. Отдав ему свое тело, но не принеся обетов, она явно упала в глазах таких

мужчин, да и женщин. Не то чтобы Родриго когда-либо заикался о браке. Напротив, он дал ей знать, что если когда-либо ему удастся отыскать вновь свою верную жену Химену, все переменится. О, Медея по-прежнему сможет делить с ним ложе, когда ему угодно, но должна будет являться и покидать его тайно, скрывая это даже от граальных рабов. Его ночной горшок станут выносить с большей шумихой.

Это было бы опять как в Фивах, как горестно подумала она. Только там никто не глядел на нее сверху вниз за то, что она возлежала с Ясоном и принесла ему детей без брачного обряда. Когда ее возлюбленный ухватился за возможность жениться на этой суке-царевне Креусе, Медее не грозила утрата ни положения, ни чести. В самом деле, они все трое могли бы счастливо жить вместе, если бы только не сучкин папаша.

Старый дурень Креон! Он боялся, что мои сыновья отберут однажды состояние еще не рожденных щенков его дочери. Вот почему он явился ко мне, грозя изгнанием. Что же, я уняла его страхи, верно? Я удалилась, как он и требовал. Более того, перед уходом я позаботилась, чтобы угроза, связанная с моими детьми, вообще не возникла для его внуков.

— Ее улыбка так и не появилась в глазах. — Если бы вообще могли выйти какие-то внуки из утробы мертвой дочери.

Медея сполна одарила своей притворной улыбкой странную гостью. И подумала: «Пусть маска встретится с маской».

— Что же, госпожа Исса, мне следует поблагодарить тебя за то, что ты так хорошо их воспитала. Они выросли, как я вижу, предводителями народа, и отменными воинами.

— Ты… Тебя это радует? — Легкая неуверенность заставила ее голос запнуться.

— Меня не радует война, которую они затеяли против нас… Против меня… если это то, что ты хочешь знать. Я не безумна. — Медея достаточно часто изучала свой образ в зеркале, чтобы знать, как сверкают ее зубы, как тщательно отработанные изменения лица способны очаровывать и обезоружить. Какое мелкое колдовство! И все же, это все, чем я по-настоящему владею. Так бы и заплакала. — Важно то, что они выросли и стали бойцами. У нас в Колхиде это всегда ценилось.

— Здесь не Колхида, — отозвалась женщина голосом, слишком бесстрастным, чтобы в нем проскользнула тревога, будь здесь преисподняя. — Все переменилось.

— Возможно. Но мы постараемся держаться за то, что, как мы надеемся, не переменится.

— О, здесь все меняется. — Госпоже Иссе недоставало даже отсветов огня истинного философа. Неважно, как хозяйка могла бы принять ее замечания, было ясно как день, что гостья просто болтает от нечего сказать.

— Если пожелаешь. — Настал черед Медеи пожать плечами. — По меньшей мере, эта мысль дает мне какую-то надежду.

— Надежду? — Это слово было повторено просто из вежливости. Не более.

Или нет ничего в этом мире или за его пределами, живого или мертвого, что могло бы высечь искру обеспокоенности, страсти из этого существа? — поразилась Медея. Она вспомнила единоборца своего царственного отца — того, которого одолел в схватке Ясон, того, которого миф потом превратил в многочисленные ряды воинов, облаченных в бронзу, взошедших из посеянных зубов дракона. Всю свою жизнь этот человек посвятил служению ее отцу, пока всяческие следы человеческих чувств, кроме жажды боя, не стерлись в его душе, сердце и глазах.

Похоже, я наконец-то нашла тебе подходящую невесту, Гидра, — подумала Медея. И сказала:

— Да, — по-прежнему улыбаясь. — Надейся на перемены. Это послание ты принесла мне от моих сыновей…

— Ты надеешься, что они простили тебя, — мертвые глаза женщины опять оборотились к огню.

— Это было бы… утешением.

— Ты имела в виду облегчение. — Эти слова были брошены в пламя. — Тогда закончилась бы осада, закончились бы убийства, остановилось бы кровопролитие…

— Это так? — спросила Медея, внезапно подавшись вперед со скамьи. Хищник, подобравшийся перед прыжком на добычу. — И это — твоя весть для меня? Что осаду снимут? Что все кончено?

Женщина, которую звали Исса, лишь сказала:

— Полагаю, решать предоставлено тебе.

Владычица Колхиды отпрянула, точно ее отпихнула огромная рука. И в удивлении спросила:

— Что ты имеешь в виду?

— Я просто хористка, поющая их песнь в эти дни, — сказала она без злобы, вообще без признака каких-либо чувств. — Я не могу прикидываться, будто понимаю, что они имели в виду, давая мне поручение. Я спросила их, когда они сказали мне, что я должна передать: «Какой смысл она

найдет в этих словах?» Они отмахнулись от меня, говоря: «О, она догадается». Теперь я могу сообщить тебе сами слова? Мальчики отказались их писать, и, боюсь, что если я еще помедлю перед тем, как сказать их тебе, я их пожалуй, забуду. Я постаралась их выучить, но для меня в них нет смысла. Я думала, они хотя бы окажут мне любезность и растолкуют кое-что, но…

— Говори, — пальцы Медеи вцепились в полированное дерево скамьи.

— Они сказали: «Передай матери, что если она сколько-нибудь способна воткать огонь в шерсть, пора пришла».

— Огонь… в шерсть. — Владычица Колхиды почувствовала, что губы ее стали сухи и ломки, словно бумага — или как если бы плоть обуглилась до кости. Женщина не предлагала повторить послание, и Медея ее не просила.

Воротились рабы с чаем и пирожками. Владычица Колхиды подала угощение собственными руками, хотя мысли ее блуждали далеко-далеко. Она подметила с легким и неприятным содроганием, как непроницаемое лицо Иссы озарилось откровенным удовольствием при виде пищи. Эта рыжая набивала себе рот лакомствами, как будто не надеялась, что когда-нибудь впредь наестся.

Себе Медея взяла лишь самую малость. Послание светлоглазой Иссы лишило ее аппетита. Кроме того, если она не насытится теперь, не беда, она всегда успеет подкрепиться и позднее. Не требовалось жаться насчет запасов пищи, пока Родриго охранял объединенные Граали замка. В этом, как и во всех делах, касающихся войны, он действовал толково.

Мысли Владычицы сосредоточились не на пище. Или не совсем на ней.

Почему мои сыновья осаждают нас, прекрасно зная, что у нас никогда не будет недостатка в пище до тех пор, пока у нас — наши Граали? О, да, они могут убивать наших воинов на поле брани, и убивают, но и так, и эдак, — мы можем ждать столько же, сколько и они. Почему они выбрали именно такой способ ведения войны, вопреки мнению всех остальных? В этом мире есть существа, знания которых о войне выходят далеко за…

Она вздохнула, затем содрогнулась. Кто мог бы объяснить, почему они действуют именно так. То были ее дети, порождение ее тела, благословенные или проклятые ее благородной кровью. Девять месяцев она была их миром, а они ее миром — многие годы после того. Даже Ясон

явился, как ничтожное мгновение перед любовью, которую она к ним испытывала. В недобрый час именно эта самая всепожирающая любовь облекла ее крыльями безумия и огня, побудив ее совершить требуемое жертвоприношение. Она желала бы поклясться перед всеми богами, что, когда ее нож опустился на те два горла, сыновья молча даровали ей прощение и понимание. Почему она теперь не может их понять?

Исса шумно чавкала, но поглощала предложенное ей не без своего рода утонченности. Это позабавило даже Владычицу, которой так исключительно мало доводилось забавляться в последнее время. Она вспомнила щенка, который был у них когда-то в Колхиде, отпрыска любимого отцовского охотничьего пса, явно тронутого. Это пухлое создание росло то ли не ведающим о своем предназначении в земной жизни, то ли безразличным к нему. Охотиться, рвать, умереть, напоровшись на клыки вепря и обагрив их? Нет, оно предпочитало слоняться по женским покоям, страстно моля о внимании и ласке легкомысленных девчонок. Оно жило, чтобы их смешить, и чтобы, смеясь, они на несколько мгновений забывались.

Ты можешь дать мне забыться, Исса? — подума-

ла Медея, следя, как та глотает и плещет. — Может твое невольное шутовство помочь мне позабыть, как я на самом деле бессильна? Я, черная колхидская ведьма — бессильна! О, какую шутку я сыграла с собой самой! Почему она не смешит меня?

Непригодный к охоте песик давно мертв. Однажды он слишком надолго задержался близ одной юной рабыни, любимой царем. Девушка стояла на коленях на полу и ласкала шалуна, когда явился Ээт, повелевший ей подняться и следовать с ним на ложе. Песик издал свой обычный нерешительный рык — ему не понравилось, что вдруг прервалось это изумительное почесыванье за ушами — и сделал несколько неловких шагов вслед царю. Отец Медеи шагнул ему навстречу, обнажив бронзовый кинжал. Он зажал рукой собачью морду, вздернул повыше голову звереныша и одним ударом перерезал ему горло. Пес поднял жалостливые глаза на своего хозяина и умер, и кровь текла по его пятнистой груди и бокам. Когда рабыня испустила негромкий возглас ужаса и сострадания, Ээт дал ей пощечину.

— От него не было никакого проку на охоте. Невелика потеря, — заметил царь и дернул девушку за волосы, чтобы привлечь к себе внимание.

Медея все это видела. Совсем малышка, она сидела у детского ткацкого станка в женских покоях и училась куда большему, чем просто возня с шерстью. Ее няня и наставница была из скифов. А у них говорили, что скифские женщины колдуньи, все до одной.

Но, будь она настоящей колдуньей, как бы она оказалась у нас в рабстве? А затем, меня тоже называют колдуньей.

То была шутка, черная шутка, а смех должен быть еще черней. Если послание Иссы действительно означало то, что представилось Медее, скоро у нее почти не останется времени вообще для любого смеха.

Чай исчез, пирожков тоже не осталось. Владычица Колхиды наблюдала, как ее гостья облизывает последние крошки с губ, а затем чопорно вытирает губы полотняной салфеткой.

— Я рада видеть, что ты получила столько удовольствия от нашего скромного угощения, госпожа Исса, — сказала Медея.

— У меня всегда было пристрастие к сладкому, — призналась та. — Но, помилуй, я уже сказала тебе, что я на самом деле не госпожа Исса.

— Но так тебя зовут мои дети. — Медея под-

нялась со скамьи. — И если я когда-либо увижу их вновь столько времени спустя, думаю, мне стоило бы приноровиться к их обычаям.

— Ты… ты идешь со мной? — Исса заморгала.

— Такова была цель послания, приманить меня. — Она хотела добавить: «Я угадала?» Но знала, что нет надежды получить прямой ответ от этого создания.

Женщина выглядела раздосадованной. Впервые Медея увидела, что ее тупые черты хоть что-то выразили.

— Если они желали только этого, могли бы так и сказать. Прежде всего, такое послание было бы куда легче запомнить. А не то я утратила покой, как бы не забыть хоть слово или не сказать неверное слово, в то время как, насколько я понимала, каждый слог их послания был наподобие… О, не знаю! Наподобие дурацкого тайного языка, который они запомнили, когда были маленькими, и ты… — Она осеклась, поняв, наверное, что теперь сказано, скорее, словом больше, чем словом меньше.

— Когда я убила их? — уточнила Владычица.

Исса хранила молчание.

— Чего ты боишься? — не отступалась Медея. — Это правда. Разве они не рассказали тебе все от

начала до конца?

— Не сразу.

Исса произнесла это через силу, как тот, кто терпеть не может разглашать тайны, даже те, которые уже всем известны.

— Ну, тогда в конце. Но они должны были когда-нибудь тебе сказать. Или, если нет, ты все равно не могла бы не узнать этого. Я услышала, едва ли не сразу, как пробудилась, что вся эта отвратительная история попала в миф. Когда я еще только приняла это… благословение новой жизни, я имела глупость вообразить, будто нам дано во всех отношениях начать сначала. Каким младенцем я была! Как только я узнала, что это я… Поняла, что это действительно снова я, — она крепко постучала кулаками по своей груди, — …я, во плоти, а не какой-нибудь блуждающий призрак… я пыталась получить все, что мог обещать подобный дар.

— Обещать… — другая повторила это слово так, как будто ни разу не слышала его, иначе как в паре с «и не исполнить».

Медея навострила уши, уловив эту весьма слабую зацепку. Ее раскосые глаза заискрились.

— Значит, то же самое случилось и с тобой, кто бы ты ни была.

— Была и есть. Я уже сказала: здесь ничто не меняется.

— Я это усвоила. Возможно, было бы лучше, если бы мы возродились, ничего не зная, даже наших имен. Но, кажется, боги жестоки во всех мирах. Когда я встретила других, недавно пробудившихся, как и я, и сказала им, кто я, они отказались мне поверить. Медея — такой же вымысел, как и единорог! — воскликнули они. И мне пришлось потратить немало усилий, чтобы убедить их, что даже мифы должны так или иначе корениться в реальности. — Ее рот передернулся, и лицо скривилось. — О, я способна много в чем убедить.

— Ты хотела, чтобы они знали, кто ты на самом деле? — Холодные глаза Иссы по-прежнему были пусты. — Тебе следовало знать, как они откликнутся, если ты убедишь их.

— Ужасом, — согласилась Медея. — Отвращением. Омерзением. Ты, наверное, слышала байки, который рассказывали аргивяне о своих небесных богах. Только у отца есть право уничтожать своих детей. Ради прихоти. Я действовала не из прихоти, но попробуй, скажи это им.

— Но если ты знала, как станут к тебе относиться, если поверят, почему ты так упорствовала?

Владычица Колхиды не могла удержаться от

того, чтобы не поглядеть на это неказистое и унылое существо с некоторой жалостью.

— Потому что в мифе, которым я стала, больше жизни, чем в женщине, какой я была. Таков закон природы: выживает сильнейший.

Пухленькие ладошки Иссы принялись неистово обтирать кусок невидимого мыла.

— Миф… — Ее гладкий белый лоб сморщился, точно от боли.

— Тебе нехорошо? — спросила Медея. — Может, наша пища не подошла тебе? У меня есть кое-какие целебные травы…

— Нет, нет.

— А, понятно…

Итак, ты слышала всю историю: как я обманула дочерей Пелия обещанием омолодить их отца, дабы они умертвили его; как мне почти удалось отравить Тесея, сына Эгоя. И если бы я знала, как свои пять пальцев столь много темных искусств, как ты думаешь, почему Ясон не встретил свой жребий на дне винного кубка? Почему именно моим детям пришлось платить за лукавство этого развратника?

Исса встала.

— В самом деле, не нужно, спасибо. Мне уже лучше. Я могу отвести тебя к ним, если хочешь.

Медея отдала легкий поклон, наполовину насмешливо.

— Если только возможно.

Рабыни принесли плащ гостьи. Он был не так плотен и тяжел, как медеин, но неплохо служил хозяйке. Страж проводил двух женщин к главным воротам замка. Там ждал Родриго.

Как я и предполагала. Владычица Колхиды не могла не улыбнуться. Он предсказуем. До невозможности, до нелепости предсказуем. Мне нет надобности читать будущее по его внутренностям — хотя, какое это было бы удовольствие! — он открывает мне его каждым своим действием.

Разумеется, Родриго пришел сюда, чтобы их перехватить; у него повсюду были шпионы. Точь-в-точь, как у ее отца. Зная, что она живет с мужчиной, одержимо стремящимся раскрыть любую тайну, она старалась не хранить тайн. Она не могла лишить его большего удовольствия, чем то, которое он испытал бы, поймав ее на чем-нибудь за руку. А лишать его любого удовольствия стало для нее величайшим удовольствием из всех.

— Позволь узнать, Владычица, куда ты направляешься? — спросил он.

— Это Госпожа Исса, которая вырастила моих

сыновей, — ответила она. — Они послали ее ко мне с поручением. — Разумеется, он уже все знал, вот она и старалась предельно тщательно все повторить.

— А что это за болтовня об огне и шерсти? — осведомился он, выслушав ее. Медея передернула плечами.

— Это не болтовня, а дерзкая насмешка надо мной. Тебе ведомо мое прошлое, господин мой: огнем, вплетенным в шерсть, я погубила однажды свою соперницу. Я своими руками приготовила для нее брачный подарок: великолепное одеяние, протканное золотой нитью, спряденной из шерстинок самого Руна. Но, когда она его примерила, золото превратилось в нити неугасимого огня. Она умерла в муках, заживо сгорев дотла. — Рот Владычицы Колхиды скривился с одной стороны. — И теперь мои сыновья говорят мне, что она вернулась. Креуса.

— И что в этом тебе? — не понял он. — Ты умертвила ее однажды. Думаешь, она позволит тебе сделать это второй раз?

— Этот мир основан на вторых попытках. — Поднятый вверх уголок ее рта дернулся от недоброго веселья. — Вряд ли я могла бы предоставить ей возможность убить меня.

Его рука упала на ее предплечье, словно приговор.

— Я обеспечиваю безопасность этого замка ради тебя, Владычица. Я служу одной тебе, отказываясь сдаваться. У твоих сыновей нет со мной ссоры. Я бы мог бросить тебя на милость им давным-давно и сберечь жизни многих добрых солдат. А ты так спокойно идешь в их лагерь? Точно овца, отбившаяся от стада? — Его хватка становилась все крепче, пока она не стиснула зубы, не позволяя ему заметить, как ей больно. — Я это запрещаю.

— Нет с тобой ссоры… — Она оборотила свою боль в смех, подобный звону бьющегося стекла.

Нет ссоры! Как у Ясона и его пиратской шайки не было ссоры с ее отцом, царем Ээтом. В мифе рассказывается о том, как доблестное предприятие привело аргивских головорезов — все герои, и каждый — родич небесных богов — в земли Колхов. Они искали Золотого Руна, сокровища, которое стерег не смыкающий глаз дракон. Так говорит миф.

Правда часто безжалостна к людям, только приглядись. Руно представляло собой в действительности овечьи бурдюки с золотым песком, намытым в колхских речках, похищенные Ясо-

ном и его шайкой из дворца Ээта. Аргивяне намеревались лишь разведать, что да как, чтобы вернуться, приведя больше кораблей и больше мечей, если в стране действительно есть чем поживиться.

И вот она увидела его. Миф говорит, что, по воле Афродиты, волшебная стрела Эрота пронзила грудь Медеи, и та внезапно влюбилась в фессалийского разбойника. Что же, пусть миф называет любые имена, ущерб не станет меньше. Бесстыдная, как сука в горячке страсти, она стала домогаться этого золотоволосого юноши из чужих краев. Как и он, она думала, что лишь совершает разведку, когда пробиралась в зал, где он спал со своими людьми. Но, когда она стояла над ним, вдыхая лунный свет с его лица, он проснулся и протянул руку — и там, где он коснулся ее, пробежала огненная искра.

Креуса, прости меня; я научилась волшебству неугасимого пламени у него.

Она повела его из зала в свою спальню. Она повела его из своей, постели в сокровищницу своего отца. На страже стоял Гидра, единоборец Ээта. Он услышал шум шагов и взял копье наперевес, готовый к бою. Когда она выступила из тени и негромко окликнула его по имени, он

успокоился. Она завязала с ним разговор, и этим достаточно притупила его бдительность, чтобы он не услышал, как Ясон подбегает и набрасывается на него. Бронзовый клинок фессалийца неловко полоснул стража по горлу, но смерть не требует от исполнителей утонченности. Если быть столь же слепым ко всяким мелочам, сколь она, смерть — вполне можно назвать подобную пакость доблестным поединком.

А для Медеи важнее всего было то, что Ясон победил. Она смотрела на Гидру, валявшегося в луже крови, в то время как ее любимый выволакивал небольшие, туго набитые мешочки из неохраняемой кладовой. Гидра знал ее с детства и охотно катал ее на плечах. (Он не испытывал к ней истинной любви, она никогда не заблуждалась на этот счет, даже когда выросла. Он чтил в ней кровь ее отца, не больше и не меньше). Она полагала, что ей следовало бы почувствовать нечто большее, чем облегчение от того, что он оказал ей любезность и умер тихо.

У нее не было ссоры с Гидрой, равно как и у Ясона и его удальцов — ссоры с Ээтом. И разве это удержало ее от соучастия в бесславном убийстве доблестного борца и в грубой краже отцовских сокровищ сладкоречивым фессалийцем с золо-

тыми кудрями?

Она часто задавалась вопросом, а что если она вдруг встретит Гидру — здесь, в мире ужасов и чудес? И если да, то что я смогу ему сказать?

Ее смех наполнил главный двор замка. Холодные глаза Родриго сузились под насупившимися бровями, оценивая ее душевное состояние.

— Наше нелегкое положение забавляет тебя? — Не ослабляя хватки, он переместил руку на ее запястье, его костяшки побелели, и ей показалось, будто он вот-вот искрошит ее хрупкие косточки своей мощной лапой. Ее смех иссяк. — Может, я зря не позволил им до тебя добраться. Может, как раз это мне следовало сделать давным-давно.

— И что тебе помешало? — она с трудом прошептала эти слова, превозмогая боль. Его хватка ослабела, и она оказалась в состоянии опять подогревать свои чувства.

— Я дал тебе слово, как рыцарь и человек чести. — Он говорил так, словно сам себе верил, и ей с трудом удалось удержаться от того, чтобы не рассмеяться вслух. Владычица Колхов бросила на своего властелина свой самый чарующий взор.

— Мои сыновья тоже люди чести, — сказала она. — Разве за все дни этой осады пытались они хотя бы раз воспользоваться военными машина-

ми, которые сравняли бы этот замок с землей?

Родриго через силу признал, что она права.

— И все-таки, что дает тебе уверенность, что они не сделают тебя своей заложницей, раз уж ты оказалась у них в руках?

— Заложницей? С какой целью? Чтобы захватить замок? — Она позаботилась, чтобы ее лицо выражало одну только нежность к ее господину, чтоб не было и намека на снисходительность. — Замок нужен им лишь потому, что он служит мне укрытием. Если я стану их пленницей, цель будет достигнута.

— И ты умрешь.

Для него это действительно важно? — подумала она. — Или это новое представление, разыгрываемое ради удовольствия этих солдат, его свидетелей? Или — и она понимала, что это правда — или он всего-навсего боится моей смерти, потому что знает, что ему без меня не удержать замок?

Она помнила время, когда замок был только ее, когда она распоряжалась им по праву опеки. Его подлинный владелец и главный строитель давно исчез. Даже имя его сделалось не более чем шепотом в ее памяти. Она отказывалась об этом думать. Ей хотелось быть счастливой. Как

тогда, после разрыва с Ясоном, как и теперь, она не способна спокойно принимать то, что все ее возлюбленные, все до одного, покидают ее ради соперника. Будь то ясонова сучка-царевна или эгеев байстрюк Тезей, явившийся к отцу, ответ Медеи оказывался неизменным. И жалким.

На этот раз соперник у нее прекрасней любой женщины и сильнее любого сына. На этот раз новую любовь ее возлюбленного не облечешь в пылающую шерсть и не предложишь ей чашу с отравой. Разве можно отравить Реку? Река востребовала его — не откровенно и безжалостно, как смерть, быть может, но более коварно: песней сирены о странствиях, обещаниями приключений, открытий, загадок… Вода всегда поет скитальцам. Но, прежде чем удалиться, он оставил ей замок, наказав беречь, и поведал, как удержать его от тысячи Родриго.

А когда Родриго встал у ворот со своим войском из оборванных наемников и прихлебателей, я отдала ему замок — а себе оставила только знание, как его удержать. Уж если меня зовут колхидской ведьмой, я вполне могу приберечь для себя столь скромную чародейскую хитрость, а? О, Медея, и как тебе не наскучит пускать разбойников в свою постель? О чем я думала? И кто для меня, по

правде признаться, Родриго; чем я его сделала? Или это способ наказать неверного возлюбленного за то, что покинул меня? Второй Ясон? Вторая попытка.

Вторая попытка.

— Господин мой, — сказала она, стараясь ничем себя не выдать. — Допустим, я умру. Я могла бы уже умереть множество раз. Войска моих сыновей снабжены оружием, которое не различает целей. Стрелы не спрашивают имен. Ты думаешь, я никогда не предвидела подобную случайность? Я обо всем позаботилась, уверяю тебя. Поступить иначе…

— Означало бы не оправдать доверия, которое оказал тебе владелец замка. Знаю. — Родриго совершил непроизвольное движение, поглаживая не отросшую здесь, в Мире Реки, бороду. Медея ни с того, ни с сего спросила себя, а впрямь ли эта растительность на подбородке прибавляла ему привлекательности в те дни, когда он ею обладал.

Этого я о нем не знаю, — подумала она. — И этого я о нем не желаю знать. И все-таки мы двое кое в чем поразительно схожи. Мы оба прикованы к преданиям о нас.

— Да, — ровно сказала Медея. — Владелец этого

замка много раз говорил мне, сколько замыслов ему пришлось задействовать, сколько источников строительных материалов пришлось исчерпать, сколько простой и тяжелой работы пришлось вложить, чтобы здесь поднялся замок. — Она бросила взгляд на запертые ворота. Песнь Реки слышалась даже через створки из железного дерева. — Я поступила бы дурно, если бы, следуя прихоти, развеяла прахом все его труды.

— Значит, ты понимаешь, почему я запрещаю тебе идти.

— Он цеплялся за свое решение упорней, чем травы Долины Реки — за почву. — Пусть даже ты хозяйка этой твердыни, порой долг хорошего слуги — призвать хозяина увидеть свои ошибки.

Она вложила ладонь в ладонь Родриго, ощутила, как груба его кожа и замечталась, вопреки себе, о том, что загрубелые от соли и солнца руки Ясона не стали бы так сурово скрести ее плоть. И все же она принудила свои губы нежно улыбнуться.

— Когда-то, Родриго, как давно, для нас больше не может иметь значения, когда-то ты служил лучшему господину, чем я. Ты верно ему служил, даже когда твои враги побудили его переменить-ся к тебе и отправить тебя в изгнание. Я слышала

от твоих людей, какой неколебимой оставалась твоя любовь к тому твоему господину все годы несправедливого изгнания.

— Люди, которые за мной идут, слишком хорошо знакомы с преданием, и слишком плохо со мной, — заметил Родриго. — Я служил моему королю Альфонсо, как и любой добрый рыцарь. Я принес ему присягу. Первая моя клятва верности была дана его брату Санчо, который прежде него властвовал в Кастилии и пал от руки убийцы. — Он бросил на Медею взгляд, от которого ей сделалось тревожно. — Я знал, что Альфонсо не был полностью свободен от подозрений в пролитии крови брата, но доказательства отсутствовали, а страна нуждалась в короле. И я дал клятву верности моему новому властелину вместе со всеми остальными рыцарями Кастилии. Я сдержал слово. И любовь здесь ни при чем.

И никакой любви…

Она почувствовала, что ее улыбка затвердевает, точно высохший мед.

— Итак, мы согласны, ты и я, что верность слову важнее, чем любовь. Я тоже дала слово. Я пообещала сберечь и сохранить этот замок. Так я и сделаю. — Она отступила от ворот, знаком предложив ему следовать за собой.

Позднее, когда главные ворота замка закрылись за ней, Владычица Колхиды поправила на плечах легкий плащ Иссы и с блаженством вдохнула воздух свободы. Перед ней в сумерках лежала равнина, а позади равнины, среди палаток вражеского лагеря, ее ждали сыновья. Ее сыновья… И никто другой.

Медея прикоснулась к груди, где был спрятан кинжал. Его, конечно же, найдут, и отберут у нее, прежде чем она хотя бы вступит в палатку своих детей. Они что-то заподозрят, если она не придет, неся смерть.

И пусть подозревают, им все равно ничего не узнать.

Кинжал у нее на груди был в действительности дар для ее сыновей — такой превосходный стальной клинок, такая редкость! В конце концов, это их дар мне — ее кровь во второй раз, — подумала она. — Кинжал — самое меньшее, чем я могу их отблагодарить. Подлинная смерть, которую она несла, таилась в ином месте — в изящных шпильках, удерживающих ее волосы. Они не были остры, нет, иначе их непременно сочтут оружием и заберут у нее — лишь округлые, невинные, на вид украшения на концах стерженьков, были в действительности затыч-

ками, а в полой сердцевине каждой шпильки… яд. До чего поразительно, что она, которую миф объявил владеющей тайнами тысячи ядов, оказалась в мире, где отравы не существовало. (Даже одеяние из шерсти и огня, которое она послала Креусе, едва ли было отравлено, если отбросить выдумки. Она пошла к той суке со свежей кровью своих детей на руках, безумная для каждого часового, который страшился богов. А следовательно — святая. Она изрекла пророчество, или то, что ей удалось заставить звучать как бред — и они провели ее к царевне, ибо гремящие слова даже самому тупому из стражей худо-бедно давали понять, что она произносит речи, касающиеся грядущей радости их царственной госпожи. А затем, когда Креуса, точно обалдевшая корова, пялилась на безумицу-северянку, как просто оказалось обратить исступленный пророческий танец в орудие смерти).

Все, что я соткала — это узоры, бегущие вперед и назад по сучкиному чертогу. Все, что сделала — танец с бормотанием самой дикой невнятицы, но с именами Креусы и Ясона, раздающимися достаточно часто, чтобы эта молокососка не решилась приказать стражам остановить меня или заткнуть мне рот. Кровь на моих руках тоже

оказалась кстати. Хотела бы я знать, я только думала об этом, или действительно лица моих умерщвленных малышей изгнали в ночную тьму мою душу? Так трудно понять, оглядываясь назад, где заканчиваются домыслы и начинается правда жизни. И притом — чья правда?

Так я плясала, воспользовавшись своим безумием, истинным или притворным, как прикрытием, которое поможет мне оглядеться и найти в ее чертоге то, что принесет ей смерть. Если не останется ничего другого, я пообещала себе вырвать клинок у одного из стражей, хотя я и заплачу за это жизнью на месте. А все оказалось легче легкого. Она любила, чтобы ее чертог был ярко освещен, эта царевна. Чаши с горящим маслом стояли на высоких бронзовых стеблях, точно огненные цветы, по всему чертогу. Я улучила минутку, схватила две из них и опрокинула на эту дурищу. И пока масло пропитывало ее шерстяное свадебное одеяние, а пламя весело взбегало по нему, я бросилась прочь. Стражи были слишком оглушены воплями — сухая промасленная шерсть так хорошо горит — чтобы меня преследовать. Их всех одолело их собственное безумие, то, которое позже сберегло их головы на плечах, когда весть об их роковом промахе дошла до царя.

«О, повелитель, нас не в чем винить! Прибыл сверток с великолепным свадебным одеянием, даром для твоей царственной дочери. Она немедленно надела его в восхищении, и ее немедленно пожрал огонь, с помощью колдовства вплетенный в шерсть черной ведьмой из Колхиды».

Медея рассмеялась про себя и погладила шпильки в волосах, точно верных охотничьих псов. Скоро их пустят по следу. Это стоило ей дней и недель отчаянных одиноких усилий на грани истинного безумия, но она своего добилась: она брала ежедневную порцию жвачки грез из своего грааля, пережевывала, заглатывая как можно меньше слюны, и сплевывала в подставленный сосуд. Когда накопилось достаточно, она тщательно проварила все это на огне, и получила малую долю поистине жуткого зелья.

В замке была граальная рабыня, которая однажды пронеслась по замку, вопя и неистовствуя, точно взбесившийся лев. Родриго, не выносивший жвачки грез, следил, чтобы его самые доверенные порученцы обшаривали все Граали, изымая дьявольское зелье (но грааль Владычицы? О, нет, нет, кто осмелился бы?). А рабыня получила только то, что ей скупо уделила хозяйская рука. Следовательно, она действительно

обезумела. Иначе с чего бы она схватила ножи бросилась на самого Родриго? Именно это сказал Родриго, когда вытирал кровь девушки со своего меча. Именно тогда Владычица Колхиды поняла, что изготовленный ею из жвачки грез яд действует.

И он одолеет тебя, Креуса.

Она пересекла равнину без происшествий. Как она и ожидала, ее остановил передовой дозор ее сыновей. «Я Медея», — все, что требовалось сказать. Ее немедленно препроводили к ним, лишь после самой краткой задержки. Кинжал, как ее уверяли, будет возвращен ей перед уходом.

Если они намерены позволить мне уйти, — подумала она, когда страж придержал для нее завесу входа в палатку. Дайте мне только снова увидеть морду этой девки, дайте мне во второй раз убить ее, и я умру счастливая.

Палатка была огромная, ярко расписанная, окруженная воинами в отличной одежде и броне, с превосходным оружием. Она ощутила странный прилив гордости за сыновей, ставших столь могущественными людьми. Они восседали в креслах из резного дуба, вроде тех, который лучше всего помнили, на шеях и на руках у них сверкало серебро. Вопреки себе, она обнаружила,

что к ее глазам подступают слезы. Так вот что такое — встретиться лицом к лицу с тем, что могло бы быть!

Старший поднялся, чтобы приветствовать ее. Лицо его было непроницаемо. В нем нет порочности Ясона! — подумала она, изучая темные волосы и ровные глаза цвета грозовых туч. А поглядев на младшего, подивилась, насколько Иолай — образ своего проклятого отца, и почувствовала, что ее сердце рвется ему навстречу.

— Добро пожаловать, мать, — сказал Эсон без малейшего намека на издевку в голосе. — Не хочешь присесть? — И указал на кресло, которое освободил. Других сидений здесь не было.

— Я лучше постою, — ответила она.

— Да, именно стоящей я тебя лучше всего помню. — Эсон отвернулся от нее и опять сел на свое место. Между ним и его братом стоял маленький столик, где ждали чаши с вином. Эсон взял одну и добавил. — С ножом в руках. Ты помнишь, Иолай?

Тот мотнул золотыми кудрями. Она увидела, как дрогнули широкие плечи ее младшенького. Он плакал? Она шагнула к нему, но малыши-призраки потянули ее за полу и не дали подойти к живому мальчику.

Ее саму поразил хрип в ее голосе, когда она произнесла:

— Вам следует знать, что я пришла сюда тайно. И должна снова быть в замке, прежде чем откроются Граали для ужина. Если нет, мой военачальник придет к выводу, что вы убили меня, и возобновит войну.

— Войну? — Как странно знаком голос ее Эсона! — Это не война.

Скажи это мертвым, — подумала она. А вслух заметила:

— Тогда что это? Такая трата усилий. Зачем? Просто, чтобы увидеть меня?

— А почему бы нет? — Ее собственный апломб, это легкое поднятие брови. — После того, как мы с Иолаем выросли, нас стало занимать, а есть ли ты или отец среди воскрешенных душ? Наши поиски начались много ранее, чем мне хотелось бы думать, и оказались лишь наполовину успешными. Если только… Может, ты знаешь, где его искать?

— Нет, — это слово просыпалось пылью. — Если бы знала, то лишила бы вас удовольствия его прикончить.

— Ты думаешь, мы хотим этого? Иолай, тебе платить! Я поставил на то, что она все взвешивает

на своих весах! — Эсон поставил чашу, потянулся через стол и дружески стукнул брата кулаком по руке. Брат сидел, как прежде: отвернувшись и уперев взгляд в дальний конец палатки. Старший снова поглядел на мать и сказал:

— Добрые менее чем добры к убийцам родичей, матушка. — Смерил ее взглядом. — Или так говорят мифы. Нам всего лишь хотелось поговорить с тобой, хотя бы чтобы узнать, как ты избежала змеиных бичей, которые они, как известно, назначили тем, кто пролил родную кровь.

— Вы простите меня, если я вам не поверю, — отозвалась она. — Но знайте, что вы можете поверить мне со всей определенностью, если я вам скажу, что стоит вам отнять жизнь у меня, Родриго отнимет у нее.

— У нее? — мгновенное замешательство всколыхнуло холодное море эсоновых глаз, затем в них вспыхнуло понимание. — А, ты имеешь в виду нашу няню? Вне сомнений, ты оставила ее заложницей. Это была твоя мысль?

Владычица Колхиды кивнула.

— Иначе он не позволил бы мне идти. А получив ваше послание, я не могла не явиться.

У Эсона скривился рот, и это лишь с натяжкой можно было бы назвать улыбкой. Он обратился

к брату.

— Иолай, забудь, что ты мне должен. Мы квиты. Я думал, она ни за что не проглотит наживку. — И сказал ей: — Я не так хорошо все помню, как надеялся. Мне казалось, что ты хитрее, матушка. Правда вижу, ты все еще винишь других за свои прихоти. Он не позволил бы уйти? Как если бы ты была рождена не для того, чтобы поступать по-своему!

Она открыла рот, чтобы прокричать: «Что вы можете знать обо мне?» Более чем две тысячи лет спустя слова были слишком знакомы: «Я поступила так с вами, мои малыши, не потому что я хотела, а потому что меня вынудил ваш отец! Что вы можете знать об изгнании? Отняв у вас жизнь, я облегчила вам участь. И нет здесь моей вины».

Медея плотно сжала губы и вновь овладела собой. Двойные шпильки в волосах — вот обещание, которое ее поддерживало.

— Значит, то была ложь, ловушка. Креусы здесь нет. Теперь, полагаю, вы меня убьете, и Родриго расправится с госпожой Иссой. Это для вас ничего не значит. Вы побились об заклад и выиграли.

— Мы бились об заклад, — согласился Эсон, — но мы ничего не выиграли, а лишь потеряли тебя. — Он налил еще вина и опять плюхнулся

на сиденье. — Скажи ей, Иолай. Тебя до сих пор мучают жуткие сны. Ты ей большим обязан.

Золотая голова не шевельнулась, но Медея услышала, как заговорил ее младший. Голос у него был тихим и нежным, неуловимым, как весенняя тучка.

— Мы не солгали. Мы не утверждали, что Креуса здесь. Ты это лишь предположила. Не следует нас упрекать за то, что ты так поняла наше послание.

— Что? — Ярость всколыхнулась в ее груди. Провели! Провели! Кое-кто заплатит кровью!

— Вы лжете мне сейчас, утверждая, будто не солгали. А что еще я могла бы подумать, когда ваши слова были так ясны — огонь в шерсти?

— Ты подумала: это соперница. Та, что угрожает отнять мужчину, который тебе… для тебя… — его голос пресекло рыдание, — так дорог. Дороже всего на свете.

— Ты несешь чушь, — вскипела Медея и прошлась по палатке. — Ох уж, эти загадки! Если вы имеете в виду вашего отца, его здесь нет. Я никогда не видела его и ничего о нем не слышала в этом мире. Если имеется в виду истинный владелец замка, он тоже неведомо где, и моя ревность к нему не пролетит и пяти бросков копья от этой

палатки.

— А ты воспламенила бы саму Реку, чтобы выжечь рану, которая нанесена твоему честолюбию, верно, матушка? — язвительные слова Эсона задели глубоко. — Мы не имели в виду ни того, ни другого.

— Остается Родриго. — И гнев ее мгновенно иссяк. Она почувствовала изнурение. — Тогда вы ошибаетесь, утверждая, что он мне дорог. Я его никогда не любила.

— Что общего имеет любовь с тем, как дорого ты что-либо ценишь — это выше того, что ты любишь, к чему истинно привязана? — Голос Иолая, как теперь казалось, доносился издалека. — Ты достаточно часто твердила, что любила нас.

— Ээт, — Эсон стал загибать палец при каждом имени.

— Ясон, Эгей, все возлюбленные, которых ты заводила после него до дня своей смерти, все возлюбленные, появившиеся после Дня Воскрешения, строитель замка, Родриго… Сколь многих из них ты любила? По-настоящему любила? Или то были всего лишь твердые тела, необходимые, чтобы придавать форму плащу всепожирающего пламени по имени Медея?

— Вы безумны, — она просто устанавливала, но

не обвиняла. — Вы оба не в своем уме.

Эсон покачал головой.

— Мы знаем, что такое безумие. Мы много раз сталкивались с ним после твоего кровавого часа. Дети быстро учатся. Мы уже тогда усвоили, как его распознавать. Дети также смекалистые звереныши. Мы усвоили, что безумие — более верное оружие, чем самый острый клинок.

— Что ты этим…?

— О, сама знаешь, такова правда, матушка. Разве не твое собственное безумие привело тебя сюда на поиски соперницы? — Он рассмеялся. — Сюда!

— А теперь возвращайся в замок. — Иолай повернулся к ней лицом, и холодная ненависть в его глазах ударила ее по сердцу, словно молот. — Она Там. И ждет. Сделай с ней все, что тебе вздумается — все, что сможешь. Но если тебе пришлось просить у него дозволений покинуть твою собственную крепость, как ты думаешь, позволит ли он тебе нанести ущерб его законной жене?

Ее губы шевельнулись, но она не смогла исторгнуть слова. Теперь оба сына наблюдали за ней, жадно и сурово, точно ястреб, готовый броситься на добычу. Она знала, что ее боль не тронула их; имело значение лишь то, что они видят: ей

больно. С усилием, которое ей прежде ни разу не доводилось затрачивать, она смогла наконец произнести:

— Химена?

— Ты знаешь, как здесь могут меняться имена, — сказал Эсон.

И она поняла. Исса… Точно шипение, точно звук, который возникает, когда чешуйки земной змеи трутся о камень, прежде чем змея заползет в свою нору.

— Заложница, которую ты так легко и с такой охотой оставила. — Эсон улыбался. — Цена твоего прихода сюда, и этой поразительной встречи родных.

— Соперница, которой ты так боялась. Она была с ним наедине все это время, дольше, чем ты здесь с нами. — Руки Иолая дрожали, точно у старика. Они сомкнулись вокруг его чаши с вином, и он пил, пока дрожь не унялась. Пальцы, более длинные и точеные, чем у Ясона, смахнули густо-красную каплю с губы. — Каково себя чувствуешь, когда тебе в горло входит нож… матушка?

Она не помнила, как покинула палатку, как отыскала дорогу обратно по равнине. Она только и знала, что кто-то, безусловно, вернул ей ее кин-

жал, потому что чувствовала сбоку его вес.

Звезды ярко осветили ее тропу, но она бежала во тьме. Не было слез, которые затуманили бы ее зрение, но все же местность по обе стороны от ее стучащих оземь ног расплылась. Казалось, даже трава, распрямляющаяся позади, насмешливо шепчется, даже могучий голос Реки звучит в ее ушах злобно и ехидно. Во время бега шпильки выбились из прически. Одна упала и потерялась, но другую она цепко схватила и прижала к груди, точно святыню, укрыв ее у самого сердца.

— Отворите! — крикнула она, колотя в ворота из железного дерева. — Отворите быстрее!

Один из ее людей откликнулся, поднял засов и впустил ее. Та крохотная часть ее мозга, которую не охватил огонь, неуместно поразилась, а как она должна выглядеть в его глазах, чтобы его лицо настолько побелело от ужаса. Она сжала кулаки и потребовала, чтобы к ней привели заложницу.

Другие солдаты подошли поближе, чтобы расслышать ее неистовые приказы. За все время службы ей и Сиду они никогда еще не видели ее такой. И ничто иное, как этот круг молчаливых перепуганных глаз, наконец, привело ее в чувство. Она понизила голос и провела рукой

по волосам.

— Простите меня, — сказала она спокойней, и все же, не утратив властности. — Там, откуда я явилась… Как они обошлись со мной… — она знала, что эти мужчины скорее поддержат беспомощную женщину, нежели одержимую, и поспешила приноровиться к их представлениям. — Я узнала нечто, касательно заложницы, которую наши недруги так ловко подсунули нам; это измена. Доблестный Родриго должен услышать обо всем сразу, и только из моих уст. Но сперва мне нужно ее увидеть.

— Владычица, твое желание будет исполнено, — отозвался один из ее собственных людей. — Но измена? Заложница пальцем не шевельнула против нашей крепости или наших людей с тех пор, как ты отбыла…

— Чистое везение. Если аспид скользит мимо твоей босой ноги, не стоит предполагать, будто все прочие змеи в дальнейшем будут столь же учтивы. Она не рассчитывала, что я так скоро вернусь. Она думала, что у нее есть время для осуществления ее замысла.

Он по-солдатски белозубо улыбнулся.

— Сейчас она узнает, что времени нет. — Его рука сомкнулась на рукояти короткого меча. — Я

приведу господина Родриго. Он в оружейной, проверяет наше оружие. Он пожелает, чтобы ему доверили честь предать смерти эту змею.

— Нет, — настойчиво заявила она. — Ни слова ему, пока я не увижу. Моя беседа с нашими врагами дала мне больше, нежели они рассчитывали. Они плотно плетут свою паутину, ложь за ложью, и порой то там, то тут дозволяют проглянуть правде. Было бы грехом казнить заложницу, если то, что они мне поведали о ней, окажется лишь очередным враньем, какова бы ни была его цель. — Ее неистовые глаза не отпускали его, когда она добавила. — В награду за всю вашу верную службу и послушание, я бы хотела избавить вас от пролития невинной крови.

Они знают миф обо мне лучше, чем меня самому, — подумала она, наблюдая за кругом этих сильных мужчин, отпрянувших при ее словах. — Я привыкла думать, что в этом нет ничего хорошего; теперь понимаю, что заблуждалась. Когда я заговариваю об ужасе, неизбежном при пролитии невинной крови, они дрожат лишь потому, что эти слова выходят из моих уст. Это власть. А власть вызывает повиновение. Невинная кровь… увидеть моих мальчиков — и тех скользких на язык воителей, которыми они стали, кто бы от-

ныне подумал о них, как о невинных?

Она дала воинам понять, что Родриго не должен пока что узнать о ее возвращении. Пока утром не откроются Граали, пусть он верит, что она все еще в стане врагов. Стражи, которые уже видели ее, дали слово чести, что сохранят тайну. (Родриго обратил честь в государственную монету внутри замковых стен. Она молча поблагодарила его за эту столь полезную ей глупую выходку). Лишь один из воинов повел ее в помещение, где оставалась заложница. И ее там не было. Лицо стража сделалось предательски алым, когда Медея потребовала ответить, где эта тварь. Ему даже не потребовалось вымолвить хоть слово.

Опочивальня Родриго находилась в покое бывшего хозяина. Родриго не было там, но была женщина. Она раскрыла рот и натянула одеяло на маленький пухлый подбородок, когда вступила Медея.

Владычица Колхов порыскала по спальне взглядом. Графин вина стоял на буфете под развешанным на стене любимым острым оружием Родриго, но Медея вспомнила, что эта стерва не выносит вина. Она обернулась к своему человеку:

— Принеси чаю. — Он исчез в один миг, не задав

ни вопроса и затворив за собой дверь.

Некоторые время обе женщины не занимались ничем, а лишь удерживали друг дружку в бледных чашах своих глаз. Затем Медея спросила:

— Он уже знает, кто ты в действительности?

Исса покачала головой. Ее золотисто-рыжие волосы, теперь распущенные, падали, тонкие и прямые, чуть ниже плеч.

— Я не собиралась… Он был таким… Я не могла защититься… Никогда раньше я…

— Прекрати болтать. Меня бы не взволновало, если бы ты трахнулась с половиной наших парней. — Она с удовольствием подметила мелкую дрожь, пробежавшую по телу Иссы. — А, но как он поразится, когда узнает, с кем возлежал нынче ночью!

— Ты… знаешь? — (Медея кивнула). — И тебе все равно?

— О, мне не все равно, госпожа! Очень даже не все равно. Но все не так, как тебе представляется. Мы не обменивались клятвами любви, он и я, так что я бы назвала его свободным. Ведь именно клятва могущественнее всего, а?

— О, да! — Исса расслабилась, и даже улыбнулась. — Клятва — это все, — сказала она, и как раз тихонько отворилась дверь, и вошел Медеин

человек с чаем.

Подбросить яд оказалось нетрудно. Госпожа Исса ничего не заметила, занятая одеванием и приведением в порядок скудных волос. Медея выдернула затычку из полого стерженька, спрятанного на груди, и ловко опрокинула содержимое в чашку соперницы перед тем, как разлить чай. Исса глядела на стену, где висело оружие Родриго, и ее глаза сверкали. Вес кинжала у пояса успокаивал.

«Надеюсь, ее демоны толкнут ее туда,» — думала Медея.

— Это было бы совершенством. Что бы Родриго ни рассказывал мне о своей жене, он ни разу не упоминал, чтобы она владела оружием. А я, с другой стороны… Да, пусть схватит меч! И кто после этого назовет меня лгуньей, когда я сожмусь в крохотный, орошенный слезами комочек, повторяя, что действовала только ради самозащиты?

В комнате стояло лишь одно кресло. Медея заняла его, предоставив сопернице угнездиться на краешке кровати. Они прихлебывали чай и беседовали о Родриго: как он неотразим, как он ни разу ни от одной женщины не услышал «нет». Довольно скоро Владычица Колхов с удовольствием подметила набегающий в плоских

голубых глазах тонкий туман. Еще немного… Нужен только булавочный укол, чтобы ее демоны вырвались на свет.

— Мне его для тебя не жалко, — промолвила Медея. — Если честно, то дарю его тебе.

— Даришь? — женщина заморгала. — Точно земельный надел… Как собственность. Нам было обещано… Но он… — остальное пропало в невнятном бормотании.

— Разумеется, дарю. Видишь ли, это мой замок, а не его, и даже я лишь держу замок по доверенности. Однажды тот, кто распоряжается в этом замке, станет распоряжаться и руслом Реки ниже его.

— Он сказал… сказал, что замок будет наш, — глаза Иссы метнулись из стороны в сторону. — Он пообещал. Лишь тогда…

Все лучше и лучше. Владычица Колхиды с трудом подавила победный клич. Он пообещал ей замок, вот как? До чего похоже на него, дарить то, чем он не владеет. Возможно, у нарушенного обещания достаточно острый край, чтобы направить ее туда, куда мне надо.

И она сказала своей намеченной жертве:

— Мне нужна рука Родриго, чтобы помогать удерживать замок, но все остальное в нем — твое.

А все, чего я прошу в обмен — это использовать то влияние, какое у тебя есть, чтобы он и впредь оставался послушным вассалом. Я не против уступить его тебе, — солгала она. — Но не уступлю этот замок ему.

— Жар… Какой жар… — Исса начала колыхаться, стирая со лба несуществующий пот вялыми белыми ладошками.

— Где он? Это только сплетни. Замок наш. Он сказал, что наш! — Ее блуждающий взгляд вперился в Медею и стал пронзительным. Водянистые голубые глаза сверкали, полыхали, горели исступленным холодом. Она вскочила с постели. — И теперь замок достанется ей?

— Да, ей, — откликнулась Медея, подавшись вперед в кресле. Она с радостью наблюдала, как в глазах этой ледышки пляшут демоны. О, почувствуй, как жажда убийства вздымается в тебе, Химена! Пусть твоя мышиная душонка поверит, будто ты в силах со мной тягаться! Или ты не видишь эти мечи на стене? Не слышишь, как холодный металл поет твое имя? Представь себе, как сладостно было бы обагрить один из них моей кровью. Попытайся подняться против меня, дрянь. Только попытайся.

— Она его никогда не уступит. Я не уступлю.

Он не твой, и никогда твоим не был, что бы ни пообещал Родриго — но замок мой. Ты понимаешь? Мой.

Стенания ледышки возросли до отчаянного воя.

— О, матушка! — вскричала она, вся во власти дурмана.

— Матушка, да как ты могла такое допустить? — Она ринулась к стене с оружием, сорвала оттуда короткий меч и, развернувшись, налетела на не торжествующую больше Владычицу. Медея сорвалась с кресла как раз перед тем, как по нему ударил клинок. Ну и сила! — подумала она. — Даже чтобы удержать такой маленький клинок, сила ее рук… Я-то думала, она схватит меч и замахает им кое-как, и тогда я… Второй рубящий удар попал совсем близко и отсек кусок ткани ее одеяния. Она кинулась по полу на четвереньках, точно крыса, отчаянно желая оказаться как можно дальше отсюда.

— Это все ты виновата, Эбби! — взвизгнула соперница, вздымая над головой меч. — Он ни за что не нарушил бы обещание, которое дал мне, если бы не ради тебя! Жадная свинья!

Медея проворно откатилась в сторону, чтобы избежать удара сверху вниз. И тут же почув-

ствовала, как теплая влага растекается от плеча. Оказывается, она была недостаточно быстра. Она выхватила кинжал, желая хотя бы взглянуть в лицо демонам, которых призвала.

Дверь спальни распахнулась.

— Что такое? — прогремел голос Родриго. Медее удалось заметить мертвое тело своего верного солдата, распростертое снаружи, за дверью, прежде чем рыжая фурия набросилась на великана-рыцаря, вопя:

— Я любила тебя, а ты нарушил обещание! Ты отдал его ей! О, как я любила тебя!

Родриго потянулся за своим мечом. Медея не больше одной секунды упивалась надеждой на то, что сейчас осуществится ее план, и Химена падет от клинка Родриго. Кастильская тяжелая сталь даже не покинула ножен, прежде чем короткий меч врезался в шею Сида, и брызнула алая кровь. Рыцарь опрокинулся, и одержимая прыгнула на него сверху, рубя его по голове, хотя ясно было, что он уже мертв.

Владычица Колхиды почувствовала, что у нее распухают глаза от впитанного ими ужаса, пока украдкой подбиралась к двери.

Рука схватила ее за полу и неистово дернула назад. Медея таращилась в голубые глаза, где не

было ничего, кроме крови.

— Здесь есть и твоя вина, — провыла Химена, дыша тяжко, словно зверь. — Я бы никогда не убила их, если бы не оказалась покинутой.

Боги… Что я вижу? Ее слова… — Медея не могла шевельнуться, пригвожденная к месту духом из своего мифа. Она осторожно коснулась своего лица, в трансе, наполовину ожидая, что пальцы трогают черты Ясона.

— Я никогда… Кто… За кого ты меня принимаешь? — спросила она.

Теперь слезы ручьем катились из глаз рыжей.

— Это твоя вина, твоя! Если бы ты не умерла, он никогда бы не женился на ней: на этой толстой пошлой Эбби, нашей мачехе. Эмма сказала, что нам не нужна мачеха. Он обещал оставить нам ферму, а потом решил оставить ей и переписал завещание. Как будто она и так недостаточно получила, свинья! Эмма говорила мне, ты всегда учила ее, что обещание — дело святое, его дают перед лицом Бога. А он и так уже нарушил немало обещаний. Ради спасения его души, я не могла бы позволить ему новое вероломство. Я бы ни за что не совершила подобного, будь у меня выбор. Я любила моего отца! О, матушка, матушка, зачем ты нас покинула?

Кем бы ни было это одержимое демонами сознание, у Медеи вдруг возникло ужасное подозрение, кем оно не является. И все же требовалось спросить.

— Хи… Химена?

Сверкнул грозный взгляд.

— Как ты меня назвала?

Отлично. Теперь — новая попытка. Порой чье-то настоящее имя способно разрушить власть самого жуткого безумия и развеять дурман.

— Исса?

Хриплый смех.

— И ты не можешь правильно произнести Лизбет, в твоем возрасте, матушка? Ты лопочешь, как ребенок! Так или иначе, он всегда называл меня Лиззи. — Голова ее наклонилась, точно у готового к нападению быка. Она подступила к Владычице Колхов на шаг, еще на шаг. — Меня пытались обвинять в их смерти, там, в суде, но это была ложь. Вот почему им так и не удалось меня приговорить. Одному Богу ведомо, на ком действительно вина. — Еще шаг. Клинок взлетает, словно звонкая трель. — И ты тоже.

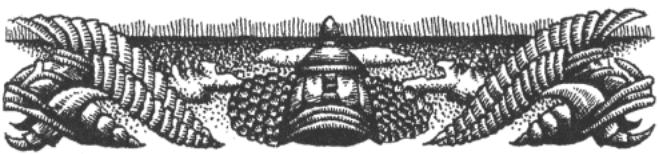
Мысленно Медея призвала черную колесницу, запряженную драконами, которой наградили ее мифы. А перед глазами видела только меч. Слова

Иолая отдались в ее ушах: «Мы не солгали. Мы не утверждали, что Креуса здесь. Ты это лишь предположила». Она увидела лица обоих, когда они еще были маленькими, отраженные в крови Родриго у края лезвия.

Ее кровоточащее плечо негодующе заныло. Она устала от вторых попыток. Ее руки раскинулись. Она обняла все, чем была в действительности, позволив вымыслам соскользнуть, точно слишком тяжелому плащу.

— Вина за их смерть — на мне, — сказала она впервые за обе свои жизни, и склонила голову, чтобы принять удар меча.

Рик Уилбер
Стивен обретает отвагу[52]
Первая подача: Когда кто-нибудь падает, собирается толпа



Стивен Крейн делает три твердых шага влево и ныряет, протянув руку в перчатке, за жестко поданным мячом в середину.

Он запоздал на долю секунды, ибо зазевался, думая, что Бэйб, которая подает впервые за неделю или больше, и выглядит что надо, легко вышибет Редди Буллера. Буллер, в конце концов, из бриттов и крикетист, он больше привык к мячам, которые отскакивают от тесных воротец, чем к стремительным подачам, пущенным левой

---

[52] Примечания: 52

STEPHEN COMES INTO COURAGE by Rick Wilber Copyright © 1993 by Rick Wilber.

рукой. Разумеется, он должен был оказаться не готов справиться с высокой и жесткой подачей Бейб.

Но Буллер оказался ловок, он с размахом отбил первую подачу, как будто с детства играл таким образом. Обычно он малость неуклюж и осторожен, он куда лучше организует оборонительные учения на их сборах, чем в бейсбол играет. Но для каждого бьет его час. Мяч, отбитый Редди, пролетел на середину мимо Бейб, которая только и смогла, что нелепо взмахнуть рукой в его сторону, когда мяч проносился. Стивен, прорываясь к нему, а затем подныривая, надеется только сбить мяч и добиться новой подачи.

Но у богов этого паршивого места имелись свои замыслы, и мяч, совершив чудной прыжок, шлепается аккуратненько в переплетение стивеновой корзинообразной перчатки. Краткий миг Стивен лежит и ругается. Чертовщина?! Неужели он не может сделать здесь что-то не то, неужели ему не положено!

Затем он думает об игре и о товарищах по команде и поднимается на колени, вырывает мяч из перчатки, сшитой из драконьей кожи, немедля крепко бросает Лу. Буллер на шаг обойден. Игра закончена. «Красные чулки» Стивена — 8,

«Тайные агенты» Джозефа — 7. «Чулки», вопя, поздравляют друг дружку и Стивена, налетают на него. Большую часть игры они оставались позади и предполагали, что проиграют, пока дело не решил удар Стивена снизу, который довел их счет до восьми. И вот, благодаря безупречной игре, он смог удержать первенство, они победили.

Стивен поднимается из грязи и принимает счастливые рукопожатия ребят из команды. Второй бейсболист, Нелли, который перевелся к ним за месяц до того после встречи с рыбой-драконом вверх по Реке, первый добирается до Стивена. Он обхватывает плечи товарища рукой и улыбается во весь рот.

— Ты классный игрок, Стивен. Чертовски удачно подпрыгнуло. Парень, ты действительно на высоте. Продержись этот жаркий участок, сколько можешь. О'кэй?

— Еще бы, Нельсон, еще бы, — говорит Стивен и кивает. Но ему недостает духу ответить такой же ослепительной улыбкой. Просто повезло. Слишком повезло, совсем как с мячом, который он отразил подачей раньше, мяч должен был пролететь, но у него словно были глаза, он как скакнул в дальний конец площадки, и Стивен посчитался с Паем за бросок вперед.

Такое теперь творилось в течение месяцев с тех пор, как ему приспичило устроить эти прелестные сборы вниз по великой Реке. Стивену только и выпадало, что счастливые случайности, летящие мячи сами собой падали, наземные подскакивали гладенько, подачи — сплошь мощные и прямо на середину. Как-то чертовски неправдоподобно, и Стивен мало-помалу стал беситься. Можно подумать, все предопределено в этой незадачливой второй жизни, все тщательно закреплено и завязано, и все происходит исключительно так, как намечалось, как планировалось.

Он этого не выносит, ему это противно, он боится.

Вторая подача: Открытая лодка

«Отаго» — огромный, пусть дышащий на ладан, речной плот, скользит вниз по течению торжественным мерным шагом, и кажется, это береговая линия движется мимо, туда, вверх по течению, где пропадает за дальним горизонтом, словно в пропасть рушится, навсегда оставаясь во вчерашнем дне.

Стивен оперся о поручень по левому борту, с наслаждением делает глубокий вдох и раздирает бейсбольный мяч, который держит в руках. Он уже содрал сшитую из кожи оболочку, и теперь медленно вытягивает пучки изнутри, то и дело обрывая нити и пригоршнями роняя в Реку.

Дважды в день такой мяч появляется в его граале. Мячи — все из иной эры, где-то далеко в будущем, на ярлычках — название лиги и фамилия ее президента, ничего ему не говорящие. Но игроки его команды, многие из которых — оттуда, из будущего, радуются этим мячикам, восторгаются ими, и Стивен понимает ребят. Именно мячики побудили его начать это странное путешествие. Мячики, ничто иное, дали им всем цель в этой странной новой жизни.

Стивен находит, что нелегко определить, почему мячики преподносятся ему. Однажды из озорства в студенческие дни в Сиракузах он съел почти целый мяч и, разжевав грубую шерстяную нить и залив ее виски. Возможно, подумалось ему, как раз поэтому у него и появляются теперь мячики.

Или, более вероятно, тут же думает он, что это просто прихоть местных богов. Они хотят, чтобы он здесь играл в свою игру, и таким способом

настаивают на своем. Идти против них столь же трудно, сколь и против течения Реки.

Он снова думает о том, как проходила вчерашняя игра, о решившем ее исход броске, который он совершил, об удачах и успехах последних нескольких месяцев. Похоже, вряд ли он может как-то и чем-то воспротивиться происходящему.

Он несколько раз ударяет о поручень тем, что осталось от мяча, напоминая себе осязаемостью своих действий, что каким-то образом она реальна, эта новая жизнь. Это не лихорадочный бред, как ему почудилось сперва. И не фантазия. Все слишком реально.

Он пустился в это исследовательское плавание просто для того, чтобы попутешествовать по Реке, порассказывать свои сочинения, познакомиться с людьми, живущими по берегам, возможно, даже найти Кору, свою любимую из первой жизни. С того первого дня, когда он нашел Джозефа, нагого и дрожащего, не оправившегося от потрясения после свирепого набега татар, все, казалось, встало на свои места. Они могли плыть по Реке, приставать там, где представлялось безопасным, рассказывать, заводить знакомства, что-то узнавать об этой новой жизни.

Это, как они думали — способ большему на-

учиться, найти еще что-то, о чем можно писать, опять вместе над чем-то работать, старым друзьям, которые снова вдвоем. Как много они теперь расскажут!

И бейсбол был замечательным поводом! Спорт известен в некоторых из деревень, куда они прибывают, сколько удовольствия, и достаточно невинного для многих, способ отвлечься от страхов и тревог новой жизни — так что их затею со сборами приветствовали в большинстве мест, где швартовался их плот.

Иногда, конечно, возникали сложности, но Буллер, который был с ними с самого начала, подвернулся им как нельзя кстати. Он обучал мужчин совместным боевым действиям: добрую дюжину женщин борьбе один на один, и все — кое-какой основополагающей тактике.

Инструктаж оказался небесполезным. Драки разражались в нескольких из городишек, где они играли, а раз или два — почти бунты. Но Буллер и его ребята с бейсбольными битами и копьями всегда наводили порядок.

Два месяца назад у жителей одной деревни случился территориальный спор с соседями ниже по течению. Деревенские предположили, что сборы — это хитрость, чтобы выманить их

из-за частокола, и решили перехитрить Стивена и его команду. Они выпустили посмотреть игру женщин и нескольких мужчин, а затем, на третьей подаче, остальные мужчины в неистовстве выбежали наружу, словно готовые нападать муравьи. Последовавшее сражение дало Буллеру возможность доказать, что ежедневные тренировки стоят усилий. Ребята ловко построились в оборонительное каре, и все вместе, пятьдесят человек, стройно промаршировали полмили обратно к плоту.

Жертв не оказалось. И Буллер особо подчеркнул это, когда они погрузились на борт. Смерть не имела здесь такого значения, как в их прежней жизни, но избежать ее означало оставаться командой, участвовать в сборах, так что слова Буллера вызвали шумное «Ура!» на плоту.

Вся та история существенно повлияла на Буллера, как думает Стивен. С того дня парень стал заметно увереннее в себе. Возможно, вчерашний лихой буллеров бросок был своего рода отражением этой новой уверенности. Все к лучшему. Стивен рад за Буллера, рад, что тот получает, что ему требуется от этой второй жизни. Стивен желал бы сказать то же самое и о себе. Писательство или его отсутствие, вот что беспокоит Стивена.

Он вышвыривает твердую сердцевину мячика в Реку, столь же разочарованный в себе, сколь и счастливый за Буллера. В действительности-то здесь живется хорошо, и грех ему жаловаться.

Он родился заново, и здоровым, и, может быть, это достаточный повод отбросить глупые тревоги и позволить себе наслаждаться жизнью. Он жив, он дышит, он рассказывает то, что когда-то писал, он играет в бейсбол — о чем еще может просить здравомыслящий человек?

Он делает глубокий вдох и оценивает даже это простое действие. Здесь нет туберкулеза, который когда-то сожрал его легкие. Боль прошла, нет беспомощных попыток хватать ртом воздух, чудовищного изнурения, хрипа в легких.

Я хочу свободы, — думает он. Хочу быть свободным, бороться против равнодушной природы, выигрывать и проигрывать. Жить и умереть. Мне нужна свобода. И тогда, как он думает, он снова смог бы писать, создавать драмы, основанные на здешних конфликтах. А пока все идет как идет, рассказывать не о чем. Стивен убежден, что боги этого места контролируют всех и вся. Его загадочные бейсбольные успехи — доказательство тому.

О, признается он себе, он всегда умел играть хорошо и, видит Бог, он любил эту игру в своей

прошлой жизни. Он смеется, вспомнив, как мяч и виски стоили ему его образования в Сиракузах, когда ему предложили уйти добровольно или подвергнуться исключению. О, заблуждения молодости.

Он всегда не забывал встряхнуться с битой и перчаткой среди скуки чинных занятий.

Но здесь, и он это знает, его успехи слишком многочисленны, его умение слишком возросло. Кто-то, как он думает, желает, чтобы он отличился на этих сборах, кто-то, не на шутку могущественный, позаботился, чтобы так и вышло. И этот кто-то, как он убежден, должен быть тем самым, кто привел их всех сюда, кто их контролирует. Пугающая, поистине жуткая мысль для Стефана: все, что он делает, все, что делают они все — контролируется и предназначено для некоей более значительной цели.

То, что его используют, что им манипулируют, что он — крохотная деталь какой-то крупной махинации, злит Стивена и нагоняет на него тоску. Несмотря на все хорошее, что, вроде бы, совершается вокруг него, он боится будущего и ненавидит его. Он качает головой. Может, где-то в этой ненависти таится сюжет, но его еще предстоит найти; а он пока что пересказывает свои

прежние сочинения и живет день за днем, плывя с ребятами вниз по Реке.

Сзади раздается шорох и терпеливое попыхивание вновь раскуриваемой сигары.

— Тебя что-то расстроило, юный Стивен?

Это Джозеф Конрад, его друг и совладелец Большой Речной Бейсбольной и Литературной Компании, тихо подобравшийся со спины. Стивен поворачивается к нему и улыбается.

— Я просто ломал себе башку по поводу извращений здешних мест, Джозеф. Временами я все это жуть до чего ненавижу.

— А, — Джозеф небрежно кивает. — У тебя вызвала досаду вчерашняя победа, верно? Тот счастливый прыжок мяча…

— Удачный прыжок.

— Удачный. Удары, явно сплошь для тебя безопасные. Выигрыши. И все это тебя тревожит?

— Это неестественно, чтоб мне провалиться.

— Мы в неестественном месте, Стивен. И оба это знаем. Оно иное. Мы теперь иные. Правила здесь изменились, и мы тоже должны измениться. Это то, что мы сказали, когда пустились в нашу славную затею.

Он держит сигару в вытянутой руке.

— Моя восхитительная сигара, например, здесь

совершенно не на месте, как ты думаешь? И весь мир совершенно не на месте, ей Богу.

Как мы оба уже говорили, Стивен, и ты, и я, нам просто надо сделать с этим, что мы можем. Мы можем умереть завтра, сам знаешь, и больше никогда не увидеть друг друга. Давай просто наслаждаться жизнью. В конце концов, — говорит он, — какой у нас выбор?

Стивен отворачивается, чтобы поглядеть на берег, с мгновение ничего не говорит, затем вздыхает.

— Я знаю, ты прав, старый друг. Действительно, ничего не остается, кроме как продолжать в том же духе, плыть вниз по Реке, рассказывать несколько историй здесь и там, попытаться занять самих себя и немногих других, как получится.

— И порой поиграть в бейсбол, который ты так страстно любишь.

— И поиграть в бейсбол, — соглашается Стивен. — Есть, как минимум, это. Есть игра.

И Стивен улыбается Джозефу, своему доброму другу, который страдал, умер, и уже однажды переместился в этом скверном мире, а сейчас невозмутимо попыхивает сигарой. Джозефово приятие всего этого, как думает Стивен, должно

бы послужить для него уроком. Джозеф даже находит здесь о чем писать, начал несколько новых повестушек, поговаривает о романе.

— Может, тебе просто действительно все время везло, знаешь ли, — замечает Джозеф. — Или, Стивен, возможно, это даже искусство. — И ухмыляется при этой мысли, прежде чем выпустить дымок в сторону берега.

Третья подача: Запрокинутое лицо

Несколько часов спустя Река стала шире и замедлила течение, так что здесь она кажется почти озером. Огромный плот едва движется, так ленива здесь Река, а день настолько теплый, что его апатия вполне под стать вялости потока. Стивен обнаруживает, что снова стоит у своего любимого поручня и машет рукой незнакомцам, которые пришли к Реке посмотреть, как плывет мимо их команда. Плот должен приближаться к Отваге. Как всегда, уже разошлась молва, что прибывают бейсболисты. Скоро соберется еще одна большущая толпа.

Судя по тому, что говорили ему в Новом Ганнибале после вчерашней игры, плот доберется

до Отваги в разгаре дня. У Стивена, Джозефа и остальных игроков останется достаточно времени, чтобы разбить площадку, обозначить дорожки, выстроить небольшой помост и разослать глашатаев, чтобы объявили об игре.

А завтра — полная программа. Бейсбол в полдень, сразу же после наполнения Граалей. «Красные чулки» против «Тайных Агентов» плюс те игроки, которых сможет выставить Отвага, дабы получить возможность играть на любой из сторон. Их всегда сколько-нибудь есть. Бывает даже, когда в городишке имеется уже собственная команда, готовая играть; и «Чулки» с «Агентами» объединяются в команду «Все Звезды», выставляющую игроков против местной девятки.

Завтра — сотая игра на их сборах, а это событие. «Красные Чулки» хорошо себя проявили во время поездки — восемьдесят выигрышей против двадцати проигрышей. «Тайные Агенты», составленные, главным образом, из крикетистов, жаждут усовершенствоваться и, как всегда, будут присматривать для себя новых игроков, откуда получится.

В начале поездки, когда вдоль берегов тянулись городки начала двадцатого столетия, они, вроде, частенько сталкивались с толковыми

командами. В двух городках никто из местных по-настоящему не понимал, какими бейсбольными талантами они располагают, пока не прибыл плот.

В НьюНью, например, население было поглощено войной с соседним городком, где жила уйма ирландцев, и никто не думал о чем-нибудь столь безобидном, сколь бейсбольная команда. Но затем, согласившись играть, горожане поняли вдруг, что среди них живут Билли Гамильтон, Уилли Килер, Пай Трэйнор, Уолли Пипп и Лу Гериг. Действуя вместе плечом к плечу у крепкого частокола, они едва ли беседовали о спорте, настолько они были заняты тем, чтобы обеспечить себе безопасность от вторжений поселившихся ниже по Реке ирландских кельтов.

Набрав целую команду, игроки из НьюНью назвались «Железные Кони» и побили «Все Звезды» со счетом 20:5.

Когда на другое утро плот отчаливал, Гериг, Пипп и Килер находились на борту. На следующий день в Килкенни участники сборов играли в бейсбол с воинственными ирландцами, разделив местных игроков между своими двумя командами, и все прошло превосходно. А после игры имели место восхитительные танцы. Джозеф на-

зывал это бейсбольной дипломатией, и, похоже, она действовала.

Так шли дела в течение года плавания. Они подбирали игроков, двигаясь своей дорогой и отпускали других, сходивших на берег. Так Кен Бойер играл шесть месяцев, пока не встретил женщину в Нью Луисе два месяца назад. И остался там, дабы зажить с ней своим домом. То же самое произошло с Джо Джексоном примерно месяц спустя.

Стивен думает, а чем же все это кончится. Они просто спускаются вниз по Реке; у них нет планов вернуться вверх по течению, и сердечные прощания были бы прощаниями навсегда, не будь этот мир так коварен, и перемещения в новые тела так прихотливы. Бэйб впервые покинул их, отыграв лишь месяц, и остался в маленькой деревушке, где его провозгласили королем, пообещав, кажется, вечное изобилие жвачки грез, виски и женщин. После нескольких бурных месяцев он был низложен и казнен, и переместился в деревню лишь в нескольких днях пути вниз по течению от их плота. Он благополучно воссоединился с участниками сборов и, похоже теперь, в итоге происшедшего, стал хотя бы несколько тверже следить за своим поведением. Стивен

хотел бы знать, сколько это продлится.

Завтра после игры Стивен и Джозеф отвлекутся от дел и примут участие в граальной пирушке, как это происходит в каждом городке. Эта часть Реки населена людьми с рубежа столетия или из первых последующих десятков лет, так что произведения обоих писателей здесь известны и уважаемы. Они выступают перед большими толпами, в большинстве случаев это благодарная публика, народ, которому не хватает того, что эти писатели когда-то ему предлагали.

Разумеется, не всегда дела шли именно так. Фактически, в большинстве городов имена Крейна и Конрада не были известны. Но умение хорошо и занимательно рассказывать привлекало почти всех, велось повествование по-английски, по-польски или на эсперанто. Во многих случаях у местных уже имелся свой рассказчик, и Стивен с Джозефом охотно приглашали его к себе на помост. Поистине поразительно, кто и что только не повстречались им здесь — от древних до восхитительной оратории Роберта Бернса за последнюю неделю. Они попытались вовлечь Бернса в свои сборы, но тот отказался, так как был счастлив в Килмарноке и собирался зажить там припеваючи с Клариндой. И еще он поговаривал

о новых стихах. Итак, завтра, как догадывается Стивен, предстоит обычный успех. Полуденные Граали, затем бейсбол, затем вечерние Граали перед выступлениями с рассказами.

На каждой остановке по Реке Стивен, кажется, все лучше и лучше вспоминает свои произведения. Легче всего было вспомнить самые короткие: «Открытую лодку», «Запрокинутое лицо». — они достаточно легко опять пришли на ум… Он смог воссоздать их даже в первые несколько месяцев после воскрешения, когда все еще пытался найти способ изготавливать бумагу и чернила.

С тех пор прошел год. И в последние девять месяцев, после того, как он нашел Джозефа, нагого и хнычущего в нескольких сотнях миль выше по течению. Стивен вспоминает чем дальше, тем больше. «Красную кокарду», разумеется, «Мегги», «Чудовище» и стихи в большом количестве.

Для Джозефа это оказалось труднее. Очень многое сперва вспомнилось ему лишь на родном польском и затем, не имея возможности где-то что-то записать, разве что отыщется где-нибудь сланец или меловой камень, он снова переводил все, как когда-то. В уме. Сперва это стоило ему жутких мучений. Хотя впоследствии Джозеф был счастливей, ему здорово поднимала настроение

новая работа.

Новые рассказы и повести словно помогают ему развивать память, пока они путешествуют вместе. Недавно он сообщил Стивену, что почти готов рассказывать совершенно новую повесть. «Спуск на плоту», так он ее назвал. Не хватает лишь концовки.

Стивен улыбается всякий раз, когда Джозеф упоминает об этом, он счастлив, что Джозеф способен создать что-то новое. Стивен хотел бы того же и для себя, но прежние обстоятельства и характеры, похоже, больше не годятся, а Стивен не готов работать с новыми. Пока.

И все-таки рассказывать старые произведения — это достаточно хорошо для Стивена, а если Джозеф может сочинять что-то новое, тем лучше. И так, и эдак все путем. И теперь, каждый по своим причинам, они плывут вниз по Реке, все время вниз, развлекая, рассказывая и играя в бейсбол.

Четвертая подача: об Отваге

Впереди с берега раздается крик. Собралась толпа, машут руки, возбужденный гул голосов несется через Реку. Это Отвага, где ждут Стивена. Он стоит, выпрямившись во весь рост и машет

им, крик нарастает. Плот прибыл!

Стивен начинает улыбаться и шагает туда, где стоит Джозеф. Оба глядят друг на друга, кивают, пожимают друг другу руки. Именно такие мгновения — лучшие в их путешествии. Стивен оборачивается и взывает к игрокам, называя их всех прилепившимися кличками: Дабл Экс, Железный Конь, Черный Бэйб, Нелли и так далее.

— Ребята! Мы на месте. Помните, кто вы! «Красные Чулки» и «Тайные Агенты», черт возьми, цвет бейсбола этого мира. Давайте, парни, поселимся здесь всласть, но постараемся избежать неприятностей. Бейб, — и он указывает пальцем на ухмыляющегося Бэйба Рата, — может рассказать нам, что случается, если нарываться, верно?

Общий смех.

Команда у них дивная, вне сомнений. Стивен любит каждого. Такие таланты, такие игроки! Он и понятия не имел, что бейсбол может к этому привести, тогда, в прежней жизни. Их игроки способны творить чудеса. Нельсон, второй игрок — просто волшебник со своей перчаткой и невероятно цепкой лапой. Новая женщина-игрок, Бэйб Дидриксон, лучший атлет, нежели большинство мужчин. Джош Гибсон, черный парень, который так спокойно стоит позади, ловит мячи

ловчее, чем Стивен мог бы себе представить, у Джоша — поистине благословенная скорость, сила в руках и отменный удар — вполне под стать его хитрости.

— Ребята, — продолжает Стивен, поднимая руки, чтобы их всех унять. — У нас самая невероятная команда, которая когда-либо где-либо собиралась. Вы все это знаете. Насколько нам известно, миллионы оживших людей живут вдоль берегов этой Реки. То, что игроки в бейсбол и его любители способны подобным образом собраться вместе, превосходит любые ожидания. Но вот мы здесь, все вместе, и готовы играть для здешней славной публики. Я могу лишь попросить вас играть в полную силу, играть честно, и пусть лучшая команда выиграет.

— И это будут «Красные чулки», Стивен. Можешь биться об заклад, — рычит Бэйб, уже немного навеселе от виски, которое нашел в полдень в граале, когда плот причаливал близ грейлстоуна.

Игроки дружно орут в ответ, их радость, как в зеркале, отражается в толпе на берегу, когда плот причаливает.

Плот здесь! Бейсболисты здесь! На день или два суровая обыденность новой жизни позабыта. На

день или два пришла пора поиграть в бейсбол, получить удовольствие, пусть недолгое, в этой второй жизни. Игроки спрыгивают с плота и кидаются в толпу.

Отвага, как выясняется — городок середины двадцатого века, первый, в который они попали из этой эры более чем за два месяца. Половина жителей — черные из пыльного Детройта, остальные — белые из сельской местности. Джош Гибсон здесь герой, а также Бэйб, Лу и несколько других.

Здесь все пройдет хорошо, очень хорошо, в самом деле. Стивен, сходя вместе с Джозефом на берег последним, вопреки себе, настроен на лучшее.

— Мы здесь делаем хорошее дело, Джозеф. Хорошее дело, — говорит он своему другу. — Я знаю, у меня бывают иногда эти жуткие сомнения, эти ужасные депрессии. Но я вижу и понимаю, что мы делаем нечто, как минимум, достойное усилий, для этих людей.

— Мы даем этим людям радость на день или два, юный Стивен. Это само по себе прекрасно. А то, что столь многие из нас делают это с удовольствием, уже просто вознаграждение для нас, я бы сказал.

Стивен смеется на это при мысли о подобном вознаграждении за игру в бейсбол. Затем хлопает друга по плечу, и они оба, вполне счастливые на миг, шагают по узкой тропе к городишку.

Пятая подана: девушка с улицы

Позднее, на пятой подаче, местная команда, собранная отважцами, фактически, выигрывает: двенадцать — три.

Стивен проявил себя просто ужасно. Отмахнулся от двух верных шансов с наземными мячами, прозевал легкий бросок Нелли Фокса, который вывел бы из затруднительного положения с помощью крайне нужной двойной игры, и дважды промазал. Он счастлив, как никогда. Именно этого ему так давно хотелось, каких-нибудь скверных мячей, ошибок, убогой игры и борьбы за успех. Это похоже на что-то настоящее, думает он. Это жизнь.

Резкий и низкий полет мяча по прямой в разрыв между третьим и коротышкой. Дидриксон ныряет влево, но ей не достать. Стивену, до предела протянувшему биту, хватает времени для двух шагов, не более, после чего он выбрасывает тело во всю длину, чтобы добраться до мяча. Ловит

перчаткой, держит в ней в течение секунды, и сразу — жесткая посадка в грязь, и мяч, высвобожденный толчком, выскакивает. Дидриксон, поспешив на выручку, хватает мяч и перебрасывает второму туда, где ждет Нелли. Они хотя бы защитились от одиночного удара.

— С тобой все в порядке, Стивен? — спрашивает Дидриксон, протягивая руку, чтобы помочь ему встать.

— Все отменно, — говорит он, принимая руку, поднимаясь и с улыбкой вытирая грязь на лице. Наконец-то все по-настоящему, — думает он. Настоящая игра, вот это дело. Чудесно.

А затем, смахивая грязь с кильта, поднимает взгляд и видит Кору.

Кора, его любимая, идет по травянистой лужайке, которая отделяет игровое поле от крытых камышом хижин Отваги. На ней — кильт, подпоясанный у талии, и больше ничего. Даже издалека Стивен видит в ней ту красоту, которая воззвала к нему жизнь тому назад, когда она заправляла борделем в Джексонвилле и рассмеялась перед ним однажды, лишь однажды — и покорила его сердце.

— Кора! — вопит он и бежит к ней с поля, забыв об игре.

— Кора! Кора!

Она смеется, увидев его, и машет рукой. Его Кора, с темными волосами, падающими на плечи и на соски округлых грудей, с длинными ногами, бредущими в высокой траве. Его Кора, его любимая.

Они встречаются, обнимаются и падают в траву, смеясь и лопоча, точно детишки. В том другом мире, где они впервые встретились, они бы изощрялись в остроумии по поводу того клише, которое воспроизвели здесь.

Последнее, чего хотел бы Стивен в этой жизни — романтическое видение обретенной истинной любви. И Кора, когда он познакомился с ней, ведущей дела в Отеле «Дрим», не была невинной простушкой.

За это он любил ее, за ее опытность, за ее силу. Его чувство отрицало понятие о романтической любви, столь несовместимой с окружающим миром.

Их любовь не была искусственным приспособлением, полученным из средневековой придворной поэзии, не была изобретением культуры, основанной на отрицании трудностей реальной жизни и торжестве кодекса чести рыцарей, которые убивали крестьян во имя Божие.

У них была честная любовь, физическое взаимное притяжение, которое связало их уже соитием, взаимными жаром и страстью, равно как дружба связала беседами, взаимным восхищением и честностью.

Но здесь, теперь, он падает с ней в траву, точно шестнадцатилетний, вспыхнув от робкого волнения. Он хочет раствориться в ней, слиться воедино, в ослепительное и жадное пламя. А Кора?

— О, Стивен, Стиви, Стиви, — говорит ему, когда они катятся в обнимку. — Я нашла тебя, я нашла тебя. Мой Стиви, мой Стиви, мой Стиви, — ее литания говорит обо всем, что она прямо сейчас может вложить в свой голос. Крепкие объятия мало-помалу ослабевают, хотя они и не выпускают друг друга.

— Кора. О, Боже, это ты, это действительно ты. Не могу поверить. Ты! Здесь! — говорит Стивен, когда они наконец устраиваются. Он сидит на ней, здесь, в траве, поднимает голову, смотрит один миг в небо, голубую скорлупку над ними, балдахин над ними, а затем опять глядит на любимую.

— Кора. Я уже думал, что не увижу тебя снова, любовь моя. Никогда. Этот мир так громаден, и

здесь такая прорва народу. Я о таком и думать не смел. И вот ты здесь.

— Стиви, — снова говорит она, так просто, и улыбается ему. Он наклоняется, чтобы поцеловать ее, начинает с губ, затем целует ее глаза, ее лоб, ее щеки, ее шею, эту безупречную белую шею, которую впервые увидел целую жизнь назад.

И он видит синяки сбоку и сзади на этой белой шее. Они уже бледные, но когда-то были довольно жуткими, это для него очевидно.

— Что это, любимая?

— Мне пришлось нелегко, Стивен. Этот мир может быть жестоким. Дикость… — она отмахивается от неприятной мысли.

— Что они с тобой сделали, Кора? — Он соскальзывает с нее, усаживается с ней рядом, снова спрашивает. — Что они сделали с тобой? Это кто-нибудь здешний? — Он думает, что мог бы созвать команду, отыскать негодяя и убить его, отправив в какое-то другое место на Реке. Или возможна медленная пытка, пусть не так-то легко умрет.

Но Кора объясняет, что все не так просто. Она усаживается сбоку от него и говорит:

— Я пришла, чтобы предостеречь тебя от него, Стивен. Он в нескольких днях путешествия вниз

по Реке. Он готов биться с вами и поработить вас, как уже сделал с другими. Вы не должны туда плыть. Я бежала неделю назад, чтобы отыскать тебя и предупредить. Ты должен меня послушаться.

— Конечно, Кора, конечно, — говорит он, а затем встает и поднимает ее. Что случилось с его Корой? Что учинил с ней этот тип?

Он оглядывается на поле и до него доходит, что игра продолжается без него. Нельсон дружески машет ему. Что за славные парни, они добры к нему, как всегда. Он опять садится и тянет к себе, вниз, Кору. Скрестив ноги, они усаживаются друг против друга в высокой траве. Он берет Кору за руки. И просит:

— Расскажи о нем. Расскажи об этом чудовище.

Шестая подача: чудовище

Она пытается заговорить, но вдруг разражается слезами.

— О, Стиви… Дорогой мой. Последний год, этот самый долгий год…

Она вздыхает. Успокаивается. Начинает снова:

— Когда я ожила здесь, милый, милый Стивен, я

была в таком жутком смятении. Я никак не могла понять, что со мной случилось. Это Небеса? Ад? Я не знала. Полный хаос. И Луис, Луис Бота, так его зовут, оказался рядом и помог избавиться от смятения. Это был сильный мужчина, такой уверенный в себе, и любезный, даже участливый.

В тот первый день он взял меня за руку и увел от грейлстоуна, ото всех остальных, копошившихся и блуждавших в смятении. В течение дней, буквально нескольких дней, Луис начал организовывать нас, сплачивать. Он прирожденный вожак, Стивен, был таким в своей первой жизни и очень легко встал на подобное место во второй. А жил он прежде в дебрях Африки. И знал, как выжить. Было так легко следовать за ним. Мы начали сооружать укрытия, используя бамбук, деревья и траву.

Под предводительством Луиса мы, сперва десятки, а там и сотни, усвоили, чего следует ожидать от Граалей. Мы поняли, что мы все вместе в одном и том же кошмаре — или в раю, что бы это ни было. Настало поразительное время. Первые несколько месяцев прошли чудесно, в своем роде. Все-таки жизнь, да еще — и здоровье, и молодость. Восхитительно.

И Луис старался, чтобы я всегда была рядом.

Это началось как дружба, не более того. Я все еще думала, что не сегодня-завтра найду тебя, мой милый. — И она улыбнулась ему. — А затем, по мере того, как шли недели, ужас обнаруживался все яснее, предводительство Луиса оборачивалось совсем другой стороной. Всякого рода люди проникали в наш грааль и присоединялись к нам под руководством Луиса. Они были откуда угодно, из когда угодно, Стивен. Новые буры, вроде Луиса, группа римлян из времен Христа, и затем кое-какие чернокожие африканцы. Кафры, так он их назвал. И сперва приветствовал. Десятки таких. Как и все прочие, они следовали за ним во всем, пока один из них однажды не убил одного бура.

Строили новый частокол, и тот африканец, рослый, величественный, гордый, вождь в своей первой жизни, помогал поднять бревно. Тут, во время подъема оно выскользнуло и раздавило ногу одному из африканцев. Бур, один из тех, что были близки к Луису, подошел с копьем и убил этого парня. Именно так. Убил, всадив копье ему в грудь и сказав, что так быстрее и проще, чем ждать, когда заживет нога. Вот так, сходу, запросто.

Вождь обезумел, вопя, подлетел к буру, толкнул наземь, вцепился, вырвал у него копье, окровав-

ленное после убийства, и всадил в грудь буру тем же самым движением.

Тут настал ад кромешный, хаос, невиданная схватка между африканцами и большинством белых. Когда все закончилось, африканцы были частью мертвы, частью в плену или убежали.

С того дня Луис переменился. Он собрал вокруг себя своих друзей, а всех прочих принялся держать в страхе — и обшаривает нашу долину в поисках новых «кафров», чтобы поработить их. Их там теперь десятки, и все — рабы.

Тогда я поняла, что надо уходить, это было нечто такое, в чем я не могла участвовать, хотя Луис все еще считал меня своим другом, которому он доверяет.

О, Стивен, я попыталась уйти. Сперва я была такой дурой, что поделилась с ним своими планами. Я хотела спуститься по Реке и поискать тебя. — Она содрогнулась. — Он не отпустил меня. Сперва уговаривал остаться, затем, когда я снова и снова об этом заговаривала — все жестче, запрещал. Так продолжалось неделями, Стивен, затем прошли месяцы, все это время он сколачивал свою маленькую империю, и все больше буров стекалось к Луису непрерывно, пока их не стали сотни. Я поняла, что он меня ни за что не

отпустит. Мне оставалось лишь улизнуть незаметно, и я попыталась это сделать.

Я начала сооружать плот, который с самого начала строительства спрятала у берега. Я никому не могла доверять, все они упорно и слепо верили ему. Работа заняла у меня куда больше времени, чем я рассчитывала, и оказалась куда труднее. Но в конце концов я смастерила из дерева, бамбука и лозы нечто сносное, нечто такое, что достаточно далеко унесло бы меня по Реке из его лап. И вот я подумала, что теперь могу начать новую жизнь, начать искать тебя, мой любимый. Она покачала головой. — Он знал о моих планах все эти дни, знал о плоте, и только ждал, когда я попытаюсь удрать — и тогда он еще с четырьмя или пятью бурами, его коммандос, так он их называл, поймали меня в то время, как я сталкивала плот в реку. — Она поглядела на Стивена. Ни улыбки, ни признака каких-либо эмоций. — С тех пор это был сущий ад, и длился он недели. Он сказал, что я изменила ему. Я пыталась умереть, я молила его дать мне умереть. Но он лишь качал головой и с печалью говорил мне, что не может меня отпустить.

Затем мы услышали о ваших сборах, Стивен. Путники, спускавшиеся по Реке, рассказали о

вашем огромном плоте и о бейсболе. О бейсболе! Я знала, что там должен быть ты, милый Стивен! И о том, как вы рассказываете.

И у Луиса возник грандиозный план, Стивен, когда он услышал о том, кто с вами плывет. Буллер, этот твой военный, Рэдвер Буллер. Они были заклятыми врагами в прошлой жизни, Стивен, твой Буллер и Луис Бота. Они бросали один против другого армии в Южноафриканской войне. Тысячи пали в боях, которые вели эти двое. И в конце Луис Бота вынужден был сдаться войскам Буллера.

Теперь он считает, что ему представилась возможность отомстить. При этом он глубоко религиозен, и усматривает здесь промысел Божий. Он убежден, что сам Господь предлагает ему попытаться исправить то, что не вышло в прошлой жизни. Он хочет убить или поработить вас всех, а Буллера постоянно пытать, не давая ему умереть, чтобы отомстить за буров, которые погибли, защищая свою землю от Буллера и его англичан.

О, Стивен, он чудовище. Он может быть таким разумным и гнусным. С его точки зрения, разумно, чтобы кафры находились в рабстве и работали на буров, которые строят новое общество.

И это он говорил мне вечер за вечером, мне в моей хижине, а сам он сидел рядом со мной, и разглагольствовал допоздна, пытаясь снова перетянуть меня на свою сторону. Сперва он умасливал меня, затем увивался за мной, и наконец избил. — И она коснулась синяков на шее. — «Новая великая цивилизация», — твердил он мне много вечеров подряд, Стивен, — «где белые могут быть свободны, и все станут процветать». Я понимала, что должна найти способ предостеречь тебя, мой родной, и несколько дней назад мне наконец повезло. Он ушел со своими коммандос в набег, дабы привести новых африканцев взамен тех, что бежали или умерли.

Тут разразилась буря, примчавшаяся со стороны Реки, я видела из своей хижины темно-зеленые ряды туч. Огромный смерч вывернулся из облачной гряды — настоящий торнадо — и двинулся прямо на нас. Он разнес деревню, обломки хижин летали везде и всюду. И после стольких недель для меня внезапно оказалось так просто уйти. Я бежала. — Она улыбнулась ему. — Я шла пешком три дня, милый Стивен, без грааля и почти без пищи, и вот я здесь, мой родной, чтобы предупредить вас: Луис готов, он готов напасть на вас, он намерен захватить Буллера и сделать его

рабом, поскольку говорит, что смерть для такого врага — слишком мягкая кара.

Она выговорилась, и теперь может только смотреть на своего Стивена и держать его за руки. Он обнимает ее.

— Милая Кора, родная моя Кора, — говорит он, и они идут вдвоем в сторону игрового поля, навстречу «Красным Чулкам» и «Тайным Агентам» и всем тем планам, которые они должны выработать.

Седьмая подача: невеста обретает Отвагу

Церемония предельно проста, горят факелы, невеста облачена в нехитрый кильт, на женихе такой же наряд. Джозеф Конрад — шафер. Его помощники — Редвер Буллер, Джош Гибсон и Сэтчел Пэйдж. Среди публики — Лу Гериг, Нельсон Фокс и еще дюжина, и все улыбаются до ушей, переживая счастливый миг.

Проповедник Ро совершает обряд, в конце которого соединяет руки новой пары, желает им долгой жизни, любви и счастья. Они обнимаются и целуются.

Восьмая подача: военный эпизод

После венчания, после приема, где еда и питье были в изобилии, с нижнего участка Реки рысцой возвращаются разведчики. На Отвагу маршем идет войско, будет здесь завтра в разгар утра. Буллер улыбается, собирая своих старших помощников, чтобы обсудить стратегию. Ему представился случай изменить прошлое. Здесь не будет ни Скион Копа, ни Маджубы. На этот раз он разгромит Боту и свершит возмездие, или умрет — счастливый, что попытался свершить.

По мере того, как идет ночь, мужчины и женщины являются в лагерь бейсболистов, предлагая помощь в бою. Их не так много, дюжины две, все — африканцы, бежавшие из краааля Боты и слышавшие, что грядет заварушка. Это, как говорит один из них Буллеру на эсперанто, битва, в которой они не могут не участвовать.

Стивен испытывает возбуждение, испуг, радость — все сразу. То будет первый случай, когда ему предстоит биться, хотя, и казалось бы, его сочинения намекают на иное. Впервые он увидит сражение вблизи. Ближе некуда. И он думает, что его дело правое. Если грядущий бой предопре-

делен волей богов здешних мест — да будет так. Сражаться здесь, как он думает — дело достойное, и он пойдет в бой вместе с Корой.

Он кое-как вздремнул на несколько часов, а затем они с Джозефом и Корой и еще несколькими десятками сторонников направляются к лесу, где станут ждать приближения противника.

Утро нового дня в самом разгаре, в их распоряжении час или около того, не больше. Буллер и его люди укрепились на небольшом холме, возвышающемся к югу от городка. Скион Коп, так он назвал холмик в честь того, где был трагически разгромлен в прежней жизни, и он добьется, чтобы здесь вышло иначе. Их около сорока на холме, а в войске, идущем на них — в три раза больше. Буллер видит высокого и худощавого человека впереди — Луиса Боту. Буллер надеется, что Бота угодит в точно такую же западню, как та, которую он сам расставил в той, предыдущей схватке. У Буллера только сорок бойцов на холме, но есть в пятьдесят под предводительством Стивена и Джозефа, скрытые в лесу в четверти мили вглубь берега от холма, готовые обойти с флангов нападающих и появиться у них в тылу, перерезав путь к отступлению. И еще есть тайное оружие Буллера, третий отряд еще в пятьдесят

человек, ожидающий за частоколом городка. Буллер полагает, что Бота ни о чем таком не подумает, промарширует мимо прибрежного городка и нападет на холм в жажде добраться до Буллера и англичан.

Если так и выйдет, отряд из городка перекроет обратную дорогу и, взаимодействуя с силами в глубине суши, зажмет буров в гибельные тиски, и те окажутся между тремя воинствами.

Конечно, все получается не так просто после того, как завязывается сражение. Болта не глупец и не доверяет жителям городка. Он посылает небольшой отряд атаковать городок и выяснить, насколько сильные его защитники. Они атакуют, бросая воспламененные копья в частокол, и поверх его — на дома. Защитники отвечают тем же и, соответственно, проявляют себя как кафры. Там Джош Гибсон, возглавивший большую часть горожан и около дюжины беглых рабов из крааля Боты. Горожане остаются за своим частоколом, и это укрепляет Луиса Боту в представлении, что они трусы. Он оставляет отборную группу в двадцать человек, чтобы не давали покоя защитникам укреплений, а остальных ведет дальше на штурм холма.

Буллер наблюдает за ним со своей высотки и

улыбается.

Штурм начинается всерьез как раз во время полуденной граале-вспышки грохота. Буры бегут к холму, копья летят через головы передних, пущенные теми, что позади, и приземляются в английских траншеях. Люди Буллера уклоняются от копий и ждут приближения буров. Еще несколько мгновений. И еще несколько мгновений. И вот — запускают свои копья, а затем, казалось бы, безрассудно и дерзко, контратакуют, сбегая с холма с копьями, бейсбольными битами и подбадривающими криками.

В то же время позади буров в глубине берега Стивен и Джозеф тоже ведут в наступление свой отряд, выходя из лесу с поднятыми копьями и вопя. Стивен, устремившийся в бой, сперва чувствует, что угодил в хаос и неразбериху. Он неистово замахивается, видит рожу, разнесенную его бейсбольной битой, отражает удар копья и лупит по новой башке, сам получает основательный удар по башке, падает на колени, на выручку приходят Джозеф с одной стороны и Кора с другой, они вытаскивают его из гущи сражения за несколько мгновений, после чего глядят друг на друга и улыбаются, а затем, взвопив, опять бросаются в бой.

Ворота в частоколе отворяются, и выходят местные жители, детройтцы, черные и белые — все вместе, вооруженные дубинами, копьями и одолженными у бейсболистов битами, во главе — Джош Гибсон.

Небольшой отряд буров, который стоит снаружи, в один миг опрокинут, те, кто уцелели при первом натиске, бегут, спасаясь. Большинству это не удается.

Буры стиснуты с трех сторон. По численности силы, примерно, равны, но буры охвачены смятением, не знают, куда развернуться, чтобы встретить врага. Некоторое время они бьются храбро, и есть потери с обеих сторон, но они окружены и знают это, и в конце концов начинают сдаваться.

В течение часа великая битва завершена. Десятки убитых, десятки пленных, немного спасшихся бегством. Бота весь в синяках, но в целом, не пострадал.

Буллер принимает его капитуляцию, устроив небольшую церемонию на вершине Скион Коп. Бота передергивается, услышав название этой скромной горушки.

Происходит нечто большее, чем небольшой праздник. Бич этой части Реки взят в плен, его

войско разгромлено. Стивен сперва испытывает подъем, даже эйфорию. Кора едва ли может его унять. Все было так героически, поразительно, славно, совсем не так, как, по его представлениям должна идти война.

Тогда Кора уводит его обратно на поле битвы. Мертвые и раненые распростерты повсюду, их отдых мучителен. Шагая через поле, Стивен находит тело Лу Герига, голова разбита дубиной, половина сломанного копья торчит в боку. Рядом лежит их ловкий Билли Гамильтон, пригвожденный к земле копьем, пробившим грудь. А чуть поодаль, у подножия холма — Джозеф. Сперва Стивен не видит у него никаких ран, даже ушибов. Он думает, что Джозеф спит или потерял сознание от удара. Касается друга. Тот еще теплый. Опускается на колени, протягивает руку, трогает дорогое лицо. Глаза Джозефа открываются. Он улыбается и произносит:

— Теперь тебе есть, о чем написать, Стивен, а? Кончилась моя повесть. Начинается твоя, да?

Джозеф заходится в диком кашле, кровь брызгает изо рта. Стивен пытается его успокоить, обнимает, и тут натыкается рукой на закаленный в огне конец копья, выступающий из груди Джозефа. Копье угодило ему в спину, а затем острие

обломилось.

В течение нескольких минут Джозеф, ничего больше не сказав, умирает. Стивен плачет. Он знает, что Джозеф снова жив где-то в другом месте на Реке, все-таки рыдает в голос. Какое безобразное, отвратительное зрелище. Кругом разит кровью, стоит вонь от выпущенных кишок и от начавшегося на жаре разложения трупов.

Стивен отстраняется от своего друга, пошатываясь, встает на колени, затем вскакивает. Он успокаивается, стоя это легче. И ковыляет, держась за Кору, назад к лагерю.

— Больше никогда, — говорит он ей. — Никогда больше, Кора. О, Боже.

Она ничего не отвечает ему, а Только гладит его волосы, в то время как он лежит на спине, опустив голову ей на колени.

— О, Боже, — повторяет он. — Да как это мы такое друг с другом творим?

На это у нее ответа не находится.

Девятая подача: «Красные Чулки» Отваги

Бейсболисты отбывают нынче утром. Теперь Редди Буллер возглавляет «Тайных Агентов».

Бейб Рат будет возглавлять «Красные Чулки». Ни один не уверен, насколько хорошо у них пойдет, — но Бэйб обещает держать всех в форме, включая себя.

Несколько буров, еще неделю назад заклятые враги, присоединились к сборам. Не сразу удалось приучить их к мысли, что черные игроки — равные им, но несколько тренировок в минувшие два дня оказали на них отрезвляющее воздействие, теперь они лучше понимают, кто умеет играть, а кто нет. Они научились избегать кое-каких слов, и, в первую очередь — слова «кафр». Еще несколько буров попросили разрешения остаться в Отваге, и их приняли. Что было то прошло, как говорит новый мэр, и они нам в любом случае пригодятся.

Мэр Стивен Крейн ведет горожан к речному берегу, где крики ура, взмахи рук и слезы провожают плот. Затем Стивен, одной рукой обнимая жену, ведет всех обратно в городок. У них полно дел, надо приглядеть, как будет восстановлен частокол, а затем организовать местную бейсбольную команду.

Вчера прибыл путник и долбленом каноэ с посланием из Ганнибала в нескольких милях вверх по Реке. Жители Ганнибала слышали о битве и

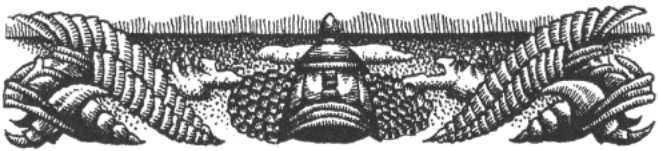
посылают свои поздравления и благодарность: они были бы следующими в списке Боты. А также, добавил вестник, «Слоны» Ганнибала вызывают Отвагу на игру через две недели. Стивен принял вызов, теперь он должен организовать в Отваге новые «Красные Чулки» и обеспечить их подготовку.

Кора, его милая Кора экспериментирует с речными тростниками, дабы научиться делать из них бумагу. Она, помимо прочего, услышала, что вестник пожелал, чтобы Стивен рассказал новые повести.

Стивен считает, что сделает это с удовольствием. Вчера вечером, разговаривая с Корой, он уже начал кое-что новое. Он думает, что это будет целая повесть, и Ганнибал услышит ее первым.

«Повесть об Отваге» — вот как он собирается ее называть.

Роберт Вейнберг
Рулетка в Мире Реки[53]
1



Тишина, решил Джим Боуи, больше всего раздражает его в Мире Реки. Она была неестественной, она действовала на нервы. Всю свою жизнь он был окружен ее звуками. А теперь их не было.

По ночам леса должны были быть наполнены шумом. Множество раз он ловил себя на том, что тщетно прислушивался, ожидая услышать совиное уханье, нескончаемое стрекотание сверчков.

Где здесь скрип ветки, когда олень осторожно ступает, пробираясь к воде, где пронзительный крик охотящейся дикой кошки, учуявшей добы-

---

[53] Примечания: 53

RIVERWORLD ROULETTE by Robert Weinberg Copyright© 1993 by Robert Weinberg

чу? Не существовало таких звуков в Мире Реки. Только пустая человеческая болтовня нарушала уединение темноты.

Вздыхая, Боуи повернулся к огромному костру, пылающему недалеко на берегу. Почти шестьдесят человек сбились в полукруг вокруг огня, тихонько беседуя о себе самих. Каждый вооружен щитом из драконьей кожи и мечом из рыбьей кости.

Закаленные воины с угрюмыми лицами, они были готовы к бою. Греческие солдаты под командованием Лисандра Спартанского, эти люди служили командой корабля «Незаконченное дело». Джим Боуи — известный дуэлянт, спекулировавший участками земли, умело дравшийся ножом и герой Аламо — был их капитаном.

Его судно было пришвартовано у берега менее чем за сотню футов, едва различимое в отсвете костра. Его охраняли есть строитель, норвежец Торберг Скафхогг, римский центурион, который теперь называл себя Исааком Искателем, и небольшая группа спартанских добровольцев.

В то время как никто не ожидал никаких неприятностей, Боуи считал, что нужно приготовиться к любым неожиданным событиям. Все могло случиться в Мире Реки, — очень часто оно и

случалось.

— Слишком уж дьявольски спокойно, — объявил Дэви Крокетт, внезапно появляясь из ниоткуда сбоку от Боуи.

Рука техасца инстинктивно схватилась за огромный кинжал у себя на поясе. Изрыгнув проклятие, он повернулся к другу.

— Ну тебя к черту, Дэви, — сердито рявкнул он, — прекрати свои штучки. — Боуи из всех сил набрал побольше воздуха в легкие. — Ненормально для человека двигаться так тихо. Когда-нибудь ты так подкрадешься, когда я буду думать об индейцах, и я тебя изрежу на ленточки, прежде чем пойму свою ошибку.

— Извини, Джим, — хихикнул Крокетт. Он хотя бы издавал какие-то звуки. — Вовсе я не хотел тебя напугать, нет. Сам себя иной раз забываешь. Началось уже?

— Ты только-только успел, — Боуи показал рукой по направлению к костру.

Только что в круг вступил невысокий коренастый блондин. Драматическим жестом он поднял руки над головой. Немедленно все разговоры прекратились.

— Джентльмены, — объявил Билл Мейсон, историк двадцатого столетия и организатор

представления, — сегодня мы предлагаем вам еще один вечер — образовательный и развлекательный — мы вспомним несколько великих исторических имен. Пожалуйста, обращайтесь с ними со всей вежливостью и уважением, которых они заслуживают.

Боуи хмыкнул в ответ на уведомление Мэйсона. Обычно спартанцы вели себя настолько прилично, насколько можно было требовать от любой публики. Однако мрачно настроенные греки довольно важничали и не особенно хорошо принимали сарказм — факт, который не оставался незамеченным для еще одного члена их экспедиции, афинского философа и учителя Сократа.

Мастерски владеющий острым языком и ранящим остроумием, которое не раз причиняло ему неприятности, мудрец наслаждался, если ему представлялся случаи задеть своих товарищей по путешествию. До сих пор Джиму Боуи удавалось сохранять мир. Но каждый спектакль давал повод для нового вызова. Часы любительских спектаклей, как называл их Билл Мэйсон, устраивались всякий раз, когда им удавалось найти безопасный приют. Несмотря на то, что в Мире Реки обитали биллионы жителей, там существовало множество небольших долин, лишенных жизни.

Узкие полоски берега и леса, где отсутствовали грейлстоуны, обеспечивали им приятный отдых от неистовых столкновений культур, обычно заполняющих все их время.

Не имея насущных забот о своем снабжении, авантюристы расслаблялись, чинили лодки и устраивали атлетические соревнования. По вечерам наиболее инициативные члены команды под предводительством Мэйсона развлекали остальных. Сегодня предстояло десятое подобное представление со времени начала их пути два года тому назад, и историк обещал какой-то особый сюрприз в ознаменование этого. Боуи ждал в предчувствии чего-то недоброго.

— Вместо нашей обычной программы, — объявил Мэйсон, как бы напрямую давая ответ на беспокойство Боуи, — я решил, что мы попробуем кое-что другое. Совершенно другое. Например, сегодня вечером не будет лекций о справедливости и морали.

Спартанцы дико заорали в знак одобрения, потому что эти лекции были специальностью Сократа. Мэйсон сделал рукой знак, призывающий к тишине.

— А также никаких фокусов и никаких рассказов о спартанском героизме. Сегодня мы займемся

тем, что в мою эпоху называлось фестивалем песни. «Пойте вместе с нами».

— Звучит безобидно, — сказал Боуи, поворачиваясь к Крокетту.

Но пограничника рядом уже не было. Он исчез так же тихо и незаметно, как и появился. Громадный техасец передернул плечами и сосредоточил внимание на Мэйсоне. Так или иначе, он подозревал, что Крокетт долго не выдержит.

— Каждый из наших участников много долгих часов потратил на то, чтобы запомнить и ввести в употребление песню. За исключением определенных ключевых слов, которые создают особый резонанс, мы перевели эти песни на эсперанто, чтобы вы все могли понять смысл. Послушайте же лирические песни в исполнении наших певцов. Определенные фразы, особенно в конце каждого куплета, повторяются снова и снова. Это — припев, идея его свободно заимствована у вашего же греческого театра. Когда вам станет понятно, что вы их знаете, присоединяйтесь пожалуйста. В фестивале участвуют все.

Мэйсон сделал паузу, глубоко вдохнул в себя воздух.

— Итак, поприветствуем нашего первого исполнителя, Деви Крокетта!

Воя от восторга, спартанцы начала стучать мечами о щиты, создавая невероятный грохот. Общительный Крокетт, обладающий бесстрашием перед лицом опасности, был любимцем греков. Широко улыбаясь, он вступил в круг.

Зоркий взгляд жителя границы обвел толпу. Глаза его на миг встретились со взглядом Боуи, и он подмигнул. Мысленно громадный техасец простонал. Он молил Бога, чтобы Крокетт не вздумал спеть тематическую песью из телевизионного шоу. Это была бы такая мука, что ни один человек ее бы не выдержал.

То, что они оба с Крокеттом стали легендарными фигурами, приятно щекотало фантазию Боуи. Но тот факт, что Крокетта обессмертили в такой песне как «Король Дикого Запада», разъедал все его внутренности. Техасец терпеть не мог признаваться в этом, но он завидовал славе своего друга.

Согласно Биллу Мэйсону, существовало когда-то шоу Джима Боуи у того таинственного чудотворного посредника, которого называли телевидением. К несчастью, историк не мог припомнить ни одной подробности этой программ, а мене всего — ее основную песню. Мэйсон окрестил это шоу «фиаско». Боуи не совсем был уверен

в значении этого слова, но чувствовал, что это что-то не очень приятное.

Приняв соответствующую позу, Крокетт начал петь: «В шестнадцать лет, той ночью роковой»…

Боуи вздохнул с облегчением. Вместо баллады о подвигах Крокетты в этой песне говорилось о трагической истории молодой девушки, которая умерла из-за любви. Хотя Крокетт был едва способен правильно выводить мелодию, слова песни звенели чисто и без фальшивинки. Большая часть смысла прошла мимо Боуи, но то, что он понял, вызвало слезы у него на глазах.

К тому времени, когда Крокетт дошел до третьего припева, все вокруг костра подхватили: «Во цвете лет, во цвете лет!», — завывали они.

Весело улыбаясь, Крокетт закончил песню, вызвав бурный триумф. Он с трудом протолкался к Боуи, а у него за спиной спартанцы грохотали мечами о щиты в знак одобрения.

— Что, удивил я тебя? — спросил пограничный житель, глаза у него так и горели.

— Да уж ясное дело, — согласился Боуи. — Это тебя Мэйсон научил такой песенке?

— Ты никогда не поверишь, — засмеялся Крокетт. — Он целую команду нас гонял несколько недель. Говорит — рок какой-то там, хотя я не

понимаю, какой тут рок — злой и счастливый.

— Ш-ш-ш! — зашипел на него Боуи. — Леблан готовится начинать. А в отличие от тебя, у этого французика хороший голос!

Морис Леблан был странной комбинацией солдата и ученого. Ветеран Французского Иностранного Легиона, он ценил хорошую драчку почти также, как Крокетт. Из-за своего легкомысленного характера его на Реке убивали раз десять. Леблан верил, что надо жить в полную силу, даже если это означало, что ты будешь умирать гораздо чаще, чем предпочло бы большинство людей.

Несмотря на необузданность своей натуры, француз также посвящал себя математике и естественным наукам. Он присоединился к их компании ради надежды найти одного из своих соотечественников, Пьера де Ферма, который жил за сотни лет до его рождения. Согласно рассуждениям Леблана, Ферма был единственным человеком, который мог ответить на вопрос, не дававший покоя математикам уже сотни лет.

Насколько Боуи мог понять, решение этой проблемы не имело никакого применения в жизни на Реке. Да и не являлся таким уж важным. Техасец не мог понять, почему Леблан так или иначе заботится об этом вопросе, но он хорошо

понимал, что лучше не спрашивать. Все члены команды «Незаконченного дела» искали ответы, которые оказались недоступными для них на Земле. В этом странствии никто никогда не спрашивал человека о его мечте, какой бы чудной она ни казалась.

— Моя песня, — торжественно объявил Леблан, — называется «Удовлетворение». Хотя я мало смысла нахожу в ее словах, я чувствую, что нахожусь в полном согласии с эмоциями, выраженными автором. Я тоже не могу найти удовлетворения. По крайней мере, до тех пор, пока не осуществится моя цель. А свобода, равенство и братство существуют повсюду на этой могучей Реке. Если вы готовы, я начинаю.

Песня следовала за песней, каждая из них опиралась на энтузиазм, вызванный предыдущей. Они пели «Гордую Мэри», «Прибой в США», «Эта страна — твоя страна» и десятки других. Зачастую большая часть слов не имела никакого смысла — или немного — для присутствующих, но всем — казалось на это наплевать.

Лисандр Спартанский внес свой вклад в общее настроение, пустив по кругу все бутылки с вином, которые он конфисковал у команды за мелкие нарушения судовых правил в течение последних

нескольких месяцев. К полуночи, хотя никто не был пьян в полном смысле этого слова, никто не был и особенно трезв.

Боуи поражался казавшемуся неистощимым количеству лирических песен, подобранных Мэйсоном. Историк как-то сознался в том, что был «trivia addict», что, насколько Боуи мог уразуметь, означало, что он набивал свой мозг возможно большим количеством бесполезной информации. И все-таки, сегодняшнее представление превышало любые прежние всплески воспоминаний Мэйсона.

Сократ как раз начал вдохновенно исполнять «Времена всегда меняются», когда случилось неожиданное.

Из темноты раздался громкий мужской голос:

— А-а, костерок! Я странник-неудачник. Могу я подойти?

Пятьдесят спартанцев, мгновенно протрезвев, вскочили на ноги, взяли наизготовку мечи и щиты. И Боуи мгновенно зажал в руке кинжал.

— Заходите и представьтесь, — объявил Боуи. — Я не отказываю в помощи ни одному человеку, если он в ней нуждается.

К костру метнулось единственная фигура. Этот человек был почти обнажен, если не считать

набедренной повязки из листьев, грааль свисал с его толстого пояса, обвивающего талию. С него, худого и темноволосого, ручьями стекала вода. Выглядел он очень усталым.

— Меня зовут Пол Бойтон, — представился незнакомец нетвердым голосом. На эсперанто он говорил с сильным ирландским акцентом. — Я хотел бы хоть что-нибудь поесть. И глоток виски, если вы можете дать мне глотнуть.

Боуи махнул ему рукой, чтобы он садился к костру. Остальные отыскали для него еду и питье. Незнакомец поедал то, что ему предложили, с жадным аппетитом.

— Я Джим Боуи. Моего высокого друга зовут Дэви Крокетт. Этот коротышка — Сократ, величайший философ мира. И так далее.

— Я слышал с Реки, как вы пели, — сказал Бойтон, поедая второй сандвич. — Хотя слова были мало мне понятны, они меня убедили, что вы не в союзе с ними. Так что я решил попробовать и поплыл к берегу.

Бойтон потянулся за третьим сандвичем:

— Я находился в воде почти двое суток, без еды и питья. Несколько раз я уже готов был сдаться и дать себе утонуть. Но отказался сдаваться. Этих гадов нужно остановить.

— Эй, Бойтон, — перебил его Крокетт. — Как насчет того, чтобы перестать молоть языком воздух? Кто они такие, эти друзья, о которых ты толкуешь?

— Нацисты, — ирландец выплюнул это слово, как будто бы произносил ругательство, — и их трижды проклятый вождь, Адольф Эйхман.

2

Между глотками виски Поль Бойтон рассказал свою историю.

— Никогда я не сидел на одном месте и не тратил свою жизнь понапрасну, — начал ирландец. — Хотя я родился в Дублине, я вырос в Соединенных Штатах. В пятнадцать лет я сбежал из дому и поступил в Объединенный Флот. Я никогда не оглядывался назад.

После Гражданской войны я дрался вместе с революционерами в Мексике, а потом участвовал во франко-прусской войне. Потом мне надоело подчиняться военному режиму, и я присоединился к знаменитой Парижской коммуне. Но та жизнь не была для меня достаточно волнующей. Так что некоторое время я участвовал в заговоре против испанцев за освобождение Кубы. Когда

это осуществилось, я поехал в Южную Африку и добывал алмазы.

Бойтон глотнул еще бурбона и потянулся за следующими сандвичем.

— Все же я продолжал поиски счастья и возглавил первую спасательную службу в Атлантик-Сити, Нью-Джерси, и лично спас семьдесят одного человека. Благодаря этому рекорду на меня обратил внимание К. С. Мерримен, питтсбургский фабрикант, который сделал проект первого специального костюма для спасения пассажиров трансатлантических пароходов. Мерримен нанял меня испытывать его оборудование, и я согласился.

Водоупорный костюм сделал спасательную службу возможной в тяжелейших океанских условиях. В октябре 1874 я испытал новое спасательное оборудование, проплыв более тридцати миль в море, я прыгнул с парохода и добрался до Корка, Ирландия. Шесть месяцев спустя я переплыл Английский канал, большую часть пути на спине, куря сигарету.

— Это неладно, — заметил Крокетт, — чтобы человек проводил столько времени в воде.

Бойтон кивнул в знак согласия:

— В мое время плавание считалось пустой тра-

той времени, точно так же, но меня использовали так, что это помогло кое-что изменить в отношении к нему. Я плавал на Рейне, на Сене, на Тибре, на Миссури и даже на Миссисипи. Ища необыкновенной судьбы, я завербовался в перуанский флот и взорвал чилийский корабль, подплыв к нему в гавани и подложив 125 фунтов динамита ему под киль. Наконец, я вышел в отставку, осел в барах Нью-Йорк Сити. Я благополучно умер в 1924 году.

— И проснулся здесь, в Мире Реки, — улыбнулся Билл Мэйсон, — чтобы встретить свой самый великий подвиг.

— Верно, — кивнул Бойтон. — Подумайте об этом, джентльмены. Река длинной в миллионы миль! Какой громадный выбор для человека моих способностей! Моя цель — проплыть по ней по всей ее длине.

— Ты совсем чокнутый, — объявил Крокетт, не, любивший ни воду, ни купанья. — Зачем так затруднять себя?

— В Мире Реки — почему бы и нет? — возразил Бойтон.

— Если судить по тому, что вы мне рассказали о вашей цели, моя имеет куда больше смысла.

— Может, и больше, — ухмыльнулся Боуи. — Но

расскажи-ка нам об этих ребятах наци из соседней долины.

Улыбка сошла с лица ирландца.

Они просто дьяволы. Встречал я некоторые довольно странные культуры, плавая выше по Реке. Но ни одна из них не сравнится с этими германцами по жесткости.

— Это как-то бессмысленно, — нахмурился Билл Мэйсон. — Наци происходят из моей эпохи, с 1920-х по 1940-е, если точнее. Согласно всем сведениям, Река заложена в весьма грубом хронологическом порядке. Мы все еще проплываем через античные времена. Леблан сделал некоторые расчеты, пока ты сушился. Он считает, что фашисты должны располагаться за десять миллионов миль — или еще дальше — вниз по течению.

— Более того, — перебил француз, — во всех моих пере-воскрешениях я никогда не встречал более десятка выходцев из двадцатого веке на одной и той же территории — будь то мужчины или женщины. Подозреваю что боги Мира Реки задумали так по определенной причине.

— Что же они имели в виду? — спросил Боуи.

— Кто я, чтобы испытывать разум богов? — спросил Леблан, делая интонацией своего голоса

предельно ясным, что он чувствовал себя совершенно некомпетентным. Но из того, что я видел и что множество раз демонстрировал наш друг Мэйсон, наши друзья-современники весьма удобно устроены относительно науки и техники. Они так не ошеломлены чудесами нашего нового дома. Мне кажется, боги боятся того, что могло бы случиться, если бы слишком многие из них смогла бы собраться в одном месте. Возможно, их беспокоит, что эти люди могли бы открыть.

— Ладно, — сказал Бойтон. — Если эти проклятые нацисты служат каким-то примером, я ничуть не стану бранить богов.

— Почему же вы не продолжаете свою историю? — терпеливо напомнил Боуи. Его товарищи были неглупыми и любопытными, но иной раз слишком много болтали.

— Я плыву вверх по течению теперь уже около двух лет, — сказал Бойтон. — С течением-то я мог бы справиться, но это похоже на какой-то обман. Я всегда рад испытанию. Обычно я плыву от одной долины до другой, а ночую каждый раз в новом месте. Кстати, по большей части я повсюду встречаю дружественный прием. Большинство людей захвачены моей попыткой и обращаются со мной хорошо. С распространением эсперанто

общение перестало быть проблемой. Это была прекрасная жизнь.

— А нацисты? — напомнил Боуи.

— К ним-то я и клоню, — успокоил его Бойтон. — Четыре дня назад я вылез на берег в долину недалеко от этой. Как только я вылез на берег, меня окружили около десятка мужчин, вооруженных копьями и мечами. Они потребовали, чтобы я им сказал, кто я такой и зачем сюда прибыл. Их вождь был громадное чудовище, шести футов роста и весил хорошо за пятьдесят фунтов. Носил он чудовищный топор, который можно размозжить человеческую голову одним ударом. Несколько других мужчин называли его Голиафом, и у меня не осталось никаких сомнений, что это и был легендарный великан из Библии.

Титан был за то, чтобы убить меня сейчас же, но некоторые из них убедили его, что их хозяин может захотеть допросить меня. Так я предстал перед Адольфом Эйхманом.

Бойтон остановился, взгляд его театрально бродил по сторонам, пытаясь охватить всю компанию. Мастер по плаванию, он был также и мастером рассказывать истории.

— Размеры Голиафа делали его ужасающим. Интеллект Эйхмана выполнял то же самое дело.

Я нашел, что самый ужасный из этих двоих — немец. Гигант был созданием страсти, Эйхман же держал свои желания под строгим контролем. Он никогда не разрешал своим эмоциям мешать своим планам. Это был холодный, бесчувственный маньяк. Настоящий монстр.

Ирландец проглотил свой виски одним глотком. Он уже должен был как следует набраться, но его рассказ держал его в холодном трезвом состоянии.

— Маленького роста человек, с крысиной физиономией, Эйхман, допрашивал меня несколько часов. Он выражал большой интерес к цивилизациям, живущим вниз по Реке от его поселения. Чувствуя, что я не открываю ему ничего такого, что он не мог бы узнать и сам, я говорил свободно и правдиво.

Очевидно, то, что я рассказал, сильно понравилось немцу. В течение короткого времени он начал хвастаться планами о подчинении «нечистокровных рас», окружающих его территорию. Эйхман намеревался установить нацистскую империю. «Новый Рейх», как он ее называл, управляемую своими учениками. Чудовищную истину, скрывающуюся за этими планами, я не понял до следующего утра.

— Так вообще-то кто они такие, эти парни нацисты? — спросил Крокетт.

Билл Мэйсон скорчил гримасу:

— Позор двадцатого века.

Спокойно и без эмоций историк описал подъем и падение Третьего Рейха. Когда он кончил говорить, мертвая тишина воцарилась среди сообщества.

Лисандр Спартанский наконец развеял чары:

— Стража на берегу Реки должна быть усилена. Мы не можем дать этим чудовищам захватить нас врасплох. — Лицо его побледнело, он поднялся:

— Я скоро вернусь.

— Тринадцать миллионов безвинно убитых, — прошептал Сократ. — Преступления этих нацистов превосходят всякое воображение. А я думал, что когда-нибудь постигну справедливость. Может ли подобное понятие существовать в формах, которые позволяют такое сумасшествие?

— Хуже всего то, — сказал Бойтон, — что теперь, когда они вновь возродились в Мире Реки, они собираются снова делать то же самое.

— То есть — что? — воскликнул Боуи. Он почувствовал, как в нем образуется твердый клубок ярости. Ярость убийства, как называл это его

старший брат. — Что ты этим хочешь сказать?

— Эйхман меня допрашивал, пока не стемнело. Наконец, он утомился от этого разговора. Меня, голодного и изможденного, его помощники поволокли в бамбуковую загородку, за которой жили несколько сотен обнаженных женщин. Этих несчастных держали, как я скоро узнал, и оставили в живых только для сексуальных удовольствий нацистов. Ни одного мужчины во всей тюрьме не было. И вот там я начал подозревать худшее. Но женщины, приведенные в ужас своими тюремщиками, отказались со мной разговаривать. И только при наступлении дня мне удалось узнать всю правду о новое Рейхе.

— Конечно, самоубийство… — начал было Билл Мэйсон.

— Нужно много смелости, чтобы убить себя, — перебил Бойтон. — Гораздо в большей степени, чем обладали эти бедняги. Эйхман отбирал только тех рабов, которые панически боялись смерти. Ни одна женщина обладающая сильным духом, не была допущена в тюрьму.

— Не нравится мне то, что ты рассказываешь, — заявил Дэви Крокетт, глаза его сузились. — Скажи мне, что я неправильно сужу об этих наци.

Бойтон глубоко вдохнул в себя воздух.

— Боюсь, что все это слишком правдиво. На следующее утро я наблюдал резню. Боже моей, — голос его дрогнул от эмоций, — если бы я только мог уничтожить воспоминания о ней в своем мозгу!

Долина не была обширной. Она содержала три грейлстоуна. Или так мне показалось, судя по тому, что совершалось при свете дня. Нацисты собрались вскоре после восхода солнца и разбились на три группы. Наблюдая за ними, я понял, что они уже проделывали подобное раньше — много раз. Два отряда маршем двинулись прочь, очевидно, к другим грейлстоунам, а третий остался в деревне.

— И сколько человек в каждом отряде? — спросил Боуи.

— Пятьдесят или шестьдесят, — ответил Бойтон. — И все они — крупные сильные парни, вооруженные мечами и кинжалами.

— Они превышают нас числом, получается трое на одного, — прикинул Боуи. Да, это куда больше, чем количество, с каким может справиться наша команда. Даже если застать их врасплох.

— Трудно будет застать их врасплох, — заметил Бойтон.

— Главное поселение окружено огромной

стеной, ворота только одни. Днем их держат открытыми, но при закате солнца их закрывают. И Голиаф охраняет их.

— Чем великан выше, тем тяжелее он падает, — напомнил Крокетт.

— Под пристальным наблюдением нацистов женщины из загородки были отправлены к грейлстоуну, и им было разрешено поместить туда их граальчики. И мне тоже. Как только мы стадом потащились в свою тюрьму, наши тюремщики сделали тоже самое.

— Судя по тому, что ты описываешь, — нахмурился Боуи, — оставалось свободным расстояние для пятисот свободных грейлстоунов. Что означает, что много новых людей будет трансформировано в эту долину сегодня утром.

Бойтон кивнул, лицо его побледнело.

— Что составляет около двух тысяч новых пришельцев, если учесть еще два грейлстоуна. — Голос его упал до шепота: — Ежедневно две тысячи человек.

Глаза его наполнились ужасом, который только он один мог видеть и ирландец продолжил:

— В обычное время энергия вспыхнула, и пятьсот новых людей материализовались вокруг грейлстоуна. Наобум выбранные образчики из

числа тех, кто умер накануне где-нибудь в других местах Мира Реки, теперь вернулись к жизни на новой территории. Но для большинства это было всего на мгновение.

— Безумие, — откомментировал Сократ. — Чистое безумие.

— Но не по мнению Эйхмана, — поправил Бойтон. — Его люди работали быстро и эффективно. Это были настоящие эксперты по убийству, они так много раз участвовали в этом ритуале. Проходя среди родившихся заново, они перерезали глотки всем цветным. Краснокожим, чернокожим, желтым, — и те мгновенно умирали. Не пощадили ни одного.

Они убивали и женщин, кроме нескольких, оказавшихся наиболее привлекательными. Этих присоединили к остальным, сидящим в тюрьме. В том нацистском аду женщины использовались только как дающие сексуальное наслаждение — ни для чего другого они не предназначались. Те, кто не мог удовлетворить этому требованию, были убиты.

— А что было с остальными мужчинами, которые немедленно не уничтожили? — спросил Боуи.

— Их, как стадо, согнали всех вместе и поме-

стили на другую огороженную территорию, недалеко от грейлстоуна. Все еще слабые и с трудом державшиеся на ногах после перерождения, большинство их них без всякого протеста делали все, что от них требовали. После завтрака Эйхман и несколько его помощников допросили пленников. Некоторым, добровольным рекрутам или воскресшим нацистам, позволили жить. С остальными быстро расправились.

Позже женщинам из тюрьмы позволили наполнить их Граали и съесть содержимое. — Голос Бойтона снова дрогнул. — Это было, точно в аду. Мы ели, окруженные свежими трупами, их тела еще не успели остыть. Везде была кровь.

Потом рабы, разделенные на небольшие партии, собрали все трупы вместе и выбросили их в реку. Когда я это понял, у меня появился шанс на спасение. Я оторвался от своей группы и нырнул в воду. Я добрался до середины Реки, почти все время плывя под водой. Несколько стражников пробовали последовать за мной, но никто из них не смог даже приблизиться. Вскоре они отстали. Очевидно, почувствовали, что я знал, что делаю.

— Почему ты плыл вверх по течению? — поинтересовался Боуи.

— Я же попал туда с нижнего течения, — объяс-

нил Бойтон. — В двух поселениях за нацистами живут сторонники Церкви Второго Шанса. Славные люди, но пацифисты. Они ни по какой причине не станут сражаться. Единственная моя надежда найти помощь для уничтожения этих нелюдей была — направиться по Реке верх.

— Чтобы убивали тысячи людей каждый день, — покачал головой Крокетт. — Это же бессмысленно. Зачем они это делают?

— На это ответить нетрудно, — сказал Билл Мэйсон. — Эйхман исказил основной закон Мира Реки, чтобы приспособить его к своим загребущим рукам. Он создает расу так называемых Хозяев Наци, не по рождению, но по отбору внешних данных. Это безжалостно и антигуманно, но он медленно достигает тех результатов, которые ему нужны и никто не в состоянии его остановить.

Всякий раз, когда кто-то умирает на Реке, эти люди возрождаются на следующий день в другой местности. Насколько мы можем судить, эти возрождения не имеют закономерности. Любой человек из любой эпохи может возникнуть где угодно. Эйхман пытается собрать армию нацистов. Поэтому ежедневно он и его палачи убивают всех неугодных членов колонии. Это обеспечи-

вает появление на следующее утро громадного притока новых воскресших. Поскольку ежедневно на Реке умирают миллионы людей, прибытие новых жертв нескончаемо. Закон случайности почти гарантирует, что некоторые из прибывших будут обладать качествами пригодными для империи Эйхмана.

Это похоже на промывание грязи на дне Реки в поисках золота. Вы перебираете массу ила для того, чтобы найти несколько крупинок. Эйхман рассортировывает людей, а не камни, но принцип тот же самый. Он делает свою игру против невероятного количества материала, но с неограниченными денежными средствами. Назовем это некоторым образом рулеткой Мира Реки.

— Все-таки, я не понимаю, как он ухитряется добиваться своего, — недоумевал Крокетт. — Я могу догадываться, что это получается со всеми теми, кто возрождается и все еще находится без сознания. Но не возьму в толк, как ему удается так легко убивать основное население долины.

— Это вопрос, на который мы, вероятно, никогда не найдем ответа, сказал Боуи. — Да, на самом деле, это и неважно. Настоящая дилемма, перед которой мы стоим — что мы с этим собираемся делать?

С минуту никто не говорил ни слова. Затем Сократ, совесть группы, высказал то, что нужно было произнести:

— Мы отправились в это странствие для того, чтобы завершить свои дела, не законченные на Земле. Может ли остаться среди нас хоть какое-то сомнение насчет того, что эта колония варваров, этих сумасшедших наци, должна быть уничтожена? Что они — часть незавершенного человечеством дела?

3

Был небольшой спор насчет того, как следует действовать. Боуи и Крокетт были ветеранами войн с индейцами и Аламо. Лисандр являлся одним из величайших военачальников Спарты. Сократ участвовал во множестве сражений, и на Земле, и в Мире Реки, так же, как Исаак Искатель и Морис Леблан. Все они соглашались, что есть только один способ одержать победу над нацистами. К сожалению, отсутствовало согласие начет того, кто будет выполнять самую опасную часть этой миссии.

План их состоял из двух частей. Во-первых, следовало нейтрализовать количественное пре-

имущество нацистов. Это можно было сделать только повернув суда вверх по Реке и набрав отряды добровольцев воинов их тех цивилизаций, которые они уже посетили. Никто не волновался о том, удастся Ли это.

Большинство населения этой части Мира Реки вели свое происхождение от негритянских царств Куша, Гордые, надменные воины, которые некогда завоевали Египет, они охотно позволят себя призвать к предстоящей битве.

Путь вверх по Реке займет несколько дней, и потребует от всей команды «Незаконченного дела» бороться с течениями Реки. Тем временем, небольшая группа людей должна просочиться в нацистский лагерь. Описание фашистского поселка, которое дал Бойтон, делало совершенно ясным, что им необходима пятая колонна внутри крепости. Кто-то должен открыть ворота для вторгающихся. Иначе сражение будет долгим и кровавым, без какой-либо гарантии успеха. Проблем заключалась в том, что все с «Незаконченного дела» хотели отправиться. И каждый из них считал, что лучше других подготовлен к этой задаче.

Как капитан экспедиции Боуи принял решение в последней инстанции. Как он и ожидал, никто

не оказался доволен его выбором. Особенно поскольку он был одним из двух выбранных людей. Вторым был Лисандр Спартанский.

— Это неразумно, — пробовал спорить Деви Крокетт. — Вы с Лисандром единственные разумные голоса во всей проклятущей экспедиции. Посылать туда вас обоих — да это же самоубийство, это безумие!

Боуи пожал плечами:

— Ты просто злишься, потому что я выбрал Лисандра пойти со мной, а не тебя. Не могу утверждать, что не понимаю твоих чувств. Но Лисандр не болтун, как ты. Если эти кушиты нуждаются в том, чтобы их убеждать, тут ты и Сократ будете на месте. Билл Мэйсон человек находчивый, но он не боец. Эти черные вас уважают.

Крокетт кивнул:

— Не могу сильно возразить против твоих слов. Мы с кушитским королем поладим. Как-то всю ночь вместе выпивали, и прочее. И он даже хотел, чтобы я остался и женился на его сестре.

— Я же говорил, — обрадовался Боуи. — Лисандр со словами плохо управляется. Он молчаливый. Слишком уж, чертяка, задумчив, чтобы убедить кушитов помочь. Но он несгибаемый, как гвоздь, будет драться до последнего. Он не такой, как ты,

и это лучший выбор для того, чтобы защищать меня со спины.

— Ты меня убедил, — сдался Крокетт, — но не могу сказать, чтобы я был счастлив по этому поводу. Ни чуточки.

У Билла Мэйсона были другие волнения. Он поделился ими с Боуи незадолго до того, как «Незаконченное дело» отправилось вверх по Реке.

— Лисандр спартанец, — напомнил он обеспокоенно.

— Я этого и не отрицаю, — пожал плечами техасец. — И что тут неладно, Билл?

— Надеюсь, что ничего, — ответил Мэйсон. — Для тебя, да и для нас тоже. Пойми меня правильно. Мне Лисандр очень нравится. Он всегда рядом с нами, во всех наших приключениях. Но он воспитан в Спарте, в одном из самых милитаристских обществ, какие только существовали. Спартанцы и в самом деле верили, что их граждане больше одарены, чем другие народы — что они, так сказать, высшая раса, предназначение которой — управлять. Такой взгляд на вещи здорово близок к эйхмановскому.

Боуи нахмурился:

— Ты думаешь, Лисандр может сговориться с нацистами в их программе?

Историк покачал головой:

— Я не знаю, Джим. Надеюсь, что нет. Но все возможно.

— Ну, — возразил Боуи, — я Лисандру доверяю. Никогда мне не казалось, что он один из тех, кто предает своих друзей, каков бы ни был повод. В глубине души я чувствую, что он тот самый человек, который должен меня сопровождать в этом походе. Все-таки — ценю твое предостережение. Буду держать глаза открытыми.

— Эйхман — дьявол, — предостерег Мэйсон. — Из всех нацистских вождей он был самым бесчеловечным. И самым хитрым. Он человек опасный.

Боуи улыбнулся своими тонкими губами, без всякого юмора:

— Я тоже, Билл. Я тоже.

4

Боуи и Лисандр выждали два дня после того, как их друзья отбыли, прежде чем они отправились в свое путешествие. Появляться слишком скоро после побега Бойтона было бы подозрительным. И Боуи был намерен провести в нацистской крепости как можно меньше времени.

Они гребли в четком ритме, быстро направляя бамбуковое каноэ по воде. Работа была тяжелая, требующая всех сил, на разговоры их не оставалось. Что вполне устраивало Боуи. Глубоко в его душе полыхало холодное белое пламя гнева.

Он всем сердцем верил, что не может быть никаких компромиссов со злом. Нацистов с их безумными планами необходимо остановить.

Волна отвращения прошла по нему, и глаза его сузились. Немцы могут и должны быть побеждены. Его ли усилиями, или кого-нибудь другого. Это едва ли имело значение. Потому что в Мире Реки ничего на самом деле не кончается. Зло, как и добро, вечно.

Простейший путь покончить с нацистской угрозой было — убить всех, кто участвует в их планах. К несчастью, на другой же день все виновные должны снова возродиться в каких-то других местах на Реке, свободно смогут опять лелеять свои планы. И никто не будет остерегаться их истинных намерений, никто не узнает об их прошлых преступлениях. Боуи считал это крайне несправедливым. В отличие от сторонников Второй Попытки, он не мог забыть и простить.

Согласно учению церкви Второй Попытки, человечество вновь возродилось на Реке с особой

целью. Сторонники этой религии учили, что цель существования состоит в том, чтобы достигнуть объединения с Богом. Каждая личность может достичь собственного спасения путем любви и всеобщего отрицания насилия. Жизнь в Мире Реки предоставляла человечеству вторую попытку достижения своей цели. Освобожденные от бремени доставать пищу, воспитывать детей и беспокоиться относительно смерти, люди теперь могут полностью сосредоточиться на том, чтобы прийти к бессмертию духа.

Боуи не очень-то выносил сторонников второй попытки. Будучи человеком действия, он считал их философию терпимости и гармонии невероятно наивной. Быть пацифистом на Реке означало, вероятно, твердую гарантию бесчисленных возрождений. Человечество в целом не было готово отринуть десять тысяч лет насилия, при всех чудесах, какие устроили боги Мира Реки.

Сократ отформулировал это лучше всего:

— Если бы боги предпочли, чтобы мы стали овцами, они воскресили бы нас с овечьими мозгами. Так как мы вернулись людьми, то и должны действовать по-человечески.

Лисандр слегка ткнул Боуи веслом, прервав его размышления.

— Я вижу отмель, о которой рассказывал Бойтон. И шестеро доброжелателей ждут нас на берегу.

Шестеро могучего сложения мужчин наблюдали, как каноэ приближается к берегу. Один из них нависал над остальными своими квадратными плечами и огромной головой. Черноволосый великан с крошечными свинячьими глазками вылупился на приближающееся суденышко с нескрываемой враждебностью. В руках он сжимал самую большую и толстую дубинку, какую Боуи когда-нибудь видел. Для того, чтобы успешно совершился их план, этот человек должен умереть.

— Убийство этого чудовища может быть подвигом, — пробурчал Боуи, когда они с Лисандром прыгнули в воду, чтобы привязать каноэ, которое они выволакивали на сушу.

— Пусть его вид тебя не пугает, — шепнул ему в ответ Лисандр. Они были уже меньше чем в дюжине ярдов от прибрежной полосы. — Человек подобных размеров должен быть медлительным и неуклюжим. Нося столько веса, он будет легко уставать. Слабое место, у него — ноги.

— Сам ад свидетель, что для меня они выглядят деревьями, — буркнул Боуи. Потом болтать было

некогда.

Как только они вышли из воды, их окружила встречающая группа. Каждый был вооружен и мечом, и кинжалом, у нескольких были еще и копья. Никто из них вроде бы не был настроен дружественно.

— Кто вы такие и что вам нужно? — спросил мускулистый блондин с надменной улыбкой на лице. — Чужестранцам запрещен вход на нашу землю.

— Тогда вам, ребята, надо было поместить плакат посередине реки, — ответил Боуи, медленно и спокойно растягивая слова. Возможность внезапной смерти всегда успокаивала ему нервы, особенно с тех пор, как ему стало известно, что смерть наступает не навсегда. — Поскольку его не было, мы и решили остановиться и оглядеться.

— Этот ответ является… — начал было блондин, но внезапно умолк на полуслове, видя, что Боуи вынул огромный стальной кинжал и начал чистить им свои ногти.

— Я Джим Боуи, — представился техасец самым приятным тоном. — Мой друг, Лисандр Спартанский. Помимо того, что он был одним из величайших военачальников в истории, он великолепно владеет мечом. Не тот человек, которого

я хотел бы иметь своим врагом.

Лисандр использовал минутное замешательство, вызванное появлением кинжала Боуи, чтобы вытащить собственное оружие. Он держал меч с твердой уверенностью человека, который знает свою собственную ловкость.

Боуи хмыкнул, его кинжал блеснул на солнце.

— Эти мечи из костей морской щуки — неплохое оружие. Но их не сравнить с настоящим стальным лезвием. В руках настоящего специалиста такой ножик, как этот, может в секунду взрезать человеку кишки. Выпотрошит все его внутренности на песок, прежде чем он глазом успеет моргнуть. — Боуи усмехнулся. — А я лучший специалист, ребятки. Самый лучший.

— Так ты Джим Боуи? — спросил другой член берегового патруля, и в голосе его звучал страх. — Изобретатель легендарного ножа Боуи? Который погиб вместе с Дэви Крокеттом при Аламо?

Мысленно Боуи состроил гримасу. Невозможно избавиться от легенды, придуманной Крокеттом.

— Это все равно, — ответил он. — Кинжал изобрел мой брат Рэзин. Но я и есть тот, кто убил в поединках шесть человек, пользуясь им.

— Слишком много трепа, — перебил черноволосый великан. Он поднял громадную дубинку

себе на плечо. — Так мы их убиваем — или нет?

— Определенно нет, Голиаф, — объявил человек, который узнал имя Боуи. Он был пониже ростом, чем его товарищи, с темно-русыми волосами и карими глазами, он отвесил вежливый полупоклон. — Я Фриц Мюллер. Ребенком я читал о ваших несравненных подвигах. Для меня большая честь с вами познакомиться.

Затем, как бы отвечая на ропот своих товарищей, Мюллер продолжил:

— Наш вождь, герр Эйхман, тоже был страстным поклонником американских пионеров. Уверен, он будет в восторге, когда узнает, что вы здесь.

— Буду рад приветствовать, — сказал Боуи, укладывая кинжал в ножны, но продолжая держать его за рукоятку. — Мне всегда нравились социалисты.

Пока они все шли по берегу, Боуи исподтишка наблюдал за Голиафом. Если рассматривать его вплотную, великан выглядел еще более впечатляюще, чем на расстоянии. Он обладал руками невероятных размеров с пальцами, как сосиски. Грудь у него вдвое превышала размер груди нормального человека, на ней выдавались мышцы.

Вспоминая совет Лисандра, Боуи внимательно

присматривался к тому, как Голиаф передвигался. Гигант шел медленно и далеко не грациозно. С каждым шагом он хрюкал от боли и был осторожен, чтобы не вывихнуть лодыжку или колено. Техасец Боуи почувствовал себя более уверенно. Он не смел недооценить невероятную силу великана, но понял, что тот никоим образом не является неуязвимым. Раз уж Давид сумел убить Голиафа, так сможет и Джим Боуи.

5

Нацистский поселок был точно таким, как описывал Пол Бойтон. Он напомнил Боуи форты его эпохи, и он подумал — уж не помогал ли строить кто-то из его, Боуи, современников?

Солидный земляной вал в пятнадцать футов высоты и пять футов толщины окружал весь комплекс построек. Через каждые пятьдесят футов была деревянная амбразура, внутрь форта вела приставная лестница. Единственным входом в поселок были массивные железные ворота. Бойтон был прав. Если эти ворота не будут открыты изнутри, немцы будут в полной безопасности от нашествия извне.

Поселок был приблизительно футов в пятьсот

шириной. В центре находился основной грейлстоун, который снабжал обитателей едой и питьем. В Мире Реки невозможны были долгие осады, потому что обороняющиеся никогда не испытывают нужды в продовольствии. Но нападающие, отделенные от своих грейлстоунов, страдали от отсутствия припасов.

Слева от грейлстоуна возвышалась бамбуковая загородка, упомянутая ирландцем. На мгновение Боуи бросил туда взгляд, но сейчас же отвернулся. Единственный способ как-то помочь пленницам был — игнорировать их. И все-таки он чувствовал на своей спине их взгляды, когда молча проходил мимо.

Сейчас же за загородкой пестрел целый ряд небольших хижин, которые, как определил Боуи, были жилищами нацистов. В задней части форта находилась вторая загородка, где не было заметно никаких признаков жизни. Согласно рассказу Бойтона, Боуи понял, что это был загон, где держали потенциальных членов колонии.

Дом Эйхмана, не особенно удививший Боуи, был самой богатой постройкой в поселке. К одной из его стен был приделан крест с изогнутыми концами. Боуи узнал свастику.

Их с Лисандром провели в небольшую прихо-

жую. Они оставались там под присмотром зорких стражников, которых насчитывалось около полудюжины. Фриц Мюллер пошел докладывать об их присутствии вождю. Через несколько минут немец вернулся, лицо его сияло от возбуждения:

— Герр генерал Эйхман примет вас, джентльмены, немедленно! — объявил он с гордостью. — Он считает честью для себя принять таких знаменитых гостей. Пожалуйста, следуйте за мной.

При всей куртуазности Мюллера, Боуи отметил, что стражников он не отпустил, и те тоже следовали за ними.

Небольшой и стройный Эйхман по сравнению со своими подчиненными напоминал змею. Боуи сразу вспомнил тех политиканов, которых он знал когда-то на Земле. Единственная особа, которая что-то значила для Адольфа Эйхмана, был Адольф Эйхман.

После стакана отличного бренди и нескольких слов вежливости, немец перешел прямо к делу:

— Мне сказали, что у вас есть удивительный кинжал, герр Боуи. Не возражаете, если я на него посмотрю?

— Вовсе нет, — согласился Боуи. Он вытащил кинжал и, держа его рукояткой вперед, протянул Эйхману.

— А вы доверчивы, — заметил нацист, поворачивая стальное оружие в руках.

— У вас же есть ваша стража, — напомнил Боуи.

— Да, есть, — согласился Эйхман. Все еще держа кинжал в руках, он улыбнулся техасцу: — А что бы вы подумали, герр Боуи, если теперь, когда ваш бесценный стальной кинжальчик находится у меня, я скомандую своим людям уничтожить вас обоих прямо сейчас?

Боуи рассмеялся и покачал головой:

— Я бы подумал, что вы совершаете страшную, ужасную ошибку, мистер Эйхман. А я не думаю, что вы тот тип человека, который совершает ошибки.

— Не уверен, что понимаю вашу логику, — Эйхман казался растерянным.

— Разумеется, у вас в руках мой стальной кинжал. Один кинжал. И не очень-то много можно сделать с одним кинжалом. С другой стороны, знание того, как такое оружие делается…

Эйхман резко вздохнул:

— В Мире Реки нет железной руды.

— Лезвие, которое вы держите в руках, говорит о другом, — возразил Боуи.

— И вы его изготовили? — спросил немец.

— Секрет стали, — спокойно вымолвил Боуи, — мне известен. Убейте меня — и вы его потеряете. Навсегда. — Техасец выдержал паузу, давая своим словам дойти до Эйхмана. — Не возражаете теперь вернуть мне кинжал, мистер Эйхман? Без него я ощущаю себя голым.

— С радостью, — Эйхман протянул ему оружие. — Мой вопрос, разумеется, был чисто теоретическим.

— Разумеется, — сухим эхом отозвался Боуи.

Эйхман встряхнул головой, как будто припоминая нечто очень важное:

— Торопясь познакомиться с таким знаменитым историческим лицом, я совсем упустил из виду свои обязанности хозяина. Я убежден, что вы и герр Лисандр охотно воспользуются удобным случаем отдохнуть после вашего путешествия. Герр Мюллер проводит вас в свободную хижину. За обедом мы снова побеседуем.

— Мне это подходит, — кивнул Боуи.

Они благополучно проникли во враждебный лагерь. Теперь оставалось только открыть ворота в надлежащий момент. Что, заключил Боуи, бросая последний взгляд на Голиафа, могло быть куда более значительным подвигом, чем он рассчитывал.

6

После обеда Эйхман не стал тратить времени понапрасну, делая свое предложение:

— Вы владеете могущественным секретом, герр Боуи, — сказал он. — Я же владею армией, чтобы им воспользоваться. Вместе с вами мы сможем устроить значительные перемены на Реке.

— Нож у меня есть, — кивнул Боуи, откидываясь назад на стуле. — Но вот армии-то я не вижу. Дело в том, что в этом месте маловато жителей.

В большой комнате эйхмановского дома их сидело шесть человек. Вождь нацистов, трое его ближайших сторонников, Боуи и Лисандр.

И только один стражник, Голиаф, стоял терпеливо около двери, громадная дубинка покоилась на его плече. Его взгляд, точно дрель, буравил спину техасца, ожидая, чтобы тот допустил хотя бы малейший промах.

— Требуется время, чтобы собрать расу господ, — сказал Эйхман. — Время и решимость. Каждый день мы еще немного приближаемся к осуществлению наших планов создания нового Рейха, новой империи, обагренной кровью низших рас.

— Говорите-то вы много, — заметил Боуи. — Но смысла тут мало. Может, позаботитесь объяснить, о чем вы?

Эйхман встал со стула и скрестил руки на груди.

— Человечество можно разделить на две группы, герр Боуи. Овец и волков. Правители и рабы. Мы с вами волки. Так же, как и все, кто тут с нами находится. Раньше мы правили на земле. И точно так же мы предназначены для того, чтобы править в Мире Реки.

С самого моего возрождения в этом непонятном новом мире я работаю ради этой цели. Щедрое провидение привело меня в эту колонию, где я объединился с несколькими офицерами из моего земного существования. Вместе с ними мы составили план воссоздания Рейха путем процесса отбора лучших и отбрасывания негодного материала. Медленно, но уверенно мы собираем подходящих членов для нашей новой империи.

— Отбора? — переспросил Боуи.

— Первоначальными жителями этого места были древние египтяне. Участники цивилизации, сосредоточенные на смерти и жизни после смерти, они жили здесь в состоянии шока и недоумения. По всем своим верованиям

они принадлежали к подземному миру, где они должны жить таким же образом, как жили на Земле. Эти дурни не могли примириться со своим существованием на Реке. Не представляло никакой трудности убедить их в том, что их переместил на окончательное место отдохновения какой-нибудь недоброжелательный бог или колдун. И что только одновременным массовым самоубийством они могут привести в порядок космический баланс.

— Оставив вас и ваших товарищей единственными живыми людьми во всей деревне, — заключил Боуи, пытаясь, чтобы его голос звучал твердо.

— Именно. И с тех пор мы поддерживаем этот статус, добавляя к нашему населению только тех, кто разделяет наши взгляды, наши цели и наше арийское наследие. Плюс еще некоторые исключительные личности, как, например, мой друг Голиаф. Всех остальных мы убиваем.

— Довольно радикальный способ создавать армию, разве не так? — спросил Боуи, его терпение уже готово было взорваться.

— Не совсем так, — сказал германец. — Я знаю, что вы думаете, но я отнюдь не бесчеловечное чудовище. Ведь убийство в Мире Реки ничего не

означает, совсем ничего. Это, в полном смысле слова, временное неудобство. Большинство тех, кого мы убиваем, вероятно, так и не осознают, что они еще раз умерли. Мы просто отправляем их еще в одно путешествие немного быстрее.

— А как насчет женщин? — Лисандр заговорил впервые.

Эйхман пожал плечами:

— Игрушки для сексуальных забав, ничего больше. Опять-таки, если они предпочитают, смерть приносит им моментальное освобождение. — Немец снова сел. — В конце концов вы, американцы, убивали тысячами краснокожих индейцев в продвижении на Запад? И разве не в Спарте детей сбрасывали с горной вершины, чтобы испытать их жизнеспособность? Не проповедуйте же мне мораль, господа. На ваших руках тоже есть кровь.

Боуи медленно поднялся, то же сделал и Лисандр.

— Мне нужно некоторое время, чтобы обдумать ваши слова. Завтра утром я сообщу вам свое решение.

— Это приемлемо, — согласился Эйхман. Он выдержал минутную паузу, в то время как Боуи с Лисандром направились к двери. — Помните,

герр Боуи. Я могу править с вашей помощью. Я могу править без вашей помощи. В любом случае я буду править.

Очутившись снова в своей хижине, Боуи повернулся к своему помощнику:

— Ну как, Лисандр, что ты думаешь о мистере Эйхмане и о его маленькой речи? Появились ли у тебя какие-то другие мысли? Не искушает ли тебя хоть чуть-чуть его предложение?

Греческий военачальник сплюнул на пол.

— В Спарте мы высоко ценили силу и храбрость. Но без чести они ничего не значили. Эти люди делают себе добычу из слабых и беспомощных. У них нет чести. Будет такое удовольствие разбить их!

— В точности мои мысли, — одобрил Боуи. — Лучше перекрести пальцы, чтобы Крокетт и наши друзья явились сюда сегодня же ночью. Потому что иначе наша завтрашняя встреча с Эйхманом не будет приятной.

7

Свист рогатой совы пробудил Боуи от его сна без сновидений. Затаив дыхание, он ждал, чтобы этот звук повторился. Меньше чем через минуту,

свист раздался снова сквозь темноту ночи. Сигнал Крокетта.

Прокравшись к Лисандру, Боуи ничуть не удивился тому, что нашел грека бодрствующим, глаза его горели от возбуждения:

— Меня он тоже разбудил, — шепнул военачальник. — Осмелимся ли мы ответить?

— Думаю — лучше не надо, — ответил Боуи. — Нет у нас причин отказываться от наших намерений. Заставишь замолчать часового у двери?

— С удовольствием, — Лисандр тихо схватился за свой нож из рыбьей кости одной рукой. И молча нырнул в черноту в передней части комнаты.

— Сделано, — доложил он через несколько секунд, втаскивая в комнату обмякшее тело. — Кругом, кажется, никого. Возможно, все окажется проще, чем мы думали.

— Сомневаюсь, — возразил Боуи, вынимая кинжал из ножен. — Это никогда не бывает легко.

Как обычно, он оказался прав. Голиаф, Эйхман и дюжина нацистов ждали их у ворот поселения.

— Герр Боуи, — окликнул нацистский вождь. — Я в вас сильно разочаровался. Собрались уходить, не попрощавшись. Хотя, должен признаться, я ничего другого и не ожидал. От вас, американцев,

всегда одни неприятности.

— Это мы, правильно, — холодно произнес Боуи. Эйхман, очевидно, не подозревал об участниках набега по другую сторону стен. Все стражники с поста у ворот окружили его. Остальной лагерь спал, ничего не зная. Что означало, что может произойти что угодно. — От нас одни неприятности.

Он взмахнул рукой с кинжалом в сторону Голиафа.

— Подойти-ка, великан, — поманил он. — Посмотрим, как ты на самом деле крепок.

— Убей этого дурня, — сердито пролаял Эйхман. — И его друга тоже.

С ревом предвкушения радости великан неуклюже шагнул вперед. Его громадная дубинка просвистела в воздухе, нацеленная прямо на голову Боуи. Но техасца там уже не было. Двигаясь с удивительной скоростью, он неожиданно ловко присел, так что Голиаф не мог его достать, и полоснул его по бедру.

Вскрикнув от неожиданности и боли, гигант неистово лягнул ногой. На этот раз Боуи подпрыгнул — и опять избежал удара. На груди Голиафа, точно по волшебству, появилось кровавое пятно.

— Да возьмите же его, идиоты! — взвизгнул

Эйхман, обращаясь к своим людям, загипнотизированным этой стычкой.

— За Спарту! — вскричал Лисандр и ринулся в атаку.

Греческий воин, ветеран сотни боев, рубился и мечом, и кинжалом, неся смерть врагам. Он был опытным бойцом врукопашную, не то что его противники. За несколько секунд земля покрылась кровью нацистов.

Пыхтя и хрипя, Голиаф стоял, не сводя глаз с Джима Боуи. Напоминающий животное, великан заревел во всю глотку. Наклонившись, он ощупывал рану у себя на груди. Поднес пальцы ко рту и лизнул кровь языком.

Пот струился по спине Боуи. Все, что он до сих пор проделал, только заставило великана взбеситься. Необходимо было нанести сто таких ран, чтобы остановить чудовище. А у него не было на это ни времени, ни силы.

— Да возьми же его! — закричал Адольф Эйхман, хватая Боуи сзади.

Руки немца сомкнулись вокруг шеи Боуи, заставив голову откинуться назад в смертельном захвате. Кружась за пределами поля зрения техасца, нацист захватил его врасплох.

Боуи отчаянным жестом двинул Эйхмана

кулаком в живот. Немец застонал от боли, но отказался выпустить противника. Краешком глаза Боуи заметил, как Голиаф подковылял ближе, массивная дубинка поднялась для смертельного удара. Если ему не вырваться, Боуи — мертвец.

Для тонкостей времени не оставалось. Вытянув назад руку, державшую кинжал, Боуи погрузил лезвие глубоко в бок Эйхмана. С силой изогнувшись, Боуи продвинул оружие как можно глубже в желудок нациста. Кровь и кишки, как после взрыва, ударились Боуи в спину. С отвратительным бульканьем немец бездыханным упал на землю.

Когда прекратилось давление на его шею, Боуи перекатился набок как раз в ту секунду, когда сокрушительная дубинка Голиафа опустилась. Техасец вскричал от боли, когда массивный кусок дерева задел его левое плечо. Глотая слезы боли, он с трудом поднялся на ноги.

Голиаф стоял неподвижно, разглядывая безжизненное тело Адольфа Эйхмана. Медленно гигант поднял глаза и поискал ими Боуи. В его взгляде сверкнуло безумие.

— Ты убил господина, — объявил великан. Глубоко дыша, он поднял массивные руки к лицу, предоставив забытой дубинке упасть на зем-

лю. — Он был Господин — Господин! Да я тебя за это на куски разрублю!

Боуи с руганью отступил от великана подальше. Его плечо дьявольски болело. Дубинка, вероятно, сломала ему несколько костей. Шее тоже было не лучше. А Голиаф теперь стал безумным, по-настоящему безумным. Пора принимать отчаянные меры.

С трудом поворачиваясь назад, Боуи молил Бога, чтобы Голиаф оставался неподвижным еще на несколько секунд. Торберг Скафхогг предназначил свой кинжал для точного употребления. Боуи только уповал на то, что лезвие обладало теми же свойствами, что и его земная модель. От него зависела его жизнь.

За пять ярдов от великана он остановился. Собирая воедино скрытые резервы силы, Боуи выпрямился.

— Вот он я, высоченный парень. Бегу. Пора заканчивать эту нашу маленькую дуэль. Ну, давай прямо сейчас.

Глаза Голиафа расширились в берсерковской ярости. Изо рта капала слюна, он сделал шаг вперед. Потом другой. Что было именно тем, чего ждал от него Боуи.

Техасец отвел руку назад и изо всех сил пырнул

кинжалом приближающегося гиганта. Торберг изготовил лезвие в совершенстве. Оно совершило один полный замах в четырнадцать футов. И вонзилось по самую рукоятку в грудь великана, как раз над сердцем.

Глаза Голиафа сверкнули от внезапного шока, он шагнул вперед еще два шага прежде, чем испустил дух. Он был мертв еще до того, как стукнулся о землю.

— А я уж начал раздумывать, как ты собираешься покончить с этим сукиным сыном, — откомментировал Дэви Крокетт. — Рад, что увидел это собственными глазами. Иначе и не поверил бы.

Боуи устало повернулся к жителю приграничья.

— Когда же ты прибыл?

— А мы ждали снаружи, чтобы вы, ребята, открыли ворота, — объяснил Крокетт. Как я этот гвалт услышал, уж и ждать невтерпеж стало. Так что наши и несколько кушитов перебрались через стену. Лисандр немного помог, а после уж ворота открыл, так что еще и остальные смогли войти.

Крокетт помахал рукой по направлению к хижинам нацистов:

— Они услышали эти звуки и, кажется, пра-

вильно ухватили ситуацию. Эти ребята кушиты неплохие бойцы, если их разозлить. Не думаю, что наци имеют шанс уцелеть.

— Вот и хорошо, — произнес Боуи, чувствуя, как у него кружится голова, — потому что я собираюсь потерять сознание.

8

К тому времени, как Боуи вновь пришел в нормальное состояние, события в бывшей нацистской колонии стабилизировались. Воины-кушиты были беспощадны в сражении с эйхмановскими головорезами. Кроме женщин, запертых за загородкой, никто из колонистов не пережил эту ночь.

Следующее утро увидело начало новой эры, когда около двух тысяч людей материализовалось в долине. Мужчины и женщины из разных областей Реки, они представляли собой самое разнообразное смешение, когда-либо поселявшееся в одной местности. Краснокожие, чернокожие, желтокожие, белокожие, — они явились из сотни различных эпох и мест Земли. Они были хорошими союзниками, поскольку все одинаково пережили смерть — и это их смягчило. В течение

недели они создали свое правительство в этом районе и стали заниматься каждодневными проблемами жизни на Реке.

— Пора нам двигаться дальше, — объявил Билл Мэйсон Джиму Боуи в один солнечный день.

Сломанные кости в плече у техасца уже зажили, и он раскладывал пасьянс на палубе «Незаконченного дела». Кроме небольшого сторожевого патруля, остальная команда наслаждалась долгим отпуском в городе.

— У меня возражений нет, — ответил Боуи. — Смерть разбросала нацистов по всей Реке. Сомневаюсь, что Эйхман когда-нибудь получит другой случай претворить свой план в действие. А если и получит, кто-нибудь снова его сокрушит. По крайней мере, я на это надеюсь. В любом случае, нет для нас причины задерживаться здесь еще.

— Есть еще последнее, — Билл Мэйсон улыбнулся.

Он махнул рукой Дэви Крокетту, Сократу и Торбергу Скафхоггу, собравшимся на палубе. С ними были привлекательная молодая женщина, которую Боуи не знал.

— Джоан Вэнс, познакомьтесь с Джимом Боуи, — представил Мэйсон. — Джоан — одна из новеньких, воскресших здесь. Как и я, она из

двадцатого века. И, как и я, она любительница джаза.

Мэйсон кивнул остальным:

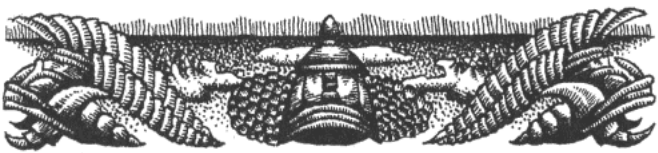
— Джентльмены, вы готовы?

Это получился очень странный квартет для Мира Реки: герой пограничья, греческий философ, строитель викинговских кораблей и историк из двадцатого века. Но главное была — идея. И слова.

«Джим Боуи, Джим Боуи, он был авантюрист. Джим Боуи, Джим Боуи».

Боуи удовлетворенно вздохнул, давая песне проплыть над ним. Пусть другие ищут на Реке то, что им надо. Он доволен. Для него не осталось незаконченного дела. И в конце концов, он получил воспевающую его песню.

Филипп Хосе Фармер
Кода[54]



Сперва я нашел Рабиа. Затем нашел артефакт, и думаю, что это — тот самый Артефакт. Что важнее, Рабиа или Артефакт?

Рабиа говорит, что мне не нужно выбирать между Путем и Артефактом. Нет и не может быть выбора между Путем и машиной.

Я не уверен.

Мой разум, единственная истинная машина времени, движется назад. И опять назад. А затем движется вперед из этого самого мгновения.

Вот я сижу на скале, которая окаймляет верхушку монолита. Солнце жжет мой правый висок и правый бок. Мой разум тоже горит, но весь, до

---

[54] Примечания: 54

CODA by Philip Jose Farmer
Copyright © 1993 by Philip Jose Farmer

самой середины.

Я на вершине двухтысячефутового гранитного монолита. Он поднимается над равниной не более чем в сотне футов от Берега Реки. Последние сто футов монолит ослепительно полыхает. Конец у него срезанный. То, что монолит фаллической формы, думаю, случайность. Но я не уверен, что все и вся в этом мире случайность. Даже очертания гор, которые ограничивают долину Реки, и само направление русла Реки, могут иметь равно практическое и символическое значение.

Я хотел бы разгадать это значение. Бывают времена, когда я его почти ухватываю. Но оно ускользает, как вода, которая бежит в Реке.

Вершина монолита, мое обиталище, мой физический мир, полыхает, образовывая круг в шестьсот футов диаметром. Не много. Но достаточно.

С земли не видно, но этот круг вроде чаши. Внутри ее лежит большой слой плодородной почвы, быстро растет бамбук, есть кусты и дождевые черви, которые едят растительный перегной, а также людские экскременты. В центре чаши высится гигантский дуб. У подножия бьет источник, воду поднимают по всему монолиту с уровня земли не

знаю уж какие хитрые приспособления, которые творцы этого мира скрыли в камне. От источника вода бежит на север мелким ручейком. Он расширяется, образуя озерцо, а затем водопадом низвергается через узкую трещину в каменном ободке. Радужные рыбы живут в ручейке и озерце. Они около восьми дюймов длиной, если их поджарить или испечь, вкус изумительный. А неподалеку от дерева — грейлстоун.

Мне никогда не требовалось много на Земле. Здесь мне нужно даже меньше, хотя, в духовном смысле, больше. Я подобен христианским отшельникам Темных Веков, которые сидели в одиночестве на высоких столпах годы и годы в африканской пустыне. Большую часть времени они медитировали, или они так утверждали. Они редко сдвигались из своей сидячей позы. Если так, то ну и язвы же у них были на заднице.

Я часто встаю и прохаживаюсь, а иногда бегаю вдоль самого края моего тесного мирка. Бывает также, что карабкаюсь на мое трехсотфутовое дерево, прыгаю с ветки на ветку, а по самым крупным сучьям даже бегаю взад-вперед.

Человечество, как утверждают, произошло от обезьян. Если так, я, в каком-то смысле слова, регрессировал до обезьяны. Что из того? Столько

радости в моих играх на дереве. И, кажется, имеет смысл завершить круг: обезьяна — человек — обезьяна. Это похоже также на символ движения Реки от Северного полюса к Южному и обратно к Северному.

То, что уходит, должно приходить обратно. В иной форме, возможно. Но важна сущность. Дух формируется внутри материи. Без материи у него нет сосуда. Конечно, я не имею в виду Дух. Затем настает время, когда материальное умирает. Дух тоже умирает? Не больше, чем бабочка, когда превращается из куколки во взрослое насекомое.

Дух может отправляться в место, где, в отличие от этой Вселенной, но наподобие того, как обстоит с духом, материя не нужна. Или это просто мысли, порожденные надеждой, защищающей от страха смерти? И, таким образом, ничего не значащие. Из десяти желаний не создашь кусок пирога.

То и дело странным кажется произносить «Я» — в первом лице единственного числа. Много лет в этом мире я называл себя Доктор Фаустролл, и все, с кем я встречался, думали, будто это и есть мое имя. Много раз я и впрямь забывал, что с рождения носил имя Альфред Жарри. Литературный персонаж, которого я выдумал на Земле,

стал мной. И у меня не было индивидуальности. Фаустролл был лишь частью всеобъемлющего «мы». Но здесь, в этом месте на Реке, где-то в северном умеренном поясе планеты, «мы», которое было «я» в самом начале, а затем стало «мы», опять превратилось в «я». Все равно, как если бы бабочка регрессировала до куколки, а затем вновь воспарила бабочкой.

И что же, второе «я» превосходит первое? Не знаю. Есть ли какое-нибудь место на Реке, которое лучше любого другого? Не знаю. Но я знаю, что мы, мои спутники и я, странствовали и бились много лет на многих миллионах миль Реки, поднимаясь все выше по течению, хотя часто то был путь с севера на юг или на восток, или на запад, ибо Река блуждает, извивается и делает петли. Но мы неизменно шли против течения.

Затем мы остановились, чтобы отдохнуть ненадолго, как и раньше делали во время странствия, когда уставали от сражений, от плавания и от общества друг дружки. Здесь я встретил Рабиа. И остался.

Ивар Бескостный, наш вожак, огромный бронзововолосый викинг, не казался удивленным, когда я сказал ему, что не отплываю с ним поутру.

— В последнее время ты как будто думал куда больше, чем подобает мужчине, — заметил он. — Ты всегда был чудным, явно отмеченным богами, человеком с мозгами набекрень. — Он приподнял бровь, ухмыльнулся, косясь на меня, и продолжал. — Или твой дух ослабел из-за того, что тебя прельстила эта смуглая женщина с носом ястреба и глазами лани, которую ты здесь встретил? Она разожгла в тебе страсть? Я заметил, что прежде ты не был падок на женщин. Это так? Ты отрекаешься от нашей цели ради пары великолепных грудей и жарких бедер?

— Плоть здесь совершенно ни при чем, — ответил я. — В сущности, Рабиа соблюдала целомудрие всю свою жизнь на Земле, была девой, святой. Воскресение во плоти здесь не изменило ее отношения к земным страстям. Нет, безусловно, не влечение к ее телу удерживает меня здесь. Это влечение к ее разуму. Нет, вовсе не это. Меня влечет к Богу!

— А! — сказал викинг. И больше ничего на этот счет не говорил. Пожелал мне удачи и подался прочь.

Я провожал взглядом его широкую спину и чувствовал какое-то сожаление, я что-то утратил. Но мне показалось, что его утрата куда больше

моей. Много лет назад он испытал то, что я могу назвать только мистическим мигом. Из темного неба, когда мы уходили на лодке от врагов, твердо решивших с нами покончить, его охватило нечто яркое. Это было очевидно, хотя он никогда об этом не упоминал. Но с того самого мига он потерял желание завоевать участок мира Реки, править им и расширять свои владения настолько, насколько позволят ему его оружие и ум. И он никогда больше не нападал ни на человека, ни на целое государство. Он бился только ради самозащиты, хотя и весьма свирепо.

Его тело и душа всегда тянули его вверх по Реке. Однажды, как он хвастал, он доберется до моря у Северного Полюса и пойдет на приступ огромной башни, которая, как говорили многие, там стоит. И он возьмет за горло обитателей башни, заставляя их признаться, кто они, почему сотворили эту планету и Реку, как воскресили всех земных мертвецов и перенесли сюда, и почему это сделали.

Эта клятва дает повод считать его простаком. Во многих отношениях так и есть. Но он — не просто жестокий, кровожадный и охочий до грабежей дикарь. Он крайне проницателен, весьма любопытен и очень наблюдателен, особенно

касательно тех, кто проповедует веру в богов. Он когда-то был языческим жрецом и чародеем у себя дома, и теперь скептически относится ко всем религиям. Незадолго до конца жизни, когда он был королем в Дублине, его обратили в христианство. Он согласился просто на всякий случай — а вдруг эта вера окажется истинной. Ведь он ничего не проиграл бы.

Он умер в 873 г. Р. Х. После воскресения, став снова юношей на берегу Реки он отверг крест и стал агностиком, хотя упорно призывает Одина и Тора, когда ему приходится жарко. Привычки — дело упрямое. Иногда случается умереть не раз и не два, прежде чем отомрет привычка. То может быть одним из посланий Мира Реки.

Натура Ивара определенным образом изменилась. Теперь вместо мощи воителя и государя он возжаждал мощи знания истины. Шаг вперед, да. Но — недостаточный. Как он собирался применить свои знания? Я подозревал, что для него может быть великим искушением заполучить знание, вырвав его у владык этого мира, если такое вообще получится, исключительно себе на благо. Он желал истины, но не Истины.

И еще был Эндрю Дэвис, американский врач, остео- и невропатолог. Он умер в 1919 г. Р. Х. Но

пробуждение у Реки, хотя и смутило его, не заставило отвергнуть его фундаменталистскую Церковь Христову. Как и многие верующие, он прибег к обоснованию, что Мир Реки — место испытания для тех, кто причисляет себя к христианам, предусмотренное промыслом Божиим. И то, что о нем не упоминается в Библии, лишь новое доказательство неисповедимости путей Господних. Когда он услышал молву, что некая женщина зачала и родила мальчика, он поверил, что это вновь родился Сын Божий. И пустился вверх по Реке, чтобы отыскать женщину и ребенка.

Несколько лет назад он встретил человека, который знал Иисуса на Земле. Этот человек поведал Дэвису, будто снова встретил Христа на берегу Реки. И свидетельствовал о казни Иисуса христианскими фанатиками. И признал тогда Дэвис, что этот Иисус был еще одним безумцем, который вообразил себя Мессией? Нет! Дэвис сказал, что свидетель солгал. Он был орудием Дьявола. Полагаю, вполне возможно, что где-нибудь в этом мире у женщины случилась ложная беременность. И что рассказ об этом исказился за много лет, распространившись на много миллионов миль. Результат: молва утверждает,

будто женщина родила в мире, где все мужчины и женщины бесплодны. И, разумеется, ее дитя — сам Спаситель.

Так Дэвис отправился с Иваром в его лодке, а я остался. Дэвиса не больно-то увлекало путешествие к предполагаемой башне среди предполагаемого Северного Полярного Моря. Он надеялся, жаждал найти Сына Девы где-нибудь к северу отсюда, и броситься в благоговении к ногам сына. Которому теперь должно быть, приблизительно, тридцать лет — если он существует. А это, безусловно, не так.

После того, как Ивар и его люди отплыли, прошло семь лет. За это время я повстречал множество десятков групп мужчин и женщин, которые пробирались вверх по Реке, чтобы штурмовать башню. То были страстные искатели истины, за что я их уважаю. Один из них был мужчина, утверждавший, что он араб. Но кое-кто из его спутников говорил, и я нашел этому подтверждение, что он в действительности был англичанином, который жил в девятнадцатом веке. Более или менее мой современник. Его фамилия была Бартон, в свое время он пользовался известностью, примечательная личность, автор многих книг, говоривший на многих языках,

сильный фехтовальщик, легендарный исследователь многих стран в Африке и кое-где еще. Его спутники сказали, что он случайно пробудился в палате предвоскрешения, созданной теми же таинственными существами, которые сотворили и планету. Они опять усыпили его., но ему с тех пор опять доводилось встречаться с ними, и они его разыскивали. С какой целью, не знаю.

Подозреваю, что эта история — одна из множества занимательных баек, которыми полнится Мир Реки. Если кто-либо сможет добраться до башни, одолев множество неодолимых на вид препятствий и схватить владельцев башни за горло, то у него бы это вышло. По крайней мере, такое впечатление он на меня произвел. Но он уплыл вверх по Реке, и больше я о нем ничего не слышал. Другие искатели последовали за ним.

Все это время я был учеником Рабиа, арабской женщины, которая жила с 717 по 801 гг. Р. Х. Она родилась в Басре, городе на Шатт-аль-Араб, реке, рождающейся у слияния Тигра и Евфрата. То была территория древней Месопотамии, где некогда возникла цивилизация Шумеров, за которой последовали Аккадская, Вавилонская и Ассирийская, и многие другие, которые возникали и рушились, и покрывались прахом. Родной город

моей наставницы, Басра, находился недалеко от Багдада, которые, как мне говорили, был столицей мусульманского государства, называемого Ирак, в середине двадцатого века. Рабиа была суфием, и пользовалась известностью в мусульманском мире в свое время и позднее. Суфии — это мусульманские мистики, чей нетрадиционный подход к религии часто навлекал на них преследования правоверных. Это меня не удивило. Повсюду на Земле догматики ненавидели тех, кто ищет, и здесь, в Мире Реки, ничего не изменилось. Не так уж странно и то, что после смерти суфии часто становились святыми для правоверных, когда больше не казались опасными. Рабиа открыла мне, что довольно долго существовали иудейские и христианские суфии, хотя и немногочисленные, и что они приняты как равные суфиями-мусульманами. Любой, кто верует в Единого Бога, может стать суфием. К атеистам взывать не стоит. Но есть и другие требования к суфиям, и они очень суровы. Также, в отличие от догматиков, мусульманские суфии искренне веруют в равенство мужчин и женщин, что для догматиков неприемлемо.

Многие мои друзья из Парижа конца XIX — начала XX века (Аполлинер, Руссо, Соти и многие

другие, имя им легион и они — легенда, великие поэты, писатели, живописцы, порвавшие с догматизмом во имя будущего, где они теперь?) скривились бы или с презрением расхохотались бы, если бы узнали, что я стремлюсь сделаться суфием. Иногда я и сам над собой смеюсь. Кто лучше пригоден для такого?

Рабиа говорит, что она шествовала по Тропе ввысь, пока не познала предельный экстаз при виде Славы Божией. Возможно, и я на это способен. Гарантий нет. Она — моя наставница, но лишь я сам через свои собственные усилия могу достичь того, чего достигла она. Это совершали и другие, пусть совсем немногие. А затем она добавляет, что мои устремления могут оказаться тщетными. Бог избирает тех, кому дано постичь Путь, Тропу, Истину. Если я не избранный, tant pis, je suis dans un de ces merdiers, quel con, le bon Dieu![55]

Почему я, Альфред Жарри, некогда называвший себя Доктор Фаустролл, сатирик, издевавшийся над лицемерами, филистерами, ортодоксами и самоослепленными глупцами, разоблачитель и преследователь прочих, мертвых душой, твер-

---

[55] Примечания: 55

Тем хуже, значит, я в полном дерьме, какая же зараза этот боженька! *(франц.)*

долобых, увязших в болоте истово верующих… почему я теперь взыскую Бога и желаю трудиться так, как никогда доселе не трудился, чтобы стать рабом Божиим, не говоря уже о покорности Рабиа? Почему я это делаю?

Есть много объяснений, в основном — психологических. Но психология никогда и ничего не объясняет удовлетворительно. Я наслушался о Рабиа в течение некоторого времени и пошел послушать ее саму. Я всегда изучал и портретировал абсурд, и не желал упустить тот особый род абсурда, который представляла собой она… Я думал поболтаться на краю толпы ее учеников, жаждущих знаний и праздно любопытствующих. То, что она говорила, не казалось отличным от того, что проповедовали другие представители многих вероисповеданий. Разговоры о Пути и о Тропе — дешевка, различаются лишь имена основателей сект да их последователей.

Но эта женщина, казалось, излучала нечто такое, чего я никогда не подмечал в других. И в ее словах мне почудился смысл, даже если они были, согласно логике, абсурдны. А затем она бросила на меня взгляд краем глаза. И словно ударила молния, и объединились позитивные и негативные ионы. Я увидел нечто неопредели-

мое, но магнетическое в этих черных оленьих глазах.

Короче, я выслушал ее внимательно, а затем поговорил с ней, и пришел к убеждению, что то, о чем она говорит — крайний абсурд. Но «Верую, ибо абсурдно». Это изречение не выдерживает логического анализа. Но, вообще-то, оно для такового и не предназначалось. Оно взывает к духу, а не к разуму. В нем есть тонкий смысл, уловить который не легче, нежели винные пары. Нос обоняет их, а рука удержать не может.

Далее — метод обучения, следовать которому требует от посвященных наставник-суфий. Его предназначение — вести учеников вверх физически, умственно и духовно. Часть его — ничто не считать само собой разумеющимся, просто потому, что так принято. Су фи никогда не верит в то, что «всякий знает», «говорят, что…» Я и сам такое отверг, но метод оценки суфиев отличен от моего. Я подчеркивал несообразности. Они прививают посвященным привычку оглядывать любую вещь со всех сторон, а также учить непосвященных, если это возможно. Я никогда не верил, что моя сатирическая поэзия, романы, пьесы и живопись просветят хотя бы одного-единственного филистера. Я взывал лишь к умам

тех, кто уже был со мной согласен.

Итак, под руководством Рабиа я продвигался все дальше, хотя и не очень скоро. Я служил ей и физически, обязанный приносить одно и уносить другое, во всякий момент бодрствования ожидающий приказа. К счастью, она любила рыбачить, и мы много часов предавались этому столь милому мне занятию. Я служил также ей духовно, слушая ее рассуждения и замечания о наблюдениях, раздумывая о них, отвечая на ее бесчисленные вопросы, предназначенные для проверки того, насколько я понимаю ее наставления и насколько двигаюсь вперед. И служба моя должна была продолжаться, пока я ее не покину или, пока, как и она, достигнув высокой степени совершенства, не запылаю экстатическим пламенем Единого.

С другой стороны, а что еще важного я совершил?

Когда Рабиа услышала это мое замечание, она упрекнула меня:

— В жизни есть место веселью, но слишком часто оно указывает на легкомысленный ум и недостаток чувства ответственности, — заметила она, — а это — существенное нарушение в характере. Или боязнь того, над чем смеются. Помедитируй над этим. — Сделала паузу, затем

добавила. — Думаю, ты веришь, что можешь добиться того, что увидишь Единого моими глазами. Но я — только учитель. Ты один способен найти Путь.

И немного спустя после этого она решила вскарабкаться на вершину монолита. Здесь, если вершина окажется необитаемой, она хотела остаться надолго. Она предполагала взять с собой троих из своих учеников, если те пожелают ее сопровождать.

— И как долго, о сосуд внутреннего света, мы там пробудем? — спросил я.

— Сперва пусть наши волосы отрастут настолько, что достанут до икр, — отвечала она. — Затем мы острижем их наголо. И когда, после множества стрижек, мы накопим достаточно волос, чтобы сделать из них веревку, которой хватило бы, чтобы спуститься сверху на землю, тогда мы покинем монолит.

Срок показался долгим, но четверо из ее учеников заявили, что последуют за ней. Я был одним из них. Гаворник, чех из шестнадцатого века, колебался. Он признался, что, как и те, кто отказался с ней идти, боялся лезть наверх. Но в конце концов сказал, что попытается преодолеть недостаток храбрости. Он пожалел об этом решении

по дороге наверх, поскольку мог пользоваться только пальцами рук и ног, чтобы цепляться за выступы, впадины и неровности скалы, а многие из них были совсем маленькими. Но он добрался до вершины. И там улегся и дрожал в течение часа, прежде чем обрел достаточно сил, чтобы встать. Гаворник был единственным, кто боялся. Но и он победил свой страх. Таким образом, он оказался самым храбрым среди нас. Хотел бы я, чтобы он с такой же храбростью выбрался из своего Я, с какой вскарабкался на скалу. Впрямь я ли этого желаю? В конце концов, он мог бы избавить меня от моего Я.

Через три дня после того, как мы попали на вершину, я нашел Артефакт. Я шел к небольшому озерцу порыбачить, когда увидел что-то, торчащее из грязи у корней большого куста. Не знаю уж, как я его различил, ибо оно было запятнано грязью и лишь слегка выступало наружу. Но я отличался любознательностью и подошел к нему. Склонившись поближе, я разглядел, что верхушка у него в форме луковицы. Коснулся. Твердая, как металл. Поковырявшись в мягкой земле вокруг, я вытащил нечто, сделанное человеком. Или кем-то разумным, в любом случае. Это был цилиндр около фута в длину и три дюйма

в диаметре. И на каждом конце — луковица в натуральную величину.

Крайне взволнованный, я отмыл его в ручейке. То был черный металл — и никаких кнопок, панелек, реостатов или чего там еще. У меня, конечно, не имелось ни малейшего понятия, кто создал эту штуку, и что она может, и почему ее оставили или потеряли на этой почти неприступной скале. В тот день я позабыл о рыбалке.

После того, как в течение часов ощупывал находку, вертел ее в руках, стискивал и так далее, надеясь отыскать способ ее активировать или открыть секцию, где окажется пульт управления, я отнес ее к Рабиа и остальным. Рабиа выслушала меня, затем сказала:

— Ее могли оставить здесь случайно создатели этого мира. Если так, они не боги, вопреки предположениям многих. Они — люди вроде нас, хотя могут отличаться строением тела. Или, возможно, эта вещь была оставлена здесь с некоей целью, входящей в их план. Неважно, кто ее сделал и для чего она предназначена. Это не имеет никакого отношения ко мне или к вам. Это может быть лишь задержкой, препятствием, камнем преткновения на Тропе.

Меня ошеломило столь явное отсутствие на-

учного любопытства — или какого-либо иного. Но, по размышлении, я признал, что наставница по-своему права. К несчастью, я всегда слишком интересовался математикой, физикой и технологией. Я не хвастаюсь (хотя, почему бы и нет?), но я весьма поднаторел в этих отраслях науки. Фактически, я однажды спроектировал машину времени, в отношении которой множество народу почти убедилось, что она будет действовать. Почти, повторяю. Никто, включая меня, никогда не построил ее, чтобы проверить здравость идеи. Потому что путешествия во времени представлялись невозможными в соответствии с наукой тех дней. Порой я задумываюсь, а не следовало ли мне все-таки ее построить. Возможно, путешествия во времени невозможны большей частью. Но не исключено существование моментов, когда они весьма возможны. Я патафизик, а патафизика, помимо всего прочего — наука об исключительном.

Рабиа не приказала мне избавиться от Артефакта и забыть о нем. Как ее ученик, я обязан повиноваться ей, хочется мне этого или нет. Но она достаточно хорошо знала меня, чтобы догадываться, что мне нужно поэкспериментировать, пока я не оставлю попытки определить назначе-

ние этого предмета. И возможно, она надеялась преподать мне важный урок вследствие моей готовности на время уклониться с Тропы.

На третий день после того, как я нашел таинственную вещь, я сидел на ветке большого дуба и рассматривал эту штуку. И тут услышал голос. Женский голос, говоривший на языке, которого я не знал и никогда прежде не слышал. И он исходил из одной из луковиц на концах цилиндра. Меня это настолько напугало, что я замер на несколько секунд. Затем приложил конец к своему уху. Тридцать секунд спустя лепет прекратился. Но затем из луковицы на другом конце заговорил мужчина.

Когда он умолк, зеленый луч, достаточно яркий, чтобы увидеть его днем, вырвался наружу. Но он угас в четырех футах от своего источника, луковицы. И, угаснув, породил в воздухе картинку. Движущуюся картинку. Там ходили и разговаривали, вполне различимо, трехмерные персонажи. Всего действовало трое, и все — красавцы: монгольский по типу мужчина, индоевропейская женщина и женщина-негритянка, все — в тонких одеждах, наподобие древнегреческих. Они сидели за столиком с выгнутыми ножками, которым резьбой было придано сходство с животными,

неизвестными земной зоологии. Они оживленно беседовали друг с другом и, то и дело, говорили что-то в приборы, в точности такие же, как и тот, что у меня в руке. Затем их образы растаяли в свете солнца. Я попытался вернуть их, повторяя последовательность нажатия пальцев на цилиндр, после которой они появились. Ничего не произошло. И не ранее, чем ночью трое суток спустя я оказался способен активизировать этот прибор. На этот раз образы были не ярче. Очевидно, прибор автоматически приспосабливался к избыточному освещению. Изображение представляло собой какое-то место на Реке и, похоже, там стоял день. Обычные мужчины и женщины в полотенцах удили рыбу и беседовали. Говорили они на эсперанто. За Рекой виднелись круглые бамбуковые хижины с тростниковыми кровлями и множество народу. Ничто не представляло особого интереса. Разве что один из мужчин выглядел поразительно похоже на мужчину в проекции первого эпизода, встречи за столом.

Из этого я сделал вывод, что творцы Мира Реки, а у меня не оставалось сомнений, что это и есть его творцы, разгуливают среди обитателей Речных берегов, замаскированные под таковых. Какая-нибудь машина, сделавшая эту запись,

должна быть установлена в валуне или в одном из несокрушимых и несгораемых железных деревьев, каковые растут здесь повсеместно.

В тот миг, когда проектировалась новая сцена, присутствовали Рабиа и Гаворник. Она заинтересовалась, но сказала:

— Это не имеет с нами ничего общего.

Однако, Гаворник взволновался, и был немало разочарован, когда картинка угасла. Я позволил ему попытаться реактивировать прибор после того, как не справился сам. Он тоже не справился.

— Должен быть какой-то способ им управлять, — сказал я. — Я установлю, каков он, если даже сотру его пальцами, нажимая то здесь, то там.

Рабиа нахмурилась, затем улыбнулась и заявила:

— Это можно до тех пор, пока твоя игрушка не мешает тебе шествовать по Тропе. Не вредно получить немного удовольствия, если по существу оставаться серьезным.

— Любое удовольствие по существу своему серьезно, — заметил я.

Она задумалась на миг, затем улыбнулась и кивнула.

Но я стал одержим возней с Артефактом. Когда

следовало сосредотачиваться на словах Рабиа, я думал о приборе. Когда я только мог, я удалялся на дерево или усаживался на ободке монолита. И пережил моменты, когда казалось, будто я на краю того, что написал на Земле о боге. То была формула, к которой я пришел. Ноль равен бесконечности. Формула Бога и, порой, как казалось, моя душа, если она у меня вообще имелась, избавлялась от бренной плоти. Я был близок к тому, чтобы осознать всем существом истину, таящуюся за моим уравнением. Я почти что сорвал маску с Реальности.

Когда я поделился этим с наставницей, она сказала:

— Бог — это математическое уравнение, но Бог — это также и все что угодно другое, хотя Дух отделен от Самости.

— Я не могу увидеть больше смысла в том, что говоришь ты, чем в том, что сказал я, — ответил я.

Она только заметила:

— Возможно, ты приближаешься к Единому. Но не с помощью этой игрушки. Не принимай ее за свой Путь.

В ту ночь, пока остальные спали, я сидел на ободке и наблюдал за кострами далеко внизу.

Люди сидели или плясали вокруг огня, или же падали спьяну на землю. И тогда я стал думать о годах, прожитых в прежнем мире и здесь, и проникся к этим людям жалостью, смешанной с отчаянием. А также к себе и своей Самости.

Я написал множество пьес, рассказов и стихов о тупицах, лицемерах, дикарях, глупцах и об эксплуататорах жалких и обреченных масс. Я насмехался надо всеми, над хозяевами и массами, с их пороками и низким интеллектом. И все же была ли в том их вина? Не родились ли они, чтобы сделаться тем, чем стали? Не действовал ли каждый из них в соответствии с тем, чего не мог превзойти? Или, если немногие обладали чутьем и склонностью к озарениям, и храбростью действовать, полагаясь на них, разве и они не родились для этого?

Так можно ли просто восхвалять или осуждать любого из нас? Те, кто, казалось бы, подняли себя за шнурки своих ботинок на более высокий уровень, сделали это лишь потому, что их врожденные качества сотворили их судьбы. Они не заслуживают ни порицания, ни хвалы.

Мне показалось, что нет такой вещи, как изначально свободная воля.

Так, если я тоже достигну экстаза и блаженства,

как Рабиа, то лишь потому, что меня ведет наследие моей плоти. И потому что я достаточно долго проживу. С чего бы Рабиа или меня следовало вознаградить, если Бог, так сказать, пожелал этого? И есть ли в этом честность или справедливость? Эти ничтожества и пошляки, скачущие внизу, не могут быть ничем иным. Не можем и мы с Рабиа претендовать на превосходство в добродетели. Где же тогда честность и справедливость?

Рабиа сказала бы мне, что на все есть Божья воля. Однажды, если я достигну определенного уровня духовного развития, я постигну Его волю. Если нет, значит, мне назначена участь одного из тех ничтожеств, коими прежде полнилась Земля, а ныне полнится Мир Реки. С другой стороны, наставница часто говаривала, что все из нас способны достичь единения с Богом. Если Он этого желает.

В этот миг мои суетливые действия с прибором, кажется, активизировали его. Зеленые лучи вылетели из обеих луковиц, изогнулись — нет, то не мог быть настоящий свет — и встретились в двенадцати футах от меня. И в точке соединения возникло мужское лицо. Оно было огромным и хмурым, и зазвучали слова, которые казались угрожающими. Несколько минут спустя, в то

время как я сидел, не двигаясь, словно загипнотизированный доктором Месмером, эту тираду прервал женский голос. Он был приятный и ласковый, но, тем не менее, полный силы. Еще несколько минут спустя разгневанное лицо стало мягче. И вскоре уже улыбалось. А затем передача прекратилась.

Я вздохнул и задумался. Что это значило? Имеет ли оно какой-то особый смысл для меня? И если да, то почему?

Меня вывел из задумчивости голос Рабиа. Я обернулся и встал, глядя ей в лицо. Оно выглядело суровым в ярком звездном свете. Гаворник стоял позади нее.

— Я видела и слышала, — сказала она. — И теперь понимаю, куда это тебя ведет. Ты размышляешь о разгадке тайны, связанной с этой машиной вместо того, чтобы приобщаться к Тайне, данной Богом. Это никуда не годится. Для тебя настало время выбирать между Сотворенным и Творцом. Пора!

Я колебался долгое время, а она стояла без всякого движения в теле или на лице. И наконец, я протянул ей прибор. Она взяла его и передала Гаворнику.

— Возьми это и погреби там, где он не найдет, —

распорядилась она. — В этом нет для нас никакой ценности.

— Я этим немедленно займусь, наставница, — сказал чех. Он исчез в кустах. Но на рассвете, когда я гулял вдоль ободка, усталый от бессонницы и недоумевающий, вполне ли правильно поступил, я увидел Гаворника. Он спускался вниз по расселине в камне, через которую мы вступили некогда в этот маленький мир над миром. Его грааль был привязан к спине. Артефакт покачивался у него на груди на конце волосяной веревки, обвивавшей его шею.

— Гаворник! — крикнул я. Я подбежал к краю ободка и поглядел вниз. Чех был не очень далеко от меня. Он поглядел вверх, огромными и одурелыми глазами и ухмыльнулся.

— Поднимайся обратно! — прокричал я. — Или я сброшу на тебя камень!

— Нет, не сбросишь! — проорал он. — Ты выбрал Бога! А я выбрал эту машинку! Она настоящая! Она твердая, имеет практическую ценность и может дать ответы на мои вопросы, в отличие от воображаемого существа, в подлинности которого меня на время убедила Рабиа! Для тебя это никчемная игрушка, так не все ли тебе равно? Или ты передумал?

Я колебался. Я мог последовать за ним вниз и там вырвать у него прибор. Я жаждал этого; меня сокрушало чувство утраты. Я слишком поспешил накануне, слишком благоговел от присутствия Рабиа, чтобы думать ясно.

И вот я стоял, глядя вниз на него и на Артефакт, долго-долго. Если я попытаюсь отнять у него машинку, возможно, мне придется его убить. А затем окажусь среди многих, которые могут пожелать завладеть машинкой и убить меня, чтобы ее заполучить, если повезет.

Несколько раз Рабиа говорила нам:

— Убивать ради вещественных благ или во имя идеи — это зло. Это уводит с Пути.

Я боролся с собой, подобно тому, как боролся Иаков с ангелом у подножия Лестницы. То была не спортивная схватка, а суровая и отчаянная борьба.

И затем я прокричал вниз Гаворнику:

— Ты пожалеешь о своем выборе. Но я желаю тебе удачи, желаю найти ответы на твои вопросы! Это не мои вопросы!

Я обернулся и вздрогнул. Рабиа стояла в десяти футах позади меня. Она не сказала ни слова, поскольку не хотела влиять на события. Я, я один должен был сделать выбор.

Я ожидал от нее похвалы, но она произнесла лишь одно:

— У нас много работы, — обернулась и зашагала к лагерю. Я последовал за ней.

Фармер Ф.

Ф24 Легенды Мира Реки. Тайны Мира Реки: Рассказы / Ф. Фармер; Пер. с англ. Г. Усовой, Т. Усовой; Худож. М. Калинкин. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 652, [4] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-012000-1

Добро пожаловать в Мир Реки!

В мир самой увлекательной и самой своеобразной саги за всю историю приключенческой научной фантастики!

Добро пожаловать в Мир Реки!

В мир, порожденный полетом воображения первого Великого мастера фантастики нового тысячелетия — Филипа Хосе Фармера!

В мир странной планеты, опоясанной миллиономильной Рекой. Рекой, на берегах которой загадочные «творцы» создали «искусственный рай». «Рай», в котором возрождаются ВСЕ люди, жившие когда-то на Земле. Возрождаются на берегах Великой Реки...

ISBN 5-17-012000-1

9 785170 120000